ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 4

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

роман

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ

повесть

ВСАДНИКИ

повесть

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1993

ББК 84.Р7
Г 61

Иллюстрации **А. ЛАВРОВА**

Обложка **И. ФОКИНА**

На фарзацах — авторские работы
В. ГОЛОВАЧЕВА

Головачев В.

Г 61 Избранные произведения. Т. 4. Особый контроль. Заповедник смерти. Всадники: Фантастические роман и повести.— Нижний Новгород: Флокс, 1993.— 496 с.: ил.

ISBN 5-87198-041-4

В четвертый том собрания сочинений Василия Головачева включены роман «Особый контроль», который входит в цикл фантастических приключений в космосе и на Земле, повесть «Заповедник смерти», затрагивающая проблемы нравственности научных исследований; повесть «Всадники», являющаяся продолжением повести «Калиюга».

Произведения написаны в яркой, увлекательной манере, насыщены острыми эпизодами, героическими характерами, имеют гуманистическую направленность.

Г $\frac{4702010201—012}{Д40(03)—93}$ без объявл. **ББК 84.Р7**

ISBN 5-87198-041-4

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1993

Как долго по дороге я иду!
А все еще я около себя.

Г. Седельников

Глава 1. ИГРА

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Странным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем — безнадежность. Может быть, темнота гляз скрывала и боль ее, и слезы, но слова были резкими, твердыми и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение в воздухе и повеяло холодом... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче — он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит,— чтобы тяжесть вины — да и была ли она виновата? — легла на двоих:

— Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика облегченно вздохнула, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виноватым движением. И было в этом жесте то, чего больше всего не понимал Филипп, — неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенностью веяло от всей ее отрывочной речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, десятки ссор и примирений с помощью друзей — оба упрямы и горды,— и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

— Прости,— сказал он, с трудом шевеля губами.— Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне, наконец, это что, так серьезно?

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем и эта агония их любви, которой он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

— Я тебя всегда понимал с трудом,— продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь.— Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс — я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, став-

шее вдруг чужим и далеким, и рывком выбросил свое сильное тело из кресла.

— Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прошагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил в груди странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, стена там выросла, толстая стена из двух слов: «Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!!» Когда она успела? И кто он, покоривший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда — человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепроектора, перебирая на груди пухленькие пальчики. Метровый куб проектора был заткан цветами, и в его глубине в раствор стационарной ТФ[1]-антенны было вписано лицо Аларики.

— Извините,— пробормотал Филипп, стирая изображение.— Задумался...

Травицкий грустно покивал.

— Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

— Финал Кубка континентов,— сказал Филипп, не поднимая глаз.

Зачем я только пришел сюда сегодня, подумал он, все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомоделистов я должен сейчас думать только об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...

---

[1] ТФ — тайм-фаг — система мгновенной транспортации материи *(здесь и далее примечания автора)*.

— Иди отдыхай,— посоветовал Травицкий.— Эту конструкцию,— он кивнул на пустой объем мыслепроектора,— списываю только за счет твоего волнения. На твоем месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Филипп.

— Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречавшееся...

— По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

— Так обрати.— Травицкий кивнул, погрустнев еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, вырастивший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове «спорт». Как их совместить — работу в Институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

— Проблема! — пробормотал Филипп, пряча эмкан в нишу под пультом. Что хотел сказать Кирилл? Что он подозревал под словами «необычные явления»? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

...Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой, все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босому по битому стеклу, но он прошагал пустым коридором до метро[1] медцентра Дальнего Востока, где Аларика работала врачом-универсалистом скорой помощи, мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и — всем корпусом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он перенесся на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй станции метро Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и потому бесповоротным. Прямо

---

[1] Метро — «мгновенный транспорт», возврат термина одного из самых массовых видов транспорта в XX—XXI вв.

со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И — грудью о камни! пальцы в кровь! — неслышимый крик всего тела, всю мощь и ловкость и реакцию в едином порыве — на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал:

— Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... Солнце ушло за изломанную черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры соседних конструкторских комбайнов — сотрудники лаборатории давно закончили работу и комбайны на время осиротели.

Память... память — единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону — от прошедшего. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем своим приобретенным опытом и умением, сделать все по-другому, иначе, лучше и правильней...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел он выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

Шутки Угловского, подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак «динго»[1], или наве-

---

[1] «Динго» — динамическая голография — генератор голографических изображений, способных двигаться.

денная галлюцинация, и в том, и в другом случае я ничем не рискую. Ну, погоди, шутник!

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник «зеркала», пробил телом неощутимую поверхность (точно, «динго»), но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! «Зеркало» странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел вглубь комнаты! Интересное «динго» получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Травицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так примитивно...

Упрямство не являлось фамильной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности «зеркала» по «выворачиванию наизнанку». Неощутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины,— если посмотреть сбоку,— невозмутимо разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны — с тем же результатом, «перевертыш» действовал одинаково, как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался начать поиски «шутника», «зеркало» внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не поверил глазам. Его наручный видео показывал десять минут пятого, в окно только что лился послеполуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с «зеркалом», что не заметил, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд.

— Чушь какая-то! — вслух сказал Филипп и подумал: «Если только «зеркало» не обладает свойствами замедлять течение времени... Неужели научились создавать такие «динго»?»

С этой мыслью Филипп наконец-то выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с «зеркалом», посадил пинасс [1] в парке у центрального спортив-

[1] Здесь и далее названия транспортных средств соответствуют названиям морских судов XV—XVIII вв.

ного комплекса «Россия», почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи команд сборных Солнечной системы игровых видов спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса.

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских Равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

Потолок комнаты отсутствовал — такой сильной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие бесформенные внешне кресла походили на клубы облаков.

Его встретили хором шутливых замечаний и упреков. Филипп быстро огляделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем, обычная «предстартовая лихорадка», или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, «мандраж».

— Точен, как бог времени,— похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец.— Я поспорил, что ты придешь последним, и выиграл.

— Что наша жизнь — игра! — с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов.— Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль — впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному — к выходу на игровую площадку, и неважно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или, наоборот, из-за чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугой удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

Солинд появился незаметно. Он стоял и хмуро смотрел на резвящихся спортсменов, покусывая травинку, ждал, пока все угомонятся. Потом сказал негромко:

— Сейчас там встречаются японцы и сборная Европы. Счет по партиям два — один.

— Японцы? — осведомился Павлов.

— Что японцы? — поинтересовался Солинд.

Все засмеялись.

— Ну, выигрывают?

— Нет.

Наступила тишина. Павлов присвистнул:

— Это как же понимать?

— А вот так.— Солинд вырастил бутон кресла и сел к ним лицом.— Европейцы в ударе. Зденек Рослонец простреливает блок чуть ли не под любым углом. Японцы ничего не могут с ним поделать. И хотя вы у Европы выиграли, сегодня вам пришлось бы туго, друзья мои.

— Почему? — удивился Павлов, круглолицый, наивный, как пятилетний карапуз, в перерывах между играми, хитрый и мудрый, как змей Кецалькоатль, во время игры.— Разве мы играли плохо?

Солинд в задумчивости подергал себя за мочку уха.

— Вы играли хорошо, но слишком уверенно. Сегодня так играть вам не дадут. Поняли меня? Ну, хорошо. Готовы? Сейчас массаж, потом разминка в полформы. В стартовой шестерке пойдут Ивар, Виталий, Сергей, Филипп...

Зал был полон, несмотря на то, что встречи розыгрыша Кубка континентов по волейболу транслировало центральное интервидение Земли по всей Системе. У Филиппа вдруг вспотели ладони, и он машинально вытер их о майку. Оглядывая передние ряды болельщиков, он неожиданно встретил взгляд девушки, с интересом разглядывающей площадку и игроков. Девушка многим напоминала Аларику... впрочем, это же она сама! Здесь?! В зале?!

Сердце прыгнуло вниз, волна жаркой крови удирала в лицо... Какими судьбами Аларика, всегда относившаяся к волейболу, к спорту вообще с предубеждением, оказалась в зале на соревнованиях? Аларика... тот же нежный овал смуглого тонкого лица, изгиб бровей, четкий рисунок губ...

Филипп смотрел на нее всего несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы воскресить в памяти прошлые встречи. Оказывается, он и в самом деле не властен над резцом сердца, вырубившим на каменной скале памяти образ Аларики...

— Идите сюда,— позвал Солинд, подходя к краю площадки.— Что оглядываешься, Ромашин? Учтите, прошлая жизнь осталась вот за этой чертой. И не спасут вас от поражения ни рост, ни реакция, ни прочие совершенства, если вы не способны отключаться, уразумели?

Филипп покосился на Аларику, разминая кисти рук, словно это было главным делом жизни, подумал: кто же это с ней? Муж? И где, слева или справа? Белобрысого я никогда не видел, а второй как будто знаком... Впрочем, какое мне дело до нее и ее внезапного интереса к волейболу?

— Играете первый вариант,— продолжал тренер, вглядываясь в спокойные и уверенные лица. Он знал своих игроков, наверное, больше, чем они сами; знал их бойцовские качества, физические, психологические и человеческие, знал давно и верил, что они сделают все для победы. Но для этого их надо было чуть-чуть разозлить,

вернее, расшевелить: самолюбие у классных игроков тоже много значит.

— Помните, что будущие неудачи...— Солинд помолчал и будто нехотя добавил,— не уравновешиваются прошлыми успехами.

Филипп с любопытством посмотрел на тренера. Тот как будто нарочно делал вид, что сомневается в успехе, и в то же время можно было понять, что он вызывает их на спор, поддразнивает. А может быть... может, он и в самом деле сомневается?

Запела сирена, команды построились у лицевых линий площадок.

— Финальная встреча по волейболу на Кубок континентов! — прозвучал в зале голос судьи-информатора.— Встречаются сборные команды Северной Америки и Русских Равнин.

— Ну, орлы! — пробормотал Гладышев, когда команды обменялись приветствиями и была разыграна подача.— Наша площадка. Остаемся?

— Остаемся,— быстро сказал Филипп. Аларика сидела напротив их площадки.

— В четвертом номере у них Кристо,— заметил Павлов.— Ему нужен, как минимум, двойной блок и аут-контроль.

— В третьей зоне я возьму его в аут-контроле,— сказал Филипп.— А Паша пусть следит за Иваром в блоке. Первая же передача со второго темпа — на «антенну», полупрострел.

— Не спеши срывать аплодисменты,— сказал мрачноватый Панченко.— Кристо — не Паша, его одним блоком не возьмешь. Во втором номере у них согласующий Рамиро Менендес, вдвоем с Кристо они тебя съедят с майкой.

— Я, конечно, не Кристо,— обиделся Павлов,— но подстрахую в блоке не хуже Рамиро.

Филипп ободряюще хлопнул его по спине и несколько раз высоко подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Автомат уже включил игровое поле: все игры команд высших классов проходили при силе тяжести, равной ноль девяносто двум сотым земной. Северо Пальме дель Кристо, уроженец Кубы, а также капитан ее сборной команды, играющей в высшей лиге Северной Америки, тоже сделал несколько прыжков и приседаний на своей половине площадки и приветственно помахал рукой. Он выглядел спокойным и улыбчивым, но Филипп отлично знал: в игре Кристо становился неистовым и страстным, как черный ураган. Справиться с ним в блоке было действительно нелегко.

Раздался свисток. Разминка — три минуты. Затем первый сет.

И с первых же секунд у игроков сборной Русских Равнин «не пошла» игра. Сначала Павлов, то ли расстроившийся от неосторожной шутки Панченко, то ли по другой причине неудачно принял мяч, потом Сергей Никитин не довел его до Филиппа, и тот, тоже с трудом, перебросил мяч через сетку. Американцы — Рамиро,

Кристо и Джон Констебл — тут же разыграли комбинацию «рапира», и Кристо со взлета на первом темпе пробил мяч под руки не успевшего с блоком Гладышева.

Один — ноль.

Второй мяч они снова проиграли. И третий. И хотя Филипп в этом виноват не был, он почувствовал смутное недовольство собой, хорошее настроение ушло. С точки зрения организации матча все было проделано безукоризненно: мягкое, рассеянное освещение площадок поляризованным солнечным светом, почти не дающим теней, не раздражало глаз; рельефная сетка ни на миллиметр не была выше стандартных двух метров семидесяти восьми сантиметров, растянутая между невидимыми силовыми столбиками; тугой белый мяч олицетворял мечту любого волейболиста; упругий кситановый пол мгновенно впитывал любую пролитую жидкость... Но все же что-то было не так, какая-то мелочь, регистрируемая пока только подсознанием. Может быть, мешают фасеточные «глаза» кибер-судей? Он никогда не замечал их раньше... Что же тогда?

— За спину со второго! — бросил Филипп согласующему и... пробил в блок.

Солинд, с виду рассеянный и равнодушный, покусывал вечную травинку, подумывал — не взять ли минутный перерыв. Игра у ребят явно не заладилась. А у американцев получалась почти любая комбинация, любой удар. Что ж, бывает, но «минуту» брать рано, прежде надо понять, чего им не хватает. Главное, понять самому, ребятам в игре сделать это трудней.

Первый сет они проиграли со счетом пятнадцать — одиннадцать.

Зал шумел. Филипп искоса посмотрел на трибуну. Аларика смеялась, говорила что-то соседу справа, плотному, молчаливому, с лицом длинным и узким, с жестким в общем-то лицом, сильным. Лет сорок пять — пятьдесят, прикинул Филипп и вдруг понял, что он все еще думает об Аларике, отвлекается, а ее присутствие и есть та заноза, которая мешает играть так, как он может.

Начало второго сета почти ничем не отличается от первого.

Здесь Солинд, боясь, что игроки потеряют уверенность окончательно, взял первый перерыв.

— Вы что?! — негромко, но резко спросил он обступивших игроков, потных, разгоряченных и злых.— Сетка высоковата? Или судьи необъективны? Встряхнитесь! Паша, не делай вид, что играешь в защите, играй по-настоящему. Ивар, поменяй темп, возьми свою игру, стандарт, не выдумывай. Филипп, ты сядь, отдохни, вместо тебя поиграет Игорь. Ивар, только первый вариант, как договаривались, понял? Предложите свою игру, самую простую, ничего больше.

— Замена в команде Русских Равнин,— гулко объявил судья-информатор.— Вместо номера четыре, Филиппа Ромашина, в игру вступает номер девять, Игорь Сосновский.

Филипп сел рядом с Солиндом, прополоскал рот и сделал глоток сока. Тренер, присмотревшись к нему, добродушно улыбнулся.

— Что нос повесил? Потенциально ты на голову выше всех в игре, но не играешь в полную силу. Почему?

Филипп иронически покачал головой.

— Ну и способ ты нашел для подбадривания! Выше всех... Кристо, кстати, игрок сборной Земли. И Рамиро, и Сережа Никитин...

— Ну и что? Слушай, что говорят, и отвечай на вопросы. Где твой прыжок? Это первое. Где точность, чутье паса? Это второе. И третье: ты о чем, собственно, думаешь?

Филипп порозовел, исподлобья оглядел ряды зрителей. Аларика смотрела на него, как ему показалось, с веселым презрением, он вспыхнул до корней волос и разозлился. Черт возьми! Неужто я и в самом деле так «сел»?

— Валентин, сделай обратную замену.

— Рано, посиди немного.

— Ну я прошу!

Солинд прищуренными глазами ощупал лицо Филиппа.

— Ты мне это брось! Выйдешь в третьем сете. Все!

Солинд выпустил его, как и обещал, только в начале третьей партии, злого и жаждущего борьбы.

Филипп поднял руку и перебежал на площадку, подбадриваемый хлопками игроков по ладони. На трибуны зала он уже не смотрел. Сердце забилось сильно и ровно, исчезла скованность, пришло ощущение сказочной удачи, тело стало невесомым и легко управляемым. Он сразу стал видеть игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал подготовиться к приему, найти партнера, принять мяч и дать пас, кому следует. Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый меч», посланный Кристо обманным ударом в угол площадки. Зал ответил аплодисментами, но Филипп их не слышал.

— Второй вариант,— сказал он в спину Гладышева.— Второй, Ивар!

Тот отмахнулся было, потом оглянулся на товарища, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Попробуем второй, ребята.

Павлов сразу же выдал Филиппу пас на сетку, рассчитанный по второму варианту. Это был невероятно трудный по исполнению нападающий удар, получивший название «удар Солинда» — по имени первого его исполнителя: Филипп взвился в воздух из-за спины согласующего игрока, перевернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в трехметровую зону у сетки.

Зал зашумел и смолк. И молчал до конца игры, словно болельщики боялись нарушить волшебство игры...

Филипп нападал с любого номера, с задней линии, с центра — согласно смене темпов. Он перепрыгивал блок чуть ли не на локоть, забивая мячи почти вертикально в первую линию площадки американцев, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аут-контроля — ловящим блоком,— угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновении, она зажгла остальных игроков команды, и те творили чудеса под стать Филиппу, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, словно на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду, когда все их движения подчиняются неслышному ритму и кажется, что на площадке находится всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло ее, и мяч каждый раз с завидным постоянством натыкается на руки, отскакивая с удивительной точностью в одну и ту же точку над сеткой — согласующему игроку. Такая игра только и может дать положительный результат. И они, проиграв первые две партии, выиграли остальные три.

Зал еще несколько мгновений немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Русских Равнин, и потом словно шторм обрушился на дворец спорта.

Филипп пожал горячую ладонь Гладышева, ответил на объятия друзей, потом его дружно оторвали от пола и несколько раз подкинули в воздух. А он, оглушенный поздравлениями, чувствуя в теле приятную тяжесть, посмотрел на второй ряд трибуны, поискал глазами Аларику, не нашел, и радость и удовлетворение его вдруг померкли, уступив место тоскливому ожесточению.

Расклеился от одного взгляда совершенно посторонней женщины! Чего ради я так разнервничался? Неужели остался какой-то след? И под слоем пепла дремлют угли догоревшего костра, как говорил поэт? Старая сказка... Я отрезал Аларику раз и навсегда, у нас две разных жизни... Что я знаю о ней? Она не одна, вот и все. И все! Хватит об этом... Я играл, кажется, неплохо. До стрессовой отдачи, до сих пор ноги ватные...

В коридоре Филиппа догнал Солинд, несколько шагов прошел рядом молча, потом сказал с неожиданной грустью:

— Ты играл сильно, Филипп! Я не знаю второго такого игрока ни в одной сборной Системы. А ведь ты способен на большее, я-то вижу.

Филипп сжал зубы.

— Но?.. Я отчетливо слышу «но».

Солинд остановился.

— Никакого «но» нет, просто... не забывай, что победы делают нас счастливей, а поражения — человечней. Древний тезис, но он

и сейчас не устарел.— Тренер легонько подтолкнул Филиппа в спину.— Ты поймешь это позже. Ну, иди, потом поговорим.

Филипп не разобрался до конца в смысле намеков тренера, лишь гораздо позже он вспомнил это странное напутствие и понял его настоящий смысл. Теперь же он только кивнул и свернул в раздевалку. А у дверей все еще улыбающийся Гладышев подвел к нему троих.

— Это к тебе.

Рослый, длиннолицый мужчина в куртке «ночь» и черных брюках блеснул цепкими глазами, бросил коротко:

— Простите,— и протянул сильную руку.— Май Ребров.

Филипп только теперь узнал его — это был тренер сборной Земли по волейболу. И рядом — Аларика! Неужели он — ее муж?! Или мужем является второй ее спутник?

Ошеломление не сразу покинуло Филиппа, и он еще раз пережил мгновенное чувство утраты и зависти к незнакомым людям, знавшим Аларику, вероятно, ближе, и ему снова показалось, что не было между ними пяти лет времени и пространства, а был только странный сон, и стоит лишь тряхнуть головой — и Аларика засмеется и протянет руки...

Он уловил насмешливые искры в ее глазах, очнулся и назвал себя.

— Аларика,— подала руку девушка, тонко уловив его колебания.

Молодой спутник Реброва, на голову ниже его, только коротко наклонил соломенную голову:

— Леон.

Ребров взял Филиппа под локоть и отвел в сторону.

— Много говорить не буду, вы, наверно, уже догадываетесь, по какому поводу я пришел. Я знаю вас уже два года... да-да, не удивляйтесь, два года. Солинд мой друг, и потому я знаю все об игроках сборной Русских Равнин. Начинали вы...

— В «Буревестнике».

— Да, в «Буревестнике», потом вторая молодежная сборная континента, потом первая... Вы спортсмен настроения. Это плохо, это большой недостаток для спортсмена экстра-класса, каковым вы несомненно являетесь. И несмотря на этот недостаток, я приглашаю вас в сборную Земли. Во-первых, потому что когда пик формы совпадает у вас с пиком настроения — вы способны на великолепную отдачу. Во-вторых, верю — вдвоем мы сможем устранить ваш недостаток. Конечно, мое мнение еще не есть решение Земного спорткомитета, но и оно достаточно веско. У вас будет неделя отдыха, во вторник следующей недели прошу на тренировку.

— Но Валентин...— начал Филипп.

Ребров усмехнулся.

— Солинда я беру на себя. Он вырастил не одного выдающегося

спортсмена, и это были люди во всех отношениях с большой буквы. Я верю в вас, иначе не было бы этого разговора. От вас зависит превратить мою веру в уверенность. Ну, до связи.

Ребров дружески стиснул плечо Филиппа, подмигнул и широким шагом вынес свое крепкое тело из теснины коридора. Филипп, опустив голову, постоял с минуту в задумчивости и не заметил, что Аларика оглянулась на повороте и окинула его не менее задумчивым взглядом.

Сзади послышались голоса, шаги — возвращались игроки, и он поспешил к своим.

— Я рад, что «прошел» Реброва,— сказал Гладышев, искоса посматривая на задумчивое лицо Филиппа.

Они стояли на верхней смотровой площадке спортивного комплекса, шпиль которого возносился на шестьсот метров над уровнем зеленого океана — над панорамой Москвы двадцать третьего века. Зеленые волны рощ, парков и заповедников не могли скрыть белых шатров, плоскостей и полированного пластика зданий, но с высоты бросалась в глаза сочная рассыпчатая зелень лесного массива. И лишь потом в этой зелени начинали сверкать жемчужины зданий.

«С решением проблемы транспорта исчезла и проблема городов»,— вспомнил Филипп чью-то фразу, не слушая товарища. Посмотрел на недалекий тонкий силуэт Останкинской башни — музея телевидения двадцать первого века, и повернулся к Ивару.

— Мне почему-то жаль Солинда. Конечно, мы не уходим от него навсегда, но все же словно теряется что-то в душе...

— Ребров очень похож на Валентина.

— Разве? По-моему, они совсем разные. Солинд сухой, жесткий и шершавый, как ветер пустыни, а Ребров холоден и тверд, как северный камень.

— О, заговорил, как поэт. Они разнятся только внешне. У обоих одна общая черта, которая сближает их больше, чем сблизили бы родственные узы. Это их твердая уверенность в том, что доминанта человека — доброта. Именно поэтому они так требовательны к себе и другим.

У Гладышева пискнул зуммер личного видео. Он повернул руку браслетом вверх, из прозрачно-фиолетового глаза на черном квадратике приемника изображений возник тонкий лучик света, развернулся в плоскость и приобрел цвет и глубину. На друзей смотрело лицо жены Ивара.

— Я уже давно освободилась, Ив,— сказала она сердито.— Игру твою не видела, можешь хвастаться, как тебе вздумается, но дома!

Гладышев виновато покосился на товарища.

— Я с Филиппом, Кира, буду через полчаса... Ты к нам, Филипп?

— Нет,— покачал головой Филипп.— Я к себе, надо кое-что обдумать до завтра.

— Надумаешь — будем рады,— сказала Кира, шутливо погрозила мужу пальцем, изображение растаяло.

— Я пошел? — сказал Гладышев.— Счастливо. Прилетай, если захочешь, будут гости, а ты был у нас всего два раза, это мало.

Он улыбнулся своей обычной доброй улыбкой и стал спускаться к лифту. Филипп остался стоять, рассеянно вертя в руках браслет своего видео. Потом вдруг сорвался с места:

— Ивар, подожди.

Они снова сошлись.

— Забыл спросить... Ты знаком с... ну, в общем, с Аларикой?

— Я знаком с двумя Алариками.

— С той, что была с Ребровым.

— А-а-а.— Гладышев лукаво прищурился.— Аларика Консолата. Это жена брата Реброва. Кстати, я удивлен ее присутствием на матче, насколько я знаю, она терпеть не может волейбола.

Я тоже знаю, подумал Филипп, но промолчал.

— Ее телекса я не знаю,— продолжал Гладышев,— но его знает, должно быть, Ребров. Дать тебе его телекс?

— Какой ты догадливый,— пробормотал Филипп.— А почему у нее фамилия другая, не Реброва?

— Сергей Ребров погиб два года назад при ликвидации аварии на подводной ферме. Консолата — девичья фамилия, она ее не меняла.

Филипп непонимающе уставился на Гладышева.

— Погиб?! Ребров погиб? Муж Аларики... Значит, сейчас она одна?

— Ну, этого я не знаю. Что, задело? Позвони ей.— Ивар засмеялся и помахал рукой.— Могу при случае познакомить. Ладно, до связи. Да, телекс Реброва: три единицы сорок семь тринадцать эс-бэ. Он живет где-то на Курилах, точного адреса, увы, не скажу.

Филипп постоял с минуту, щурясь на солнце, вздохнул глубоко, записал телекс на видео и тоже поспешил к лифту.

Поздним вечером он выключил в комнате освещение, походил из угла в угол в полной темноте, потом убрал стену и стал смотреть на бархатное одеяло неба, вспоминая однажды прочитанные строки:

В ночи небесную стреху
Термиты тьмы проели.
И видно звездную труху,
Что сыплется сквозь щели.[1]

---

[1] Мурари *(санскрит.)*.

Вспомнился вдруг разговор с тренером, тогда он был еще во второй сборной Русских Равнин.

«Ты прекрасный конструктор, я слышал это от Травицкого,— сказал Солинд.— Но ты еще более способный волейболист. Я далек от того, чтобы считать волейбол венцом спорта, как и Кирилл Травицкий в том, чтобы считать работу конструктора ТФ-аппаратуры вершиной творческой работы, но когда-нибудь тебе придется выбирать...»

— Выбирать,— вслух повторил Филипп.

Он не хотел выбирать. Хотел быть и конструктором, и игроком, спортсменом высшего класса, и не видел причин бросать ни то, ни другое занятие. Да, современный волейбол требовал таких нагрузок и отбирал столько времени, что многие из игроков могли заниматься только спортом и ничем иным; творческим, ищущим, но спортом. А Филиппа брала тоска, если он три дня кряду не надевал на голову эмкан и не «бросался» мыслью очертя голову в глубину очередной проблемы, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение, снимающее любую физическую усталость и боль.

Выбирать... нет, это время еще не пришло, и дай бог, чтобы оно не пришло совсем. С другой стороны, Филипп понимал, что будь Травицкий или Солинд понастойчивей, то выбор мог бы уже совершиться, причем не в пользу предлагающего.

Филипп некоторое время любовался небом, вспоминал «самостоятельный» визит «зеркала» (чья же это все-таки шутка? Кажется, в глубоком детстве он уже встречал такую штуку, но тогда она не казалась таинственной — зеркало и есть зеркало, что в нем необычного для ребенка?), потом сел перед панелью домашнего координатора. Над фиолетовым глазом виома встала световая нить, развернулась в плоскость и приобрела глубину. Напротив возникла другая комната, почти такая же, как и у Филиппа: одна стена в ячеях кристаллобиблиотеки, у второй — стол, два кресла, из третьей выросла кровать, четвертая — сплошное окно в начинающееся утро.

Прямо перед Филиппом сидел Май Ребров и выжидательно смотрел на него, ничем не выражая своего удивления или нетерпения. Филипп почувствовал, что краснеет.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— Извините, что беспокою... я, собственно...

— Хотите поделиться мыслями о прошедшем первенстве?

— Да... н-нет! Дайте мне, пожалуйста, телекс Аларики,— бухнул Филипп напрямик.

Ребров продиктовал номер и снова посмотрел на молодого человека, все такой же ровный и спокойный, с плавными и точными движениями игрока в скейтборд.

— Все?

Филипп кивнул, и тотчас же вином стал белым, как молоко, Ребров выключил канал связи со своей стороны.

— Ф-фу! — выдохнул Филипп и с облегчением засмеялся.— Кремень, а не человек! Ничем его не удивишь. Но и я нахал! Для чего мне ее телекс? Что я ей скажу? Рика, привет, как дела? Не забыла, как мы с тобой?.. Тьфу! Что она ответила бы на мой вопрос? Пять лет — и ни голоса ее, ни изображения, только все реже и реже, и злее — вскрики воспоминаний в сумбурных снах под утро, когда явь путается с бредом и тянет душу незаживший в подсознании шрам на памяти... Как отрезал! И уже два года она без мужа!.. Черт! Мне-то что за дело? Все было выяснено пять лет назад, срок достаточный, чтобы излечить любого. Но отчего вдруг барометр настроения повернул стрелку на деление «Ожидание»? Отчего так нестерпимо хочется увидеть ее, поговорить?..

Филипп поскреб щеку и набрал телекс Станислава Томаха. Это был единственный человек, с которым он мог позволить себе быть таким, какой он есть в собственных глазах, с которым можно было поделиться горем, радостью, сомнениями или тревогой.

Глава 2. СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ»

В три часа ночи Богданов встал из-за пульта вычислителя, снял с головы эмкан и кивнул Станиславу Томаху, сидевшему рядом в одних шортах.

— Порядок. Причина ошибки во втором ряду комплексного переменного. Рагимантас надеялся на свой гений математика и... даже автомат не успел бы пройти все этапы решения задачи за то время, что оставалось у него до взрыва.

— Я рад и не рад,— хрипло ответствовал Станислав, вставая и потягиваясь мускулистым атлетическим торсом.— Жаль, что так случилось, и хорошо, что брея вины не ложится на работников Управления. Скверно, если аварии случаются вопреки всем принятым мерам, но уж совсем плохо, когда они случаются по вине спасателя. Может быть, поспим здесь? Все равно до утра кот наплакал...

— Нет.— Богданов накинул рубашку.— Жена будет волноваться. Я обещал, что буду сегодня... то есть, вчера вечером уже.

— Тогда и я пойду.

Станислав запросил диспетчера вычислительного центра, сообщил, что машина освободилась, и не успел выключить вином, как изображение в нем сменилось: открылась темная комната, внутри которой угадывалась раскрытая постель, а в светлом конусе передачи стоял хорошо сложенный молодой человек. Лицо у него было открытое, слегка скуластое, глаза дерзкие, карие, губы большие, но твердые. Портила это лицо только нерешительная полуулыбка.

— Простите, что так поздно,— быстро сказал молодой человек; это был Филипп.— Не помешал? Я искал Станислава, и мне дали этот телекс.

— Знакомьтесь,— повернулся Томах к Богданову.— Это Филипп Ромашин, конструктор ТФ-аппаратуры. Я говорил тебе о нем.

— Никита,— назвался Богданов, разглядывая Филиппа, подумал: красивый юноша, однако чего-то ему недостает... Уверенности, что ли? — Собственно, я удаляюсь,— продолжал он, надевая куртку и собираясь уходить,— а вы поговорите. В восемь ко мне, Слава..

— Если проснусь,— отозвался Томах.— Ну, что нового, Филипп? Что-то в последнее время я тебя редко вижу. Где пропадаешь? Ты, кажется, должен был играть на Континентальный кубок? Прости, не смог тебе позвонить...

Дальнейшего разговора Богданов не слышал. Выйдя из вычислительного центра, он вызвал пинасс и, чувствуя усталость во всем теле, сделал несколько упражнений дыхательного йога-тренинга. Усталость отступила.

Свет в парке был выключен, громада центра едва угадывалась на фоне ночного неба, но Богданов знал, как обманчива эта наружная спокойная неподвижность огромного здания, постоянно включенного в непрестанное тревожное бдение аварийно-спасательной службы, связанного незримой сетью с десятками станций, баз и патрулей УАСС [1], с отделами одной из обширнейших — увы, но это так — служб человечества. Тем не менее миллиарды людей спокойны в своих поисках, стремлениях, экспериментах, рискованных действиях именно потому, что УАСС — действенная, оперативная и всюду успевающая служба, работа которой видна не всегда и не всем, но результативность не требует доказательств. Сколько же их, всматривающихся в черноту экранов, глубь виомов, зелень индикаторов на пультах, мчащихся в патрульных машинах над Землей, в пространстве, у всех освоенных планет? Сколько их, близких по мысли и сердцу людей?

Богданов запрокинул голову, окидывая взглядом серебристую вуаль Млечного Пути, пробормотал:

— Легион!..

Подошел пинасс, мигнул зрачком индикатора, открывая колпак.

Богданов сел, и тут же запищал зуммер видео на руке. Над браслетом встало облачко света и превратилось в тяжелую голову Керри Йоса, начальника отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы. Богданов машинально отметил время — без десяти три ночи — перевел его не среднесолнечное. Получилось без десяти пять по ССВ. Не одному Станиславу звонят посреди ночи, мелькнула мысль.

---

[1] УАСС — Управление аварийно-спасательной службы.

— Не спишь? — осведомился Йос скрипучим голосом.— Что-то я тебя плохо вижу. Где ты?

— Только что закончили со Славой цикл расчетов по аварии на сто третьем спутнике. Ты был прав — Рагимантас сделал ошибку, не дав сигнал на СПАС [1]. Ближайший оперативный когг мог успеть, но...

— Я говорил.

— А мы проверили. Я сейчас выбрался из ВЦ [2], в парке нет света. Что случилось?

— Жми в Управление, сколько тебе надо времени?

— Минут двадцать пять, если срочно.

— У нас не бывает не срочно. Даю тебе сорок минут. Кстати, у тебя нет знакомого специалиста по ТФ-связи?

— Нет... впрочем, погоди,— Богданов вспомнил недавнее знакомство с Филиппом Ромашиным.— Есть один специалист, конструктор ТФ-аппаратуры.

— Годится. Хватай его, где бы он ни был, и тащи в Управление. Все.

Вином погас. Богданов немного посидел, чувствуя холодок тревоги, заползающий в сердце, потом вызвал сто семнадцатую комнату вычислительного центра, откуда только что вышел. К счастью, Станислав еще был там.

— Слава, тут такое дело: вызывает Керри, а что случилось, не говорит. Вероятно, что-то серьезное, иначе он не стал бы нас тревожить ночью. Еще ему нужен специалист по ТФ-связи. Твой Филипп хороший инженер?

— Он инженер-синектор [3].

Богданов уважительно прищелкнул языком.

— Неплохо! Охарактеризуй его вкратце.

— Тридцать один год, мастер спорта по волейболу, холост. Родителей нет, погибли во время первой развед-контактерской экспедиции на Орилоух. Вот и все, если коротко. Могу добавить, что я его знаю с детства, жили в одном доме.

— Неплохо,— повторил Богданов.— Вызывай его немедленно, только не пугай. Где он живет?

— Живет-то он недалеко, в Басово, восьмой круг Москвы, минут десять лета до ближайшего метро, но неужели Керри не нашел специалистов в техническом секторе?

---

[1] СПАС — станция приема аварийных сигналов.

[2] ВЦ — вычислительный центр.

[3] Синектор — специалист, владеющий «механизмами творчества». От слова «синектика» — сложение разнородных элементов в творчестве. Синекторы используют четыре вида аналогий: прямые аналогии типа «паутина — мост»; функциональные «кабель — лазерный луч»; фантастические типа «принцип работы — передача устройств потоком информации»; личностные аналогии, эмпатии.

— Не знаю, значит, не нашел. Дай координаты Управления твоему Филиппу и добирайся туда сам, сроку у тебя сорок минут, а я на минуту заскочу домой, предупрежу жену. Чует мое сердце, что освобожусь нескоро.

Богданов закрыл колпак, вскрыл запломбированную крышку спидометра ключом, имеющимся только у работников аварийно-спасательной службы, и отключил ограничитель скорости. Пинасс задрал нос и со свистом пошел в небо. А в следующее мгновение Богданов увидел летящий навстречу, прямо ему в лоб, такой же каплевидный аппарат с алой мигалкой. Он успел врубить экстренное торможение (Какого лешего?! Ненормальный он, что ли, встречный киб-водитель?!) и растопырился в кресле, упираясь ногами в переднюю стенку, ожидая страшного лобового удара. Но ничего не произошло! Шедшая навстречу машина врезалась в пинасс неощутимо, как призрак, и растаяла, будто ее и не было. Зато богдановский пинасс оказался почему-то развернутым носом к парку.

— Что это было? — спросил Богданов у киб-водителя, вытирая вспотевший лоб.— Почему ты не затормозил?

— Не было приказа.

— А движущийся навстречу аппарат — не приказ?!

— Пространство впереди было свободно на глубину радарной видимости.

— Как это свободно?! А этот... «призрак»?

— Мы пересекли слой воздуха, отражающий все предметы, как зеркало. Шедший на нас аппарат был моим отражением.

Богданов посидел с минуту, растирая ушибленное колено, и скомандовал поворот. Чертовщина какая-то, подумал он уже спокойно. Или я плохо знаю физику атмосферы? Что-то не припомню, чтобы кто-то описывал явления «зеркального воздушного слоя». Придется запросить информарий физиков, некомпетентность для безопасника недопустима...

Богданов еще больше бы удивился, если бы узнал, что его часы с этого момента стали отставать от эталонов точного времени на пятьдесят минут.

Сопровождаемый Томахом, продолжая недоумевать по поводу неожиданного вызова, Филипп шагнул в дверь и остановился. Кабинет начальника отдела безопасности УАСС представлял собой в данную минуту поляну в глубине тропического леса. Сложно и сильно пахло зеленью, тиной, цветами и еще чем-то терпким и незнакомым, но дышалось легко и свободно, совсем не так, как в настоящем тропическом лесу.

Томах смело двинулся через всю «поляну» к группе людей, обступивших какой-то прозрачно-хрустальный шар. Филипп не решил-

ся идти за ним, хотя все это тропичекое великолепие было иллюзией, созданной аппаратурой видеопласта.

Один из стоящих у шара обернулся, тотчас же лес вокруг исчез, а за ним и половина людей, из которых осталось трое; появилась обстановка кабинета: гнутые янтарные стены, с искрами в глубине, висящий над черной бездной пола пульт видеоселектора, прозрачный шар с роем золотых пчел внутри, семь кресел у стола.

— Проходите,— сказал хозяин кабинета, на виске которого иногда словно сам собой шевелился розоватый, едва заметный косой шрам.

Филипп, испытывая неловкость, прошел вслед за Томахом и сел рядом. Пока Керри Йос разговаривал с кем-то по виому, он исподволь осмотрел кабинет, шар, гадая, что это за устройство, и, осваиваясь со своим новым положением, стал изучать руководителя одного из самых легендарных отделов Управления аварийно-спасательной службы.

Керри Йос ничем особым не выделялся среди других — таково было первое впечатление. Был он невысок, с плечами разной высоты; лицо тяжелое, с массивным подбородком, близко посаженными не то серыми, не то карими глазами; нос картошкой, прямые губы. Красавцем его не назовешь, подумал Филипп, и кого-то он мне напоминает...

Станислав очевидно понял его состояние, хмыкнул, наклонился к уху соседа, которого Филипп видел впервые. Тот еле заметно улыбнулся и неожиданно подмигнул Филиппу, отчего конструктор снова почувствовал себя не в своей тарелке: как-никак в отдел безопасности его приглашали в первый раз.

Керри Йос закончил разговор и выжидательно посмотрел на присутствующих.

— А где Никита? Слава, разве он был не с тобой?

— Он ушел раньше, потом позвонил из кабины такси. Собирался на минуту заскочить домой...

— Понятно, подождем минуту. А пока давайте знакомиться. Меня зовут Керри, я начальник отдела безопасности.

— Это Филипп Ромашин,— представил Филиппа Томах.— С ним мы знакомы давно, практически с детства.

— Тектуманидзе,— представился улыбчивый сосед Томаха; судя по загару и чертам лица — грузин.

— Бассард,— коротко представился четвертый незнакомец.

— Филипп — конструктор ТФ-аппаратуры и мастер спорта по волейболу планетарного класса,— добавил Томах.

— Неплохо,— с уважением сказал Керри Йос,— весьма неплохо. У нас будет время познакомиться поближе. Где же все-таки Никита? — он наклонился к столу и вытащил из него бутон микрофона.— Андр, созвонись с Богдановым...

— Не надо,— раздался с порога голос заместителя начальника отдела.— Товарищи, со мной произошла любопытная история.— Никита прошел к столу.

Теперь Филипп мог разглядеть его лучше, чем давеча во время знакомства. Замначальника отдела был худощав, среднего роста, с неторопливыми движениями, полной уравновешенностью мимики и жестов, и с пронзительными глазами ясновидца. И голос у него был глубокий и хорошо поставленный, воспитанный.

Богданов закончил рассказ о «столкновении» с «зеркалом», и Филипп тут же вспомнил свое недавнее приключение. Но рассказать об этом постеснялся.

— Все ясно,— сказал Керри Йос,— и не такое бывает с безопасником ночью. Но я не понял, почему ты задержался.

— Как задержался? — удивился Богданов.— Я был в пути всего двадцать минут, причем включая крюк домой.

— Да? — в свою очередь удивился начальник отдела.— А где ты был еще пятьдесят минут?

— Пятьдесят минут? — Никита поднял руку с браслетом видео, вызвал отсчет времени и показал присутствующим.— Путаете вы что-то, друзья, вот, пожалуйста, двенадцать минут четвертого.

Керри Йос включил комнатный отсчет, киб-секретарь сообщил:

— Поясное время четыре часа две минуты сорок секунд.

Богданов побледнел.

— Чепуха какая-то!

— И я так думаю,— сухо сказал Йос.— Если это неизвестное науке явление, то его назовут твоим именем. Найдешь причину задержки — доложишь. Это действительно странно. Но к делу. Вызвал я вас вот по какой причине: три дня назад к системе звезды Садальмелек был послан транспорт с грузом. На финише транспорт не появился.

В комнате стало совсем тихо.

— Второй случай,— тихо обронил взявший себя в руки Богданов.

— Верно, второй, но главное — оба произошли в диаметрально противоположных точках пространства. Вы помните первый случай — не прошел ТФ-посыл к гамме Суинберна. Средний радиус стационарной ТФ-связи пятьдесят парсеков. До Садальмелека — сто десять. Первая и вторая промежуточные станции просигнализировали, что груз прошел нормально, но на финише не появился. То же было и в случае посыла к системе Суинберна: до гаммы Суинберна сто восемьдесят парсеков, все три промежуточных передатчика дали «добро» и... груз к месту назначения не прибыл!

— Может быть, транспортники сорвались с трассы? — спросил Бассард, шевеля косматыми бровями.— Ведь был случай лет пять назад...

— Нет,— покачал головой Филипп.— В результате срыва летят и сами ретрансляторы — взрываются генераторы поля. Здесь же у вас станции отработали нормально...— Он прервал речь и недоверчиво посмотрел на Керри.— Но это же нонсенс! Для приема ТФ-передачи нужен, как минимум, ТФ-приемник. Иного просто не может быть!

— Да? — холодно бросил Йос.— Тогда где-то существуют ТФ-приемники, установленные...— он помолчал,— установленные не людьми.

Наступила тишина. Ее через минуту нарушил Богданов:

— Накладок нет?

Керри Йос, чуть прищурясь, покосился на него.

— Технический сектор, в отличие от нашего, ошибается редко. Эксперты перерыли все ТФ-станции в контролируемой нами области космоса — грузы исчезли бесследно. Но если верить словам Ромашина...— начальник отдела запнулся.— Простите, Филипп, я оговорился, просто неудачный оборот речи. Я хотел сказать, исходя из вашей информации, следует сделать вывод, что грузы ушли к чужим станциям.

— Теперь понятно,— Богданов переглянулся с Томахом.— Значит, мы вышли на передовые посты чужой цивилизации, так?

— Это вам и предстоит выяснить,— сказал Керри Йос, и было в обыденности его тона нечто такое, отчего Филипп ощутил в душе тревогу и неуверенность. До него только теперь дошел смысл слов «чужая цивилизация».

— Мы пригласили вас, Филипп, вот почему,— продолжал начальник отдела.— Эксперты сектора сейчас все в разъездах, а вы опытный специалист по ТФ-связи. Не могли бы вы помочь нам? Придется, конечно, на некоторое время покинуть Землю.

Филипп не удивился вопросу, он ждал его, и все же ответить сразу было трудно, мысли разбежались.

— Вы знаете... в общем-то, специалист я... вот если начальник бюро Травицкий...

— К сожалению, времени на переговоры у нас нет, да и не молод Кирилл Травицкий, такие беспокойные путешествия ему не по плечу. У вас есть иные причины для отказа?

— Да... н-нет, причин, собственно... тренировки в сборной, разве что,— забормотал Филипп, ненавидя себя за растерянность.— Я приглашен в сборную Земли, и тренер будет недоволен... если это надолго.

— Тренера я беру на себя,— сказал Томах.— Из формы ты не выйдешь, ручаюсь. Кстати, а насколько действительно рассчитана командировка?

— На неделю,— подумав, сказал жизнерадостный Тектуманидзе.— Может быть, на две, максимум, на три.

— Вполне определенно,— усмехнулся Томах.— Плюс-минус год.

— Согласны? — Керри Йос остался серьезным и спокойным, и Филипп вдруг понял, кого он напоминает, вернее, откуда в нем иногда мелькают знакомые черты: сдержанность, спокойствие, готовность к действию, быстрота оценки собеседника, внутренняя убежденность и сила. Эти черты были присущи и Томаху, и Богданову, и, наверное, всем работникам аварийно-спасательной службы, и отражали они не случайное явление, а доминанту характера, состояние души и тела.

— Согласен,— сказал Филипп хрипло.

— Спасибо. Тогда — завтрак, сборы, и в дорогу. Слава, побеспокойся обо всем необходимом. Старт «Тиртханкара» через три с половиной часа.

— Пошли,— будничным тоном сказал Томах и встал. Ему было не привыкать.

Они вышли, зажмурились от смены освещения: коридор был залит ярким солнечным светом.

— Слава,— сказал Филипп,— а зачем такая спешка? Подождали бы экспертов из технического сектора и спокойно занялись проверкой этих ваших ТФ-ретрансляторов.

— А чужая цивилизация? — напомнил Томах.— Мы открыли пока всего одну цивилизацию, исследовав двести сорок звезд, цивилизацию Орилоуха, да и та оказалась негуманоидной, отказавшейся от исследования космоса. А здесь, похоже, она, по крайней мере, не уступает нашей в темпах освоения Галактики! Понял? Нам нельзя не спешить.

— Да-а, работа у тебя — не позавидуешь! Добровольцы — шаг вперед! Так? А кто такой Бассард?

— Что, не понравился?

— Как тебе сказать... угрюмый он какой-то, непропорциональный и недоброжелательный.

— В наблюдательности тебе не откажешь. Генри Бассард — начальник второго сектора УАСС, того самого, который отвечает за безопасность системы Садальмелека и всего созвездия Водолея; я имею в виду — безопасность исследователей. Ну, бог с ним, со вторым сектором, тебе еще представится случай познакомиться с Бассардом поближе. Я заметил твою мину, когда ты оценивал нашего Керри. Как он-то тебе показался?

Они вышли под прозрачный купол центрального метро Управления, где располагалось более двухсот кабин мгновенного масстранспорта.

Станислав нашел свободную и посторонился:

— Входи. Ну так как? — повторил он вопрос.

— Вполне нормальный... я хотел сказать, обыкновенный.—

Филипп вошел в светлую, с белыми «мраморными» стенами кабину. Станислав с некоторым трудом втиснулся следом: оба были широкоплечие, мускулистые, хотя Филипп весь — порыв, движение, а Станислав — невозмутимое «хищное» ожидание.

— Нормальный! — фыркнул Томах.— Обыкновенный! Он просидел на Орилоухе почти три года после той злополучной разведконтактерской экспедиции, во время которой погибли твои родители. Именно после этого случая и организовали в УАСС отдел «слепого контакта», страхующий работу специалистов Института внеземных Культур. Керри был первым начальником ОСК.

Станислав рассказывал что-то еще, но Филипп его не слышал. Он вспоминал, как домой к ним пришла целая делегация работников Управления и Комиссии по контактам, чтобы сообщить о гибели отца и матери, и как он не поверил, и что было потом, в кошмаре пустых комнат... Грозный Орилоух, планета, физически почти тождественная Венере: океанов нет, плотность атмосферы «на дне» равна половине плотности воды, температура — плюс пятьсот градусов по Цельсию. И странная небиологическая «цивилизация жидких кристаллоподобных форм», разум, отказывающийся от любых контактов с другими разумными существами и без всяких объяснений уничтожающий гостей... Первая открытая вне Земли цивилизация... А Керри Йос провел в этом аду три года!..

— Да-а,— занемевшими губами произнес Филипп.— Три года на Орилоухе — это много!.. Куда теперь?

Томах пожалел, что затеял разговор об Орилоухе.

— В кафе, знаю одно приятное местечко. Я, например, голоден. После завтрака будет время попрощаться. Тебе есть с кем?

— Не знаю,— пробормотал Филипп, вспоминая вдруг улыбку Аларики.— Разве что с Травицким?

Станислав набрал код выхода, ткнул пальцем в квадрат пуска, и их швырнуло в солнечный свет.

Керри Йос подвел Богданова к хрустальному шару, что-то щелкнуло, и внутренность шара наполнилась светом и жизнью. Это была объемная и почти масштабная модель второй спирали Галактики, так называемый Рукав Стрельца, в который входила и звезда-карлик Солнце.

— Есть еще одна проблема,— сказал Йос.— Более тревожная, чем остальные. Система Золотоволосой, планета Рыцарь...

— Орилоух на радиоязыке аборигенов,— уточнил Бассард.

— Да, Орилоух, мы тоже все чаще употребляем это название. Над планетой вращаются две наши орбитальные станции, одна обитаемая, вторая резервная, законсервированная. Вчера оттуда пришел сигнал: резервная станция вскрыта, кто-то ее посетил.

— Ого! — сказал Тектуманидзе.— Интересно. Неужели орилоуны?

— Исключено.

— Тогда кто-то из персонала рабочей станции.

— Тоже исключено. Раз в полгода на станцию отправляется смена техников для проведения профилактических работ, эта смена и обнаружила следы чьего-то присутствия. Защита станции не пробита, продолжает работать, но следы тем не менее есть.

— Насколько я помню, у этих станций многослойная изоляция плюс ТФ-экран.

Керри молча нашел звезду, о которой они говорили, тронул в этом месте прозрачный шар кончиком щупа: шар отозвался тихим звоном.

— Но сквозь ТФ-экран не может проникнуть ни одно материальное тело!

— Мы не можем! — мрачно, с нажимом сказал Керри Йос.— Мы. А они, значит, могут.

— Кто они? Не орилоуны же в самом деле.

— Все эти сообщения нуждаются в проверке,— веско сказал Бассард.— Лично я сомневаюсь в их истинности. Наследить на станции могли и сами техники еще в прошлое посещение.

— Сто сорок три парсека,— пробормотал Керри Йос.— До Садальмелека сто десять, до гаммы Суинберна сто сорок три. И все три звезды в разных секторах, и все три — на границе исследованной нами зоны. О чем это говорит?

— Не знаю,— помолчав, сказал Богданов.

— И я пока не знаю. А если не знает отдел безопасности...

— Значит, надо объявлять «Шторм» по Управлению!

— Ну, «Шторм» не «Шторм», а хотя бы степень АА: готовность службам наблюдения за пространством, усиление патрульного обеспечения, косморазведке перейти на форму «Экстра».

— Не рано ли? — Бассард скептически поджал губы.— Вы представляете последствия тревоги?

Они посмотрели друг на друга, четыре специалиста, знающие цену неожиданностям.

— Ну, Керри, что ты, право...— позволил себе улыбнуться Тектуманидзе.— Нас же двадцать миллиардов!

— Успокоил,— грустно усмехнулся начальник отдела.— Действительно нас двадцать миллиардов, из них восемнадцать на Земле и в Системе, остальные у других звезд. И я подумал: а не много ли это для других звезд?

Бассард задвигал своими бровями Карабаса-Барабаса из детской сказки.

— Что ты этим хочешь сказать?

Керри посмотрел на браслет видео, в квадратике которого проступили цифры времени, и медленно проговорил:

— Сапиенти сат [1]...

«Тиртханкар», дежурный спейсер УАСС — километровый цилиндр, увенчанный чудовищной гребенкой генераторов разгона, вышел из собственного ТФ-коридора в мегаметре от дрейфующей в свободном пространстве ретрансляционной ТФ-станции. До ближайшей звезды было немногим меньше семи парсеков, мизерность плотности космического звездного поля ощущалась здесь с особенной остротой, поэтому казалось, что станция давным-давно заброшена и не функционирует — уж очень неэффектно выглядела она на фоне звездной пыли Батыевой дороги, как звали Млечный Путь древние монголы. Именно с этой станции и ушел в неизвестном направлении транспорт с грузом, перед тем как спохватившиеся диспетчеры на Истории, второй планете Садальмелека, куда направлялся груз, растерянно докладывали Земле, что к Садальмелеку пришло только волновое эхо передачи, а сам груз исчез в неизвестности.

Станция была автоматической, точно такой же, как и все промежуточные ретрасляторы, усиливающие стационарный ТФ-тоннель между станциями метро Солнечной Системы и планет у других звезд. Обслуживающий персонал появлялся здесь раз в два года для профилактических осмотров силовых агрегатов и настройки дубль-систем. Но сейчас на ней не было ни одной живой души. Состояла она из двухкилометрового диаметра колец, соединенных тремя спицами изоляторов и создающих между собой приемно-передающий объем. Кольца были сделаны из металла и опутаны спиралями эмиттеров, окутанных в свою очередь «шубой» нежного голубоватого сияния.

Прибывших в первую очередь интересовали не силовые конструкции, а отсеки управления, прилепившиеся к кольцам и напоминающие драгоценные камни на перстнях.

Филиппу, как специалисту, было интересно бродить в лабиринтах энерголовушек и антенн, запрятанных в телах колец, сравнивать инженерные решения конструкторов Земли почти двадцатилетней давности с современными. Вместе с ним бродил по станции и Богданов, задавая иногда такие дельные вопросы, что Филипп только диву давался и однажды даже спросил, не работал ли инспектор когда-нибудь в Институте ТФ-связи.

— Не пришлось,— с улыбкой, смягчавшей пронзительный огонь в глазах, ответил Богданов.— Но я всегда интересовался

---

[1] Sapienti sat — умный поймет *(лат.)*.

ТФ-теорией и ее воплощением в действительность. Потому что от ТФ-транспорта — один шаг до перемещения в пространстве усилием мысли, а это моя мечта.

— Почему? — удивился Филипп.

— Тогда сама собой отомрет спасательная служба, каждый из нас сможет прийти на помощь другому, как бы далеко тот ни находился. Правда, тут возникает еще одна проблема — проблема мысленного общения, парасвязи. Причем проблема не физическая, а морально-этическая. Мысленный контроль над мгновенным перемещением в пространстве установить можно, а воспринимать чужую боль, страх, беду мы пока не научились.

— Для этого надо все время ощущать людей рядом, мысленно ощущать, эмоционально, видеть их пси-сферу, желания и стремления. По-моему, это уже иные качества, другая энергетика тела, физические характеристики. Останется ли тогда от человека что-нибудь человеческое?

— Останется,— развеселился Богданов.— Доброта и стремление к совершенству. Разве не так?

На осмотр станции ушло два условных дня, хотя Филиппу помогала бригада инженеров спейсера под началом Станислава Томаха. К концу этого срока Филипп проникся к Богданову симпатией и уважением, малоразговорчивый и противоречиво-спокойный — по оценке Филиппа — заместитель начальника отдела безопасности оказался не только знающим дело специалистом и остроумным собеседником, но и тактичным и сдержанным человеком, в чем сказалась двойственность его натуры. По виду, мгновенной реакции на любой жест и беспокойному блеску глаз он должен был быть очень подвижным, нервным, суетливым человеком, на самом же деле богдановская выдержка даже вошла в поговорку, такого самообладания не было у железного Томаха, и это изумляло Филиппа и заставляло самого относиться к себе жестче, требовательней.

Отсек управления «левым» кольцом ретранслятора, как назвал его Томах, или «входом резонатора», как он назывался в паспорте, прятался под прозрачным куполом, способным выдержать ядерный взрыв, три одинаковых помещения с тремя совершенно одинаковыми компьютерами, координирующими работу оборудования станции. Два из них были дублирующими, но включенными постоянно в параллель с основным во избежание срыва канала.

При первом осмотре аппаратуры Филипп вдруг обратил внимание на панель терминала обратной связи, установленную специально для профилактического контроля работы компьютера: в рабочем режиме терминал был без надобности. Прямо над сенсором включения пульсировала необычайно красивая звезда, изменяющая со временем спектр излучения: три вспышки рубинового света, три оранжевого, три желтого, потом зеленого, голубого, фиолетового,

и снова вся серия с начала... Озадаченный Филипп полюбовался чистыми переливами света и включил информ эксплуатации, однако в описании аппаратуры отсека не нашлось упоминания об индикаторе со сменой спектра. Судя по ответу информа, такая индикация не применялась на ретрансляторах вообще. Но «звезда» продолжала отсчитывать вспышки как ни в чем не бывало, а главное, что источником света, как выяснилось, был просто участок панели, не имеющий подвода питания!

Филипп облазил весь терминал, сделал анализ материала панели и вынужден был сдаться: все параметры компьютера были в пределах нормы, а материал светящегося участка ничем не отличался от соседних. «Звезда» словно смеялась над ним, совершенно безобидная на вид, преобразившая панель в деталь от декораций сказки.

Может быть, это новейшая доработка оборудования? — пришла мысль. Но доработчики обязаны были оставить запись о реконструкции. Забыли? Маловероятно, хотя и не исключено. Что же это такое?

Ничего не придумав, Филипп поделился открытием с Богдановым, который отреагировал совершенно спокойно.

— Ну и что? — сказал он.— Вернемся и спросим у обслуги ретрансляторов, не копались ли здесь доработчики. Нам важнее другое: узнать причину срыва груза.

На самом деле Богданов был очень и очень встревожен, но поделился своей тревогой только с Тектуманидзе.

Вечером второго дня, возвращаясь из очередной вылазки с Богдановым на станцию, Филипп, повинуясь больше инстинкту, чем сознательному решению, завернул вдруг в небольшой зал отдыха спейсера, откуда по коридору просачивались звуки музыки. Кто-то, вероятно, забыл закрыть дверь, и Филипп, прежде чем войти, с минуту размышлял, что потянуло его сюда.

В зале царил красноватый полумрак, и был он пуст, лишь в дальнем углу, где мерцал созданный видеопластом костер, кто-то сидел за столиком, уронив голову на скрещенные пальцы рук.

Музыка стихла. Сидевший поднял руку, пошевелил пальцами — зазвучала новая мелодия, Филипп вздрогнул. Это была старинная атония «Знак беды», мелодия полузабытых лет, напоминавшая о горечи утрат. Она всегда вызывала у Филиппа лирически-грустное настроение, а что такое настроение, как не климат сердца? И климат сердца у Филиппа после разрыва с Аларикой долго носил дождливый характер.

Откуда же здесь эта мелодия?..

Душу защемило так, что Филипп прикусил губу, бездумно глядя на трепет оранжевых языков пламени. Музыка продолжала свое нежное, тающее журчание.

Человек за столом встал и растворился во мраке. Но Филипп вдруг с суеверным страхом понял — женщина! Он не верил ни в совпадение, ни в мистику, ни в предчувствия, но в этот раз ощутил в себе такой властный зов сердца, что, не раздумывая, шагнул в зал.

Женщина стояла у громадного черного провала в стене — один из внешних виомов был включен в направлении на южный галактический полюс — стояла, будто падая в абсолютную черноту пространства; взгляд невольно начинал искать искры света в этой темноте и не находил.

Филипп подошел, мучимый сомнениями, остановился, глядя на абрис женской фигуры. Женщина повернула голову... Он не ошибся, это была Аларика.

— Это ты,— сказала она низким спокойным голосом, будто они расстались час назад, будто не разделял их океан времени глубиной в пять лет, и неизвестности, и почти угасшей боли потери. Почти?..— Не думала, что встречу тебя среди безопасников.

— Я всего лишь эксперт по ТФ-аппаратуре, и то временно.— Голос у него оказался таким же спокойным, и он усмехнулся про себя: в глубинах памяти шевельнулась надежда, но это была такая эфемерная ее тень, что здравый смысл легко расправился с нею. И все же... не умерла в душе память рук, память губ, память тела... Память голоса, движения, мысли... и память сердца... «О, память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной...» — всплыли вдруг строки. Чьи? Впрочем, какая разница? Случайные встречи только подчеркивают закономерность разлуки...

— Я тоже не ожидал встретить тебя на спейсере.

— Я по-прежнему врач-универсалист скорой помощи УАСС, хотя работаю в этом амплуа мало, практически один раз в месяц, дежурным врачом. Так получилось, что это мое дежурство совпало с экспедицией «Тиртханкара».

— Почему же я не видел тебя со времени старта?

— Был занят и... хотя вру. Просто не хотела, чтобы ты меня видел.

— Что же изменилось сегодня? На спейсере этого типа можно прожить год и не встретиться.

Аларика отвернулась к виому. Танцующее, неумирающее пламя искусственного костра делало ее профиль загадочным, как изваяние древней богини.

— Мне рассказал о тебе друг моего мужа Никита Богданов. А я захотела проверить.

— Богданов? Друг мужа? — вопрос прозвучал недостаточно естественно и спокойно. Он приказал себе быть посдержанней, но в грудь снова плеснуло волной грусти, и Филипп вдруг представил Аларику в объятиях мужа — абстрактной фигуры, смахивающей на Мая Реброва. Это отрезвило.

— Да, некоторое время они работали вместе.— Аларика осталась спокойной и ровной.— Он ведь тоже был спасателем, хотя и не безопасником. А ты все там же?

Темнота скрыла запылавшие щеки Филиппа. Вопрос прозвучал, как незаслуженная пощечина. Грусть окончательно прошла, появилась злость.

— Все там же,— подтвердил он почти весело.— И по-прежнему играю в волейбол, как ты сама могла убедиться. Я спортсмен настроения, как отметил Ребров, я обидчив и самолюбив, и не осуждаю себя за это. Каждый из нас пять лет назад решал по-своему: в силу эмоций — я, в силу неведомого мне расчета — ты...

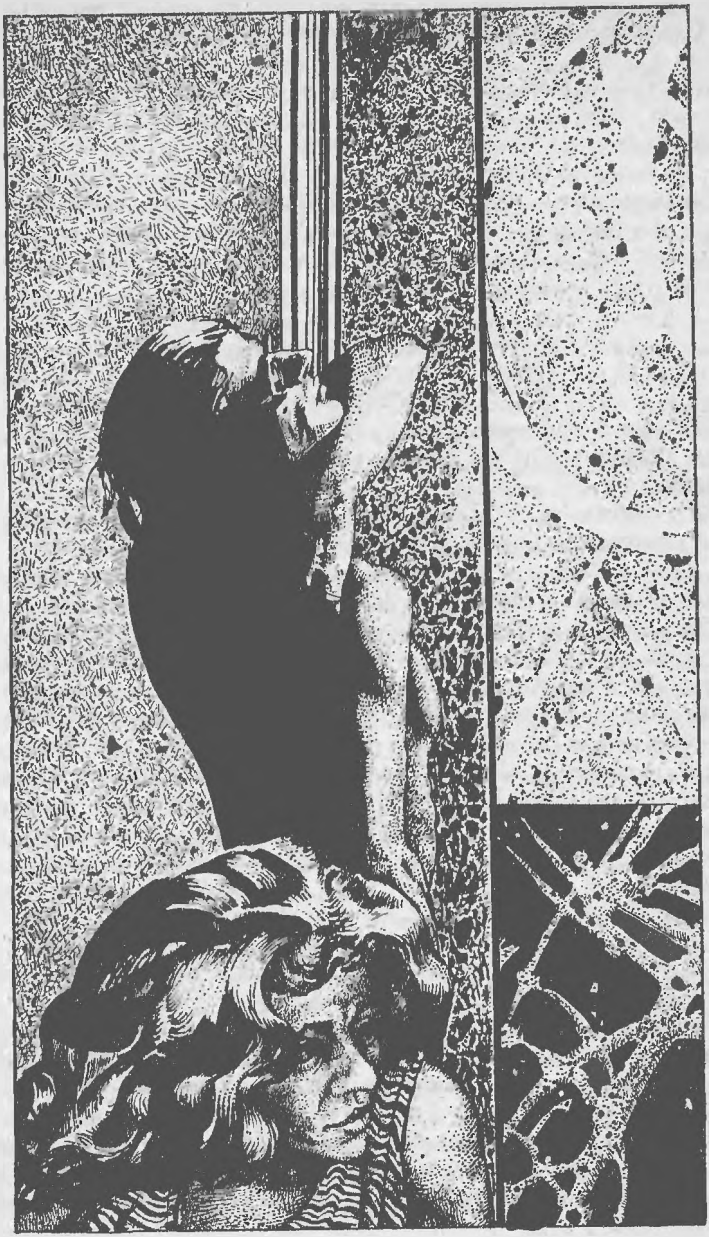
— Я...— повторила она задумчиво.— Тебе не кажется, что ты довольно часто употребляешь местоимение «я»?

— Может быть, но мы не об этом. Ты мне тогда ясно сказала, что спорт — это несерьезно, это на год, на два, пока ты молод и неопытен и на вершине успеха... Неверно! Моя вершина еще впереди, и с высоты пяти лет, пока мы не виделись, я могу только повторить свои слова: волейбол, спорт — это на всю жизнь! Потому что большой спорт всегда приносил радость людям, и тем, кто им занимался, и тем, кто просто «болел». Потому что в каждом из нас живет дух соревнования, а для меня волейбол — не просто игра для себя и для зрителей, это в первую очередь школа жизни, где есть все: радость победы и горечь поражения, ярость атаки и гнев ошибки, и напряжение мысли, и действие, в котором ты выкладываешься весь до конца! — Филипп выдохся и остановился.— Впрочем, прости, я как всегда увлекаюсь, в этом я не изменился.

Она молчала, вспоминая, как впервые встретила Сергея Реброва.

В тот вечер Филипп на свою беду пригласил ее на встречу с друзьями — был праздник Отмены Границ, он обещал познакомить ее с легендарными безопасниками, асами аварийно-спасательной службы. Торжество было в разгаре, после фейерверка они заполнили веселым шумом один из старинных банкетных залов Москвы, Филипп на минуту оставил ее одну — заметил кого-то из знакомых, и в это время в зал вошел Ребров.

Он не был ни особенно широкоплечим среди этих сильных парней, ни особенно красивым, ни особенно значительным, и все же она мгновенно выделила его из толпы, так и не поняв в тот момент, чем же он заставил обратить на себя внимание. Лишь потом, через несколько дней, после двух встреч с ним — он тогда тоже заметил ее сразу,— она поняла: Сергей Ребров был целеустремлен и уравновешен во всех отношениях. Такого самообладания, как у него, твердых убеждений, принципов и уверенности в себе Аларика не встречала ни у кого из своих прежних знакомых, и это решило ее судьбу, а заодно и судьбу Филиппа...



— Прощай,— сказал Филипп, делая шаг к двери.— Спокойной ночи.

— Постой.— Она подошла к столику, костер погас, вспыхнул белый свет. Щурясь от смены освещения, они разглядывали друг друга. Конечно же, пять лет наложили отпечаток: он стал мужественнее, сильнее, хотя губы все еще хранили тень нерешительности или безволия; она — чуть полнее, женственнее... красивее ли? Как это выразить словами? Мы четко знаем, что такое уродство, а что такое красота?.. В памяти всплыли строки, прочитанные когда-то Станиславом на дне рождения Аларики:

А если так, то что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?[1]

Слава умеет выбирать четверостишие, выражающее душу поэта, подумал Филипп. Стихи стары, как мир, а воспринимаются, как откровение...

— До свидания,— уже свободней произнес он.— Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. Ты еще что-то хочешь сказать?

— Хорошо, если я ошибаюсь.— В глазах Аларики мелькнули упрямые огоньки.— Но и ты в одном ошибся. Пять лет назад я решила не в силу расчета, а в силу любви. Я любила Сергея.

Филипп несколько мгновений смотрел ей в глаза, поклонился и вышел, унося в душе все то, что она высказала взглядом, породившее смятение и бурю эмоций. Ему очень хотелось остаться, но прежде надо было разобраться в себе, в своих желаниях, иначе можно было наломать дров... В том, что Аларика любила своего мужа, сомневаться не приходилось. И эта ее сожалеющая усмешка — «ты все там же»? Филипп снова почувствовал прилив обидной горечи, но ему, как ни странно, стало легче. Аларика изменилась, но изменился и он...

На третий день Филипп наконец систематизировал свои соображения и решил выложить их руководству экспедиции.

Экспедиционный зал спейсера был небольшой, но благодаря видеопласту создавалась иллюзия громадного ледяного грота, со стен которого брызгали снопы разноцветных лучей.

— Не люблю экзотики,— проворчал Томах, по молчаливому согласию Богданова выключая видеопласт. Грот исчез, одна за другой видео стены открывались в пространство, пока освещенный квадрат пола с креслами, столом, пультом селектора не оказался висящим в пустоте.

---

[1] Н. Заболоцкий.

Серебристый шлейф Млечного Пути искрился мириадами алмазных игл, глубина космоса раскрылась так, что казалось — ты падаешь, падаешь, падаешь в засасывающую бездну, где ожидает тебя приглушенное бормотание Дороги Душ, неторопливое, но вечное течение Серебряной Реки [1] и бесконечность...

Филипп с усилием оторвал взгляд от пристального ока какой-то далекой зеленой звезды и повернулся к спасателям.

— Автоматика станции в полном порядке,— начал он, ощущая необычную робость и волнение: в качестве эксперта ему еще не приходилось выступать, да и обстрел пяти пар глаз, принадлежавших суровым и требовательным людям, был непривычен.— Это, наверное, и не подлежало сомнению, надежность ретрансляторов подобного типа практически равна единице. Чтобы изменить параметры хотя бы одной цепи, необходимо взорвать всю станцию, а это далеко не просто. Станция работает нормально, во всяком случае, наши депеши Земля получает, как и мы ответы оттуда. Необходим эксперимент с передачей груза на Садальмелек, только тогда можно будет с уверенностью сказать об эффективности линии. Вот, пожалуй, и все у меня.

— Вывод ясен,— сказал начальник экспедиции Шалва Тектуманидзе. Одетый в просторную белую рубаху со шнуровкой — компенсационный костюм спасателя он почему-то не любил, хотя тот был удобен и рассчитан на все случаи жизни,— сухой, жилистый, прокаленный солнцем, черноусый и чернобровый, он выглядел гостем, странником, гусляром, случайно забредшим в хижину, но оказавшимся в технически совершенном дворце. Филипп мысленно повесил ему через плечо холщовую суму и гусли, дал в руки посох и усмехнулся про себя,— так великолепно начальник экспедиции вписывался в образ гусляра.

— Но позвольте вопрос,— продолжал Тектуманидзе,— можно ли запеленговать приемную станцию, если при передаче груз снова сорвется с трассы Садальмелека?

— Нет,— подумав, ответил Филипп.— Во время возбуждения ТФ-поля при передаче любого сообщения или груза в пространстве образуется волновое эхо, но тут мы сталкиваемся сразу с двумя нерешенными проблемами. Первая — принцип неопределенности: чем длиннее и качественнее передача, тем эхо слабее и больше ошибка в определении координат передатчика. Вторая — аппаратуры для точной пеленгации ТФ-передач не существует, до сих пор она была не нужна. Обычный ТФ-приемник, как и корабельные трассеры, не годится. Дело в том, что ТФ-поле — это не физическое поле в нашем понимании, а свойство пространства, отражающее топологические особенности вакуума...

---

[1] Названия, которые давали астрономы древности Млечному Пути.

Филипп замолчал, интуитивно поняв, что объяснения его излишни; хотя его продолжали слушать, по едва уловимым признакам можно было понять — людей занимало другое.

— Еще вопрос,— вмешался Томах.— Небезопасен ли эксперимент для работников конечных станций на Земле и на Истории?

— Гарантии дать, конечно, трудно, но конструкторы давно ушли от техники безопасности к созданию безопасной техники. При малейшей угрозе жизни людей сработают автоматы защиты.

— Сказано неплохо,— проворчал кто-то из команды спейсера,— но тем не менее случаются аварии и с безопасной техникой.

Филипп пожал плечами и промолчал.

Совещание закончилось.

Через несколько часов провели экспериментальный запуск груза с Земли на Историю. Груз — генераторы кислорода — прошел спокойно, без всяких эксцессов. Несколько часов подряд Филипп с помощью бортинженеров спейсера «гонял» трассу между Землей и станцией: канал ТФ-передачи в обе стороны работал безукоризненно, как и между станцией и Историей.

— Отсутствие результата — тоже результат,— утешил Томах Богданова, когда усталые они вернулись на корабль.

— Но первый груз исчез,— произнес тот отсутствующим тоном.— Куда? Кто его принял?

— Кто-нибудь принял. Надо просто обследовать все звезды этой области в радиусе пятидесяти парсеков — это предел для прямой ТФ-связи на тех частотах, которые мы используем.

— Гениально! В радиусе пятидесяти парсеков тысячи звезд!

— Ну что ж,— не сдавался Станислав,— тогда мы пошлем сообщение по всей Галактике — верните, мол, наши грузы!

Богданов невольно улыбнулся.

— Разве что.

— Я пошутил.

— А я нет. Идея неплохая. Кстати, от всего нашего копания на станции у меня осталось нехорошее чувство, будто мы что-то упустили из виду.

— Не из-за тайны ли «звезды Ромашина»? Ведь мы так и не установили, что это такое и по какой причине возникло. Знаем только, что доработчики здесь ни при чем.

— Может быть, есть смысл еще раз замерить параметры среды в этой точке? Но будет ли результат?

Томах пожал плечами.

— Филипп замерял, я, ты тоже. Конечно, придется проверить еще раз, что нам остается? Твое мнение о Филиппе?

— Хороший парень. Правда, выдержки маловато, да и вяловатый он не по возрасту, но это дело поправимое, со временем из него мог бы получиться...

— Ну-ну, договаривай.

— Что договаривать? Я ведь тебя знаю, неспроста ты заостряешь на нем внимание, нет?

— Да.— Томах остался серьезным.— Выдержка — это наживное, и вялость жизненной позиции — дело поправимое. По моему мнению, он находка для службы, только не знает об этом. Что скажешь?

— Поживем — увидим. Прежде всего надо получить его согласие, а я не вижу, чтобы он хотел бросить свою работу в бюро Травицкого.

Спустя двое суток «Тиртханкар» подходил ко второму ТФ-ретранслятору, с которого не прошел груз к планетам звезды гамма Суинберна. Но и там людей ждало разочарование: станция работала в пределах нормы, никаких следов вмешательства посторонних сил в ее работу не нашлось. Кроме одного: «звезда Ромашина» сияла и там, не связанная ни с одним источником энергии, никоим образом не действующая на приборы, не проявлявшая никаких других свойств кроме ритмичной пульсации спектра излучения.

Передав на Землю неутешительную информацию, Тектуманидзе неожиданно получил приказ следовать к Кохабу — бете Малой Медведицы, возле которой на планете Шемали начала недавно работать первая, «квартирьерская», как их называли, экспедиция.

Двести девяносто парсеков — сто восемьдесят от Солнца и сто десять от Солнца к Кохабу — «Тиртханкар» преодолел за трое суток.

Еще через сутки карантина Филипп ступил на почву Шемали, слегка оглушенный избытком впечатлений и астрономическими расстояниями, которые преодолел вопреки своим желаниям. Его уже перестала удивлять «безумная» щедрость Земли в отношении снабжения спейсеров аварийно-спасательной службы энергией, ибо он понял — делается все это ради той же Земли, ради ее повелителей, покинувших колыбель и углубившихся в безмерное поле тьмы космоса.

Вокруг Шемали вращалась одна базовая орбитальная станция, на которой недавно вступила в строй стационарная станция метро. С включением ее в рабочий режим вопрос доставки научных материалов на Землю превращался в совсем простую операцию, несмотря на колоссальные расстояния в десятки парсеков.

За время карантина Филипп познакомился с настройщиками, так же как и он, выпускниками Рязанского института ТФ-связи, и помог им в калибровке главной антенны, за что получил благодарность руководителя группы.

Спуск на планету происходил стандартно, как и возвращение на Землю с ее орбитальных лабораторий, оранжерей и космодромов — по каналу орбитального лифта, соединяющего станцию

с пунктом приема на планете. Единственное, что отличало здесь операцию спуска,— одевание компенсационного костюма.

Филиппа пригласили в цилиндрический бокс, на минуту подключили к блоку медико-биологической изометрии, для замера физических и физиологических параметров тела, всунули в рот мундштук, одели на глаза телескопические очки, а на уши аудиофоны, и впихнули голого в странную черную массу, заполняющую бак без крышки. Из бака Филипп вылез в черном «трико», облегавшем тело от макушки до пят. В таком наряде спасателям предстояло пребывать на планете неопределенное время, отведенное для решения новой задачи — какой, об этом знал пока один Тектуманидзе.

Филипп с любопытством опробовал странную одежду. К его удивлению, она ничуть не стесняла движения, была легкой и вызывала удивительное чувство силы. Томах, похожий на черта, как и остальные, отсмеявшись, пояснил:

— Костюм служит одновременно и экзоскелетом, увеличивающим любое мускульное усилие.

По словам инспектора, костюм выдерживал выстрел из «универсала», температуру до тысячи градусов, служил кондиционером и одновременно удалял все отходы метаболизма тела.

— Здорово! — сказал искренне Филипп.— А из чего он сделан? Что за материал?

Они уже входили на галерею станции, откуда начинался трехсоткилометровый туннель к поверхности планеты, кажущийся прозрачной голубоватой трубой. Труба упиралась в слой змеящихся облаков и пропадала в их зеленовато-серой мути.

— Материал? — переспросил Станислав.— Да самый что ни на есть простой — колония микроорганизмов, запрограммированная определенным образом. Не отставай, пойдем парой, остальные уже внизу.

Ошеломленный Филипп ощупал на себе «колонию микроорганизмов».

— Вот так костюм! А почему он черного цвета? Не могли покрасить в разные цвета?

— Во-первых, потому что микроорганизмы поглощают солнечный свет и почти все виды радиаций, а, во-вторых, любое красящее вещество для них — продукт питания.

— Теперь понятно. Одно только неясно — зачем они нам вообще? Ведь Шемали — планета земного типа, как мне сказали.

— Земного, да не совсем. Что ты привязался ко мне со своим мундиром? Не нравится, попроси легкий скафандр, а в «гражданском» тебя вниз никто не пустит, планета еще не проиндексирована по шкале безопасности.

Они молча продолжали путь по галерее, сопровождаемые стрел-

кой путеуказателя, плывущей по стене, потом Филипп спросил:

— А как это — в гражданском? Ты говорил, не пустят в гражданском...

Томах не выдержал и засмеялся.

— Ох и дотошный ты мужик, Ромашин! В «гражданском» — это словарный запас почти трехсотлетней давности, тогда почти половина населения Земли ходила в военном обмундировании, а остальные соответственно в гражданском. Ты часом не издеваешься? Историю-то в школе проходил, как и все.

В конце галереи они надели вакуум-маски, вошли в белый конус кабины лифта с цифрой «десять» на дверце, автомат-лифтер отсчитал десять секунд в обратном порядке, и мягкая, но властная лапа швырнула кабину с начинкой в туннель, в невообразимой дали сходящийся в точку.

Полет продолжался ровно шесть минут. Видимо, чтобы не травмировать путешественников эффектом падения в бездну планеты, стены кабины не становились прозрачными во время полета, и Филипп не увидел Шемали с разных высот.

Прозвучал предупреждающий сигнал автомата, та же мягкая лапа без усилий поймала кабину и почти нежно внесла в приемный зал лифта. Дверца отошла вверх, спасатели вышли из здания лифта в шемалианский день.

Филипп остановился, пораженный открывшимся пейзажем.

На первый взгляд на Шемали царили два цвета: черный и желтый! Черный — почва, пологие склоны гор, полуразрушенные временем скалы, желтый — мутное небо с яркими прожилками, лес и группа каких-то построек явно земного происхождения. Со временем Филипп разобрался в оттенках шемалианского ландшафта, но в первый момент своеобразие контраста — черное с золотым — буквально потрясло его.

Догнав ушедшего вперед Томаха, он подумал: а все же костюмы делают нас чересчур похожими на участников маскарада, разве что хвостов не хватает. Действие первое: черти спускаются в потухший ад! Вопрос — зачем?

— Слава, мне толком никто и не объяснил, почему мы здесь.

— Мне тоже,— отозвался Томах.— Потерпи, эксперт. Кстати, эксперту УАСС необходимо быть выдержанным, уверенным и многозначительно молчаливым. Хотя, с другой стороны, спасатели тоже люди и могут...

— Ошибаться,— подхватил Филипп.

Томах с недоумением оглянулся.

— Нет, эксперт, сомневаться. Только не ошибаться.

Они вошли в самый большой из желтых куполов жилого комплекса экспедиции и, миновав тамбур, очутились в круглом помещении, просторном, уютном, с «настоящим» солнечным светом,

лькющимся с «небес» — весь потолок служил фоном видеопласта, отчего казалось, будто крыша купола отсутствует и внутрь заглядывает веселое земное солнце.

Купол, вероятно, был кают-компанией и одновременно командным пунктом экспедиции: за полупрозрачной перегородкой, делившей помещение на две почти равные части, виднелись силуэты каких-то аппаратов, низких пультов с виомами и мигающими индикаторами. Оставшаяся половина площади помещения была заставлена изящными столиками и всевозможной формы креслами, а у стены стояли рядом автобар и кухонный универсальный автомат, модель «Комфорт-91» на пятьдесят персон.

Кают-компания была почти пуста: за двумя сдвинутыми столиками расположились гости с «Тиртханкара» и хозяева, хотя кто из них кто — понять было трудно, одеты они были в такие же черные костюмы. Филипп, приглядевшись, опознал только Богданова и Тектуманидзе, по глазам. Остальные «черти» были незнакомы. Один из них, широкий, громоздкий, встал из-за стола и пошел навстречу вновь прибывшим.

— Заходите, гости дорогие, заходите смелее. Давайте знакомиться, Тарас Вернигора.

— Ну, меня ты мог бы и узнать ради приличия,— сказал Томах, подавая руку.— Год назад вместе посещали секцию тайбо.

— Вай, как нехорошо!.— огорчился Вернигора.— Прости, дружище. Как же это я не узнал соперника по ковру, мявшего мне бока в течение трех лет?

— Ромашин,— представился Филипп, протягивая руку, и словно попал в капкан.

— Филипп — наш новый эксперт,— сказал Тектуманидзе, хотя это было не совсем верно.

— А я начальник экспедиции,— сказал Вернигора.— Эксперт, вы случайно не спортсмен? Мне кажется, я вас уже где-то видел. Да и рука у вас крепкая, тренированная.

— Не случайно,— сказал Филипп, чувствуя себя неловко из-за того, что все внимание оказалось прикованным к нему. «Интересно, откуда видно, что я спортсмен? — подумал он.— По глазам, что ли? Или он меня действительно видел где-нибудь на соревнованиях?»

— Извини, Тарас, давай о деле,— вмешался Тектуманидзе.— Повтори еще раз те данные.

— Да, о деле,— согласился Вернигора, отпуская руку Филиппа и возвращаясь к столу.— А дело состоит вот в чем. Экспедиция у нас квартирьерская, исследовательская группа немногочисленна, в ее составе всего двадцать восемь человек, а строительный отряд почти в девять раз больше. Вы, наверное, видели с воздуха некоторые наши сооружения, имеется в виду законченные, остальные

только начинают строиться. План застройки большой, экспедиция нуждается и в людях, и в технике, особенно в технике. И тут на тебе — груз с Земли не приходит!

— Не понял! — удивился Томах.

— Пока мы исследовали причины исчезновения грузов на Истории, точно такой же случай произошел здесь,— пояснил Богданов.— Четверо суток назад. Они решили дать пробный пуск линии, на Земле старт-камера освободилась, а финиш-камера здесь, у Шемали, даже не мяукнула.

— Вот оно в чем дело. И Шалва знал об этом, но не сказал ни слова?

— Не стриги мне усы на ходу,— проворчал осуждающе Тектуманидзе, хотел по привычке погладить усы, но наткнулся на гладкую черную поверхность костюма.

— Но это еще не все,— продолжал Вернигора.— До исчезновения груза, вернее, до того, как с Земли нам передали, что груз к нам ушел, мы заметили «зеркала». Не придали им особого значения. Потом оказалось, что «зеркала» не совсем простые, но об этом я рассказывать не буду, пощупаете их сами. Ну, а вслед за открытием произошел срыв транспорта с грузом.

— В таком случае нам надо проверить ретрансляционные станции, а у вас нам делать нечего.

— Кто знает...— загадочно сказал Вернигора.— Именно после появления «зеркальных перевертышей» и случилась эта история с грузом. Так что вполне вероятно, что они каким-то образом связаны.

— Погоди, ты же сначала говорил о «зеркалах». А «перевертыши» что такое?

— Это одно и то же.

— О «зеркалах» мы узнали уже от вас,— сказал Тектуманидзе.— С Земли на спейсер пришла ТФ-депеша об исчезновении груза на Шемали, и вот мы здесь. Кстати, какого характера груз должен был к вам прийти?

— В основном оборудование терраформистов: комбайны для грунтовых и горных проходок, плазменные резаки, аппаратура объемного взрыва и так далее.

Весьма любопытно.

Вернигора помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Мы разбили лагерь на Шемали два месяца назад. Сейчас, конечно, здесь почти никого нет, исследователи разбрелись по всем материкам планеты, строители и терраформисты успели построить себе стационарный поселок, и база, по существу, превратилась в пункт обслуживания отрядов, тем более что лифт от орбитального метро тоже опущен сюда. И все было бы хорошо, если бы не инцидент с грузом. Ну, и «зеркальные перевертыши» — тоже интересная

штучка.— Начальник экспедиции подождал вопросов, не дождался, кхекнул и продолжал: — Представьте, что на скале, возле которой проходили раньше десятки раз, вдруг начинает отражать свет одна из плоских граней! Как самое настоящее зеркало. Это тем более впечатляет, что цвет скал здесь, сами видели, черный или темно-коричневый. Естественно, мы заинтересовались явлением, обнаружили еще несколько «зеркал» в разных местах, стали изучать и... давайте я вас провожу к одному из них. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Самое интересное, что «зеркала» способны перемещаться. То есть видеть их в момент перемещения никто не видел, но стоит группе сменить место базирования или работы, как на новом месте вскоре обязательно возникает «перевертыш». А на старом исчезает.

— Не очень-то это впечатляет,— проговорил Томах.— Похоже, вы открыли новое физическое явление — и только. С чем и поздравляю. Разве разведчики не предупреждали вас о подобных явлениях?

— В том и дело!

— Это не аргумент. Я все равно не вижу причины, из-за которой нас погнали за тридевять земель.

— Слава, ты просто плохо информирован,— вмешался Богданов.— Дело в том, что и на Истории, вращающейся вокруг Садальмелека, обнаружены какие-то «зеркала». И у меня смутное предчувствие, что я нечто подобное...— Он замолчал.

Томах подождал продолжения.

— Вот как? Зачем же тогда мы не высадили десант на Садальмелеке, а сразу двинули сюда?

— Те «зеркала» на Истории с исчезновением транспорта никто не связывал,— сказал Тектуманидзе.— Когда пришел приказ двигаться к Шемали, еще не было известно о здешних «зеркалах». Но теперь понятно, что «зеркала» и пропажи действительно взаимосвязаны, и нам придется заняться ими вплотную. Физические параметры «зеркал», я надеюсь, зафиксированы?

Вернигора встрепенулся.

— Конечно. Одно из них совсем рядом с базой, на Вепре — это скала такая.— Начальник экспедиции встал, жестом пригласил всех за собой.— Не удивляйтесь, скалы на Шемали — одно из чудес света! Формы их столь разнообразны и удивительны, что ребята уже не раз докладывали мне о находках «развалин городов». Пойдемте, покажу вам «зеркало». Захватите антигравы, а то пешком ходить по местным буеракам не слишком приятно.

Спасатели вышли из помещения, окунаясь в мрачное «подземелье» шемалианского ландшафта, такие же угрюмо-черные в своих костюмах, как и окружающие долину скалы, словно они искони принадлежали этому миру и могли в нем растворяться без следа.

И тут Филипп понял причину своего недовольства тем, что костюмы будят мрачные ассоциации. Недаром крупные видеописатели современности обращали внимание на моральную сторону космической экспансии человечества, и в связи с этим Филипп даже вспомнил тему одной из видеоповестей: «Всегда ли человек несет с собой добро?» Факт — должен! Но вот несет ли? Слишком часто в поисках новых сырьевых и энергетических ресурсов он не заботится о «побочных» явлениях своего вмешательства в природу, и в результате приходится восстанавливать экологическое равновесие чуть ли не в масштабах планеты, как это было век назад с Землей. Других примеров Филипп не знал и решил при случае расспросить об этом Томаха, не ведая, что своими расспросами даст толчок к решению завязавшейся глобальной проблемы, первые признаки которой — исчезновение грузов и появление «зеркал» — они только начали изучать.

Он оглянулся назад, по-новому всматриваясь в расположение базового лагеря экспедиции, и вдруг заметил над входом в соседнее здание странную лучистую звезду, «играющую» цветовую гамму: от голубого до багрового, по три вспышки на каждой частоте. Филипп живо припомнил найденную им «звезду» на пульте управления ретранслятором.

— Что остановился? — окликнул его Богданов.— Не зевай, эксперт.

Один за другим люди поднялись в воздух, и Томах, стартовавший последним, весело прокричал:

Это в пору полнолунья
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась тесниной духов [1].

Лагерь остался позади, приблизилась цепь скал, и в самом деле напоминавших руины. Вернигора резко спикировал к одной из них и встал на толстый ковер мха коричнево-красного цвета. Остальные опустились рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Скала с «зеркалом» напоминала очертаниями диковинного зверя, сходство с вепрем она имела весьма отдаленное, но ощущение мрачной мощи, реальной угрозы от этого не проигрывало.

«Зеркало» представляло собой трехметровую плоскость, отполированную до такой степени, что она отражала свет не хуже настоящего металлического зеркала. Фигуры людей в нем искажались самым причудливым образом, хотя поверхность «зеркала» на глаз казалась абсолютно ровной. Филипп поймал себя на мысли, что это «зеркало» весьма напоминает ему недавний розыгрыш с

---

[1] Гейне Г. Рейнеке-лис.

«динго» в рабочем кабинете института, розыгрыш, так и оставшийся неразгаданным.

— Вот такие пироги,— сказал Вернигора, разводя могучими руками; его двойник в «зеркале» тоже развел руками, но вывернутыми в локтях.— Из физических параметров, отличающих это место от других, следует отметить слабую магнитную аномалию, да еще, пожалуй, микроволновой фон. Все материалы я вам выдам в лагере. Ну, посмотрели?

— А ведь отсюда открывается отличный вид на весь лагерь! — заявил вдруг Томах со странной интонацией. Он был единственным, кто не подошел сразу к «зеркалу», а сначала обошел площадку кругом.

— Может быть,— пожал плечами начальник экспедиции.— Никогда об этом не задумывался.

Он подошел к Станиславу, приставил руку козырьком ко лбу.

— Гм, действительно... ну и что?

Томах оглянулся на Богданова.

— Не знаю... ничего определенного, просто показалось странным. Филипп, я помогу тебе с контрольными замерами. Какая нам понадобится аппаратура?

— Вся, что есть,— резонно заметил Филипп, толком еще не зная, что именно придется замерять.

— Снабдим,— заверил спутник Вернигоры.— Хотя мы сами тут обнюхали все до камешка.

— Кстати.— Вернигора поднял с площадки угловатый черный обломок камня.— Это знаменитая шемалианская горная порода псевдоникс. Смотрите.

Он с размаху ударил камнем о выступ скалы, и тот рассыпался фонтаном осколков. Начальник экспедиции поднял несколько кусков и подал спасателям. В местах сколов обломки отливали фиолетовым и красным цветом, и каждый из них напоминал недоработанную скульптуру — удивительные фигурки людей, зверей, птиц, изделий рук человеческих.

— Что это? — спросил скептически Тектуманидзе, вертя в руках одну из фигур.— Как ты это делаешь? Фокус?

— Отнюдь. Это так называемая спонтанная асимметрия кристаллизации породы. Явление сверхредкое, если не единственное в своем роде. Но псевдоникс не последняя достопримечательность планеты, здесь много работы и для ксенобиологов, и ботаников, и зооморфологов. Нам повезло, что мы тут первые. Планета, как мне кажется, подпадает под статью эстетических ресурсов человечества, как зона отдыха. Но я еще не все показал. Ждите.

Вернигора повернулся к «зеркалу» и с ходу вошел в него, как в открытую дверь.

Филипп ожидал стеклянного удара и фейерверка осколков, но

поверхность «зеркала» чуть помутнела, а потом восстановила зеркальный блеск, отражая мир перед собой. Вернигора исчез!

Потрясенные гости переглянулись. Филипп открыл рот, собираясь рассказать Томаху о своей встрече с подобным зеркалом в своем институте, но передумал.

— И что дальше? — спросил Тектуманидзе спустя минуту.

— Подождем,— сказал один из старожилов.— Он появится минут через десять-пятнадцать. Максимальная задержка выхода из «перевертыша» тридцать три минуты, минимальная — восемь, мы замеряли. Чем объясняется разброс, неизвестно.

— А что там происходит с входящим?

— Да ничегошеньки. Не успеваешь сообразить, как уже выходишь! То есть для входящего проходит буквально мгновение, а выходит он через полчаса, причем не задом, а так, будто его незаметно повернули на сто восемьдесят градусов.

Спокойная гладь «зеркала» вдруг пошла рябью, затуманилась, из нее вынырнула нога и рука идущего человека, потом весь Вернигора.

— Ну как?

— Потрясающе! — сказал Тектуманидзе.— Дверь в параллельное измерение, не иначе. Я даже не уверен, что оттуда вышел именно ты. Вдруг вы обменялись?

— С кем? — опешил начальник шемалианской экспедиции.

— Со своим двойником из зеркального мира. Представляешь последствия? Придется тебя подвергнуть изучению и обследованию, как и само «зеркало».

Вернигора рассмеялся.

— Шутишь.

— Ничуть,— жестко сказал Тектуманидзе.— Вероятность существования «зеркальных миров» после работ Баташова-Каэдо-Сайкса доказана наукой, так что смеяться рано. Ты мог бы и сам скумекать, где можно рисковать, а где нет. Я, конечно, не верю в подобный обмен, но я безопасник и обязан проверить любую возможность.

Вернигора посерьезнел.

— Пожалуй, ты прав, я не учел всех последствий. Но ведь и мы не лыком шиты и прежде, чем уходить в «другие измерения», проверили все дистанционно. Что ж, будем исследовать феномен со всех сторон, в том числе и со стороны медицины и биологии. Я готов.

Через полчаса, побродив по скалам, спасатели вернулись в лагерь, нагруженные ворохом впечатлений от «зеркальных перевертышей» и диковинных ландшафтов Шемали, размышляющие о ее поразительных особенностях. Филипп прикидывал, сообщить ли Томаху о встрече с «зеркалом» на Земле, но решил повременить,

сначала изучив феномен «перевертыша», хотя его и поразила полная идентичность явлений. Он не придал значения серьезности того, о чем предупредил Тектуманидзе, такая мера ответственности была ему пока не по плечу.

Филипп продиктовал дежурному бортинженеру «Тиртханкара» список необходимой аппаратуры, которой не оказалось у гостеприимных хозяев, и в ожидании ее прибытия решил еще немного побродить в окрестностях лагеря. Томах с Богдановым на антигравах отбыли в неизвестном направлении, а Тектуманидзе вернулся на корабль, так что новоиспеченный эксперт остался в одиночестве, предоставленный самому себе.

У лагеря он, к своему удивлению, встретил Аларику. Разговора не получилось: она явно хотела остаться одна, а Филипп так остро чувствовал ее желания, что вовремя остановил язык, готовый завести куда угодно. Во взгляде Аларики мелькнула благодарность, она оценила его сдержанность. Они разошлись в разные стороны, хотя Филиппу как никогда хотелось многое поведать и многое услышать в ответ. Дразнящая женственная красота Аларики, которую не портил даже черный костюм, превративший ее в лукавую ведьму из старинных сказаний, разбередила душу, и чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, Филипп заставил тело работать физически — взобрался на вал древней морены, превращенный выветриванием в стену бастиона с башнями и бойницами. И обнаружил здесь еще одно «зеркало». Воровато оглянувшись, сунул руку в гладкую плоскость. Рука исчезла. Ни тепло, ни холодно. Филипп попытался выдернуть ее обратно — не тут-то было! Впечатление такое, что рука вмурована в монолит! Вперед — пожалуйста, а назад — легче отрезать. Потоптавшись у «зеркала», понимая, что выглядит со стороны смешно, он вынужден был пройти «перевертыш», и вышел обратно без всяких вторичных эффектов — кроме задержки во времени (на двадцать две минуты, как он узнал потом).

Вспомнив замечание Станислава, Филипп посмотрел на лагерь и странное подозрение зародилось в мозгу — с этой точки лагерь также просматривался великолепно!

Эксперт оперся рукой о камень и невидящее уставился на какое-то тщедушное существо, уползавшее из-под ног под защиту каменного козырька. Черт возьми! Развивая мысль Славы, «зеркала» можно представить как своеобразные следящие устройства! С тунельным пространственным эффектом. Но кому это нужно — следить за лагерем! Аборигенам? Чушь! Планета признана необитаемой... Тогда кому?

Филипп поморщился, а подозрение уже крепло, превращалось в уверенность: не чушь, не чушь! Недаром и Шалва связал события — грузы и «зеркальные перевертыши». И Земля тоже, случаи-

то уже не единичные! Сначала на Истории, теперь на Шемали, да и дома, на Земле, хотя непонятно, за кем там следить. За ним, Филиппом? Невелика шишка... А, может быть, совпадения? С чего это у меня вдруг заиграло воображение? Как там говорил Слава: эксперт должен быть выдержанным и многозначительно немногословным... если нечего сказать.

Он усмехнулся, сделал шаг и... шарахнулся в сторону: ползущее лохматое существо, похожее на шапку-ушанку, вдруг подпрыгнуло, плюнуло в его сторону чем-то желтым и издало такой дикий вопль, что с минуту со всех сторон доносилось каркающее эхо.

Существо, как ни в чем не бывало, опустилось на камни и поползло прочь, не сводя с замершего человека нескольких пар глаз-бусинок.

— Однако! — пробормотал оглохший Филипп и вежливо приподнял несуществующую шляпу.— Простите, сэр, я вас, кажется, напугал? Но и вы в долгу не остались, так что дуэли не будет.

Засмеявшись, он повернул назад, прыгая с камня на камень, спустился к подножию «крепостной стены», еще раз посмотрелся в «зеркало», невозмутимо отражающее желтый пламень неба, и припустил к таким же чистым и желтым куполам лагеря.

Три дня провел Филипп возле таинственных «зеркальных перевертышей». Ему помогали инженеры «Тиртханкара», неразговорчивые парни, понимающие друг друга с полуслова, и Томах.

На исходе вторых суток при погружении в «зеркало» универсального всеволнового измерителя внезапно сработал один из малых ТФ-трассеров, несмотря на «малость» весивший на Шемали вместе с гравитационной антенной около трех тонн. ТФ-трассеры применялись на космолетах для определения координат выхода корабля из ТФ-канала, Филипп настоял взять два аппарата скорее из упрямства, чем по необходимости, все-таки таймфаговая аппаратура была его слабостью, и вот один из взятых с собой трассеров выкинул красный сигнал.

Филипп сначала даже не поверил глазам, узрев сигнал, но раздавшийся вслед за этим гудок заставил его подскочить к пирамиде трассера.

— Эхо! — растерянно сказал он, заметил вопросительный взгляд Томаха.— Трассер обнаружил волновое эхо в пространстве! Кто-то где-то рядом только что провел сеанс ТФ-связи!

— Точно,— подтвердил один из инженеров, подходя к трассеру и наклоняясь над плечом Филиппа.— Трассер обнаружил таймфаговый «след», еще тепленький.

— Ну и что? — сказал Томах.— «Тиртханкар» передал на Землю ТФ-депешу... или Вернигора разговаривал с Землей.

Филипп отрицательно мотнул головой.

— Частоты наших каналов ТФ-связи лежат далеко в стороне от принятого «эха». Да и мощность невелика... Кстати, почему-то не сработал второй трассер, странно...

— Ничего странного,— сказал инженер.— Диапазон частот второго на порядок меньше, вы же видите класс. Мы используем его только для определения фона и грубой ориентации в евклидовом пространстве.

Филипп вспомнил свои странные предположения, и сердце снова сжала холодная лапа тревоги. Он бегло просмотрел данные, полученные с помощью многочисленных датчиков, измерителей полей и другой аппаратуры, высвеченные на терминале компьютер-координатора исследовательского комплекса, и решил поговорить с Томахом. Но Станислав сам подошел к нему, удивительным образом уловив его смятение: лица людей скрывались под масками и мимики лица Филиппа он видеть не мог.

— Что-нибудь случилось? Ты какой-то растерянный.

Филипп невольно посмотрел на блистающее «зеркало».

— Отойдем,— решил Томах и отвел его в сторону.— Рассказывай. Что, встречал «зеркальные перевертыши» раньше? Я видел, как ты реагировал на эффектный вход Вернигоры в «зеркало».

— Мне кажется, точно такое же сначала появилось на Земле.— Филипп рассказал о своей встрече с «зеркалом», которое он принял за видеопризрак «динго».

— М-да.— Станислав по-новому взглянул на друга.— Интересный крен получается. Сначала Никите на Земле повстречалось «зеркало», теперь, оказывается, и тебе тоже...

— Никите?! Когда?

— В тот вечер, когда нас собирал Керри. Его «прыгунок» врезался в нечто, напоминающее «зеркальную стену» и... оказался развернутым на сто восемьдесят градусов без всякого ущерба. Из-за этой встречи Никита и опоздал, помнишь? «Зеркало» держало его около пятидесяти минут.

— Вот так номер! Что же это означает?

— Только одно, мой друг,— за нами кто-то установил наблюдение. Ведь если я тебя правильно понял насчет «эха», «зеркало» только что передало сообщение, так?

— Примерно так. Никогда не думал, что такое возможно! В таком случае «зеркальные перевертыши» суть таймфаговые станции с неактивным выходом и временной задержкой, иными словами — накопители-передатчики информации. Они явно не имеют своих энергопитающих систем, и тем не менее не связаны со своими хозяевами все время ТФ-каналами, а выдают информацию только при облучении. Направленная ТФ-волна инициирует их и «снимает» запасенную информацию. Только в этом случае энергия им не нуж-

на. Зато теперь мы можем попытаться запеленговать их ТФ-передатчик, надо только разработать и изготовить на основе трассеров пеленгационную аппаратуру в нужных диапазонах и с необходимой чувствительностью. Одно мне непонятно: зачем «зеркалам» такие экзотические свойства? Имею в виду «вывертывание наизнанку».

Станислав хмыкнул, оглянулся на «зеркало», равнодушное ко всему, как казалось недавно, вздохнул:

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,
Но об этом узнает ли тот,
Жду кого я в назначенный срок![1]

Филипп озадаченно посмотрел на спасателя.

Томах улыбнулся глазами.

— Учись удивляться спокойно, эксперт... хотя твои предположения несут больше вопросов, чем ответов. Да, «зеркала», вероятно, следящие устройства. Но чьи? На Шемали нет и не было разума, как и на Истории, кстати.— Томах задумался на мгновение.— Ты не обижайся, в твоей компетентности никто не сомневается, но... не ошибаешься ли ты?

Филипп улыбнулся, собираясь ответить, что обижаться тут не на что и надо будет, конечно, не раз проверить новые свойства «зеркал», но Томах снова угадал его мысли и благодарно сжал руку.

— А не напрасно мы тебя взяли, ей-богу! Помог ты нам здорово! Но все-таки постарайся проверить свои выводы, а?

— Буду ждать следующего «эха»,— сказал Филипп; ему, конечно, давно осточертели мрачные, подавляющие психику пейзажи Шемали, хотелось скорее очутиться на Земле, окунуться в привычную атмосферу забот, тренировок и творческого поиска в «мыслительном» центре ТФ-института, но вслух он этого не сказал.

«Тиртханкар» вернулся на Землю лишь спустя две недели после разгадки тайны «зеркальных перевертышей», относительной, разумеется: свойства «выворачивателя» остались неразгаданными. Повторные, более тонкие измерения полей вокруг них, а также вблизи «звезды Ромашина», бесстрастно продолжавшей высвечивать «нотную гамму», не подтвердили и не опровергли гипотезу Филиппа — «зеркала» есть своеобразные пассивные следящие системы, выдающие ответ при облучении их ТФ-полем. Кем они были установлены и с какой целью, осталось также неизвестным. Вернее, можно было догадаться, что целью этих неведомых любопытных,

[1] Вэнь Тинъюнь. Мелодия Пусамань.

получивших собирательное название Наблюдатель, является слежение за действиями исследовательских групп на Истории и Шемали («зеркала» на Истории изучали «настоящие» эксперты Управления, об этом Филипп узнал от Томаха уже на Земле), но так ли это на самом деле, никто наверняка знать не мог. К сожалению, запеленговать передачи хозяев «зеркал» не удалось: во-первых, потому что чувствительность имеющейся в распоряжении людей аппаратуры была на два порядка ниже, чем следовало, во-вторых, работала она в узкой полосе спектра и, в-третьих, «зеркала» вскоре исчезли, сначала на Шемали, потом на Истории. Как они образовывались — то ли вырастали, как живые существа или растения, то ли передавались по ТФ-каналу с планет Наблюдателя — физики установить не могли.

Но отделу безопасности УАСС это обстоятельство не помешало пробить тревогу, и полетели во все концы контролируемого космоса, на периферию исследуемой зоны ТФ-депеши о странных явлениях в пограничных ее слоях, на переднем крае неизведанного, где появлялись пока только земные разведкорабли, и напряглась в настороженном молчании, чутко вслушиваясь и всматриваясь в поле тьмы непознанных пространств, гигантская защитная система человеческой цивилизации...

Глава 3. ФОРМУЛА

Под утро ему приснился сон, будто сдает он экзамен на сертификат работника аварийно-спасательной службы и принимают этот экзамен четверо: обстоятельный, деловитый Керри Йос, сдержанный Никита Богданов, угрюмый Бассард и Аларика... Подробностей сна Филипп не запомнил, осталось ощущение стыда, неудачи и тревоги, но тело было легким, послушным, хотелось дышать, двигаться, есть и работать, одним словом, жить.

После возвращения с окраин известного космоса, куда закинул его неожиданный зигзаг судьбы, Филипп не вспахивал память плугом пережитых событий, но она сама давала о себе знать: то мигающей алой лампой над колпаком патрульного куттера, принадлежащего УАСС, то картиной видеопласта, включающегося по утрам и выдающего иногда пейзажи Шемали.

Филипп повернул голову. Дальняя стена комнаты отсутствовала, вместо нее уходила вдаль холмистая, поросшая сосновым бором равнина, а над одним из холмов парила голубовато-белая пирамида, сверкающая тысячью поляроидных окон. Сегодня домашний координатор, повинуясь неосознанным командам мозга в последние минуты сна, выдал вид с высоты на здание Института ТФ-связи, и Филипп понял, что соскучился по работе, по своему

уютному конструкторскому «аквариуму», по грустной физиономии Кирилла Травицкого. Конечно, было еще и желание выйти на площадку, но оно ушло на второй план — тело и так каждый день получало свою дозу упражнений, потому что без самотренировки любой спортсмен потерял бы форму в три дня. А мозг — мозг можно было тренировать только в привычных условиях, во всяком случае, Филипп не знал иного способа получить неограниченную власть над собственной мыслью, машинной памятью и быстротой операций, исследовать сразу несколько десятков вариантов, анализировать, отбирать самые перспективные из них и наконец найти один-единственный, дающий право называться конструктором-профессионалом и синектором.

Сорок минут Филипп уделил отработке суплеса, использовав общественный гимнастический зал, занимающий верхний этаж дома, постоял под ионизированным душем и долго рассматривал себя в зеркале, пытаясь угадать в себе те черты, которые, по его мнению, были присущи спасателям и особенно безопасникам. Не найдя таковых, он вернулся в спальню, включил сумматор моды, поставив регулятор в положение «рабочая одежда», и извлек из приемной камеры прямые светло-серые брюки, такую же рубашку с широкими рукавами и серые сандалии с серебристым узором, напоминающим стремительный росчерк молнии. Хмыкнув — мода общества не претерпела изменений за те три недели, что он отсутствовал,— Филипп натянул костюм, закрыл дверь квартиры и поднялся на крышу дома. Там он вызвал такси-пинасс, хотя обычно шел пешком до ближайшей остановки монора. С крыши открывался вид на вольный простор подмосковных лесов, искристая лента Москвы-реки пересекала березово-хвойную их шкуру и пряталась за холмами, сверкали над вершинами сосен шпили, ажурные башни и ртутно-прозрачные колонны Басово, и весь этот зеленый, теплый, насыщенный дремотным покоем летний пейзаж охватывал со всех сторон чистый голубой купол неба, пронзенный над горизонтом раскаленным взглядом смеющегося, умытого росой солнца.

Уже в воздухе Филипп, спохватившись, вызвал по видео Томаха, но тот не отзывался: то ли спал, то ли, наоборот, работал, а может быть, его вообще не было в данный момент на Земле.

Работает, наверное, подумал Филипп. У них там теперь много проблем: «зеркальные перевертыши», исчезновение грузов, Наблюдатель, странные мигающие «звезды» на панелях аппаратуры... Не забыть бы подробнее рассказать о своей встрече с «зеркалом»... Хотя, возможно, это все-таки чья-то шутка с «динго»... Да, придется Славе попотеть с этим делом. И вообще у него просто оперативная работа — не позавидуешь! Это какое же надо иметь терпение, чтобы работать даже в моменты отдыха!.. Интересно, спра-

вился бы я с такой работой? Если бы можно было попробовать, а не получится — беззаботно махнуть рукой и спокойно заняться своим прежним делом... Наверное, Слава бы понял, но есть другие... Хотя кроме прочих есть свое собственное «я», у которого наличествует гордость и прочие психологические кунктюки. За дело надо сразу браться всерьез или не браться совсем... Любопытно, удовлетворила ли моя помощь УАСС? Тектуманидзе как будто был доволен, а Керри Йос?.. И еще не забыть бы спросить у Славы, похожа ли эмблема квартирьеров на след человека, или я снова видел «странное»...

В третьей расчетной лаборатории отдела работали двое, мужчина и женщина, но его комбайн никто не занял.

Прекрасно! Значит, Травицкий меня ждет. Где он, кстати? Надо бы узнать, не решил ли кто-нибудь вместо меня мою прежнюю проблему.

Автомат нашел ведущего конструктора в чьей-то пустой лаборатории возле работающего комбайна. Кирилл поднял голову от пульта вычислителя, и взгляд его потеплел.

— Вернулся? Все в порядке?

— У меня — да, у них — не знаю.

— У них — это в Управлении спасателей?

— В отделе безопасности.

Травицкий знакомым нерешительным жестом потеребил мочку уха, слабо и грустно улыбнулся.

— Ну, когда у них было все в порядке — не та служба... Я спрашивал про тебя, но ты, оказывается, был очень далеко. Если все хорошо, приступай к работе, темой твоей никто не занимался.

Филипп выдержал его пытливый и добрый взгляд, теплая волна странной стеснительной нежности вошла в него с этим взглядом и вызвала ответную нежность и резь в глазах — реакция на любовь со стороны этого маленького, терпеливого, всегда почему-то грустного человека. И Филипп вдруг с раскаянием подумал: почему он ничего, ну совсем ничего не знает о Травицком? Может, Кирилл пережил какое-то горе, мучившее его до сих пор? Может быть, у него что-то случилось в семье? Ведь и теперь, как и сто, и двести лет назад человек не застрахован от неурядиц в личной жизни. Да и вообще есть ли у него семья?.. Казалось бы — кто ему Филипп? Инженер-конструктор, подчиненный по общественному рангу, а значит пока и по таланту, посторонний человек, приходящий на работу в зависимости от эмоционального состояния... Но нет! Почему же тогда нежность в глазах? И радость тоже? Почему?..

— Вызывай, если понадоблюсь, я тут занимаюсь мелким ремонтом.— Травицкий погасил улыбку, кивнул и углубился в настройку комбайна.

Филипп включил виом, покосился на соседей — они полулежа-

ли в креслах с закрытыми глазами, спрятав головы в сетках эмканов, в то время как экраны мыслепроекторов перед ними то взрывались потоком схем, то потухали, чтобы вспыхнуть снова, и надел своей голубой эмкан.

Сначала пришло ощущение легкости тела — это включился контур стенэмоциатора, стимулирующий положительные эмоции. Потом тело вдруг выросло в объеме, возникло чувство колоссального знания — подключились блоки памяти вычислительной и информационной машин. Вычислитель и киб-информатор в институте был один на всех работающих, из-за чего его называли «Умником»; это был киб-интеллект, способный не только вычислять и выдавать информацию, но и быть умным собеседником, но работал он в режиме разделения времени, и каждый из включившихся в цепь считал машину безраздельно принадлежавшей ему.

Последним сработал мыслерапид — ускоритель мышления, и для Филиппа минута превратилась в час. Он без труда вызвал в памяти конструкцию таймфага, сосредоточил внимание на антенне, закрепил ее изображение на экране и представил, что он — невидимый, неслышимый и неосязаемый сгусток ТФ-поля, возбужденный в антенне и готовый прянуть в пространство...

Решение зрело постепенно, от одного цикла расчетов к другому. Филипп, оторванный на время от привычного ритма и порядка, с жадностью ворвался в проблему и «крушил» физические и субъективные препятствия фантазией и натиском всей запасенной эмоциональной энергии, готовый отменить, если потребуется, любые законы природы. Наконец решение созрело окончательно, но оно оказалось неожиданным даже для самого конструктора.

Филипп просидел оглушенным несколько бесконечно длинных секунд, потом с яростью принялся за проверку основных положений расчета. Однако проделать анализ до конца не успел: мир вдруг сжался до размеров комнаты, пропало ощущение небывалой власти над временем, над запасами знаний, отданных ему машиной... Очнувшись, он увидел на пульте красное светящееся табло: «Предел психонагрузки!» — и понял, что сработал таймер и отключил его от машины.

Сразу навалилась усталость, в ушах зашумело, словно дождь по сухим листьям. Филипп откинулся в кресле, мельком заметив, что в лаборатории он один: соседи — Леонид Угловский и Лия Бексултанова, очевидно, отработали свои задачи и ушли, они всегда уходили вместе.

Сколько же времени я работал?.. Хм, всего-то три часа с четвертью, а устал — как будто ворочал десятипудовые мешки! Или мое решение стоит того?

В экранном объеме дисплея красовалось его творение — антенна таймфаговой связи, преодолевающей практически мгновенно

межзвездные расстояния. Только теперь вместо двух параллельных колец она имела вид тонкой иглы с зонтикообразным ушком. Формула, выведенная Филиппом, утверждала, что такая антенна выигрывает в мощности около шестидесяти процентов против прежней и позволяет перебрасывать любые массы на любые расстояния без промежуточных станций! И это было еще не все: в формуле потенциально скрывалось решение, от которого буквально захватывало дух, но проанализировать его у Филиппа уже не хватало сил. Решением этим была возможность обходиться вообще без антенн, а это значит — и без тысяч передатчиков и приемников, то есть без таймфагов! Любой человек мог бы путешествовать через космос с помощью мыслеприказа, усиленного, конечно, соответствующей аппаратурой,— без нее обойтись было еще невозможно. Управление ТФ-полем оказывалось энергетически несложным, потому что ТФ-поле — это не силовое физическое поле, а топологическое свойство...

Стоп-стоп, сказал сам себе Филипп, где-то я уже говорил нечто подобное, а раз повторяюсь, следовательно, устал. Не будем спешить с выводами, позволим только один: иногда полезно пережить впечатления, на которые не рассчитывал, сменить ритм жизни и характер нагрузки. Банальная, древняя, но мудрая истина...

Он записал формулу в память машины и стер изображение антенны на экране, потом зажег стандартный сигнал: «Вычислитель свободен».

А собственная память все еще сопротивлялась выключению из работы, все еще перебирала этапы конструирования, и перед мысленным взором исследователя проплывали вереницы замысловатых конструкций, многоэтажные формулы различных состояний вакуума, пока наконец не осталось одно видение: летящий сквозь космос, подобно лучу света, человек в огненном комбинезоне с маленьким диском на поясе — это все, что осталось от громад ТФ-станций, вместившееся в несколько кубических сантиметров! ТФ-блок... Индивидуальный ТФ-блочок вместо ТФ-станции...

— Завтра, завтра,— пробормотал Филипп, вставая и выходя из лаборатории,— хорошего понемножку...

Он не заметил, что из соседней комнаты вышел Травицкий и проводил его долгим взглядом, в котором было больше тревоги, чем удивления.

Дома Филипп принял душ, сняв интеллектуальную усталость, и его потянуло в спортзал. Однако время только-только перешагнуло за полдень, да и была ли сегодня тренировка, он не знал. Пришлось набирать телекс спорткомитета и узнавать расписание тренировок сборной Земли. Оказалось, что тренировки проходят в спортзалах комплекса «Победа» в Петербурге через день, начиная с понедельника, а сегодня был четверг.

Филипп огорчился, потом решил обзвонить друзей и тем повысить тонус. Но и здесь его ждала неудача: Ивара Гладышева не было дома, как и его жены, и домашний координатор пообещал, как только они вернутся, сообщить Ивару о видеовизите. Солинда тоже найти не удалось, автомат объявил, что тренер улетел куда-то к внешним планетам и не оставил координат. Филипп слегка удивился — Солинд редко покидал пределы Земли, да и то лишь в случае межпланетных соревнований и первенств мира, как по традиции называлось первенство Солнечной системы.

Задумавшись, молодой человек выбрал в пенале музфона кристалл с записью и вставил в приемник. Комнату заполнил пульсирующий звенящий ритм, в который вплетался тонкий человеческий голос. Звук был объемным, мягким и отзывался во всем теле волнами удовольствия. Ритм в музыке всегда был основой положительных эмоций, а перуанская группа «Инки» в последние годы считалась непревзойденной исполнительницей ритмованных музыкальных произведений, центральным стержнем которых были старинные национальные мелодии. Филиппу эти мелодии доставляли истинное наслаждение, но слушать их одному не хотелось. И вообще ничего не хотелось, и к людям особенно не тянуло, и проводить время в одиночестве не было желания.

И тут ему пришла в голову идея позвонить Аларике. Почему бы и нет? Что в этом особенного? Бывший эксперт УАСС звонит знакомой сотруднице медсектора УАСС узнать, как ее здоровье и вообще...

Филипп улыбнулся, но мысль уже заработала, а вместе с ней и сердце, и он в конце концов решил не звонить, а повидать Аларику наяву. Он быстро набрал телекс диспетчера информационного сектора УАСС, данный ему Станиславом, и спросил, где можно найти Аларику Консолата, дежурно-экспедиционного врача.

— Ваши координаты? — оживился диспетчер.

— Мои? — растерялся Филипп и понял.— А-а... вызов личный, не беспокойтесь, ничего у меня не случилось.

Диспетчер сделал строгое лицо (парню сравнялось от силы двадцать лет, видимо, стажер) и с минуту что-то искал на пульте селектора. Потом сухо продиктовал адрес Аларики и отключился.

— Институт видеопластики...— пробормотал сбитый с толку Филипп.— Причем тут видеопластика?

Но делать было нечего. Диспетчер не стал объяснять, что делает Аларика на Луне, в Геоградском институте видеопластики, а запрашивать его вторично не хотелось. Филипп бесцельно побродил по комнатам, прибрал на кухне и, с грустью задержавшись на пороге, подумал: правы мыслители прошлого, мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. И все же дом для нас — частица нас самих, просто для одного он равен раз-

мерам комнаты, а для другого — всей Земли, а есть, наверное, и такие бродяги, для которых дом — Космос... Странно, однако, меня почему-то тянет именно сюда, где я вырос, а не в другую географическую точку, где я имел бы такую же квартиру или по желанию две... Своего рода атавизм? Отомрет ли он когда-нибудь, или Земля для нас всех — дом космического масштаба, запрограммированный эволюцией до «конца света»?

В комнате смолкла музыка, и Филипп тихо закрыл за собой дверь, впервые покидая дом, как доброго и ласкового друга, которому предстояло провести время до ночи в одиночестве.

Решив испытать судьбу, Филипп наугад набрал код лунного метро и оказался на седьмой станции метро Луны, которая располагалась на западном побережье Моря Ясности. Поскольку Геоград вырос на востоке, в кратере Лемонье, Филиппу, пережившему мимолетное разочарование — он рассчитывал «по зову души» попасть в Геоград сразу,— пришлось брать на стоянке вакуумплотный, способный летать в безвоздушном пространстве куттер и в течение пятнадцати минут полета терпеть скудные «удобства» рейса. Но этот транспорт он выбрал сам, чтобы рассмотреть с птичьей высоты древний лик естественного спутника Земли.

За последние полстолетия не раз выдвигались проекты заселения Луны и снабжения ее атмосферой, как у Марса, однако идеальные условия наблюдений за космосом для астрономов и лечебной профилактики для медиков каждый раз брали верх над экономическим эффектом расчетов в проектах, и Луна до сих пор оставалась такой, какой была тысячи и миллионы лет назад: прокаленной солнцем, высушенной холодом пространства, безводной и безатмосферной. Но мертвой назвать ее было уже нельзя. Глаз то и дело выхватывал с высоты гигантские чаши и параболоиды антенн радиотелескопов, стеклополя надземных оранжерей, передвижные башни селенологов, прозрачные купола медцентров, домов отдыха и лабораторий всевозможного назначения, которым слабое лунное притяжение было более выгодно, чем земное.

Вскоре куттер, повинуясь командам общего для данного сектора Луны центра автоматического управления транспортом, плавно пошел вниз, и среди гигантских борозд Литтров и Шакорнак Филипп увидел пятидесятикилометровый кратер Лемонье, в середине которого блестел серебром широкий десятикилометровый конус Геограда. За ним вздымались сильно расчлененные и испещренные кратерами горы Тавр, но Филипп не успел разглядеть их как следует. Куттер нырнул к стремительно растущему конусу, звякнул предупреждающий звонок, на пульте мигнул красный огонек — аппарат миновал силовой приемник-окно в оболочке Геограда, мелькнули по сторонам какие-то конструкции, и почти без толчка аппарат остановился. Отскочил на замках колпак кабины,

Филипп, оглядываясь по сторонам, вылез на круглую белую площадку причала и увидел в десятке метров на небольшом постаменте странную машину о восьми ажурных колесах, похожую на бак с откинутой крышкой. Заинтересовавшись, подошел и прочитал на боку машины: «Луноход-2, СССР, 16 января 1973 года».

Памятник, догадался он, памятник первопроходцам Луны. В Геограде, значит, установили памятник луноходу. В Радуге, насколько помнится, первой автоматической станции Луна-9, в Орле — «Апполону- 11», в Сервейере... забыл! Надо же, забыл, кому там памятник поставили...

Филипп отметил время и заторопился к кабине монора.

Притяжение в Геограде с восьми часов «утра» до четырех часов «дня» устанавливалось равным земному — человеческий организм требовал привычную порцию тяготения, зато с четырех часов и до позднего вечера начиналось время отдыха, а помноженное на восхитительное чувство легкости оно давало полное отдохновение и радость человеку. Филипп не раз бывал на спутнице Земли, сам испытывал это чувство и давно понял, почему Высший координационный Совет Земли (ВКС) не дает согласия на технизацию и экологическую перестройку планеты: она была нужна как база отдыха, и моральная сторона дела играла здесь главную роль.

Бесшумный монор, совсем пустой — в Геограде, как и везде на Луне и на Земле, любили ходить пешком, транспортом пользовались редко, лишь в тех случаях, когда кто-то куда-то спешил, как сейчас Филипп,— доставил его к Институту видеопластики, невысокому зданию, выстроенному в стиле «мангровый лес».

Киб-информатор сообщил ему местонахождение комнаты сто двенадцать, где в данный момент находилась Аларика Консолата, и через несколько минут, пройдя два ломаных, разного сечения коридора и никого в них не встретив, Филипп стоял перед белым прямоугольником двери с зеленым светящимся кругом номера и раздумывал — войти сразу или сначала позвонить. Ему очень захотелось сбежать отсюда, перспектива непрошеного гостя была не слишком блистательной, да и собственная выдумка с посещением перестала казаться счастливой находкой, однако решить самому Филиппу не дали: дверь внезапно и неслышно свернулась валиком влево, конструктору волей-неволей пришлось войти.

Казалось, он вышел на снежный склон одной из земных гор! Ослепительно сверкал язык ледника под солнцем, курились струйками облаков спины уходящих за горизонт гор, белое снежное поле падало в долину, упираясь в темно-зеленый гребень хвойного леса... Но не это остановило Филиппа: прямо перед ним врезалось в ледяную шею хребта глубокое черное окно пещеры, в окне текла звездная вуаль и по этой вуали шагала женщина в сияющем белом платье... Это была Аларика!

Вдруг панорама заснеженных гор исчезла, появилась обстановка модельной видеомастерской, напоминающей убранством конструкторскую лабораторию: вделанные в стены экраны мыслепроекторов, кресла, опутанные ажурными конструкциями, аппаратные стойки, видеопроекторы, подставки для голографических скульптур, музыкальные устройства... Одно не исчезло — черное, как вход в преисподнюю, окно и женщина в белом платье, шагающая по звездам... Она смотрела на пришельца строго и испытывающе, словно спрашивала, зачем он сюда явился.

Послышался тихий низкий смех.

Филипп оглянулся и увидел вторую Аларику, только одетую иначе — в голубую кофточку; такую же юбку с черной каймой.

Снова прозвучал низкий смех женщины.

— Что, нравится?

Филипп кивнул.

— Видеопласт?

— Конечно. Работа одного из наших дипломантов-дизайнеров на конкурс земного худсовета «Жизнь в космосе», он почему-то решил избрать меня в качестве прототипа, и вот результат. Правда, он говорит — незавершенный.

Филипп кивнул снова, переживая вдруг приступ ревности, и позавидовал художнику — тот мог любоваться Аларикой каждый день.

— Ангел в поле тьмы,— пробормотал он.

Аларика, прищурясь, посмотрела на него.

— Стихи?

Филипп продекламировал:

— По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...

В глазах женщины мелькнуло удивление, она улыбнулась и докончила:

— И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

— Лермонтов. Ты любишь Лермонтова?

Она подошла к пульту, провела рукой над датчиком программ, и объемная видеокартина разбилась на огненные осколки.

— Я не знала. Кстати, как ты меня нашел? Впрочем, наверное, через диспетчера, хотя не понимаю, почему он дал мои координаты постороннему человеку.

Это «постороннему» больно кольнуло Филиппа, и он даже сделал движение к двери, но Аларика опередила:

— Проходи, коль зашел, садись. Еще несколько минут, и ты меня не застал бы. Что стряслось?

Филипп сел напротив, стараясь не смотреть на спокойное красивое лицо женщины.

— Ничего не стряслось. Просто захотел тебя увидеть. Если ты торопишься, я могу уйти.

Она качнула головой, открыто рассматривая его.

— Не спешу. Просто на сегодня работа моя закончена.

Помолчали. Филипп перестал награждать себя в душе нелестными эпитетами, осмотрелся, потом начал рассматривать Аларику.

— Ты не женат? — наконец спросила она, удовлетворившись осмотром.

— Нет.

— И не был?

— Нет.— Он слегка улыбнулся.— Не из-за тебя...

— Верю.

Снова помолчали. Потом Филипп обвел глазами комнату.

— Почему ты здесь?

— Потому что я, кроме всего прочего, еще и художник-видеопластик. Год назад закончила ПИЭ — Петербургский институт эстетики.

— Я не знал.

— Ты многого не знал. Например...

— Что твой муж, Сергей Ребров, два года назад...

— Не надо об этом, я не то хотела сказать. Его смерть мало что меняет.

Филипп заставил себя промолчать. Аларика хотела казаться независимой и счастливой, но не следовало опускаться до словесных опровержений ее неправоты. Пять лет назад он слишком много говорил... И все-таки до чего же она красива! И недоступна!..

— Устал от космических путешествий? Все же незапланированные мероприятия. Как тебе показалась работа спасателей-безопасников?

— По-моему, однообразна и утомительна.

Аларика снова засмеялась знакомым грудным смехом. Давно он не слышал этого смеха — вечность!

— Специфика работы безопасников весьма далека от молвы. Их работа не так заметна, как работа линейных спасательных отделов. Надеюсь, из формы ты не вышел? Ты ведь всегда так пекся о своей форме...

Знакомые выпады, знакомые интонации... Все возвращается на круги своя... все ли?

— Из формы я, конечно, вышел, все-таки потерял уйму тренировок. Наверстаю.

— Не сомневаюсь. Май говорил, что ты пиккер...

— Кто-кто?

— Пиккер, это его собственное словотворчество, означает —

спортсмен, зависящий от совпадения пиков формы: физической, психической, эмоциональной, интеллектуальной.

Филипп с интересом посмотрел на Аларику.

— Май — это Ребров? К сожалению, он мне сказал, что это отрицательное качество для спортсмена и от него надо избавляться.

— Разве ты сам думаешь иначе?

Теперь уже засмеялся он.

— Ого! Ты снисходишь до разговора о спорте! Это явно прогресс! Кстати, твое появление в зале во время игр было для меня настолько неожиданным, что я чуть не сошел с дистанции.

На мгновение лицо Аларики стало холодным, чужим. Только на мгновение. Она отвернулась и сказала своим низким контральто, совсем спокойно, как о пустяке:

— Просто Сергей думал о спорте так же, как и ты, хотя у него была иная цель в жизни.

— Интересно,— Филипп хмыкнул.— Ты знаешь мою цель? Какова же она?

Аларика встала и прошлась по комнате, касаясь рукой расставленной аппаратуры. Филипп невольно залюбовался ее фигурой и не успел отвести глаза — женщина в упор посмотрела на него:

— Твоя цель — просто жить! Не так? Не уверяй меня в обратном, не поверю, хотя я была бы рада...— Она прервала себя и снова села напротив.— Я бы поняла тебя, если бы ты стремился стать великим спортсменом или великим конструктором, честолюбия нет только у дураков и мертвых, но просто жить... Извини, не понимаю.

Тягостное молчание погасило разговор, как дождь гасит угли костра.

Филипп думал над словами Аларики, причем без обиды, что удивляло его самого, и усмирял интуицию, подсказывающую ему самые сказочные варианты дальнейших встреч с ней. Однако трезвый рассудок видел все в ином свете.

— Ты, наверное, права,— сказал он медленно через некоторое время.— Не во всем, конечно. Честолюбие у меня, к примеру, имеется. Говорят, я неплохой спортсмен и талантливый конструктор... Не знаю, как насчет таланта, но я действительно кое-чего стою. И все же это не то, по-твоему... Так? Дай мне подумать. Может быть, я тебя пойму...

— Подумай.— Аларика кивнула, в глазах ее снова мелькнуло удивление. Но Филипп слишком хорошо знал эти глаза, чтобы обмануться в выводах. И все же пять лет — не могли же они не изменить ее хотя бы в малом?..

— Что бы ты хотел посмотреть у нас? — Она взглянула на браслет видео, показавший лунное время.

— Если не возражаешь, запиши на мой видео ту картинку, где ты шагаешь по леднику.

— Ну, если ты хочешь...

Филипп снял браслет и отдал Аларике. Та вставила его в нишу копира, коснулась нескольких сенсоров, подкрутила лимб настройки.

— Вот и все, держи. Правда, не знаю, зачем он тебе.

— Отвечать, надеюсь, не обязательно,— пробормотал Филипп, надевая браслет.— Спасибо. Когда-то много лет назад при изобретении фотографии говорили, что умрет искусство живописи. С изобретением голографии говорили, что умрет искусство скульптуры... Я не великий знаток искусства видеопластики, но этот твой портрет, по-моему, подлинный шедевр!

— Если бы твои слова слышал Григорий, творец портрета, он был бы польщен.

Разговор иссяк. Время ощутимо утекало сквозь пространство, разъединяющее их. Оно было густым и красным, как лава, текущая по склону вулкана. Филиппу стало жарко и неуютно, хотя ему казалось, что он давно научился не теряться в любых обстоятельствах.

— Над чем ты работаешь? — спросил он, чувствуя, как ускользает куда-то нить понимания, соединившая их несколько минут назад.— И как тебе удается совмещать работу дежурного врача и художника?

— А как ты совмещаешь спорт и работу конструктора?

— Не знаю,— улыбнулся Филипп. «Умница! — подумал он.— Как давно мы не разговаривали в таком ключе! К сожалению, пять лет назад я не углядел за ее внешностью серьезности думающей женщины... а сейчас, кажется, поздно!» — И все-таки? Не думал, что твои школьные да и институтские опыты с объемными картинками позволят тебе стать художником.

— Я тоже не думала, это все Сергей...— Она прикусила губу.— А занимаюсь я практической видеопластикой, а не тем, чем хотелось бы. Как сейчас говорят: эстетическим оформлением замкнутых пространств. Создаю интерьеры для рабочих кабинетов, комнат отдыха, кают-компаний на космолетах дальней разведки и так далее. Нельзя сказать, что рутина, однако...— Аларика махнула рукой и вдруг оживилась.— Зато в свободное время мы занимаемся «свободным творчеством». В данный момент ребят интересуют две темы: одна — моделирование чувственного восприятия мира, описанного в древних художественных произведениях, вторая — сравнительный поиск хомо сине ира эт студио, человека среднего, жившего в разные эпохи. Я веду вторую тему, и уже удалось кое-что раскопать. Мы с Витторио, это наш инженер-видеомоделист, провели сравнительный анализ исторических хроник и сохранившихся художественных полотен великих мастеров прошлых веков,

вплоть до семнадцатого. У-вы, глубже опуститься пока не удалось, сведения о физическом облике наших предков становятся чересчур скудными. К тому же, дело осложняется ярко выраженными национальными особенностями народов, разнообразием типов лиц и методов работы художников.

— В таком случае ваш «человек средний» — фикция,— произнес скептически настроенный Филипп.— Едва ли смешение типов даст нужное решение.

— К счастью, выход нашелся — женщина,— улыбнулась Аларика.— Женщина — мерило красоты и совершенства во все эпохи. Как говорят индийские тантры: «Женщина — пальцы природы и драгоценные камни мира». Отсюда и исходит наш метод.

— Но физический облик человека изменяется очень медленно, на протяжении сотен тысячелетий, а вы хотите увидеть изменения через сотни лет...

— Ты безусловно прав, изменения в строении человеческого тела почти незаметны за век, зато изменения в человеческой морали гораздо разительней, и наш метод определения «человека среднего» — это отношение к нему сообразно нормам морали каждого столетия.

— Теперь понятно. И что же получилось?

Аларика включила ряд темных экранов, похожих на стенные ниши, в них заклубилась мгла, исчезла, оставив «живые» фигуры людей.

— Это восемнадцатый вёк. Слева — «узаконенный» средний тип женщины евроидной группы, справа — отображение идеала в работах великих художников этого века: Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Карреджо, Рейсдаля и других.

— М-да,— хмыкнул Филипп, рассмотрев обеих женщин в странных нарядах.— Я не скажу, что идеал в данном случае выглядит лучше «среднего»... Или у меня нет вкуса?

Аларика покачала головой.

— Твой вкус формировался нашим временем. Подожди, посмотрим дальше.

Виомы погасли, затем вспыхнули вновь.

— Это уже девятнадцатый век.

Филипп приподнял брови. В правом объеме видеопроектора он увидел знакомые черты «Девочки за столом» Жана-Батиста Греза. Этот портрет он видел у Станислава Томаха дома, вернее, копию, выполненную женой Томаха.

Аларика заметила его удивление.

— Тебе знакома эта композиция?

— Жан-Батист Грез, «Девочка за столом».

— Верно! — теперь уже удивилась Аларика, заинтересованная его познаниями в области искусства.— Хотя и не совсем. Мы сов-

местили два прототипа, один — «Девочка за столом» Греза, второй — «Девушка с веером» Ренуара. Я не знала, что ты знаток живописи девятнадцатого века. И кого же ты еще знаешь из художников, не обязательно девятнадцатого столетия?

— Джона Констебля,— подумав, ответил Филлип.— Я очень люблю пейзаж, хотя с удовольствием смотрю и портрет. Еще Шишкина, Шилова, Маулара Кенье... и много других, у меня нет ярко выраженного любимца. Ну, а как дела обстоят в наш просвещенный век?

Аларика вдруг смутилась.

— Понимаешь, с нашим веком все просто и все сложно. Средний тип выбрать легче, тем более что человечество постепенно приближается к единой расе, а вот идеал...

Снова сменилось изображение в виомах.

Филипп не выдержал и засмеялся. Правый «идеальный» виом отображал Аларику, левый — тоже был чем-то на нее похож.

— Извини,— сказал он, заметив, что женщина нахмурилась, и прервал смех.— Я смеюсь потому, что невольно ожидал увидеть тебя и справа и слева.

— Шутка ребят,— пробормотала она, отворачиваясь, и украдкой посмотрела на часы. Филипп с грустью понял, что пора уходить.

— Ты кого-то ждешь? — Он встал.

— Да,— со вздохом призналась она, убирая аппаратуру в стены мастерской, выпрямилась.— Честно говоря, я хотела, чтобы ты позвонил. Теперь уходи, за мной сейчас придут.

«Кто?» — хотел спросить он, но вместо этого спросил:

— Мы еще увидимся?

— Это будет зависеть не только от тебя.

Филипп сдержал вздох и кивнул в ответ, словно не ожидал иного.

— Тогда до связи.

— До связи, конструктор,— сказала Аларика, подавая руку, хотела что-то добавить, но передумала.

В коридоре он наткнулся на бегущего человека, прошел несколько шагов, и только потом его озарило. Он оглянулся, но мужчина уже завернул за угол, слабо пискнул входной сигнал двери.

Дома он с полчаса слушал новости космоцентра, передаваемые по каналу всемирного информвидения. Попробовал вызвать Томаха, но бесстрастный голос домашнего координатора сообщил, что Станислав не появлялся. Киб-секретарь отдела, куда осмелился позвонить Филипп, ответил лишь, что инспектор Томах на задании, но какое задание, где его выполняет Станислав — секретарь не знал или не имел права сообщать.

Филипп снова загрустил, потом вспомнил совет Травицкого

и решил навестить один из любимых своих уголков лесной природы, дабы развеять легкую меланхолию от дум. На этот раз он выбрал Центрально-лесной заповедник, расположенный в северо-западной части Средне-русской возвышенности, на водоразделе Волги и Западной Двины.

С тех пор, как погибли отец и мать, уроженцы здешних мест, Филипп не посещал заповедник и «те места, куда нет-нет по зарастающему следу уводит память прежних лет»,— говоря словами древнерусского поэта Глинки.

Центрально-лесной заповедник — царство елей, берез, липы, клена, вяза и ясеня. Леса Подмосковья возле Басово — это в основном березовые и сосновые леса, заповедный же лес удивительно разнообразен.

Выключив пояс антиграва, Филипп с треском вломился в чащу рябинника и жимолости, оцарапался и пошел напрямик через гибкие кусты волчьего лыка и лещины.

Напившись с колен из родника, он долго выбирался на знакомую поляну, чуть было не зашел в болото, расшитое по краям несозревшей еще клюквой, а когда выбрался-таки на поляну в кольце берез и ольхи, замер от неожиданности. В центре бело-розовой от клевера поляны, подмяв под себя метелки иван-чая и медуницы, лежала рысь и смотрела на человека прозрачно-желтым взглядом, поводя изредка кисточками ушей.

Филипп сделал шаг вперед, рысь встала, глядя на него внимательно и спокойно, без угрозы. Так они и стояли несколько минут, оценивая друг друга, потом Филипп решил отступить — не из боязни, просто не хотелось тревожить красивого зверя,— и в этот момент с противоположной стороны поляны, метрах в ста, из-за подлеска сверкнул бесшумный тоненький голубой язычок. Рысь, мяукнув, подпрыгнула, свалилась в траву и осталась лежать без движения.

Немой от изумления и гнева, Филипп смотрел, как из-за деревьев вышли на поляну двое в зеленых, почти полностью маскирующих их костюмах и направились к нему. Один был молод, белобрыс, но черен от загара, сверкал улыбкой, хотя Филипп не назвал бы ее в этот момент ни доброй, ни веселой. Второму наверняка перевалило за восемьдесят, если не за все сто. Высокий, худой, он слегка сутулился, и лицо у него было не коричневое, а каменно-серое и застывшее, как ритуальная маска. В руках он держал бинокль. Молодой на ходу закидывал на плечо ремень электрокарабина.

— Вообще-то ходить одному тут небезопасно,— заметил молодой охотник вместо приветствия, подходя и осматривая рысь.— Охотничья зона. А хороший экземпляр, Влад, будет чем похвастаться.— Он разогнулся.— Как вы сюда попали?

— Разрешите посмотреть ваш карабин? — также вместо приветствия вежливо попросил Филипп.

Белобрысый удивленно посмотрел на спутника и с некоторым колебанием протянул карабин.

— Не приходилось видеть раньше?

— Приходилось,— сказал Филипп, примерился и одним ударом о землю отломал прозрачную трубу ствола.

— Да вы что?! — сделав движение к нему, с угрожающим изумлением воскликнул молодой незнакомец.— С ума сошли?!

Филипп швырнул разбитый карабин на землю, повернулся и молча пошел в лес. Белобрысый догнал его, схватил за плечо, неожиданно больно сдавил сухожилие. Филипп сбросил его руку.

— По какому праву вы это сделали? — прошипел охотник.

— Оставь его, Рон,— глуховатым голосом произнес старший.— Раз он так сделал, значит, считал, что имеет на то право.

Филипп почувствовал в его словах упрек и, повернувшись, угрюмо буркнул:

— Я же разговаривал с ней, неужели не поняли?! А ваш выстрел — это предательство в такой момент!.. Кто разрешил вам стрелять в заповедной зоне?

— Стрелять! — фыркнул молодой Рон.— Слышите, Влад? Да кто вы такой, чтобы судить наши действия?

— Кстати, насчет заповедной зоны.— Старший нагнулся, потрогал рысь за нос и выпрямился.— ВКС подписал вердикт от девятнадцатого июня, объявляющий заповедной зоной всю Землю. Так что преимуществ заповедника теперь не имеет ни один район земного шара, вернее, имеют одинаково все. А насчет стрельбы... рысь парализована, и только. И у нас есть охотничьи удостоверения. Вас устраивают мои объяснения?

— Это к делу не относится.— Молодой охотник уже успокоился и озабоченно осматривал карабин.— Надо же, отдохнули, поохотились! Нервы надо лечить, молодой человек! Излишняя впечатлительность — далеко не положительное качество.— По его тонким губам скользнула усмешка.— Знакомство с этой кошкой вплотную не прошло бы для вас даром, это только в сказках писали, что хищные звери способны стать ручными, на деле все гораздо проще и естественней. Кстати, все-таки, кто вы такой?

— А вы? — в тон спросил Филипп, чувствуя на себе изучающий взгляд старика.

— Я Рональд Клитгорд, старший инспектор отдела общетранспортной инспекции, а мой друг — Владибор Дикушин, руководитель первого сектора УАСС. Член Совета, кстати...

Филипп невольно взглянул на каменнолицего.

— Меня зовут Филипп Ромашин, конструктор Института ТФ-связи.

— И мастер спорта по волейболу планетарного класса,— добавил Дикушин без улыбки.

На молодого его спутника это не произвело никакого впечатления.

— Что ж,— сказал он,— не слишком приятное знакомство, но тут уж виноват случай.

— Взаимно,— сказал Филипп и холодно добавил: — Спасибо за доброту по отношению к кошке, как вы изволили выразиться, но она уже просыпается и, думаю, что вам лучше отойти от нее подальше. Рыси не любят тех, кто причиняет им боль.

Клитгорд озабоченно, а Дикушин прищурясь посмотрели на шевельнувшегося зверя, но не тронулись с места, и Филипп понял, что эти люди в чем-то превосходят его, хотя он и не чувствовал к ним расположения. Было ли то превосходство ума или превосходство знания, он не знал, но это глубоко уязвило его и заставило задуматься.

Махнув на прощание рукой, он включил антиграв и пологой дугой поднялся в воздух, словно подхваченное ветром семя одуванчика. Через полчаса стремительного полета сквозь тугой, гудящий колоколом воздух к ближайшей станции метро он вдруг открыл, в чем было превосходство новых знакомых: в уверенности! Уверенности в том, что они правы, в сдержанности и, может быть, и великодушии.

Ладно, сказал он себе сквозь зубы. Пусть я погорячился, но стрелять в животное, которое не может ответить охотнику тем же,— жестоко! Это все равно, что стрелять в красоту и правду! Пусть я не охотник, пусть излишне впечатлителен, главное — чтобы я не остался равнодушным! Охотники, черт бы их драл!.. Не исчезло, выходит, это племя узаконенных убийц, несмотря на исчезновение ГОСТов на охоту и «забой бычков молочных и свиней». Не исчезло, тешить себя стрельбой по беззащитным тварям, щекотать нервы мнимой опасностью и приятным риском... Словно никогда не было страшных столетий войн и бессмысленного уничтожения тысяч исчезнувших видов зверей, словно память человечества коротка и не тревожит совесть, когда первые охотники выходят в леса вновь открываемых планет...

Филипп так задумался, что едва не пролетел светлый вокзал транспортного узла на окраине Вологды. Очнувшись, дал себе слово разыскать в ВКС ведомство по восстановлению экологических ресурсов и узнать там цену охоте. Кто знает, может быть, я все же перебарщиваю, подумал он. Прав этот белобрысый Клитгорд, никто не давал мне полномочий судьи, и первый порыв далеко не всегда правилен. И еще он прав в том, что я слишком возбудим. Это не единственный, но самый крупный мой недостаток... после любви к сладкому. Тут его мнение совпадает с мнением Станислава, а ему я верю больше, чем себе. Кто бы мне сейчас помог разобраться во всем, так это Слава Томах. Куда он запропастился?..

Глава 4. ДИЛЕММЫ

Тренировка прошла хорошо.

Филипп познакомился со всеми членами команды, хотя со многими уже встречался в играх чемпионатов Земли, правда, в качестве противника. Обнял Гладышева, обрадовавшись его улыбке, как теплому весеннему утру.

У Реброва была иная тактика, чем у Солинда. Он давал задания индивидуально и наблюдал за их выполнением с каменным бесстрастием и молча. Если у кого-то не выходил какой-нибудь из элементов задания в групповой связке после второго и третьего раза, он просто отсылал игрока в зал электронного моделирования, где можно было мысленно «проиграть» любой вариант игры с любыми партнерами и научиться решать данную задачу до ее реального исполнения на площадке.

Филипп дважды побывал в зале, отрабатывая имитацию нападения с шестого номера и третьего темпа для обмана блока противника и перевода мяча в закрытую позицию второго, в то время как «настоящий» нападающий наносит удар без блока. И дважды на площадке у него это не получалось.

Ребров по обыкновению промолчал, но после тренировочной игры отвел хмурого Филиппа в сторону и сказал:

— Вы отвлекаетесь, Филипп, что-то мешает вам работать в полную силу. Вернее, не работать, а думать. У вас какие-то неприятности?

— Нет,— пробормотал Филипп.— По-моему, нет.

Ребров ждал продолжения, но его не последовало.

— Бывает.— Тренер сделал вид, что все идет нормально, а может, и не делал никакого вида специально, просто был уверен в себе.— Постарайтесь в играх переводить аппарат мышления только на игровую основу. Это, конечно, аксиома, но это и целая наука, одному она дается легко, другому труднее, но все же безвыходных положений в этом смысле не бывает.

— Принцип оптимизма...

Ребров внимательно присмотрелся к Филиппу и вдруг улыбнулся совсем по-солиндовски.

— Согласен, но в том аспекте, что принцип оптимизма есть принцип внешнего дополнения, исходящий из разрешимости в конечном счете любых ненадуманных противоречий. Думаю, у вас есть свои противоречия, мешающие вам не только в спорте.

— Не замечал.

— А кто из нас способен заметить их своевременно? Я, например, в ваши годы тоже конфликтовал с самим собой. Что касается вас — желание играть с полной отдачей есть, вижу, но в то же время оно блокируется не менее сильным желанием... каким — вам лучше

знать, я могу лишь догадываться. И не огорчайтесь, Филипп, право слово, у нас с вами все впереди.

Филипп с облегчением проводил взглядом Реброва, встретил насмешливый взгляд Леона Хрусталева, но не придал ему значения. Мысли его были заняты другим.

На другой день он позвонил Аларике утром, но дома ее не застал, а домашний координатор не знал ее местонахождения. Не было ее и в Институте видеопластики, видимо, дежурила в патруле спасателей. Поразмыслив, Филипп направил стопы на работу.

В лаборатории его встретил Травицкий. Он сидел в кресле и разглядывал экран мыслепроектора, отражающий рожденную Филиппом конструкцию ТФ-антенны. Лицо у начальника было какое-то странное, будто он хотел засмеяться и заплакать одновременно. Заметив вошедшего конструктора, он кивком приветствовал его и рассматривал так долго, что у Филиппа появилось ощущение невосполнимой потери, вернее, трагедии, происшедшей перед его приходом.

Однако ничего страшного не произошло. Травицкий стер изображение на экране, воспроизвел выведенную Филиппом формулу ТФ-трансгрессии и с минуту разглядывал ее все с тем же недоумением на лице. Потом сказал:

— Мальчик мой, я не люблю громких слов, как ты знаешь... Сядь на минуту и послушай.

Филипп, обеспокоенный таким вступлением, с тревогой посмотрел на изящную вязь цифр и знаков формулы и осторожно присел на краешек «гостевого» дивана.

— Я знал, что ты хороший конструктор, что ты овладел несколькими видами синектических аналогий в конструировании, но... прости меня, я не заметил, как ты вырос в синектора высшего класса! Ведь то, что ты сделал, возможно только при использовании всех синектических элементов и, главное, аналогий четвертого вида! Кстати, а сам ты понял, к каким последствиям ведет твое открытие?

Филипп кивнул.

— Понял, наставник.

Травицкий разом погрустнел, стал похож на обычного Травицкого, носящего в себе чью-то боль, или тоску, или вину.

— Да, признаюсь, это достаточно великое открытие...— Говорил он теперь совсем тихо.— Достаточно великое, чтобы быть единственным. Но дай бог, чтобы я ошибался!

Он внезапно встал и увлек Филиппа за собой.

— Пойдем-ка со мной.

Они вышли в коридор, спустились на нижний, подземный этаж института, где царили холод и синий свет, и подошли к двери с надписью: «Запасник». Дверь свернулась в трубку, недоумевающий Филипп переступил порог вслед за Травицким.

В помещении вспыхнул неяркий желтый свет, вскрыв чистый серый пол и громады ящиков по сторонам прохода. Травицкий направился куда-то в глубину лабиринта, пролез между штабелями баллонов древних вакуумных экранов и остановился в углу возле странного сооружения. Сооружение состояло из плоской четырехугольной пластмассовой доски, опирающейся на массивную металлическую станину с противовесом, и длинного суставчатого рычага с лимбом и рассохшимися линейками, составлявшими некогда прямой угол.

— Что это за хлам? — полюбопытствовал Филипп, рассмотрев сооружение.

— Так называемый кульман,— сказал Травицкий с благоговением.— Устройство для вычеркивания на бумаге различных чертежей конструкций. Такими устройствами пользовались наши прадеды около двухсот лет назад.

— Но бумага... это же двумерный лист... плоскость. Как же они видели объем?

— Они чертили конструкции в изометрии, а также в нескольких проекциях: спереди, сверху, сбоку. Делали разрезы для пояснения.

— Так просто?!

— Просто и достаточно мудро для своего времени, но... простота метода или конструкции не всегда есть достоинство. Уразумел?

Филипп поразмышлял и признался:

— Не совсем, наставник.

Травицкий повернулся и пошел к выходу. У поворота оглянулся на покинутый временем кульман и сказал:

— Подумай, зачем мы сохранили у себя этот «хлам». Может быть, поймешь не сразу, не огорчайся. В свое время мне тоже задавали эту задачу, а понял я только годы спустя.

В лаборатории Филипп долго дивился на свое умеренно надоевшее отражение в стеклопанели проектора и думал над словами Травицкого, и снова к нему пришло ощущение вины, будто он чем-то обидел своего последнего учителя, а потом в сознание из хаоса мыслей пробилась одна — все ли он учел в своем открытии, и он ухватился за эту мысль, она позволяла отвлечь совесть и второе «я», противного скептика, и Филипп достал из ниши корону эмкана и включил аппаратуру...

Открытие Филиппа, найденное им на стыке многих наук физики пространства, обсуждалось на очередном заседании Технического Совета Земли, породив лавину восторженных откликов со стороны несведущих и волну замечаний и экспериментальных проверок формулы всеми специалистами по ТФ-связи.

Травицкого вызывал к себе председатель Технического Совета

Хейдо Уессон по поводу присвоения Филиппу Ромашину звания магистра технических наук. Против звания Травицкий не возражал, но просил подождать с присвоением месяц-два. Уессон не стал расспрашивать начальника бюро о мотивах его просьбы, само собой разумелось, что они достаточно серьезны.

— Этот Ромашин — теоретик таймфага? — спросил он.

— Нет, конструктор ТФ-аппаратуры,— ответил Травицкий.

— Странное явление! Для вывода формулы локальной трансгрессии, как это сделал он, нужны глубокие познания в области структуры пространства, вакуума и ТФ-поля.

— Вы правы, случай оригинальный. Ромашин подошел к чисто теоретическому, математическому, умозрительному открытию с противоположной стороны, от конструкции, в то время как нормальным считается обратное, от теории к конструкции. Что ж, еще по учебному институту он был известен как неплохой математик, автор трех оригинальных работ по повышению информационной емкости ТФ-канала.

— Тогда это скрытый гений.

— Не гений, но рядовой талантливый творец.— Травицкий улыбнулся.— Один мой знакомый сказал бы: не гений, но уже достаточно близок к сумасшествию. К сожалению, Ромашин неуравновешен, разбрасывается, он отличный спортсмен, и, возможно, это обстоятельство мешает ему быть... гением.

Уессон поднял на собеседника спокойные прозрачные глаза.

— А может, наоборот? Я думаю иначе: спорт никоим образом не мешает гению, если это, конечно, гений. Спорт воспитывает человеческое в человеке, пожалуй, больше, чем любая научная дисциплина.

Травицкий, не желая возражать, только пожал плечами, у него было свое мнение.

По возвращении из Твери, где находился управленческий аппарат Технического Совета, Травицкий собрал всех работников бюро и сообщил:

— Наш институт будет головным разработчиком нового типа ТФ-аппаратуры. Но не торопите время: эта формула пока рай только для теоретиков, для экспериментаторов и практиков же она является адом. Поэтому лучшие наши математические умы — Ильга, Филипп, Денис — займутся «частными» выводами и поиском возможных отрицательных эффектов, а остальные примутся за деталировку и узловую проработку антенны и блока управления. Это сейчас главное. Осознаете, какая на нас теперь ответственность?

Все осознавали.

— Тогда за работу,— вздохнул Травицкий. Он-то знал, с какими трудностями придется столкнуться работникам бюро.

Филиппу досталось продолжение поиска оптимального объема

ТФ-передачи, дающего каждому человеку возможность перемещаться по ТФ-каналу из любой точки пространства, не прибегая к услугам транспорта. Остальные конструкторы начали работать с энергетикой и автоматикой новых микростанций.

К концу августа восторги вокруг открытия поутихли, природа не хотела сдавать свои позиции без боя. Всем было известно, что механика мгновенного перемещения в пространстве наталкивается на издавна известный в физике принцип неопределенности, согласно которому в применении к ТФ-связи невозможно с конечной точностью определить одновременно энергию тела, импульс и координаты. Стационарная ТФ-связь обходила этот закон тем, что перемещаемые тела жестко «привязывались» к таймфаговым линиям и, покидая передатчик, финишировали в приемнике. Для индивидуального же использования векторная связь не годилась, потому что, образно говоря, путешественник, исчезая в одном месте, не знал точно, когда и где он «вынырнет» в другом: в воздухе, на земле или под землей, плюс неизбежная неопределенность в скоростях движения субъекта и выбранной финишной зоны.

Филипп работал чуть ли не до изнеможения, по шесть-семь часов в день, яростно гоняя мозг мыслерапидом, и дважды пропустил тренировки, из-за чего имел не совсем приятный разговор с Ребровым, хотя и не мог не признать, что тренер прав. С Аларикой он виделся за это время всего один раз, да и то случайно — в театре миниатюр, где она была вдвоем с Леоном Хрусталевым, игроком сборной. Женщина выглядела веселой, но самодовольная физиономия Хрусталева отбила все желание подойти, и Филипп ушел из театра, даже не досмотрев спектакль. Не думать об Аларике он не мог, но странная апатия и сосущая пустота в груди после встречи надолго омрачила его настроение, заставляя заполнять пробел в сердечной сфере работой и тренировками.

Однажды после работы, когда Филипп полулежал в кресле с эмканом на голове, рисуя в объеме экрана тонкий девичий профиль «идеальной подруги», в лабораторию зашел Травицкий, как всегда бесшумно и неожиданно, и, посмотрев на его «художество», обронил:

— Мне звонил Май Ребров...

Филипп поспешно стер изображение, выключил машину и снял эмкан. Травицкий мелкими шажками измерил расстояние от двери до пульта комбайна и остановился напротив. Глаза у него были усталые и запавшие, работал начальник бюро много и уставал, наверное, не меньше Филиппа.

— Ты пропускаешь тренировки без уважительных причин.

Филипп отвел угрюмый взгляд.

— Ты думал, что вывел формулу и все? — Тон у Травицкого неожиданно сдвинулся в область отрицательных температур.— А я ведь не напрасно показывал тебе старинное чертежное при-

способление — кульман, помнишь? Не понял ты намека, жаль. А намек был совсем прозрачный: для того, чтобы сделать что-нибудь выдающееся с помощью таких неуклюжих сооружений, нашим дедам необходимо было т е р п е н и е! Понимаешь? Т е р п е н и е! Проблема оказалась зубодробительнее и сложнее, чем ты думал, и, не решив ее с первого наскока, ты...

— Разве я не работаю? — не выдержал Филипп.

— Работаешь,— согласился Травицкий.— Но к а к?! Ты перестал быть синектором, ты сейчас раб машины, ее знаний и логики, и только! Ты уже не творец, а фанатик идеи — хватаешься за тысячи возникающих новых путей и не доводишь до конца ни одного. Если будешь работать в том же духе, я не разрешу тебе нагружать вычислитель больше двух часов в день... не перебивай! Слушай, что скажу.

Завтра мы слетаем на Меркурий, где строится новая антенна, опробуем аппаратуру пуска — и ты свободен. Даю неделю отдыха, можешь по желанию взять даже две или три, смени обстановку, впечатления, переживания, лети куда хочешь, хоть в другую галактику, но не смей думать о теории таймфага! Никаких попыток надеть на голову эмкан! Когда-то смена впечатлений помогла тебе набрести на формулу, может быть, то же произойдет и еще раз. Вообще категорически запрещаю думать о работе! Это первое. Второе: если не хочешь, чтобы я думал о тебе плохо — не пропускай тренировок, ни в ущерб себе, ни в ущерб остальным, тем более Реброву, который в тебя поверил. И третье: вернешься, проведем общий мозговой штурм по нашей проблеме с привлечением всех ведущих теоретиков таймфага, и тут твое психическое здоровье должно быть на высоте. Вопросы есть?

Филипп вздохнул и сгорбился, боясь поднять на руководителя бюро виноватый взгляд.

— Нет.

— Тогда до завтра.

Травицкий постоял немного рядом, погрустневший, добрый, как всегда, и вышел, оставив после себя ощущение беды.

Филипп помял лицо ладонями и скорчил своему отражению презрительную гримасу.

— Долго еще ты собираешься взрослеть, игрок? Инфантильная личность?

«Инфантильная личность» в зеркальной панели в ответ скорчила рожу и промолчала.

— Понятно.— Филипп вздохнул.— Значит, безнадежен...

Завод был огромен. Зона солнечных конденсаторов, составляющих верхний ярус завода, занимала площадь в двести пятьдесят

тысяч квадратных километров. Второй ярус представлял собой зону трансформаторов энергии, а нижний, основной, состоял из преобразователей и реакторов синтеза и упаковки капсул МК — миниколлапсаров, служащих источником энергии для кораблей космического флота человечества.

Филипп стоял на обзорной башне завода, поднимавшейся над поверхностью Меркурия на триста метров, и, не отрываясь, смотрел на исполинский раскаленный тоннель Солнца, просверленный в зените: именно тоннель — таким представлялось светило сквозь светофильтры и защитный экран башни.

Завод работал автоматически, под неусыпным надзором киб-интеллекта, тем не менее он требовал участия людей. В шести обзорных башнях над территорией завода работали восемнадцать человек, следя за состоянием верхней зоны солнечных конденсаторов, еще шесть человек дежурили в централи управления заводом. Кроме того, круглосуточно дежурили смены механиков, инженеров ядерной защиты и бригады по ремонту всех энергоустановок завода, всего сорок семь человек.

Вдали над кажущимся бесконечным сверкающим полем конденсаторов встал вдруг язык лилового, бледного в сиянии солнца огня. Тотчас же внутри обзорного купола рявкнул гудок, дежурные ответили переключениями на своих изломанных волей разработчиков пультах, и язык пламени втянулся в поле.

— Бригаде ремонта на выход! — сказал один из операторов.— Выгорела секция сто сорок шесть. Киб-ремонту не подлежит. Главный пост — перераспределяю энергоотдачу района.

— Принято,— отозвался гулкий бас из невидимых динамиков.

В это время в куполе появился Травицкий в сопровождении главного инженера завода. Оба были в полужестких вакуумскафандрах, как и Филипп.

— Думаю, часов через десять-двенадцать мы восстановим линию,— обратился главный инженер одновременно к Травицкому и Филиппу.— Редкий случай, вы уж поверьте.

— Верю,— сказал Травицкий.— Не ко времени, конечно, но ничего не поделаешь. За двенадцать часов восстановить разрушенную линию вам, очевидно, не удастся, скажем, если мы привезем аппаратуру послезавтра, вы будете готовы к пуску?

— Наверняка, можете быть уверены.

Травицкий кивнул. Главный инженер, смущенный своей ролью, пожелал им удачи и удалился.

— О чем это он? — спросил Филипп, ничего не понявший из разговора.

— Неувязки,— нехотя сказал Травицкий.— Как раз перед нашим прибытием возбудился вулкан и лава повредила энерголинию от завода к нашей стройке. Какой-то умник повелел монтировать

антенну на плато Шерхова, напичканное вулканами, как подсолнечник семечками. А виноват я, потому что не проконтролировал. В общем, эксперимент откладывается, поэтому на сегодня и завтра можешь быть свободен. Завод уже осмотрел?

— Да так, местами... Без провожатых ходить по территории запрещено, а здесь — сами видите, не до нас.

— Ну, на Меркурии и кроме МК-заводов много интересного. Если хочешь, могу поговорить с кем-нибудь из старожилов, тебе покажут все, даже знаменитую Серую Колонну на Плато Жары.

Филипп подумал и отрицательно покачал головой.

— У меня есть дела на Земле... если вы не возражаете.

Травицкий развел руками.

— Ради бога. Кстати, зайди, пожалуйста, в институт и забери в моем столе голубую кассету, там расчеты пробного канала. Я, наверное, останусь здесь, кое-что выясню. Послезавтра в десять по среднесолнечному встретимся у главного инженера, найдешь? Это почти под нами, на втором горизонте.

— Кто из вас Кирилл Травицкий? — повернулся к ним один из операторов.— Меркурий-исследовательский на связи.

Травицкий просеменил к пульту. Филипп проводил его глазами, чувствуя неприятный осадок в душе, и шагнул к двери. Эксперимент с новой ТФ-антенной, формулу которой он рассчитал, почему-то перестал его интересовать. С одной стороны, результат эксперимента не мог не волновать его как разработчика, все-таки проверялось его детище, но с другой — Филиппа перестал удовлетворять сам процесс подготовки эксперимента, слишком длительный и однообразный, поэтому и настроение складывалось соответственно: Филипп ощущал в себе раздвоенность и неопределенную досаду неизвестно на кого.

На Землю он попал спустя час через вторую станцию метро Венеры. В институт зашел поздно, забрал из кабинета Травицкого кристаллы кассет и не стал задерживаться в лаборатории. За стенами института властвовал поздний вечер. Темная мгла сгустила тени в зарослях леса, и он потерял свои великолепные летние краски, взамен выпустив на свободу тысячи запахов и мириады звуков от скрипа коростелей до квакания лягушек в пруду. Над горбами холмов умирал последний солнечный свет, рассеянный вязью перламутровых облаков. Кое-где в темно-фиолетовый купол неба уже вонзались лучи далеких звезд. Небо вокруг натертого до блеска лунного диска запотело серебристой влагой.

Филиппа вдруг охватило желание немедленно увидеть Аларику, причем не в рабочей обстановке, а дома, неожиданно для нее, без предупреждения. Желание было наполовину неосознанным, но в том и была его прелесть — оно заставляло работать сердце с полной отдачей.

Филипп вернулся домой и первым делом связался со справочной Дальнего Востока, выясняя адрес Реброва. Он уже знал, что Аларика после гибели мужа продолжала жить в семье Ребровых, в доме Мая, с его женой и взрослой дочерью. Затем он позвонил в Лунный Институт видеопластики и в Управление спасателей, убедился в том, что Аларики там нет. Следовательно, у него появился шанс застать ее в домашней обстановке.

После этого выбрал костюм, сам, не пользуясь сумматором моды, и в три часа ночи покинул спящий дом. Самому спать совершенно не хотелось.

Пинасс доставил его из Басово к первой московской станции метро, откуда он мгновение спустя переместился в Хабаровск.

Добраться до Симушира оказалось непросто: рейсовые куттеры летали редко и медленно, со многими остановками, а ждать Филипп не захотел. Сначала, пользуясь попутным транспортом, он попал в Южно-Сахалинск, в родные пенаты Станислава Томаха; заходить к нему, однако, не стал, надо было бы объяснять свое появление, а этого он как раз бы и не сумел. Затем пинасс метеослужбы отвез его на Итуруп, самый большой остров Курильской гряды, и лишь потом на нэфе местных линий он добрался до Симушира, который фантазия кого-то из предков Мая Реброва выбрала в качестве домашнего уголка.

Был уже вечер, когда Филипп выбрался к поселку Шанширн, расположенному на берегу бухты Броутона. Небосклон был завешан тучами, и Луна лишь изредка откидывала их вуаль, чтобы показать свое полное белое лицо.

Та же Луна, что и у нас в Басово, подумал конструктор мимолетно. Интересно все же, почему Ребров выбрал для местожительства остров Курильской гряды? Прямого ТФ-сообщения с материком здесь пока нет, погодные условия не всегда соответствуют нормам для жилых зон... Любовь к океану? Или привязанность к жилью отцов? Это, кстати, мне ближе по духу... не любящий свою родину также никем не любим... Однако где же их «вигвам»?

— Простите,— остановил Филипп двух женщин, толкающих впереди себя что-то серебристо-стеклянное, звенящее и гудящее от легкого ветерка.— Вы не подскажете, где живут Ребровы? Вам помочь? — спохватился он.

— Спасибо, мы сами,— отозвалась старшая, откидывая прядь волос со лба.— Это оптимизатор среды для новорожденных ихтиозавров, он легкий, а до фермы уже близко. А дом Реброва справа от вас, через парк, увидите сами.

Поблагодарив, Филипп двинулся в указанном направлении, чувствуя на затылке взгляды женщин. Пройдя темный парк, наткнулся на каменную ограду, прошел вдоль нее с полсотни шагов и увидел дом Реброва — смутный силуэт, полускрытый деревьями. На лу-

жайке у дома стояли три пинасса, четвертый медленно снижался поодаль. Из полураскрытой двери, ронявшей сноп белого света на террасу, выглянул незнакомый мужчина, мельком взглянул на подходившего Филиппа и крикнул в темноту:

— Александр, ты скоро? У женщин лопается терпение.

— Скоро,— донесся сверху из темноты густой бас.— Только коня привяжу.

Незнакомец засмеялся, повернул голову к Филиппу.

— Вы к кому?

— К Реброву,— сказал Филипп первое, что пришло в голову.

— Я Ребров.

— Я... мне нужен другой...

— Другой, значит. А какой именно? Сегодня здесь много Ребровых. Проходите в дом, разберемся.

— Кто там, Глеб? — раздался из прихожей знакомый голос, и на террасу вышел Май Ребров, одетый во все черное.— А-а, Ромашин... это ко мне. Проходите, Филипп.

— Спасибо,— пробормотал Филипп, проводил взглядом Глеба.— Извините, Май, могу я видеть Аларику?

— Ага...— сказал Ребров, глаза его похолодели. Он помолчал, внимательно разглядывая лицо конструктора, хмыкнул.— К сожалению, ее нет дома.

— А где ее можно найти?

Ребров снова хмыкнул, хотя лицо его осталось неподвижно-спокойным и твердым.

— Она пошла к морю. Правда... не хотелось бы, чтобы ее тревожили. Сегодня день памяти Сергея.

Филипп неловко кивнул, уши его запылали, и он, не зная, что сказать, мучаясь налетевшим вдруг косноязычием, проговорил:

— Понимаю, вы правы... однако же... я, пожалуй, пойду к себе, извините.

— До свидания,— сказал Ребров, повернулся и ушел в дом. Дверь при этом он за собой не закрыл.

Филипп сбежал с террасы, уязвленный до глубины души необычной холодностью тренера, злой на себя, на Реброва, на весь мир, и, лишь оказавшись на причале, опомнился и перевел дух.

Волны с упорством маньяка пытались разбить причал, сдвинуть его с места, но разбивались сами, сея густую водяную соленую пыль на черный гранит мола. Неумолчный гул сопровождал эту схватку, и Филипп представил, каково здесь в шторм.

Подставив пылающее лицо брызгам, он постоял с минуту, все еще переживая свое неудачное рандеву с Ребровым, потом вытер лицо ладонью и сказал неизвестно кому:

— Ну, мы еще посмотрим!

Он вышел из освещенной зоны причала, совершенно безлюдной

в этот час, нашел какую-то тропинку и по ней пустился в обход поселка по берегу моря. Там, где скалы отступали в глубь острова, было холодно, откуда-то издалека, из седой мглы катились стеклянные хребты волн, накатывались на валуны и скалы, ветер срывал с разбитых волн фосфоресцирующую пену и бросал на берег, словно сеятель — семена жизни.

В стороне пика Прево над морем повисли три рубиновые полосы, и Филипп успел заметить косо падающие за горизонт стремительные стрелы истребителей ураганов. Он подождал несколько минут, прислушиваясь, но все было спокойно, лишь прибой заполнял пространство музыкой канонады. Балансируя на кромке обрыва, Филипп раздумывал, куда направиться дальше, и вдруг на фоне светящихся волн заметил на выступе скалы чей-то силуэт. Человек сидел, повернувшись к морю лицом, и что-то знакомое почудилось Филиппу в его позе. Он осторожно приблизился, хор прибоя заглушал его шаги.

Это была женщина в мерцающем зеленовато-белом платье. Филипп замер. Сами собой пришли на ум пушкинские строки:

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури,
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури...

Женщина оглянулась и встала.

Сердце отозвалось падением и взлетом, он ощутил радость и тревожное изумление одновременно: предупреждение Реброва еще стояло в ушах. Аларика, спокойная, как и всегда, желанная и чужая, заставляющая вздрагивать во сне и в последнее время всплывающая в памяти в самые напряженные моменты работы, смотрела на него и молчала. Интуиция вывела его сюда? Или его величество Случай?

— Как ты нашел меня? — первой нарушила молчание женщина.— И зачем?

Филипп приблизился.

— Мне сказал Май... но я не искал тебя, честное слово... хотя, вру, не искал, но ждал. А зачем?.. Может, потому что хочу разобраться...

— В чем?

— В тебе... в себе тоже.

— Странные слова в твоих устах. Обычно ты более категоричен. И все же ты напрасно пришел сюда.

Филипп стиснул зубы.

— Наверное, ты права. Мне говорил Ребров, я не послушал. Но, уж коль так получилось, позволь побыть с тобой немного...

Он взял ее за руки, холодные, как скалы вокруг. Аларика покачала головой, высвободила руки.

— Ты напрасно пришел... во всяком случае, сегодня. Слишком легко тебе даются слова, я знаю. И еще ты забыл, что между нами прошел третий, которого я любила.

— Тогда я приду завтра.

— Не знаю. Пусть это будет завтра, а сегодня — уходи.

Филипп молча поклонился и пошел в темноту, унося взгляд Аларики, твердый взгляд взрослой женщины, знавшей, что такое любовь. И все же... «Она сказала — любила,— бормотал он про себя.— Любила, а не — люблю! Значит, не все еще потеряно? Кто бы помог разобраться, возможно ли это? Или не надо разбираться, ставить точки над «i», пусть все идет так, как идет?»...

Хор прибоя уже не казался ни торжественным, ни грозным — он был, скорее, насмешливым и угрожающим, веяло из фосфоресцирующего мрака холодом и безнадежностью...

Если не знает никто, почему улыбаемся мы,
И не знает никто, отчего мы рыдаем,
Если не знает никто, зачем рождаемся мы,
И не знает никто, зачем умираем...

Филипп оступился, больно ударился коленом о камень и погрозил кулаком океану. Оглянулся, но Аларики уже не было видно. Только клочья светящейся пены проносились над мокрыми скалами, словно странные электрические птицы из неведомого мира.

Если мы движемся к бездне, где перестанем быть,
Если ночь перед нами нема и безгласна...
Давайте, давайте, по крайней мере, любить!
Быть может, хоть это не будет напрасно...[1]

— Когда это произошло? — спросил Богданов, чуть более бледный, чем обычно.

— Вчера утром, между завтраком и обедом,— сказал угрюмый Йос.

Два часа назад из сектора скорой помощи УАСС пришло сообщение о смерти эфаналитика отдела безопасности Василия Богданова. Его нашли мертвым после сеанса компьютерного расчета, но тема расчета оказалась стертой в памяти «Умника» — большого киб-интеллекта Управления, и это было необъяснимо: стереть расчет не мог бы и сам оператор.

Томах невольно сравнивал это происшествие с недавними событиями: появлением «зеркальных перевертышей», пропажей грузов и, главное, с проникновением в наглухо закапсулированную космостанцию над Орилоухом. Не есть ли это звенья одной цепи?

— И никаких предположений? — спросил он глухо.

---

[1] Амадо Нерво (Мексика, 1870—1919 гг.).

Начальник отдела безопасности покачал головой.

— Никаких. Диагноз — колоссальное нервное переутомление и, как следствие, обширный отек мозга.

— Кто ведет расследование? — спросил Богданов. Он тоже выглядел достаточно спокойным, только у губ легли скорбные складки.

— Пока Шалва, но что он может сделать, не имея предпосылок? Врачи разводят руками, случай беспрецедентный. Непонятно уже то, почему «Умник», связанный с медсектором напрямую, не вызвал скорую сразу после происшествия. А на вопрос, почему он этого не сделал, ответил: оператор с ним н е р а б о т а л!

— Откуда же тогда переутомление? — спросил Томах.— Свидетели включения «Умника» есть?

— Нет,— коротко ответил Йос.— Тестирование «Умника» показало, что он работал с Василием в режиме «один-на-один», но какую проблему они решали — неизвестно.

— Я догадываюсь, над чем работал Василий,— медленно проговорил Богданов.— Я подкинул ему проблему «зеркальных перевертышей» в интерпретации Славы — что они суть средства наблюдения, плюс исчезновения грузов, идущих на периферию. Видимо, он пытался сделать глубокий прогноз.

— Над прогнозом даже эфаналитики не работают до сверхизнеможения.— Керри Йос встал, подошел к Богданову и положил ему руку на плечо.— Нужен профессионал-вычислитель, который смог бы выдержать гонку с «Умником» в режиме «один-на-один». Это вывод кибернетиков, конструкторов «Умника». Только тогда появится шанс заставить его при перенапряжении восстановить память хотя бы частично по «рассеянному эху» прежних вычислений в блоках эмоций. Ваш друг Филипп Ромашин, по-моему, подошел бы по всем статьям, я слышал о его открытии, но он не сотрудник отдела, а риск в этом деле превышает границы допуска для гражданских лиц. Тебя я тоже не пошлю, на вас со Славой и без того повисло дело Наблюдателя. Кто подойдет?

— Надо подумать,— сказал Станислав.— Идея взять Филиппа...

— Что, не подходит?

— Почему же, подходит, просто я думал... не рано ли? Вы же сами вспомнили открытие, связанное с его именем, он талантливый конструктор и к тому же спортсмен высокого класса...

— Вот-вот, одни добродетели.— Керри позволил себе пошутить.— Именно это меня и привлекает, особенно то, что он спортсмен. Кто-нибудь из вас знает его физические данные?

— Я знаю,— сказал Томах,— не раз его массажировал. По нашей классификации, Филипп — эктомидиал [1]. Чуть-чуть больше,

---

[1] Эктомидиал — сухой, жилистый, подвижный спортсмен, поражает вспышками энергии, смел, но не любит силовой борьбы.

чем надо, вспыльчив, но энергичен, великолепно развит, реакция феноменального типа плюс, кстати, пробуждающийся вкус к риску.

— Ну, последнее, пожалуй, лишнее,— проворчал Керри Йос.— Я бы хотел, чтобы этот вкус не развивался по экспоненте.

— У Василия тоже была реакция феноменального типа и чутье опасности,— напомнил Богданов.— Плюс двенадцатилетний опыт работы в Управлении.

Начальник отдела в задумчивости прошагал вокруг лужицы воды в сверкающем ледяном гроте — так был настроен видеопласт кабинета — и сказал, легонько стукнув кулаком по стене:

— Не о нем сейчас разговор, я имею в виду, не о Ромашине. Подумайте до вечера, потом поговорим. Надеюсь, вы понимаете важность своей работы по «зеркалам». Уж очень похоже, что кто-то недавно начал «пасти» нас, человечество, хотя и очень робко, на дальних подступах к нашему центру.

— Как мы за Орилоухом? — уточнил Богданов.

Керри Йос остро посмотрел на заместителя.

— Аналогия есть, однако различий между нашим и их наблюдением гораздо больше, чем сходства. Тем более что мы не знаем пока целей Наблюдателя.

— Правильно,— согласился Томах.— При тех возможностях, что демонстрирует наш Наблюдатель,— вспомните вскрытую станцию над Орилоухом,— он мог бы следить за нами, не открываясь, очень долго. У меня создалось впечатление, что открылся он намеренно. Зачем?

— Мне тоже хотелось бы знать,— пробормотал Керри Йос.— Однако отвечать на этот вопрос некому... кроме нас самих.

— А не перестраховываемся мы? — спросил Богданов, глядя на «лужицу», в которой плавали крохотные радуги.— Не выдаем ли нежелательное за действительное? Слишком уж искусственны наши построения, вам не кажется? Все три случая: «зеркала», пропажа грузов и вскрытие станции могут оказаться неизвестными проявлениями неразумной природы и вообще не связаны друг с другом.

— Могут,— согласился Йос.— Но если сто лет назад ученые для всех космических явлений искали естественные объяснения, то мы обязаны искать неестественные, ибо за этим стоит контакт с разумными существами, о которых мы не знаем ровным счетом ничего! Для того и существует УАСС, организация, отвечающая за безопасность цивилизации, и, в частности, наш отдел, чтобы остальные люди не ждали от контакта беды. Не убедил?

— Чего уж там,— буркнул Томах.— Нас убеждать не надо. Кто из СЭКОНа работает сейчас по «зеркальным перевертышам»?

Керри перестал обходить «грот», выключил видеокартину.

— Генри Бассард,— сказал он хмуро.

Томах и Богданов переглянулись.

— А вы думаете, зря я вас тут пугаю? Мнение Генри, кстати, полностью совпадает с твоим, Никита, мол, «неразумная природа». Это плохой симптом, доказать Бассарду что-либо, когда он упрется рогом, весьма сложно. Короче, с разгадкой смерти Василия я управлюсь без вас. А вам даю два дня на архивы — поищите информацию разведчиков обо всех явлениях, схожих с «зеркалами» и прочими нашими чудесами, потом соберемся и выберем тактику и стратегию поисковых групп. А так как работать им придется в пограничных районах контролируемой нами зоны космоса, то вопросу отбора, психологическим качествам поискеров уделите особое внимание. Лучше всего подобрать кадры среди пограничников, знающих сюрпризы космоса не понаслышке. Все понятно?

— А как же,— с иронией произнес Томах.— Обычное дело: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Филиппа Томах нашел дома погруженным в размышления, судя по выражению лица — не очень приятные.

— Где это ты был? — спросил его конструктор вместо приветствия.— Я тебя ищу уже вторую неделю.

— Работа,— пожал плечами Станислав.— Я был там, куда не достает связь через личный видео.

— Снова тайны...

— Завидуешь? — Томах вынул из окна доставки на кухне бокал с дымящимся соком, принес в гостиную и стал, не торопясь, пить мелкими глотками.— Я был у пограничников, на периферии. Если хочешь, переходи к нам на работу, у тебя тоже появятся тайны.

— Кем? — невесело засмеялся Филипп.— Экспертом?

— Можешь и экспертом, но лучше инспектором на оперативную работу отдела.

Филипп перестал улыбаться и недоверчиво посмотрел в карие, спокойные глаза Томаха, в которых время от времени мелькали иронические или насмешливые огоньки.

— Шутишь?

— Абсолютно серьезно.

Филипп подумал, отобрал пустой бокал у друга и сел напротив, расставив ноги.

— Выкладывай, что у вас там случилось.

Томах испытывающе посмотрел на него.

— Разве по мне заметно, что у нас что-то случилось?

— В общем-то... нет, но я... чувствую.

Томах слегка нахмурился, все еще рассматривая Филиппа, потом отвернулся и пошел на кухню за следующим бокалом.

— Ты мне не ответил на предложение,— сказал он оттуда.

— Ты тоже — на мой вопрос.

Томах появился в проеме двери, на ходу прихлебывая тоник из запотевшего бокала.

— Умер эфаналитик Василий Богданов, брат Никиты.

— Брат Богда... Как умер?

— От умственного и нервного перенапряжения. Работал в паре с «Умником», вот как ты со своим вычислителем, решал какую-то футур-задачу... Через два часа его нашли мертвым с эмканом на голове. А «Умник» ничего не помнит. Такой вот фокус. Но это наши заботы.— Томах сделал ударение на слове «наши».— Хотя в скором времени они могут стать и твоими. Я понимаю, мое предложение для тебя неожиданно, поэтому не торопись с ответом. Все взвесь и проанализируй. Позволю заметить, что не каждого приглашают работать в Управление, а тем более в отдел безопасности. И еще: УАСС — это организация, для работы в которой необходимо иметь призвание, а работа требует столько сил, умения, желания, самоотдачи, дисциплины, жизни, наконец, что упаси тебя бог согласиться и не выдержать! Не помню, кто сказал, что работа без нравственного оправдания — бессмыслица или того хуже, жестокая необходимость, но знаю, что сказано это о спасателях и безопасниках. Если хочешь, для меня работа безопасника — призвание. Вот когда ты сможешь так сказать про свою — неважно, будешь ли ты конструктором или спортивным деятелем,— тогда я возьму свое предложение назад. А пока думай. Согласен?

Филипп качнул головой.

— А что мне остается? Ты прав, в последнее время я не нахожу удовлетворения в своей конструкторской работе, только едва ли когда-нибудь...

Томах протестующе поднял руку.

— Я же сказал, не спеши, время покажет.

Филипп задумался, вертя в руках пустой бокал. Томах принялся разглядывать комнату, отмечая новые штрихи в интерьере, появившиеся с тех пор, как он был здесь в последний раз. Он встал с дивана, прошел к панели домашнего координатора и в нише под стенным виомом увидел миниатюрный видеопласт: горы, язык ледника, снежное поле и в черной пасти пещеры женщина в сияющем белом платье. Аларика.

Станислав некоторое время рассматривал лицо женщины и вернулся к дивану.

— Откуда это у тебя?

— Что?.. Она мне сама подарила.

— Вот как? Интересно!

Филипп остановился напротив друга и через силу, не глядя на него, спросил:

— Ты знал Сергея Реброва?

— Кто же его не знал?

— А почему не сказал мне, что он погиб?

— Зачем? Разве это что-нибудь изменило?

Филипп угрюмо посмотрел в глаза Станислава.

— Думаю, изменило.

— Ну, а я так не думаю. И коль уж зашел разговор, ответь мне: ты что же, всерьез решил наверстать упущенное? Не поздно?

Филипп вспыхнул, увидя в словах инспектора скрытый и неприятный подтекст. Но сдержался.

— Не надо так, Слава, Ты же не знаешь...

— Э-э, брат, шалишь! Я все о тебе знаю, даже то, чего ты сам о себе не знаешь. Что касается Аларики... Зря ты все это затеял. Слишком хорошо я знаю их жизнь. И любовь. Не зная тебя так, как знаю, я бы подумал, что у тебя взыграло самолюбие, но не могло же оно молчать столько лет? Ты же абсолютно ничего не знал об Аларике, так? И не пытался узнать, хотя меня это всегда поражало. Что же изменилось? Случайная встреча всколыхнула омут былых чувств? А смерть Сергея развязала руки?

Филипп потемнел, сжимая кулаки. Станислав с любопытством смотрел на него снизу вверх, сплетя пальцы на животе.

— Не нравится? Что ж, иначе не могу. Мне было больно за вас обоих пять лет назад, хотя я уже тогда знал Сергея Реброва. Но не причиняй новой боли Аларике, она этого не заслужила.

— Постараюсь,— глухо ответил Филипп.— Ты со мной так никогда раньше не разговаривал.

— Потому что, по-моему, ты был счастлив. Ну, или будем говорить иначе, был уверен в правильности своей линии жизни.

— А сейчас не уверен?

— Сейчас нет. Это меня и пугает, и радует. И если все объясняется только влиянием Аларики — это плохо.

— Разве? — Филипп опустился на диван.— Хотя ты прав, плохо. В последнее время со мной что-то непонятное творится. Понимаешь... и Ребров отмечает... и сам я чувствую, иногда словно срываюсь, будто не срабатывает что-то внутри, какой-то выключатель в нервной системе. И тогда я либо теряюсь в обстановке: затормаживаются реакции, уходит точность движений — в игре это особенно заметно — или, наоборот, переоцениваю свои возможности, бываю грубым и злым... а это уже, сам понимаешь, явный перебор.

— Еще какой,— согласился Томах.— Один мудрец говорил: «Недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдывается гораздо труднее»[1]. Тебе надо поменять режим работы, хотя бы на время, можно также пройти курс гипноиндукционного внушения, хотя гипнопрофилактика и терапия прописываются обычно слабо-

---

[1] М. Монтень.

нервным натурам. Кстати, у меня появилась идея: ты бывал когда-нибудь на СПАСах?

— СПАС? А-а... эти — станции аварийных...— пробормотал Филипп, гадая, кого Станислав подразумевает под «слабонервными натурами».

— СПАС — это станция приема аварийных сигналов.

— Не приходилось.

— Я тебе устрою экскурсию, не пожалеешь.

— Ты думаешь, мне это необходимо?

— Уверен — для смены впечатлений и проверки собственного терпения. Начну знакомить тебя со спецификой работы спасателей. Тем более что тебе придется поработать у нас.

По лицу Филиппа скользнула тень.

— Это называется вербовкой.

Томах тихо засмеялся.

— А это и есть вербовка. Удивительно, что ты помнишь смысл столь древнего термина. Наш шеф дал тебе очень лестную характеристику и просил меня провести «среди тебя» работу по выяснению твоего отношения к аварийно-спасательной службе вообще и к отделу безопасности, в частности. Если серьезно, Керри предлагает тебе прикинуть свои возможности в поединке с «Умником» в режиме «один на один» и участвовать в операции «Наблюдатель», которую ты уже начал, будучи экспертом. Кстати, у меня ощущение, что операция эта небезопасна.

Филипп стал молча переодеваться в выданный сумматором моды костюм: обтягивающие бедра и прямые внизу брюки, белые у пояса и чернеющие к краям штанин, и обтягивающую тело рубашку, также белую у плеч и чернеющую к поясу.

— Я не понял, при чем тут «Умник».

— Богданов работал с ним именно в режиме «один на один».

— Ясно. А если я не соглашусь?

— Согласишься,— ответил Томах уверенно.— Иначе я переквалифицируюсь в... управдомы не управдомы, но в конструкторы одежды точно.

Когг скользнул мимо исполинского «уха» антенны станции и воткнулся в одну из причальных ниш стыковочным узлом рядом с таким же полосатым шлюпом дежурной смены.

— Давно собираются установить на СПАСах метро,— буркнул Томах, отстегиваясь от кресла,— да все никак не соберутся. Вот и приходится колупаться на когте битых полчаса.

Он первым ступил на эстакаду, и движущаяся дорожка вынесла их в кольцевой коридор станции, опоясывающий ее «мозг» — зал управления и автоматики.

— У них как раз сейчас пересменка,— посмотрел на часы Томах, ступая бесшумно и мягко по матово-белому, словно фарфоровому, полу коридора.— Мы не помешаем. А стажироваться тебе все равно надо, не вздыхай.

Зал оказался не круглым и не таким уж большим, как ожидалось, судя по радиусу изгиба коридора; он был треугольным. Все три стены служили панорамными виомами, пульт управления помещался в тупом углу треугольника, и над ним была врезана в стены наклонная черная плита экрана пеленгатора с крестом визира по центру. У пульта стояли три кресла, два из них занимали старший дежурный смены и его помощник, третье было запасным.

При входе в зал слабо звякнул предупреждающий звонок, и мужчины у пульта, одетые в серо-голубые комбинезоны спасателей пространственной службы, оглянулись. Филипп с удивлением узнал в старшем смены... Леона Хрусталева, напарника по сборной! В свою очередь тот тоже удивился не меньше, только реагировал менее доброжелательно.

— Почему здесь посторонние? — с ударением на последнем слове спросил он.

— Ну-ну, я уже посторонний,— добродушно усмехнулся Томах, подходя к пульту.— Ребята, знакомьтесь, это Филипп Ромашин, конструктор,— он подмигнул Филиппу,— и кандидат в спасатели, стажер. У меня к вам просьба: пусть он тут послушает космос вместе с вами. Мешать не будет, парень дисциплинированный, идет?

— Я против,— возразил Хрусталев.— По инструкции во время дежурства в зале управления не должны находиться посторонние лица, даже если они спортсмены экстракласса и кандидаты в спасатели.

Филипп вспыхнул: от Хрусталева таких слов он не ожидал.

— Вы что, знакомы? — Томах внимательно посмотрел на обоих.

— Мир слухом полнится,— нехотя произнес Леон.

— По сборной,— уточнил Филипп.

— Пусть остается,— вмешался помощник Хрусталева, красивый парень, видимо, уроженец Мексики.— Насколько помнится, программа стажировки включает в себя и работу на СПАС. Меня зовут Рафаэль.— Он первым протянул руку и улыбнулся.

Хрусталев демонстративно отвернулся.

— Что вы не поделили? — шепнул Томах на ухо Филиппу. Тот пожал плечами, хотя и догадывался о причинах подобного к себе отношения товарища по сборной: Аларика... Филипп не раз встречал ее в обществе Хрусталева, и того не могла не насторожить его настойчивость...

— Ну и ладненько.— Томах посмотрел на часы.— Мне пора, время моего дежурства прошло, а вы заберете его на «материк» после смены.

Филипп, ощущая неловкость, и злость, и желание как-то помириться с Леоном, словно был виноват перед ним, сел в правое свободное кресло и принялся разглядывать панель перед собой.

— Берите эмкан,— подсказал ему улыбчивый Рафаэль.— На него сводятся каналы прослушивания всех диапазонов электромагнитного излучения и ТФ-спектра. Наша станция рассчитана в основном на ТФ-диапазон. Вообще-то, космос слушает больше автоматы, интеллектроника на СПАСах мощная, но бывают ситуации, когда зов помощи может выделить из шумов и запеленговать только человек. Ну, и управляем автоматикой тоже мы.

— Не отвлекайся,— буркнул Хрусталев,— не на лекции.

Филипп молча достал из ниши ажурную корону с тремя выводами светокабеля и подогнал по размеру головы.

— Проверка,— бросил Хрусталев, покосившись в его сторону.

Рафаэль ответил щелчком включения аппаратуры.

...Двести лет плыл он вокруг Солнца по колоссальному кругу диаметром в сто миллиардов километров, безмолвный, холодный, как дыхание смерти, и сам — смерть! Двести лет потратил он на один виток вокруг Солнца, вглядываясь во тьму бессмысленными глазами фотоэлементных пластин, вонзаясь в пространство щупальцами локаторов, ловил в перекрестке визирных меток астероиды, ядра комет в афелии, и тогда на короткое время пробуждался его кристаллический «мозг», сравнивая полученные данные с теми, которые заложили в него создатели, и летел мимо, и ждал, ждал, запрограммированный нести смерть всему, что создано людьми и что не ответило на его радиозапрос.

Уже давно канули в Лету те, чей злой гений создал его, сменились поколения, исчезли из лексикона людей Земли слова «война» и «гонка вооружений», а он все мчался вокруг Солнца, электронно-механический безумец, обуреваемый холодной жаждой убийства, один из тех автоматических аппаратов, которые запустили некогда бежавшие с Земли поклонники «звездных войн», озверевшие от страха и яда собственных замыслов.

И вот локаторы выхватили из тьмы сооружение, отвечающее эталонам, сохранившимся в памяти аппарата. Трижды бросал он вперед угрожающий оклик: «Кто идет? Дайте позывной!» Ответа не было. А по вложенным в память инструкциям молчать мог только враг. И тогда ракетный спутник-убийца включил боевые системы, в течение минуты проверил боеготовность отсеков, определил точные координаты цели и произвел залп. Шесть ядерных ракет типа «Спейсмен» вырвались из люков боевых палуб и умчались к ничего не подозревающему объекту, унося в своем чреве смерть весом в сто двадцать мегатонн.

Объектом нападения чудовищного пришельца, порожденного военным психозом прошлых веков, был космотрон-коллайдер, самый большой из ускорителей элементарных частиц на встречных пучках. На беду, автоматы его защиты были запрограммированы на отражение метеоритных атак и мелких болидов, поэтому стремительное приближение искусственных тел не пробудило в их памяти тревожных ассоциаций. Еще худшую беду несло то, что на космотроне шел эксперимент.

Катастрофа произошла внезапно: ракеты, начиненные смертоносным грузом, автоматически произвели противоракетный маневр, хотя никто их не собирался сбивать, вышли в расчетные точки поражения цели и взорвались. Защитное поле космотрона лопнуло, как мыльный пузырь, испарились в безжалостном ядерном огне многочисленные пристройки комплекса, потекли силовые секции ускорителя, исчезло управляющее поле и... два сверхплотных потока антипротонов, помноженные на громадную скорость, близкую к скорости света, ударили по касательной в разные стороны, доуничтожая все, что пощадил взрыв ракет, и, миновав мишени, ушли в пространство. Пятисоткилометровое кольцо космотрона испарилось почти мгновенно, породив вспышку жемчужного света. Две лавины яростной энергии, сравнимые разве что с солнечными протуберанцами, но невидимые глазу, устремились под углом к плоскости эклиптики, одна — в направлении на марсианский жилой пояс, вторая к созвездию Треугольника...

Филипп откинулся в кресле, решив не обращать внимания на поведение Хрусталева, и в это время тот включил слежение.

Плотная накидка глухоты внезапно прорвалась, Филиппу показалось, что он рухнул в глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, свистами разных тональностей, скрипами, шорохами, писками, нечеловеческим бормотанием и вздохами и шелестами морского прибоя... Это была великая «тишина» космоса!

Потом, через час, Филипп привык к этой «тишине» и даже научился отличать радиошумы от таймфагового эха, порожденного взрывами далеких сверхновых звезд, но первое впечатление было именно таким — стремительное погружение в бормочущую, шепчущую бездну, от которого кружилась голова и затуманивало мысли.

— СПАС-семь, дежурство принял,— сказал Хрусталев, причем его слова не проникли в «колодец» космической тишины — этот диапазон связи не прослушивался станциями системы СПАС.— Старший смены Леон Хрусталев.

— Добро,— отозвался динамик на пульте.— Рапорт принят. В вашем распоряжении патрульная группа Денеши, эстакада семь, пять коггов типа «Коракл». Спокойного дежурства!

Хрусталев проверил связь с отсеками станции, снова покосился на замершего в своем кресле Филиппа и попросил помощника погасить свет в зале. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в «шепот звезд»; такова была специфика работы дежурных смен станций приема аварийных сигналов.

Но пока обменивались шутками дежурные других станций системы СПАС, вели перекличку оперативные группы спасательных патрулей, готовые прийти на помощь любому, кто бросит призыв о помощи, страшная радиоактивная лавина уже безмолвно вспарывала пространство, с каждой минутой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

В девять часов тридцать две минуты по среднесолнечному времени в диспетчерской фобосской станции ТФ-связи, подчиненной опознавательной сети УАСС, прозвучал требовательный гудок: станцию запрашивала обсерватория «Полюс», располагавшаяся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении на гамму Треугольника вспышку света необычного спектра, и заведующий обсерваторией просил сверить свои наблюдения с наблюдениями обсерваторий системы СПАС солнечного пояса.

Старший диспетчер переглянулся с операторами, отметил время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через пятьдесят минут.

— «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки,— попросил диспетчер.— Что вас смущает конкретно? И почему для проверки вам потребовалась система СПАС?

Обсерватория не ответила. Два, три и пять раз повторял вызов оператор, но ответа с обсерватории так и не поступило.

— Странно! — задумался диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник аварийного патруля.— С чего бы ему молчать? Похоже, они даже передатчик вырубили — не видно контакта. И с чего бы ему вообще звонить по тревожной сети? Что он увидел в Треугольнике? М-да, придется потревожить кое-кого из старых знакомых, не нравится мне эта загадка...

Хмыкнув, он соединился с отделом УАСС на Земле.

Томах прилетел домой, когда семья уже спала. Приняв душ, он залез в кухонный комбайн, собираясь поужинать, как вдруг в гостиной тихо прозвенел сигнал вызова.

Окошко универсальных часов, запрятанное в толще стены, показывало девять часов тридцать семь минут по среднесолнечному

времени, но для Сахалина, где жили Томахи, шел уже двенадцатый час ночи.

Филипп, наверное, уже привык к своему положению, подумал Станислав. Ничего, это ему полезно — послушать то, что невозможно услышать ухом. Кто же звонит?

Он прошел в гостиную, утопая ступнями в теплом ворсе пола, включил виом.

— Слушаю, Томах.

Томившийся ожиданием диспетчер отдела встрепенулся:

— Извините, Станислав, только что получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку с необычным спектром в квадрате Треугольника с галактическими координатами...— диспетчер продиктовал ряд цифр.— На дальнейшие вызовы обсерватория не отвечает.

— Сигнал СОС?

— Нет, диспетчер Фобосской станции сигнала тревоги не получал, хотя просил повторить сообщение. «Полюс» молчит.

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне? Есть отдел контроля пространства, линейные службы...

— Диспетчер просил найти вас лично.

— Вот как? — Томах приподнял бровь.— Кто же этот смельчак?

— Станислав Грехов,— покраснев под пристальным взглядом инспектора, сообщил диспетчер после секундной паузы.

— Грехов? — Томах задумался, взгляд его стал жестким.— Любопытно. Что СПАСы?

— Планетарные на контроле, станции пространства всех поясов «целуют вакуум».

«Целовать вакуум» на жаргоне спасателей означало — не слышать ничего.

— Любопытно,— повторил Томах, мысленно прощаясь с отдыхом.— Свяжитесь с Богдановым и оповестите все СПАСы внутренней зоны о вспышке. Я буду через полчаса.

— Богданов уже предупрежден,— виновато сознался диспетчер.— Он сказал, что все это очень напоминает ему признаки цунами... Извините, пояснять, что имеется в виду, он не стал.

Станислав выключил виом, досадуя на неопытность и разговорчивость молодого дежурного, и повторил про себя: признаки цунами... Что ж тут непонятного?

Через минуту, никого из домашних не предупредив, он сел в куттер, дежуривший на стоянке недалеко от дома, сорвал ограничитель скорости и включил форсаж.

Ему надо было пересечь Татарский пролив и достичь Хабаровска, возле которого располагалась одна из немногих пока станций метро Приморского края. Куттер успел покрыть примерно половину

этого расстояния, когда на крохотной панели киб-водителя загорелся красный огонек и зажужжал сигнал предупреждения.

Томах нажал рычажок, в кабину аппарата ворвался чей-то недобрый голос:

— Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, вы нарушили режим воздушного сообщения! Немедленно покиньте чужой коридор! Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, немедленно покиньте чужой коридор! Ответьте по седьмому каналу «контрольному сто три». Если через минуту не покинете транспортный коридор среднетоннажных линий, буду вынужден применить «красную завесу».

«Это же мне! — догадался Томах.— Черт, совсем плохой стал, не предупредил никого»...

— «Контрольный сто три»,— быстро проговорил он в микрофон.— Я борт «сорок пять» Сахалинского ведомства УАСС, заместитель начальника отделения безопасности Томах. Освободите горизонт до Хабаровска, в опасности жизнь людей!

После трехсекундного молчания тот же голос, скорее суровый, чем недобрый, отозвался:

— Борт «сорок пять», горизонт среднетоннажного транспорта на высоте двенадцать освобожден до Хабаровска. До метро триста два километра, дайте разворот на полтора градуса влево по курсу. Желаю удачи.

— Благодарю,— отрывисто бросил Станислав, не удивляясь прозорливости неведомого ему инспектора по транспорту.

До метро оставалось около шести минут полета...

В зале царила обычная дежурная тишина, Филипп украдкой посмотрел на часы: оказывается, он просидел всего сорок минут, до конца дежурства оставалось еще шесть раз по столько. Что ж, придется «продолжать дежурство», слушать, слушать и слушать мерное дыхание космоса, его вечное дыхание, рожденное возникновением и гибелью звезд, кипением ядер галактик и квазаров, криками коллапсаров и бесплотным дождем реликтового излучения; и ждать в этом хаосе «звуков» иного склада зова о помощи, и услышать, и понять, и определить,— чей это зов и где находится зовущий... Пришли на ум пушкинские строки:

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?

Действительно, самое время спросить: что ты значишь, скучный шепот? Все спокойно в этом лучшем из миров, все тихо, техника безопасности соблюдается неукоснительно, автоматически, аварии

исключаются тоже автоматически. В таком случае, поэт задавал вопрос не зря, и придется время дежурства включить в «ропот утраченного дня». Если сидеть здесь минут пять-десять, то интересно даже, но не четыре же часа?

Внезапно Филипп уловил в общей звуковой каше, омывающей мозг, какой-то инородный звук, даже не звук — тень звука.

Тотчас же более опытные дежурные отреагировали на это каждый по-своему: Хрусталев занялся автоматом пеленга, а Рафаэль дал сигнал тревоги по отсекам.

Из-под пульта прозвучал резкий гудок, затем голос автомата:

— Сигнал СОС! Квадрат Треугольника, координаты: плюс двадцать три градуса галактической долготы, минус девятнадцать галактической широты.

Станция напрягла все свои чудовищные «уши», ориентируя их на определенный квадрат пространственной сферы, и усилия автоматов не пропали даром: динамики донесли людям торопливый скрип — будто ножом по стеклу — передачи, адресованной только станциям СПАС, оснащенным самой чувствительной из всей той аппаратуры, что мог породить технический гений человечества в конце двадцать третьего века.

Рафаэль, спохватившись и заработав злой взгляд Хрусталева, подключил дешифратор.

— Говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная...

Передавал кибер, сомнения не было, и голос его постепенно слабел, пока не смолк совсем.

— Патруль, на старт! — сказал Хрусталев.— Сигнал СОС, квадрат Треугольника, радиант три секунды дуги. Обсерватория «Полюс», антипротонная атака, Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Понял, стартую,— лаконично отозвался старший патруля.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Рафаэль.

— Спроси чего-нибудь полегче,— сказал Хрусталев с явным удовлетворением, что было совершенно неуместно в сложившейся ситуации, по мнению Филиппа.— Мы отработали все, что могли, остальное — дело патруля. Попадем в сводку отличившихся по Управлению, как ты думаешь?

Рафаэль уловил косой взгляд Филиппа и, не говоря ни слова, пожал плечами.

Глава 5. ЦУНАМИ

Томах прибыл на базу одновременно с Богдановым, ничуть не удивившись этому. Лифт стремительно вынес их на верхний гори-

зонт гигантского сооружения и выбросил у входа в зал оперативного управления и связи с секторами УАСС.

Полукупол зала был размером с Большой театр, но благодаря видеопластическому эффекту казался бесконечным. Богданов отстал, Станислав прошел к рядам главных пультов, над которыми мерцали виомы оперативной связи с другими центрами УАСС, с патрулями, со станциями СПАС на Земле, на других планетах и в космосе. Несмотря на избирательное звуковое поглощение, в зале стоял легкий гул человеческих переговоров, писк и стоны зуммеров, таймеров, гудки и звонки сигнальной и передающей аппаратуры.

Возле пультов видеоселектора уже толпились начальники других отделов, руководители оперативных спасательных групп, начальники секторов, в том числе и Керри Йос. Командовал селектором коричневолицый Владибор Дикушин, начальник первого сектора, к которому относилась служба безопасности космических сообщений Солнечной системы.

— Ну что? — негромко спросил Томах у Керри Йоса.

— Идет информпоиск,— ответил рассеянно Керри.— Антипротонное излучение само по себе не возникает. Запросили службу Солнца, может, проморгали хромосферную вспышку?

— Едва ли,— сказал подошедший с озабоченным видом Богданов.— Обычно о вспышках на Солнца предупреждают заранее, наблюдатели за нашим светилом работают аккуратно. Тут что-то иное. Кстати, как тебе интуиция Грехова? Тебя тоже он разбудил?

— Кто же еще? Да, тезка не потерял формы, только и он не сказал бы, откуда в квадрате Треугольника антипротоны. Что-то многовато сегодня народу здесь, твоих рук дело?

— Я сразу дал «ВВУ-экстра»[1] по Управлению и позвонил Дикушину. Как видишь, не напрасно.

Вдруг в группе людей, стоявших у панорамного, во всю стену, виома, произошло общее движение. Кто-то вывел оперативную связь на динамик интеркома и под потолком зала зазвучал искаженный расстоянием и перегрузками голос:

— Подойти к обсерватории не могу! Защита течет, радиация вне всяких норм!

Главный виом показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Томах представил, какие эволюции выполняет спасательный когг, повинуясь пилоту.

— Что с обсерваторией? — так же гулко, на весь зал спросил Дикушин.

— Обсерватории не существует, вижу часть отсека обеспечения и блок антенн, остальное — облако радиоактивной пыли!

---

[1] ВВУ — штатно разработанная форма тревоги по сигналу «Внезапно возникшая угроза».

— Возвращайся, к тебе сейчас подойдет «панцирник» Федотова, копаться в радиоактивной пыли — его работа. Возьми еще один шлюп и прочеши трассу по вектору Треугольника, возможно, отыщутся пострадавшие.

Начальник сектора обернулся к обступившим его людям.

— Закончили поиск? Что это такое?

— Это космотрон-коллайдер,— тихо ответил один из операторов.— Три часа назад там начали эксперимент с антипротонной накачкой, все было нормально... на вызовы никто не отвечает... а по данным измерений, излучение, уничтожившее обсерваторию, полностью совпадает с характеристиками пучков космотрона.

Дикушин остался бесстрастным, только слегка раскосые глаза его превратились в узкие щелочки, словно он пытался разглядеть что-то за стенами зала.

— Свяжитесь с научным центром, нужны точные данные максимального пучка: скорость, масса, градиент ослабления, радиант расхождения.

— Уже все известно,— вмешался с третьего ряда пультов человек в вязаной безрукавке.— Луч, воткнись он в Марс, способен содрать с него атмосферу и превратить в гладкий биллиардный шар!

Наступила тишина. Все взгляды вернулись к Дикушину. Тот молча повернулся к своему командирскому пульту и сел в кресло.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства в секторе Треугольника подготовить средства к перехвату антипротонного пучка! — Дикушин кинул взгляд на оператора слева.— Расчет координат точки перехвата, быстро! — Взгляд через плечо.— Расчет оптимального экрана для перехвата системе ПОД [1]— пять минут!

— Пост сорок девять принял!

— Время подхода?

— Час, час десять.

— Патрулю: время подхода — один час. Через пять минут получите характеристики защитного экрана. Готовьте энерготрассы.

— Принято.

— Готовность к старту — десять минут, системе ПОД обеспечить прохождение сведений операции всем исполнителям вне очереди. Где начальник марсианской зоны? — обернулся Дикушин.

Из-за спин вышел кряжистый медлительный Савин. Он был угрюм и озабочен.

— Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

Оператор подсунул Савину расчет траектории антипротонного пучка, произведенный по данным патруля.

— Сейчас.— Савин подумал, выпятив губы.— Коридор входа

---

[1] ПОД — пост оперативного дежурства.

в Систему разведкораблей уже задет. Затем идет СПАС-семь, рабочая зона завода безгравитационного литья, Большой телескоп, детский полигон... Что еще? Сектор пассажиро-туристских сообщений примарсианья. Это, пожалуй, наиболее серьезное из всего.

— Вполне достаточно, чтобы...— Дикушин не договорил, он знал степень ответственности спасательной службы.— Очередь СПАС-семь наступит минут через двадцать, а потом пойдет такая густая мешанина сооружений, что треск будет слышен по всей Системе!

Савин промолчал, в данный момент он ничем не мог помочь руководителю сектора.

— Сколько времени дают расчетчики на монтаж экрана для остановки луча? — подошел к Дикушину Керри Йос.

— Час,— отрывисто бросил тот.— Вернее, минут пятьдесят, учитывая время выхода в точку монтажа и доставки материалов. Это максимум того, что может дать патруль, и если он не успеет... представляешь силу удара солнечного протуберанца?!

— Ты, кажется, говорил, что на пути луча СПАС-семь?

— Ну?

Керри Йос почесал горбинку носа.

— На СПАСах, кажется, имеется собственный реактор?

— Средней мощности кварк-кессон. Да не тяни ты душу!

— Что, если попробовать взорвать СПАС навстречу лучу? Взрыв создаст контрволну энергии...

Дикушин не дал ему договорить, у него не было времени ни на анализ предложения, ни на благодарность за помощь.

— Аварийную волну, срочную связь с седьмой станцией.

Только Богданов заметил внезапное волнение Станислава Томаха, который слышал весь разговор.

— Ты что? — негромко спросил Никита.

— На СПАС-семь сейчас сидит Филипп,— так же тихо ответил Томах.

Богданов еле слышно присвистнул.

Антенны поймали еще один сигнал СОС, и Хрусталев накричал на помощника, перепутавшего в волнении каналы запроса-ответа. Филипп предложил было свою помощь, но его попросили убраться из зала и не мешать, и он с грустью признал всю нелепость своего положения.

В который раз в тесноте виома раскрылось знакомое Филиппу только по словам Томаха пространство зала оперативного управления УАСС. На переднем плане располагались ряды пультов, над одним из них навис высокий человек в белой форме официала Управления, с жестким, словно рубленым лицом и прищуренными глазами. Филипп не сразу узнал в нем одного из охотников, с которыми

ему привелось познакомиться в лесу на берегу Западной Двины: это был Владибор Дикушин.

Хрусталев, видимо, ориентировался мгновенно: он тут же заученно отрапортовал о принятых мерах, а также о количестве сигналов СОС, которые выловила станция, чем вызвал невольное оживление в группе спасателей всех рангов, стоявших за спиной Дикушина.

— Прекрасно,— сказал начальник сектора сухо, не выказывая удивления при виде Филиппа.— Слушайте приказ: экипажу немедленно покинуть станцию на резервном когге! Старшему смены обеспечить переориентировку командных цепей станции с тем, чтобы в нужный момент произошел направленный взрыв реактора. Все!

— Что? — удивился Хрусталев.— Зачем?

— Взрыв реактора создаст контрволну энергии,— пояснил Керри Йос, он стоял ближе всех к виому.— Эта волна, по расчетам, ослабит плотность антипротонного пучка раз в десять-двенадцать.

— Понятно...— Хрусталев говорил с заминкой, словно ему что-то мешало.— И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около двадцати минут. За этот срок надо составить программу координатору станции и эвакуировать персонал. Поспеши с эвакуацией. Когг у вас один?

— Есть еще «орех».

«Орехом» на жаргоне спасателей называлась капсула индивидуальной защиты, имеющая собственный двигатель. При необходимости в ней могли уместиться двое не слишком громоздких мужчин.

— Отлично. «Орех» останется для того, кто покинет станцию последним.

У Хрусталева вспотел лоб, хотя внешне он держался неплохо.

— Тогда это для меня.

Керри Йос убрался из виома. Подошел Томах.

— Возьми из бригады обслуживания любого БС-механика, он переориентирует цепи по указке центра. Быстрее, Леон, у нас почти нет времени. Уходи следом на «орехе».

Хрусталев потянулся к микрофону внутренней связи, но Филипп опередил его:

— Не надо никого искать, я сделаю.

Томах посмотрел на него из виома странным взглядом, Филипп понял его по-своему:

— Не беспокойся, Станислав, я справлюсь.

— Не сомневаюсь,— буркнул тот, отворачиваясь.

— Командуй эвакуацией,— с облегчением сказал Рафаэлю Хрусталев, и помощник, виновато разведя руками, исчез в люке.

Дикушин коснулся нескольких клавиш-сенсоров на панели селектора и негромко произнес:

— Внимание! Экстренное сообщение всем ТФ-станциям опознавательной сети УАСС! Кораблям в квадрат-векторе Треугольника покинуть зону с немедленным ответом в порты назначения! Правительству и техническому Совету Марса принять меры к эвакуации приграничных районов по вектору Треугольника, к орбите приближается радиоактивное облако! Срок эвакуации — полтора часа. Патрулю УАСС приступить к монтажу поглощающего экрана. Ответ кодом. Конец.

Дикушин повернулся к молчаливой группе спасателей.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Савин, придется помочь отрядам эвакуации. Главное — не допустить паники, это будет пострашнее самого взрыва. Ясно?

Савин кивнул и исчез так быстро, словно растворился в воздухе: исход событий теперь зависел от скорости выполнения операции и умения организовать людей. Спасатели стали постепенно расходиться, остались только дежурные операторы, инженеры и диспетчеры командного комплекса.

— А вам что здесь надо? — заметил Дикушин Томаха и Богданова, пристроившихся в углу за первой линией пультов.— Безопасники мне пока не нужны.

— На СПАС-семь наш друг.— Станислав кивнул на вином связи со станцией.— Стажер отдела. Мы подождем.

Дикушин шевельнул каменными желваками.

— Этот, что согласился перемонтировать управление? Я думал, что он из экипажа СПАС. Каким образом он там оказался?

— Стажировка на терпение в обстановке сенсорной депривации.

— Умники... Расхлебаем эту кашу, я с вас спрошу, почему вам вздумалось стажировать безопасника на СПАС.— Дикушин отвернулся к оператору.— Дайте мне прямую связь с ВКС.

— Я уже в курсе,— сказал появившийся в зале видеопризрак заместителя председателя ВКС Чеслава Пршибила. Он «вышел» из объема передачи и пожал руку Дикушину.— Причины катастрофы?

— Неизвестны. Расследованием причин уже занимается отдел безопасности, но причина должна быть из рук вон! Космотрон был защищен от всех мыслимых случайностей.

— Значит, не от всех.— Пршибил прижал губу пальцем; у него была странная манера при разговоре быстро и сильно жмуриться, словно от солнца, особенно в минуты волнения.

Дикушин покосился на Томаха, подошедшего ближе.

— «Панцирник» Федотова заметил недалеко от эпицентра взрыва космотрона необычный обломок, похоже — старинный спутник или ракета.

— Предполагаешь, столкновение?

— Не знаю.

— Жертвы?

— Восемь человек — космотрон,— угрюмо сказал Дикушин, отводя глаза,— и пять — обсерватория «Полюс». Плюс сорок два пропавших без вести.

— Какая страшная цена! — невольно прошептал Пршибил.— Какая цена!

— Пойду-ка приготовлю «орех»,— сказал Хрусталев, маявшийся от безделья.— Не возражаешь? Здесь я тебе не помощник.

— Давай,— кивнул Филипп, залезая с головой во внутренности пульта с лазерной насадкой для перепайки БС-переходов. Перед ним светилась схема перестройки цепей управления реактором станции, переданная с базы, и он изредка бросал на нее взгляды, хотя и так уже запомнил, что необходимо сделать.

— Луч вышел точно вам в лоб,— сообщил Томах, сменивший Дикушина у виома связи.— Никакой корректировки положения не потребуется. Диаметр луча около двухсот километров, радиант расхождения полторы секунды дуги.

— Знаю,— глухо отозвался Филипп из утробы пульта.— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Минут тринадцать, а то и все четырнадцать.

— Успею, осталось сблокировать узлы и вывести за пределы схемы автомат защиты, запуск внешней программы — ваше дело. Остальное сделают автоматы.

Томах помолчал, нервно пригладил волосы на затылке, чего с ним никогда не было, и сказал:

— Монтажники закончили первое кольцо экрана, осталось еще два. Не успеешь — бросай все к чертям и давай деру. Скорость у «ореха» черепашья.

Филипп оторвался от работы, глянул на черный диск над центральным пультом.

— Я уже вижу луч: красивая хвостатая звезда по оси пеленгатора. Знаешь...— Филипп не договорил.

В зале станции взвыла сирена, на пульте зажегся алый квадрат. Толчок в спину едва не выдернул Филиппа из кресла.

— Что там у вас? Что случилось? — донесся угасающий голос Томаха. Объем передачи пошел цветными радужными кольцами, так что главный зал УАСС утонул в помехах.

Виом прояснился через минуту, хотя голос Томаха оставался таким же слабым, словно он говорил из-под земли.

— Что произошло, Филипп? Что молчишь?

— Не знаю,— растерянно сказал тот, сдерживая на спине

пресс тяжести и удивляясь этому.— Крен какой-то...— И вдруг понял.— Да это же... станция включила двигатели!

— Ты включил?

— Н-нет, не касался.

— Слева на ручке кресла черная клавиша под колпачком, разбей и нажми. Быстрее!

Филипп ребром ладони разбил прозрачный колпачок над черной клавишей, нажал.

Тотчас же его кинуло вверх, тяжесть исчезла, вернее, исчезла перегрузка, вызванная ускорением, но психологическая отдача действовала не хуже физической. Двигатели станции вырубились, алый квадрат погас, зажглись голубые огни на табло координатора.

— Отбой-ноль! — доложил координатор.— Прошла команда «отбой-ноль». Прошу смены режима безопасности.

— Что случилось? — спросил Филипп, сглотнув вязкую слюну.

— Действовал согласно программе «спасайся и беги».

Филипп не знал, что это за программа, но знал Томах: в этом режиме координатор действовал самостоятельно для обеспечения безопасности экипажа, по каким-то причинам не имеющего возможности управлять станцией.

— Где старший смены?! — сдавленным голосом произнес побледневший Томах.— Где Хрусталев?

Филипп оглянулся на люк.

— Пошел готовить «орех»...

Ни слова не говоря, Станислав бросился из зала базы.

Богданов понял Томаха раньше, чем остальные.

— Причал-один,— позвал он в микрофон, вырвав его у оператора.— Стартовый коридор второй приземельской на аварийный пуск! Через минуту прибудет пилот Томах, отдел безопасности. Обеспечьте сопровождение по пеленгу СПАС-семь. Шлюп на позицию, без экипажа. Конец.

На Богданова, прищурясь, смотрел Дикушин.

— Ну у вас и реакция! Куда он? Что случилось на станции?

— Старший смены оставил включенными системы безопасности, вернее, не проверил программу координатора. Киб-интеллект действовал в автономном режиме, заметил приближающийся сгусток антипротонов и включил двигатели, чтобы уйти из-под удара.

— Где он сам?

— Вы же видите — в рубке его нет. Сомневаюсь, что он готовит «орех» к полету. Большего не скажу, боюсь быть необъективным.

— Насколько я помню доклады слухачей, он на хорошем счету.

— Не спорю, но Хрусталева никто никогда не проверял в настоящем деле, в экстремальной ситуации. Эта первая.

Дикушин опомнился, повернулся к виому, откуда на него смотрел уже взявший себя в руки Филипп.

— Не ищите его. Заканчивайте работу, оденьте скафандр и попытайтесь выбраться из станции через аварийный колодец.

Филипп кивнул, чувствуя, как деревенеет спина, словно от наведенного в затылок оружия, и лихорадочно принялся доделывать начатое. Через три минуты закончил пайку, отбросил лазерную насадку и быстро собрал блоки пульта. Затем по сигналу с базы проверил прохождение команд, скорректировал станцию по последним данным патрульных кораблей и подключил автоматику реактора к перестроенному на дистанционное управление пульту.

— Все! — выдохнул он, вытирая влажный лоб ладонью.— Что дальше?

Начальник сектора поднял руку, задерживая его, повернулся к встревоженным людям и стал что-то быстро говорить. Дежурные операторы базы тотчас же занялись какими-то переключениями на пультах и переговорами с невидимыми абонентами. Наконец Дикушин снова повернулся к Филиппу.

— Мы тут проанализировали положение, координатор подчиняется сейчас, после отстрела самостоятельности, звуковым командам. Найдите на третьей секции пульта голубую панель, нажмите красную кнопку и поставьте переключатель режимов в положение «А». Затем скомандуйте координатору включить двигатели. Достаточно трех-четырех импульсов на пределе тяги, чтобы уйти из-под удара луча.

— А заводы? — тихо спросил Филипп, стискивая зубы, чтобы никто не видел, как их разъедает коррозия дрожи: что ж, умение достойно встречать опасность надо вырабатывать.— А Примарсианье?

— Заводы мы потеряем,— кивнул Дикушин,— но до Примарсианья луч не дойдет. Что вы рассуждаете?! — вдруг взорвался он.— Выполняйте приказание! Геройство проявить захотелось? Или для вас дисциплины не существует? Это уже не электрокарабин — помощней штучка!

Филипп понял намек, медленно покачал головой. С одной стороны, ему страшно хотелось послушаться совета и увести станцию с пути антипротонного сгустка, с другой, было ясно, жертва станции не напрасна, а разрушенные заводы, вынесенные с планет в невесомость, далеко не безобидное происшествие, да и выдержит ли поглощающий экран, создаваемый в дикой спешке, никто не знал и никто гарантий дать не мог; с третьей стороны, в глубине души Филипп был доволен своим решением, что тоже имело немаловажное значение, ибо равновесие гордости, страха держалось у него не на самообладании, и он понимал это, а на самолюбии. Ему хотелось сказать что-нибудь «героическое», значительное, такое, что запомнилось бы всем до конца жизни, но он только шмыгнул носом и пробормотал:

— Я все-таки поищу Хрусталева, потом подожду Славу на выходе аварийного люка. Может быть, он успеет... До свидания.

Было страшно сделать только первый шаг, уводивший его от пульта, но он его сделал. Вслед неслись крики людей, требовательный голос Дикушина, но Филипп ничего не слышал, в ушах стоял струнный звон сирен: автоматы предупреждали экипаж станции о приближении грозной лавины энергии.

А в коридоре он наткнулся на Леона Хрусталева! Это было до того неожиданно, что Филипп отпрянул. Начальник смены стоял на коленях у стены коридора и пытался, встать на ноги. Лицо его было разбито в кровь, руки изранены, и ничто в нем не напоминало того щеголя, который десять минут назад убежал за скафандрами.

— Что с тобой?! — воскликнул Филипп, опускаясь на корточки.

Хрусталев поднял страшное лицо, судорожно ухватился за протянутую руку и, прошептав разбитыми губами: «Прости, это я виноват, «орех» готов»,— завалился на бок.

Изумленный Филипп подхватил Леона на руки и бегом устремился к боксу с «орехом». Он не знал, за что просил прощения Хрусталев, но был рад, что не придется искать его по всей станции в цейтноте. К этому чувству примешивалась теперь и тревога за товарища, и сожаление, что он не послушался Дикушина. Спасать надо было двоих, а двое — это уже иная арифметика, и поэтому он спешил изо всех сил, зная одно — Томах постарается сделать все, чтобы вытащить их из готовой к взрыву «бомбы».

Ориентируясь по светящимся красным указателям в коридорах, Филипп нашел бокс с аварийным снаряжением, кое-как втиснул в разверстый люк «ореха» бесчувственного Хрусталева (где он умудрился так разбиться? Не успел сгруппироваться во время включения двигателей станции?) и влез сам.

Здесь и нашел их Станислав Томах, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки. Он сам врубил автоматику пуска «ореха», поймал его ловушкой спасательного шлюпа и рванул машину прочь так, что едва удержался на грани беспамятства от страшного удара ускорения, пробившего даже противоинерционную защиту. Еще через минуту сзади уносящегося в бездну корабля вспыхнула красивая голубоватая звездочка, расплылась зонтиком чистого смарагдового пламени, стала гаснуть — это взорвался реактор СПАС-семь. Но через мгновение на этом месте вспыхнул другой свет — радужный шлейф, похожий на след парусника в светящейся воде: это засветился антипротонный луч, проходя через энергетическую преграду, созданную взрывом станции. Он странно вспенился, выбросив вперед и в стороны струи света, похожие на перья невиданной птицы, оставил после себя тающее изумрудное облачко и умчался, ослабевший, туда, где люди приготовили ему более достойного противника, победить которого он был уже не в силах.

Томах притормозил шлюп, дал в эфир «три двойки» — отбой тревоги, чтобы знали, что все в порядке, и вдруг, погрозив кулаком неведомо кому, ликующе закричал:

— Что, взяли, взяли?!

Но если бы Филипп мог видеть друга в этот момент, он бы его понял.

Комплекс зданий Высшего координационного Совета располагался у впадения в Оку ее левого притока Пры, в краю необъятных лесов, спокойных рек, многочисленных озер, заливных лугов и болот. Край этот носил название Мещера и лежал на Рязанской земле — один из самых древних и красивых заповедных краев европейской тайги.

Еще пролетая над ним, Богданов несколько минут любовался убранством сосновых боров, дубрав по долинам рек и обширных лугов, пока с сожалением не констатировал, что слишком долго находился вне природы, не сливался с нею в одно целое, не проникался ее ритмом, чистотой и спокойствием, давно не снимал заряда усталости с помощью ее целительного дыхания и, быть может, именно поэтому перестал в последнее время думать о Земле как о родине. Конечно, сказывалось еще и то, что семья его жила на Марсе — отец, мать, сын. Делия работала на кондитерской фабрике в Мар-

сопорте, но это не могло служить оправданием ему самому, несмотря на полуторавековую привязанность пятого поколения колонистов Марса к своей планете; к этому поколению принадлежал и Богданов.

Но Земля... Не становится ли симптоматичным отрешение от всего земного у переселенцев? Или просто Земля постепенно расширяется до величины Солнечной системы?

Такие мысли, скорее, грустные, нежели серьезные — привычка к логическому анализу настолько въелась в душу и кровь, что даже в абсолютной безопасности, в земном лесу, мозг искал некую систему отсчета, чтобы выявить несуществующую опасность и дать сигнал к действию,— приходили на ум Богданову, когда он шел за руководителями двух организаций, отвечающих за спокойное бытие человечества. Впереди шагал Керри Йос, чуть поодаль Дикушин, Чеслав Пршибил и Иван Морозов, руководитель СЭКОНа, живое воплощение бога скорби. Богданов имел счастье не однажды встречаться с Морозовым в Управлении, и каждый раз его поражало то ощущение глубочайшего несчастья, которое исходило от всей фигуры председателя комиссии. Он был молод, невысок и незаметен в толпе, и лишь страдающее выражение лица надолго врезалось в память, заставляя впервые сталкивающихся с ним людей в недоумении прикидывать причины несчастья, свалившегося на этого человека.

За деревьями иногда мелькали серебристые плоскости зданий, напоминая о своей причастности к творениям рук человеческих, и Богданов изредка останавливал на них взгляд, удивляясь, что лес вокруг отнюдь не ухоженный, а дикий, самый настоящий, тайга.

Над головой внезапно вскрикнула птица, захлопали невидимые крылья. Первой реакцией Богданова была мысль броситься на землю, потом за доли секунды промчался каскад впечатлений и чувств: мгновенное напряжение мышц тела, поиск аналогий услышанному крику и звукам, недоумение, облегчение и наконец грустная усмешка в душе. «Заработался с техникой! — подумал он с некоторым удивлением.— Даже на птичий крик реагирую не по-человечески... Кому нужен такой профессионализм? Если на малейший шорох реагировать как спасатель в операции, надолго ли тебя хватит, инспектор?»

Шедший впереди Пршибил нагнулся, сорвал с кустика несколько ягод брусники и отправил в рот.

— Попробуйте,— предложил он, прищелкивая языком.— Я каждый день хожу по этим зеленомошникам пешком и не могу удержаться, чтобы не зайти в брусничник. Кстати, не удивляйтесь, что едите бруснику в сентябре, она здесь сохраняется до зимних холодов.

Богданов, все еще расстроенный самоанализом, тоже попробовал освежающих, кисло-сладких и одновременно горьковатых, терпких на вкус ягод и показал Керри Йосу большой палец.

— Вкусно, отведай.

Керри выбрал кустик покрасивее, нарвал горсть ягод, высыпал в рот, начал жевать и вдруг выплюнул ягоды.

— Проклятие!.. Смеетесь вы, что ли?

— Ты что? — встревожился Пршибил.

— Да брусника ваша!.. Дробь железная, а не ягоды!

Пршибил подошел, нагнулся к кустикам и засмеялся.

— Да это же толокнянка! — он утешающе похлопал Керри по спине.— Неопытному глазу трудно с первого раза отличить ягоды толокнянки от брусники, так что не казнись. У толокнянки листья кажутся свежее, совершенно плоские, посмотри, а у брусники загнуты вниз по краям и усеяны мелкими черными точками.

— Предупреждать надо,— буркнул Йос, ощупывая зубы.

Морозов, выглядывающий из кустарника, засмеялся тихонько. Потом засмеялся Богданов, а через секунду смеялись все.

— Ладно, отдохнули,— сказал наконец Пршибил и уселся на старый пень на вершине холма, окруженного со всех сторон заросшими мхом соснами.

— Что произошло на СПАС-семь во время катастрофы? — заместитель председателя Всемирного Совета вытер руки о траву.— Садитесь, поговорим здесь. Думаю, аппаратура нам не понадобится.

— А что там произошло? — вопросом на вопрос ответил Дикушин и сел на траву.

— Я имею в виду старт шлюпа без экипажа.

— А-а, это...— Дикушин подумал и лег, не собираясь продолжать. Вместо него ответил Богданов:

— Глупая история. Старшему смены зачем-то понадобилось профилактически включить в шлюпе системы автономной безопасности, и киб-координатор шлюпа, естественно, узрел приближавшуюся опасность и стартовал... Вопрос, как мне кажется, непростой, потому что я не вижу в объяснении Хрусталева необходимой доказательности. И уверенности. Странно еще, что он не ушел на «орехе» один.

— Только не забирайся в дебри социальной психологии,— сказал Дикушин; лица его не было видно из травы.— Из-за этой обычной, по моему мнению, халатности, или как там ее назвать, могли погибнуть оба, да и сорвалась бы тщательно подготовленная операция по взрыву станции. Кстати, мне так никто толком и не объяснил, почему на СПАСе оказался Ромашин.

— Филипп — друг Славы,— нехотя сказал Керри Йос.— Томах готовит его в оперативники, а программу стажировки со мной не согласовал. Выговор за самостоятельные решения он уже получил. Джентльмены, имею честь сообщить вам, что причины катастрофы на космотроне известны, но они несколько нетривиальны, поэтому я и настоял на встрече здесь, обеспечив полную секретность разговора: район блокирован.

— Будто нельзя было обеспечить секретность в отделе,— пробормотал Дикушин.— Играем в таинственность, как дети...

— Хотел бы я просто играть,— вздохнул Керри Йос.— Так вот, космотрон взорвался потому, что его атаковал ракетный катер, вершина военно-космической техники двухвековой давности.

Дикушин молча поднялся из травы и уставился на Керри, Чеслав Пршибил перестал растирать в ладонях листики брусники и, нахмурившись, посмотрел в лицо руководителя отдела безопасности.

— Как ты сказал? Ракетный катер?!

— Автомат с ядерным боезапасом. Его нашли случайно при очистке зараженной радиоактивной пылью зоны от прошедшего антипротонного луча. Вернее, нашли часть устройства: сделав залп, оно, видимо, не успело уйти далеко, и луч уничтожил большую его часть. Несколько дней эксперты вертели в руках этот обломок, ну, а вывод вы слышали.

— Да, страшное наследие! — нарушил молчание Морозов.— На моей памяти это второй случай подобного рода.

— А первый? — заинтересовался Пршибил.

— Взрыв прогулочно-туристского теплохода в Японском море около двадцати лет назад.

— Я помню,— кивнул Керри Йос.— Какие-то мерзавцы почти двести лет назад оставили в пещерах скал Лианкур самонаводящуюся торпедную установку с ядерными боеголовками... Наследие, что и говорить, страшное! До чего жуткие формы может принимать равнодушие, если нам до сих пор приходится расхлебывать последствия его действия!

— Почему равнодушия? — пожал плечами Дикушин.— По-моему, здесь уместен другой термин — злоба! Или ненависть.

— Нет, дорогой Влад, злоба и ненависть — просто термины равнодушия, вернее не скажешь. Достаточно вспомнить потрясающее равнодушие предков к загрязнению среды, последствия которого мы ощущаем по сей день! До сих пор ведь работают очистные установки в океанах и на суше.

— На двадцать первое намечено торжественное выключение установок в Тихом океане,— сказал Пршибил.— Вероятно, этот день объявят праздником.

— Праздником Памяти Ошибок! — фыркнул Дикушин.— Неумно это, ибо праздновать мы будем осознание человеком своей глупости и недальновидности.

— Не согласен,— сказал Морозов.— Почему бы человечеству не вспоминать цену ошибкам? В том числе и цену равнодушию? Прав Керри, до сих пор мы наблюдаем рецидивы равнодушия, и наше дело лечить эту болезнь, чтобы она не выросла до космических масштабов. Представить страшно, что может натворить в наше время один человек, вооруженный технической мощью цивилизации! Однако мы действительно уходим от темы нашей встречи, решение социальных и психологических, моральных и этических проблем — удел соответствующих органов ВКС и СЭКОНа, не так ли? — Морозов повернулся к поникшему Пршибилу.

— Я это знаю,— ответил тот.— Но не стал бы делить функции столь категорично, мы и ВКС, и СЭКОН [1], и УАСС — в одинаковой степени ответственны за человечество, за человека как элемент общества, и за человека как личность.

Морозов кивнул, соглашаясь.

— Теперь еще одно сообщение,— сказал Керри Йос после недолгого молчания.— Пока что мы решали внутреннюю, так сказать, «домашнюю» проблему, «семейную беду», но есть и проблемы внешние, и здесь не все так ясно и просто. Никита, введи их в курс дела.

Богданов снял с руки браслет видео, положил на срез пня и, пояснив: «Домашняя заготовка»,— включил запись.

На поляне зазвучал голос Богданова и повел рассказ о «зеркальных перевертышах» и многом другом...

---

[1] СЭКОН — комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями.

Томах шагнул вслед за Богдановым в кабинет начальника отдела и остановился. Керри Йос стоял на четвереньках возле стола-пульта и кашлял. Из распахнутых внутренностей стола, как из печки, валил синий горький дым.

Аппаратура инженерно-технического обеспечения, очевидно, вырубилась, и кабинет представлял собой голую, серую комнату с закругленными углами, неуютную до неприличия.

Керри Йос заметил вошедших, встал и вытер слезящиеся глаза.

— Слаботочные системы!..— пробормотал он.— Это называется слаботочные системы! Проходите, чего встали. Сесть не предлагаю, не на что пока.

— Вызвать техника? — предложил Богданов.

— Через минуту прибежит сам, должна была сработать линия аварийного оповещения.

— Авария в Управлении аварийно-спасательной службы! — фыркнул Томах.— Нарочно не придумаешь.

— Разве первый раз нас подводит техника? — спросил хладнокровный Никита.— Забыл историю с коггом Хрусталева?

Томах перестал улыбаться и пожал плечами.

— Все равно это нетипично, вот и смешно. А техника, кстати, делается человеческими руками.

— Что ты хочешь сказать?

— Кто-то не слишком добросовестно смонтировал стол, вот и все. В этих словах можно найти объяснение любой аварии: «Не слишком добросовестно». Кстати, в конечном итоге и это следствия равнодушия. Да-да, равнодушия: к работе, к порученному делу, к результату своего труда.

— Пресловутая теория равнодушия... Скоро ты станешь применять ее везде, где можно и где нельзя.

— Разве я не прав?

— Прав,— буркнул Керри Йос, горестно принюхиваясь к запахам сгоревшей изоляции, нагретого пластика и металла.— Но не увлекайся. И вообще, соперничать в остроумии разрешаю только вне кабинета. Докладывайте о проделанной работе.

Богданов вынул из кармана белых брюк кассету видеозаписи и протянул начальнику отдела.

— Здесь подробный отчет.

— Потом просмотрю. Вкратце основные положения.

— Сесть бы...— сказал Томах себе под нос, озираясь.— Надо было вместе с конформной мебелью предусмотреть обычную.

Керри и Никита посмотрели на него с одинаковым выражением, но в это время в кабинет вошел молодой человек в синем универсальном костюме техника. Он вкатил за собой низкую тележку с какими-то коробками, вежливо поздоровался и подошел к столу. Видимо, ему не надо было объяснять, что делать.

Он вскрыл боковину стола, достал оттуда моток тонкого шнура-световода со штекером, размотал шнур и воткнул штекер в разъем на стене у пульта. Потом подключил к блокам в нескольких местах миниатюрные датчики в коробках, соединил их паутиной проводов, надел на голову эмкан и принялся за устранение неисправностей. Все это он делал так быстро, споро и со вкусом, что у молча наблюдавших за ним инспекторов «слюнки потекли» от его профессиональной, мастерской работы.

Через несколько минут русоволосый техник снял эмкан, тряхнул чубом, улыбнулся смущенно, заметив, что за ним наблюдают, и с треском отсоединил несколько блоков стола, маслянисто-желтых, узорчатых, словно изъеденных жуком-древоточцем.

— Вот причина дыма.— Он бросил тяжелые кубики в коробку; на блоках не было видно ни одного следа пожара.— Кто-то перепутал сигнальные и силовые разъемы видеопласта, произошло небольшое КЗ [1], и автомат защиты вырубил всю аппаратуру кабинета. Сейчас все будет работать.

Техник вставил в гнездо на столе странной формы ключ, и тут же одна из стен превратилась в окно, а остальные приобрели нормальную янтарно-золотистую окраску.

— Все. Разрешите идти?

— Идите,— сказал Керри Йос.— Спасибо. Да, постойте, а блоки? Вы же вынули из стола какие-то блоки...

— А, это...— парень собрал инструмент и покатил тележку к двери.— Я заменил неисправные системы дублирующими. Как-нибудь принесу смену и вставлю. До свидания.

Дверь закрылась.

— Он принесет,— успокоил начальника Томах с изрядной долей иронического сочувствия.— Если только «кто-то» снова не перепутает разъемы... не представляю, как это можно сделать.

Керри Йос почесал в затылке и, обойдя стол, сел в свое «официальное» кресло, выращенное автоматом. Тронув нужные сенсоры, вырастил стулья для посетителей, и они сели, посерьезневшие, словно только сйчас вспомнили о статусе начальника отдела безопасности УАСС.

Керри выбрал видеокомпозицию, кабинет превратился в любимый ему уголок джунглей Мадагаскара.

— Ромашин признался, что встретил «зеркальный перевертыш» на Земле,— начал Богданов,— причем у себя в кабинете, и принял его за фантом «динго». И еще он говорит, что часто видел подобные «зеркала» в детстве: они сопровождали все его игры и возникали и исчезали внезапно. Но в те времена он не искал им объяснений — не представляли интереса.

---

[1] Короткое замыкание.

— Это точно?

— Если верить Филиппу, да, а я склонен ему верить.

— И все же документально подтвердить это невозможно. Возьмем на заметку, хотя я и не верю, что Наблюдатель действовал двадцать лет назад, следя за одним человеком. Мелко это для него... если только... Вы предлагали Ромашину стать спасателем-безопасником? Стажировка стажировкой, а его желания могли измениться.

— С ним все в порядке, характер у него есть.

— Не спешим ли мы? Я слышал, он сделал какое-то открытие в области ТФ-связи.

— Вывел формулу ТФ-трансгрессии, за что и получил степень магистра технических наук.

— Но насколько мне известно, он не смог довести работу до конца. Терпения не хватило или смелости?

«Однако,— подумал Станислав,— ну и осведомленность у Кери!»

Вслух же сказал:

— Дело не в терпении или смелости. Просто наша земная математика пока не в силах постичь всю глубину открывшейся проблемы. Не доросла. Филипп не захотел работать над локальными задачами, не осилив всей проблемы сразу.

— Максимализм в высшей степени! Мне это не очень-то нравится. А что за проблема? Говори проще, я не ТФ-физик.

— В формуле Ромашина — под таким названием она и войдет в научную информатуру — заложена потенциальная возможность передвижения на сверхдальние расстояния без громад метро.

— Идея интересная! Способный парень. Может быть, ему место не в оперативном секторе, а, скажем, в техническом центре Управления? На крайний случай, в бригаде эфаналитиков.

— Я предлагал ему альтернативу, но он выбрал оперативную работу.

— По правилам, ему бы надо пройти испытательный срок...

— Конечно, что он и делает. Программу испытаний я составил лично, сегодня представлю на ваш суд. Но случай на СПАС-семь, мне кажется, в какой-то мере помог Филиппу определиться. Работа в Институте ТФ-связи и спортивные достижения давались ему слишком легко, что и определяло его кредо скольжения по жизни, а он самолюбив, и, познав вкус борьбы, многого добьется. В нашей же работе борьбы хватает: со временем, с пространством, с обстоятельствами, с самим собой, наконец. К тому же у него есть личная цель.

— Звучит интригующе.

— Нет, все просто — любовь. Хотя для него как раз все очень не просто. Но если он выиграет и это сражение, быть ему...

— Кем же?

— Начальником отдела.

Керри Йос, хмыкнув, посмотрел на Богданова.

— Твое мнение?

— Ему виднее,— заметил Никита.— Поживем — оценим. Я, например, ни разу не видел Ромашина в игре, а Слава так увлеченно расписывал его достоинства как волейболиста, что разжег во мне любопытство.

— Скоро чемпионат Системы, я тебя свожу,— пообещал Томах.

— Ладно.— Керри Йос ткнул пальцем в сенсор на пульте под замигавшим индикаторным окошком и, бросив: «Занят, освобожусь через полчаса»,— произнес: — Мы уклонились от темы. Что еще?

— Мы провели информационный поиск,— продолжал Богданов свой короткий доклад.— За всю историю метро грузы исчезали четырежды: два нам известны, третий — двадцатипятилетней давности история со спасательным шлюпом, и четвертый — в самом начале эксплуатации линий метро, протянутых к звездам.

— Уточнили, какие именно грузы не дошли до назначения?

— Я как раз к этому и подхожу. Во всех случаях, кроме второго, исчезало оборудование терраформистов: туннелепроходчики, лазерные комбайны, автоматы гравитационного взрыва, плазморезы и так далее.

Помолчали.

— Интересный факт,— тихо сказал Керри Йос.

— Вернее, настораживающий,— уточнил Богданов.— Но пока это информация к размышлению, не больше. С выводами подождем. По «зеркалам» сведения собрать было труднее, и, хотя многое сделано, наши запросы в главные информарии и банки данных ВКС, Академии наук и архив погранслужбы остаются открытыми. Единственная удача — нечто похожее на «зеркала» наблюдалось на Марсе около ста лет назад в ущелье Грез, область Малого Лаокоонова Узла.

— Я был там,— кивнул Томах в ответ на вопросительный взгляд начальника отдела.— Сейчас там ничего нет, имею в виду «зеркала», а вообще ущелье Грез — красивейшее место марсианских оазисов. Хорошо, что предки сообразили не трогать ландшафты ущелья. В связи с чем у меня позникла мысль провести один эксперимент.

— Слава богат на сумасшедшие идеи,— серьезно сказал Богданов.— Хотя, не спорю, некоторые из них плодотворны. Сегодня, например, он предложил провести поиск «зеркал» на Земле среди АЯ или НЛО.

— Чего-чего? — переспросил Керри Йос.

— АЯ — аномальные явления, НЛО — неопознанные летающие объекты. Последние потрясли Землю почти три века назад. Первые сведения о них появились в девятнадцатом веке, максимум

самой противоречивой информации падает на двадцатый, ну, а в двадцать первом — закономерный спад.

— Почему закономерный?

— Потому что информация об этих объектах в основном бездоказательна, сугубо личностна, спекулятивна и носит характер дутой, а подчас и подстроенной сенсации.

— Тогда в чем ценность идеи?

— В том, что из десятков тысяч «достоверных» появлений НЛО и аномальных явлений можно выбрать около полусотни таких, в которых они действительно необъяснимы даже с научной точки зрения нашего столетия.

— Это ничего не доказывает. Возможно, через сто лет или даже меньше и эти ваши «действительно необъяснимые» явления станут легко объяснимыми наукой того времени. И все же идея небезынтересна. Какие же случаи вы отобрали?

— Самые интересные из них — четырехугольные «зеркала».

— Даже «зеркала»?

— Вот именно. Появление этих «зеркальных» НЛО отмечено в тысяча девятьсот сорок пятом году над Японией, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году над Китаем после испытаний ядерного устройства, в тысяча девятьсот девяносто втором на территории Соединенных Штатов Америки во время испытаний одной из установок пучкового оружия и в тысяча девятьсот девяносто девятом на Луне. Всего известно пять случаев. Естественно, тогда не было такой аппаратуры анализа, как сейчас, и характеристики объектов бедны. Но тут нужно мнение специалиста, возможно, некоторые параметры «зеркал» характерны и для наших. Поиск не окончен, и может быть, в прошлом отыщутся новые следы. Вопрос — чьи?

— Да, не густо.— Йос характерным жестом погладил шрамик над бровью, сцепил пальцы на груди.— Главное, чего мы не знаем, какие последствия несут появления «зеркальных перевертышей», странные пропажи грузов... Да и смерть Василия я отношу пока в разряд тех же таинственных событий... пока не убедимся в отсутствии между ними связи. Поэтому никому из нас не придется спать спокойно. Через неделю, двадцать девятого, состоится закрытое совещание Совета безопасности, к этому времени вы должны быть готовы к принятию тревоги по форме «Шторм».

— Ого! — поразился Богданов.— Отделу безопасности будет дан «Шторм»?

Удивлялся Никита не зря. По форме «Шторм» вся полнота власти над деятельностью УАСС, гигантской защитной системой человечества, ветви которой протянулись в пространство на десятки парсеков, к другим звездам, сосредоточивалась у одного сектора или отдела, а не Совета безопасности, руководившего обычной оперативной работой будней. На памяти Богданова еще ни разу

Совет не разрешил применить форму «Шторм», даже в недавних событиях со взрывом космотрона.

— А ты думал, проблема пустяковая? — прищурился Керри Йос.— Нет, брат, если вдуматься, мы на пороге кардинальных событий. Земля контролирует область пространства диаметром всего около двухсот парсеков, хотя «контролирует» — слишком сильно сказано. В этой области обнаружено только две цивилизации: наша — удержитесь от иронии, и Орилоухская. Так? И если «зеркала» — суть аппараты чужого разума, то легкость их появления и вездесущность ставят их создателей на ступеньку выше нас, а может быть, и не на одну. Разгадать смысл всех их действий — значит определить стратегию человечества в прямом контакте. Понятно? Отсюда и «Шторм». Я знаю, уже много лет наш отдел не имеет такой нагрузки, как остальные отделы Управления или погранслужбы, что ж, пришло время. Только не думайте, что я страшно рад этому, наоборот, я был бы рад, если бы и впредь отдел общественной безопасности не имел работы, тем более в глубоком космосе. Слово «тревога» у безопасников звучит по-иному, чем в других отделах: там спасатели ведут борьбу с природными явлениями, мы же вынуждены сталкиваться с разумом, чаще со своим собственным, реже с другим. Тем тяжелее ответственность, тем выше цель, тем больше спросят с нас в случае ошибки.

Керри замолчал, глаза у него стали печальными.

— Все, ребята, идите. Но помните — менторствую я от того, что вижу дальше вас.

— Ты нам не все сказал,— помолчав, произнес Богданов.

Йос задержал на нем изучающий взгляд.

— На сегодня я сказал все.

Богданов кивнул и встал.

— Пошли, Слава.

Начальник отдела проводил их задумчивым взглядом и подумал, что Богданов вполне способен заменить его на посту главного координатора отдела, интуиция у него развита неплохо.

Глава 6. СТАРЫЙ ЗАВОД

Диктор был очень молод и заметно волновался, хотя вполне могло быть, что волнение рождено актерским талантом. Во всяком случае, это не мешало ему вести передачу.

— Друзья! В программе центрального информвидения торжественное выключение очистных автоматических установок Тихоокеанского пояса! Наши видеокамеры установлены...

Филипп полюбовался стальным зеркалом океана, снимаемого с высоты двух километров, и выключил информ. Настроение было

неважным, и не столько из-за последних событий, сколько из-за мыслей об Аларике. Он вскочил с дивана, кругами походил по комнате и снова сел.

Что делать? Поговорить с ней напрямик? О чем? Сказать: «Аларика, я работаю в Управлении, что тебе еще нужно?» Нет, некорректный прием, по выражению Реброва. К тому же он пошел в спасатели не для того, чтобы произвести впечатление на близких. Кстати, что же ей нужно в действительности? Обрел ли он цель в жизни, перейдя в отряд безопасников?

Филипп пожал плечами, подошел к домашнему видео, нерешительно набрал телекс Аларики и тут же стер цифры.

«Я теперь, как рыцарь на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, прямо — голову, а налево... запамятовал, что там потеряешь, если поедешь налево, тоже, наверное, что-то нужное. А у меня что получается? Направо — это спортивная арена: игрок, потом, возможно, тренер. Налево — конструкторская работа: конструктор, потом начальник отдела, потом директор института, почему бы и нет? А прямо? УАСС? Управление аварийно-спасательной службы?»

— УАСС,— повторил Филипп вслух и засмеялся невесело.— Странное слово... плач ребенка и полусвист-полушипение змеи... Безопасник, инспектор...

Он задумчиво покачал головой.

— Не очень надежный прогноз. С чего вдруг Слава решил, что это мое призвание? Не может быть, чтобы со стороны было видней.

Мысли снова вернулись к Аларике. Он начал вспоминать ее походку, жесты, смех, то, как она, слушая собеседника, откидывает со лба прядь волос или смеется... Вспоминал запах ее тела, вкус губ... Вспоминал нежность рук и упругость кожи... и не мог вспомнить! Память на этот раз почему-то не могла найти выхода из тумана пятилетнего забвения. Может быть, потому что перед глазами все время стоит Аларика сегодняшняя? Совершенно чужая, неприступная, иронично-недоверчивая... и чего-то ждущая... Потом стал думать о себе, пытаясь трезво оценить свои возможности и сосчитать достоинства, не обращая внимания на саркастические замечания «я»-скептика.

Посидев еще несколько минут и разочаровавшись в себе до глухой досады, он с усилием выбрался из дебрей самоанализа, потом, будто бросаясь в ледяную воду, набрал телекс Аларики.

— Здравствуй,— сказал он, вглядываясь в ее милое усталое лицо.

— Привет,— сказала она ровным голосом.

— Я хочу тебя видеть.

— Разве у тебя не включена обратная связь?

— Не по видео. Может быть, встретимся?

— Ты уверен, что хочешь этого?

Видимо, несмотря на попытку самоконтроля, у него вытянулось лицо, потому что в глазах женщины мелькнула усмешка — «младшая сестра пощечины», как однажды выразился Станислав.

— К сожалению, сегодняшним вечером я занята. У Мая день рождения, и мы идем в «Мещеру».

— Мне туда нельзя?

— Нельзя.

— Тогда привет Маю.

— До связи, конструктор.

Аларика кивнула, и виом опустел.

Поговорили...

Филипп несколько минут рассматривал пустой объем работающего вхолостую аппарата и ни о чем не думал. Чувство внезапной потери подхватило его на гребень отрицательных эмоций, оглушило, потащило в бездну памяти. Ситуация повторялась. Но если Аларика не запретила звонить, значит, не все еще потеряно? Правда, некогда было разбираться, есть ли что терять... впрочем, есть, не надо обманывать себя. Отчего все его беды? Он никогда не страдал от избытка решительности, умения настоять на своем. Может быть, в этом все дело? Вперед под девизом: «Проснись, мужчина!»?

Филипп вспомнил разговор с Томахом, происходивший почти четыре года назад, когда он признался другу в том, что потерял любимую. Станислав тогда впервые вспылил.

— Постой, постой,— угрюмо сказал он в ответ на признание.— Ты плачешь, мальчику больно... Но разве ты пытался изменить ход событий?! Пытался вернуть ее, убедить в своей любви, в мужестве, в красоте, в силе, наконец?! Нет! Ты просто сделал красивый жест: прощайте, сударыня, коль я вам неугоден, будьте счастливы. Браво, какой благородный жест! А о ком ты думал, когда хлопал дверью? О ней? Нет! Ты думал о себе! Так чего же ты хочешь, отказавшись от борьбы? Чего ждешь от меня? Сочувствия? Да разве мое сочувствие спасет тебя от самого себя?

— От самого себя,— тихо повторил Филипп.— Ты прав, Слава, от самого себя не спасет.

Он очнулся, бросил взгляд на циферблат универсальных часов — шел третий час дня — и, потянувшись так, что хрустнули кости, побежал в душ.

Сумматор моды выдал ему вечерний туалет для осеннего сезона Европейской географической зоны, и Филипп долго не мог прийти в себя от изумления. Он даже повторил заказ, но получил тот же костюм: сплетенный из темно-серых нитей, с искрой, пиджак, золотистую рубашку и такие же брюки, но плетеные из широких лент. Дополнили костюм туфли, мерцающие огнями.

Вздохнув, Филипп облачился в костюм, несколько минут рассматривал себя в зеркале и, в общем, остался доволен. Модельеры, несомненно, знали свое дело: костюм был строг и гармоничен, Филипп в нем выглядел прекрасно.

Он уже собрался уходить, когда мягкий звон вызова заставил его подойти к виому. Это был Ивар Гладышев, с неизменно добродушной ухмылкой, загорелый до черноты.

— О! Красавец-мужчина! Ты куда это собрался?

— По делам,— смутился Филипп.— Что, плохо?

— Нет-нет,— засмеялся Гладышев.— Я же говорю — выглядишь соблазнителем женских сердец, костюм превосходный. А я хотел пригласить тебя к нам. Кира сдала последний экзамен, и теперь она мастер по эстетической организации замкнутых пространств. Звучит? Будет работать в лунном Институте видеопластики. Кстати, вместе с Аларикой, как говорили раньше — с невесткой Мая Реброва. Помнишь?

— Помню? А-а... да, конечно.

— Ага.— Гладышев понимающе кивнул.— Мне показалось, что у тебя легкая потеря памяти, с волейболистами это бывает. Значит, не придешь? Жаль, будут все наши: Журавлев, Павлов, Сережа, Кристо... Не жалеешь, что ушел в спас-службу?

Филипп покачал головой.

— Некогда жалеть.

— Однако счастливым ты не выглядишь.

— Смотри глубже, о всевидящий! — Филипп усмехнулся.— Проглядишь главное. Просто у меня поменялась полярность счастья. Если честно, я словно рыцарь на распутье. Знаю только, что идти надо в ту сторону, где можно или все найти, или все потерять. Что гораздо легче.

— Понятно. Вижу, в советах ты не нуждаешься, но все же прими по старой дружбе один: не бойся выйти в чемпионы мира по ошибкам, а не ошибается только тот, что ничего не делает. Ну, желаю удачи! Надумаешь — приходи, будем рады.

Ивар улыбнулся, и его изображение растаяло.

— Еще один наставник...— пробормотал Филипп, однако произнес он эти слова не раздраженно, а задумчиво. Советы Гладышева никогда не были менторскими, навязчивыми, как и его доброта. Ивар обладал редким даром понимать другого человека, проникаться его мыслями и чувствами, сострадать, сорадоваться, сопереживать, и души его хватало на всех...

Без пятнадцати минут шесть Филипп покинул стоянку такси и смешался с толпой людей возле третьего метро Рязани. Кратчайший путь в знаменитый рязанский банкетный зал «Мещера» шел именно от этого метро. Конечно, Ребров и его спутники могли избрать и другой путь, более длинный, но Филипп почему-то был

уверен, что рационализм Мая Реброва не позволит тому отклониться от самой короткой и проверенной «траектории». Поскольку перед этим Филипп узнал точное время банкета, он заранее рассчитал, когда Ребров может прибыть в Рязань.

Поток людей постепенно рос. Многие возвращались с работы — те, кто имел обыкновение начинать ее поздно или поздно заканчивать, или спешил на дежурство и возвращался с него, но в основном все спешили по личным делам, как и Филипп. На него посматривали искоса, с доброй усмешкой, все-таки до вечера было еще далеко, и его костюм выделялся из общего делового фона.

Он встал возле входа в распределительный зал, чтобы сразу увидеть Аларику, когда она появится из дверей. В зале было сто сорок восемь кабин, люди входили и выходили непрерывным потоком, и приходилось напрягать внимание, надеясь на свою реакцию и память жеста.

Он не ошибся. Ребров появился в четверть седьмого под руку со своей женой, похожей на него строгим лицом. Аларика шла сзади, ведя под руки двоих молодых людей, в одном из которых Филипп с неудовольствием узнал Хрусталева.

Она всегда одевалась со вкусом, вот и сейчас на ней был строгий костюм: дымчато-голубой жакет с черным поясом и палевые брюки, напоминающие кружевную тень клена. Этот костюм делал ее изящной, тонкой, женственной и до боли желанной... Едва ли обнаженное женское тело сказало бы Филиппу больше, чем костюм женщины, и он стоял и смотрел, волнуясь, пока не заметил, что на Аларику засматривается не только он один. Тревожное чувство неустроенности, проистекающей из того факта, что Аларика оставалась далекой и чужой, охватило душу.

Она прошла рядом, в двух шагах, не заметив его, и оставила тонкий и нежный запах меттиолы, запах, многие годы мучавший его, заставлявший в толпе искать любимую.

Филипп пошел сзади, стараясь не отстать и одновременно не показываться на глаза всей компании. В таком порядке проследовали к стоянке такси — от метро до «Мещеры» было около десяти минут лета. Компания стала рассаживаться по машинам, Аларику тянули сразу в две стороны, она смеялась, оглядывалась на что-то говорившего ей Реброва, и в этот момент Филипп с риском сшибить кого-нибудь на пути подогнал свой миниатюрный пинасс с открытым верхом вплотную к женщине, чуть не сбив с ног Хрусталева, потянул Аларику за рукав, и та от неожиданности села, почти упала на сидение. Пинасс тотчас же взмыл в воздух, оставив онемевших от изумления друзей и приятелей Аларики, и спустя несколько секунд здание метро скрылось из глаз.

— Интересно,— очень спокойно проговорила Аларика, поправляя волосы.— Я так и думала, что ты что-нибудь выкинешь.

Филипп задал курс киб-пилоту и повернулся к ней, молча, не отводя взгляда. Она так же молча смотрела на него. Потом едва заметно улыбнулась.

— Ты стал неразговорчив.

— Это достоинство или недостаток?

— Пока не знаю. Раньше ты говорил больше. Тебе не кажется, что ты позволяешь себе слишком многое? Впрочем, это неважно.— Она вздохнула.— Поворачивай и вези меня обратно.

Он отвернулся, пробормотал:

— Нет.

— Нет? — удивилась она.— У тебя хватит решимости не послушаться меня?

— Хватит.

— Тогда мы поссоримся.

Теперь улыбнулся Филипп.

— Я считал, что наши ссоры канули в прошлое.

Аларика прикусила губы, с интересом оглядела Филиппа, словно видела его впервые.

— Так. Похищение, значит. Похищение века! И куда же ты меня везешь, похититель? В свой родовой замок? В замок людоеда, который ты отнял у несчастного?

— Нет, на завод.

— На завод?! — Аларика не смогла скрыть растерянности и засмеялась.— Ну и фантазия у тебя, пан спортсмен.

— Это не совсем завод, как бы памятник заводу. Ему уже лет двести, и он не работает, законсервирован. Я часто прилетаю туда, помогает думать.

— Ты уверен, что мне нужно думать?

— Нет,— помолчав, сказал Филипп,— не уверен. Но мы пролетели уже полпути.

Аларика откинулась на сидение, искоса наблюдая за лицом Филиппа. Покачала головой и улыбнулась, представив, что сейчас творится у метро Рязани.

— Меня будут искать.

— Хрусталев?

Молчание.

— И он тоже. Наблюдательность? Или ревность?

— И то, и другое.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. В этот момент пропел трехзвучный сигнал вызова.

— Слушаю,— отозвался Филипп с заминкой, ткнув пальцем в сенсор связи.

— Аларика? — раздался характерный, глуховатый, но твердый голос Реброва.— Аларика с вами, Филипп?

Женщина зажала Филиппу рот ладонью и наклонилась к пульту.

— Я здесь, Май. Не беспокойся, скоро вернусь, похититель жизнь мне гарантирует.

Тишина и дыхание фона в приемнике.

— Хорошо. Ждем.

Звонок конца связи.

Они продолжали сидеть в том же положении, пока пинасс несся над облаками в коридоре скоростных трасс. Потом Филипп поцеловал ее ладонь, и Аларика убрала руку.

— Однако быстро он нашел нашу волну! Не ожидал такой оперативности!

— Он все может, ты плохо его знаешь. Скоро там твой завод, похититель? Как ты на него набрел? Кстати, мне действительно надо быть в «Мещере», хотя бы через час, иначе Май обидится.

— Я понимаю, не волнуйся, твое возвращение в «Мещеру» я тоже гарантирую. Что касается того, как я набрел на завод, то тут все просто: мне показал его отец, когда мне было всего восемь лет. Его деды работали в промзоне, на этом заводе, а он хранил память...

Несколько минут прошло в молчании. Филипп изредка ловил на себе взгляды Аларики, но в ее сторону не смотрел, боялся спугнуть минутное свое счастье. «Пытка ожиданием,— думал он, каждой клеточкой тела ощущая присутствие Аларики.— Самая мучительная из пыток! Недаром кто-то из предков увековечил ее словами: «Если бы люди строили Дворец Счастья, самым большим залом был бы в нем зал ожидания»[1]. Я уже просидел в этом зале по своей же вине несколько лет, сколько еще осталось?»..

Наконец пинасс, ведомый киб-пилотом, достиг Каховского моря и остановился в воздухе, предупредив пассажиров гудком, что дальше пути не знает. Филипп взял управление на себя.

Пинасс спикировал на свободную от леса площадку, мелькнули в стороне странные конструкции и пропали за старой тополиной рощей. Филипп лихо посадил машину на поляну возле заросшей ивняком и лозой просеки. В той стороне, куда уходила просека, виднелись какие-то здания серого цвета, четыре громадных конуса из металлических плит и ферм, высокие закопченные трубы и мачты.

Аларика, с интересом оглядываясь, прошлась по поляне, почти лишенной растительности, нагнулась.

— Странно... Почему здесь не растет трава?

— Потому что под нами не земля, а бетонная площадка, этому бетону уже два века, видишь, как потемнел?

Филипп подал Аларике руку и повел за собой к просеке, обходя кусты и молодые тополя. Через несколько минут они выбрались на свободное пространство перед высокой, серо-коричневой, в ржавых потеках стеной одного из корпусов завода. Все видимое

---

[1] А. Эроз.

пространство у стены и в просветах между деревьями занимали шедшие параллельно земле пучки труб от тонких, толщиной в руку, до громадных, двух-и трехметровых в диаметре.

Аларика споткнулась о какой-то ржавый выступ, тянувшийся довольно далеко и исчезавший в стене подступающего вплотную к зданиям леса. Рядом, параллельно первому, тянулся второй такой же выступ.

— Что это?

Филипп оглянулся.

— Это рельсы, железная дорога.

— Они такие... я не узнала. Как здесь странно пахнет...

Филипп кивнул. У стен корпуса витал неистребимый запах ржавого железа, мазута, асфальта и угля, весь комплекс заводских запахов двадцатого века, хотя завод не работал, по крайней мере, полтора столетия, с тех пор, как вступили в строй заводы матричной репликации, вынесенные в космос. Но запахи продолжали жить, напоминая об ушедших в прошлое веках железа, пара, стали и каменного угля. Конечно, металлы использовались человеком и сейчас, и в гораздо большей степени, чем сто и двести лет назад, но, во-первых, современные металлургические заводы-автоматы ничем не напоминали прежние, они представляли собой самостоятельные комплексы с замкнутой технологией по добыче и переработке руд, установленные прямо в местах этой добычи, а во-вторых, металлы ушли из быта людей в космос, под землю, в лаборатории, а основную тяжесть обихода приняли на себя полимеры и активные композитные материалы.

«Экскурсанты» медленно прошлись вдоль стены корпуса, огибая выходящие из бетонных колодцев трубы, антенны, заглядывая в распахнутые двери. Один раз даже зашли в ворота, из которых выходили нитки ржавых рельс. В темноте смутно угадывался громадный объем цеха, решетчатые пролеты кранов, лестницы, фермы под потолком на высоте добрых полусотни метров, едва освещенные сочившимся сквозь запыленные ряды стекол светом. Цех был длинным, чуть ли не километровым, и по мере того, как глаза привыкали к полутьме, в его чреве постепенно проступали контуры каких-то застывших машин, конструкции, круглые туши ковшей для разливки стали, колонны изложниц — Филипп не первый раз посещал завод и успел изучить названия его оборудования.

— Пойдем, не бойся,— сказал он, обнимая Аларику за плечи. Голос гулко взлетел под шатер цеха и вернулся басовитым уханьем. Аларика не отстранилась.

— Прохладно здесь... и страшно.

— Чего же тут страшного? — удивился он.— Никого нет.

Они подошли к одной из конструкций высотой в два десятка метров, сработанной из металлических швеллеров, громадных ци-

линдров, положенных на бок и утопающих в мешанине труб, лесенок, загородов и настилов.

— Мартен,— сказал Филипп.— Устройство для выплавки стали, последнее из оставшихся, остальные вымерли, как динозавры.

Аларика посмотрела вверх и потянула его за рукав.

— А это, над нами?

Филипп проследил за ее взглядом.

— Это мостовой кран, видишь крюки? На них вешали ковш и перемещали расплавленную сталь к другим установкам цеха.

С крюков свешивалась железная цепь, Филипп толкнул ее от себя, раздался металлический скрип.

Аларика поежилась, оглянулась.

— Мне почему-то кажется, что за нами кто-то наблюдает.

Филипп рассмеялся, хотя ему тоже стало не по себе.

— Будет шутить, никого здесь нет. Завод обычно пуст, экскурсии посещают его редко, тогда здесь бывает шумно. А сейчас...— Он замолчал. Показалось, что вверху, под потолком, возникла зеркальная плоскость, изогнулась пузырем и лопнула. С минуту прислушивался к грустной тишине цеха, чувствуя вздрагивающий локоть Аларики.

— Тебе показалось. Под крышей гнездятся птицы, вот и все.

Он привлек Аларику к себе, поцеловал в губы, потом стал целовать плечи, шею, руки, пока она вдруг не оттолкнула его, выдохнув:

— Нет!..— И чуть тише еще раз: — Нет, Филипп... не надо, прошу тебя...

Он стоял, опустив руки, и эхо шуршало из всех углов гигантского помещения обрывками слов: нет, нет, нет...

Потом Аларика взяла его за руку, робко, как никогда раньше.

— Не сердись, пожалуйста, и прости... я сама дала повод... Ты помнишь стихи? «Не прилепить отрезанный ломоть, снег прошлогодний ходит в небе тучей...»

— Помню,— хрипло ответил Филипп.— Я помню. Правда, я помню и другие стихи... Идем?

Через несколько минут они тихо вышли из сумрака пустого здания наружу. Аларика вздохнула полной грудью и, спокойно улыбнулась.

— На воле все же лучше. Нет-нет,— остановила она попытку Филиппа оправдаться.— Ты ни при чем. Я вижу, ты во многом изменился, но... понимаешь, мне есть с кем тебя сравнивать! И, боюсь, идти тебе далеко, лучше бы ты не брался за это... А вообще, честное слово, было очень интересно! Я никогда не видела старых заводов, а на экскурсию прийти сюда и не подумала бы. Знаешь, он уж и не такой маленький по сравнению с современными, да?

— Не маленький,— подтвердил Филипп.— Может быть, ты не хотела этого, но, ставя точки над «i»...

— О господи! Сколько раз ты ставил точки над «i»! Неужели я ошиблась и ты все такой же?

— Подожди с выводами, я неудачно выразился. Просто ты вдруг дала мне шанс, и я подумал, что сделала это нарочно. Не так?

Аларика ковыряла носком туфли сухую землю, потом посмотрела прямо в глаза Филиппу.

— Нарочно. Я хотела бы, чтобы ты достиг той вершины, которая даст тебе право... на то, что забыто... если только это возможно... но лучше бы тебе не ворошить пепел...

Аларика вздрогнула, словно от холода, посмотрела на окошко видеобраслета.

— Расскажи что-нибудь еще о заводе... и пойдем отсюда. Мне пора возвращаться.

Филипп с трудом преодолел в себе приступ отчаяния и стал рассказывать все, что знал о заводах прошлых столетий, не вдумываясь в суть сказанного. Наконец увлекся и заговорил о том, что они видели.

— Мы с тобой посмотрели только один из них, а таких цехов на заводе около десятка. Да это, кстати, и не самый крупный завод из всех известных, в Кривом Роге и в Запорожье заводы побольше, я был там. Так что масштабы деятельности предков достаточно велики. Но я прихожу сюда не восхищаться размахом строительства дедов — здесь очень хорошо думается. Впечатление старины заставляет работать память.

— Да, ощущения старины и мне, наверное, не хватало. Так и кажется, будто внутри этого покинутого людьми гиганта пульсируют столетия... Где находится завод?

Они шли через пустырь к лесу.

— В Днепропетровске,— пробормотал Филипп, приглядываясь к неожиданно возникшей преграде на пути.— Часть древнего металлургического комплекса, одного из самых больших на Земле... Знаешь, странно все это...

— Что именно?

— Да вот, перед нами...

Пустырь, по которому они шли, начинался от торца цеха, заросший травой и пустырником, ни деревья, ни кустарник на нем почему-то не росли. Филипп обычно доходил до этого места, любовался лесной полосой за пустырем, горой ярко-синих контейнеров одинакового размера в конце пустыря, на каждом из которых стояла эмблема космических колонистов: скрещенные серп и кирка в венке из звезд (он как-то проверил),— и шел обратно. Теперь же Филиппа осенило: контейнеры лежали здесь, сколько он себя помнил, лет двадцать! И никому до них не было никакого дела. Странное безразличие к общественному добру со стороны его владельцев. Кто же оставил контейнеры у завода? И зачем? Или они пусты?

Филипп обошел гору контейнеров, принюхался: запах здесь стоял какой-то незнакомый, вернее, знакомый, но чужой, чужой пустырю, лесу и старому заводу. Постучал по стенке крайнего параллелепипеда — звук глухой, явно не пустая скорлупа. Интересная деталь...

— Наверное, будут что-нибудь строить,— предположила Аларика, не понимая его недоумения.— Вот и сбросили груз.

— Он лежит здесь с тех пор, как отец показал мне завод, двадцать лет, если не больше. Да и что тут можно строить? Территория заводов не подлежит застройке. К тому же и эмблема у строителей другая... Не нравится мне это. Почему-то кажется, будто я уже встречал подобные контейнеры... Но где?

Аларика нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Потом вспомнишь.

Солнце уже застряло в зубастой пасти леса, готовясь кануть в небытие ночи. С севера росла грозного вида туча, постепенно заволакивающая небосвод.

— Пошли, Филипп,— уже сердито проговорила Аларика.— Потом вернешься, или лучше сообщи в информ-центр, они тебе все объяснят и найдут владельца.

— Дело,— согласился Филипп.— Ну, бежим, а то попадем под ливень.

Не удержавшись, он погладил шершавую поверхность контейнера и вдруг увидел глубоко в щели между контейнерами мерцавшую искру света: красная, желтая, зеленая, голубая вспышки, две секунды темноты и снова та же гамма.

Черт возьми, «звезда Ромашина», моя звезда! Здесь? На пустыре, у завода?

Приблизив лицо вплотную к щели, Филипп, застыл от изумления, смотрел на равномерно мигающую «звезду» и вспоминал недавние свои приключения в космосе. Опомнился только после оклика Аларики, не понимавшей, почему он медлит.

Взявшись за руки, они побежали к пинассу, так и не встретив на территории завода ни одной живой души, хотя рядом, в двух километрах, кипела жизнь города на Днепре. Старым заводам не суждено было служить памятниками цивилизации, хотя они могли многое поведать уму и сердцу потомков тех, кто их строил. А в голове Филиппа поднялся кавардак, вызванный появлением странной «звезды», встреченной им впервые в десятках парсеков от Земли, знака, не похожего ни на одну из эмблем космических служб человечества и относящегося к проблеме появления «зеркал».

Дождь начался, когда они уже взлетели.

Всю дорогу до Рязани молчали, вслушиваясь в струнное гудение ветра в оперении пинасса; о том, что добраться быстрее можно было бы из Днепропетровска на метро, никто из них не подумал.

Аларика была спокойна и задумчива, Филипп окаменел в одной позе, накрыв своей ладонью руку женщины. Вернулись они спустя полтора часа после «похищения».

Прощаясь у голубого кристалла «Мещеры», Аларика задержалась у двери, то и дело вбиравшей новые порции прибывающих гостей.

— До связи, похититель. Передавай привет Кириллу Травицкому, мы с ним знакомы.

— Я не работаю в Институте ТФ-связи,— ровным голосом сообщил Филипп.

— Вот как? А где же ты работаешь?

— В настоящее время стажер отдела безопасности.

Аларика несколько мгновений смотрела на него как-то странно, недоверчиво и радостно-испуганно, потом вдруг поцеловала и исчезла за полупрозрачным занавесом двери. На губах Филиппа остался тающий горьковато-нежный привкус. Ему хотелось плакать и смеяться одновременно, но он только глубоко вздохнул и пошел к стоянке такси, никого и ничего не видя.

Человек, помоги себе сам...

На следующий день Филипп вспомнил о находке на территории завода, соединился с информационной службой Днепропетровска и попытался хоть что-нибудь выяснить об оставленных неизвестно кем и неизвестно когда контейнерах. Однако операторы украинского информцентра ничем не смогли ему помочь, кроме регионального поиска, который ничего не дал: ни за одной организацией Днепропетровского региона означенные контейнеры не числились.

Тогда Филипп разыскал Станислава Томаха и осторожно поведал ему о своем открытии. Томах отнесся к его сообщению серьезно, не преминув, правда, вставить старинную пословицу, знатоком которых он был.

— Какая, говоришь, там была эмблема? — спросил он погодя, хмуря выгоревшие брови.

— Серп, кирка и венок из звезд.

О том, что он заметил еще один знак, «звезду Ромашина», Филипп решил не говорить, а показать ее на месте.

— Да, это эмблема колонистов. Странно... Ну хорошо, спасибо за сигнал, я узнаю и позвоню. Или лучше ты позвони после дежурства, часов в семь.

— Позвоню,— кивнул Филипп и погрустнел.— Завтра наши будут играть на первенство Системы, первая встреча со сборной Луны-главной...

— Вот те раз! — удивился Томах.— Ты говоришь так, будто сам не играешь.

— Играю, но понимаешь... не хочу. Не хочу, вот что удивительно! Перегорел? Или возраст?

— Возраст здесь ни при чем. Первенство отыграть ты обязан, а там посмотрим, откуда растут ноги твоего настроения. Кстати, тебя искала Аларика.

— Искала Ала...— Филипп замер.— Так что же ты молчал?! Когда? Не мог позвонить?

— Сегодня утром.— Томах помолчал, разглядывая Филиппа проницательными глазами.— В этом деле ты тоже игрок, или всерьез? Я к тому, что женщина она редкостная... «Ом мани падме хум» — «Драгоценный камень в цветке лотоса»,— перевел он.

— Шел бы ты, Слава,— пробормотал Филипп.— Вместе с лотосом.

— Ага, благодарю, очень доходчиво. Уже иду.

Виом погас.

Филипп некоторое время мерил шагами комнату, потом набрал индекс информатора культуры и искусства и узнал программу вечера в Большом театре. В программе стоял Шекспир, «Укрощение строптивой». Филипп поспешно заказал два места в тринадцатом ряду партера. Вежливый голос автомата сообщил ему номера мест, и Филипп суеверно сплюнул через левое плечо — по приметам, начиналась полоса удач.

На одиннадцать утра в малом зале олимпийского комплекса была назначена тренировка, но Филипп прилетел туда почти на час раньше, лелея надежду успеть насладиться предгрозовой атмосферой будущих соревнований. К его удивлению, почти вся команда была в сборе, а Ивар Гладышев развлекал ребят своими знаменитыми голографическими слайдами глубокоатмосферного мира Юпитера. Филипп уже смотрел их в свое время и тихонько удалился из комнаты психомассажа в пустой зал, задумавшись над той тайной притягательности, которая кроется в любой игре. Человек выдумал огромное количество игр, каждая из них находила своих поклонников и каждая была для игроков не только средством развлечения, но и поводом к полету мысли, к интеллектуальному напряжению, которое в конце концов и рождало в человеке жажду самовыражения, стремление к самосовершенствованию и наслаждение борьбой, возвышая его до уровня творца. В конечном итоге игра — это моделирование той ситуации, с которой человек нередко сталкивается в жизни, и разве риск правильного решения игровой ситуации не является творчеством?..

Филипп так задумался, прохаживаясь по прохладному залу, что не заметил появления Хрусталева. Тот вошел и остановился возле стены, засунув руки в карманы. Филипп очнулся лишь тогда, когда Леон заступил ему дорогу.

— Привет.

— А, это ты?.. Привет.

С минуту они рассматривали друг друга: рассеянно-задумчиво Филипп, усмехаясь чему-то, Леон Хрусталев.

— Ну? — сказал наконец Филипп.— Ты что-то хотел сказать?

— Да,— высокопарно кивнул Леон.— Имею честь предупредить вас: не стойте у меня на пути!

Филипп с иронией посмотрел на его пышную шевелюру, покачал головой.

— По-моему, это ты стоишь у меня на пути.

Хрусталев хмыкнул.

— Ты что, в самом деле не понимаешь? Я говорю об Аларике.

— А-а...— протянул Филипп, теряя интерес к разговору.— Но это же, по крайней мере, несерьезно. Даже во времена оно соперника не отговаривали свернуть с пути, а грозили, предупреждали, протыкали шпагой.

— Я пошутил.— Хрусталев вздохнул.— Хотя... не вовремя ты появился на сцене. Дар у тебя что ли особый? Понимаешь, я ведь знаю Аларику уже больше двух лет... а тут пришел ты и все разрушил!

— Может, не я, а кто-то другой?

Хрусталев улыбнулся безнадежной улыбкой.

— Я же не слепой. Сначала я тебя ненавидел... даже обрадовался тогда на СПАСе, что погибнем оба... прости дурака! А потом понял, что дело не во мне...

— В ней самой.

— Да, к сожалению. Только не думай, что мне некому поплакать в жилетку, кроме тебя. Ей-богу, был бы я посмелее, вздул бы тебя по первое число!.. Ладно, живи!

Филипп засмеялся.

— Ну, спасибо.

— Друзьями мы, наверное, не станем,— продолжал Леон,— но, во всяком случае, будем хотя бы искренними. Я искренне желаю тебе сломать шею на пути к Аларике. Шучу.

Филипп пожал протянутую руку и проводил сгорбившегося Хрусталева взглядом. «Как в один миг может перевернуться мнение о человеке,— подумал он.— Леон, оказывается, неплохой парень, и так же раним, как и я. Только вот в части наших с Аларикой отношений он ошибается. Все чертовски зыбко, расплывчато... Что же это был за человек, Сергей Ребров, если она до сих пор считает его эталоном?.. Интересно, зачем она меня искала? Звонок вежливости? Впрочем, у меня теперь есть предлог увидеть ее. Пусть попробует отказаться пойти на спектакль»...

— Сегодня в основном электронная тренировка,— сказал им Май Ребров, когда игроки сборной разделись и построились в зале.— Разминка, стандартные тесты на реакцию и прокручивание

игровых положений. Противник у вас завтра не самый сильный, но отыграть встречу надо будет в полную силу, ибо на старте турнира обычно случаются неприятные сюрпризы.

Размявшись в зале, спортсмены приняли электродуш и разбрелись по местам в зале электронного моделирования.

Филипп удобно устроился в кресле, надел эмкан и расслабил мышцы, ожидая команды. Программы индивидуальной электронной подготовки составляли психомоделисты с Ребровым во главе, а также инженер-кибернетик центра спортивной подготовки. «Включившись» в тренажер, игрок как бы оказывался на площадке и проигрывал ту ситуацию, которую моделировал компьютер, повинуясь заложенной в него программе. В сборной Земли основной функцией Филиппа была игра в третьем номере, он выполнял работу подыгрывающего нападающего, который отвлекал игроков противоположной команды на блок и тем самым давал возможность нападающим своей команды провести удар без помех. В то же время, если пас шел ему, он был обязан завершить атаку в десяти случаях из десяти, то есть сыграть безошибочно, и, несомненно, играть подыгрывающим первого темпа было трудно.

— Включаю,— донесся сквозь наушники тихий голос Реброва, и Филипп оказался на площадке, среди игроков, словно это были не иллюзионные призраки, вызванные хитроумными аппаратами в его мозгу, а реальные люди.

В первом положении Филипп играл с подачи противника «взлет» в третьем номере, у центра сетки, а Ивар Гладышев забегал за него и проводил атаку с метровой высоты над сеткой — обычная комбинация, известная издревле, как «зона», нападение со второго темпа. Филипп «прокрутил» ее два раза и скомандовал контролеру вводить программу дальше, «зону» он выполнял хорошо и неожиданностей эта комбинация принести не могла. Затем шла комбинация «рапира», в которой Филипп в четвертом номере нападал с так называемого «прострела», когда мяч от рук согласующего игрока вылетал над сеткой резко и быстро, и надо было успеть провести удар только тому игроку — прыгали сразу двое,— перед которым не было блока. И с этой комбинацией Филипп справился неплохо, только удивился, почему Ребров выбрал ему простые положения, не требующие в общем-то электронного тренажа. Но затем одна за другой пошли комбинации, от которых он взмок по-настоящему, как если бы отрабатывал их на площадке. Комбинации были сложными: «лист» — двойной пас в одно касание и обманный нападающий удар «на плече» блокирующего; «самум» — сложная перебежка при подаче и атакующий удар с острого угла у «антенны»; «зеркало» — удар вдоль сетки с четвертого номера по своему же игроку во втором номере, который обязан был «срезать» мяч в площадку противника. Но дело было не в самих комби-

нациях, а в коллегах по площадке. Впечатление было такое, будто согласующие игроки выполняют пас не с той степенью точности, какая требуется для проведения скоростных комбинаций профессионалами.

Закончив тренировку, Филипп снял эмкан и вытер вспотевшее лицо.

— Молодец! — сказал подошедший Ребров, внимательно разглядывая его ошеломленное лицо глубоко запавшими глазами.— Темп держали хорошо, но в третьей и пятой позициях я заметил растерянность.

— Но ведь это ненормально... я хотел сказать, нереально с точки зрения игровых положений. Ваши согласующие призраки перестали быть мастерами, пасы их были неточны, вот и приходилось играть нестандартно. В действительности, в нормальной обстановке ни один координатор игры просто не способен играть так... неаккуратно, даже примитивно, поэтому ваша программа, мне кажется, не отражает истинного положения дел.

— Надеюсь, что это именно так.— Ребров кольнул Филиппа испытывающим взглядом, помедлил.— У меня к вам вопрос не по существу.

— Слушаю,— сказал Филипп, внутренне собираясь.

— Почему вы перешли на работу в спас-службу?

У Филиппа несколько отлегло от сердца, он ожидал услышать другой вопрос. «Зачем ему это? — подумал он, разглядывая свои ладони,— неужели будет читать мораль?»

— Из-за Аларики? Или по зову души?

Так, приехали! Все-таки спросил... Что он спросит еще? И что ему ответить?

— Не отвечайте,— сказал Ребров, словно читая мысли.— Плохо, если только из-за Аларики, некорректный прием.

— А по какому праву вы судите? — не выдержал Филипп.

— По праву брата ее мужа, пусть и погибшего. Не обижайтесь.— Ребров положил руку на плечо спортсмена.— Мы любим ее и не хотим, чтобы ей была причинена боль... любая.

Еще один говорит о боли, будто я специально собираюсь эту боль ей причинить.

— Я думал, вы скажете — честь брата...

— Не честь — память. Но Аларика жива, и ей жить дальше, хотя без любви жить трудно. Я хочу, чтобы она любила достойного. Если сможете, станьте им, не сможете...

— Я понял.

— Тогда идите,— Ребров легонько подтолкнул его к двери.— Судьбу не выбирают, ее творят.

Лишь через час Филипп унял наконец бурю чувств, поднятую в душе коротким разговором с тренером. Ни злости, ни обиды на

него он не чувствовал, наоборот, оценил прямоту и благородство Реброва; как доказательство расположения к своей особе. Видимо, Май Ребров чем-то был похож на своего брата, иначе трудно было понять его власть над Аларикой по сей день...

«Пусть,— сказал сам себе Филипп по пути домой, продолжая делать вид, что слушает Гладышева.— Посмотрим. Она сказала, что идти мне далеко. Пусть так, но цель видна, и я дойду. Иначе просто не стоит жить. Странно, что я этого не понимал раньше...»

Куттер бесшумно опустился рядом с горой контейнеров, ослепительно синих в лучах полуденного солнца. Томах сдвинул прозрачный колпак и первым выпрыгнул на траву.

За контейнерами шел лес, преимущественно липа и ясень. В противоположную сторону раздвигался вширь пустырь с редкими кустиками бересклета, поросший в низинке лопухами и чертополохом. Неухоженный, в общем-то, был пустырь, забытый. Дальний его конец утыкался в стену длинного серого здания — одного из корпусов старого завода, чьи трубы подпирали небо и были видны издалека.

Возле контейнеров уже стояли машины: куттер с синим пульсирующим «глазом» оперативной службы УАСС и пинасс, белый, с зеленой полосой, аппарат технического сектора Управления.

От группы суетящихся у контейнеров людей отделился высокий, худой и остроносый, с редкой сединой в волосах, старик в форме эксперта первого ранга.

— Материал стенок контейнеров деформационно неустойчив,— сказал он с басовитой хрипотцой.— Впечатление такое, будто контейнеры испытали многовекторный ТФ-резонанс. Лежат они здесь ровно двадцать один год.

— Спасибо, Бруно,— произнес Станислав.— Вы уже проверили содержимое?

— Естественно. Оборудование терраформистов: комплекты для горновзрывных работ, генераторы плазмы, вакуумбомбы и тому подобное.

Томах повернулся к Богданову.

— Несомненно, это исчезнувший груз, предназначавшийся для Садальмелека. Совпадает все до мелочей. Но как он оказался здесь, да еще двадцать один год назад — ума не приложу! Неужели мы плохо знаем ТФ-теорию и она преподносит сюрпризы? Ведь получается, что контейнеры испытали путешествие не только в пространстве, но и во времени!

— Комплекты для горновзрывных работ...— медленно проговорил Богданов.— М-да... Точно такого же характера груз предназначался на Шемали и в систему Суинберна.

— Помню. Странный вывод напрашивается. Надо бы узнать в центре Даль-разведки и у пограничников — не пропадали у них подобные грузы?

— Даль-разведка не использует комплекты для терраформистских работ, как и пограничники, но запросить можно. Но если контейнеры и в самом деле вынырнули здесь двадцать лет назад...

— Ты сомневаешься?

— Слишком уж экзотична гипотеза. Выходит, наш Наблюдатель более могущественная личность, чем мы себе представляем. Чего он только добивается, хотел бы я знать? Кстати, контейнеры обнаружил Филипп, тебе не кажется это символичным? Везет парню на открытия.

— Он приглашал меня на игры чемпионата Системы, завтра первый матч. Не хочешь сходить ради любопытства? Все же игрок он классный, да и игра сама по себе красивая, не пожалеешь.

Богданов с сомнением приподнял бровь.

— Едва ли удастся выбраться, но на всякий случай напомни завтра. Я пойду только из-за того, что Филипп, возможно, играет на таком уровне в последний раз. Ну, теперь в Даль-связь или сразу в отдел?

— Надо узнать, что нового у Тектуманидзе, потом уже к себе в отдел. По-моему, Керри недоволен медленным течением дела.

— Вины нашей в этом нет, уж очень рассеяна нужная информация, да и состав оперативных групп ограничен. Ты в вопросе с Филиппом прав в одном, его помощь пришлась нам очень кстати.

К ним снова приблизился эксперт техсектора, похожий на журавля.

— Скоро заканчиваем, подробные данные по анализу доставим сегодня вечером.

— Хорошо, Бруно,— кивнул Богданов.— Я вызвал бригаду транспортного обеспечения, они доставят контейнеры по назначению. Благодарим за работу.

— Не за что,— буркнул Бруно, потоптался и добавил.— Ваш стажер обнаружил на контейнерах любопытную деталь, не хотите взглянуть?

Инспекторы переглянулись. Бруно подвел их к одному из контейнеров и мотнул головой:

— Полюбуйтесь.

Богданов потрогал невозмутимо мерцавшую в материале стенки звезду, нагнулся.

— Все правильно,— сказал он, рассматривая искру света.— Наблюдатель честен, он везде оставил свой след, чтобы мы не спутали его с кем-нибудь другим.

— Слишком честен,— повел плечом Станислав.— Одним словом, джентльмен. Непонятно, зачем ему все это? «Зеркала» с па-

линдром-эффектом, «звезды», кража грузов... их возвращение... в прошлое! Чушь собачья!

— Нет-нет, далеко не чушь, скорее намек.— Богданов задумался.— Нам необходимо понять главное — что мы затронули там, в космосе, из-за чего Наблюдатель решил напомнить нам о себе? — Он с сожалением покачал головой.— Не вижу. А «звезда» красивая, спору нет.

Эксперт с укоризной посмотрел на него.

— Эх вы, безопасники! Дело не в красоте, хотя и она заставляет задуматься: в районе «звезды» нарушаются на микроуровне законы причинно-следственной связи! Это прямое доказательство того, что контейнеры действительно заброшены в прошлое. ТФ-специалисты до сих пор в шоке.

Бруно снова оглядел безмолвствующих инспекторов и махнул рукой.

— Потом поймете, насколько важно открытие вашего работника, мы пришлем в отдел сводку с результатами анализа и нашими выводами.

Богданов подивился горячности старшего эксперта, еще раз потрогал странную «звезду» и сказал:

— Не волнуйся, Бруно, мы возьмем это на заметку.

Они вернулись к куттеру.

— Садись.— Томах влез в кабину и закрыл колпак.— Ты думаешь, это серьезно?

— Пока не знаю.

Куттер подпрыгнул вверх, пустырь с контейнерами и корпусами завода сразу превратился в маленькую заплатку на желто-зеленом ковре.

— Ну и Филипп! — медленно проговорил Богданов.— В наблюдательности ему не откажешь. Такое впечатление, что Наблюдатель заинтересован именно в нем. Где бы он ни появился — появляется его «звезда»...

Станислав с молчаливым изумлением смотрел на друга.

В отделе их ждало сообщение от Тектуманидзе, полученное по каналам отдела.

— Легок Шалва на помине,— сказал Томах, включая запись.— Что ж, послушаем, что он хочет нам сообщить.

Прямо посреди комнаты возник странной формы пульт и возле него трое в форме погранслужбы, одним из которых был начальник следственной группы отдела безопасности Шалва Тектуманидзе.

— Слава и Никита,— сказал Тектуманидзе, словно заранее знал, что его сообщение первыми будут слушать именно эти двое,— привет. Я кое-что раскопал по вашей части. Керри мне обмолвился, что вы работаете по форме «Поиск-экстра», это, очевидно, продол-

жение работы с «зеркалами». Первое: мои эксперты чуть ли не по винтику разобрали вторую станцию над Орилоухом, ту самую, резервную, которая была вскрыта неизвестно кем. Следов — никаких, если не считать таковыми полное отсутствие программ в бортовом компьютере. Такое впечатление, будто записи на ферроиглах стерты. Как это можно осуществить без нарушения структуры феррокристаллов, я не знаю. Эксперты тоже. Кроме того, обнаружена «звезда Ромашина», что прямо указывает на присутствие на станции Наблюдателя. Второе: груз, предназначавшийся для экспедиции Вернигоры на Шемали, найден...— Тектуманидзе посмотрел прямо в раствор видеокамеры, глаза у него были красные, с припухшими веками,— на Шемали.

Томах невольно посмотрел на Богданова, но тот остался невозмутим.

— Да, на Шемали,— повторил Тектуманидзе,— но, по оценкам экспертов, груз пролежал на планете, в одной из пещер, около ста лет! Контейнеры не выдержали испытания временем и без подкачки энергии рассыпались в пыль, оборудование сохранилось, хотя и прокорродировало. Теперь думайте, у меня все. Полный отчет привезу дня через четыре.

Шалва слабо помахал рукой, виом свернулся в нить и угас, запись кончилась.

— Устал Шалва,— после непродолжительного молчания произнес Томах, хотя сказать хотел совсем другое.

— Заметно,— тихо согласился Богданов, тоже думая о другом.— Что будем делать? Временные прыжки грузов — это почище самих «зеркал»! Шалва еще не знает о находке груза на Земле. Может быть, и остальные пропажи скоро обнаружатся? Дадим ТФ-депешу на Историю, пусть поищут получше на планете. И везде один и тот же знак — «звезда»! Не только в дальнем космосе, но и на Земле! Понимаешь, чем это пахнет?

— Наблюдатель нас предупреждает,— пробормотал Томах.— Ты это хотел сказать? На кой ему это потребовалось? Не мог предупредить нас в открытую? Не хочет раскрывать координат своего дома? Чего ему бояться? И что означает его знак? Кто его ставил? Каким способом?

Богданов помолчал, наводя порядок на своем столе.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Все наши загадки хорошо коррелируются между собой... кроме одной — смерти Василия. Не верю, что Наблюдателю была выгодна его смерть.

— Не торопись с выводами,— раздалось с порога.

Друзья оглянулись. Керри Йос задумчиво рассматривал их от двери. Подошел, неодобрительно покосился на стол Богданова, сел в ближайшее кресло.

— На одном из блоков «Умника», с которым работал твой брат,

тоже обнаружена «звезда Ромашина». Правда, медэксперты твердо уверены в его естественной смерти; насколько я их понял, у Василия резко возросло артериальное давление — следствие ускоренной работы мозга,— с которым не справилась система магистральных артерий, и почему-то не сработала система спинальных артерий. Отек мозга развился за минуту...

У Богданова резко вспухли желваки и сузились потемневшие глаза.

Керри посмотрел на него снизу вверх цепким взглядом, однако Богданов молчал.

— Над чем работал Василий, установить пока не удалось. «Умник» пытался «пошарить» в своей памяти, но едва не заработал синдром «общего склероза», по выражению кибернетиков. А в режиме «один на один» из наших спецов никто с ним не работал и не умеет, да и рискованное это занятие. Вот и все новости. Будут еще, сообщу.

— Спасибо,— сказал Богданов.

— Чего уж... Ваши соображения о действиях Наблюдателя? Зачем ему забрасывать грузы в прошлое? О технической стороне дела я и не говорю, она поставила в тупик даже ученых-теоретиков, важно разобраться в психологии.

— Наблюдателю не нравится, что мы все чаще и уверенней вмешиваемся в жизнь нашего звездного региона,— предложил Томах.— Не могу только понять, почему.

— А я могу,— проговорил тихо Богданов.— Он хочет заставить нас почаще «оглядываться вперед», пока человечество еще не вышло из возраста капризного ребенка, вопреки воле воспитателей делающего то, чего делать не следует, а уже пытающегося диктовать свою волю. Вот Наблюдатель и предупреждает нас, что след капризного ребенка на клумбе с цветами — не лучшее, что он может оставить после себя.

— Просто, но образно. Не продолжай, мораль твоей тирады ясна даже мне,— с иронией обронил Томах.— И все же я бы на вашем месте не торопился с гипотезами. Мне лично действия Наблюдателя непонятны. И повозиться с его следами нам еще предстоит немало.

— Я и не говорил, что проблема решима однозначно. Видимо, придется просить помощи у пограничников, оперативных групп в отделе не хватает. Я попробую просуммировать новые данные и дам их машинам типа «Умника», для анализа и поиска аналогий, а Слава займется поиском сведений по планетам Системы. Землю тоже перетряхнуть не мешало бы, надо обратиться в Институт истории Земли, в Академию наук — пусть помогут найти «звезды» и «зеркала» в документах архивов.

— Сделаю,— вздохнул Томах.— Что-то у меня после ваших

обобщений фантазия разыгралась. Кажется, будто и за мной лично кто-то установил наблюдение.

— Кому ты нужен...— проворчал Керри Йос.

Глава 7. СОВЕЩАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Они стояли на террасе, нависающей над морем. Внизу, метрах в десяти, грохотал прибой, и брызги порой залетали на террасу, заставляя людей отворачиваться.

— Резерва у меня нет,— сказал Керри Йос, запахивая куртку.— Вы же знаете, почти все линейные отделы до сих пор заняты ликвидацией последствий аварии на космотроне, а пограничники сейчас рыщут в приграничных зонах в поисках следов Наблюдателя. К тому же ВКС наконец определил сроки строительства зоны солнечных конденсаторов на орбите Меркурия. Строительство начнется в середине января, и спасателям хватит возни на долгие годы. Так что придется обходиться силами отдела. Тревогу по Управлению давать преждевременно. Нет причин... пока.

— Плохо,— сказал Богданов. Порыв ветра принес соленую водяную пыль и рассеял по террасе, которая сразу стала скользкой и мокрой, как после дождя.

Из-за плотной стены кустарника, отгородившей террасу от комплекса зданий грузового метро, слышалось рычание транспортных платформ, лязг металла, гулы и свисты механизмов, обслуживающих метро. Кусты шевельнулись, и на площадку вышел невысокий, худощавый, загорелый до медного свечения Януш Микульский, безопасник из отделения Томаха.

— Нас ждут,— сказал он коротко, попятившись от очередной порции брызг. Океан разыгрался не на шутку, по небу неслись низкие хмурые облака, сливаясь в одну сплошную черно-серую пелену.

— Смилуйся, государыня рыбка! — взвыл вдруг не своим голосом Томах, протянув руки к океану.— Пуще прежнего старуха вздурилась, не дает старику мне резерва...

— Что это с тобой? — осведомился Керри Йос неприятным голосом.

— Это не с ним,— улыбнулся Богданов.— Это Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке».

Начальник отдела несколько мгновений смотрел на Станислава, потом, не оглядываясь, пошел на звуки напряженной человеческой деятельности, исчез за кустами.

— Нашел, когда шутить,— укоризненно сказал Богданов.

— Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула... Виноват я, что ли, что Пушкин не учел его настроения?

Станция метро чем-то напоминала крупный аэропорт столетней давности. Собственно, она и сама была портом — в том смысле, что служила людям узлом коммуникаций, промежуточным звеном в колоссальной системе транспортных линий, достигших многих десятков звезд и более двух сотен больших и малых планет.

Здание метро представляло собой половину шара, опиравшуюся вершиной на землю и торцом смотревшую в небо. В нижней части полушария зияло отверстие для приема транспорта любого типа, широкий пандус позволял доставить к стартовой камере любые грузы, вплоть до десантных модулей и коггов. Отверстие и пандус были забраны решеткой защиты, а все полушарие станции охватывала сложная паутина силовых отражателей, гасящих ударную волну при неудачных пусках. Диаметр торца полушария достигал километра, высота станции превышала четыреста метров.

Рядом с основным зданием располагался куб энергостанции, два купола технических служб и управления, параллелепипеды складов, невысокий косой парус пассажирской линии метро и сотканный из световой вуали канал орбитального лифта, по которому грузы с приземельских заводов доставлялись из космоса на Землю, к метро. Во избежание столкновений с транспортными трассами атмосферы канал лифта делался видимым даже днем, и он вонзался в небо исполинским копьем, похожий издали на след стартовавшего древнего звездолета, как его рисовали старинные художники.

К комплексу примыкала взлетно-посадочная полоса для крупнотоннажного воздушного транспорта и дирижаблей и две эстакады наземного транспорта — для магнитных поездов и автопоездов на воздушной подушке. По одной из них медленно уходила в сопки цепочка магнитных платформ, нагруженных веселыми желтыми кубиками продовольственных контейнеров.

Над полушарием метро и возле всех его построек висели и перемещались десятки гравикранов с трубами, цистернами, штабелями ящиков, контейнеров и деталями всевозможных конфигураций.

Керри Йос вслед за Микульским направился ко входу в основное здание. Вид у него был озабоченный, лицо невеселое.

В ангаре стартовой камеры, способного вместить Исаакиевский собор, бесшумные гравикраны хлопотали над очередной «посылкой», устанавливая контейнеры на отполированный до синевы диск передающей антенны.

Богданов впервые наблюдал за работой крупного грузового метро, поэтому с любопытством осматривался по сторонам, разглядывая странные многовитковые спирали из белого металла, усеивающие раструб ангара, колоссальную решетку потолка, в ячеях которого прятались выпуклые щиты, похожие на чьи-то внимательные глаза. Он обратил внимание, что людей в ангаре почти нет, только возле черного штыря в центре диска ковырялись с при-

борами двое парней в форме инженерно-технической службы ТФ-связи да у многоэтажных контейнеров стояла группа людей, явно не принадлежавших к персоналу станции.

Здесь были руководитель СЭКОНа Иван Морозов, начальник технического сектора УАСС Кими Озава, раскосостью глаз похожий на Дикушина, Станислав Томах, двое инженеров и директор таймырской станции метро Илона Велиава, высокая, строгая блондинка с водопадом золотых волос.

— Все готово,— сказал один из инженеров.— Аппаратура по всей трассе функционирует нормально, можно приступать.

— Пойдемте в бункер управления,— предложила Велиава.— Груз проверен, техники заканчивают контроль систем.

— А можно откуда-нибудь изнутри камеры понаблюдать за пуском? — спросил Морозов.

Велиава в сомнении подняла тонкую бровь.

— Разве что в перископы, да только ничего вы не увидите. Никаких световых и прочих видимых эффектов при ТФ-запуске в камере не возникает.

— Тогда ведите в свой бункер.

— Кто проверял груз? — спросил Керри Йос.

— Я,— ответил Томах,— и смена техников, конечно. Все в порядке, груз точно такой же, что и не дошедший до Садальмелека.

Все вышли в хмурый октябрьский день Таймыра, под начавший накрапывать дождь.

— Нельзя было обойтись без дождя? — буркнул Томах.

— Это не мы,— виновато проговорила Велиава, обернувшись на его голос.— Северный гидрометцентр предупреждал еще утром, что Таймыр попадет в зону штормовой отдушины.

— Ты что? — шепнул Богданов на ухо другу.— Форму потерял?

— Меня все раздражает,— буркнул Томах.— Кажется, что мы что-то упустили из виду, какую-то важную деталь. Не аукнулось бы нам другим манером, ведь вслепую играем... неизвестно с кем. Но уж то, что этот «кто-то» не слабее нас, это наверняка.

— Ну-ну, не паникуй. Эксперимент нужен, ты сам прекрасно понимаешь. Не пройдет груз на Историю — значит, будем думать, пройдет — все твои страхи напрасны.

— Ой ли? Больно категоричен ты в своих суждениях сегодня, на себя не похож. Посмотрим. Есть такая интересная штука — интуиция, так вот она мне шепнула по секрету, что груз пройдет нормально, однако тревогу с души не сняла.

Богданов мельком посмотрел на угрюмо-спокойное лицо Томаха и шагнул в дверь, открывшуюся в малом куполе.

Зал управления метро изнутри представлял собой стандартный куб со встроенным в стену пультом и радугой экранов над ним.

Видимо, он давно не подвергался капитальному ремонту, потому что здесь стояли не виомы, а старые плоско-мозаичные световые экраны, создающие слабый стереоэффект.

— Располагайтесь.— Велиава радушно указала гостям на кресла, принесенные, скорее всего, заранее.

— Все рассчитали? — еще раз спросил Морозов.— Не хотелось бы неприятных сюрпризов.

— Предусмотрели все, что может предусмотреть современная наука прогноза,— неожиданным басом отозвался Кими Озава.

Морозов неопределенно покачал головой.

— Верю, но... лучше десять раз проверить, чем один ошибиться.

— Кредо теоретика,— сказал Богданов задумчиво.

— Что?

— Кредо теоретика: семь раз отмерь, один отрежь. Есть еще кредо практика: один раз отмерь, семь раз отрежь.

Все присутствующие в зале засмеялись. Морозов тоже улыбнулся, хотя было заметно, что смеяться он не умеет.

— Поехали, что ли? — буркнул Керри Йос, переждав смех.— Корреспонденты на Истории готовы?

— Еще вчера,— подтвердил диспетчер станции.

— Системы контроля?

— Готовы.— Это уже Кими Озава, общавшийся с работниками своего ведомства посредством рации.

— Старт!

Илона Велиава, оглянувшись на «высокое начальство», сделала три быстрых переключения на пульте, рявкнул гудок, и белый диск над пультом загорелся дрожащим зеленым светом.

По залу прокатился общий вздох.

— Груз прошел,— доложил диспетчер.— Потери в норме, поле по глубине струны ниже интервала трансляции...

— Спасибо, Ник,— прервала его Велиава.— Груз прошел нормально, джентльмены.

Морозов встал.

— Я ждал этого. Спасибо и вам, Илона. Надеюсь, своим экспериментом мы не очень выбили вас из графика?

— Какие могут быть претензии? — развела руками Велиава.— Наверстаем. Я понимаю, что безопасность УАСС не экспериментирует зря.

— Вот это уж точно! До свидания.

Они вышли из зала. Дождь лил вовсю.

— В пятнадцать ноль-ноль совещание,— напомнил Морозов.— У вас есть ко мне вопросы? Соображения относительно сегодняшнего запуска?

— Нет,— сказал Керри Йос, поднимая воротник куртки.— Соображения еще надо обдумать.

Морозов кивнул и удалился к пассажирской камере метро в сопровождении Озава и его инженеров.

— Ну и что теперь? — спросил Керри Йос, глядя ему вслед.

— Будем продолжать работу.— Богданов остался спокоен.— Искать. Грузы почти такого же назначения не проходили еще к Шемали и к планетам Суинберна. Проведем экспериментальные запуски, убедимся, что эффект исчезновения не повторяется.

— Действуйте. Я в отдел, понадоблюсь — найдете. Людей дам, но не больше группы.

Керри, пряча лицо в воротник куртки от колючего дождя, пошел к парусу метро.

— Я на базу,— сказал Томах.— Мои мальчики заканчивают работу по каналу поиска особой срочности. Система дорогая, зато отдача великолепная. А главное — не надо тратить недели и месяцы на поиск документов в архивах.

— Будут новости, сообщи. Кстати, заметил? У Морозова те же выводы, что и у тебя. Он сказал, что ожидал благополучного исхода с запуском груза на Историю.

Томах отвернулся и глухо ответил:

— Значит, и у него развита интуиция. Ну, потопали, а то промокнем насквозь, мне такой климат не по нутру.

0

Издали здание оперативного центра Управления аварийно-спасательной службы напоминало подсвеченную изнутри кристаллическую глыбу аквамарина. Однако, подлетая ближе, Филипп все меньше находил сходства здания с кристаллом, пока наконец оно не выросло в исполинский горный хребет, сверкающий на гранях холодным голубым огнем.

Километра три в длину, прикинул Филипп, и метров шестьсот в высоту! Что ж, объемы центров организации, ответственной за безопасность и нормальную работу цивилизации, должны соответствовать и размаху ее деятельности...

А уже в полукилометре от здания Филипп понял, что оно не сплошное, а состоит из тысяч модульных блоков, соединенных хитроумным способом в ажурную конструкцию, напоминающую атомную решетку какого-то минерала. В следующее мгновение из дна чаши, венчающей «отросток минерала», метнулась ввысь гибкая лапа, подхватила пинасс и втянула его в глубину здания.

— Приехали,— сказал Томах, первым выпрыгивая из кабины на пол эллинга. Вслед за ним вылез Богданов, потом Филипп.

Следуя указателям, они нашли нужный лифт и через минуту стремительного падения сквозь сплетение лифтовых линий центра стояли перед входом в зал совещаний, откуда в коридор доносился странный рокочущий гул.

Филипп вошел и остановился. Стен и потолка в зале не было.

Амфитеатр с рядами кресел нависал над грохочущим двойным водопадом, левая часть которого, шириной около трехсот метров, была гораздо выше правой — километровой подковы, полускрытой под громадным облаком водяной пыли.

«Ниагара! — догадался Филипп.— Красиво, надо признаться!»

— Пошли, пошли, не останавливайся на пороге,— потянул его за рукав Томах.— В первый раз, что ли?

Усевшись, Филипп принялся рассматривать водопад с высоты птичьего полета, созданной иллюзией хорошо настроенного видеопласта. Однако насладиться зрелищем в полной мере не успел: сначала кто-то выключил звуковое сопровождение, предупреждая собравшихся, а затем исчез и водопад. Зал замкнулся золотистыми стенами со множеством ниш, решеток и круглых щитов.

Трибуны в зале не было: по желанию каждый выступавший включал на подлокотнике своего кресла систему спик-визора, и автоматика воспроизводила его объемное изображение в нижнем круге амфитеатра, откуда он был виден всем.

Совещание начал генеральный секретарь Совета безопасности ВКС и он же директор УАСС Норман Спенсер, громадный, темнолицый, с гривой седых волос, скрывающих уши и лоб. Он вкратце коснулся проблем, стоящих перед аварийно-спасательной службой, привел статистику аварий и катастроф по Земле и зоне космоса, осваиваемой землянами. Самой крупной из них была катастрофа на космотроне, в результате которой погибло сорок семь человек и громадная область Солнечной системы между орбитами Земли и Марса оказалась загрязненной радиоактивным газом.

Затем очень кратко ответственные руководители служб и секторов доложили о результатах своей работы, принимаемых мерах и методах контроля за безопасностью человеческих коллективов.

Предпоследним выступал Дикушин. Руководитель первого сектора был явно озабочен, потому что обычная его бесстрастная насмешливость переросла в язвительность.

— С космотроном все ясно,— сказал он.— Это образец человеческого «авось», когда зло, содеянное предками, отражается на потомках, но самое обидное — оно создано нами против нас же! Расчистка зараженной зоны продвигается успешно, а также принимаются меры по розыску подобных «сюрпризов» во всех уголках Системы и за ее пределами.

— Однако патрульная служба проморгала-таки ракетоносец? — сказал кто-то в зале.

— Самое интересное, что его обнаружили,— отрезал Дикушин.— Но сочли за автомат, какими полно пространство Системы. Так что в дополнение к сказанному необходимо провести еще и чистку пространства от громадного количества отслужившей свой век техники. Но мы отвлеклись.

Не секрет, что с января следующего года Управление строительством планетарных сооружений, Центроземстрой, планирует начать строительство ЗСК — зоны солнечных конденсаторов в орбитальном поясе Меркурия. Дело чрезвычайно нужное, ибо человечество, как никогда, нуждается в энергии: пояса надземных гелиоэлектростанций уже на пределе возможностей, а мы еще далеко не завершили освоение Системы, да и другие меры ждут своих исследователей. Однако требуется специальная система мер по предотвращению несчастных случаев, а не простое указание отдела прогнозирования: «Усильте контроль». Масштабы новой работы грандиозны, а мы только люди, способные ошибаться, да еще как ошибаться!

И последнее. В связи с открытием формулы Ромашина Академия наук и Земплан предполагают в ближайшее время провести эксперимент так называемого «галактического просвечивания», а точкой эксперимента выбрана Феба, спутник Сатурна. Так вот, я категорически против Фебы! Да и вообще любой другой планеты Системы! Эксперимент сложен, опасен, и проводить его надо в глубоком космосе.

— В чем суть эксперимента? — раздались голоса.

Дикушин, собравшийся было сесть, задержался и посмотрел на Спенсера.

— Поясни,— коротко сказал тот.

— Пусть лучше это сделает Хейдо,— буркнул Дикушин.— Это его епархия.

Спенсер повернулся к председателю Технического совета.

— Как известно,— начал Уессон, включая свой спик-визор,— современной космологией до сих пор не решена проблема «инфляционной эры» в эволюции нашей Вселенной, связанная с проблемой Большого Взрыва, породившего космос. Назрела необходимость проверки некоторых оригинальных гипотез, что даст возможность ученым уточнить космологическую модель Вселенной и приступить к практической реализации новейших теорий. Это первая предпосылка эксперимента. Кроме нее есть еще несколько: проблема топологии черных дыр, эффекты общей теории поля, поиск реликтовых «кварковых мешков» и монополей, измерение кривизны пространства. Или, скажем, такая практическая вещь: область космоса, контролируемая нами, постепенно расширяется, и для безопасности прокладки ТФ-трасс необходимо знать точное расположение тяготеющих масс в этой области. Кроме этого эксперимент позволит физикам решить проблему пресловутого «телекинеза», вернее, «психокинеза», то есть возможность управлять ТФ-перемещением с помощью мысленного приказа. Как видите, диапазон вопросов, которые сможет разрешить эксперимент «просвечивания», достаточно серьезен, хотя я не назвал всего. Сам же эксперимент состоит в возбуждении галактического ТФ-поля посредством

ТФ-взрыва. Ударная ТФ-волна практически мгновенно обежит Галактику, отразится от всех тяготеющих масс: звезд, туманностей, черных дыр, «кварковых мешков» — и даст полную картину их гравитационного взаимодействия. Вот и все.

— Спасибо,— сказал Спенсер.— Настолько просто и доходчиво, что не впечатляет. Следовательно, ученые предлагают провести ТФ-взрыв на спутнике Сатурна? Есть уже расчеты взрыва?

— Количественных нет,— сказал Дикушин.— Мы дали задание Институту ТФ-связи рассчитать параметры взрыва, но качественные характеристики известны уже сейчас.

Спенсер помолчал.

— Хорошо, отложим обсуждение этого вопроса до выяснения полного объема данных по эксперименту. Остался последний вопрос, самый непростой. Это операция «Наблюдатель». Говорите, Керри.

Перед амфитеатром появилось увеличенное изображение Керри Йоса.

— Все уже в курсе, поэтому начинать «аб ово» не буду,— начал сосредоточенный руководитель отдела безопасности.— Сообщаю факты, только факты, ничего кроме фактов.

Несмотря на ироничный подтекст речи, в зале никто не улыбнулся, Филипп отметил это без удивления.

— Трижды с мая месяца этого года и четырежды за всю историю существования пространственного метро грузы, посылаемые с Земли на планеты других звезд, не доходили до адресата. Один из пропавших грузов, направленный в систему Садальмелека, на Историю, обнаружен недавно на Земле, второй, направленный в систему Шемали, найден там же, я имею в виду Шемали, но оба груза оказались заброшены во времени на двадцать и сто лет назад.

Керри Йос помолчал, но не для эффекта — в зале и так было тихо,— а просто давал время поразмыслить над сообщением.

— Все грузы — оборудование терраформистов, машины для активного воздействия на планетографию, отметьте это. Второе: уже шесть раз косморазведка и большие экспедиции, контролируемые погранслужбой, встречаются с так называемыми «зеркальными перевертышами». По мнению специалистов, «зеркала» — устройства для сбора информации, вернее, своеобразные видеокамеры, передающие запись деятельности людей... Куда — неизвестно. «Зеркала» трижды замечали на Марсе — полвека назад, во время перераспределения горных хребтов, и четырежды на Земле — два и полтора века назад. Данные проверены архивно и не подлежат сомнению. Третье: над Орилоухом вскрыта резервная станция, законсервированная, работающая в холостом режиме. С точки зрения сегодняшних рубежей науки и техники мы, люди,

делать этого еще не умеем. А три дня назад, предположительно, во время расчета глубокого прогноза направленности действия и последствий деятельности Наблюдателя погиб эфаналитик отдела безопасности Василий Богданов. Расследование обстоятельств его внезапной смерти, которое только что закончилось, показало, что смерть наступила в результате крайне маловероятного стечения обстоятельств, что уже само по себе предполагает наличие вмешательства разумной и... злой силы. С какой целью — мы начинаем догадываться. Нас таким образом предупредили, чтобы мы задумались над последствиями своей звездной экспансии. Кому-то хочется, чтобы космос остался таким, каков он есть, чтобы он служил не только нам, но и тем, кто придет после нас.

Керри Йос помолчал. Кто-то кашлянул, и снова в зале повисла тишина.

— Четвертое,— продолжал начальник отдела.— Мы провели экспериментальные запуски тех же грузов, что планировались раньше, на те же станции, куда раньше эти грузы не прибыли. Все запуски прошли благополучно, но!.. Двое суток назад с Истории, Шемали и планет гамма Суинберна пришли сообщения: снова появились «зеркальные перевертыши»! Это прямое подтверждение нашим догадкам. И последнее: на Землю вернулся дальний галактический разведчик «Хевсур», исследовавший звезду Ригель, бету Орионо: шестьсот световых лет, предел наших автоматических экспедиций. На его борту случайно обнаружен странный знак, вот такой.— Керри повозился, и перед аудиторией появилось увеличенное изображение «звезды Ромашина», невозмутимо играющей цветную гамму спектра.

— Диаметр «звезды» двадцать микрон, материал оболочки корабля — перестроенный бериллий — в месте ее появления не нарушен, зато изменены характеристики защитного поля в этой точке. Но и это осталось бы достоянием экспертов и ученых, если бы не одно обстоятельство: такие же знаки обнаружены уже на трех разведчиках первого класса, ведущих разведку на дальностях порядка двухсот парсеков, а также на станции над Орилоухом, на промежуточных ТФ-ретрансляторах трасс метро к Шемали, Истории и Суинберну и... на Земле.

Керри сел и выключил спик-визор.

Некоторое время в зале никто не двигался. Потом раздался голос Спенсера:

— Факты впечатляют. Итак, ваш вывод?

— Вывод достаточно прост и тревожен,— пробормотал Морозов, появляясь перед собранием.— Хотя начальник отдела безопасности занимает в этом вопросе слишком благодушную позицию, как мне кажется. Тот факт, что нами заинтересовалась цивилизация высшего типа, должен заставить нас пересмотреть принципы

«звездной экспансии» и серьезно заняться экзотикой. Правда, некоторые намеки Наблюдателя слишком прозрачны, как, например, «кража» грузов. На предупреждение это похоже мало.

— Только на первый взгляд,— возразил Керри Йос.— Я отнюдь не благодушен и недаром обращал ваше внимание на характер исчезнувших, вернее, закольцованных во времени грузов. Дело, вероятно, в том, что История, Шемали, планеты Суинберна — прекрасные планеты, словно специально созданные для созерцания, получения эстетического наслаждения. А мы туда взрывную технику, оборудование терраформистов для перемещения горных хребтов и морей! Представьте, в наш земной музей, скажем, в Эрмитаж, придет некто и начнет передвигать стены, сдвигать картины, вешать их вверх ногами, класть скульптуры на бок! Только потому, что ему так удобнее смотреть или, скажем, отправлять естественные надобности!

— Вы считаете, что для указанных планет мы уподобляемся этому варвару? — спросил кто-то в зале, не уловив иронии в словах Керри.

— Вы хорошо улавливаете суть дела,— сухо ответил Йос, вызвав сдержанные улыбки.

— Но Шемали,— не унимался оппонент,— выпадает из этого списка. Неужели вы считаете, что черные пейзажи Шемали вызывают чувство эстетического наслаждения? По-моему, черный цвет угнетает, а не радует.

— А почему вы считаете, что мы, люди, единственные ценители прекрасного в Галактике?

Богданов дважды бесшумно хлопнул в ладоши.

— Браво, Керри!

— Да, предположение хорошо коррелируется с приведенными фактами, хотя сравнение рода людского с варваром...— Спенсер покачал головой,— с варваром, не ценящим красоту, мне не нравится. Что касается внутренних проблем нашей цивилизации, то их хватает, и некоторые из них тоже вполне могут тревожить нашего гипотетического Наблюдателя.

— Но кое-кто в ВКС склонен полагать, что мы преувеличиваем,— сказал Морозов.

— Знаю,— Спенсер нахмурился.— Однако считаю, что применять экстренные меры рано, несмотря на приведенные примеры. Прямой угрозы человечеству, к счастью, нет, а то, что нами интересуется другая цивилизация, более зрелая, факт, скорее, огромного научного значения, чем защитно-прикладного. Просто погранслужба и служба безопасности — простите за тривиальное напоминание — обязаны реагировать на любую, даже прогнозируемую в далеком будущем опасность, и здесь никто не снимет с нас ответственности, если мы не подстрахуем друг друга.

— И все же следует высказать в Совете наше отношение к происходящему. До сих пор человечество осваивало пространство экстенсивно: мы овладели уровнем энергопотребления в масштабе звезды, предполагается, что в дальнейшем овладеем энергией соседних звезд и так далее.

Но ведь из опыта прошлого мы знаем, что экстенсивное развитие неизбежно ведет к появлению кризисных ситуаций, ибо потом приходится прибегать к разного рода регулирующим факторам, как, например, восстановление природных ресурсов или уничтожение загрязнения среды.

Космическая экспансия человечества требует все более значительного усиления управляющих и регулирующих воздействий на общественную систему, что мы ощущаем уже сейчас. До сих пор мы справлялись, но в масштабе одной планеты. А когда будут сотни, тысячи планет?! Не пора ли приостановиться? И попытаться найти выход на принципиально ином пути, нежели арифметическое освоение безграничных пространств? Перейти на интенсивное использование космоса?

Морозов умолк.

— Мы несколько отвлеклись от темы,— сухо сказал Спенсер.— Возможно, ВКС наконец отреагирует на предложения отдела дальнего координирующего прогноза СЭКОНа. Нас же сейчас интересуют проблемы не столь глобальные, хотя и не менее важные. Считаю, что вопрос, чем мы заинтересовали Наблюдателя, остается открытым. До тех пор, пока не появятся прямые доказательства обратного. Каковы принимаемые отделом безопасности меры?

Керри Йос посмотрел на Морозова, тот кивнул.

— Меры приняты следующие,— сообщил начальник отдела.— Во-первых, применен сигнал «Экстра» по информационному поиску, что сократило время поиска нужных данных вдесятеро против обычных методов. Во-вторых, группы экспертов и работников отдела заняты исследованиями «зеркальных перевертышей», «звезд Ромашина» и расчетом вероятного вектора вмешательства Наблюдателя, если, конечно, он намерен вмешаться. В ближайшее будущее начнем на местах анализ причин появления «зеркал» и звездных знаков, исследование посещенных разведчиками планет. В дальнейшем предполагается обработка результатов анализа на «Умниках» — больших универсальных вычислительных комплексах Института внеземных Культур. В качестве крайней меры...— Керри Йос исподлобья оглядел зал.— В качестве крайней меры — тревога по форме «Общий шторм».

Станислав, Филипп и Богданов переглянулись.

Потом Богданов продемонстрировал всем видеофильмы: первый — снятый на Шемали, когда изучались «зеркальные перевер-

тыши», второй — станция над Орилоухом, посещенная неведомым Наблюдателем, и третий — следы, оставленные Наблюдателем на обшивке разведкораблей, на контейнерах и на станциях ТФ-связи: странные знаки в виде звезды.

После совещания Филипп возвращался до ближайшего метро вместе с Томахом и Богдановым. По тихим коридорам центра УАСС, потом по липовой роще шли молча, погруженные каждый в свои думы; воспользоваться метро центра никто не догадался.

Под ногами шуршали сухие листья, вокруг полыхал пожар золотой осени, деревья постепенно обнажали головы перед приходом Ее Величества Зимы...

Филипп по-своему любил осень, то красивую и грустно-величественную, в золотом и багряном убранстве, то дождливую и сырую, как капризный ребенок, когда у метеопатруля случались непредвиденные накладки в разработке погоды, но в этот раз ему было не до красот природы, он размышлял о той великой, повседневной, будничной работе Управления аварийно-спасательной службы, которая, как щитом, закрыла огромное тело человечества, чтобы оно не оступилось, не ранилось, не получало тяжелых ударов извне и изнутри и не забывало ошибок прошлого и настоящего на своем долгом пути в будущее...

Уже у сине-белого паруса метро, над которым горела видимая даже днем буква «М», Филипп спросил:

— Разве Спенсер не знает о принимаемых вами мерах? Почему он задал этот вопрос на совещании?

— Знает, конечно,— ответил Томах.— Но не знают другие начальники секторов и отделов.

— А почему ты потащил на совещание меня? Разве я уже состою в руководстве отдела?

— Пока нет, но первый шаг ты уже сделал.

— Какой же? — удивился Филипп.

— Когда взорвал СПАС-семь.

— А если серьезно?

— Я тебе уже говорил: через месяц, может быть, два мы отправимся в новую экспедицию, туда, где работают пока одни пограничники и разведчики. Это и станет твоей проверкой, полной, от физики тела до психики и интеллекта. Правда, физику ты имеешь неплохую, даже эффектную, что весьма неплохо действует на некоторых женщин.

— В наше время видимость мускулатуры не может служить критерием силы,— сказал задумчиво-рассеянный Богданов.— Некоторые юноши выращивают мускулы с помощью биотрансляции за два дня. Модно.

Филипп усмехнулся, заметив изучающий прищур его глаз.

У Станислава мелькнули в глазах веселые искорки.

— Ну, лично я в него верю, драться он умеет. Тебя еще что-то смущает, старик?

Филипп замялся, потом глухо проговорил:

— Как я понял, рано или поздно придется оставить большой волейбол?

— У тебя появятся другие тренировки, ты ведь будешь работать в оперативной группе, а там нужна не только умная голова, но и сильное, хорошо тренированное тело, и мгновенная реакция, и много того, о чем ты еще не догадываешься.

— Значит, терять-таки придется...

Томах покашлял, вместо него ответил Богданов:

— Эта боль в груди почти у каждого из нас. Может быть, ты не знаешь, но Слава, например, был мастером спорта по регби, наш начальник отдела имел в двадцать пять черный пояс по тайбо, руководитель СЭКОНа Морозов — экс-чемпион Земли по стрельбе из пистолета. Продолжать?

— Не надо,— пробормотал Филипп.— Мне-то...— он хотел сказать: «Мне-то от этого не легче»,— но передумал.

Они постояли у входа в метро еще несколько минут, словно не решаясь расстаться. Затем Богданов молча пожал им руки, собираясь уходить, и тут Томах сказал:

— Знаете, у меня мелькнула странная мысль...

Богданов остановился на полушаге, обернулся.

— Странная, ей-богу, мысль... Не заинтересовалась ли нами, человечеством в целом, организация типа нашей спасательной службы? Так сказать, УАСС Галактики? А то и всего Космоса?

— Ого, ну и масштабы! — усмехнулся Никита.— От чего же нас, то бишь, человечество, надо спасать?

— Ну, мало ли... Хотя бы не спасать, а провести профилактику или, скажем, лечение от равнодушия. Разве не проявляются у нас рецидивы этой болезни? Вплоть до настоящего времени?

— Опять твоя пресловутая теория равнодушия! Когда-нибудь тебя за нее хорошенько вздуют теоретики-социологи.

— Так разве я виноват, что прав? — обиделся Томах.

— Прав? — Богданов улыбнулся с грустью.— К сожалению, прав. Тут я с тобой согласен. Ну, до связи.

Он ушел.

— Истина ничуть не страдает от того, что ее не признают,— пробормотал Томах старинное изречение.— Ты к себе, в Босово?

— Скорее всего, к... в общем, не домой.

— Тогда до связи, безопасник. В понедельник в восемь утра ко мне: комната сто три.

Филипп кивнул, вскинул вверх кулак, и они разошлись по кабинам.

Глава 8. **БУДНИ**

Филипп снял эмкан, выключил информсопровождение и потянулся в кресле всем телом. Завтра Слава устроит разнос, подумал он, за неурочные занятия. Я бы и рад заняться чем-нибудь другим, если бы знал, чем...

В коридоре было темно и тихо. Лишь иногда по потолку пробегал ручей бледного света — какой-то из роботов обслуживания здания проверял неведомо какие цепи.

Он закрыл кабинет и покинул здание североамериканского филиала Управления, полупогруженное в темноту: оперативные отделы и диспетчерские пункты бодрствовали круглосуточно.

Через полчаса вышел на второй станции метро Москвы.

Здесь был полдень, солнечный и тихий. Людей на улицах и у метро было мало, и Филиппу вдруг страшно захотелось в конструкторское бюро, за комбайн. Не раздумывая, он шагнул обратно и вскоре вышел из кабины метро Института ТФ-связи.

В свою лабораторию вошел робко, словно проситель по личному делу, и вздохнул с облегчением: она была пуста. Он не сразу заметил перемены в комнате, потом понял и грустно улыбнулся. В комнате вместо трех комбайнов стало четыре, а над экраном ближайшего к выходу мыслепроектора, с которым он работал, висело его стереофото. Филипп на нем о чем-то сосредоточенно размышлял: брови сдвинуты, вертикальная морщина прорезала лоб, губы упрямо сжаты. Чья же это фотография? Лии? Кирилла?

Вздохнув, он сел в свое старое кресло, которое привыкло к нему за три года работы, и долго сидел, не шевелясь, вспоминая тех, с кем пришлось работать, и какие проблемы решать, и как все было просто, хорошо и спокойно. Да, именно просто! Он был уверен в завтрашнем дне, уверен в себе, в значимости задач, которые стоили долгих вечеров, а иногда и нервных перегрузок. А что теперь? Уверен он в себе, как прежде? Спокоен? И можно ли вернуться, не вспоминая того, что он уже постиг в отделе безопасности УАСС? Не думая о замечательных ребятах, жизнь которых подчинена неслышному другим ритму частых тревог, заканчивающихся схватками со стихией или с последствиями веками творившихся преступлений эпохи разобщенного мира? Правильно ли он решил? И решил ли?

Сзади раздался шорох, Филипп вздрогнул, оглянулся. В комнату вошел руководитель бюро Кирилл Травицкий.

Несколько секунд они рассматривали друг друга, потом Филипп выбрался из кресла, неловко пробормотал:

— Здравствуйте...

— Привет,— кивнул Травицкий, шевеля выгоревшими бровями.— Тянет?

— Тянет,— помедлив, признался Филипп. Ему показалось, что Травицкий сейчас поймет, что у него на душе, и начнет читать наставления: «Я же говорил... надо было крепко подумать...»

— Если хочешь, приходи сюда, когда вздумается.— Травицкий погладил подбородок.— Только у меня к тебе один вопрос... Не обижайся, Филипп, но все ли ты взвесил, прежде чем перейти в УАСС? Понимаешь меня? Отвечает ли работа в аварийно-спасательной службе твоим возможностям?

«Все-таки я становлюсь неплохим психологом,— подумал Филипп,— он спросил то, чего я боялся...»

— Не знаю,— сказал конструктор наконец.— Не знаю, но мне кажется, вопрос надо ставить иначе: отвечаю ли я требованиям службы. Мой друг, а теперь непосредственный начальник,— я хотел сказать, я работаю в его отделе — говорил, что спасателям нужна не только умная голова, но и сильное тело. Понимаете? Не наоборот... ну как бы вам это объяснить... работа в Управлении требует в основном умов, и там их достаточно...

— Избыток, так сказать,— серьезно вставил Травицкий.

Филипп сбился с мысли и замолчал.

— В общем, мне интересно...

Травицкий в грустном недоумении вздернул бровь.

— Вернее, не то чтобы интересно,— заторопился Филипп, начинавший злиться,— а... как бы сказать... ритм работы безопасника не оставляет времени на самокопание... и ненужный самоанализ...— Филипп запутался окончательно, уже не представляя, что хотел сказать. Но Травицкий не стал иронизировать.

— Странное дело,— сказал он с удивлением, собрав морщины на лбу.— Умные, безусловно одаренные люди идут работать туда, где их талант почти не используется! Где нужна прежде всего не ясная голова, а крепкие ноги и бицепсы, «талант» мгновенно нажимать нужные кнопки, быстро бегать и высоко прыгать! Физика тела!.. Почему?

— Неправда,— возразил хмурый Филипп.— Может быть, я не умею объяснять, но там ясная голова нужна еще больше, чем физика тела. Просто спасатель, а тем более безопасник, обязан быть сильным физически, потому что в некоторых случаях приходится спасать людей без техники и кнопок, надеясь только на свою силу и ловкость.

Травицкий не расслышал, словно говорил сам с собой.

— И был бы это единичный случай, тогда бы я понял, страсти молодости часто неуправляемы и решения импульсивны. Но кроме тебя я знаю других, ушедших в УАСС: Керри Йоса, Тектуманидзе, Василия и Никиту Богдановых... Не понимаю...

— Керри Йос? — удивился в свою очередь Филипп.— Керри пришел в Управление? Откуда?

— Ты не знал? — очнулся Травицкий и снова погрустнел.— Керри Йос в двадцать восемь лет защитил степень магистра планетологии, он был одним из крупнейших вулканологов Системы, а теперь — всего лишь начальник отдела безопасности.

— А Богданов?

— Никита — психосоциолог, а его брат был ксенотехнологом. Эфаналитиком он стал уже в Управлении. Страшное слово — был! Почему он умер? Какую сверхважную задачу решал, перейдя предел выносливости? А ведь он мог стать ученым с мировым именем и обогатить науку крупными исследованиями! Стоило рисковать такой жизнью ради сомнительных расчетов вариантов будущего? Разве место ученому...— Травицкий увидел лицо Филиппа и замолчал.

— Не знаю, жалел ли Богданов о своем решении стать безопасником-спасателем,— проговорил тот с трудом,— но, к сожалению, формула морали, которая входит в нашу кровь с детства: в мире нет чужой боли! — для спасателя ощутима материально. Вдвойне! Втройне! Потому что, видя чужую беду, он забывает о своей боли, и для него нет и не может быть иного выбора! Поэтому и эфаналитик, рассчитывающий пути безопасного развития общества или отдельных коллективов, как Богданов и многие другие, тоже спасатель, а его идеи — интеллектуальный резерв человечества в целом! И на этом пути нужны блестящие умы, иначе простая «физика тела» может наломать таких дров!..— Филипп задохнулся и умолк.

Начальник бюро знакомо покивал, склонил голову к плечу и остро посмотрел ему в глаза.

— Вот теперь вижу, что ты решил окончательно, парень,— сказал он безрадостно.— Была у меня искра сомнения, а я все не решался спросить прямо. Правда, ты меня не убедил, из множества профессий, требующих от людей, к сожалению, рисковать жизнью там, где этого уже можно избежать, ты выбрал самую трудную. Могут возразить, такова человеческая натура, мол, без риска нет удачи и великих открытий... Неверно! Гибнет человек — гибнет вселенная, и никакими целями во благо эту гибель оправдать нельзя! Спасательная служба должна базироваться на точных расчетах опасных путей и на выполнении всеми правил обхода этих путей... Впрочем, мы отвлеклись, философия — мой конек. Недавно наш сектор закончил доводку твоей антенны, скоро начнем замену старых на всех метро. А решение свободного полета, без камер и антенн, к сожалению, привело к новой проблеме — проблеме многомерного дублирования, мы ее назвали «проблемой ТФ-двойников». Чего-то мы еще не понимаем в ТФ-теории, она оказалась гораздо глубже, чем думали теоретики... Не хочешь поработать? — внезапно спросил Травицкий.— В удобное время, конечно.

Филипп с недоверием посмотрел на начальника бюро.

— А можно?

— Включай аппаратуру. Академия дала Институту задание рассчитать параметры ТФ-взрыва, ты слышал об эксперименте галактического ТФ-просвечивания? Нужно вычислить конечные числа ударной волны, напряженность поля, излучающую сферу, вязкость ТФ-поля во время взрыва, степень рефракции и все остальное. Эквивалентная масса взрыва равна примерно массе Фобоса. Возьмешься?

— Где предполагается разместить установку инициирования?

— На спутнике Сатурна, Фебе, хотя это не окончательное решение. Все необходимые для расчета данные уже записаны в машину, код прежний. Когда приступишь?

— Сейчас,— быстро ответил Филипп.

Травицкий усмехнулся, кинул взгляд на стереофотографию на стене и вышел.

Филипп с минуту смотрел ему вслед, потом тряхнул головой, привычно подогнал кресло под позу размышления, включил вычислитель и жадно схватил корону эмкана, будто не прикасался к такой же, по крайней мере, месяц.

Через полтора часа, слегка осоловелый от мыслительной нагрузки, он закончил вычисления, полюбовался выводом в растворе мыслепроектора — кроме характеристик взрыва он рассчитал и глубину погружения установки под землю, исключающую любые помехи,— и снял эмкан. По расчетам выходило, что ТФ-взрыв на Фебе опасен только этой небольшой ледяной планетке, используемой как рудник дейтериевого и тритиевого льда. На всякий случай Филипп приписал внизу: расчет проверить и повторить на компьютерных комплексах информцентра Даль-разведки. Он не верил, что более мощные машины космоцентра или погранслужбы сделают расчеты намного точнее, но все же будет спокойнее, если кто-то проверит его выводы.

Выключив аппаратуру, Филипп с грустью погладил панель пульта, аккуратно поместил эмкан в нишу, положил на панель карточку с отпечатанным решением — Травицкий несомненно найдет ее сразу — и прошагал к двери. У порога оглянулся, остановил взгляд на своей фотографии («Знаменитость номер один Института!»), поколебался немного и тихо, на цыпочках пошел прочь от двери.

Сойдя с лестницы парадного входа Института, он некоторое время решал, какой выбрать транспорт: такси-пинасс, монор или индивидуальный антиграв, затем распрямил плечи, огляделся, словно только теперь поняв, где находится, и пошел пешком через парк, окружавший Институт.

Был солнечный морозный день середины декабря. Лес по сторонам дорожки стоял торжественный и тихий, усыпанный алмаз-

ными иглами изморози. Под ногами поскрипывал первый снежок, обещанный синоптиками, воздух был чист и свеж. Не хотелось ни о чем думать, только идти по снегу, оставляя четкие следы, и дышать.

Пройдя парк, Филипп порядочно продрог, потому что был одет не по сезону в светло-серый джемпер и брюки со шнуровкой, осенняя модель. Поискав глазами вход на платформу монора, он вдруг очнулся окончательно и с удивлением посмотрел на часы: с момента выхода из Института прошло больше часа. И тут до сознания дошло, что руку давно «кусает» биосигнал личного видео. Он поспешно повернул браслет, и над серебристым квадратиком возник миниатюрный Станислав Томах.

— Где тебя носит, Ромашин? Никак не могу дозвониться.

Филипп невольно смутился.

— Я был в Институте...

— ТФ-связи? Так! Закончил рабочий день в Управлении, а потом пошел еще и в Институт? Хорош! Медом намазан твой вычислитель что ли? В Управлении их мало...

— Да не мало, но я привык... Веришь — иногда даже сны снятся, будто я работаю за комбайном!

— Так в чем же дело? Тянет — приходи и работай, если твое место не занято, только предупреждай, куда уходишь и на сколько. Едва ли Травицкий будет возражать.

— Он-то не возражает,— вздохнул Филипп.

Томах начал сердиться.

— Чудак-человек, кто же тебе запрещает? Лишь бы не перегружал организм, да хватало бы времени на занятия в школе стажировки.

Филипп отвел виноватый взгляд.

— Извини, Слава, а то я уже начал было создавать в себе культ хандры. Я нужен?

— Вылетай на третью южную базу, знаешь, где это?

— Австралия?

— Западная Австралия, Алис-Спрингс, седьмой блок метро, выход на эстакаду «Т». Запомнил?

— Что-то случилось?

— Привыкай повиноваться без вопросов. Ничего не случилось. Я кое-что поменял в твоей программе стажировки. Жду, скажем...— Станислав бросил взгляд на часы,— через сорок минут.

Изображение над квадратиком видео расползлось в облачко света, Филипп выключил браслет. Австралия... Когда-то очень давно Аларика приглашала его туда отдыхать, но он не поехал. Тогда он не боялся ссориться...

Филипп выбрал в парке прямую дорожку в метро и припустил бегом. Ровно через сорок минут он стоял на эстакаде «Т» седьмого

австралийского метро в Алис-Спрингсе. Томах уже ждал его на стоянке куттеров местных линий. Заметив крупную фигуру Ромашина, поднял руку.

Молча уселись в кабину, щелкнул, закрываясь, прозрачный колпак, машина поднялась в воздух.

— Куда это мы? — полюбопытствовал Филипп, наблюдая, как под ними зелень зарослей буша сменяется красновато-бурой поверхностью песков, расцвеченной пятнами серовато-голубых кустарников банксии, зеленоватого молочая и буро-желтого колючего спинифекса.

— На полигон Управления,— коротко ответил Томах.

Через четверть часа полета под ними промелькнула странная куполовидная гора красного цвета, удивительно монолитная, иссеченная параллельными бороздами, с крутыми, почти отвесными склонами.

— Местная достопримечательность, памятник природы,— заметил Томах,— гора Айерс-Рок. Чуть левее — горы Маунт-Ольга.

Горы Маунт-Ольга представляли собой причудливую цепочку каменных горбов, также крутых и неприступных.

— Я нарочно решил показать тебе их издали, хотя мог бы назначить встречу прямо на полигоне. Выберем время, слетаем и посмотрим вблизи, с этими горами связано много красивых легенд.

Вскоре куттер пролетел над отлогими песчаными холмами с красными макушками скальных обнажений, над каким-то пересыхающим соленым озером, где в окружении белоснежных солончаков поблескивали досыпающие лужицы воды, за ними показалась металлически отсверкивающая полоса, совершенно не гармонирующая с пустынным миром. Тут же на панели курсографа запульсировал красный огонек.

— Я «пятый»,— проговорил Станислав в микрофон.— Отдел безопасности, ключ «тысяча сто одиннадцать».

Огонек погас.

— Что это означает? — полюбопытствовал Филипп.

— Если бы я не знал пароля, нас бы уже посадили. Металлическая полоса, над которой мы пролетели, это радарно-защитная линия полигона.

Куттер пролетел над полосой, уходившей за горизонт в обе стороны, и снова потянулась рыхлая, с пятнами солончаков поверхность пустыни. Вскоре Филипп заметил впереди какие-то колеблющиеся в знойном мареве многокилометровые громады, похожие на плывущие по пустыне старинные дредноуты. Но чем ближе безопасники подлетали к полигону, тем больше он становился похожим на парк геометрических фигур. Здесь были и цилиндры с шипами, и диски с трубами, ряды ослепительно желтых призм,

додекаэдров, икосаэдров, пирамид, куполов и башен. Подлетев ближе, Филипп узнал в цилиндрах спейсеры звездного флота, остальные гиганты, разбросанные среди песчаных барханов насколько хватало глаз, были ему незнакомы.

Куттер скользнул над широким рвом, в глубине которого мерцала какая-то жидкость, и опустился на круглую коричневую площадку причала, сделанную, очевидно, из расплавленного песка. Томах со звоном откинул блистер, стали слышны звуки полигона: звонки, гулы, свисты, бормотание громкоговорителей и шумные вздохи воздушной продувки шлюзов. На разных уровнях проносились потоки грузовых платформ, пинассов и магнитных поездов, мелькали незнакомые решетчатые шары с бушующим внутри желтым пламенем, падали с неба и уходили ввысь черные иглы с дымными хвостами, суетились роботы всевозможных форм и назначений, плавали на разных высотах диски гравикранов...

— Что? — усмехнулся Томах, понаблюдав за реакцией товарища.— Ни разу не был на полигоне?

— Не довелось,— пробормотал Филипп.— Что это за бруски?

Станислав проследил за его взглядом: неподалеку робот-погрузчик брал с платформы манипуляторами тяжелые черные параллелепипеды и погружал их в недра одной из призм.

— Это металлооргаменты — пища для химреакторов. На каждом спейсере есть свой завод-репликатор и запас матриц, с помощью которых реакторы воспроизводят важнейшие детали и узлы недублированных систем и механизмов.

— А это что за зверь? — Филипп указал на одно из гороподобных страшилищ: широкий, с километр в основании, купол, соединенный с тремя конусами гигантскими фермами, на которые были нанизаны десятки колец и спиралей.

— Вульгарный ТФ-космолет,— сказал Томах со странной нежностью.— Это первенец ТФ-космоплавания крейсер «Илья Муромец».

— «Илья Муромец»? — удивился Филипп.— Но ведь ему уже больше полувека!

— А никто и не говорит, что он летает. Ходовые генераторы с него давно сняты, и теперь это тренажер для экипажей; памятника из него решили не делать из-за неэстетичной формы. Зато вот тот, справа, «Россия», спейсер первого класса, лидер нашего спасательного флота.

Филипп прошелся взглядом по колоссальному диску «России», загородившему треть небосклона, и подумал, что современные космолеты ничем не напоминают стреловидные ракетные корабли начала звездоплавания. К тому же надо обладать безудержной фантазией, чтобы верить в то, что эти колоссы способны летать вообще.

Вдруг над пустыней пронесся короткий вой. Потом еще и еще с секундным интервалом взвыла сирена.

— О! — оживился Томах.— Тебе повезло, объявлен старт «Тиртханкара». Ты, наверное, еще не видел старта спейсера издали, да еще с Земли?

Станислав поискал глазами возвышение и быстро направился к решетчатой толстой башне, на вершине которой медленно вращался плоский зеркальный квадрат.

— За мной, не отставай.

По трехмаршевой лестнице они влезли на площадку башни, под квадрат, поверхность полигона легла перед ними на десятки километров желто-оранжевой барханной скатертью с рельефным узором сооружений и машин.

Километрах в семи от них, на северо-западе, над широким черным конусом спейсера «Тиртханкар» горели вертикальные алые огни — предстартовое предупреждение. Снова раздался вой сирены, оборвался, словно ей заткнули глотку, и одновременно с этим корпус спейсера вдруг посветлел, налился золотым сиянием и медленно поднялся в воздух, оставляя за кормой клочья и струи сияния, будто с него сползала позолота. Громкое ядовитое шипение перекрыло все звуки полигона, от него заломило зубы, как от холодной воды...

Потом тяжкий удар потряс воздух, поднимающийся спейсер вдруг превратился в копье света, вонзившееся в зенит, а когда люди открыли ослепленные глаза, звездолета уже не было над полигоном. Деловитые летающие гномики — роботы технической службы полигона — кинулись к дымящемуся пятну на месте старта и залили его белой пеномассой.

— Все,— сказал Томах и полез вниз.

— Я ожидал большего,— проворчал разочарованный Филипп.

— Наоборот, слишком много шума и огня. Было бы хорошо, если бы старты проходили бесшумно и незаметно. Грохот и огонь говорят лишь о несовершенстве техники, ясно? Мысль далеко не новая, но абсолютно правильная.

Станислав миновал громадное белое кольцо орбитального лифта, над которым светился толстый столб воздуха, безгравитационный тоннель лифта, и направился в обход глубокой воронки, обрамленной множеством колец, вложенных друг в друга. Оглянувшись на Филиппа, нырнул в темное отверстие люка в наклонной стене какого-то здания.

Филипп последовал за ним, гадая, зачем на полигоне установили эмиттер ТФ-генератора, да еще таких размеров.

В овальных коридорах строения сновали молчаливые люди в рабочих комбинезонах, от двери к двери ползали неуклюжие с виду «черепахи» киберслужбы, на которых никто не обращал внимания;

по потолку неслись, обгоняя друг друга, какие-то надписи; волнами накатывался многоголосый шум и спадал до шепота.

Догнав Томаха в слабо освещенном коридоре, Филипп спросил:

— Слава, зачем рядом с лифтом установили ТФР?

— Для наглядности,— с иронией ответил Станислав.— Откуда ты знаешь, что это ТФ-разрядник?

— Какой бы я был конструктор ТФ-аппаратуры, если бы не знал, как выглядит ТФ-эмиттер с плавающим фокусом и меняющейся геометрией разряда. Только размеры его несколько необычны...

— Этот эмиттер, по мысли тех, кто его устанавливал, предназначен для защиты полигона. Монтировался он очень давно, в настоящее время заблокирован, но... демонтировать его никто не решается. Вдруг наш неизвестный Наблюдатель вздумает напасть на Землю?

Филипп споткнулся.

— Ты серьезно? Зачем ему это?

— Может быть, для того, чтобы понаблюдать за нашей реакцией. А вообще, ерунда, конечно, я неудачно пошутил.

Они миновали перекресток, коридоры, казалось, уходили в бесконечность, пустые и гулкие — в этой части подземного строения людей встречалось мало. Вдруг наткнулись на сидящего прямо на полу человека в расстегнутом комбинезоне. Томах замедлил шаг, но почему-то прошел мимо. Филипп остановился. Поза незнакомца показалась ему неестественной, словно человек согнулся от боли. Филипп собрался предложить ему помощь и тут только заметил, что человек спит. Лицо у него было невероятно усталое, измученное и в то же время спокойное, словно он спал дома, в кровати.

Филипп, оглядываясь, догнал Томаха.

— Что это он здесь уснул? — шепотом спросил он.

— Разве не видно, устал. Очевидно, попалась трудная смена.

Станислав свернул налево и с размаху вошел в дверь со светящимся предупреждающим транспарантом: «Не входить! ПОД-43».

Комната была невелика: куб со стороной метра в три. Из одной стены вырастал странной формы пульт, остальные стены представляли собой нечто вроде туманных драпировок. Возле пульта стояли четыре кресла, в одном из них, откинувшись, сидел коричневолицый мужчина с эмканом на голове. На вошедших он не обратил никакого внимания.

— Садись,— вполголоса сказал Томах, указывая на кресло, и сел рядом.— Ты представляешь, где мы находимся?

Филипп покосился на темнолицего. Тот не двигался и не открывал глаз. Интересно, чем можно заниматься с эмканом техноуправления на голове?..

— Не представляю.

— ПОД — пост оперативного дежурства спасательной службы. СПАС еще не забыл? Так вот посты ПОД мало чем отличаются от станций приема аварийных сигналов, только назначение их разное.

Станислав достал шлем, напоминающий эмкан конструкторского комбайна, а также на шлем хоккеиста, протянул Филиппу.

— Надевай и подгоняй.

Конструктор приладил шлем на голове, поправил круглые диски аудиофонов на ушах. Тишина стала абсолютной, не было слышно даже собственного голоса, только ток крови в голове.

Томах что-то сказал, надевая такой же шлем.

— Сядь удобней,— понял Филипп по движению губ. Он последовал совету, и тут ему показалось, что он провалился в какой-то глубокий, бесконечно глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, тоненькими свистами, шипением и шорохами. От неожиданности ухватился за подлокотники кресла, потом понял — включилось псизвуковое сопровождение — и разжал кулаки. Подобное ощущение он уже испытал на СПАС-семь.

В комнате стало темно, исчезли куда-то стены. Филиппу стало казаться, что у него выросли десятки голов и рук, протянувшихся в пространство на многие миллионы километров. Он оказался одновременно в десятке мест: в башенке поста над полигоном, у пульта вычислителя, у экранов какой-то видеосистемы, на Луне, под землей, в пространстве... Связи множились, превращались в многосложную систему, он уже не успевал реагировать на рост «новых рук и глаз», тело стремительно распухало, усложнялось, делилось, пока не заполнило собой весь Космос!..

Потом в ушах отразилась мгновенная очередь точек и тире, повторилась сотни и тысячи раз в сотнях и тысячах голов Филиппа и сама собой распалась на слова: «Внимание! Проверка положения. В Системе все спокойно».

И снова потекло пространство сквозь пальцы, запульсировали в голове шумы излучений, тихие голоса неведомых дежурных, и Филипп понял — он сейчас «видит» изнутри часть системы мгновенной ТФ-связи УАСС, соединяющей дежурные посты на важнейших промышленных объектах Земли и ее ближайшего планетарного окружения. Благодаря этой системе предупреждались сотни больших и малых катастроф, аварий и стихийных бедствий — на тех планетах, где еще не работала глобальная служба изменения погоды. Благодаря этой системе двадцать миллиардов человек, составляющих земную цивилизацию, могли работать и творить без оглядки на собственные ошибки, потому что УАСС обязана была рассчитать последствия всех рискованных шагов человечества и всегда у с п е в а т ь! Для аварийно-спасательной службы не существовало законов инерции — ни физических, ни моральных, ибо

она отвечала за жизнь людей, за каждого из них и за все человечество в целом...

Прошло какое-то время, прежде чем Филипп освоился со своим положением. К его удивлению, оказалось, что по желанию он мог почти полностью переключить внимание на какой-то объект и следить за работой персонала УАСС на любой из баз или полигонов и космодромов. Однако, как только он попытался «зафиксировать» себя над полигоном Австралии, послышался бестелесный голос:

— Я «сорок третий», до конца смены два часа. Кто вызывает?

Филипп не успел понять, в чем дело, Станислав стремительно переключил что-то на пульте и снял шлем. Филипп внезапно «оглох» и, недоумевая, стащил свой.

— Мыслесвязь,— пояснил Станислав.— Через ТФ-передатчики и обычный свето- и радиоконтроль. Ты пытался «влезть» на чужой канал, и дежурный тут же заметил постороннего.

— А как же другие дежурные? Не мешают друг другу?

— У каждого свой позывной и своя область ожидания.

— Но зачем они постоянно соединены между собой? Не проще ли каждому иметь выход на свою базу, как на СПАС?

— Дело в масштабах работы. СПАСы — периферийная ветвь системы, они как бы «подметают» пространство, подбирают остатки невыловленных аварийных сигналов и призывов о помощи. Есть еще сеть автоматических станций — третий пояс УАСС. ПОД — ось всей деятельности аварийно-спасательной службы. Допустим, где-то произошла авария, которую надо устранить в течение минут, причем сначала надо решить задачу — как! Одному человеку это иногда не под силу, несмотря на колоссальные возможности интеллектроники и вычислительной автоматики; сам знаешь, головы у всех разные, уровень знаний и реакции тоже. Вот тут-то и приходят на помощь ближайшие дежурные, причем не надо тратить времени на переключения, вызовы соседей и объяснения ситуации — решение приходит мгновенно. Понятно?

— А если помощь приходит не от одного дежурного, а от нескольких? Надо же выбрать наиболее оптимальное решение...

— Бывает и так, но тогда уже выручает техника: подключенный кибер-комплекс, проанализировав предложенные решения, передаст дежурному оптимальное.

— Понял.— Филипп с уважением посмотрел на соседа с эмканом.— Он тоже дежурит?

— Тот самый «сорок третий», который почувствовал твое мысленное присутствие. Я вижу, у тебя на языке вертится вопрос: зачем я тебя сюда приволок? А затем, что до января ты будешь дежурить на полигоне, в этом посту. Керри хочет проверить тебя на дисциплину мысли и на скорость и результативность мышления. Не возражаешь?

— А если бы и возражал?

Станислав рассмеялся и встал.

— Тоже верно, ничего не изменилось бы. Пошли, покажу полигон изнутри и представлю главному диспетчеру, у меня еще час в запасе. Посмотришь «Россию», мы готовим ее к походу, в котором, кстати, примешь участие и ты.

— В качестве эксперта? — рассеянно пошутил Филипп, приглаживая волосы. Однако Станислава своим спокойствием не обманул.

— Волнуешься? Правильно делаешь. Пойдем мы далеко, к разведчикам и пограничникам, в те области космоса, которые еще не доступны освоителям. Честно говоря, я тоже волнуюсь, потому что надеюсь встретить нашего Наблюдателя, того, кто потихоньку подсовывает нам то «зеркальные перевертыши», то странные «звезды», то ворует грузы, чтобы тут же их возвратить... Старт двадцать четвертого февраля, если за это время ничего не случится.

Они вошли в коридор, прорубленный в толще гранитного массива под пустыней Гибсона, и световая завеса прикрыла за ними вход в пост оперативного дежурства.

Зал был светел и гулок. В одном из его секторов упражнялись девушки-волейболистки, и оттуда часто доносился смех и звонкие возгласы. В секторе физического совершенствования тренировались борцы тайбо.

Томах заметил наблюдавшего за ними Керри Йоса, прекратил схватку, показав сопернику ладонь, и вышел на баллюстраду, опоясывающую зал по периметру.

— Пришел позаниматься? Показать класс молокососам?

Керри усмехнулся.

— Годы не те, да и растренирован я изрядно. Кстати, не вижу Филиппа. Обычно на тренировках вы неразлучны. Где он?

— В Институте ТФ-связи, разрабатывает с Травицким систему мысленного управления таймфагом.

Керри нахмурился:

— Не перегружен ли он? Бывает так, что человек вроде бы успевает делать многое, не чувствуя усталости, а в один ответственный момент срывается. Для спасателя же, а тем паче безопасника, этот срыв подчас равнозначен гибели.

— Знаю,— пробормотал Станислав.— Но, по-моему, Филипп в прекрасной форме, а работа в лаборатории для него своего рода допинг, без которого он начинает хандрить.

— А волейбол? Не скучает?

— Скучает, конечно, но когда удается — продолжает тренироваться в залах Управления. Для молодых спасателей и стаже-

ров он кумир в волейболе. Первое время его тренер Ребров нам проходу не давал, мол, он гений волейбола, прирожденный спортсмен-волейболист, не ломаете ли вы ему жизнь, и так далее. Я даже засомневался, может, я был не прав, перевернув вертикаль его жизни? Однако Филипп уже решил все сам, причем так твердо, как я от него не ожидал. Я присутствовал при его разговоре с Ребровым, по-моему, тот его тоже понял, хотя и не без сожаления.

— Значит, тренироваться — тренируется, а за сборную Земли уже не играет?

— Пока играет, но все реже и реже. Да и времени свободного почти не остается. Школа требует творческого подхода не меньше, чем конструкторская работа и спорт.

— Убедил. Что он уже прошел?

— Первую ступень йога-тренинга: власть над болевыми ощущениями, ускоренная регенерация кожи, психомассаж, физически он одарен, пожалуй, лучше, чем мы в молодости, и постоянные тренировки вывели его в оперативники высокого класса. Реакция у него исключительная, координация феноменальная...

Керри Йос снова нахмурился.

— Не слишком ли много хвалебных эпитетов? Как правило, феномены и супермены в службе не удерживаются.

Томах прищурил один глаз.

— Задело? Между прочим, я вовсе не преувеличиваю его способностей. Вот пример: до Школы он никогда не занимался тайбо, а на второй тренировке едва не «связал» меня в трехминутке! А ведь у меня оранжевый пояс!

— Оранжевый — не черный, мало тренируешься.— Начальник отдела стал разглядывать пары борцов.

Из игровой зоны зала донесся взрыв криков, мяч от рук волейболисток пролетел весь зал и подкатился под смотровую галерею в том месте, где сидели Томах и Йос.

Станислав вдруг подмигнул начальнику отдела и в том положении, в каком сидел, одним прыжком перемахнул баллюстраду, упал с высоты трех метров на пол зала — мягко, беззвучно, сгруппировавшись в полете, и безошибочно подкатился к мячу, тут же вскочив и подав его оторопевшей девушке.

Керри Йос сошел вниз, буркнул:

— Любишь дешевые эффекты... Твое мнение: где можно использовать Ромашина?

Томах поморщился.

— Использовать?

— Прости.— Керри дернул щекой.— Застарелый жаргон политической разведки. Нет-нет да и ляжет на язык. Наверное, слишком много читаю исторических хроник. Так что, дадим ему группу?

— Чуть позже. Я хочу, чтобы он поработал сначала в группе Панченко рядовым исполнителем.

— У Панченко, в «Аиде»?

— А что? Для общего развития. С дежурством в системе ПОД он справился хорошо, работа в «Аиде» будет его последней проверкой перед экспедицией.

— Что ж, не возражаю. Но я не хотел бы, чтобы в группе Панченко получилось то же, что и на СПАС-семь во время катастрофы на космотроне. Панти там лихие.

— А я на что? Первые два-три дежурства я побуду с ним в смене, а потом он освоится, тоже не из робких.

Йос кивнул и пошел к выходу.

— Ты только за этим и приходил? — спросил вслед Томах.

Керри остановился и бросил через плечо:

— Никиту пока не ищи. На Шемали снова появились «зеркала», и он ушел туда с дежурной группой. Ты со своими головорезами в резерве.

— Так-так! — пробормотал Томах, глядя мимо подошедшего тренера.

— Зачем Керри пожаловал? — спросил тот.

— Предупредить, что я в резерве,— ответил Станислав.

— По делу Наблюдателя?

Томах очнулся, покрутил головой.

— До чего осведомленные люди кругом — жуть берет! Ты-то откуда знаешь о Наблюдателе?

— Слухом земля полнится... я что ли не работаю в Управлении? Кстати, где Никита? Пропускает третью тренировку подряд.

— Он в поиске, вернется не раньше, чем через две недели.

— «Зеркала»?

Станислав засмеялся, тренер тоже.

— Ты не из свиты Наблюдателя, часом? Ну пока, с меня на сегодня довольно.

Они разошлись.

Стоя под душем, Томах думал о том, что обнаружит Богданов на Шемали...

Глава 9. ПРЫЖОК «ИСКАТЕЛЯ»

— Твое мнение? — спросил Керри Йос, не поднимая головы от стола. Перед ним лежали две раскрытые папки с какими-то документами и желто-коричневый диск кристаллокартотеки. Папкам было, вероятно, лет сто, если не больше. Богданов заметил блестящие, залитые консервирующим составом листы бумаги и какие-то старые фотографии.

— Начинать надо с экспедиции «Парящего орла»,— сказал он.— Первым о «зеркалах» сообщили они.

Керри кивнул, по-прежнему не отрывая взгляда от бумаг.

— «Парящий орел» ушел к гамме Дракона.

— Звезда Этамин, спектральный класс К5, сто пятьдесят световых лет. Они открыли богатую планетную систему, а на второй планете, близкой по параметрам к Венере, жизнь.

Керри задумчиво склонил голову набок.

— Согласен, первый бросок сделаете к Дракону. Правда, пришлось надавить на Земплан через Совет, возникли некоторые проблемы.

— Какие же?

— Энергетические в первую голову. Уже сейчас мы висим на балансе: полеты разведчиков к новым звездам так энергетически дороги, что ВКС вынужден маневрировать за счет сокращения внутрисистемных потребностей. Прибавь к разведчикам наши рейды. А в Системе еще столько нерешенных проблем...

— Ну, эти разговоры я слышал не раз. К чему нам космическая экспансия, когда мы погрязли в заботах о планетах Системы!.. Давайте решим внутренние задачи, а потом подумаем о звездах...

Богданов встретил иронический взгляд начальника отдела.

— Примерно так. Если бы не экспортировали в космос эти свои нерешенные внутренние задачи... а то получается: еще на Земле не уничтожены полностью следы эпохи капитализма, а они уже появляются в десятках световых лет от нее! — Керри грустно улыбнулся.— Экспорт равнодушия.

— Что?

— Экспорт равнодушия — по терминологии Станислава. Ты же знаком с его теорией.

Богданов сделал неопределенный жест.

— По-моему, можно уже считать доказанным, что появление Наблюдателя — следствие этого самого экспорта. Станислав, к сожалению, прав.

Они встретились глазами, помолчали. Потом Никита тихо сказал:

— Итак?

— За тобой руководство экспедицией. Если все обстоит так, как предполагаю я, благодушный Керри Йос, то бояться Наблюдателя не следует, просто, руководствуясь советом Морозова, надо всерьез задуматься о космоэтике.

— Когда старт?

— Начало февраля. Давай пройдемся по составу и комплектовке, только сначала вызовем Бруно.

Йос тронул сенсор селектора и приказал вызвать к себе эксперта технического сектора Бруно Осинниго.

— Кстати,— вспомнил Богданов,— а каким образом стало известно, что экспедиция «Парящего орла» встретила «зеркала»? Как правило, разведчики не посылают ТФ-сообщения о проделанной работе из-за ограниченных энергетических ресурсов.

— Знаю, но «Орел» все же послал сообщение спустя три месяца после старта от промежуточной базы «Дракон-2».

— Значит, у них случилось что-то серьезное.

— Судя по сообщению,— хмуро сказал Керри,— жизнь на открытой ими планете не слишком гостеприимна к пришельцам.

— Существенное дополнение. И «зеркала» они, конечно, заметили не сразу...

Начальник отдела внимательно посмотрел на Богданова.

— Договаривай.

— «Зеркала» появляются лишь в том случае, когда люди в чужих мирах начинают вмешиваться в события в планетарном масштабе. Уже на Шемали можно было убедиться в этом.

— Не знаю.— Керри Йос задумался.— А тебе не становится страшно от таких предположений? Ты понимаешь? Над нами кто-то установил к о н т р о л ь!

Богданов неожиданно рассмеялся.

— Страшно? Нет. До контроля еще очень далеко. Контроль предполагает такое развитие событий, причина которых должна быть скрыта от контролируемого объекта, а в нашем случае все наоборот, Наблюдатель открылся нам намеренно. Другое дело — разгадать его намерения, вот что заставляет напрягать ум и силы. Но я верю, что высший разум не менее гуманен, чем наш. Наблюдателя я не боюсь, он просто напоминает нам один старинный спор; в двадцатом веке, когда прошла волна модных дискуссий,— что могут дать человечеству звезды, если ему всего хватает на Земле? По-моему, дискутировать надо было совсем по другому поводу, не что могут дать нам звезды, а что мы им принесем!

Керри Йос молча разглядывал заместителя...

Спейсер погранслужбы первого класса «Искатель» стартовал с Австралийской базы второго февраля две тысячи двести восемьдесят первого года. Первый его прыжок длиной в десять парсеков к промежуточной базе разведфлота «Дракон-2» был облегчен стационарным каналом метро — точно так же пересекают расстояния грузы для поселений человечества в разные концы обитаемой зоны космоса. Дальше в глубину созвездия спейсер направлялся своим ходом.

«Искатель» был полностью специализированным и до предела автоматизированным кораблем пограничной службы. По энерговооруженности он уступал только флагману спас-флота «Россия»,

и мог справиться с любым планетарным катаклизмом типа извержения вулкана, землетрясения или цунами. Экипаж «Искателя» состоял всего из пяти человек: шкипера, двух инженеров бортовых систем и двух инженеров-пилотов. Группа безопасников и пограничников в двенадцать человек, среди которых находился и Филипп Ромашин, разместилась в шести каютах пассажирского отсека, способного при необходимости уместить до ста пятидесяти человек. Но в данном случае спейсер не собирался исполнять функции спасательного парома или пограничного рейдера, задача перед ним стояла посложней, поэтому и экспедиция была экипирована гораздо серьезней, в расчете на появление всякого рода неожиданностей, вплоть до вооруженного столкновения с Наблюдателем (разрабатывался и такой вариант). То, что вместо «России» в экспедицию ушел «Искатель», объяснялось сложившимися обстоятельствами, среди которых была срочная эвакуация персонала двух энергоконсервных заводов на Меркурии: за три дня до старта к звездам «Россия» ушла туда по тревоге.

Руководство экспедицией осуществлял Богданов, получивший картбланш официала УАСС, то есть в случае необходимости имевший самые высокие полномочия.

Филипп, несмотря на некоторый опыт работы в Управлении, поначалу чувствовал себя неуютно среди профессионалов-безопасников, но уже на второй день полета вполне освоился со своим положением, хотя и не принимал участия в дискуссиях, которые обычно завязывал Станислав.

Однажды после ужина Томах снова поднял разговор о предназначении разума вообще и человека в частности. Богданов в спорах не участвовал, как и Филипп, и они вдвоем с интересом следили за развитием событий, переглядываясь и вполне понимая друг друга.

«Искатель» уже покинул базу «Дракон-2» и готовился к самостоятельному рейду, поэтому в кают-компании никого из членов экипажа не было, все уютное звездоообразное помещение было отдано пассажирам.

— Разум вообще — явление довольно ординарное,— сказал активный участник всех бесед Януш Микульский. Невысокий, сдержанный поляк по образованию был лингвистом, выделяться не любил, но по каждому вопросу имел свое мнение, которое и отстаивал умело и аргументированно, невольно вызывая уважение эрудицией.— Давно прошли времена, когда хомо сапиенс считался великим исключением, как носитель разума. По-моему, ответ на вопрос — зачем природе разум, кроется в теории гибкого реагирования.

— Не совсем так,— проговорил врач экспедиции Борис Лихолетов, единственный незагорелый среди коричневых от загара ре-

бят; главной его чертой была аккуратность, а еще он был чрезвычайно вежлив, что особенно замечалось в среде иногда грубоватых и резких на слово спасателей.

— Теория гибкого реагирования годится только для термина «жизнь». Ваш вопрос, Слава, уместно было бы задать так: зачем природа создала разум.

— Не знаю,— сказал Томах.— Жизнь, попросту, одно из проявлений заурядного в космосе процесса гомеостатической организации. Кстати, мне кажется, в применении теории гибкого реагирования к заданному мной вопросу есть рациональное зерно.

— Конечно,— кивнул Микульский.— Разум — гомеостатический регулятор второй степени, способный противостоять возмущениям среды посредством действий, опирающихся на исторически приобретенный опыт. Это определение из учебника. Вот и ответ на ваш вопрос: разум лучше противостоит ударам среды.

Томах подумал и признался:

— Меня этот ответ не удовлетворяет. Борис прав, вероятно, я несколько туманно сформулировал вопрос. Надо было спросить, а зачем природе жизнь вообще? Ну и разум тоже, но только после того, как выясним первую часть вопроса. Ведь природа в широком смысле слова — это не та оболочка существования человека, под которой мы обычно подразумеваем природу: леса, реки, моря, воздух и так далее. Природа — это в основном космос: вакуум, излучение, галактики, звезды, планеты, квазары, черные дыры, газ и пыль, то есть — мертвая материя! Исходя из этого, зачем м е р т в о й материи, хотя и живет она по-своему, во времени, энтропийно, ж и в а я материя? Жизнь?

— Жизнь — основа разума,— пробормотал флегматично-унылый Бруно Осинниго.— Януш тут уже предлагал определение разума, что еще нужно? Это же естественно, что разум более гибко реагирует на изменения условий существования, причем уже в начальной стадии развития.

— Смотря какие изменения,— возразил Лихолетов.— К примеру, справился бы хомо габилис [1] с ледниками, пройди они по всем материкам Земли?

— Не справился бы. С ними не справились бы, наверное, и наши предки в двадцатом веке, вплоть до ассимиляции системы капиталистически-социалистических государств.

— Правильно! — поднял палец вверх Томах.— Что ж, выходит, разум не сразу выступает на арену деятельности природы? Значит, мы, люди, да и другие разумные существа, нужны природе не сейчас, а позднее? Когда?

— Теперь понятно, к чему ты клонишь,— заметил молчавший

---

[1] Хомо габилис — человек умелый *(лат.)*.

до сих пор Романенко, эксперт технического сектора.— Ты хочешь сказать, что разум нужен природе тогда, когда по мощи, по крайней мере, сравняется с мертвой материей? Когда же это произойдет? Чтобы завоевать Вселенную, нужна вечность.

— Вечность...— поморщился Станислав.— И это речь инженера.

— Ответ пессимиста,— сказал Микульский.— Уже через двадцать лет мы овладеем энергией Солнца, ну, хотя бы близко подойдем к этому пределу. Еще через пару сотен лет — энергией всего Рукава Ориона. Через каких-то полтысячи лет вся Галактика будет у наших ног!

— А дальше?

— А дальше весь Космос! А он-то как раз и не вечен, и не бесконечен.

— Пока мы будем овладевать галактиками, Вселенная начнет сжиматься, и в конце концов все наши честолюбивые помыслы упрутся в черную дыру сингулярности!

— Наконец-то! — сказал Томах с удовлетворением.— Вот потому-то природе и понадобился разум, ибо только с его помощью она может предотвратить свой конец в черной дыре Биг Хоул! После цикла красного смещения наступит цикл фиолетового, Вселенная начнет сжиматься, тут и выйдет на арену Разум, чтобы спасти себя, а тем самым и Вселенную! Ту, что станет нашим домом.

В кают-компании наступила тишина. Спорщики сдержанно переваривали гипотезу Томаха, высказанную им в полушутливой форме, популярно. И, хотя все понимали, что в гипотезе этой почти нет науки и она, скорей, любопытный мысленный эксперимент, безопасников она заинтересовала.

— Но есть мнение ученых, что срок существования цивилизаций — всего лишь несколько десятков тысяч лет,— сообщил Микульский.— У нас же до «конца света» после фиолетового смещения — десятки миллиардов! Где же тут цель Разума, как главной защитной силы Вселенной? К тому времени во всем мире останется только «мертвая материя» — электронно-нейтринный газ.

— Миллиарды,— согласился Станислав.— Но кто может с уверенностью сказать (не знать, нет, знать и даже прогнозировать так далеко в будущее невозможно), что для той великой цели мы не должны развиваться непрерывно миллиарды лет? Или, с другой стороны, что если мы, люди,— тупиковая ветвь разума, возникшая слишком рано, но возникшая, как одна из бесчисленных попыток природы создать именно тот тип Разума, который способен достичь цели — сохранить Вселенную такой, какая она есть?

Снова молчание. Потом голос Романенко:

— Со всем согласен, кроме одного: что я тупиковая ветвь!

В кают-компании вспыхнул смех.

Потом вдруг ожил динамик общих команд под потолком кают-компании, пискнул, глубокомысленно прокашлялся и продекламировал:

— «Поскольку Ничто не есть Нечто, все, что не Нечто, есть Ничто; а тот факт, что Нечто не есть Ничто, является чрезвычайно веским доводом в пользу Ничто, особенно для людей, искушенных в житейских делах»[1].

Видимо, в рубке прислушивались к разговору в кают-компании, и теперь кто-то из экипажа высказывал свое мнение по этому вопросу.

Смех вспыхнул с новой силой.

— Интересно, зачем тебе понадобилось затевать дискуссию о миссии разума? — спросил Богданов Томаха, когда они шли по коридору к каютам пассажиров. Филипп шел сзади, и у него вертелся на языке тот же вопрос.

— Во-первых, потому что он меня интересует,— лукаво усмехнулся Станислав.— А во-вторых, проблема «миссии разума», как ты назвал, тесно смыкается с нашей проблемой Наблюдателя.

— Это каким же образом?

— А таким, что единственное, ради чего стоило бы сохранить Вселенную любой ценой,— ее красота и гармоничность! От атома до пейзажей, радующих нас, людей, и до невиданных еще красот, которыми любуются другие разумные существа, опередившие нас в развитии.

— Наблюдатель?

— И он тоже. Мы же, к сожалению, часто выносим в космос пагубный опыт земной практики хищников! Вот и приходится Наблюдателю вмешиваться.

— Сильно! Долго думал?

— Иронизируешь, несчастный? — рассердился Станислав.— Думал я долго, да и фактов у нас немало. Кстати, я развил свою гипотезу о «галактической службе УАСС». Судя по всему, Наблюдатель то же самое, что и погрансектор, а может быть, и еще уже — выполняет функции нашего отдела безопасности, только в галактическом масштабе. Годится? Уверен, что факт исчезновения грузов — это предупреждение не применять технику, способную глобально изменить облик и климат тех планет.

Богданов замедлил шаг.

— Меня убеждать не надо, я давно это понял. Но почему «зеркала» появились у разведчиков? Они-то не полномочны применять подобную технику, да и нет ее у них.

— Прилетим на место, разберемся.

---

[1] Г. Фильдинг.

Никита вздохнул.

— Твоими б устами да мед пить. Договорим после финиша, спокойного старта.

Он скрылся за дверью каюты, куда уже вошел Бруно.

Томах шагнул в соседнюю дверь, остановился на пороге, Филипп попробовал сдвинуть его с места, и они с минуту молча боролись, пока Филиппу не удалось двумя рывками нарушить равновесие друга.

— Старею,— грустно сказал Станислав, поднимаясь с ковра на полу каюты.— А?

— Много болтаешь,— в тон ему ответил Филипп.— Вся энергия уходит на разговоры.

Томах включил автоматику каюты и вырастил из стены кровать, сел, глядя в пол перед собой.

— Ты знаешь, что Никита перед нашим полетом был на Шемали?

— Слышал краем уха, но подробностей не знаю, вы же все засекретили.

— Так вот, «зеркала» появились там сразу же после того, как мы послали туда грузы с Таймыра.

— После проверочных посылов?

— Да. Снова послали технику терраформистов для планетарной реконструкции. Похоже, мы правы, и наш Наблюдатель не хочет, чтобы люди слишком активно перекраивали космос по своим меркам.

Филипп сел на свою кровать.

— Но если так, то, следовательно, мы не должны разрабатывать Шемали.

Томах кивнул.

— Никита предложил начальству выйти с этим предложением в ВКС, то есть прекратить терраформистскую работу на Шемали, Истории и на планетах Суинберна.

— Ну, и?..

— И Генри Бассард нас не поддержал.

— Чем он мотивировал отказ?

— По словам Никиты,— Томах слегка поморщился,— Бассард говорил о том, будто Шемали и Суинберн — редкие жемчужины среди сотен других планет, имеющие не просто атмосферу и жизнь, а земноподобные атмосферу и жизнь, причем жизнь создана там природой на белково-органической основе. Словно специально для людей. Разве можно упускать такой случай и не присоединить к земным владениям еще несколько? Это основные аргументы Бассарда.

— Но он прав.

— Конечно, прав. Только как подумаешь, что не всегда мы хо-

зяева в космосе, а иногда хозяйчики, заботящиеся лишь о временных благах, не желающие думать о последствиях...— он остановился.

Филипп молча смотрел на него.

— Что, повторяюсь? Потому что не равнодушен к тому, как оценит нас, человечество в целом, тот же Наблюдатель.

— Знаешь, Слава,— тихо сказал Филипп,— может, вовсе и нет никакого Наблюдателя? А все эти «зеркальные перевертыши», «звезды», случаи с грузами — просто проявления какой-то глобальной, всегалактической совести Природы? Так сказать, обратная связь между будущими исканиями человечества и сегодняшними надеждами?

Томах скептически хмыкнул, оперся спиной о стену.

— Всегалактическая совесть Природы? Но при чем тут тогда мы, люди?

— При том, что Природа — это мы, а мы прежде всего — Природа.

— Фраза.

— Истина.

Станислав засмеялся.

— Сдаюсь, философ! Что ж, может, ты и прав в какой-то мере, но все же Наблюдатель реален и материален, а все перечисленные тобой факты, скорее всего, не что иное, как призыв к нашей, человеческой совести, следствие, а не причина событий.

— Внимание! — раздался из стены тихий вежливый голос.— Просим пассажиров лечь и заблокироваться по формуле штатного старта. Старт — в десять ноль-ноль по зависимому времени.

— У нас всего двадцать минут на подготовку,— спохватился Томах.— Надевай компенсатор и ложись. Штатный режим довольно приятен, если к нему подготовиться.

Они быстро принялись укладываться согласно строгой формуле нормального ТФ-старта: пассажиры космолета должны были превратить кровати в защитные камеры, лечь в горизонтальное положение и погрузиться в сон.

— Кстати,— сказал Томах, придерживая рукой крышку своей камеры-кровати.— Ты слышал, что готовится первый межгалактический полет к Магеллановым Облакам? Не хочешь попасть в состав экспедиции? Могу посодействовать.

— Странно.

— Что странно? Боишься, что хочу от тебя избавиться?

— Нет, в конце двадцать третьего века — первый полет за пределы Галактики. Почему так поздно? Разве ТФ-кораблям это было не под силу хотя бы полвека назад?

— Все не так просто, как ты думаешь. К твоему сведению, полеты ТФ-кораблей на дальность свыше тысячи парсеков требуют

на порядок больше энергозатрат, чем мы себе можем позволить. А до Большого Магелланова Облака, между прочим, тридцать три тысячи световых лет! Или десять тысяч парсеков! Уразумел разницу?

— Но если полеты на такое расстояние слишком дороги, что же заставило готовить экспедицию в Облако?

— Астрономы открыли там совершенно уникальное явление — мост между белой и черной дырами. Что ты меня сбиваешь с толку? — внезапно рассердился Станислав.— Не хочешь участвовать в экспедиции, так и скажи.

— Я подумаю.— Филипп засмеялся и захлопнул над собой прозрачную крышку камеры.

До того, как заснуть запеленутым в кокон защитного поля, он увидел, как ожил виом на стене, в каюту заглянул один из пилотов корабля, что-то весело сказал товарищам рядом, и на его месте вспыхнула исполинская звездная река Млечного Пути...

«Искатель» вышел из ТФ-канала в двух астрономических единицах от Этамина, гаммы Дракона. Определившись в пространстве и запеленговав маяк «Парящего орла», он начал разгон с помощью планетарных двигателей, направляясь к маленькой оранжевой звездочке, почти не выделявшейся на звездном фоне с расстояния в триста миллионов километров.

Через пять часов он подходил ко второй планете Этамина, еще не имевшей названия в каталогах земного астрономического центра, стараясь уравнять скорость с неторопливо плывущим по орбите «Парящим орлом».

— Не так уж и далеко они забрались,— сказал Филипп, глядя на приближавшуюся «каплю» разведкосмолета, отражавшую густой оранжевый свет звезды.— Всего-то около пятидесяти парсеков. До Шемали и то дальше.

— Есть неисследованные звездные системы еще ближе к Солнцу,— произнес Богданов; они в составе группы десанта, уже одетые по-походному в компенсационные костюмы спасателей, стояли в кают-компании у главного виома.— В пределах ста парсеков вокруг Солнца находится около шести тысяч звезд! А мы добрались лишь до четырех десятков!

— Почему же разведчики так непоследовательны? Еще неисследованы ближайшие звездные окрестности, а мы прокладываем дороги за сотни парсеков!

— Это, брат, решает Даль-разведка,— сказал своим роскошным рокочущим басом Романенко, похожий на былинного богатыря в доспехах.

— Вернее, центр координации Даль-разведки,— уточнил То-

мах.— Разведчики в первую очередь работают с наиболее интересными с точки зрения астрофизики объектами. Экспедиции до недавнего времени укомплектовывались в основном астрономами и физиками.

— А теперь?

— Ну, сейчас на первом месте ксенобиология, все-таки уникальность жизни во Вселенной, особенно разумной жизни, заставляет нас пристальнее присматриваться к любым ее проявлениям. Теперь экспедиции чуть ли не на две трети — сотрудники Института внеземных Культур и планетографы.

В полусотне километров от внешне безмолвного «Парящего орла» спейсер пограничников затормозился окончательно. С торца инженерно-технического диска, выдвинутого из его недр, протянулся к кораблю разведчиков тонкий и прямой, как копье, полупрозрачный рукав — безынтерционный лифт. В корпусе «Парящего орла» разгорелась и мигнула три раза зеленая звездочка.

— Лихая стыковка! — подал голос Микульский.

— Автоматика,— пожал плечами врач.— Чему тут удивляться?

Но он был неправ: в звездном флоте не было ни одного уважающего себя пилота, который не делал бы стыковку лифта да и вообще все операции поворота и сближения в космосе вручную. Считалось особым шиком, проявлением мастерства экстра-класса состыковаться со встречным кораблем на дальности не ближе двадцати километров с первого раза, что и продемонстрировали пилоты «Искателя».

В кают-компании зажегся на стенках и потолке сигнал: «Выход разрешаю». Богданов поднял руку вверх и первым покинул зал.

Устройство катапульты лифта было уже знакомо Филиппу: точно такая же, только в несколько раз крупнее, запустила его, как камень из пращи, на Шемали. Здесь десантников пропускали в лифт поодиночке.

Он ступил на белый круг, звякнул предупреждающий звонок, ударило в ноги, и ребристый ангар «Искателя» провалился вниз, мгновенно затерявшись в эфемерной черноте пространства.

Через двадцать секунд незаметного полета внутри мерцающей трубы Филиппа приняла упругая посадочная силовая подушка финиш-камеры лифта, и он соскочил с диска на пол ангара «Парящего орла».

Ангар отличался от подобного помещения на спейсерах погранслужбы довольно разительно. Филипп, поздоровавшись с двумя встречающими, стал с любопытством осматриваться.

Большую часть объема стометрового конуса занимали летательные аппараты разных классов и два танка-лаборатории типа «Мастифф». Один из танков имел весьма плачевный вид, и возле него копошились трое механиков в черном, почти не обращая внимания

на гостей. У наклонной стены напротив выхода из лифта стоял на длинном верстаке странный механизм с длинным и черным, словно обугленным дулом, и Филипп с недоумением задержал на нем взгляд.

— Импульсный разрядник,— прогудел над ухом бас Романенко.— Для рыхления скал.

— Не только,— услышав его бас, сказал один из хозяев, бледный, с кругами под глазами, невысокий человек. На его рукаве алел шеврон заместителя начальника экспедиции.

— А для чего же еще? — удивился Романенко.

— Увидите,— криво улыбнулся бледнолицый, шагнув навстречу появившемуся из лифта Богданову. Они представились друг другу.

— Дарий,— подал руку встречающий.— Заместитель начальника экспедиции по экоэтике.

— Богданов,— отозвался Никита.— Шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. А где сам начальник?

— В базовом лагере.— Дарий замялся.— Внизу, на планете. Понимаете, я пытался доложить ему о вашем визите, но связь...

— Что связь?

— Вы не беспокойтесь, у нас часто такое бывает,— вмешался второй сопровождающий.

— Нет связи с лагерем? — удивился Богданов.

— Нет,— тихо проговорил Дарий, виновато опуская голову.— Связи с базовым лагерем в данный момент мы не имеем.

— Дела-а...— пробормотал Томах, переглядываясь с Никитой.

— Планета имеет индекс Ад-8 по шкале безопасности,— еще тише продолжал Дарий.— Перерывы в связи не самое плохое из всего.

Филипп встретил взгляд Дария, и ему на мгновение стало зябко. Все, что угодно, но тоска в глазах!..

— Идемте,— сказал Богданов.— Введете нас в курс дела, а потом мы нырнем на планету. Сообщение с лагерем на поверхности — лифтом?

— Нет, модульное. У нас было четыре когга, осталось... три, плюс восемь куттеров, но куттеры для здешних условий не годятся.

— Ад-8 — это же биомаксимум! — шепнул на ухо Томаху Филипп.— И посмотри в глаза этому заму — за версту видно, что живется ему несладко.

— Узнаем,— буркнул Станислав.

Планетологической экспедиции «Парящего орла» повезло, хотя по зрелому размышлению Филипп пришел к выводу, что везение — вещь относительная. Во-первых, у Этамина обнаружилась планетная система из пяти планет и трех поясов пыли и газа. Во-вторых, на второй планете разведчики открыли жизнь, активную и даже

буйную. Может быть, чересчур буйную, потому что лагерь экспедиции в первую же ночь был атакован фауной планеты со всех сторон. Обошлось без жертв, но пребывание на планете оказалось для разведчиков тяжелым испытанием, планы исследования летели один за другим, сроки срывались, а жизнь Триаса — так назвали планету — каждый день преподносила сюрпризы. Людям приходилось силой пробиваться на всех маршрутах, отбивать нападения яростных живых волн, спасать друг друга от страшных животных и вести разведку в основном на мощных «Мастиффах», что сужало районы поиска и планетографических исследований в несколько раз.

— Таким образом,— продолжал Дарий,— мы находимся, выражаясь древними понятиями, в состоянии войны с фауной планеты. И конца этому не видно.

— А вы не пробовали разобраться в причинах агрессивности животного мира к вам? — спросил Томах.

Дарий криво усмехнулся, слегка порозовев.

— Предлагали, но начальник экспедиции сказал, что в плане работ нет такого пункта.

— А вы?

— Что я?

— Вы же его заместитель!

— Заместитель.— Дарий исподлобья взглянул на Станислава.— Да, я заместитель по экоэтике, но это все равно, что в составе экспедиции «лишний рот».

— Ну, напрасно вы так,— мягко сказал Богданов.— Полномочий и у вас не меньше, тем более в таких условиях.

Дарий пожал плечами, красноречие его иссякло.

— Хорошо, об этом поговорим отдельно. Когда вы впервые заметили «зеркала»?

Дарий задумался.

— По-моему, с месяц назад, но сначала не придали им никакого значения, думали — случайные природные образования.

— А когда поняли, что они вовсе не случайные образования?

— Не иронизируйте, пожалуйста,— сказал сосед Дария, худощавый молодой человек с выдающимися скулами и раскосыми глазами.— Из-за этих «зеркал» пришлось устроить поисковый аврал: думали, что проморгали на планете цивилизацию.

— Мы не иронизируем,— покачал головой Богданов,— С «зеркалами» столкнулись и мы, причем в других секторах космоса, у нас интерес к ним особый. Что ж, пора знакомиться с обстановкой на Триасе,— обратился он к Томаху.

— Может быть, все-таки сначала предупредим Момму? — нерешительно сказал Дарий.— Перерывы связи не бывают длительными.

— Нет, в неожиданностях есть свои преимущества. Если связь восстановится, сообщите начальнику о нашем прибытии, а специально ждать сеанса не будем.

— Тогда хоть изучите особенности Триаса, его животного и растительного мира, иначе...

— Иначе мы будем выглядеть авантюристами,— заключил Богданов.— Конечно, начнем с изучения планетарных характеристик. Материала у вас, очевидно, достаточно.

К «вечеру» десантники знали о животном мире планеты примерно то же, что и Дарий, после чего Богданов собрал группу.

— Отчаливаем, ребята, вопросы к хозяевам есть? Нет? Прекрасно.

— Пойдете на нашем шлюпе? — спросил Дарий.

— Он еще не отремонтирован как следует,— вмешался скуластый.

— А что с ним? — полюбопытствовал Микульский.

— Нападение маунта,— неохотно ответил Дарий.— Один из них прополз через когг, у которого была выключена защита.

Десантники покинули зал связи «Парящего орла», провожаемые взглядами дежурных инженеров.

Богданов задержался, подождал Дария и тихо спросил:

— Сообщение о «зеркалах» передали вы?

— Я,— усмехнулся своей специфичной кривоватой улыбкой заместитель начальника экспедиции.— Из-за этого и сижу сейчас здесь, в корабле. Момма отстранил от планетарных работ, предъявив обвинение в использовании служебного положения в личных целях, преступном перерасходе энергии и несоответствии занимаемой должности.

Глава 10. ТРИАС

Через полчаса когг с десантной группой из пяти человек, в которую вошел и Филипп, оторвался от цилиндра «Искателя» и вонзился в серо-голубое месиво атмосферы Триаса.

Посадка оказалась не из легких: когг попал сначала в мощные широтные ветры, отбросившие его от намеченного коридора входа на космодром наземной базы «Парящего орла» на двести с лишним километров, а затем, возвращаясь, наткнулся на крыло урагана, к счастью, уползающего на север.

В космодром — если так можно было назвать площадку размером полкилометра на километр — он все же промахнулся и сел в двух километрах от базы.

— Что будем делать? — спросил Богданов, глядя на угрюмый пейзаж в виоме.— Ждать, пока прояснится?

Когг сел в неглубокой низине, заросшей кустарником, напоминающим мотки спутанной проволоки. В бледно-сером свете, сочащемся сквозь лохматую, мчащуюся с дикой скоростью облачную пелену, все вокруг было черно-зеленым: почва, кустарник, гигантские многохудольные деревья, окружающие низину, но в прожекторном свете все изменилось. Почва, похожая на рыхлый шлак, оказалась кроваво-красного цвета, кустарник — коричневого, с фиолетовым отливом, и только молчаливый великаний лес, состоящий из древесных исполинов высотой около полусотни метров, так и остался темно-зеленым, от пупырчато-чешуйчатых стволов до коленчатых ветвей и пучков метровых листьев-игл.

— Тут же недалеко,— пожал плечами Филипп.— Наденем антигравы и через три минуты будем на месте.

— Нельзя на антигравах,— возразил пилот; по настоянию Дария они взяли с собой пилотом одного из старожилов.— Мы давно ими не пользуемся, как и пинассами. Во-первых — диноптеры. Представьте летающую махину с размахом крыльев в двадцать метров! Атмосфера здесь плотнее земной раз в пять, вот и летают. Во-вторых, «лесные стрелки». Летишь эдак на бреющем над лесом, а снизу в тебя вонзается стрела весом до двадцати килограммов, по прочности почти не уступающая бериллиду.

— Мы знаем,— сказал Богданов.— Наш товарищ пошутил. Связи до сих пор нет?

Пилот виновато шевельнулся в кресле, поправил дугу эмкана.

— С базой нет, с вашим спейсером и «Орлом» есть.

Он пошевелил пальцами, и над пультом ожил виом связи.

— Пожалуйста, осторожнее,— сказал им Дарий.— Все же это Триас.

— А с ними не могло произойти чего-нибудь... непредвиденного? — спросил Томах.

— База хорошо защищена.— Дарий помялся.— Если только не случилось что-нибудь с одной из рабочих групп. Тогда резерв с базы мог уйти на выручку.

— Все равно в лагере остаются дежурные,— буркнул пилот.

Дарий ничего не ответил.

Богданов помолчал и встал.

— Выступаем. Скафандры ПС, антигравы — на всякий случай, пистолеты, аптечки, НЗ. Все?

— Я возьму переносной автомед,— сказал врач.

— Еще генераторы поля,— подсказал Бруно.— Будет спокойнее.

Богданов кивнул.

— А может, все-таки легче подскочить на когге? — тихо спросил Филипп, надевая скафандр и пристегивая к энергопоясу необходимое снаряжение.— Надо было взять пилотом Януша.

— Мы только что пробовали,— с обидой произнес пилот, обладавший прекрасным слухом.— При низком ветре подскочить на когге с нужной точностью не удастся. Отнесет еще дальше или побьет машину, несмотря на автоматику. Вы что же, думаете, ваши пилоты — боги?

Богданов мельком посмотрел на Филиппа, и тот, покраснев, пробормотал:

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Иди уж,— подтолкнул его в спину Томах.— Что-то ты сегодня не в форме. Эти ребята не раз и не два высаживались на планету в таких условиях.

— Да я не обижаюсь,— смягчился пилот.— Только в ураган не спасает иногда и мыслеуправление. К тому же, диноптеры летают в любую погоду, и встретить их даже на ЛК я бы не хотел.

Первым на почву Триаса сошел Богданов, тут же споткнулся и упал на пружинящую «проволоку» кустарника. Поднявшись, включил генератор поля, горбом выделявшийся на спине, утвердился на голой почве, утопая в ней чуть ли не по колено, и махнул рукой остальным.

Филипп вышел последним, вовремя включил поле и стабилизировал себя в вертикальном положении.

Атмосфера планеты действительно была намного плотнее земной, она затрудняла движения почти так же, как и вода, несмотря на некоторую потерю веса из-за выталкивающей силы.

— Маяки не включайте,— посоветовал из люка оставшийся пилот.— Маунты реагируют на свет и на радио моментально, а вы еще не видели их в натуре. Направление запомнили?

— Да, спасибо,— сказал Богданов.— Постараемся не ввязываться в конфликты, в крайнем случае отступим. Я буду держать вас в курсе.

— Эх, на вашем месте я бы все же подождал,— с сожалением признался пилот.— Момма снова спросит за это с Дария.— Он развел руками и скрылся в отверстии люка. Короткая плита пандуса скользнула на место и наглухо закрыла двухметровое отверстие.

— Не отставать.— Богданов оглянулся и шагнул вперед, выбирая дорогу. За ним гуськом потянулись остальные: Томах, Бруно, Лихолетов и Филипп.

Поднявшись из низины, они миновали петлистый, цепляющийся за ноги кустарник и вступили в лес, чуть ли не целиком скрывший небо над головой. Ветер здесь притих, путаясь в миллионах ветвей, идти стало легче, хотя ноги вязли в почве до колен. Видимость из-за нехватки освещения ухудшилась, и Богданов приказал перейти на инфразрение и снять с поясов «универсалы».

Филипп лишь в Школе стажеров познакомился с этим оружием, оказавшимся родственником антиграву. Пистолет «универсал» мог

излучать гравитационное поле в виде импульсов различной пространственной формы, и привыкнуть к оружию, способному пробить, как пулей или шпагой любое материальное тело, или опрокинуть и раздробить скалу, было непросто.

Богданов останавливался два раза, сверяясь со светящейся нитью путеуказателя на руке. Трижды из чащи леса слышался какой-то громыхающий клекот, перекрывающий звуки бури. А когда они спускались по косогору к небольшому ручью с черной водой, над ними со свистом и уханьем пролетела громадная бесформенная масса, исчезнув из глаз прежде, чем люди схватились за оружие.

Пройдя около двух километров, группа без приключений выбралась на опушку леса, за которой начинался плоский прямоугольник космодрома базы, освещенный инфракрасными прожекторами из четырех бронеколпаков по углам поля. В центре прямоугольника высился одинокий когг, безмолвный и черный. За полем шла освещенная вертикальными фонарями дорожка, обегающая строения лагеря, видимая, как сквозь бликующую прозрачную пленку, и Филипп понял, что видит дорожку и строения сквозь защитную энергетическую завесу.

— Дошли,— угрюмо пробормотал Бруно.— А войти как? Сквозь энергостену не пройти даже в наших ПС.

— Никки,— позвал Богданов.— Связи все еще нет?

— Нет,— отозвался пилот мгновенно. Пока не снята защита, ее не будет.

— По-моему, у них все нормально, на вид все цело, все на месте, тихо и спокойно.

Филипп осторожно приблизился к полю космодрома, нагнулся — это был спрессованный до плотности бетона грунт, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение на опушке леса. Он мгновенно развернулся и, еще толком не рассмотрев, что это, дал предупреждающий сигнал.

То, что они приняли за холм в ста метрах от них, слева от космодрома, оказалось живым существом! Оно одним движением покрыло расстояние до людей и замерло, возвышаясь над ними черной массой. В полутьме трудно было что-нибудь разглядеть, Филипп видел только два каких-то светлых косых треугольника в застывшей громаде и что-то непрерывно шевелящееся невысоко над почвой, как сжимающиеся и распрямляющиеся пальцы...

— Не стрелять! — тихо и жестко проговорил Богданов.— Поле на максимум, поменьше движений!

Люди сдвинулись тесней, не дыша, разглядывая чудовище, в свою очередь разглядывающее их. Так прошла минута, вторая, пятая...

Гигант не шевелился, словно решая, что ему делать с незваными гостями. Медленно текли минуты, людьми постепенно овладевало беспокойство, стремление двигаться, что-то делать, прыгать,

кричать — лишь бы не стоять на месте и не молчать... Потом ощущения резко изменились: нахлынуло безразличие, равнодушие ко всему на свете, захотелось лечь и спать, ни о чем не думать и не вспоминать...

«Об этом Дарий не рассказывал,— подумал Филипп.— Похоже, что маунты излучают пси-поле... Только этот экземпляр почему-то не нападает. Стоит ему шевельнуться, и он втопчет нас в землю, несмотря на «универсалы»! Чего он ждет? Пытается загипнотизировать, а потом сожрать?»

— Пси-индукция,— пробормотал Лихолетов,— близко к волне «омега семьсот тридцать»: ощущение сонливости, усталости.

— Ну хватит, что ли,— прошептал Томах.— Поглядели друг на друга и хватит. Долго еще мы будем терпеть это равновесие? Надо что-то делать, или бежать, или...

— Стрелять?

— Не стрелять, но действовать. Отпугнуть, например.

Словно в ответ на слова Станислава черная громада вытянулась вдруг в высоту, чуть ли не дотянувшись до низких стремительных облачный струй, попятилась так, что дрогнула почва, и с низким урчанием, от которого завибрировали скафандры, уползла в тень близкой горной гряды. Еще несколько раз дрогнула почва, и все стихло, только ветер продолжал бесноваться в вышине, иногда словно срываясь с цепи и раздавая весомые оплеухи тем, кто внизу под ним цеплялся за неровности почвы.

— Подойдем ближе,— решил наконец Богданов, поглядев на часы.— К защитной завесе.

— Странно все же,— задумчиво сказал Лихолетов.— Почему он не напал? Дарий говорил, стоит им выйти из-под защиты, как маунты бросаются на людей и на технику.

— Вот-вот,— кивнул Томах.— Тут что-то не так... Никита, у тебя есть соображения по этому поводу?

— Первое соображение, наверное,— не стрелять,— не удержался Филипп.— Ведь маунт тоже кинулся к нам, будто хотел напасть... а мы не стреляли. Озадаченный, он не решился на нападение. Может, у работников экспедиции выработался стереотип: мчится на них во всю прыть, значит, хочет напасть.

— Правильно,— сказал Богданов.— И соображение резонное: постараемся и впредь не применять оружия. Дарий мне сообщил...— он замолчал.

Десантники помолчали, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Посмотрим,— вздохнул Томах.— Ну что, братцы, устроим иллюминацию? Должен же у них кто-то быть в лагере. Допустим, аэросторож сбит диноптером или стрелком, но автоматика-то защиты наверняка заметит...

Лихолетов вдруг присвистнул.

— Посмотрите-ка на космодром?

— Что там еще?

— Шлюп!

Десантники оглянулись на прямоугольник ВПП. Когга на нем уже не было. Вернее, он был втоптан в почву кормой вперед до самого носа, отчего издали казалось, что в центре поля образовалась звездообразная яма, похожая на черную кляксу.

— Можно прикинуть массу маунта,— флегматично заметил Бруно.— Чтобы вмять шлюп в эту землю, надо создать давление примерно сто килограммов на квадратный сантиметр. Отсюда масса маунта должна быть порядка десяти тысяч тонн. Странно одно, почему он не опрокинул шлюп, а вдавил в почву.

Филипп вспомнил когг на «Парящем орле», через который прополз, по словам Дария, маунт. Десять тысяч тонн! Что было бы, проползи он через них?

Богданов хмыкнул и зашагал к границе освещенной зоны лагеря.

Заметно посветлело. Облака все еще продолжали нестись во весь опор, но слой их стал тоньше. Пепельный свет дня возвращался на помрачневшую под ударами стихии равнину.

— Не догадались взять прожектор,— сказал Томах.— Поминали бы, и дело с концом. Попробуем синхронно помигать нашлемными фонарями?

— У меня случайно оказался «блейзер»,— пробормотал Бруно, протягивая Богданову ребристый цилиндрик толщиной в палец.

— Случайно! — хмыкнул Томах.— Запасливый ты мужик, Бруно! У тебя случайно нет с собой ТФ-разрядника?

— Разрядника нет,— подумав, сказал Бруно.— А что такое «мужик»? Твое новое ругательство?

Станислав развеселился.

— Успокойся, это словечко из лексикона двадцатого века, означает оно...— он поразмыслил,— в общем, уменьшительно-ласкательное от слова «мужчина».

Бруно с сомнением посмотрел на инспектора, но проверить правильность «перевода» было не у кого.

В это время Богданов вставил цилиндрик «блейзера» в короткий ствол «универсала», тщательно прицелился и выстрелил. Из дула вылетела огненная стрела, упала на купол защитного поля над базой и вспыхнула чудовищно яркой звездой. По земле заплясали черные тени, люди вынуждены были отвернуться, чтобы не ослепнуть: световой поток сгорающего «блейзера» достигал такой величины, что не спасали фильтры шлемов.

Через три минуты «блейзер» погас, и всем показалось, что резко стемнело.

Богданов терпеливо ждал. Наконец из жилого коттеджа в освещенном круге лагеря выглянул человек в легком скафандре, вгляделся в их сторону, воздел руки к небу и скрылся за дверью. Филипп первым догадался, что означает его жест, поднял голову и увидел пикирующую на них фиолетовую тень.

— Ложись! — рявкнул он, падая и отстегивая с пояса «универсал».

Все попадали на почву, но «тень» не думала нападать: пахнуло ветром, что-то проскрежетало в воздухе, затем с треском и хрустом многометровая махина захлопала крыльями и взмыла к тучам. Снова прозвучал скрежет «металла о металл», и все стихло.

По ту сторону защитной завесы к ним бежали двое, завеса исчезла, и в наушниках раздался свирепый голос:

— Быстрее, какого дьявола копаетесь, диноптер сейчас вернется, и не один.

Богданов без слов поспешил на освещенное пространство. Едва они перебрались в защищаемую зону, как энергозавеса замерцала сзади вновь, отрезая доступ к домикам лагеря любому живому существу.

Филипп сбоку посмотрел на провожатых, увидел в руках одного из них знакомый кожух плазморазрядника и покачал головой: видимо, шутить разведчики не любили.

Пройдя тамбур и сняв скафандры, десантники оказались в коридоре. Провожатый — косолапый, слегка горбившийся парень с копной выгоревших до желтого блеска волос, оживился, разглядывая их форму с эмблемой отдела безопасности.

— Безопасность? Ну и дела-а... У нас, кажется, соблюдаются все пункты инструкции, и происшествий особых нет.

— Почему у вас нет связи с кораблем? — спросил холодноспокойный Богданов.

— А-а,— парень помрачнел.— Большую антенну повредили маунты, аэросторожа уничтожили диноптеры, а малые ТФ-передатчики не пробивают защитную завесу.

— Так выключите защиту, и будет связь,— проворчал Бруно.— Там же люди беспокоятся.

Парень усмехнулся.

— Выключить защиту!.. В том-то и дело, что мы не можем ее выключить. Это вот только перед вашим приходом немного успокоилось, а то продохнуть нельзя было из-за маунтов. Вы еще не знаете, что это за звери и на что они способны.

— Уже встречались,— пожал плечами Томах.— Нас он не тронул, а вот шлюп ваш втоптал в почву.

Молодой человек озадаченно посмотрел на Станислава.

— Не тронул? Не может быть!

Десантники переглянулись, парень смутился.

— За шлюп не беспокойтесь,— заторопился он.— Это просто болванка из пластика, копия — для отвода глаз. Маунты обычно после расправы с коггом уходят, втопчут в поле и уходят, словно у них это какая-то игра, вот мы и придумали им забаву. Пойдемте со мной. У нас тут в лагере почти никого нет,— продолжал он уже на ходу.— Весь отряд ушел на плато Нежданного Спокойствия. Там обнаружена невероятно разветвленная система пещер со следами каких-то двуногих существ. Группа Шемисса ушла туда третьего дня и — ни слуху, ни духу! Ну, Момма и отправил всех на поиски... Мы пришли.

Провожатый отступил в сторону, прямоугольник двери перед гостями просветлел, и десантники оказались в небольшом помещении, похожем на кают-компанию спейсера: гнутые янтарные стены с бегущими искрами, стандартные кресла, стол с черной матовой поверхностью, громадное «окно» виома, отражающее низкое, совсем светлое небо с редкими убегающими космами туч, пульт видеоселектора у стены.

В комнате находилось всего двое: один — краснолицый здоровяк с руками-лопатами, второй — седой, сухой, длинноногий, руки на груди, с морщинистым лицом и жестким запавшим ртом. Глаза этого второго смотрели холодно и изучающе. Он только повернул к вошедшем голову и остался стоять в прежней позе.

— Безопасники,— упавшим голосом произнес их провожатый и отошел к столу.

— Вот уж кого не ждали,— гулко сказал здоровяк.— Какими судьбами пожаловали к нам пограничники? Да еще и асы безопасности к тому же, а?

— Не надо, Крут,— почти не разжимая губ, голосом, похожим на щелканье бича, проговорил сухопарый.— Очевидно, это по поводу ТФ-депеши моего заместителя. Так?

— Совершенно верно,— кивнул Богданов.— Именно по поводу ТФ-депеши вашего заместителя по экоэтике Дария.

У седого прыгнули вверх брови и в глазах на миг промелькнули озадаченность и любопытство.

— Что ж, гостям мы рады, проходите. Я Исиро Момма, начальник экспедиции «Парящего орла». Это мой заместитель по техническому оснащению групп Крут Зотов.— Говорил Момма без обычного «японского» акцента, четко выговаривая букву «л».— Инженер защиты Владриг.— Небрежный кивок в сторону недавно провожатого.

— Богданов, шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. Это мой заместитель Станислав Томах, Осинниго — эксперт технического сектора, врач Лихолетов и Ромашин.

— Прекрасно.— Момма указал на кресла и сел сам.— Итак, чем вас заинтересовало сообщение Дария? За которое, кстати, он

получил нагоняй... Насколько я понимаю, за здорово живешь Управление не станет гонять спейсер в эдакую даль? На чем вы прибыли?

— К Этамину на спейсере погранслужбы «Искатель», сюда на шлюпе.

— Шлюп ушел?

— Нет,— помедлив, сказал Богданов.— Ждет связи.

По лицу Моммы прошла тень.

— Влад,— обратился он к инженеру защиты.— Сними на минуту энерголист и дай команду пилоту: пусть немедленно уходит на корабль.

Владриг кивнул и встал.

— Минуту,— сказал Богданов,— не надо давать такой команды.

Момма нахмурился.

— Вы не понимаете, что говорите, с маунтами не шутят. Иди.

— И все-таки,— невозмутимо произнес Богданов,— пилот подчиняется только мне, это раз; нашему коггу не страшны маунты, это два; и три — лучше свяжитесь с кораблем, люди ждут сообщения, беспокоятся за вас.

Момма откинулся в кресле, глаза его сузились. Он побарабанил пальцами по столу, усмехнулся.

— Интересное положение. Вы, не зная особенностей Триаса, берете на себя ответственность за жизнь человека. А что такое маунты, знаете?

— Именно потому и берем ответственность, что знаем особенности Триаса.

— Видно, Дарий им успел выложить собственную теорию,— сказал Зотов с пренебрежением.

— Они говорят, что встретили одного маунта вблизи базы, и он не напал,— пробормотал Владриг, стоя у двери.

Момма прищурился.

— Это что-то новенькое! Простите, но позвольте усомниться. Маунт увидел вас и не напал? Нонсенс! Сколько себя помню на Триасе, столько маунты не упускают ни одной возможности, чтобы напасть на людей. Может, вы спутали маунта с дурнеем? Внешне они немного похожи, хотя дурней в десять-пятнадцать раз меньше. Или с диноптером?

— Диноптера мы повстречали тоже,— сказал Томах.— Но и он не причинил нам особого беспокойства.

— Тогда сдаюсь! — Момма развел руками.— Мир перевернулся.

— Я не уверяю, что мы твердо убеждены в реальности встреч,— произнес Богданов.— Может быть, это был сумасшедший маунт, может, вовсе и не он. Проверим. Мы, собственно, прибыли на Триас по другому поводу: ваши исследователи встретили «зеркала»...

Момма пренебрежительно сморщился:

— Ах, это... из-за такого пустячного дела?.. Простите, не понимаю.

— И не надо. Вы решаете свои задачи, мы свои. Кстати, я уполномочен разобраться в обстановке и принять соответствующие меры.

— Какие же?

— По обеспечению экспедиции необходимым оборудованием,— с иронией закончил Томах.

Момма тонко улыбнулся, он понял.

— Теперь следующее.— Богданов помолчал и очень мягко сказал: — Вы все же сообщите на корабль о положении дел. Там ждут связи.

В глазах начальника экспедиции мигнули колючие огоньки, он с минуту смотрел на небо Триаса, потом нехотя проговорил:

— Дай им минутную сводку, Влад.

Владриг, томившийся у двери, вышел.

— Так что же вы собираетесь предпринять? Учтите, машин лишних у меня нет, людей тоже. План исследований горит, и я не вправе остановить поисковые работы, даже если бы захотел.

— Постараемся не отвлекать вас от дела, единственная просьба — показать «зеркала». Без провожатого, конечно, не обойтись.

— Одного я вам дам — того молодого человека, что вас встретил, Владрига. Достаточно?

— Пока достаточно.— Богданов поднялся.— Вопрос: наша помощь в поиске пропавшей группы Шемисса не нужна?

Момма, нахмурив брови, тоже встал. Голос у него был сух и подчеркнуто бесстрастен.

— Уже проинформированы? Справимся сами, благодарю.

— Но мы ускорили бы поиск,— сказал Филипп с недоумением.— Высвободили бы ваших товарищей для плановых работ. Опыт у нас в подобных делах, смею вас уверить, имеется немалый.

— Ничего, полдня-день не играют большой роли,— с оттенком нетерпения произнес начальник экспедиции. По всему было видно, что он не привык менять своих решений, даже если они были и не лучшими.

Богданов задержался у двери.

— Нам еще нужна связь со своей базой.

— Сколько?

Никита понял и посмотреть на Бруно. Тот поднял пятерню:

— Минуты четыре-пять.

— Четыре — куда ни шло. Крут, проводи.

Грузный заместитель начальника экспедиции, равнодушно прислушивающийся к разговору, молча направился к двери. Он наверняка не имел здесь права голоса и знал это. Как и Дарий, подумал Филипп. Привык, что все решает Момма. Ну и характерец у началь-

ника экспедиции! С первого взгляда видно — властен и крут! Но, может быть, для начальника такого масштаба это хорошо?

В рубке связи было тихо. Кроме Владрига тут сидели двое инженеров-связистов, молодые, загорелые, чуть смущенные визитом ребята.

Владриг снял защиту над базой, и Бруно, быстро разобравшись в управлении, соединился с «Искателем» и продиктовал дежурным бортинженерам список необходимого снаряжения.

— Кроме того нужен киб-лингвастат,— добавил Богданов.— Поищем интеллект у некоторых симпатичных тварей планеты.

— Что взять из машинного парка?

— Погрузите один «Мастифф», пинассы и другие летательные аппараты не понадобятся.

— Выполняем, ждите.

— Все,— обратился Богданов к хозяевам.— Включайте свою защиту.

— А коrг? — напомнил Томах.

— Да,— спохватился Никита.— Бруно, колдуй связь со шлюпом.

Через полминуты откликнулся пилот. Лицо его, когда он увидел десантников, посветлело.

— Я уже начал беспокоиться. Что мне делать?

— Возвращайся.— Богданов показал рукой вверх.— На спейсере загрузишься и обратно сюда, аллюр три креста!

— Есть, аллюр три креста!

Пилот отключился.

— Подождем,— сказал Томах с улыбкой.— Посмотрим лагерь, если хозяева не возражают, поиграем в шахматы.

Хозяева не возражали. Эмблема отдела безопасности создавала вокруг безопасников такой ореол, который молодые парни еще не могли переносить без душевного трепета.

Глава 11. ПРЕЛЕСТЬ НЕОЖИДАННОСТИ

После завтрака, напутствуемые полуироничным замечанием Моммы «соблюдать режим безопасности не ниже пункта «срам», десантники выгрузили из прибывшего с орбиты коrга танк-лабораторию «Мастифф» и быстро загрузили кормовой отсек оборудованием для исследования «зеркальных перевертышей».

К этому времени маунты полностью сняли осаду лагеря, и защитную завесу, требующую громадных расходов энергии, выключили.

— Вы уж не обижайтесь,— извиняющимся тоном сказал провожавший их Зотов.— У начальника слишком много забот, да и ладится не все, сами видите. Так что войдите в положение. По пути

вы наверняка столкнетесь с кем-нибудь из представителей местной фауны, и хотя танкам маунты не страшны — относительно, конечно,— лучше не подпускать их близко.

— Учтем,— сказал Богданов.— Спасибо. Вперед! — бросил он Томаху, надевшему эмкан управления.

Танк легко, без толчка, снялся с места.

Они проехали мимо поля космодрома, на котором трое сотрудников базы с помощью универсального корабельного погрузчика вытаскивали из ямы вдавленный в почву муляж когга; неподалеку торчал трехлапый, похожий на коленчатого металлического жирафа сторожевой автомат.

Лагерь базы располагался на ровном месте, занимая площадь чуть больше гектара. Со всех сторон он был окружен великаньим лесом, хотя Филипп обратил внимание, что в полосе двухсот метров от его границ не росло ни одно дерево.

— Вы что же, лес возле базы уничтожили? — спросил он.

— Сожгли,— отозвался Владриг, подумал и добавил.— Иначе нельзя: мимикрозавры.

Танк в это время, поднимая голубоватую пыль, проезжал под деревом. Станислав несколько замешкался, и Владриг предложил:

— Давайте поведу я, быстрее дойдем, дорога мне известна лучше.

Томах посмотрел на Никиту и передал управление провожатому.

— О мимикрозаврах мы наслышаны,— сказал он.— Хочется убедиться воочию.

Владриг уверенно нацепил эмкан.

— Увидите, не сомневайтесь, но не уверен, что это зрелище доставит вам удовольствие.

Филипп сидел слева от Богданова и справа от кресла водителя, созерцание чужой природы заставляло сердце сжиматься в ожидании каких-то необычных встреч, поэтому он не особенно прислушивался к разговорам в кабине.

Сначала они ехали вдоль цепи невысоких увалов, поросших все тем же лесом, создающим впечатление непроходимой чащи. Деревья напоминали земные мангры: короткий толстый ствол опирался на множество «ног» — ходульных корней, и пускал ввысь пучок точно таких же по форме «рук» — ветвей, так что если бы дерево можно было перевернуть, оно нисколько не изменило бы свой вид. Потом танк вывернул в речную долину и, пустив многохвостовую радугу за кормой, всплыл над гладью реки на поддерживающем поле. Кабину сразу перестало раскачивать и бросать с боку на бок.

Берега реки заросли густым лишайниковидным ковром, цветом напоминающим запекшуюся кровь, и среди этих толстых «подушек» и «колючих покрывал» Филипп заметил редкие оранжевые языки

пламени. Лишь вглядевшись, понял, что это, скорее всего, тоже растения.

— Цветы? — спросил он, показывая на «огни».

— Спороносы,— повернув голову, ответил Владриг.— Мы назвали их пламениками. Красивы только издали. То, что светится — язычок пламени,— на самом деле плесень со спорами, колонии микроорганизмов. Стоит «цветок» сорвать, как плесень бурно распадается с выделением непередаваемо гнусного запаха. Однажды наш биолог принес его в кают-компанию...

В этот момент дерево на холме, мимо которого они проезжали, вдруг выдрало свои корни из почвы и обрушило на танк тысячерукие ветви.

Владриг остановил машину, искоса поглядев на пассажиров. Те молчали. «Дерево» обхватило танк со всех сторон и стало трясти и раскачивать. Ствол его изменил цвет на фиолетовый и словно треснул щелью громадной пасти. По броне с визгом прошлись шипы и когти лап, потом полуметровые зубы.

— Красавец! — нарушил молчание Томах.

Владриг включил защитное поле, и странное «дерево» шарахнулось от машины в воду, раздался шипящий скрежет — крик зверя.

— Вот вам и мимикрозавр,— со смешком сказал Владриг.— Вы так рвались его увидеть.

— Только не я,— буркнул Бруно.— Похоже, человек ему — на один зуб. Но вообще он довольно симпатичен.

«Симпатичный» зверь на глазах превратился в корявую фиолетовую торпеду и с плеском нырнул в глубину реки. В ответ на его скрежет, издалека, словно эхо, донесся пронзительный крик-клекот, от которого у всех заныли зубы.

— О, дьявол! — сказал Владриг, увеличивая скорость.— Если она нас учует!..

— Кто?

— Разве вам не говорили? Ребята назвали ее рок-птицей. Невелика, чуть больше орла, но кричит — только энергозавеса спадает.

— Ультразвук,— проворчал Бруно.

— И ультразвук, и целый набор противных обертонов. Если она заметит танк, работы не получится, придется уходить на базу.

— Отпугнуть, и дело с концом!

— Отпугнуть — значит убить. Никого и ничего птица-рок не боится. Если только ранить — через минуту тут будет светопреставление! Каким-то образом сотни этих исчадий ада узнают о происшествии, собираются в стаю, и тогда приходится или бежать сломя голову под защиту базы, или...

— Ну-ну?

— Или стрелять!

Владриг подумал, вырвал танк из теснины реки и направил его

в расщелину между стенами расколотого надвое непонятным катаклизмом холма. Однако вскоре раздался знакомый крик, и над танком мелькнул силуэт таинственной птицы.

— И-и-р-р-р-ра-з-з-зла-ш-ш-ш! — Словно визг раздираемого железа, скрип стекла и шипение выпускаемого пара.

Владриг резко затормозил.

— Попробуем ее сбить.

— Не надо,— тихо сказал Богданов.— Пусть кричит. Едем дальше. Далеко еще?

— Километров семь, но...

— Не обращайте внимания, потерпим. Станет невмоготу, попробуем отпугнуть, но это в крайнем случае.

Владриг пожал плечами и повиновался.

Сопровождаемые криками дьявольской птицы, от которых ныли зубы и сверлило в ушах, они направились в заросли леса, состоящего из странных толстых, изъеденных дырами и полых внутри деревьев. Светлоголубые у основания, деревья постепенно темнели с высотой и к вершинам, напоминавшим сжатые кулаки, становились черными. Пространство под ними было усеяно черными сморщенными плодами с метровыми колючками.

— Каштаны! — хмыкнул Лихолетов.

— Точно,— не оборачиваясь, сказал Владриг.— Мы их так и назвали: каштаны Триаса.

Над танком снова пролетала птица-рок, заставив людей замолчать. Впереди открылась гладкая черная площадка, машина с ходу вылетела на ее середину, дернулась и... стала тонуть.

Владриг выругался сквозь зубы, подключил поле поддержки, танк с трудом выполз на край вязкой трясины.

— Асфальт,— пояснил провожатый в ответ на взгляды десантников.— Таких асфальтовых трубок в этом районе много. Район термально активен, иногда трубки выбиваются метановым паром под давлением и получаются асфальтовые озера или «стадионы».

Через полчаса выехали на обширную лысую поверхность, на которой кое-где торчали гибкие хлысты какого-то растения. Возле громад знакомых «мангров» Владриг остановил танк.

Богданов шевельнулся в кресле.

— Приехали?

— Приехать-то приехали, только почему-то не видно «зеркал».

— А разве здесь не работают ваши группы? — осведомился Томах.

— Конечно, нет. Это место старой базы, мы переехали отсюда неделю назад. Одно «зеркало» было врезано в ствол лабиринтопода,— Владриг показал на самое большое полое дерево,— а второе было мерцающим, то есть то появлялось на пустом месте, то исчезало. А сейчас — ничего...

— Завел, Иван Сусанин! И мы хороши: надо было сразу спросить, куда едем, только время потеряли.

— Но они были, честное слово! — Владриг порозовел под взглядами.

— Мы верим,— вздохнул Богданов.— Но дело в том, что «зеркала» появляются только там, где есть люди. Вы ушли отсюда, исчезли и они. Теперь «зеркала» наверняка появились возле базы, на новом месте, просто вы их там не искали. Придется возвращаться. А где работают ваши группы?

— В разных местах. На нашем материке работают три: биологическая и две планетологических. На плато Нежданного Спокойствия потерялись как раз биологи. А на другом материке четыре группы: атмосферники, океанологи, биологи и планетоморфологи. Все группы автономны, базируются на «Мастиффах», имеют передвижные реакторы и инструментальные бункера. До ближайшей около семидесяти километров.

Богданов кивнул.

Танк развернулся и углубился в лес, пускаясь в обратную дорогу.

Через полтора часа вернулись к базе, объехали ее по периметру и обнаружили два «зеркала». Одно пряталось на мощном стволе пологр лабиринтопода, второе расположилось на противоположном конце пустыря, в перистом кустарнике.

Момма только хмыкнул, выслушав сообщение, а его заместитель Зотов равнодушно порадовался случившемуся: вблизи лагеря работать было несравненно удобнее и безопаснее, чем вдали от него.

Десантники выгрузили аппаратуру и приступили к исследованию «зеркальных перевертышей», разделившись на две группы.

К вечеру первого дня стало известно, что «зеркала» ничем не отличаются от своих предшественников на Шемали, вплоть до палиндром-эффекта. ТФ-трассеры дважды фиксировали эхо волновых передач: «зеркала» исправно передавали накопленную информацию неведомому Наблюдателю. Однако определить направление передач не удалось, не помогли ни разработанные специалистами техсектора методы ТФ-пеленгации, ни сверхчувствительные датчики направления.

Филипп работал в паре с Бруно на трассерах: оба одинаково хорошо разбирались в ТФ-аппаратуре, знали все ее сильные и слабые стороны. Остальные эксперты техсектора под началом Романенко занимались изучением физических свойств «зеркальных перевертышей», спектральным распределением излучений и плотностей полей вблизи этих объектов, и анализом свойств предметов, пропущенных через «зеркала». Спокойная сдержанность безопасников, очевидно, понравилась Владригу, и он выбирал время помочь новым товарищам «и словом, и делом».

За все время работы вблизи базы не появился ни один маунт,

только однажды выполз мимикрозавр, но тут же уковылял в чащу, словно устыдившись своего грозного вида.

— Странное затишье,— признался Владриг Томаху.— Будто вымерло все кругом. Обычно мы не можем даже спокойно выйти из дома, как появляются маунты, или диноптеры, или те и другие разом. А тут целый день возимся почти без защиты, и никого!

— Им стало скучно,— пошутил Станислав, охранявший «тылы» групп на «Мастиффе».

— Нет, действительно что-то странное. Во время нашей поездки тоже было тихо, даже птица-рок не проявила всех своих качеств. Не готовится ли новая волна нападений?

Богданов оторвался от работы и посмотрел на лиловатое небо с кляксами облаков.

— Да,— согласился он.— Странно. Если не сказать иначе.

А спустя несколько минут из леса выпрыгнул маунт, будто подслушав разговор. Взвыла сирена сторожевого автомата.

— Все в танк! — закричал Владриг, хватаясь за «универсал».

До зоны, охраняемой энергозавесой, было всего около двухсот пятидесяти метров, но никто из десантников не тронулся с места, видя, что Богданов не торопится убегать.

— Спокойно, ребята, я вас прикрою,— сказал из танка Томах.— Только подойдите друг к другу поближе.

Работавшие, побросав приборы, сдвинулись тесней. Владриг попятился к ним, выставив короткий ствол пистолета навстречу маунту.

Теперь Филипп мог рассмотреть необычное животное более подробно, чем во время первой встречи. Тело маунта не имело определенной формы, больше всего оно походило на многогорбый, складчатый наплыв лавы высотой около полусотни метров и длиной больше двухсот. Головы у него тоже не было, впереди по ходу движения туловища торчал округлый бугор с двумя пятнами, напоминающими косые треугольники, более светлые, чем все остальное фиолетово-черное тело животного.

Складки на «груди» маунта сократились, и он почти бесшумно, только дрогнула почва, передвинулся вплотную к замершей группе людей. Филипп не ощущал страха, несмотря на нависшую над ними многометровую махину величиной с двадцатиэтажное здание, только любое виденное им существо, и размах природы, сотворившей это чудо света, потрясал.

С минуту длилось томительное равновесие: обе стороны с интересом разглядывали друг друга, хотя определить — где у маунта глаза, было невозможно, разве что светлые трехметровые треугольники на лобовом вздутии? Потом со стороны базы донесся сигнал, и из дверей ангара выкатилась платформа с хищным силуэтом плазменного разрядника. Управлялась она, очевидно, дистанционно.

— Не стрелять! — яростным шепотом сказал Богданов.— Не сметь стрелять!

Но его то ли не услышали, то ли не поняли. Платформа выкатилась на поле космодрома, с решетчатого кожуха разрядника сорвалась неяркая голубая молния и вонзилась в бок маунта. Животное всколыхнулось всеми своими складками и наростами, стремительно развернулось в высоту, как бы «встав на ноги», так что люди увидели его брюхо со множеством отверстий, и бросилось в лес, по пути задев танк Томаха.

С платформы плюнуло вслед громадным языком прозрачно-синего пламени, в лесу ухнуло, и всех накрыла волна грохота, словно где-то рушились скалы. Грохот удалился и стих.

— Повезло! — с облегчением сказал Владриг, пряча «универсал».

— А что там загрохотало? — пробормотал Бруно.— Маунт столкнулся со скалой?

— Нет, это его крик.

Десантники переглянулись. С другой стороны поляны к ним бежали Романенко и члены его группы.

— Кто командовал стрельбой? — медленно проговорил Богданов.

Все разговоры смолкли.

— Я, конечно,— раздался в наушниках голос Моммы.— Надо же было его отогнать. Только плазмопушки они и боятся, в следующий раз берите ее с собой сами.

— Вы слышали крик? — сердито спросил Лихолетов.

— Слышал.— В голосе начальника экспедиции прозвучало удивление.— Ну и что?

— Ничего особенного, но нет крика без боли! Понимаете?

Богданов предупреждающе сжал локоть врача, и тот умолк. Момма не отвечал. Филипп представил его жесткое усмехающееся лицо и поморщился: начальника экспедиции мало трогали эмоции окружающих.

— Слава,— сказал тихо Богданов, перейдя на другую волну.— Возьми Януша и Романенко и пройдись с ними по маршруту до ближайшей остановки планетологов, поищи «зеркала», поговори с разведчиками. Связь будем держать на этой же волне через каждые два часа. В конфликты с живностью не вступать, оборона в случае нужды — пассивная.

— Есть,— лаконично отозвался Томах.

— Куда это они? — спросил Владриг, провожая глазами танк.— Опасно же!

Никто ему не ответил.

Вечером к исходу третьих суток пребывания на планете группа безопасников собралась в кают-компании базы, негромко делясь

впечатлениями прошедшего дня. Томах с Микульским и Романенко вернулись поздно, их каждодневные таинственные отлучки интересовали многих, но по лицам невозможно было судить о результатах рейдов, а спрашивать, куда они ездят, у десантников было не принято. В этот вечер они имели короткий разговор с Богдановым, после чего уселись в уголке рядом с Филиппом, рассеянно прислушиваясь к голосам товарищей.

— Как там дела с пропавшей группой? — спросил Томах Филиппа, вырабатывающего привычку к немногословию.

— Нашлась перед вашим приездом. Их завалило в одной из пещер, с трудом пробились на поверхность.

— Нашли кого-нибудь?

— Новый вид животных, нечто вроде двулапых кротов.

— Нападений не было?

— Не интересовался.

Станислав расслабленно шевельнул рукой.

— Напрасно. Если бы интересовался, набрел бы на интересный парадокс.

В помещение, широко шагая, вошел прямой, холодно-официальный Момма. Остановившись возле Богданова, сдерживаясь, сказал:

— Кто вам дал право снимать энергозавесу вокруг базы ночью?

В кают-компании установилась тишина.

Богданов с недоумением посмотрел на начальника экспедиции.

— Разве я вс не предупредил? Простите, я, кажется, о своем решении сообщил Зотову. По-моему, нет смысла постоянно включать защиту в ночное время. Над базой завешен аэросторож, он подаст сигнал тревоги, если появится опасность. К тому же выяснились некоторые любопытные обстоятельства, мне необходимо было их проверить.

— Меня не интересуют обстоятельства, не относящиеся к компетенции начальника экспедиции. За безопасность экспедиции отвечаю я, и ваши аргументы...— Момма поискал слово, не нашел и закончил: — Впредь попрошу решения, направленные на изменение статуса базы или внутреннего распорядка, согласовывать со мной.

Богданов молча вынул из кармана куртки оранжевый прямоугольник.

— Посмотрите, это мой сертификат официала УАСС, там написано, что я могу, а что нет.

Момма поиграл желваками, метнул холодное пламя взгляда на лица насторожившихся десантников и работников экспедиции, делавших вид, что они заняты обсуждением насущных проблем.

— Ваши полномочия не могут распространяться на организацию работы экспедиций Даль-разведки. Здесь командую я, и только я имеют право отменять собственные распоряжения.

— Сбавьте свой тон. Я вас предупреждал, что мы будем экспериментировать, искать новые способы охраны базы, но вы пропустили мои слова мимо ушей. Ваши распоряжения я не отменял, защита выключалась по ночам в порядке, предусмотренном первоначальной программой, и ничего за это время не случилось. А единоначалие руководителя экспедиции распространяется до известных пределов. Я не был готов к сегодняшнему разговору, но, коль уж вы начали, слушайте. Право выносить решения, направленные, кстати, не только на соблюдение режима работы и необходимой степени безопасности, но и на выполнение норм экоэтики, имеют и ваши заместители. Почему же ни одно из требований заместителя по экоэтике Дария не только не записано в журнал распоряжений, но и вообще не выполняется? Почему Дарий, место которого здесь, на поверхности планеты, находится на борту корабля? И наконец, последнее: почему вами поощряется конфликтная ситуация экспедиции с животным миром Триаса?

Момма сжал губы так, что они превратились в линию.

— Так! Отвечаю по порядку. Первое: требования моего заместителя по экоэтике полностью расходятся с действительностью, отражаются на графике работ и поэтому, естественно, не выполняются. Второе: Дарий, находясь на базе, бесполезен как специалист. Говоря прямо, он нам попросту мешает... всем. И третье: конфликтная ситуация с фауной Триаса создана не нами. Мы вынуждены защищаться, и только. Вы удовлетворены ответами?

Богданов медленно покачал головой, глядя на Момму с неопределенным сожалением.

— У меня есть еще вопросы. Как вы думаете, почему на нас, я имею в виду прибывший отряд, за трое суток не было совершено ни одного нападения?

Момма пожал плечами.

— Случайность. Причем счастливая случайность.

— Хорошо, пусть будет случайность. Тогда почему на базу тоже до сих пор нет нападения? Я ведь снял защиту двое суток назад.

— Я не ксенобиолог. В психологии и инстинктах маунтов пусть разбираются специалисты. К чему вы клоните?

— Правильно, специалисты,— согласился Богданов.— А главный специалист в этом вопросе, кстати, Дарий. Слушать его, однако, вы не стали, как не послушали молодых биологов из группы Шемисса, предложивших провести эксперимент — прекратить стрельбу и посмотреть, что из этого выйдет. Ну как же, это ведь могло повлиять на план, утвержденный за сто световых лет на Земле. Но вот еще задачка: мой заместитель Станислав Томах трое суток провел вдали от базы, встретил стадо маунтов и целую «рощу» микрозавров, выходил к ним в скафандре, и, заметьте, без оружия. И что бы вы думали?

Момма скривил губы.

— Они, конечно, не напали, так? Хорош эксперимент! Но, по-моему, исключения только подтверждают правила.

Богданов оставался самим собой, словно не замечал колкости и резкости высказываний Моммы.

— У биофизиков есть такие понятия: излучение страха, излучение зла и так далее. Каждый человек излучает целый набор биоволн, в том числе и указанные волны страха и зла, а также и противоположные им волны доверия и дружелюбия. Оказывается, маунты остро реагируют на эти излучения, чувствуют их.

Богданов заметил, что его слушают все, и слегка повысил голос:

— Говорю это не для красивого аргумента в споре. Эти данные добыты вашими же товарищами из групп Шемисса и Старикова, только и к ним никто не прислушивался, не анализировал факты. Экспертам десанта пришлось потрудиться, чтобы успеть проверить всю накопленную информацию и уловить связь между излучением наших с вами мозгов и поведением маунтов.

— Видимо, ваши эксперты одинаково компетентны во всех вопросах физики и биологии,— заметил Крут Зотов из-за спин товарищей. При этом он посмотрел на Момму, и Филипп понял значение этого беглого взгляда: Зотов перестраховывался. Ему предстояло еще долго работать с командиров в одной упряжке, и рисковать он не хотел.

— Да, эксперты технического центра УАСС профессионалы не только по отысканию ошибок в технических системах,— сухо отрезал Богданов.

— И все же я не понял.— Момма отвел глаза.— Вы нашли способ избавиться от нападений маунтов?

Томах, так и не вставший со своего места, покачал головой. Филипп успел заметить на его лице тень сожаления, как и у Богданова. Мыслили и оценивали людей они одинаково.

— Вы не догадываетесь? Когда прекратились нападения маунтов на базу?

— Вы же знаете, перед вашим прилетом.

— Очень хорошо. А ваш резерв, все восемь человек, когда покинули базу в поисках группы Шемисса?

Момма задумался, былая уверенность покинула его каменные черты.

— Тоже перед нашим приходом. Но на этот отряд при переходе на плато Нежданного Спокойствия было совершено пять нападений маунтов и мимикрозавров, а на базу ни одного! Легко подсчитать — и мы подсчитали,— что тот поток излучения отрицательных эмоций, который исходил от всех находящихся в лагере девяти человек, недостаточен для того, чтобы пробить энергозавесу, отсюда и умиротворение маунтов. Эти ползающие горы чудовищно чув-

ствительны ко всем биополям, в чем состоит их основное оружие в борьбе за существование: чтобы прокормить себя, они должны чуять добычу задолго до того, как добыча учует их, замаскироваться-то им, как мимикрозаврам, нет никакой возможности. Вероятно, они относятся к вымирающему классу, да так оно и есть, потому что, по данным биологов, на планете обнаружено всего одиннадцать стад маунтов, из них семь — на вашем материке, и в каждом стаде всего по два десятка особей. Двести двадцать маунтов на всю планету! А вы ведете с ними настоящую войну! «Охотники на бизонов»...

Богданов замолчал, молчали и все остальные.

— Вы можете спросить: почему же маунты не напали на нашу группу, когда мы только-только приземлились? Ответ прост: мы не излучали в диапазоне страха и зла! И не излучаем до сих пор, поэтому и на базу прекратились нападения, несмотря на выключенную защиту. А чувство, или, если хотите, инстинкт, заставивший маунтов обратить внимание на человека, не что иное, как любопытство! Да-да, любопытство! А вы с первого своего шага приняли его за проявление агрессивности, палите из всех стволов по существам, которые по интеллекту в родстве с нашими дельфинами.

«Чепуха!» — говорил взгляд Моммы, но вслух он этого не сказал.

— Ловко! — кряхтя, снова вмешался Крут Зотов.— Ловко вы подвели платформу под идеи Дария! Однако, позволю себе усомниться в некоторых ваших выводах. Очень уже быстро у вас получается: пришел, увидел, победил! Фактического-то материала у вас почти нет? Я имею в виду обработанного материала, а не тех фантазий, которыми снабдили вас наши мальчики. А какие утверждения, что начальник...

— Не надо, Круг,— поморщился Момма, и Зотов сразу замолчал.

— Я думаю, вы поняли,— тихо сказал Богданов.— Действительно, фактов у нас мало, но поэтому-то и надо все проверить, а не переть вперед а ля йови. Правда, я не сказал о главном доказательстве,— он помедлил.— Судя по ситуации на Триасе, «зеркала», к которым вы поразительно равнодушны, появляются именно в тех местах, где человек вольно или невольно начинает вести себя... не как человек, где он переступает грань дозволенного, четко определенную нормами экоэтики. Вдумайтесь в это слово: экоэтика! Глобальная ответственность человека за все, что живет! А вы — плазменные пушки, «универсалы»... лазеры!

В кают-компании разлилось тяжелое молчание, прерываемое тонкими писками пульта возле незрячей стены виома.

— Маунты! — доложил вдруг кто-то из дежурных наблюдателей.— Три с юго-востока.

Момма сделал шаг к пульту, но посмотрел на Богданова и остановился.

— Включить защиту? — обернулся от пульта Владриг.

Богданов молчал.

— Нет,— поколебавшись, сказал начальник экспедиции.— Будьте наготове, если они полезут за черту безопасности.

— Мы завтра уходим,— сказал Богданов, подзывая Томаха.— Слава, твое мнение?

Остальные поняли, что разговор вошел в русло конфиденциальности, задвигались, заговорили о своем, разбившись на группки.

— Мое мнение — отстранить Исиро Момму от руководства экспедицией,— жестко сказал Станислав.— За несоблюдение второго параграфа должностной инструкции о руководстве экспедиционными отрядами Даль-разведки, а также за игнорирование норм экоэтики в планетарном масштабе.

Богданов пристально наблюдал за Моммой. Тот дрогнул ноздрями, губы сжались, словно перекусывая готовые вырваться слова.

— Согласен,— сказал наконец Никита.— Однако отстранять от руководства экспедицией я вас не буду. Пока. Только теперь все требования Дария будут выполняться так же, как и ваши собственные, а сам он должен находиться здесь. Согласны?

— А что мне остается? — сердито сказал Момма. Он не был способен признаваться в поражении, и, хотя требовательность его была однобока и граничила с жестокостью, руководить он умел. «Что ж,— подумал Томах,— не верится, что столь прямолинейный в стремлении доверять только своему опыту, считать свое мнение единственно верным человек вдруг «исправится», но может быть, он хотя бы способен идти на компромиссы?»

«Мы достаточно легко проникаем в космос,— думал Филипп,— технически просто. Вот только решить, как вести себя там, далеко от Земли, в глубинах пространства, непросто. Вернее, решить-то, наверне, легко, а претворять решения в жизнь»...

— Так что же такое ваши «зеркальные перевертыши»? — осторожно спросил Момма у Богданова, когда все разошлись на отдых и кают-компания опустела.

— Видеопередатчики с палиндром-эффектом,— ответил тот, глядя на багровое зарево заката, расчерченное в косую линейку стрелами облаков.— Кто-то через них наблюдает за нами. А, может быть, «зеркала» просто нечто вроде указательных знаков: «Осторожно! По газонам ходить воспрещается!» Или так: «Капризным детям вход воспрещен!»

Момма хмыкнул.

— Не слишком ли вы упрощаете? К чему тогда им палиндром-эффекты? Задержка предметов во времени и выдача в повернутом положении? Мне кажется, причина появления «зеркал» намного сложней, чем вам представляется.

— Это нас и тревожит.

Из черной стены леса бесшумно выпрыгнула нелепая масса маунта, и впервые за месяцы пребывания экспедиция на поверхности Триаса в кают-компании не прозвучал сигнал тревоги.

Утром следующего дня, начавшегося угрюмым серым туманом, Богданов первым рейсом отправил на спейсер ненужную больше технику, затем группу экспертов во главе с Бруно; третьим рейсом отправлялись последние десантники: Богданов, Томах и Филипп, мрачно-неудовлетворенный тем, что его помощь никому не понадобилась.

Ни один из «зеркальных перевертышей» захватить с собой не удалось: наутро их просто не стало — свое дело они сделали.

Провожал десантников Владриг, смущенный непривычностью ситуации и неумением прощаться.

— Извините, коли что не так... Ребята передают вам привет и пожелание чистого пространства.

— Спасибо, взаимно,— поблагодарил Богданов, пожимая ему руку.— Только не выставляйте напоказ свое бесстрашие при встрече с маунтами. Не всегда ведь животное поступают так, как нам хочется, осторожность в контактах подобного рода не помешает.

Десантники помахали руками работающим на космодроме инженерам экспедиции и скрылись в корге.

— Ну и тип этот Исиро Момма! — проговорил Филипп, когда они расселись в рубке.

— Полегче, полегче,— вполголоса заметил Богданов.— Все же он вдвое старше любого из нас. Любить его необязательно, но то, что он опытен и решителен, заметно.

— Его же боятся. Откуда браться уважению и любви?

— А что? Мне он нравится,— заявил Томах, вызвав беглую улыбку на губах Никиты.— Серьезный, знающий, целеустремленный, немного жестковат, правда, в отношениях с подчиненными...

— Грубоват, а не жестковат,— возразил Филипп.

— В меру, в меру, дружок, кто из нас не бывает груб в иные моменты? Плохо, конечно, когда эта черта превращается в норму поведения, но, по-моему, Момма просто уверен в непогрешимости, правильности и логичности своих поступков.

— Чересчур уверен, на грани культа.— Богданов сам сел в кресло пилота.— Однако, думаю, наше решение заставит его пересмотреть шкалу личных ценностей ориентаций.

— А если нет?

— Тем хуже для него. У Дария большие полномочия, просто он не привык требовать от других выполнения тех правил, выполнение которых сам считает само собой разумеющимся. Это, кстати, боль-

шой минус ему как руководителю. А с Моммой... в случае продолжения практики фауноцида Даль-разведка сменит руководителя экспедиции. Ну, поехали?

Когг ярко-голубой стрелой вонзился в низко нависшую иссиня-фиолетовую пелену облаков. Внизу осталось серое море тумана и грязно-зеленые острова великаньего леса. А затем впереди показался летящий навстречу аппарат, как две капли воды похожий на когг десантников, и, как ни старался, Богданов отвернуть не смог. Когг на всей скорости воткнулся в... громадное зеркало! Тьма хлынула в рубку, погасив сознание пилотов, как вода — тлеющие угли костра...

Филипп поднял гудящую голову и в первую очередь осмотрелся, пытаясь сориентироваться и определить, что ему угрожает. К его удивлению, рубка оказалась абсолютно целой, а не разбитой вдребезги, если принять во внимание потрясший их удар. Пульт по-прежнему играл спокойной желто-зеленой гаммой индикаторных огней, а в обзорном виоме разворачивалась в плоскость близкая планета.

— Ничего не понимаю! — подал голос Томах.— Голова гудит, будто меня здорово ушибли обо что-то твердое. И не одни раз...

— Мы падаем,— показал на виом Филипп.

Станислав повернулся к молчавшему Богданову.

— Ты жив? Куда мы там падаем?

— Не знаю,— ровным голосом отозвался Никита.

— Как это — не знаю? Включай двигатель и дуй подальше от этого неуютного Триаса! Мне показалось, что мы столкнулись с чьим-то коггом. И в результате у меня от толчка случилось какое-то минутное отключение.

— Во-первых, мы столкнулись с «зеркалом», во-вторых, со времени «толчка» прошло полтора часа, по зависимому времени, конечно, а в-третьих, мы не над Триасом.

— Станислав и Филипп переглянулись, потом одновременно стали разглядывать приближающуюся поверхность планеты.

— Да, это не Триас,— сказал Томах наконец.— Где это мы, мужики?

Богданов мельком посмотрел на него и снял с головы эмкан.

— Спроси что-нибудь полегче. Я знаю только, что когг на всей скорости «провалился» в «зеркальный перевертыш», отсюда удар и потеря сознания. А вышли мы из «зеркала» уже здесь, и теперь нас ведут на силовом поводке. Двигательная установка не включается, можете попробовать.

По рубке поползла настороженная тишина. Трое молча смотрели на мозаичное поле планеты, составленное из разноцветных, удиви-

тельно ровных квадратов. Каждый квадрат занимал площадь не менее десяти тысяч квадратных километров и с высоты напоминал обработанное поле. Однако в окне дальновидения одно из таких «полей» распалось на холмы и долины, горные страны и равнины, окутанные странным волокнистым туманом, и Филипп перестал подбирать аналоги к удивительной картине.

Когг ускорил движение, провалится вниз сразу на несколько десятков километров. Пол и потолок временно поменялись местами, потом последовал двойной рывок, и когг прочно утвердился на дне странного четырехгранного колодца с разноцветными стенами, уходящими вверх на неведомую высоту. Ошеломленные безопасники, готовые тем не менее к действию — автоматическое проявление специфики спасательской работы, въевшейся в душу и кровь,— смотрели на туманные стенки «колодца», пропускающие ровно столько света, чтобы не напрягать зрение. Дно «колодца» имело густой черный цвет, так что казалось — его нет совсем.

— Ирония судьбы,— нарушил молчание Томах.— Случись это с кем-нибудь другим — не поверил бы!

— Ирония судьбы — это нечто вроде слепого невидимки,— возразил Богданов.— К нашему случаю сие определение не подходит, уж очень явно вмешательство какого-то заинтересованного фактора.

Станислав с минуту раздумывал, потом вдруг что-то вспомнил:

— А ну-ка проверь, двигатель все еще не включается?

Богданов посмотрел на него с удивлением, надел эмкан и через несколько секунд снял.

— Странно, команды проходят! Можем стартовать хоть сейчас.

— В этом все дело. Ты прав, нас «похитили» с определенной целью, посадили здесь специально и ждут, что мы поступим как разумные существа.

— Не мудри.

— Ну, то есть бегство — не критерий разумности в нашем положении. Давайте выйдем, осмотримся, взлететь мы всегда успеем, раз нам оставили эту возможность. Любопытно все же, куда нас занесло.

Спустя несколько минут, уточнив характеристики атмосферы неизвестной планеты и надев легкие «прогулочные» скафандры, они ступили на черное, как свежий асфальт, дно «колодца».

Филипп топнул ногой: черное вещество пружинило и поглощало звук. Отойдя от когга на несколько шагов, он огляделся. Дно «колодца» было квадратным со стороной метров сто двадцать. Стены его казались стеклянными и в то же время зыбкими, колышущимися: одна из них была зеленоватой, вторая — тоже зеленой, но гораздо более яркой, третья — фиолетовой, четвертая — белой.

Филипп коснулся рукой в перчатке зеленоватой стены. Рука

свободно прошла сквозь зеленое нечто, исчезая, как в слое тумана, а он почувствовал тепло и выдернул руку.

— Что там? — подошел Богданов.

— Туман... никакого сопротивления... только руке стало тепло.

Никита осторожно повторил эксперимент: рука по локоть вошла в струящуюся зелень стены, пропав из поля зрения.

— И правда, тепло... Вероятно, какое-то физическое поле. Интересно, а другие стены?

Другие стены реагировали на прикосновение точно так же: видимое нечто не препятствовало проникновению в него твердых предметов, но давало о себе знать чувством возникающего тепла.

Побродив по черной площадке, десантники собрались у надежной башни десантного шлюпа.

— Стоит рискнуть проникнуть сквозь одну из стен,— сказал Томах, посмотрев на часы.— «По-моему, вещество или поле — из чего она там состоит — безвредно. В глубине души убежден, что все происходящее с нами запрограммировано и контролируется Наблюдателем, иначе наше приключение не имеет смысла. Он решил либо испытать нас, что требует доказательств, либо что-то показать. Отсюда вывод: мы должны быть или сообразительнее, или...

— Ого,— усмехнулся Богданов,— Каскал гипотез! Ну, и второе твое «или»?

— Или решительнее. Второе «или» может оказаться верным. Уж в том, что мы часто гораздо более решительны, чем сообразительны, Наблюдатель должен был убедиться.

Филипп привык к тому, как Станислав, внешне грубовато, резко и небрежно утверждал свою точку зрения. Впрочем, Богданов тоже к этому привык.

— Может быть, может быть,— рассеянно заметил он.

— Но почему стены разного цвета?

— Да потому, что выходят очевидно в разные квадраты «мозаики». Помните, какой выглядела планета с орбиты? Нас посадили на стыке нескольких таких квадратов, и этот колодец, наверное, своеобразный тамбур.

— Логично,— кивнул Томах.

— Вопрос: что же нас, собственно, ждет там, за стенами? — продолжал Никита, словно разговаривая сам с собой.

Томах снова отметил время.

— Мы топчемся без толку уже полчаса. Что касается твоего вопроса, то у меня нет особого желания окунаться в неизвестность. Предчувствие совершенно дурацкое; будто нас ждут неприятные сюрпризы. Но ведь делать что-то надо...

— А вдруг наоборот — нас ждет контакт с Наблюдателем?

Станислав неопределенно пожал плечами.

— Не уверен, что контакт будет приятным. К тому же способ

доставки нас сюда излишне претенциозен, Наблюдатель давно мог бы установить контакт с нами менее экстравагантным способом. Если бы хотел.

— Хорошо.— Богданов выпрямился и оглядел спутников.— На всякий случай переоденем эти костюмчики на что-нибудь помощней и — на разведку. Вы правы, надо действовать, раз путем размышлений нельзя решить подсунутую задачу.

Через четверть часа, экипированные так, будто им предстояло выдержать осаду десятка природных катаклизмов сразу, безопасники опробовали автоматику скафандров и сошли по трапу на черное дно «тамбура».

— В какую сторону подадимся? — спросил Томах, похожий на угловатую каменную глыбу, впрочем, все они сейчас ничем не отличались друг от друга — остроконечные, непрозрачные внешне, конусы шлемов и горбы генераторов поля на спинах делали их уродами, вернее, выходцами из «иных измерений».

— Может быть, сюда? — Богданов показал на белую стену.

— Давайте жребий,— предложил Томах.

— Да что вы, в самом деле! — взбунтовался Филипп.— Все равно придется все стены проверить. Еще неизвестно, попадем ли мы куда-нибудь. Меня лично тянет в эту сторону.— Он ткнул пальцем в фиолетовую стену, самую темную из всех.

— Логично! — с восхищением сказал Томах.

Богданов засмеялся. Подошли к стене.

— Можно я первым? — быстро спросил Филипп и, не дожидаясь ответа, шагнул в зыбкую пелену.

По всему телу прошла волна тепла, будто он окунулся в теплую воду. Подождав неприятных ощущений — их не было,— он высунул голову назад, что явилось неожиданностью для оставшихся, и сказал:

— Все нормально, иду дальше.

Затем снова залез в стену и очутился в странном сумеречном мире: перед ним простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней белыми, как снег, глыбами. Над равниной нависало угрюмое фиолетовое небо с тремя яркими синими звездами, лучи которых высекали в глыбах ослепительные голубые искры. К горизонту уходили какие-то темные массивы, не то горы, не то лес — света трех звезд не хватало, чтобы рассмотреть все более подробно. И еще: здесь мелко-мелко тряслась почва и откуда-то доносился глухой рокот, словно за горизонтом грохотал вулкан. Кроме того, сила тяжести в этом мире превышала земную почти в два раза, пришлось включить генератор поля, снявший с тела пресс силы тяжести.

Филипп огляделся и присвистнул. Сзади него простиралась та же мрачная равнина, никакой стены не было.

Рядом возникла чья-то фигура и изрекла голосом Богданова:

— В следующий раз высеку за самодеятельность!

Томах появился, как чертик из коробки:

— Что-то тяжеловато здесь, братцы.

Богданов сделал два шага вперед и оглянулся.

— Ага. Я было начал сомневаться.

Томах встал рядом, посмотрел на то место, где стоял раньше, и хмыкнул. Филипп с любопытством оглянулся и увидел висящее в воздухе тонкое светящееся кольцо.

— Выход,— сказал Богданов, прошел к кольцу, шагнул в него и исчез. Через несколько секунд появился снова.— Порядок.

Томах осмотрелся.

— Жутковатое место, вы не находите?

Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная не то сажей, не то пеплом, не то черным песком, и лишь белые глыбы, похожие на ледяные айсберги, играющие в гранях холодным огнем, да три колющих глаза звезды вносили некоторое разнообразие в необычно монотонный пейзаж.

— Похоже на Шемали,— произнес Филипп.— Там тоже все черное и угрюмое.

— Все да не все,— возразил Богданов.— Цветовая гамма не та, слишком напоминает потухший ад. Так и кажется, что здесь недавно все горело.

— Не знаю, потухший ли, мой термо показывает температуру почти плюс двести сорок по Цельсию.

— Тогда те глыбы — не лед и не снег.

Помолчали, чувствуя себя неуютно.

— Не нравится мне этот ландшафт,— пробормотал Томах.— Не знаю почему, но не нравится.

У Филиппа тоже появилось какое-то гнетущее чувство тревоги. В воздухе «пахло» угрозой, но эта угроза не была обращена к ним, она была давняя, застарелая и пропитала все вокруг так основательно, что невозможно было сомневаться в неблагополучии странного «потухшего ада».

Вдруг что-то изменилось. Филипп не сразу понял, что просто прекратилась дрожь почвы и умолк далекий глухой рокот, единственный звук, будоражащий воздух не то ночи, не то дня.

— Не забудьте о записи,— предупредил Богданов, поправляя на плече зрачок видеокамеры.— И запомните, куда надо бежать в случае осложнений.

— Думаешь, придется бежать?

— Не знаю. Давайте пройдемся немного, до первого «айсберга», что ли, и вернемся.

Рассредоточившись так, чтобы видеть друг друга и в то же время наблюдать за обстановкой, они двинулись по скрипящей под сапогами «саже» к одной из сияющих белых глыб величиной с небольшое десятков метров и в длину около сотни, самый маленький не превышал роста человека.

Не успели пройти и сотни шагов, как вдруг из-за горизонта вметнулась дугой длинная искра и вспыхнула над равниной ослепительным клубком голубоватого пламени. Все предметы на равнине выступили четко и рельефно, протянув угольно-черные тени. Лишь неясные темные массы так и остались неразличимыми, словно застывшие бурые клубы дыма.

Из-за горизонта вынеслась еще одна звезда, затем еще одна. И в тот же момент из дымоподобных громад выпрыгнули стремительные ручьи жидкого пламени и потекли, причудливо извиваясь, к белым айсбергам.

По нервам людей ударило болезненно и сильно.

Филипп увеличил напряженность защитного поля, стало легче, но в довершение ко всему ему показалось, что он слышит чей-то долгий, тонкий, мучительный крик, чей-то призыв о помощи, хотя рядом не было никого, кто мог бы так кричать.

Ручьи преодолели расстояние до белых глыб, и те внезапно зашевелились, стали растрескиваться, окутались бурным белым паром... «Крик» захлебнулся, перешел в хрипящее булькание — все это на уровне мысленного приема — и пропал.

Сквозь пар, окутавший ближайший «айсберг», люди увидели золотистый факел огня, осветивший какую-то сложную многогранную фигуру, нечто вроде груды кристаллов, затем раздался глухой взрыв, и все скрылось в густом фонтанирующем пару...

Словно сделав свое дело, играющие холодным ртутным блеском «ручьи» возвращались обратно, укорачивались, уходили в пухлые нечеткие массивы другого «дымы», бурого. Исчезли. Световые «бомбы» в небе погасли, и стало почти темно. По всей равнине вместо белых «айсбергов» некоторое время светились странные алые холмики, похожие на кучи углей, но и они потухли. Равниной завладела тьма.

Из-за горизонта донесся знакомый рокот, и снова затряслась почва.

— Вот и весь концерт,— пробормотал Томах.

— Пошли назад,— скомандовал Богданов.— Иначе мы рискуем стать мишенями вместо этих «кусков льда».

Словно в ответ на его слова из густой клубящейся тьмы, оконтуренной только фиолетовым свечением небосвода, вылетел серебристый ручеек и направился к попятившимся разведчикам.

— Не останавливайтесь,— хладнокровно сказал Богданов.— Быстро на холм!

Друзья повиновались и в несколько прыжков достигли точки выхода — красное кольцо исправно показало дорогу в «тамбур».

Богданов терпеливо дождался, пока ручей пересечет те несколько сот метров от своего облакоподобного обиталища до людей (даже в полусотне метров от него у Филиппа появились болезненные ощущения в позвоночнике и крупных нервных узлах тела), и включил прожектор. Яркий клинок света вонзился в ручей, и тот резко снизил скорость течения, затем остановился совсем. Никита выключил прожектор, подождал и снова включил.

«Озадаченный» ручей попятился и вдруг... загорелся по-настоящему! Все вокруг озарилось дрожащим пугливым светом. В буром «дыму» прозвучали два глухих удара, вздрогнула почва, и люди увидели, как из тьмы на них сначала медленно, а потом все быстрее покатился бурый бесформенный вал. Голову Филиппа охватила усиливающаяся боль, по нервам словно стегнули горячим кнутом!

— Никита! — крикнул Томах, но Богданов не стал дожидаться новых сюрпризов и метнулся назад. Все трое, тяжело дыша, вывалились на матово-черную поверхность «колодца». В центре квадрата уютно светила габаритными огнями башня когга.

— Тишина и спокойствие,— отдышавшись, сказал Томах.

— Разведали,— в тон ему отозвался Филипп.

В рубке разделись, без единого слова позавтракали и принялись изучать вытянутые физиономии друг друга.

— Что дальше? — спросил наконец Богданов, уходя взглядом в себя; Филипп понял, что Никита взвешивает собственное решение.

— Мы слишком мало видели,— пробормотал он.

— Да,— согласился Томах,— понять что-либо трудно.

— Придется идти снова,— кивнул Богданов.

— Только уж выбирать направление на этот раз буду я,— поднял руку Станислав.

Они снова облачились в тяжелые противоядерные балахоны, известные в Даль-раведке под названием «панголины», и на всякий случай предварительно прощупали эфир в радиодиапазоне антеннами шлюпа. Но эфир был пуст и тих, динамики лишь слабо потрескивали немногочисленными, прорвавшимися сквозь толщу атмосферы колодца быстрыми ионами.

— Я предлагаю нырнуть сюда,— Томах остановился возле темно-зеленой стены.

Богданов пожал плечами, и они почти одновременно шагнули в малахитовое строение перегородки, отделяющей колодец-тамбур от квадрата со своей жизнью. Десантники уже поняли особенность мозаичной планеты: каждый квадрат ее мозаики представлял, очевидно, ограниченную силовыми завесами область с резко отличающимися от соседних жизненными условиями.

Они оказались в котловине, придавленной низкими, несущимися с большой скоростью облаками. Котловина заросла черными шарами с густой щетиной колючек, в центре ее обнаружилось не то озеро, не то болото с проплешинами тяжелой, похожей на ртуть жидкости, затянутое по краям ржаво-зеленой пленкой. Сила тяжести и в этом мире не соответствовала земной, хотя и была близка к ней.

В нескольких шагах от людей на берегу озера возвышался странный холм, покрытый чем-то вроде металлических плит. Филипп первым обошел его, оскальзываясь на зеленых буграх, скользких, как жидкое мыло, и с содроганием обнаружил, что холм — лежащий на боку зверь! Мертвый зверь, судя по гигантской многометровой ране в его боку.

В длину гороподобное страшилище достигало не менее пятидесяти метров и заканчивалось короткой шеей с жуткой головой, похожей больше на грибообразный, весь в перепонках, нарост. В полураскрытой пасти зверя, откуда еще шел синеватый дым, лежало нечто, напоминавшее черное скользкое бревно, перекушенное почти пополам. Ног у мертвого чудовища, как и у «бревна», не было видно, и Филипп вспомнил маунта на Триасе: маунт был, конечно, в три раза крупнее этого гиганта, но и мертвый зверь впечатлял.

— Мать честная! — выдохнул Томах, не подходя близко.— Ну и велика же творческая потенция у природы!

— А ведь его убили недавно,— пробормотал Богданов, стоя у борозды в боку исполина, сочащейся сизым дымом.— Рана свежая.

— Похоже, в него всадили ракету,— сказал Филипп, падая на бок; удержаться на зеленых склонах, покрытых пастообразной, чрезвычайно скользкой массой, было нелегко. И вдруг у него появилось острое чувство тревоги.

— Слава,— позвал он, озирая окрестности,— чую опасность.

Но предупреждать никого не требовалось: и Богданов, и Томах уже насторожились, отзываясь на «звонок» тревоги, включенный подсознанием.

— Все сюда! — негромко проговорил руководитель группы, скрываясь за скопищем черных «ежей», как они окрестили растительные шары. Убежище было ненадежным, но все же защищало от любопытных взглядов, появись здесь другие существа. И существа появились — собратья погибшего исполина. Издавая гулкие шлепки, с треском вспарывая заросли «ежей», чудовища выползли из-за обрыва на склон котловины и заскользили вниз. Ног у них и при движении не было видно, так что невозможно было понять, как они передвигаются.

Одно из чудовищ вдруг замедлило скольжение, и его безобразная голова повернулась в сторону спрятавшихся в сотне метров

людей. В ту же секунду из болота с плеском вылетела громадная черная торпеда и вонзилась в бок гиганта. Грохот, короткое оранжевое пламя, из бока животного с шипением вырвалась струя синего дыма. «Ящер» молниеносным движением, какого от него трудно было ожидать, поймал «торпеду» раскрытой пастью. Каменно-металлический лязг, хруст, сдавленный вопль — и все стихло. Только из бока раненого продолжала со свистом хлестать струя дыма, на глазах меняя цвет с синего на бурый.

Трое из оставшихся бронированных великанов окружили раненого, остальные направились к мертвому, остановились и — Филипп не поверил глазам — склонили страшные свои головы у трупа! Через минуту к ним присоединились остальные трое вместе с раненым и также застыли неподалеку в недвусмысленном ритуале.

— Честь отдают, ей-богу! — прошептал Томах.

Чудовища разом вздернули головы, покачивая наростами, осмотрели заросли колючих шаров. Одно из них долго и подозрительно глядело в сторону замерших разведчиков, в то время как его приятели что-то делали вокруг мертвого собрата. Когда они закончили возню, от трупа не осталось и следа. То ли они зарыли его, то ли сбросили в болото, то ли вылечили (Филипп пожалел, что не догадался подсчитать, сколько их было вначале). Потом всей группой постояли в неподвижности около минуты на берегу, вглядываясь в воду и ворочая головами-локаторами, и один за другим поползли прочь, причем тот, что стоял на страже, всматриваясь в заросли, все время оглядывался. Они бы так и уползли, если бы не Томах, пробормотавший:

— Могу побиться об заклад, что...— фразы он не закончил.

Оглядывающийся исполин метнул вдруг в их сторону стометровый огненный язык. Сильно зашипело, с треском вспыхнули «черные ежи», людей бросило силой удара на склон холма, однако реакция у всех была отменной, и генераторы поля защитили их от еще одного огненного удара.

Гигант, очевидно, не видя того, что предполагал увидеть, подозрительно поворочал головой и с достоинством удалился за поджидавшими его товарищами.

Постояв с минуту и вслушиваясь в наступившую тишину, десантники наконец зашевелились.

— Что ты хотел сказать? — спросил Богданов.— Ты же хотел с кем-то биться об заклад.

— А-а... уж очень осмысленными выглядели их действия. Вот я и подумал — не разумны ли они?

— А сейчас так не думаешь?

Станислав нагнулся, растер в руке ком пепла, оставшийся от колючего черного шара.

— Не знаю.

— Кто же в них стрелял? — спросил Филипп.— Прямо из озера... как будто торпеду запустили из подводной лодки.

— Никто не стрелял. Эта черная «торпеда», что ударила в бок дракона, скорее всего, тоже какое-то животное. Вспомните, точно такое же торчало из пасти погибшего.

— На драконов эти звери не похожи,— педантично отметил Богданов,— нет крыльев.

— Надо же их как-то называть. Впрочем, ты среди нас единственный, кто близко знаком с ксенобиологией, можешь классифицировать местную фауну сам.

— А ведь интересная ситуация.— Богданов выглянул из-за уцелевших «ежей»; с десяток их догорало малиновым пламенем на склоне котловины.— Мне тоже их действия показались целесообразными. А ну как, в самом деле, разум?!

— Давайте посмотрим, куда они дели убитого,— предложил Филипп.

Но посмотреть им не дали. Потому что из свободных от зарослей окон в болоте полезли на берег знакомые черные «торпеды» толщиной с туловище человека и длиной около десятка метров. Издали они больше напоминали черных скользких червей, но вблизи — громадные столбы с тупыми концами. Ни глаз, ни рта, ни конечностей люди у них не заметили, и тем не менее «бревна» ползли, прямые, ровные, круглые, ни дать ни взять — телеграфные столбы в смоле!

Они выползли на берег, порыскали вокруг, потом собрались вместе и странным образом соединились в какую-то решетчатую конструкцию, нечто вроде скелета пирамиды.

Филипп едва сдержался, чтобы не выразить удивления вслух, но вовремя вспомнил реакцию «драконов» на их разговор. «Бревна» тоже могли воспринимать радиоволны.

«Скелет пирамиды» простоял минут пятнадцать, полчаса, а так как он и не думал распадаться, Богданов дал знак возвращаться. Знакомая алая окружность указала направление, и вскоре они стояли на черном полу колодца, обляпанные в зеленое с ног до головы.

— Мыться,— со вздохом сказал Богданов.— Потом еще раз попытаем счастья.

— Зачем? — буркнул Томах.

— Затем, что я все еще не знаю причин, по которым нас забросили сюда. Может быть, ты уже разобрался?

— Но и в этих картинах нет намека на ответ. В одном квадрате дерутся, в другом...— Станислав замолчал и задумался.

Филипп насторожился, показалось, что он понял, почему их без предупреждения бросили на планету-мозаику, но мысль мелькнула и исчезла, оставив острое чувство сожаления и досады.

Переодеваться не стали, только очистили в коридорных фильт-

рах когга скафандры. Богданов заторопился, решив осмотреть оставшиеся квадраты за полчаса.

— Белый? — спросил он, выходя из корабля.

— Меня тянет в зеленый,— заколебался Томах.— Эта стена светлей, чем та, где мы только что побывали.

Никита кивнул, и десантники дружно шагнули в дымную стену, не ведая, какой сюрприз преподнесет им Его Величество Случай...

Глава 12. КРАСНАЯ КНИГА

Того, что они увидели, никто увидеть не ожидал. Они вышли из стены тамбура и оказались... на Земле!

Перед ними лежало поле неубранной ржи, а может быть, и пшеницы — Филипп слабо разбирался в культурных злаках полуторавековой давности, просто знал, что когда-то хлеб получали из зерна. Слева поле отгораживала полоса осеннего, будто объятого пожаром леса, а справа поле и в самом деле горело, и черно-бурые клубы дыма плыли над проселочной дорогой, догоняя странные приземистые машины в пятнах камуфляжа, с крестами на бортах.

Издалека на поле выливалась каша грохочущих, металлических звуков, в которой изредка бухали громкие раскаты, и Филипп догадался, что это перестрелка.

— К ракитнику! — резким неприятным голосом скомандовал Богданов; они, пригибаясь, перебежали пригорок и спрятались в негустом кустарнике за поваленным недавно деревом.

В воздухе над ними раздался сверлящий уши звук, над полем тенью промелькнул знакомый по историческим хроникам силуэт военного самолета.

Перестрелка за лесом усиливалась, приближалась, приземистые машины с длинными дулами орудий остановились на пыльной дороге и развернули башни к лесу. Неподалеку от спрятавшихся зрителей остановился тупорылый грузовик, из кузова на поле посыпались люди в серо-зеленом обмундировании. Донеслись лающие звуки команды, люди бросились к лесу через рожь.

— Мне знаком их язык,— медленно проговорил Томах.

— Немецкий,— бросил Богданов.— Все, что мы видим, это Земля середины двадцатого века. Более точно — сороковые годы двадцатого, действие — Вторая...

— Вторая мировая война!

Богданов прижался всем телом к земле.

— Для моих предков это была Великая Отечественная война. Да, сюрпризец что надо!

Он снова приподнялся на локтях, всматриваясь в чужие машины для уничтожения — танки. На Земле и в двадцать третьем веке

существовали танки, но то были исследовательские машины, предназначенные для работы в экстремальных условиях, а тут кто-то решил напомнить людям о грозных предках этих машин. Зачем?..

Танки с крестами на бортах оглушительно замолотили воздух выстрелами. Возле них тоже запрыгали кусты разрывов — ответных выстрелов десантники не видели, но поняли, что по врагам открыла огонь артиллерия русских...

— Наши бьют,— буркнул Филипп, невольно причисляя себя к тем, кто защитил когда-то Землю от варварства фашизма. Никто его не поправил, не бросил шутку, память о том времени была священна, и мысль у всех была одинаковой.

Танки на дороге дрогнули, попятились. Одна машина вспыхнула, остальные, отстреливаясь, повернули к дуге леса, взбегающего на цепь холмов километрах в пяти отсюда.

— Что будем делать? — спросил Станислав, когда с другой стороны показались русские танки и донеслось долгое «ура», от которого у десантников невольно сжались сердца.— По-моему, все понятно.

— Что тебе понятно?

— Ну, с этим вот.— Томах повел рукой, очерчивая круг.— Показана часть человеческой истории, далеко не лучшая часть, прямо скажем. Единственное, что пока неясно, видеофильм это вроде наших голографических видеопластов или материальное воплощение.

Филипп потрогал рукой голые ветки ракитника, попробовал пальцем упавший ствол дерева, ощущая его неподатливую твердость, хотел сказать, что предметы здесь не похожи на голографические призраки, но тут совсем рядом в нескольких шагах разорвался снаряд. Взрывной волной десантников швырнуло на дерево, и, пока они приходили в себя — скафандры выдержали, но сотрясение было приличным,—их заметили.

Филипп сначала не понял, что за толчки пересекли грудь, потом понял — пули! В них стреляли, причем стреляли с двух сторон: отступающие немцы и приближавшиеся русские солдаты.

— Назад, к выходу! — приказал Богданов, первым включая защитное поле. Он встал, не обращая внимания на выстрелы — со стороны русских стрельба прекратилась,— сделал несколько шагов и словно споткнулся: пригорка, с которого они вступили в этот мир, не существовало. На его месте дымилась воронка глубиной около двух метров, и алая окружность выхода в «тамбур» светилась точно над центром воронки. Допрыгнуть до нее в скафандрах даже при наличии генераторов поля они не могли.

— Надо было взять антигравы,— сказал Томах, оглядываясь. К ним приближались два квадратных танка, угрожающе покачивая орудийными стволами.

20

Филипп тоже оглянулся, чувствуя, как ему целятся в спину. Он представил, какими чудищами выглядят они со стороны: широкие, горбатые, с конусовидными головами, на поясе ряд непонятных аппаратов — и его охватило сложное чувство ирреальности происходящего. Прошлое Земли ушло, отступило за гранит веков, но здесь оно почему-то возродилось и властно напомнило о себе, раня душу и заставляя память судорожно рыться на полках забытых терминов в поисках нужных слов для объяснения ситуации. И снова Филиппу показалось, что знает он, зачем им все это показывают, и снова мысль «сорвалась с крючка», спряталась в глубинах ассоциаций, ненужных воспоминаний, да и время торопило.

— За мной! — негромко скомандовал Богданов и побежал в распадок, туда, где горела рожь. Через минуту они укрылись за пеленой огня и дыма, сопровождаемые редкой трескотней выстрелов. Атакующие цепи русских воинов прокатились дальше к лесу, «ура» смолкло, и наступила хрустящая тишина, нарушаемая только дальним рокотом уходящего боя.

— Хочешь отсидеться до ночи? — осведомился Томах, усаживаясь на почерневшую, в саже и копоти, землю.— А если смены суток у них не предусмотрены?

Богданов подкинул в руке сплющенную пулю и протянул ее Филиппу. Тот несколько минут разглядывал свинцовую лепешечку, несшую в себе чью-то несостоявшуюся смерть.

— У кого это «у них»?

— У них.— Томах снова широко повел рукой.— У тех, кто все это создал. Не будете же вы утверждать, что мы на Земле.

— И люди тоже созданы? — не сдавался Филипп.— Может быть, все привезено с Земли.

— Что же, по-твоему, они здесь так два с половиной века и воюют без роздыху? С тех пор, как их «привезли»?

— Ну-у...— Филипп пошевелил пальцами.— Время здесь не обязательно должно идти с той же скоростью, что и на Земле. У нас прошло два столетия, а тут, скажем, два месяца. Вспомните, «зеркальные перевертыши», один из которых зашвырнул нас сюда, каким-то образом связаны с преобразованием времени.

— Нерационально,— тихо сказал Богданов.— Техническая мощь существ, создавших мозаику миров, велика, но и они не боги, и наверняка более рациональны, особенно когда дело касается энергетических затрат. Уверен: «Земля военного времени» — не более чем объемный сенсорный видеофильм. Причем включается он только при наличии зрителей.

— Положим, это спорно,— возразил Томах.— Сверху мы видели, что квадраты не пусты, а заняты ландшафтами, а если бы ты был прав, то и мозаики этой не надо: прилетают зрители — включается фильм.

— Ландшафты могут быть созданы навечно,— сказал Филипп.— А все остальное — фильм.

— Очень уж реален этот фильм. Пуля-то у тебя в руках настоящая, а? И стреляли в нас по-настоящему...

— Вы не учитываете, что зрителей может быть множество, и картина крутится постоянно: кто-то обязательно смотрит фильмы в каждый момент времени, поэтому и нет «голых» квадратов.

Помолчали.

Перестрелка за лесом стихла, только изредка доносились щелчки выстрелов, вполне безобидные из-за расстояния. Рожь у дороги сгорела и дым поредел, открыв хмурое осеннее небо, начавшее слезиться редким дождем.

— Нет, вы только представьте! — воскликнул вдруг Станислав.— Планета разделена на тысячи квадратов, и в каждом своя жизнь!

— Причем не просто жизнь,— добавил задумчиво Богданов,— а, скорее всего, разумная. Вас это не наводит на размышления?

Филипп вспомнил фиолетовую пустыню со сгоревшими «айсбергами», о разуме в человеческом понимании там ничего не напоминало, и вдруг поймал-таки упорно убегавшую мысль. Тысячи миров на одной планете! Тысячи жизней! Но жизней неблагополучных, судя по событиям в трех наугад взятых квадратах! Кунсткамера, вот что это такое! Паноптикум особых ветвей развития жизни во всей Галактике! А то и в скоплении галактик! Но какой же мощью надо обладать, чтобы сделать такой «паноптикум»?!

— Так что будем делать? — деятельный Станислав вскочил и прошелся по сгоревшей стерне, поднимая облачка пепла. И в ту же секунду бросился ничком на землю.— Ложитесь! Тихо!

Десантники попадали рядом, толком не поняв в чем дело, инстинктивно располагаясь спинами друг к другу, чтобы иметь круговой обзор.

Томах похлопал их по спинам, поднес руки к шлему, давая понять, что разговаривать нельзя, и показал в ту сторону, откуда они бежали полчаса назад. В это время ветер отнес последние клочья дыма в сторону, и Филипп увидел странную фигуру, состоящую из нескольких блестящих кубов, выползавшую из «пустоты» входа. Оттуда же, откуда попали в земной квадрат они сами.

Фигура, карикатурно напоминавшая робота, как их рисовали два столетия назад: голова — куб, руки — параллелепипеды, ноги и туловище — тоже кубы — выползла совсем, голова ее качнулась два раза, налево и направо, словно существо осматривалось, потом неизвестный посетитель взвился в небо и скрылся из глаз.

Пролежав четверть часа и никого больше не дождавшись, десантники зашевелились, принимая более естественные позы.

— Кто это был? — спросил Филипп, отряхивая живот.

— А ты не догадался? — сказал Богданов.— Зритель, как и мы с вами. Я же говорил, их должно быть много, со всех концов Галактики. Удивляюсь, как мы не столкнулись с ним раньше.

— С ним?

— Не с ним, так с другим, а то и с целой делегацией... если мои догадки верны.

Богданов повертел в руках сплющенную пулю и зашвырнул в поле.

— Пошли, нет смысла прятаться.

Он вошел в иссякающий струйками дым и быстро поднялся на холм. Товарищи потянулись следом. А у дороги, возле дымящегося подбитого танка наткнулись на лежащего ничком человека. Он был мерв, спину пересекала цепочка рваных кровавых дыр.

— Наш,— зачем-то сказал Томах, останавливаясь.

Филипп с трудом сглотнул, отвернулся и шагнул прочь.

— Нет уж,— встал на пути Станислав.— Смотри! Такого больше не увидишь! Непривычно? Жестоко? А ты думал, им было легче?! — Он мотнул головой в сторону сгоревшей ржи.— Не здесь — на Земле? Смотри, парень, и запоминай...

— Не надо, Слава,— оглянулся Богданов.— Он запомнит и без твоего напутствия. Не для того ли нас перенесли сюда и ткнули носом, чтобы мы вспомнили, какими были? Вернее, чтобы не забывали? Не для того ли нам напомнили последнюю из Великих войн, за гранью которой осталось Великое уничтожение цивилизации? Разве не чудо, что человечество сумело остановиться на лезвии суицида?

Несколько минут прошло в молчании, тяжелом, как физическая боль, потом Томах пробормотал:

— Керри как-то спросил: чем измеряется история человечества? Как это выразить кратко? Я отвечу, а тогда не мог: история человечества — это не история покорения Галактики, как считают многие, это, прежде всего, история покорения человеком самого себя.

Никто ему не возразил. Перед ними лежал мертвый. Русский солдат. Человек! И если оглядеться вокруг, на поле лежало еще много людей, своих и врагов, и какая была для Филиппа разница — фильм ему показывали или кусочек настоящей человеческой истории, он и к слову «смерть» не мог оставаться равнодушным...

У воронки, над которой при их приближении загорелась в воздухе алая окружность, Богданов остановился.

— Попробуем допрыгнуть? — с сомнением предложил Станислав.

— Нет, что-то мы упускаем из виду. Мир этот не бесконечен, как нам кажется, и мы это знаем, граница его здесь...— Никита прошел слева от воронки, фигура его странно заколебалась и... он оказался развернутым на сто восемьдесят градусов!

— Так! Убедились, стена на месте. Эффект поворота — словно у «зеркального перевертыша», видимо, это все-таки дело рук Наблюдателя, используются одни и те же приемы. Может, мы просто не умеем пользоваться входом?

— Давайте прикажем ему...— Филипп не договорил. Светящаяся окружность погасла и возникла рядом с воронкой.

— Молодец! — хмыкнул Томах, обходя Филиппа.

— Но я еще ничего не...

— А ничего и не надо. Достаточно того, что ты подумал об этом. И здесь автоматика мыслеприказа, разве что почувствительнее нашей.

На знакомом черном полу «колодца» остановились, разглядывая когг.

— Тот, квадратный, вылез отсюда,— высказал общую мысль Томах.

— Ну и что? — Богданов обошел шлюп кругом.— Зритель он, вероятно, квалифицированный, не чета нам, что ему чужая машина? Посмотрел и помчался по своим делам. Может быть, он часто прилетает на спектакли.

Томах потрогал броню шлюпа.

— Куда теперь? Домой?

— А как? — спросил Филипп.— И куда?

Богданов хмыкнул.

— Вот именно. Мне кажется, у нас у каждого складывается свое мнение об увиденном. Не будем спешить с выводами, для полноты впечатлений можно было бы посмотреть еще одну картинку, у нас осталась в запасе белая стена, но у меня есть идея. Хотите — идите туда без меня, а я еще раз погляжу на земной ландшафт.

Он повернулся и нырнул в зеленую стену, за которой его ждал мир Земли.

Филипп повернулся к Томаху, но так как скафандры не позволяли видеть лиц друг друга, пришлось задавать вопрос вслух:

— Пойдем?

— Куда? — осведомился Станислав.

— За Никитой.

— Иди, а я лучше посещу белый квадрат, все какое-то разнообразие.

Они разошлись в разные стороны.

Ради любопытства Филипп вошел в знакомую зеленоватую стену в полусотне шагов от того места, куда вступил Богданов, но вышел рядом с ним: у субстанции защитных стен имелось свойство выводить гостей в одну точку выхода в квадрат. Он вышел и остановился.

Знакомого пейзажа со сгоревшим хлебным полем не было.

С трех сторон их окружал лес, вернее, джунгли: сочный, зеленый ад, делящийся на три уровня. Первый — тунговый кустарник, второй — фикус и пальмы, третий — диптерокарпусы и бамбук. Сразу за лесом начиналась выжженная пустыня, упиравшаяся на горизонте в угрюмые черные горы. Пустыня делилась надвое неширокой рекой, вода в которой была цвета кофе с радужными разводами.

Вдоль противоположного берега реки цепочкой брели усталые люди в пятнистых комбинезонах, в руках у каждого была автоматическая винтовка (название оружия Филипп вспомнил позже), на головах каски с пучками увядшей травы.

Внезапно из-за кромки леса послышался нарастающий рокот, и люди у реки мгновенно попадали на землю. Над лесом показался вертолет с какими-то фермами по бокам и под днищем кабины. С одной из ферм сорвалась дымная молния, вонзилась в то место, где лежали люди, и тех накрыл смерч разрыва. Филипп невольно рванулся вперед, но рука Богданова остановила его.

— Спокойно, парень, спокойно. Это и в самом деле только фильм, сенсорный фильм.

Оставшиеся в живых на берегу открыли огонь по вертолету, но чем закончился поединок, Филипп не узнал.

— Пойдем,— сказал Богданов.— Я так и думал.

Они вернулись в тамбур.

В когге разделись, подсели к столу, который равернул Станислав, вернувшийся чуть раньше. Поужинали (обедали еще на Триасе).

— Стартуем? — Томах посмотрел на задумчивого Богданова.— На орбите разберемся, что делать дальше. Если наш хозяин забросил нас сюда не по нашей воле, он же должен и вернуть. Я, правда, мало что понял, каша в голове.

— Можем посетить еще пару квадратов. У них здесь, по идее, должна существовать какая-то автоматика посадки в разные зоны планеты. Вспомните, как нас сажали.

— Этот колодец может оказаться единственным переходным тамбуром, и чтобы попасть в другой квадрат, надо пересечь ближайшие от колодца.

— Едва ли, чересчур громоздко и неэкономично, пришлось бы на пересечение квадратов тратить слишком много времени. Колодцев должно быть много.

— Ну, а ты что увидел в белом квадрате? — осведомился Филипп у Томаха, насытившись.

— Почти ничего. Снег там идет — ни зги не видно! Снежинки — с ладонь величиной, а самое интересное — они живые! То есть падают и... ползут! А у нас что?

Филипп оглянулся на Никиту.

— Война там идет, по-моему. Одна из война двадцатого века, но не Великая Отечественная, попозже...

— Вьетнам,— рассеянно отозвался Богданов.— Или Ливан, трудно разобраться. Впрочем, скорее всего, все же Вьетнам.

Сев за пульт управления, он жестом приказал всем зарастить скафандры и поднял шлюп в воздух. Никто не препятствовал отлету, не предупреждал об ответственности самостоятельных действий.

Из колодца-тамбура вышли на высоте тридцати километров. Панорама мозаики выступила отчетливо, хотя с этой высоты поверхность планеты больше напоминала сшоты. Богданов повел когг над слоем облаков — единственным, что было общим для каждого квадрата и для планеты в целом.

— Зачем ты возвращался в земной квадрат? — спросил Томах.

— Убедиться кое в чем,— коротко ответил Богданов.

— Убедился?

— Вполне.

Пролетели над зеленым квадратом, заросшим вполне земным по виду лесом, потом над голубовато-фиолетовым, за которым шел совершенно серый, ровный и голый как стол. Встречались квадраты белые, и черные, и красные, а над желтым Богданов даже остановил шлюп — в этом квадрате шла война, что было видно и без оптики: армии необычного вида машин методически уничтожали друг друга ракетами, режущими лучами и бог знает чем еще.

В соседнем квадрате исчезал в синем ядерном огне город, а чуть поодаль от него черная, выжженная до блеска равнина раскололась на глазах багровыми трещинами, которые выплеснули ослепительные языки лавы...

— Да,— вздохнул Богданов,— все правильно. Это мозаика историй.

— А ты что думаешь? — повернулся Станислав к Филиппу.

— То же, что и Никита,— схитрил тот, застигнутый врасплох: свою идею он хотел приберечь под занавес.— Здесь собрана коллекция войн, разве не так? Ты мне как-то рассказывал, что в двадцатом веке существовала так называемая «Красная книга исчезающих видов животных и растений».

— Была такая книга, она и сейчас существует, как любопытный документ потребительского отношения человека к природе на Земле. Ну и что?

— Мне кажется, вся эта планета — «Красная книга» гибнущих цивилизаций нашей Галактики. Не просто исчезающих видов животных, а именно цивилизаций. Ведь мы с трудом излечились от болезни национализма, я имею в виду человечество, войны — только видимая сторона этой болезни. А здесь вот...— Филипп встретил взгляд Богданова и сбился с мысли.

— М-да...— пробормотал Томах, с любопытством рассматривая порозовевшее лицо товарища.— В тебе прорастает социолог.— Он повернулся к Никите.— Ты тоже так считаешь?

Богданов перестал оценивающе смотреть на Филиппа, отвел взгляд и сказал:

— Ты действительно молодец, Филипп Ромашин. Я пришел почти к такому же выводу, но ты дал лучшую формулировку. «Красная книга Галактики»!.. Перечень цивилизаций, нуждающихся в срочной охране генофонда, или, иными словами, состоящих на учете в какой-то высшей инстанции Галактики, как неблагополучные формы жизни...

Они не успели сориентироваться в пространстве, что желал сделать Богданов. Внезапная темнота упала на когг, хлынула в тела людей и оборвала сознание. Невидимый хозяин «Красной книги» возвращал их назад, к людям. Он показал все, что хотел.

Филипп снова очнулся первым.

В рубке было темно, лишь на пульте горели два зеленых огонька, да над люком светилась алая надпись: «Блокировка».

Экраны работали, в этом он убедился, приблизив кресло к пульту, но снаружи было темно. Ночь, что ли? Шлюп вроде бы стоит на твердом грунте, но где, на какой планете? Где тут прожекторы?

Филипп нашел сенсоры включения прожекторов, но те не сработали. Темнота, казалось, стала гуще. В чем дело? Что с прожекторами?

Филипп нашарил сенсор включения борт-координатора.

— Ускорение ноль, тяготение единица, воздух годен для дыхания, индекс безопасности АД-ноль, скафандры для выхода не обязательны.

— Почему не работают прожекторы?

— Выработан электроресурс.

— Что там? — раздался за спиной голос Станислава.

— Мы остались без энергоресурса,— оглянулся Филипп.— Но, по-моему, мы на Земле. Сейчас посмотрю.

Он снял скафандр, открыл люк. Темнота и тишина.

— Снова ТФ-прыжок в неизвестность без подготовки,— продолжал Томах.— В стационарных метро ничего не чувствуешь, а тут прямо удар по организму.... Куда-то нас теперь занесло? Неужто и впрямь на Землю?

— Включите свет,— попросил Богданов.— У нас в аптечке были тонизирующие иглы, не бог весть какое средство, но от встрясок немного помогает.

Дальнейшего разговора Филипп не слышал. Спрыгнув из внешнего люка на землю с высоты двух метров, он не удержался на ногах, перекувырнулся через голову и угодил лицом во что-то колючее и знакомо пахнущее. Отодвинувшись, провалился рукой в какую-то яму, ощупал ее край и ползком сдал назад, потом встал

на ноги и выпрямился.Глаза уже адаптировались к темноте: над ним повис фиолетово-черный небосвод с золотистым шарфом Млечного Пути, знакомые созвездия добродушно подмигивали с высоты, откуда-то налетел ветерок и принес терпкий запах зелени, сырого песка и смол; рядом с глыбой шлюпа шелестели крупными листьями деревья, знакомо крикнула птица, и Филипп улыбнулся: он был на Земле.

В рубке его встретило многоголосие эфира и вопросительный взгляд Богданова.

— Определился? Или включать связь?

— Скорее всего, север Южной Америки. Хорошо виден Южный Крест, да и запахи специфичные — сельва.

Никита набрал шифр тревожного канала УАСС, выключив звучание каналов связи и сети радиовещания. Над пультом вспыхнула нить виома, развернулась в квадрат, обрела глубину, встрепенувшийся дежурный американского филиала, приняв сосредоточенный вид, произнес:

— Слушаю, сорок третий южной тропической.

— Дайте прямую связь с начальником отдела безопасности центрального бюро Керри Йосом.

Дежурный нахмурился.

— По времени у них сейчас поздний вечер... Что-то срочное?

Богданов кивнул.

— «Две девятки».

Дежурный молча соединился с Европой и исчез из виома. Через две минуты на его месте показалась недовольная физиономия Керри Йоса.

Встретив легкую усмешку Богданова, начальник отдела от неожиданности закрыл глаза и потряс головой. Убедившись, что видит своих работников наяву, хмыкнул.

— Вот это номер! Я сплю, или вы уже вернулись? Где вы сейчас?

— В Америке, где-то у дельты Амазонки.

— Но я только что имел с вами беседу, вы собирались уходить с Триаса!

Десантники с «Искателя» переглянулись.

— Как давно?

Керри мигнул, он был озадачен.

— Разве вы не знаете сами? Ну и дела!.. Минут двадцать назад. А вы, часом, не разыгрываете старика?

— Не до розыгрышей.— Богданов посмотрел на Томаха, тот подтверждающе кивнул.— Нас вернули в ту же минуту, что и похитили, только не на Триас, а на Землю. Так, Слава?

— Причем с легкостью неимоверной.

— Может быть, объясните, в чем дело?

— При встрече.

— Хорошо. Сами сумеете добраться или прислать транспорт?

— Ресурс шлюпа высосан, но мы доберемся. Придем в себя и доберемся.

— Тогда жду! Уфф! Час от часу не легче.

— Не забудь дать отбой на Триас, чтобы не начали авральный поиск. «Искатель» пусть продолжает работу по плану.

— Сделаю.— Керри выключил связь.

Через два часа рассвело.

Перед тем как улететь, Филипп на минуту выскочил из когга посмотреть, куда это он едва не свалился ночью.

Корабль стоял на ровной серой площадке, покрытой кое-где пучками метельчатой травы и сморщенными засохшими плодами величиной с кулак, напоминавшими каштаны Триаса. Пахло ванилью, прелью и почему-то ржавым железом. Площадка была окружена со всех сторон четырехъярусным лесом. В первом ярусе, высотой около трех метров, Филипп узнал фикус, петли лиан и папоротник, а над ними высились гигантские сейбы с мощными досковидными корнями, кое-где взломавшими серый материал площадки. Подойдя к глыбам взломанного покрытия, Филипп убедился, что это бетон.

Дыра, в которую он угодил рукой ночью, оказалась идеально круглым колодцем диаметром около четырех метров, уходившим вниз на неведомую глубину. Филипп представил, как он летит в колодец, и передернул плечами. Его ночной прыжок мог закончиться весьма плачевно.

Рядом со стволом сейбы он обнаружил в бетоне квадратное углубление и в нем выпуклый ржавый щит люка с выдавленной шестиугольной звездой в центре. Он безуспешно подергал ручку люка, прикинул возраст сооружения: лет двести, если не больше. Обошел когг кругом, недоумевая, кому на Земле двести лет назад понадобилось строить в центре сельвы площадку с колодцами, и столкнулся с Томахом.

— Мы его ждем, а он прогуливается,— осуждающе проговорил Станислав, оглядываясь.— Что ты здесь обнаружил?

Филипп молча показал колодец.

— Как ты думаешь, что это такое? Бетон... все заброшено. Надо, наверное, археологов вызвать, это в их компетенции.

— Зачем археологов? Я догадываюсь, что это такое. Сюда, скорее, надо вызывать ребят из «Аида».— Томах обошел площадку, заглядывая под корни сейб, подозвал Филиппа.— Видишь? — еще колодец. Это, вероятно, древняя ракетная база. Колодцы — пусковые установки. Некогда существовала стратегическая система ракетного нападения, основа получения власти и могущества монополий и одновременно вынужденная мера защиты. Учил в школе? Вот мы и наткнулись на одну из баз. Совпадение? Мало того, что

нам показали «Красную книгу», так еще и перенесли в такое место, которое ярче других напоминает худшие страницы человеческой истории.

— Что вы там нашли? — спросил Богданов, когда они вернулись в рубку.

— Ракетную базу,— сказал Томах.— Стартовые колодцы пусты, оборудование демонтировано, но все же предупредить «Аид» не помешает, пусть проверят.

Через час, посадив посланный за ними куттер на стартодроме сорок третьей южно-американской базы УАСС, путешественники отправились на метро в секториат Управления, расположенный под Брянском, на берегу Десны.

Керри Йос ждал их в отделе; он так и не ложился спать. Вместе с ним в кабинете находились седовласый Норман Спенсер, вечно усмехающийся чему-то Генри Бассард, председатель СЭКОНа Морозов и Тектуманидзе, сухой, жилистый, седоусый, бросившийся их обнимать, как только все трое переступили порог.

— Рассказывайте,— коротко сказал Керри Йос после сдержанных восклицаний и приветствий.

Богданов на мгновение замялся, но Керри его понял.

— На «Искатель» я сообщил, он пошел к Шемали. Будет там послезавтра, потом пройдет вдоль погранпостов Ориона и вернется на Землю через «Темные облака».

Богданов достал кассеты с видеозаписью, которую сделал на планете-мозаике, и включил проектор.

Во время рассказа и демонстрации фильмов Филипп исподтишка наблюдал за реакцией слушателей. Керри Йос и Спенсер были задумчивы и спокойны, хотя по разным причинам. Морозов иногда морщился, словно от зубной боли, но это была его обычная манера держаться. Бассард шевелил густыми бровями и вздыхал, и на лице его недоумение сменялось скептической усмешкой и неприветливой холодностью.

— Да, это весьма интересно! — сказал Керри, когда Богданов закончил, и повернулся к Филиппу. — Мысль, что и говорить занятная. «Красная книга Галактики»!.. А, может, не только одной нашей, а всего местного скопления галактик?

— Не увлекайся,— проворчал Морозов.

— Я анализирую, и только. По всем самым оптимистическим подсчетам, в нашей Галактике не более двухсот цивилизаций, а по рассказам «путешественников», на планете около десяти тысяч областей-клеток, и в каждой своя жизнь! Что ж это получается — в нашей родной Галактике около десяти тысяч цивилизаций?!

— Не забывай, что твои «путешественники» видели только несколько «клеток», со своими сценариями, остальные могли быть пустыми, подготовленными для очередных хищных обитателей.

— Смею напомнить,— вмешался Бассард,— что все это не более, чем предположение,— я насчет «Красной книги». Может статься, что эта «книга» к цивилизациям не имеет никакого отношения.

— Тогда наше приключение не имеет смысла,— пожал плечами Томах.— Зачем кому-то понадобилось переносить шлюп с экипажем на эту планету? Показать разнообразие ландшафтов? Не слишком ли щедр Наблюдатель — уверен, что это его рук дело,— развлекая нас подобным образом?

— А почему вы связываете этот случай с Наблюдателем? Четких доказательств-то нет.

— Мы столкнулись с «зеркальным перевертышем»,— не согласился Богданов.— Видели все трое, так что у нас сомнений нет.

— И все же на отсутствии сомнений не построишь ни теории, ни дальнейшего плана работ, ни доклада Совету.

— Но совпадения разительны. Налицо еще одно доказательство того, что космическая экспансия человечества кому-то очень не по душе. Вернее, не кому-то, а именно Наблюдателю.

Бассард поджал губы.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, нас придерживают. Но, позвольте спросить, почему? С какой стати? И почему именно теперь, когда мы покончили с антагонизмом в планетарном масштабе, когда социальная ветвь эволюции почти достигла наконец вершины?

— Потому что мы, к сожалению, продолжаем экспорт равнодушия,— сказал Томах.— Только раньше, два века назад, мы «владели» им локально, в пределах Земли, а теперь экспортируем равнодушие в космос.

— Поясните,— попросил молчавший до сих пор Спенсер.

— Пожалуйста. Давно ли мы согласились с тем, что космос — не свалка отходов человеческой технологии?

Бассард нахмурился.

— Сказано сильно. Мы давно используем безотходную технологию.

— Ошибаетесь! В Солнечной системе — да, используем, потому что это наш дом, но безотходная технология с замкнутыми циклами водо-, воздухо- и энергоснабжения дорога и применяется нами далеко не на всех планетах колонизуемой зоны. Примеры? Шемали, История, гамма Суинберна...

— Но это же...— начал Морозов.— Простите, я вас перебил.

— Вы правильно поняли. Именно на этих планетах, где не все благополучно с чистотой исследований, с экоэтикой, и проявил себя Наблюдатель. «Зеркала», например, впервые обнаружены на Шемали, хотя есть сведения, что нечто одобное наблюдалось и на Земле, и в Системе. А нарушения экоэтики? Ведь случай с экспедицией Моммы вовсе не единичен! Давайте посмотрим на

себя со стороны, какими мы выглядим в глазах Наблюдателя? А то и многих Наблюдателей. Что мы успели сделать великого за двести лет выхода в космос? По-моему, самое великое — это успели кое-где исправить содеянные ошибки! Нет? Я читал дошедшие до нас произведения писателей-фантастов и футурологов прошлых веков. В одном из них говорилось, как Мироздание начинает бороться с человечеством, чтобы сохранить себя, то есть Мироздание, таким, какое оно есть. Верх пессимизма! Мать рожает дитя в надежде, что оно станет заботиться о ней, любить, ценить и помогать. Мы, человечество,— дитя Мироздания, дитя Природы, почему же мы зачастую забываем о ней? Забываем до такой степени, что пробуждается обратная связь Природы, по выражению Филиппа, «глобальная совесть Вселенной», голос которой мы и слышим-то не всегда!

Но, наконец, заметили. «Зеркальные перевертыши» и все такое прочее. Дали формулировку — Наблюдатель. Да, возможно, это наш старший брат в семье Природы, так давайте же чаще оглядываться на уроки истории, лучше прогнозировать последствия своих действий, чтобы надежды Матери сбылись. Иначе снова когда-нибудь упремся в тупик загаженной среды обитания. «Человек-разрушитель» — красиво звучит? А ведь именно так мы, наверное, выглядим в глазах Наблюдателя!

— Выбирал бы выражения... оратор,— поморщился Бассард.— С экспедицией Моммы надо еще разобраться, а то мы любим вешать ярлыки. Нарушил инструкцию — хищник! Усилил требовательность — эгоист!

Богданов и Йос переглянулись.

— В торжественной речи Станислава, конечно, многовато патетики,— сказал Морозов, подмигивая Томаху,— но во многом он прав. Итак, ваш вывод — нет повода для тревоги?

— Повода нет и он есть,— подумав, сказал Керри Йос.— Уверен, извне человечеству ничто не грозит. Поэтому повода для тревоги т а к о г о масштаба нет. Наблюдатель в очень деликатной форме — смерть Василия Богданова не в счет — предупредил нас о пагубности экспорта равнодушия, говоря словами Станислава, и тут повод для тревоги есть. Он в нас самих, в нашем отношении ко всему, к чему прикасается человеческая рука.

— Схоластика,— буркнул Бассард.— Психологические этюды. Может, нет никакого Наблюдателя, а все эти ваши «проявления его деятельности» не что иное, как непознанные явления неодушевленной природы, фантазия которой, в отличие от нашей, безгранична.

— Такая мысль уже высказывалась,— мрачно сказал Томах.— Мне лично больше нравится выдвинутая Ромашиным идея глобального галактического поля совести. Все, что мы, люди, делаем — отражается и преломляется в космосе и возвращается к нам обрат-

ной связью в качестве тех самых «психологических этюдов», о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, то есть в качестве напоминаний: нельзя быть равнодушным к последствиям своих действий, слишком часто мы обжигаемся на этом; нельзя быть равнодушными к красоте, ибо в результате мы теряем ценнейшие качества души; нельзя быть равнодушным к чужой боли, потому что в этом случае мы в конечном итоге становимся равнодушными к самим себе.

Бассард усмехнулся.

— Ты, Станислав, своей «теорией равнодушия» становишься в Управлении притчей во языцех.

— А знаете, Генри,— сказал Спенсер, усмехаясь в свою очередь,— я с вами не соглашусь.

Бассард промолчал, у него был свой метод доказательства правоты.

— Считаю, что вы действуете правильно,— продолжал Спенсер, не меняя позы.— Но до конца ли вы представляете всю важность открытия Наблюдателя? И те последствия, которые нас ожидают в результате неправильной оценки событий?

В комнату вместе с молчанием вполз зябкий туман тревоги. От стен повеяло холодом и неуютным ощущением скрытно присутствующего среди них Чужого, словно Наблюдатель знал о встрече и встроил свое «зеркало» в одну из стен.

— Может быть, стоит перестраховаться? Дать по всем секторам общий «Шторм», объявить поиск Наблюдателя?

— Экстренные меры для перестраховки не годятся,— покачал головой Морозов.— Прямой угрозы человечеству нет, да и не верю я в то, что такое возможно. Не исключаю, но не верю. Генри может меня упрекнуть в ненаучности моей веры,— Морозов слабо улыбнулся,— но она тоже рождена из фактов. Несмотря ни на что, человечество существует и намерено существовать и впредь!

— Хорошо.— Спенсер встал.— Я тоже верю, в людей в первую очередь. Действуйте, как сочтете нужным, но информируйте меня обо всех новостях.— С этими словами он исчез: присутствовал руководитель УАСС визуально, как и Бассард, «испарившийся» следом.

— Я помню его выступление на контроль-отчете полгода назад,— сказал Томах.— Тогда он был против «Шторма».

— Он и сейчас против, потому что понимает — «Шторм» мало что даст нам в сложившейся ситуации,— прищурился Богданов.— Эта форма тревоги хороша для предотвращения катастрофы планетарного масштаба и выше, но никто из ее разработчиков не рассчитывал на вмешательство разума, опередившего нас, по крайней мере, на тысячу лет.

— Глобальные проблемы надо решать на свежую голову,— ска-

зал Керри Йос и тронул пальуцем сенсор: кабинет принял вид кусочка амазонской гилеи, влажно-тропического леса.— Даю вам сутки отдыха. Завтра подключу ребят из отдела Шалвы и пограничников, они сделают машинный анализ вашего путешествия, а через пару дней вернется «Тиртханкар» и привезет сведения о «перевертышах» на планетах Суинберна. После этого будем пробиваться в Совет с нашими заключениями и рекомендациями. Да-а...— вдруг задумчиво протянул он.— Хотел бы я побывать на этой вашей «Красной книге»! Знать бы где, у какой звезды вращается эта планета. Может быть, она расположена где-то рядом?

Филипп молча попрощался с Богдановым, торопившимся домой, и остался в зале метро вдвоем с Томахом.

— Ты в медцентр? — Станислав искоса посмотрел на товарища.

— Не знаю...— пробормотал Филипп.— Может быть. Боюсь я туда идти, Слава.

Томах едва заметно улыбнулся.

— Интересное признание. Боишься — не ходи.

Филипп хмуро посмотрел на него.

— Тебе легко говорить. А ты бы пошел?

— Я? — Глаза у Томаха похолодели.— Я не упустил бы своего шанса еще пять лет назад. Не обижайся, но это правда. Ну, пока?

— Я не обижаюсь,— Филипп опустил голову, потер лоб.— Подожди, еще вопрос, у Керри я постеснялся спрашивать. Мы согласились, что проникновение человека в дальний космос начинает притормаживать Наблюдатель, так? Но если он так силен и вездесущ, а мы так порочны и бездумны, почему же, образно говоря, он не «захлопнет дверь космоса» перед нашим носом?

Станислав с минуту размышлял, посматривая сквозь прозрачную стену станции метро на веселое око солнца в океане сини, потом мягко обнял Филиппа за плечи.

— Видимо, он надеется на нас. Понимаешь? Он верит, что мы сами справимся со своими слабостями, сами в состоянии управлять своей историей.

Филипп мастерски посадил пинасс на белый снежный пятачок между красной кирпичной стеной и шеренгой молодых лип и бесшумно выпрыгнул из кабины на снег, оставив зажженным желтый огонек — предупреждение, что такси занято.

Вечерело. Парк, расчерченный безлистыми деревьями, как рисунок тушью, был погружен в полутьму и тишину, и теперь стало видно, что он недостроен: птицы еще не успели его обжить.

Проваливаясь по колено в сыпучий снег, выпавший совсем недавно, вдыхая холодный, чистый до головокружения воздух, Филипп пробрался к стене, недоумевающе оглядел ее — кладка выглядела

чересчур древней — и, опираясь на руку, перемахнул на другую сторону. Только теперь, попав сюда второй раз, он смог рассмотреть дом Ребровых. Выстроенный в стиле древнекорейской пагоды, дом стоял перед ним, молчаливый и темный, как и парк вокруг. Не надо было даже проверять, чтобы удостовериться — никого в нем сейчас нет.

Филипп приуныл, задумчиво прошелся по дорожке, очищенной от снега: автоматика дома исправно несла службу и в отсутствие хозяев.

Как и все специалисты с высоким коэффициентом социальной значимости, Май Ребров имел право на постройку отдельного дома в любом уголке земного шара. Не все из них пользовались своим правом, предпочитая селиться с друзьями в общественных домах, снабженных к тому же всеми чудесами современной бытовой техники, но Ребров, по мысли Филиппа, использовал свое право с лихвой.

— Так! — сказал инспектор сам себе, усаживаясь на ступеньки мансарды со стороны главного входа, не замечая укусов мороза: начало марта на Курилах — это еще зима, причем зима без всяких там легкомысленных солнечных дней и оттепелей, и вечером шестого марта две тысячи двести восемьдесят первого года мороз на Симушире стоял нешуточный — минус двадцать четыре по Цельсию.

«Где же они могут быть? — подумал Филипп, включая тепловой обдув воротника; уши сразу перестало щипать и на затылок пахнуло приятным теплом.— Аларики нет ни в медцентре, ни на Луне, в Институте видеопластики. Реброва нет ни в Москве, ни в спортцентре, ни дома. Запросить диспетчера Управления? У них-то уж наверняка есть координаты Аларики, особенно если она дежурит. Но не хотелось бы терять преимуществ неожиданности... А, может быть, она не ждет меня так рано?»

Перепрыгнув полутораметровую стенку уже без помощи рук, Филипп отыскал пинасс и рванул навстречу снежному заряду, спешно перебрасываемому метеопатрулем в океан.

Через час он добрался до метро Южно-Сахалинска, введеному в строй всего месяц назад, и перенесся в Москву. Еще через четверть часа он стоял перед дверью квартиры Ивара Гладышева, досадуя на себя, что не догадался позвонить ему раньше.

Ивар был дома, но собирался уходить: по московскому времени шел десятый час утра. Увидев Филиппа, он с удивленной и обрадованной полуулыбкой пожал ему руку и крякнул, разглядывая слипшиеся пальцы.

— Полегче, братец! Ты же мне чуть руку не раздавил! Проходи, что встал на пороге? Не узнаешь?

— Извини,— Филипп прошел в гостиную.— Какие новости, семьянин? Кстати, где Кира?

Гладышев сел на один из кубов пневмомебели, разбросанных по комнате в художественном беспорядке, с любопытством разглядывая инспектора, жестом пригласил его сесть тоже.

— Однако за то время, что мы не виделись, ты возмужал. Даже хочется встать в стойку «смирно», честное слово. Не оглядывайся, Кира в Рязани, с сыном. Отдыхает после родов.

— У тебя сын?! Поздравляю! Не знал. Сколько же ему?

— Два месяца. Вот фото.

Филипп подошел к столу, на котором стоял объемный снимок ревущего во всю глотку малыша.

— Богатырь!

— А ты думал! — Ивар выпятил грудь.— Бери пример с меня. А насчет новостей — у тебя их наверняка больше. Поделишься, надеюсь? А у нас... Солинд спрашивает о тебе изредка, интересуется. Зашел бы ты к нему как-нибудь или позвонил в крайнем случае.

Филипп промолчал, ощутив укол вины.

— Что еще? Из команды ушел Леон Хрусталев. Говорят, он вообще бросил большой спорт, но точно не знаю. Кристо получил травму, проходит курс лечения. Скоро будем выступать в розыгрыше Приза Весны... Вот и все, пожалуй.

— А Ребров?

— Что Ребров?

— По-прежнему остается тренером сборной?

Гладышев как-то странно посмотрел на Филиппа.

— Разве ты не знаешь?

— Нет,— встревожился инспектор.— Что я должен знать? С ним что-то случилось?!

— Ребров утвержден начальником первой межгалактической экспедиции.

Филипп от неожиданности лишился дара речи. Гладышев, оценив его состояние, засмеялся.

— Для тебя это неожиданность? Странно, что ты об этом не знаешь. Уже больше двух недель прошло с момента объявления состава экспедиции. Или ты удивляешься по другому поводу? Почему именно он?

— Н-нет... хотя, если честно...

— Тогда ты просто плохо знаешь Реброва. Он не только тренер сборной Земли по волейболу, но и еще выдающийся социолог, доктор истории и ксенопсихологии Института внеземных Культур.

Сообщение было полнейшей неожиданностью для Филиппа. Ни Солинд, ни Томах, ни Аларика не говорили ему об этом.

Ивар встал.

— Останешься у нас? Извини, я на час-два отлучусь в цех приземельного ЗВЛ, у них что-то застопорилось с пуском новой линии, а я, как ты знаешь, наладчик-энергетик. Подождешь?

Филипп качнул головой.

— Вечером забегу, сейчас некогда.

— Ну, как знаешь. А то раздавили бы бутылочку шипучки. Кстати, если ты ищешь Аларику,— Гладышев хитро прищурился,— то она, скорее всего, в Центре подготовки экспедиций Даль-разведки.

— Спасибо, телепат.

— Не за что, влюбленный.

Они поднялись на крышу тридцатиэтажного дома, выстроенного в стиле «пшеничный колос», Ивар вызвал такси.

— Подброшу тебя к метро, а дальше доберешься сам.

Больше они не разговаривали. Филипп смотрел перед собой и видел лицо Аларики, то улыбающееся, то грустное, но чаще задумчивое, спокойное, и думать о чем-нибудь другом был просто не в состоянии. Ивар искоса посмотрел на него и увеличил скорость. К пятой станции метро, ближайшей в этом районе, они примчались через несколько минут, побив все рекорды скорости и вызвав легкий переполох у патруля общетранспортной инспекции.

Высадив Филиппа, Гладышев молча поднял над головой кулак, и пинасс улетел к далекой белой спице орбитального лифта, а Филипп с минуту стоял на месте, провожая его взглядом. Рядом приземлился синий куттер с эмблемой инспекции, но Филипп, целиком поглощенный мыслями о встрече с Аларикой, не обратил внимания на жесты патрульных, желавших познакомиться с личностью гонщика, и растворился в толпе у метро.

Вскоре он уже выходил из финиш-камеры метро в кратере Аристарх на Луне, под поверхностью и на поверхности которого располагался Центр подготовки звездных экспедиций.

Разобраться непосвященному в расположении отделов и комиссий Центра было непросто. Прошло время, пока Филипп уяснил, наконец, где находится комплекс служб, занятых подготовкой первой межгалактической экспедиции. И лишь еще через полчаса он добрался через мешанину коридоров, лифтов и транспортных линий к отделу снабжения экспедиции, который нес на данном этапе основную нагрузку и где должен был находиться Ребров, а с ним, по мысли Гладышева, и Аларика.

В широком коридоре, стерильно-белом, с десятками дверей и ниш, бесшумно сновали люди в форме службы звездного флота. Они ловко лавировали в потоке таких же спешащих людей, появлялись из дверей и исчезали в проходах, и Филипп несколько растерялся, не ожидая столь интенсивного движения на глубине двухсот метров под поверхностью Луны. Открыв наугад одну из дверей, снабженную обычной кнопочной защелкой, он оказался в темноте.

— Наконец-то,— раздался из темноты голос,— тебя только за смертью посылать. Принес? Вываливай.

— Извините,— пробормотал Филипп, выбираясь обратно.

Присмотрев в толпе симпатичное лицо, он снова извинился, преграждая незнакомцу путь:

— Простите, не скажете, где можно найти Мая Реброва?

— Реброва? — быстро переспросил встречный, оглядывая инспектора черными смородинами глаз.— Это сложно, знаете. Если у вас дело не спешное, обратитесь к любому из его заместителей.

Филипп отвернул лацкан куртки, показывая значок отдела безопасности Управления. Энергичный незнакомец кивнул.

— Тогда другое дело. Вы найдете его в зале инженерного обеспечения. Прямо по коридору и направо в дверь с алой полосой.

Филипп кивнул и поспешил по указанному пути. У двери с красной полосой его задержали. Пришлось снова прибегнуть к запрещенному приему со значком. Однако его вежливо попросили объяснить причину, по которой он стремится пройти в зал, и которая соответствовала бы «шкале обстоятельств», как туманно объяснил один из дежурных на входе.

Причина у Филиппа была веская, но было бы смешно пытаться доказать это незнакомым людям. «Вот влип! — подумал он с веселой злостью.— Автоматика у них, что ли, не работает? Дежурные на входе — люди! Анахронизм!..»

— Вы пройдите в пост управления залом,— с сочувствием подсказал пожилой дежурный, видя его колебания.— Ребров может находиться и там, а если нет — вам его вызовут.

Филипп молча двинулся к лифту.

Реброва в посту управления не оказалось, зато один из немыслимо молодых диспетчеров — лет семнадцать, не больше! — подсказал ему, где найти Аларику:

— Реброва вы можете найти через видеопластиков,— сказал он, не поднимая головы от панели пульта.— Он сейчас занят интерьерами кораблей экспедиции, выбирает видеопласты для оформления внутренних помещений. Спуститесь на третий горизонт и спросите, где комната видеопластических композиций.

Филипп не дожидался новых пояснений: он не собирался искать Реброва, ему нужна была Аларика, художник-видеопластик по оформлению замкнутых пространств.

Перед дверью с зеленым кругом он остановился на секунду, задержал дыхание и шагнул вперед, будто нырнул в воду.

Он оказался в сыром осеннем лесу. Пахло прелью, горьковатой осиновой корой и увядшей травой. Под ногами зачавкало, словно Филипп и в самом деле стоял на лесной почве, мокрой от только что прошедшего дождя. Деревья стояли плотной стеной: замшелые сосны и ели, могучие березы, клены и осины с бархатной, зеленоватой корой. Слева от тропинки сверкнули кустики ежевики, Филипп невольно протянул к ним руку, и подлесок осыпал его крупными

каплями воды с ветвей и листьев. Не очень радостный пейзаж, подумал инспектор, или для психоразгрузки и такие нужны?

Из-за деревьев послышались приглушенные голоса:

— Уменьшить хотя бы наполовину,— мужской, хрипловатый.

— Тогда пропадет впечатление глубины,— женский.

— Пойдем на компромисс,— второй мужской, чуть тоньше.

— Не люблю компромиссов, Эд,— снова женский.

— Я не возражаю,— хриплый.

Женщина засмеялась. Аларика?..

— И все же надо уменьшить процентов на двадцать пять,— снова мужской тонкий.

— Что ж, попробуем.

Голоса смолкли, а Филипп почувствовал, что стало легче дышать, с толстого ковра опавшей листвы и сосновых иголок исчезла влага. Регулируют, догадался он. Однако идти напрямик или подкрасться незаметно? А вдруг это не она?

Инспектор тихо свернул с тропинки, раздвигая ветви осинника и рябины, пробрался к небольшой поляне, откуда раздавались голоса.

На поляне у трех небольших дисковых пультов возились двое мужчин в серых комбинезонах и Аларика в брюках и спортивной футболке. Они были заняты делом и по сторонам смотрели изредка, когда нужно было проверить результаты корректировки видеопласта, запрограммированного не только на воспроизведение голографических «призраков», но и на сенсорные эффекты.

— Оставим так,— предложил молодой, небольшого роста мужчина с залысинами.

— Я проверю границы, не нравится мне остаточная вязкость среды,— сказал второй, высокий, черноволосый, с хрипловатым голосом. Он то и дело поглядывал на Аларику, и Филиппу это не очень понравилось.

— Я сама,— сказала женщина, разгибаясь.— А вы пока закрепите лес в развитии; от дождя до сухого солнечного дня. И смоделируйте фауну — птиц, пару белок, сохатого и так далее.

Она потянула за шнур, и диск пульта поплыл за ней в метре от земли.

Филипп подождал, пока она пройдет мимо и углубится в чащу, и беззвучно скользнул следом. «Охотник! — посмеиваясь над собой, подумал он.— Мальчишество это, уважаемый безопасник, любите вы эффекты». Однако от исполнения замысла отступать не стал, и когда Аларика выбралась к стене помещения и остановилась, наклонясь к пульту, прыгнул из-за дерева и подхватил ее на руки.

Аларика ахнула, напряглась, пытаясь высвободиться, потом увидела его лицо и судорожно ухватилась руками за шею.

— Филипп!..

— Пусти,— сказала она через минуту, продолжая обнимать Филиппа и прижимаясь к нему всем телом.

Он молча покачал головой и снова потянулся к ее губам.

Аларика высвободилась из его рук, поправила волосы.

— Рика,— позвал он негромко, как называл очень давно, в детстве.— Рика, я за тобой.

Рука Аларики дрогнула, она с испугом, как ему показалось, посмотрела на его значок, выглянувший из-под лацкана куртки. Филипп взял слабо сопротивлявшуюся женщину за руки, привлек к себе, и в этот момент в комнату вошел Май Ребров.

Покашляв, он обогнул кустарник и подошел к смущенному, злому, не знающему, куда себя деть, Филиппу.

— Рад тебя видеть, Ромашин. И, насколько берусь судить, не только я.

Аларика отняла руки и твердо взглянула на Реброва.

— Он не виноват, Май.

— Какое право я имею кого-то винить?

— Имеешь, но только меня. Я дала ему повод надеяться.

— И что же?

— Не знаю.

Филипп наконец сбросил оцепенение и вмешался в диалог.

— Извините, Май. Я знаю, что вы любили брата. Сергей был настоящим человеком...— слова прозвучали беспомощно, и Филипп замолчал.

Ребров поднял на него тяжелый взгляд и несколько мгновений смотрел, будто взвешивал, что с ним делать.

— Дело не в том, что он мой брат. Но он любил ее! Понимаешь, юноша? И я люблю ее, и моя жена, и дети. А ты?

— Май! — сердито сказала Аларика.

Ребров лишь повел плечом.

Филипп выдержал его взгляд, потом повернулся к женщине.

— И я люблю ее... разве что понял это совсем недавно... До свидания, Рика. Прощайте, Май.

Он повернулся уйти, но Ребров остановил его.

— Погоди. Как ты понимаешь, я имею право требовать. Я улетаю, улетаю надолго, а ты остаешься. Что ты намерен делать?

— Май! — снова проговорила Аларика, искоса посмотрев на Филиппа.

— Что? Жить. Вместе с ней. Я хочу называть ее своей женой.

— Это будет непросто.

— Знаю. Но это случится.

Каменное лицо Реброва дрогнуло, тень тоски промелькнула на нем, промелькнула так быстро, что Филипп усомнился, было ли это на самом деле.

— Что ж, удачи! В конце концов, выбор всегда был уделом

женщины, хотя я не уверен в правильности выбора Аларики. Я уже говорил это, когда она стала женой Сергея, говорю и еще раз.

— Май! — в третий раз сказала женщина.

— Но почему? — спросил угрюмый Филипп, хотя уже догадался, к чему клонит Ребров.

— Потому что ты уже не конструктор ТФ-аппаратуры и не спортсмен, ты — безопасник. И значит, основной твой дом — база погранслужбы, основное свободное время твое — время завтрака, и основное ваше с ней счастье — сомнительное счастье ожидания счастья, и для этого обоим нужно обладать неким достоинством — запасом терпения. За нее я спокоен.

— Я понял,— сказал Филипп.

— Иди,— сказала Аларика.— Иди же, я позвоню тебе...

Филипп поклонился и вышел, унося в душе два разных взгляда — умоляющий Аларики и холодно-вопрошающий Реброва.

Когда он вышел, Ребров прошелся по лесу, касаясь стволов рукой, и проговорил:

Причин не знаем. Ясно лишь для нас —
Любовь проходит сквозь цензуру глаз.
Рассудочность не зажигает кровь.
Не вечно ль первый взгляд родит любовь?

— Кристофер Марлоу. Ты любишь его? Я имею в виду Филиппа.

Аларика выключила аппаратуру и зажмурилась, потому что ей внезапно захотелось плакать. Она вдруг бросилась к Реброву, уткнулась лицом в его грудь, борясь с рыданиями.

— Не знаю я ничего, не знаю... дайте мне время разобраться самой... Ты улетаешь, и никто, никто... не посоветует... и Сергей... и Сергей тоже...

— Ничего, ничего,— пробормотал Ребров, гладя ее вздрагивающие плечи.— Сергей бы тебя понял...

Из-за деревьев на них с молчаливым недоумением смотрели напарники Аларики.

Глава 13. АВСТРАЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Керри Йос выслушал диспетчера и посмотрел на часы:

— Через десять минут соедините, я закончу инструктаж.

— Земплан? — спросил Богданов.

— Земплан.— Керри нахмурился.— А ты почем знаешь?

— В твое отсутствие звонил их инспектор. Наш отдел за январь-февраль превысил какие-то там нормы расхода материальных ресурсов.

— Какие-то... Надо было соединить их с плановым бюро и сообщить в секториат. Впрочем, теперь я сам. Продолжим. Отделу

вменили в обязанность обеспечение безопасности эксперимента «Галактическое просвечивание», в связи с чем я перераспределил обязанности. Богданов будет продолжать осуществлять мероприятия по Наблюдателю, в его распоряжении остается группа Микульского, Станислав с этого момента занимается только экспериментом, в его распоряжение поступает группа Ромашина. Текущая работа переходит к Щеголеву. Вопросы?

— По эксперименту. Кто ответственный за его проведение?

— Институт ТФ-связи и Академия астрофизики. Конкретное распределение обязанностей выясните в консультативном комитете СЭКОНа. Если вопросов больше нет, все свободны.

Керри Йос знаком показал Томаху остаться, подождал, пока руководители групп покинут кабинет, и сказал:

— Забыл тебя предупредить, Слава. Первым делом перепроверь расчеты по эксперименту. Эксперты просчитали его, но...

— Ученые утверждают, что эксперимент безопасен. Во всяком случае, место его проведения выведено достаточно далеко за пределы обитаемой зоны Системы.

— У Дикушина иная точка зрения. Нептун, как и Сатурн,— не лучшее место для эксперимента такого масштаба. У тебя есть свои ТФ-специалисты, тот же Ромашин... В общем, ты меня понял.

Томах кивнул.

— Перестраховаться в таком деле не помешает.

Керри задумчиво посмотрел поверх его головы, и у Станислава вдруг возникло ощущение неловкости, словно он сказал что-то невпопад...

Филипп вошел в кабинет и остановился у порога.

— Проходи,— сказал Томах, несколько удивленный его хмурой сдержанностью.— Чем-то расстроен?

— Нет, все в порядке.— Филипп прошел к столу и сел на диван.

— Ага. Как говорится: и на челе его высоком не отразилось ничего. Тогда слушай. С сегодняшнего дня твоя группа переходит в мое непосредственное подчинение. Начинаем вплотную заниматься экспериментом физиков «Галактическое просвечивание». Отсюда первое твое задание: проверь расчеты ТФ-взрыва, проведенные экспертами.

— Так я сам его считал, по заданию Травицкого.

— Вот как? Мне он ничего не говорил. Тогда это меняет дело.

— Если необходимо, покручу цифры еще раз. Вторичных эффектов я не рассчитывал, только глобальные характеристики.

— Договорились. Повидайся с Травицким, пусть поможет с аппаратурой. Кстати, он добился разрешения у ВКС на свой эксперимент, так сказать, таймфаговый минивзрыв для проверки некоторых соображений частного порядка, как он выразился. Мощность

эксперимента невелика, всего шесть кларков, и проводить его разрешили на нашем полигоне в Австралии. Если хочешь, можешь поучаствовать не только как инспектор-безопасник, но и как ТФ-инженер. Но сначала проверка, потом небольшая инспекция по местам строительства новых ТФ-антенн, твоих, кстати, антенн, а дальше работа на полигоне.

— При чем тут мои антенны? Какое мы к ним имеем отношение?

— Самое прямое. Мы отвечаем за безопасность всего эксперимента, антенны же нужны для улавливания ТФ-эха от всех звезд и тяготеющих масс Галактики. При взрыве обычно образуется ударная волна, при ТФ-взрыве — ТФ-волна...— Томах посмотрел на лицо Филиппа и засмеялся.— Что я тебе объясняю, профессионалу? Короче, антенны поймают эхо взрыва, остальное — дело теоретиков, считать и анализировать, что получилось. Задание понятно?

— Так точно! — вскочил Филипп.— Когда прикажете начинать?

— Вчера,— не моргнув глазом ответил Станислав.

Два дня Филипп потратил на проверку параметров намечающегося эксперименте «Галактическое просвечивание» ТФ-взрыва. Подтвердились все выводы специалистов и первый собственный о том, что взрыв на Тритоне, спутнике Нептуна, где решили проводить эксперимент, никак не отразится на поселениях человечества в Солнечной системе. В пересчете на эквивалент старинного ядерного оружия он был равнозначен взрыву мощностью в шесть миллионов мегатонн, но так как его намеревались осуществить под поверхностью Тритона на глубине в тридцать километров — планетологи отыскали вулканический канал такой глубины,— то никаких видимых разрушений рельефа на поверхности не должно было появиться: вся энергия взрыва уходила на ТФ-излучение, почти свободно пронизывающее вещество планет и звезд.

Филипп дважды проверил результат окончательного расчета, все сошлось, но у него остался на душе какой-то тяжелый осадок, словно он чего-то не учел или был недобросовестен в работе. Наверное, это был чисто психологический отзвук работы, уж очень много людей занималось расчетами и перепроверкой выводов, но что-то заставляло их еще и еще раз просчитывать варианты взрыва, его влияние на окружающую среду, и эта настойчивость порождала неуверенность и желание отыскать причины такой многократной перестраховки.

Доложив Станиславу о результатах анализа, Филипп отбыл на Меркурий, где строилась одна из приемных ТФ-антенн нового типа, рассчитанная по его формуле, «формуле Ромашина»..

На Меркурии Филипп не задержался: антенна, километровая металлическая игла, была уже готова к работе, а у него не было же-

лания разгуливать по раскаленным плоскогорьям, усеянным оспинами кратеров и шрамами трещин и разломов. К тому же это было не первое его посещение Меркурия, полгода назад он уже побывал здесь с Травицким, на испытании прототипа настоящей антенны, и подробности посещения еще не стерлись в памяти.

Следующая из шести антенн строилась на Плутоне.

Здесь дела шли похуже: был закончен только монтаж центрального вибратора, эталонные ТФ-генераторы еще ждали часа своей установки, не были готовы и лепестки-отражатели.

Филипп в вакуум-скафандре облазил существующие конструкции, с интересом осмотрел прозрачно-голубое озеро жидкого кислорода, необходимого для заполнения волноводов, и записал все желания и просьбы прораба стройки, не уверенный, что сможет выполнить их в полной мере.

Плутон его не поразил, несмотря на то, что спутник Плутона Харон был настолько близок к планете, что оторопь брала, когда он, занимая четверть небосклона, пухлой снежной глыбой нависал над ледяными равнинами Плутона. Сам же Плутон, форпост земной цивилизации на границе Солнечной системы, служил идеальным полигоном для разного рода астрономических и физических экспериментов. Несмотря на присутствие десяти тысяч работающих, планета казалась необитаемой — небольшой каменистый шар, укутанный в пятнистую шкуру снежно-ледяного покрова. Три стандартных городка астрономов, физиков и планетологов не могли, конечно, создать иллюзии его заселения.

Филипп было задумался над тем, что эксперимент с ТФ-взрывом могли бы проводить и здесь, раз уж Плутон самой природой предназначался для «громких» экспериментов, но молодые планетологи старожилы Плутона, рассеяли его недоумение: оказывается, Плутон не был мертвой в геологическом смысле планетой, он имел раскаленное ядро, вязкую, но жидкую мантию, и взрыв мог породить в его оболочке колебания, которые смели бы все на его поверхности, полностью перестроив рельеф.

Единственное, что позволил себе Филипп, это полюбоваться восходом Харона и заходом Солнца — крупной голубоватой звезды, дробящей свои лучи на алмазные брызги отражений и преломлений во льдах Плутона.

Остальные три антенны строились в открытом пространстве: одна в поясе астероидов, две другие над полюсами эклиптики Солнечной системы. Они были почти готовы и не вызывали беспокойства темпами монтажа.

Последним в совем инспекционном вояже Филипп посетил Тритон.

Этот естественный спутник Нептуна относится к самым крупным спутникам планет системы, наряду с Титаном, спутником

Юпитера, земной Луной и Ганимедом Сатурна. Сила тяжести на его поверхности в три раза меньше земной, так что люди здесь передвигались своеобразной семенящей ходьбой; прыгать не рекомендовалось — было трудно сохранить равновесие. Несмотря на это, старожилы, в основном спортивная молодежь, часто прибегали к полубегу-полуполету, устраивая шутливые соревнования на скорость бега или точность приземления после прыжка.

Филипп пробыл на Тритоне два дня, но привыкнуть к своеобразию его ландшафтов не смог. Трижды он был свидетелем восхода Нептуна, и трижды это зрелище потрясло его фееричной красотой неожиданных сочетаний форм и красок облаков.

Нептун зарождался на горизонте мерцающим облаком, ничуть не похожим на диск или шар планеты. На серебряную гладь аммиачных озер ложились первые зеленые блики, и озера превращались в чаши необыкновенного прозрачного хрусталя. «Облако» продолжало расти, медленно и торжественно, пока не закрывало полнеба; свет от него усиливался, преобладали в нем зеленые и пепельно-палевые тона, тончайшие оттенки серого цвета, однако на пятнисто-полосатой громаде Нептуна можно было отыскать все цвета спектра, причем соседствующие друг с другом в самых произвольных сочетаниях. Но лишь тогда становилось понятным, что перед вами планета, исполинский газо-жидкостный шар, когда Нептун поворачивался к Тритону освещенной солнцем стороной. Тогда по перемещению облачных струй и спиралей становилось видимым его вращение. Особенно сильным впечатление грозной планетарной массы оказывалось в момент прохождения по диску Нептуна его небольшого спутника Нереиды...

Оторвавшись от созерцания пухлой дымящейся горы Нептуна, Филипп в сопровождении одного из работников постоянной исследовательской станции Тритон-9 направился к ангару, вмещающему четыре пинасса, с десяток флейтов и куттер — весь машинный парк станции. Провожатым на этот раз была на удивление малообщительная девушка, физик-оптик станции. Разговаривала она мало, чем невольно заставляла Филиппа чувствовать себя обязанным ей за хлопоты.

До места строительства шахты для взрыва было около двухсот километров. Пинасс преодолел их за полчаса, и Филипп, поблагодарив девушку, тут же отослал ее обратно, сославшись на то, что дальше ему помогут строители. Провожатая не возражала, и вскоре ее оранжевая машина искрой вонзилась в распухшее тело Нептуна, напоминавшее зыбкую полосатую гору тумана, опрокинутую за горизонт. С высоты посадочной площадки, расположенной на плоской вершине одного из столообразных холмов, Филипп не смог оценить размеры стройки. Устье шахты было невелико, метров десяти в диаметре, и возле него сновали всего три машины,

не то киб-укладчики, не то подъемно-транспортные механизмы, не то переработчики вещества. Правда, чуть поодаль от шахты стоял широкий конус грузового когга, из вспоротого брюха которого автоматы выгружали лиловые блины контейнеров, а рядом с ним — искристо-белый куб стандартного кварк-реактора, похожий на кусок сахара-рафинада.

Сойдя вниз и заглянув в жерло шахты, Филипп несколько призадумался, а когда, объяснив цель визита начальнику стройки, спустился на всю тридцатикилометровую глубину шахты и оказался в гигантском естественном зале, словно нарочно созданном природой для нужд человека, заполненном десятками сложных машин и устройств, возле которых работали сотни людей, еще раз убедился, что оценить масштабы какого-то явления по внешним признакам нельзя.

— В настоящее время ведем монтаж импульсных трасс, силовую проводку, тянем цепи управления,— сказал начальник стройки, скафандр которого не позволял оценить его возраст.— Через два дня начнем установку опор инициатора. Думаю, закончим все работы точно по графику. Если, конечно, снабжение не подкачает.

— Не подведет,— заверил Филипп. Ему вдруг захотелось самому участвовать в стройке, монтажником или механиком, в ладонях даже появилось ощущение прикосновения к шершавому металлу силовых конструкций, требующих в известной мере применения ручного труда, но такого задания у инспектора не было, и он только вздохнул, сожалея о потерянной свободе выбора. «Впрочем,— вспомнил он древнее изречение,— что такое свобода выбора, как не осознанная необходимость?»

Спустя несколько дней Филипп вернулся в Управление и сообщил о ходе строительства Томаху и Керри Йосу, заодно передав все пожелания монтажников и строителей.

— И еще один момент,— сказал он, вспоминая свои ощущения.— Все исследовательские станции на Тритоне на время эксперимента придется эвакуировать. Волна сотрясения коры планеты в местах их расположения достигнет десяти-двенадцати баллов. Купола станций не приспособлены к таким встряскам.

— Эвакуируем,— кивнул Керри.— Нет проблем.

Филипп не стал уточнять границ возможностей отдела безопасности и, получив разрешение на участие в Австралийском эксперименте, подготавливаемом группой специалистов Института ТФ-связи во главе с Травицким, покинул отдел.

Аларика все еще жила на Луне в центре подготовки экспедиции Реброва, до старта, назначенного на двадцатое мая, оставалось всего десять дней, и она была занята чуть ли не круглосуточно. Филиппу не удавалось добиться встречи с ней, и это обстоятельство, конечно, не способствовало улучшению его настроения. Стран-

ное предчувствие надвигающейся беды не покидало его ни днем, ни ночью, и он, не зная, откуда ждать этой беды, в чем она заключается, когда случится, был настолько невнимателен на работе, что удивил даже Станислава.

Двенадцатого мая Филипп прибыл на Австралийский полигон УАСС вместе с Томахом и Керри Йосом.

Место для проведения малого ТФ-взрыва или, как его называли физики, «эксперимента предупреждения», выбрали на окраине полигона, переходящего в пустыню Гибсона.

Филипп, выпрыгнув из куттера, с недоумением осмотрелся по сторонам. Видимо, здесь когда-то что-то взрывалось и горело: влево до горизонта уходила безотрадная коричневая плоскость спекшегося в корку песка. Справа на горизонте вырастали пологие вздутия гор Макдональд. Площадку, где сел куттер, окружало несколько валов перепаханной, взломанной земли; углубления между валами были заполнены чем-то черным и рыхлым, как слежившийся, намокший пепел.

В отличие от стройки на Тритоне установку дла ТФ-взрыва на Земле монтировали на поверхности полигона. Со стороны она выглядела внушительно: стометровой высоты рупор, расширяющийся в небо, укутанный в ажурную вязь вторичных конструкций.

Представителей отдела безопасности встречал Кирилл Травицкий, неторопливый и грустный, как всегда. У Филиппа шевельнулось в душе чувство вины, но Травицкий, проницательный Травицкий, знавший его, как отец, не дал ему уйти в дебри самоанализа. Сдержанно поздоровавшись со всеми, он задержал руку Филиппа в своей и сказал:

— Ты, конечно, хочешь поработать на материале?

— Хочет, хочет.— Томах беспечно махнул рукой.— Мне он порядком надоел, забирайте его к себе.

— Спихиваете? — пошутил Травицкий с едва уловимым упреком, направленным неизвестно кому, и задумался.— Угловский работает на каскаде автоматики инициатора, возьми на себя контроль управления... если не утратил навыков.

Еще один маленький укол Филиппу-инженеру, но Филипп-безопасник принял его как должное. Кирилл Травицкий имел право быть недовольным его выбором, хотя выражал чувства в очень корректной форме.

Керри Йос и Томах остались с руководителем эксперимента, а Филипп, прежде чем отправиться на определенный ему участок, для ознакомления обошел стройку кругом. Одет он был в универсальный рабочий костюм: голубовато-серую куртку и такие же брюки с автоматической регуляцией температуры, так что переодеваться не пришлось.

Конструкторы, с которыми он проработал бок о бок шесть лет,

приняли его без лишних расспросов, и, обрадованный их реакцией, Филипп с головой ушел в работу.

— Прежде всего такой вопрос,— сказал Керри Йос и в упор посмотрел на Травицкого.— Почему вы решили провести этот предупреждающий эксперимент?

Тот выдержал взгляд и попытался улыбнуться, но, так как улыбаться он не умел, то Керри пожалел, что задал вопрос.

— Потому что я вдруг испугался,— сказал Травицкий.— Научно обоснованного ответа у меня нет, не надейтесь, есть только предчувствия, а это, сами знаете, из сферы психологического субъективизма, весьма далекого от всякой науки.

— Однако ВКС и СЭКОН вы убедили,— сказал Керри.— Как и Земплан. А им подавай аргументацию, а не предчувствия. Дело в том, что у меня тоже есть нехорошие предчувствия, и я хотел бы их развеять. Надеюсь, ваш опыт «малого» взрыва расставит точки над «i» и большой эксперимент на Тритоне пройдет успешно.

— Я тоже надеюсь,— вздохнул Травицкий.

— И все же странно, что Земплан пошел на расходы, связанные с этим дорогостоящим опытом. Насколько я знаю, есть более важные задачи, требующие больших затрат энергии и материалов. Ведь в научном плане ваш эксперимент не слишком информативен?

Травицкий поморгал.

— Я бы так не сказал. По сравнению с чем он не слишком информативен?

— Земплан пошел на расходы потому, что вмешался отдел дальнего координирующего прогноза ВКС,— вступил в разговор скучающий Томах.— Обнаружилось, что совпадают мнения двух разных организаций: УАСС в лице руководителя первого сектора Дикушина и СЭКОН в лице его председателя Морозова. Плюс мнение руководителя бюро Травицкого.

— Ага,— сказал Керри Йос.— Ну, если ВКС заинтересовался... Все равно непонятно. Что касается Владибора, то я знаю, чем он руководствовался, а какие соображения, кроме предчувствий, выдвинул Травицкий?

— Кирилл чересчур восприимчив к ТФ-эху,— сострил Томах.— Отсюда все его страхи.

Керри недовольно посмотрел на Станислава.

— С чего это ты веселишься? Шутки какие-то плоские...

— А, может быть, я тоже...— туманно пояснил Томах.

— Видите ли,— начал Травицкий; на панели видеоселектора заработал виом, начальник стройки выслушал сообщение, кивнул и выключил связь.— Видите ли, человечество до недавнего времени было географически незрелой цивилизацией. С тех пор прошло определенное количество лет, мы полностью обжили Землю, и гео-

графия перестала быть романтической наукой. Сейчас мы обживаем космос, Солнечная система теперь для нас все равно, что Земля для путешественника, скажем, двадцатого века. Но вот стало ли человечество к о с м и ч е с к и зрелой цивилизацией?

Керри Йос искоса посмотрел на Станислава. Тот, казалось, тоже был удивлен преамбулой.

— Кирилл, друг мой,— сказал он,— ты стал длинно говорить.

— Длинно,— грустно согласился Травицкий.— Но короче не умею.

— Не перебивай,— негромко произнес Керри.— Продолжайте, Кирилл.

— Собственно, я уже все сказал.— Травицкий беспомощно посмотрел на неподвижного Йоса и пожал плечами.

— М-да... Если я вас понял правильно, вы говорите о способности человека совершать ошибки? Нет?

— Собственно... н-нет. Ошибки — это уже результат каких-то стремлений, понимаете? Я говорил о несоответствии, в первую очередь, о несоответствии научных и психологических стремлений человека философскому содержанию познавательного процесса, психологии и этике космического масштаба. Не об этом ли, кстати, предупреждает нас Наблюдатель? Такое отставание в двадцатом веке грозило гибелью цивилизации, а теперь?

— Странно подумать! — фыркнул Томах.— Развалим весь космос!

Травицкий улыбнулся.

— Может быть.

— Вы и о Наблюдателе знаете? — пробормотал Керри Йос.

— Может, и в самом деле мысль можно выразить иначе,— через некоторое время сказал начальник конструкторского бюро.— Если говорить о несоответствии, то в двух словах можно сказать так: мы не всегда замечаем несоответствие своих желаний и возможностей.

— Мысль, честно говоря, не новая.

— А разве от этого она потеряла смысл?

— Хорошо, кажется, я вас понял,— вздохнул помрачневший Керри Йос.— Показывайте свое взрывчатое хозяйство.

— Чего ты меня будишь среди ночи? — сердито сказал Томах, протирая кулаками глаза.— Не мог подождать утра? Что стряслось?

Филипп молча протянул пуговку объемного фото.

Станислав сдавил пуговку пальцами, и сон его как рукой сняло.

— Где?!

— В блоке ограничителя, на крышке каркаса.

Томах еще раз вгляделся в мигающую в материале «звезду Ромашина», вернул фото.

— Ч-черт! Этого нам только не хватало!

— Не нравится мне это.

— Думаешь, мне нравится? Видишь, и Наблюдателю тоже... знать бы, что именно.

— Полагаешь, это он?

— Кто еще?

— Н-ну, пошутил кто-нибудь... Бассард, например. Что делать?

— Бассард шутить не способен. Погоди, дай сообразить... Во-первых, сообщи Никите, ну и Керри, само собой. Во-вторых, обыщи всю аппаратуру, может, отыщется еще что-нибудь странное. Ну, а потом решим, что делать дальше. Беги.

Филипп не совсем понял, что он должен искать, но переспрашивать не стал. Тревожное чувство приближающейся беды снова всколыхнуло душу, заставляя ум напрягаться в поисках причин тревоги. Он походил по комнате, ожидая, пока оденется Томах.

— Тебя еще что-то беспокоит? — спросил тот.

Филипп остановился на полшаге, очнулся.

— Извини, замечтался. До связи.

Томах удивленно смотрел ему вслед.

Спустя полчаса Филипп подлетел к стройке, выросшей на горизонте гроздью огней и световых конусов, рассеивающих ночной мрак на сотни метров вокруг. Негромкий, равномерный шум стройки разносился ночью довольно далеко, не прекращаясь ни на минуту. Строители торопились, и работы велись непрерывно, днем и ночью.

Отпустив машину, Филипп подвесной дорогой доехал до верхней строительной площадки, а оттуда пневмолифтом опустился на дно установки, где располагались основные узлы энергораспределителя и каскад автоматики.

Как и ожидалось, в помещении каскада ничего нового не обнаружилось, хотя Филипп обшарил буквально все углы и закоулки. Потрогав как ни в чем не бывало «поющую светом» «звезду» на крышке прибора — единственное доказательство присутствия здесь Наблюдателя (в чем Филипп сомневался, так как получалось, что Наблюдатель либо совсем потерял осторожность, либо стал вмешиваться во все события, что было явно несолидно с его стороны) — Филипп стал развивать свою идею о причинах появления мерцающих «звезд», и в это время в гулком объеме конуса установки сквозь шум послышались громкие голоса. Он выглянул из помещения каскада автоматики и спросил пробегавшего мимо монтажника, в чем дело.

— Канавокопатели возле основного фундамента наткнулись на чей-то старый кабель,— крикнул парень на бегу.

Филипп поспешил выбраться наверх и через несколько минут

подходил к группе людей, сгрудившихся у замерших роботов-диггеров.

— Разрешите? — сказал он негромко. Люди расступились. В канаве на глубине двух метров, выхваченные из тьмы прожекторами машин, уходили из стены в стену очищенные от земли два толстых кабеля в черной оплетке. Вид у них был совсем не старый, но Филипп понял, почему строители употребили слово «старый». Канава была прорезана в окаменевшем до твердости скалы грунте, а, чтобы песок и пыль могли слежаться до такого состояния, должен был пройти не один десяток лет.

Филипп разогнулся и посмотрел на замолчавших строителей.

— Прошу вас ничего здесь не трогать. Диггеры убрать подальше, а вокруг этого места хорошо бы поставить ограждение.

— А кто вы такой? — не выдержал стоявший впереди остролицый некрасивый парень.— Сейчас придет координатор, он и будет распоряжаться.

Филипп спокойно пожал плечами.

— Я работник отдела безопасности УАСС. Пожалуйста, выполните мою просьбу, пока я вызову тревожную группу.

Еще раз оглядев безобидные с виду кабели, Филипп поспешил к пункту координации строительства и набрал телекс дежурного полигона:

— Я Ромашин, официал-девять отдела безопасности. Дайте вызов технической бригаде отдела и экспертам «Аида».

— Тревога степени А? — спросил невозмутимый дежурный.

— «Штормовое предупреждение».

— Координаты?

— Новая стройка на границе полигона. Нашли в земле кабель, возраст примерно сто — сто пятьдесят лет, но я могу и ошибаться.

— Принял.— Дежурный выключил связь.

Вскоре к месту находки подлетел десятиместный флейт с алой мигалкой «Аида» и куттер с группой экспертов безопасности. Из них высыпали молчаливые крепкие ребята и споро принялись устанавливать какие-то приборы, тянуть провода и антенны. Филипп был теперь им не нужен, да и не навязывался в помощники. Узнав, что он инспектор отдела безопасности, старший тревожной группы попросил только обеспечить установку зоны внимания, что Филипп и сделал без особого энтузиазма. Захотелось вдруг спать, навалилась усталость, скорее всего, от пережитой нервной нагрузки, и, потеряв интерес к событиям, Филипп ушел со стройки.

Наутро стало известно, что первые концы найденных кабелей тянутся на восемнадцать километров к горам Макдональд и заканчиваются в заплывшем песком бункере с аппаратом выдачи команды подрыва, а вторые уходят прямо под стройку на глубину в двадцать с лишним метров и подсоединены к подготовленному для испыта-

ний взрывному ядерному устройству. Возраст кабелей, устройства и бункера оценили в двести шестьдесят лет, тем не менее они находились в рабочем состоянии и не потеряли своего зловещего предназначения.

— Очевидно, кто-то двести с лишним лет назад здесь тоже экспериментировал со взрывом,— сказал Томах, встретившись с Филиппом утром возле громады почти готовой установки.

— Странное совпадение, если не сказать больше. Странно уже то, что взрывное устройство оставили не законсервированным, а готовым к взрыву. Набирай код на командоаппарате и взрывай. Не найди мы кабели, могла бы произойти катастрофа. Что здесь было до полигона?

— Кажется, космодром. Но точно ли на этом самом месте, утверждать не берусь. Сюрприз, конечно, отменный. Ты докладывал Керри?

— Он только что отправился домой, в отдел.

— Удалось установить, кто принял решение разместить установку именно на этом месте?

Томах неопределенно повел плечом.

— Нет, и это весьма удивительно. Компьютер СЭКОНА, ведущий запись заседания рабочей комиссии, момент решения почему-то не записал, так что никто не знает, чья это идея. В связи с этим у Никиты появились важные соображения, он просил найти его до оперативки у Керри. Да вот он, кстати.

От стоянки малых машин-антигравов к ним шел Богданов в сопровождении вечно озабоченного Бруно Осинниго, помахал издали рукой.

— Однако Наблюдатель добрался сюда раньше нас,— сказал он со странной интонацией, пожимая друзьям руки.

— Что ты этим хочешь сказать? — прищурился Томах.

— Потом поймешь. Пошли посмотрим?

Томах посмотрел на часы.

— Времени у нас мало, но посмотреть надо.

Все четверо двинулись к подъемнику.

— Точно такой же,— сказал Богданов, погладив пальцами продолжавшую мигать «звезду Ромашина» в металле крышки прибора, когда они проникли в помещение каскада автоматики.— Где мы их только не встречали, а?

— Впервые на промежуточной ТФ-станции,— начал загибать пальцы Бруно и мельком посмотрел на Филиппа.— Но узнали об этом, кстати, в последнюю очередь. Потом на орбитальных станциях над Орилоухом, на Шемали, на Истории, на бортах разведкораблей, на Триасе.

— Непонятно, с чего вдруг Наблюдатель взял человечество под столь недвусмысленную опеку.

— Вероятно, потому, что мы долго раскачиваемся,— сказал Филипп.— «Звезда», скорее всего, не что иное, как знак внимания, а не запрета. Запретить нам Наблюдатель ничего не может, а вот предупредить, обратить внимание компетентных органов может. Что и делает.

Томах посмотрел на Богданова.

— Мы его возможности испытали на себе, так что ты не прав насчет «не может запретить». Не хочет, так будет точнее. А цель его понятна, ты сам ее сформулировал недавно. Как только мы задумываем вмешаться в природу иных миров или провести эксперимент, способный повлечь за собой какие-то последствия космического масштаба... кстати, вот вам вектор вмешательства Наблюдателя — экоэтика космического, галактического масштаба! Правда, я назвал бы «звезду» не знаком внимания, а знаком предполагаемой беды. Для нашего времени даже один равнодушный взгляд может стать знаком беды, не то что «звезда».

— Наблюдатель вроде няньки? — хмыкнул Бруно.— Плохо верится. Мало нам СЭКОНа? Вообще сама идея глобального контроля над деятельностью человечества — фикция.

— Фикция? — обманчиво ласково переспросил Томах.— А факты, которые мы имеем, тоже фикция? Что бы ты сказал, если бы вечером, когда ты сел смотреть интересный фильм, стена твоей комнаты вдруг рухнула из-за действий соседа, который решил проделать кратчайший путь к другому твоему соседу? Через твою комнату? Чем мы отличаемся от этого чудака? Привести примеры?

— Пример ты уже привел, не совсем удачный, но образный,— сказал Богданов.— У меня вопрос иного плана: как он это делает? Я имею в виду «звезды».

Бруно пожал плечами.

— С точки зрения технологии такую «звезду» сделать нашими средствами невозможно. Я уже говорил, что в этой точке наблюдаются странные эффекты типа нарушений причинно-следственной связи на микроуровне.

— Как невозможно? — удивился Станислав.— Сфокусировал на поверхность слабенький лучик ТФ-эмиттера...

— И разнес эту поверхность вдребезги! Даже самый немощный ТФ-импульс разрушает любую броню разведкораблей, несмотря на подпитку каркаса силовым полем. Вы что, не изучали в школах ТФ-физику? Судя по всему, «звезды» — это следы каких-то обратимых во времени процессов, и проявляются они бесшумно и без каких-либо деформаций зоны в материале. А это уже уровень внутрикварковых процессов! Я, пожалуй, останусь здесь со своими орлами.

Богданов кивнул.

— Понадобишься, я тебя найду.

Они выбрались в солнечный день, царивший вне гулкого помещения взрывной установки.

— Зачем ты нас искал? — спросил Томах, из-под козырька руки глядя на конус, имевший вполне законченный вид.

Богданов помолчал минуту.

— Вас не насторожило совпадение места установки ТФ-взрыва с местом предполагаемого двести шестьдесят лет назад ядерного взрыва?

Филипп и Станислав переглянулись.

— Мы говорили об этом. Случайность.

— Вы еще верите в подобные «случайности»? После того, что произошло на орилоухских станциях? После смерти Василия? После «зеркал» и всего прочего?

— Ну и что? — Томах начал сердиться.— Не говори недомолвками, начальник.

— Пошли посидим, неудобно говорить на виду у всех.

Томах направился к антигравам. Сели в кабину четырехместного пинасса.

Филипп был заинтригован необычным поведением Богданова, но не подал вида.

— Знаете, кто определил место строительства установки? — спросил Никита, глядя на друзей сквозь прищур век.

— И об этом мы успели поразмышлять. По-моему, определить это уже невозможно. Запись заседания СЭКОНа оказалась неполной.

— Ошибаетесь. То есть я хочу сказать, что запись действительно неполная, и тем не менее я нашел того, кто первым посоветовал выбрать окраину полигона, именно этот район.

Томах приподнял брови.

— Интересно. Ну, и кто?

— Керри!

— Ты с ума сошел! — Станислав встретил взгляд Богданова и поежился.— Неужели ты хочешь сказать, что...

— Совершенно верно,— подтвердил Богданов вежливо.— Оказывается, человечество контактирует с высшим разумом уже сорок лет и не знает об этом!

Томах скептически покривил губы.

— Керри не сорок, а шестьдесят. Ты что же, веришь, что Керри Йос и есть Наблюдатель? Чушь! Извини.

— Именно такой реакции я от вас и ожидал. И все же прошу поразмыслить на досуге. Только не показывайте этого самому Керри, я не хочу, чтобы кого-нибудь из вас постигла участь Василия. Высаживайтесь, мне пора.

Томах и Филипп, одинаково ошеломленные словами Никиты, вылезли на Землю. Пинасс захлопнул фонарь и взлетел. Проводив

его глазами, инспекторы снова переглянулись, и холодок тревоги струйкой протек вдоль лопаток Филиппа. Словно очнувшись, он оглядел панораму строительства. Кругом было полно людей, веселых, уверенных, сильных, знающих, что они делают и что им предстоит сделать. Филипп глубоко вздохнул: жизнь шла своим чередом, и природа не выглядела обиженной, несмотря на безрадостный ландшафт пустыни. Но тревога в душе осталась...

Точно такая же заноза тревоги сидела в душе Томаха, который знал, что Богданов никогда не бросает слов на ветер.

Старт первой межгалактической экспедиции, состоящей из двух космолетов «Витязь» и «Дерзкий», передавали по всемирному информвидению во все уголки Солнечной системы. Лишь немногие, в том числе Аларика и Филипп, видели его непосредственно в пространстве, хотя и через оптику, но без фотоэлектронных умножителей и передатчиков изображения.

Оба корабля неподвижно висели в двух тысячах километров от поверхности Луны, в ее тени, озаряемые только пепельно-голубым светом полной Земли. Они не предназначались для посадок на планеты, в отличие от крейсеров УАСС, и форму имели даже отдаленно не напоминающую стремительные обводы первых ракетных кораблей: «Витязь» представлял собой четыре диска, насаженные на три трубы длиной около полутора километров, «Дерзкий» — три конуса на одной четырехугольной трубе.

Филипп и Аларика стояли на обзорной палубе монитора предстартовых операций, плавающего над Луной на той же высоте, что и уходящие космолеты. Из зала управления они ушли давно, как только закончился последний перед отлетом контроль систем обоих кораблей. Все слова были уже сказаны, прощальные речи произнесены, оставалось ждать времени старта.

До «Дерзкого» было без малого двести километров, и выглядел он на фоне звездных россыпей слабой искрой света, словно оправдывая название. Но оптический панорамный квадрат позволял видеть корабль во всех деталях, как и «Витязя», отошедшего от напарника на расстояние безопасности — сто километров.

Первым стартовал флагман экспедиции «Витязь». Май Ребров находился на его борту.

Космолет вдруг стал терять четкую форму, расплываться в сияющий голубой факел. В какой-то миг этот факел пронзили изнутри ослепительно-белые тонкие лучики света, а когда факел погас, пространство оказалось пустым. «Витязь» начал первый прыжок в «струнном» режиме к Большому Магелланову Облаку, выглядевшему с расстояния в сорок шесть тысяч парсеков маленьким пятнышком света в созвездии Золотой Рыбы.

Старт «Дерзкого» для непосвященных ничем не отличался от старта его предшественника. Лишь Филипп, знавший, что в конструкции космолета были использованы новые ТФ-антенны, разработанные согласно «формуле Ромашина», различал нюансы в стартах обоих кораблей, но это не заставило его ощутить сопричастность к большому событию. В настоящий момент его больше волновала близость Аларики и ее настроение, поэтому он думал преимущественно о том, как отвлечь ее от горьких дум. И придумал. Прямо с монитора, опустившись лифтом в Геоград и на метро добравшись до Москвы, он увлек ее на концерт современного нью-балета в Большом театре.

В десять вечера они медленно возвращались с концерта, отпустив такси за несколько кварталов-зон до жилой зоны Басово, где жил Филипп. Пешеходные дорожки, прорезанные в лесном массиве и соединяющие дома и зоны, были пусты; плоские квадраты светопанелей, подвешенные на пятиметровой высоте, усиливали свечение при их приближении и угасали позади.

Шли молча. Филипп держал Аларику за руку. Издалека изредка долетал чей-то смех, голоса, звон тормозящих антигравов. Аларика думала о чем-то своем, и Филипп не мешал ее мыслям. Она сама назвала киб-пилоту машины его адрес, и это было единственное, в чем он не сомневался.

— Вот и улетел Май,— сказала наконец Аларика, когда они прошли с полкилометра, вслушиваясь в шум листвы и скрипы каких-то ночных насекомых. Филипп невольно поднял голову, бросая взгляд на вызвездившее небо. На западе бесшумно вспыхивали зарницы и вонзались в зенит туманные шпаги орбитальных лифтов. Где-то далеко-далеко от Солнца посланцы человечества продолжали путь к цели, с каждым прыжком удаляясь от Земли на десятки световых лет...

— Они уже прошли дельту Золотой Рыбы,— пробормотал Филипп и внимательно посмотрел на спутницу. Аларика отвернулась, но он успел заметить дрожащие в ее глазах слезы.

— Они вернутся.— Филипп обнял ее за плечи, повернул к себе и осторожно вытер ладонью две мокрые дорожки на щеках.— Через пять лет они вернутся. Экспедиция защищена от всех существующих опасностей.

— Я знаю.— Аларика зябко поежилась, прижалась щекой к его ладони.— Пойдем быстрее, мне стало холодно.

Дома они уселись друг против друга и, заказав коктейль, безмолвно подняли бокалы с золотистым шампанским. Отпили по глотку.

— За тех, кто в пути,— сказал Филипп.

— За нас с тобой,— ответила Аларика.

Выпив шампанское и попробовав коктейль, Филипп открыл

стену-окно, выбрал программу в пенале музыкального «Орфея», и комнату заполнили нежные звуки виолы. Аларика смотрела на него, чуть прищурясь, и медленно потягивала тоник из бокала.

— Дождь,— тихо сказала она.— За окном дождь... Природа оплакивает кого-то. У меня такое чувство, будто случится что-то ужасное! Словно какой-то злой рок навис надо мной, преследует, не дает покоя... Не знаю, откуда взялась эта тревога, ты ли ее принес или кто-то другой?

Филипп молча подошел к ней, наклонился, тронул застежку пенелона на плече. Но женщина покачала головой, провела рукой по волосам, поцеловала в висок.

— Ты стал другим, Филипп, и... дорог мне... но не торопи меня. Я все еще не...— Она поискала слово.— Не уверена. Молчи,— остановила она попытку Филиппа заговорить, знакомым жестом прижав пальцы к его губам.— Я не уверена в себе, понимаешь? Не торопи события, так не хочется ошибаться...

Она встала.

— Потанцуем?

Наплывающая темнота — автомат пригасил светопанели — выбелила лицо Аларики, и глаза ее казались неестественно черными на этом нежном фоне. Филиппу вдруг показалось, что между ним и женщиной прошла призрачная фигура Сергея Реброва, но он только сжал губы и осторожно, словно боясь причинить боль, обнял Аларику.

Человек, помоги себе сам...

— Ничего мы там не нашли,— сказал Томах, отворачиваясь.— Никаких следов. Обыскали снизу доверху тридцатикилометровую шахту, все оборудование — «звезд Ромашина» нет. А почему ты уверен, что «звезды» обязательно должны быть?

Богданов со вздохом откинулся в кресле, разминая кисти рук.

— Потому что «звезда» появилась на установке в Австралии, которая отличается от установки на Тритоне только мощностью взрыва. Наблюдатель не мог не предупредить нас об опасности эксперимента на Тритоне, если дал предупреждение на Земле.

Томах подумал.

— Логично. И что же теперь? Обследовать весь Тритон? Наблюдатель, если он в Системе, от наших поисков, наверное, уже скончался от смеха. Ты все еще грешишь на Керри?

— А ты нет?

— Не знаю. Мне кажется, мы ошибаемся в оценке ситуации. Не знаю только, в какую сторону, лучшую или худшую. Если бы Наблюдатель хотел контактировать с нами, он давно сделал бы это. Видимо, в какой-то момент мы что-то где-то там задели в его области

влияния или повели себя неэтично, с его точки зрения, вот он нас и предупредил... и исчез. И Керри к этому не причастен.

Богданов упрямо покачал головой.

— Тогда он не оставил бы «звезду» на установке в Австралии. Нет, он здесь, в Системе, и его что-то беспокоит.

— Что его может беспокоить, кроме предстоящего эксперимента? Но расчеты взрыва проверены и перепроверены не один раз. СЭКОН тоже заседал дважды и не нашел причин, по которым можно было бы запретить эксперимент.

— Я знаю. Меня это не успокоило.

— Меня тоже,— со вздохом признался Томах. Они невесело улыбнулись друг другу, собираясь расходиться. В отделе уже никого не было, кроме них двоих.

— И все же, почему ты так уверен, что Керри и есть Наблюдатель? Я долго ломал голову, пытаясь оправдать твою уверенность. По-моему, его решение о проведении австралийского ТФ-взрыва — просто случайность.

Богданов перестал массировать кисти.

— Ты хорошо знаешь Керри?

— Достаточно, как мне кажется.

— Он способен удивляться?

Томах озадаченно посмотрел в глаза Никиты.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты был когда-нибудь свидетелем его удивления по какому-либо поводу?

— Ах, это... конечно, и не один раз.

— А появление «зеркальных перевертышей», исчезновение грузов и все события с Наблюдателем его н е у д и в и л и.

Томах подождал несколько минут, пока Богданов ходил в приемную отдела и умывался.

— И только на этом основании ты заподозрил...

— Не только. А тот факт, что на установке на Тритоне не обнаружена «звезда», лишь подтвердил мое предположение. «Звезду» он мог не оставить по двум причинам: из боязни обнаружить себя или по причине безопасности «большого взрыва».

— Но какова в таком случае его цель?

— Его цель — заставить СЭКОН действовать эффективнее, пристальнее «оглядываться вперед» на последствия действий человечества и думать не только о нуждах человеческой цивилизации, но и о сохранении среды ее обитания.

Томах невольно покачал головой.

— Эти песни о последствиях поются уже больше трех столетий. Я и сам их пою время от времени. Но если дела действительно обстоят таким образом, ты рискуешь, как Василий. Ты ведь становишься опасным для Наблюдателя своей информированностью.

И он не остановится на предупреждении, он тебя уберет, как свидетеля.

Никита потряс кистями, улыбнулся.

— Перетренировался вчера — побаливают. Убрать меня непросто, хотя и возможно. Но обещаю — буду осторожен. К тому же если он умный Наблюдатель, а он, без сомнения, очень умный, то, добившись цели, не станет расшифровываться до конца.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Киб кабинета, повинуясь мысленной команде Богданова, притушил светопанели. Комнату заполнили сумерки. Вдруг в соседней комнате что-то легонько скрипнуло. Томах вздрогнул; не столько от неожиданного звука, сколько от реакции друга.

Никита замер, бесшумно вскочил, скользнул к двери, в его руке оказался «универсал».

В следующее мгновение дверь отворилась и на пороге возник Керри Йос. Не обращая внимания на последовавшую немую сцену, он прошел в кабинет и сел лицом к обоим инспекторам.

Томах перевел взгляд с его спокойного лица на пистолет в руке Никиты, и ему стало жутко.

— Вы все слышали,— утвердительно сказал Богданов, переходя на «вы», продолжая держать Керри на прицеле.

Начальник отдела кивнул.

— Случайно вы не выключили интерком.

— Значит, наше предположение...

— Вы даже не представляете, ребята, с кем играете в прятки. Подумайте трезво: будь я Наблюдателем, разве я разрешил бы вам сомневаться в себе, разве стал бы раскрываться? Вы бы просто умерли от вполне естественных причин, как Василий, вот и все. Слишком большие и важные материи затронуты в нашем осязательном контакте с Наблюдателем, чтобы он позволил себя раскрыть. А возможностей у него хватает, вы это знаете.

Богданов подумал и опустил пистолет. Керри Йос смотрел на него без улыбки, устало и задумчиво.

— Помните, у меня сгорел пульт? При вас буквально. После этого я обнаружил внутри «звезду Ромашина». Неужели вы поверили объяснению техника, что я «перепутал» силовой и слаботочный разъемы? Это было предупреждение, ребята. А самое интересное, что тот молодой техник в штате Управления не числится, я проверил. Такие вот пироги.

Томах откашлялся.

— Извини, Керри, мы... в общем, никто не сомневался.

— Неправда,— тихо и твердо сказал Богданов.— Я сомневался, вернее, не то слово — был уверен. Я и сейчас уверен, что вы — Наблюдатель.

Керри Йос продолжал смотреть на него, но взгляд его ушел в себя, словно он решал, что ему делать.

— Да оставь ты пистолет,— буркнул Станислав.

Богданов озабоченно посмотрел на «универсал», спрятал его в карман куртки, отошел от двери и сел рядом с Томахом.

Керри почесал шрамик на лбу, слабо улыбнулся.

— Ну и ситуация. Не хватало мне заботиться о вашей охране. Спасибо еще, что вы не сообщили о своих подозрениях в Совет безопасности. И что вы собираетесь делать со мной дальше?

— Ничего,— сказал Богданов, подумал, встал и вышел.

Керри посмотрел ему вслед и перевел взгляд на Томаха.

— Извини его,— хмуро сказал тот.— Не знаю, что на него наехало, обычно он сдержаннее.

— Я его понял.— Начальник отдела закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.— Просто он не увидел другой возможности, прошел мимо, увлекшись цепью совпадений. Разгадка лежит на поверхности, Василий до нее докопался, работая с компьютером — временные парадоксы. И «звезда Ромашина», и «зеркальные перевертыши», и ваше путешествие на «Красную книгу» связаны с эффектом обратимости времени, подумайте над этим на досуге.

Томах подождал немного, кивнул, сказал:

— Ну, я пойду?

Керри Йос не ответил.

Станислав еще немного подождал, на цыпочках вышел из кабинета и перевел дух только на крыше здания. Щеки горели, было стыдно и зябко одновременно, и было жаль Никиту за его необычную ошибку. «Впрочем, почему ошибку? — пришла вдруг здравая мысль.— А если он-таки прав? Керри-то не доказал обратного...»

Полюбовавшись безоблачным фиолетовым шатром неба, Томах вызвал по видео Филиппа:

— Ты уже дома?

— А где мне еще быть? — ответил бывший конструктор.

— Неважно выглядишь. У тебя все в порядке?

— У меня все, а вот ты явно не в своей тарелке. Получил нагоняй от Керри?

— Не в бровь, а в глаз, ясновидец ты наш. Мне просто не спится.

— Мне тоже. Сижу и зачем-то жду вызова, хотя вызова быть не должно, мы предусмотрели все, что могли предусмотреть. Ребята дежурят на полигоне, а я вот... жду.

— Честно говоря, у меня тоже на душе кошки скребут. Эксперимент завтра, в десять по московскому, а у меня «мандраж», как перед схваткой на татами. Слушай, давай еще раз проверим все на полигоне, прощупаем своими руками.

— Для очистки совести? — иронически приподнял бровь Филипп.— А впрочем, спать все равно не придется. Встретимся через

час на базе. Кстати, как дела у Никиты? Подтвердились его сомнения насчет... э-э?

— Нет,— коротко ответил Томах и выключил видео. Постояв еще несколько минут, опираясь руками на ограждение, опоясывающее площадку на крыше, и глядя на мерцание огней вокруг здания Центра, он решительно шагнул к лифту.

Травицкий закончил расчет, откинулся в кресле, глядя перед собой невидящими глазами, затем дрожащими от невероятной усталости руками снял эмкан и выключил вычислитель.

— И все же мы ошибаемся,— прошептал он, растирая лицо ладонями.— Я тоже ошибаюсь...

Прежде чем встать, он долго сидел перед пультом вычислителя и с брезгливой жалостью рассматривал свое отражение в зеркале. Перед ним сидел совсем старый, рыхлый человечек с синими от усталости и нервной перегрузки тенями под глазами и большими залысинами.

— Эк тебя! — пробормотал Травицкий с сочувствием к своему отражению.— Не хватает таким явиться на эксперимент!

Он встал, вспомнил об аптечке, достал две таблетки витмобилизатора, медленно прожевал и проглотил. Стало легче. Тогда он вызвал такси и покинул институт, высившийся на фоне лучистого сияния на горизонте темной неживой громадой.

Домой не полетел. Подумал и назвал адрес Кристины. Через сорок минут бесшумного скольжения над темным океаном парка с редкими огнями пинасс доставил его в третий округ Деснянска, к большому зданию, формой напоминавшему пшеничный колос. Отослав машину, Травицкий неизвестно зачем обошел его кругом, прошелся по речному откосу; снизу, от невидимой реки, доносился плеск волн и шуршание камыша. Травицкий поймал себя на желании оттянуть визит, рассердился и вызвал лифт, вознесший его на девятнадцатый этаж.

Дверь открыла Кристина, уютная, спокойная, одетая в домашний халат, не скрывающий ее несколько полноватых форм.

— Не поздно? — пробормотал он, стараясь улыбнуться.

Она поглядела на него, не узнавая, и по тому, как расширились ее глаза, он понял, что выглядит все так же скверно.

— Ты?! Проходи.— Кристина отступила вглубь прихожей.

— Извини, я только на минутку...— Он прошел за ней, спотыкаясь обо что-то мягкое, потом вернулся и снял обувь. Она обернулась, и Травицкий, остановившись, с жалкой улыбкой развел руками.— Понимаешь, Крис, мне плохо сейчас, вот я и пришел.

— Это я вижу,— усмехнулась она.— Приходи в зал, я уложу детей и приду.

Травицкий прошел в гостиную, потом вернулся снять куртку. Из детской доносился смех, звонкие голоса детей и ворчание Кристины.

«Ну да, дети,— подумал он почти спокойно, без обычной боли в сердце.— Живут с ней... Почему она не отдаст их в школу полного цикла? Разве можно уделять им все время? Брала бы на выходные или по вечерам, как все... странная привязанность... А, может быть, вовсе не странная, а нормальная? Любовь матери?»

Он на цыпочках проскользнул в гостиную и сел в свое любимое кресло, принявшее его в объятия, как старого друга.

«Три года прошло... я был здесь три года назад... и четыре, и семь, и одиннадцать, и ничего не изменилось... кроме обстановки... и не изменится... Почему она не выходит замуж? Ей же всего сорок три... Впрочем, я ведь тоже до сих пор не нашел пары... Странно, что я никогда об этом не задумывался, просто жил и все. Может быть, она ждала моего слова? Нет, нет,— вспомнил он,— дети — вот главное, что удерживало меня... и ее. Дети не мои, это всегда казалось мне главным... хотя теперь кажется, что я ошибался. Какая разница, чьи дети, если она мне нужна? Несмотря ни на что... Вероятно, я что-то упустил из виду. Когда? Три года назад? Одиннадцать, когда появились дети? Когда все еще можно было поправить?..»

Кристина с подносом в руках, на котором лежали бутерброды и дымился в бокалах голубоватый лунный кофе, вошла в комнату, освещенную рассеянным светом вечернего бра, остановилась. Травицкий спал. Голова его сползла на валик кресла, лицо было измученное, осунувшееся, с черными тенями под глазами, губы вздрагивали, словно он с кем-то разговаривал во сне и морщился при этом. И было ему плохо, так плохо, что хуже не бывает.

Кристина поставила поднос на столик, села рядом и тихо, почти неощутимо коснулась рукой его лба. Травицкий вздрогнул, брови его страдальчески изогнулись, но он не проснулся.

«Он же совсем один! — подумала она вдруг, ужаснувшись.— Он всегда плохо сходился с людьми, и все это время был один, а работа — не отдушина для сердца...»

— Бедный...— прошептала женщина, снова касаясь пальцами его лба.— Бедный мой...

Травицкий пошевелил губами и внятно прошептал ее имя.

Над коричневой пустыней было сумрачно, дул холодный ровный ветер. Метеотехники постарались, и сплошной облачный покров, обложивший небо с утра, к середине дня достиг такой толщины, что невольно душа ждала снегопада.

Филипп по видео проверил посты, расставленные вокруг ТФ-

установки по радиусу в двадцать километров, доложил о готовности всех подконтрольных служб Томаху и остался стоять на открытой галерее, соединяющей бронированные конусы наблюдательных пунктов.

Отсюда до раструбов ТФ-установки, готовой к взрыву, было около двенадцати километров по прямой, и выглядела она неэффектным светящимся клинышком. Но недаром вокруг нее чуть ли не сплошной стеной расположились поглотители ударной волны, защитные башни и прочие грозные машины, начиненные кибтехникой и молектроникой, готовые вмешаться в ход событий, при первых же признаках опасности для людей за границами охраняемой зоны. Все-таки мощность ТФ-взрыва, довольно скромная по масштабам современной эпохи, намного превышала мощность многих земных природных катаклизмов, и, вырвись эти адские силы из-под барьера защиты, они многое бы натворили на австралийском материке.

Начал сеять мелкий холодный дождик. Филипп разочарованно покачал головой, посмотрел на часы — оставалось всего двадцать минут до пуска — и спустился в люк наблюдательного пункта, служившего одновременно и централью управления экспериментом.

В круглом зале с наклонными стенами, представлявшими собой контрольные виомы и экраны оптических усилителей, было тихо, у центрального пульта монитора управления стояли и сидели научные руководители эксперимента, в том числе выглядевший больным Травицкий, Керри Йос, Владибор Дикушин в своей неизменной белой паре и Генри Бассард.

Филипп не понял, почему Бассард, руководитель второго космического сектора, изъявил желание присутствовать в ходе эксперимента, но ничем не выдал своих чувств.

— Посты готовы,— доложил он, подходя к Йосу.— Дезактиваторы на исходных, тревожные группы в готовности один.

— Добро,— отозвался начальник отдела, пряча в глазах усмешку: Томах только что доложил ему об этом, причем теми же словами.

Филипп извинился и подошел к Травицкому.

— А, это ты,— сказал тот вместо приветствия.— Побудь здесь пока, я сейчас вернусь. У меня к тебе есть разговор.

Начальник конструкторского бюро кивнул и быстро вышел из зала, оставив Филиппа в полном недоумении относительно своего замысла.

Кто-то включил видеосистемы, и слепые до сих пор окна дальновидения прозрели, показывая ТФ-установку во всех мыслимых ракурсах, в том числе и сверху, откуда на нее смотрели зависшие над пустыней видеозонды.

— Одного не пойму,— сказал Дикушин, превратив глаза в узкие

щелочки.— Почему установки здесь и на Тритоне неоднотипны? Там под слоем материковой коры, здесь на поверхности земли...

— Потому что эксперименты преследуют разные цели,— живо отозвался один из ученых.— Эксперимент на Тритоне глобален, с его помощью мы «высветим» всю Галактику, а то, что взрывное устройство спрятано на тридцатикилометровой глубине, так это для устранения влияния каких бы то ни было факторов и незагрязнения Солнечной системы. Здесь же, в Австралии; ТФ-взрыв на шесть порядков слабее, поэтому «осветить» всю звездную систему Млечного Пути он не сможет, и мы решили энергию взрыва сфокусировать в узкий луч. Такая направленная ТФ-волна пронзит Галактику по радиусу через активное ядро, а мы попытаемся уловить эхо с помощью уже готовых антенн.

— Уяснил, спасибо,— кивнул Дикушин.

— Внимание! — гулко разнесся по залу голос координатора.— Три минуты до окончания инициации! Даю отсчет.

Из динамиков раздалось клацание метронома и голос автомата, считывающего секунды в обратном порядке. Над башнями силовой защиты загорелись угрожающие алые огни, над пустыней прокатился вой сирен, предупреждая людей о необходимости укрыться в убежищах.

Филипп, с нарастающей тревогой дожидаясь прихода Травицкого, вспомнил его последнюю фразу, и тревога его переросла в панику. Выбравшись из толпы возбужденных специалистов, он незаметно включил рацию и тихо проговорил появившемуся над браслетом изображению заместителя:

— Келвин, проверь-ка быстренько, никто не появлялся в зоне без сигнала? И предупреди посты. Только быстро, аллюром!

— Жди,— кивнул заместитель.

Рядом с Филиппом вдруг очутился Томах.

— Что случилось?

— Травицкий...— инспектор не договорил, пискнул сигнал вызова.

— В зоне пинасс! — доложил встревоженный Келвин.— Держит курс за линию перехвата, догнать его мы уже не успеваем. Никто не думал, что он...

— Эх, что же вы сами-то не догадались! — скрипнул зубами Филипп и крикнул на весь зал.— Остановите пуск!

— Остановите пуск! — эхом подхватил Томах.— Немедленно!

Но было уже поздно. Автомат досчитал секунды, реакция инициации ТФ-распада достигла критического сечения, и началась цепная реакция, которую уже нельзя было остановить ничем.

В двенадцати километрах от наблюдательных пунктов над угрюмой мокрой пустыней вспыхнул изумрудный огонь, клинком воткнулся в низкие тучи. Дрогнула земля. Чудовищный вихрь

вывернул тысячетонные пласты песка и бросил во все стороны с громадной, непреодолимой силой! Сразу стало темно. Но через секунду наэлектризованные песчаные валы пронзила первая молния, а еще через секунду грохотало и сверкало отовсюду. Эта кипящая, электрическая туча ударила в невидимую силовую стену, закрутилась волчками смерчей, прорвала тучи на десятки километров в стороны и вверх, обрушилась назад, снова с гулом ударилась в защитные барьеры...

Воздушные потоки, словно из исполинского дуршлага, выдутые взрывной волной сквозь очищающие раковины поглотителей ударной волны, выстрелили за пределы двадцатикилометровой зоны, мгновенно сдули с барханов корку такыра и накрыли наблюдательные конусы непроницаемой желто-коричневой пеленой...

Филипп вместе с работниками своей группы выскочил из зала, не обращая внимания на предостерегающие крики, но пробиться сквозь беснующуюся плотную песчаную мглу не смог. Лишь через полчаса, когда ветер несколько стих и мгла рассеялась, они добрались к машинам в капонире и вылетели на поиски неизвестного антиграва-пинасса.

Травицкий лежал под разбитым корпусом пинасса в трех километрах от защитных устройств. Целыми у него остались только руки, прикипевшие к рукояти аварийного выброса.

Филипп с помощью товарищей вытащил его из-под обломков и безучастно смотрел, как суетятся врачи скорой, примчавшиеся вслед за спасателями. С врачами прилетел Томах. Он посмотрел на тело Травицкого, опутанное проводами, на врачей, разворачивающих бесполезные свои аппараты, и дотронулся до плеча Филиппа:

— Пойдем, инспектор. Никто не виноват в том, что случилось. Предусмотреть такое мы не могли. Пойдем, ему уже не поможешь.

Филипп не шевельнулся. Станислав повздыхал, потоптался рядом и отошел к врачам.

— Плачь, плачь,— пробормотал он с тоской.— Кто не плакал — как не жил!..

— Простите.— К Филиппу подошел старший из врачей.— Мы прибыли слишком поздно... тридцать семь минут... многочисленные кровоизлияния, три десятка переломов... Вот, возьмите.— Врач протянул ему какой-то небольшой плоский предмет.— Это нашли в его руке.

Филипп спрятал предмет в карман, встал и пошел прочь, в пустыню, не разбирая дороги.

Врач растерянно смотрел ему вслед.

— Эксперимент, в общем-то, удался,— подошел к Станиславу с мрачно-довольным видом Генри Бассард.— А ваша служба подвела, подвела. СЭКОН теперь не слезет...

Томах посмотрел на него, багровея, и Бассард быстро отошел.

— Зачем его сюда понесло? — пробормотал Станислав, почувствовав за спиной дыхание Керри Йоса, успокоил дыхание.

— Спешил,— понял тот, глядя на тело Травицкого.— Значит, рассчитывал успеть.

— Куда успеть? Всем оборудованием комплекса можно было командовать из НП.

— Не всем. По моим сведениям, он установил в главном конусе взрывной установки дополнительную ТФ-антенну с блоком аппаратуры управления и резонатор. Как ты думаешь, что его задержало? Ведь он мог успеть туда и обратно, времени хватало.

— Я задаю себе тот же вопрос.

Они встретились глазами.

«Генри прав,— сказал взглядом Керри Йос,— подвела наша служба».

«Я знаю,— ответил этим же способом Томах.— Разберемся».

Станислав подождал, пока врачи заберут тело Травицкого, и сел на крыло своего флейта ждать Филиппа.

Природа наконец успокоилась, и сквозь редеющие тучи проглянул настороженный лик солнца.

Глава 14. ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Зона взрыва была все еще обнесена цепью маркерных огней и предупреждающих надписей, но ионизация почвы уже снизилась до безопасного уровня, поэтому робота-сторожа сняли, и Филипп мог пройтись по зоне, не рискуя вызвать сиренный гнев автомата.

Снизившись, он спружинил на ноги и выключил пояс-антиграв.

Пустыня уже почти зализала нанесенную взрывом рану шершавым языком песков, но в том месте, где стояла ТФ-установка, зияла стометровой глубины воронка, и на километр вокруг почва была покрыта слоем странного голубого праха, текучего, как вода.

Поднимая облачка голубоватой пыли, Филипп прошлепал к краю воронки, заглянул вниз. В глубине пропасти увязла густая тень, но все же благодаря низкому солнцу, лучи которого высвечивали противоположный край воронки, можно было разглядеть, что желтые стенки провала усеяны порами так густо, что напоминают полурастаявший в стакане чая кусок сахара. От ТФ-установки, конечно, не осталось и следа. Филипп представил, какие силы бушевали здесь месяц назад, чтобы, стиснутые фокусирующим полем могли ударить в зенит, и ему на миг стало не по себе.

Присев на край воронки, он свесил ноги в пустоту и задумался над своими ощущениями, гонявшими его по Земле в поисках утраченного равновесия, в поисках неведомой истины. Кирилл Тра-

вицкий погиб, не успев сообщить, что он хотел доказать экспериментом. Почти все в Управлении считали, что погиб он глупо, и только Томах, Филипп да Никита Богданов имели другое мнение, но и у них не было доказательств. Единственный известный факт состоял в том, что по заданию Травицкого строители смонтировали на дне установки сложную антенну, способную возбуждать ТФ-волну необычайной, сверхвысокой частоты, и ТФ-резонатор, но зачем они ему понадобились, не знал никто.

— Убежден, он хотел до эксперимента подключить резонатор с антенной к главной антенне установки,— сказал после трехдневных разбирательств трагического случая Томах на коротком совещании у директора УАСС.— В каскад управления была встроена кроме всего прочего еще и аппаратура синхронизации пуска.

— Но проверить это невозможно,— буркнул Спенсер, не глядя ни на кого.— Поэтому конкретный виновник его гибели — ваш отдел.

— Мы и не снимали с себя вины,— поморщился Керри Йос.— Но, к сожалению, Травицкий не оставил никаких записей, свидетельствующих о его намерениях, и что он хотел проверить — неизвестно.

— А я думаю, это не случайность,— проговорил Богданов, покосившись на Томаха.— Снова вмешался Наблюдатель.

— Наблюдатель не может быть равнодушным,— покачал головой Керри Йос.— В этом случае он действовал бы гораздо более жестко. Смерть Василия Богданова, конечно, связана с появлением Наблюдателя, но в смерти Травицкого гораздо больше загадочного и случайного. То же самое можно сказать и о совпадении точки взрыва с древним ядерным устройством. Кстати, не мешало бы просчитать все характеристики построенной по указанию Травицкого колебательной ТФ-системы. Вспомните, «зеркальные перевертыши» тоже использовали запредельные частоты. Зачем Кириллу понадобилось разрабатывать ТФ-контур с теми же параметрами?

— Не совсем с теми же, его антенна-резонатор способна излучать ТФ-поле на гиперчастотах, не изученных даже теорией.

— Вот и давайте привлечем теоретиков, пусть покумекают, на что рассчитан ТФ-луч с такими частотами.

— Что нам это даст?

— Не знаю.— Керри Йос поднял на Спенсера прозрачный взгляд.— Может быть, ничего. Глаза подчас бывают слепы, надо искать сердцем...

— Может быть, ничего,— пробормотал Филипп вслух, поднимаясь на ноги; солнце зашло, и в пустыне резко похолодало. Какая-то мысль родилась в мозгу, смутная, неопределенная, ускользающая...

— Характеристики ТФ-антенны...

Да, ученые провели расчеты ТФ-волны, которую могла излучать построенная по заказу Травицкого антенна, но выводы оказались такими необычными, что в них трудно было поверить: в зоне излучения должны были наблюдаться эффекты «сдвига» и даже «поворота» времени на макроуровне, и к чему это могло привести — никто предугадать, а тем более, рассчитать не мог. Теоретики в том числе. Они только начинали свои колдовские исследования.

«Что хотел проверить Кирилл? Новую конструкцию антенны? Ценой жизни? Ерунда! Он плохо рассчитал время в пути до установки, кто-то его задержал или отвлек, вот и не успел долететь. С другой стороны, кто мог его задержать? В зону его пустили без единого вопроса, все были уверены, что он через минуту вернется. Но цель, цель его полета?»

Филипп слепо побрел прочь от воронки, остановился, вернулся и уставился в глубокую темноту ее дна.

Эксперимент в Австралии прошел удачно... если не считать гибели Травицкого, который так и не успел включить свой контур повышения ТФ-частот излучающей системы в общую систему и синхронизировать ее работу. ТФ-луч пронзил Галактику и ушел за ее пределы, приемные антенны поймали эхо отражений от сгущений материи, черных дыр и квазаров, оказавшихся на пути луча, а ученые засели на циклы новых расчетов, с нетерпением ожидая «большого взрыва» на Тритоне.

Частота таймфага... нестандартная частота... Кирилл не оставил ни одной зацепки, никаких записей на этот счет... не оставил...

Филипп вдруг вспомнил, как один из врачей скорой помощи сунул ему в руку какой-то плоский предмет, коробочку. Что это было? И где этот предмет?

Он слепо пошарил себя по карманам, с досадой поморщился: костюм был другой. Старый, месячной давности, уже, наверное, в утилизаторе. Но не мог же он не проверить карманы, прежде чем опустить костюм в щель утилизатора?

Филипп включил антиграв и дал полную тягу. Фиолетово-синее небо с розовыми перьями облаков, еще освещенных упавшим за горизонт солнцем, распахнулось навстречу...

Дома он вытащил из стенного шкафа старую одежду и обнаружил в кармане куртки голубую плоскую коробочку. В ней дребезжал какой-то небольшой предмет — кристаллическая кассета домашнего видео.

У Филиппа вдруг задрожала рука с зажатым в ней кристаллом. Как же он мог забыть о коробке? Целый месяц в голове ералаш, полное отсутствие памяти!.. Он лихорадочно развернул видеопроектор в комнате и вложил молочно-белый стерженек кассеты в отверстие копира. В углу заклубился радужный туман, рассеялся,

и взору явилось «продолжение» комнаты, созданное голографическим генератором видео. У пульта вычислителя сидел «живой» Кирилл Травицкий и разговаривал сам с собой.

Филипп сглотнул вязкую слюну и подался вперед, словно хотел поздороваться с учителем.

— Кирилл! — глухо выговорил он.— А все думали, почему не осталось записей...

— Итак, проблема не решается трансгрессивно,— сказал Травицкий, глядя куда-то в стену комнаты перед собой.— Может быть, она вообще не решается с позиций нашей современной физики. Ты разберись, Филипп, ты сможешь...

Филипп окаменел. Травицкий, мертвый Кирилл Травицкий обращался к нему, живому. Словно знал, что Филипп первым прочтет запись.

— Пойдем дальше.— Травицкий переменил позу, положил руку на пульт.— Эксперимент необходим, спору нет, но боюсь, малая мощность взрыва даст качественно иные характеристики ТФ-поля. Во-первых, бедность спектра и, может быть, даже отсутствие гармоник, на которых работают метро и ТФ-станции даль-связи. Во-вторых, следует еще раз вспомнить, что ТФ-поле не имеет ничего общего с материальным силовым полем, это свойство пространства, связанное с его топологией; образно выражаясь, это «судорога» пространства. И в-третьих...— Начальник бюро поднял глаза, и у Филиппа невольно сжалось сердце.— В-третьих, как оказалось, ТФ-теория гранично связана с теорией времени — одна переходит в другую при увеличении частоты и мощности ТФ-поля. А ведь мы собираемся ни много, ни мало сотрясти всю ТФ-метрику космоса! — Кирилл пожевал губами, обдумывая последнюю свою речь.— Короче, если я прав, мне не дадут провести эксперимент с новым колебательным контуром, потому что это чревато разрушением ТФ-скелета мироздания. Если я прав, я погибну, если нет — тревоги напрасны, и отделу безопасности не стоит беспокоиться о судьбах человечества и Вселенной...

Изображение комнаты растаяло цветным туманом. Чуть слышно щелкнул замок копира, запись кончилась.

Несколько минут Филипп сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящим взором. Кирилл Травицкий запрограммировал свою смерть! А поскольку он оказался прав, его убрали. Его убрали!.. Филипп достал кассету видеозаписи, оделся и покинул дом, не оглядываясь, как обычно.

В вычислительном центре Управления он появился через час. Вечер уже властвовал над природой, примирив земное с небесным, и здание ВЦ было на две трети погружено во тьму.

В отделе эфанализа «ФА-Шторм», где когда-то работал Василий Богданов, горел свет, а на его бывшем месте работал незнакомый

Филиппу грузный мужчина в ярко-голубом костюме, бросавшем вызов мягкому цветовому комфорту комнаты. Присутствие чужого неприятно поразило Филиппа, хотя мгновение спустя он признался себе, что глупо упрекать себя в том, что он незнаком с другими аналитиками.

Поздоровавшись, Филипп после некоторых колебаний прошел к терминалу Богданова и сел в спарринг-кресло. Мужчина снял с головы эмкан и с раздражением посмотрел на непрошеного гостя круглыми, немигающими, как у совы, глазами.

— Собственно, кто вы такой? — спросил он неожиданно высоким голосом.— Может быть, ошиблись дверью? Это «ФА-Шторм», молодой человек.

— Не ошибся,— пробормотал Филипп.— Очень прошу вас уступить канал «Умника», это очень важно. Я Ромашин.

Незнакомец мигнул, на лице его проявилось озабоченное выражение.

Филипп молча закрепил эмкан и перещелкнул задатчик терминала в положение «прямой контакт». Василий Богданов перед смертью сделал точно такое же переключение, пришла мысль, но Филипп отогнал ее.

Мужчина в голубом быстро собрался и через несколько минут привел сухого и длинного начальника сектора ФА, заменившего Богданова. Войдя в комнату, сухопарый подошел к Филиппу и тронул его за плечо. Филипп вопрошающе посмотрел на него снизу вверх.

— Самостоятельная работа с «Умником» запрещена,— сказал новый начальник сектора.

— У меня карт-бланш операции «Наблюдатель».

— В таком случае возражения снимаются, но предупредить об опасности режима «один на один» я обязан.. Помощь нужна?

— Спасибо, понадобится — обращусь.— Филипп поправил эмкан.— Только прошу не отвлекать, мне необходима полная сосредоточенность.

— Ради бога! Жора не в курсе, вы на него не обижайтесь.

Филипп мельком посмотрел на недовольно-недоуменную физиономию толстяка в голубом и включил режим «один на один», вспомнив свой удобный конструкторский комбайн. «Бывший, бывший своим! — подумал он с неприязнью к самому себе.— Довольно уже напоминать людям о причастности к Институту, мешать им, наконец. Здесь, в секторе футур-анализа, да и в техническом секторе Управления не менее мощные вычислители, так что дорогу в Институт ТФ-связи пора забыть, тем более что там уже нет Кирилла. Ну, «Умник», держись! Ты мне скажешь, что узнал Василий и отчего он умер!..»

Сначала Филипп прошелся по этапам расчета свойств антенны,

которую соорудил в Австралии Травицкий. Это заняло полтора часа, несмотря на применение мыслерапида, и уйму энергии, так что пришлось прибегнуть к тонизирующим препаратам, хотя их применение во время работы запрещалось инструкцией медкомиссии СЭКОНа.

Результат оказался более поразительным, чем представлял Филипп, но ему не хватало данных, чтобы довести исследование до конца.

Прихлебывая тоник, Филипп полежал в кресле, наслаждаясь ощущением уходящей психологической усталости.

— Проблема не решается трансгрессивно,— повторил он слова Травицкого.— Или я прохожу мимо решения, не замечая его. Почти все характеристики антенного комплекса я рассчитал, эффекты перемены знака времени определил, но ничего страшного не обнаружил. Взрыв на Тритоне ничем не грозит ТФ-метрике, хотя и тряхнет ее хорошенько. С самим Тритоном ничего не случится, разве что пробежит восьмибалльная волна «тритонотрясения». Что еще?

Перемена знака в уравнении пространства-времени, вспомнил он снова. Кирилл упомянул об эффекте обратимости ТФ-поля в тангенциальное поле времени... что он хотел сказать? При чем здесь встряска ТФ-метрики всего мироздания?

Филипп отхлебнул глоток сока и поперхнулся. Он вдруг понял, что хотел сказать Травицкий своей смертью. Не хватало только одного звена в цепи гипотез и предположений, чтобы цепь стала прочной и вещественно осязаемой. И звено это было запрятано в колоссальной памяти «Умники», вернее, «размазано» по всем ее блокам эфемерным «пеплом» электронных облаков, следов работы Василия Богданова.

Торопясь, Филипп кое-как натянул эмкан, удивляясь, отчего он так неловок, потом увидел в руке бокал с соком, залпом допил и швырнул бокал в угол.

Дважды во время работы срабатывал автомат психонагрузки, и дважды Филипп выключал его, пока не заблокировал насмерть.

Во втором часу ночи он дрожащими руками снял эмкан и уставился перед собой слепым взглядом беспредельно уставшего человека. Проблема была решена. Точно так же сидел в этом кресле Василий Богданов, пришедший к такому же выводу только с помощью фантазии и интуиции, разве что организм его оказался слабее, чем у Филиппа.

Инспектор просидел полчаса, не думая ни о чем, вслушиваясь в оглушительный бой крови в голове и пытаясь умерить сверлящую головную боль. Наконец сказались результаты йога-тренинга, боль слегка утихла, но все тело казалось ватным, хотелось лечь и закрыть глаза, пока истощенный нервной перегрузкой организм

сам не приведет себя в порядок. Но вот сквозь утихающий гул кипящей крови в мозг пробились посторонние звуки. Филипп прислушался и понял, что это сигнал входного автомата. Кто-то просил разрешения войти.

Филипп удивился: в четвертом часу ночи кто-то решил поработать? Кое-как встал, поморщился и открыл дверь. Перед ним стояла Аларика.

— Ты здесь? О, господи! — Женщина, всхлипнув, прижалась к нему, обняв за шею так, что стало трудно дышать.

— Задушишь,— глухо сказал Филипп.— Как ты меня нашла?

— Помог дежурный по Управлению. Думала, что с тобой что-то случилось... вдруг заболело сердце... начала искать, спрашивать, звонить, пока Жора Тунгусов не признался, что ты у эфаналитиков, если еще не ушел... Я позвонила, но ты не отвечал, и я чуть не сошла с ума... Господи! Целый месяц ты не звонил, не приезжал, исчез куда-то, и я поняла — нуждаешься в помощи, но просить уже не...

— Не стал бы,— пробормотал Филипп и поцеловал ее в ухо.— Рика, мне было плохо, потому что погиб Травицкий.

— Я знаю, но ведь ты же не виноват.

— Может быть, и не виноват, но он дал мне такую мысль!..

В мозг вдруг выплеснулась волна тревоги: Тритон! Эксперимент опасен! Скорее в Управление...

Он отстранил Аларику и едва на упал от нахлынувшей слабости. Испуганная женщина помогла ему добраться до кресла, и он, ничего не объясняя, потянулся к пульту связи.

Несколько минут ушло на бесплодные вызовы Керри Йоса, потом Филипп вспомнил, что уже ночь, и легче всего позвонить диспетчеру отдела; обругал себя, вызвал дежурного. Керри Йос вместе с Томахом должны были находиться в этот момент на Тритоне или в центре управления экспериментом, то есть на крейсере УАСС над Тритоном, и дозвониться к ним можно было только через трек — тревожный канал спасательной службы.

Вспыхнул глаз виома, развернул световую нить в объем передачи и вырезал «окно» в диспетчерский пункт.

— Слушаю вас,— поднял голову над пультом диспетчер, строгая женщина с пристальными серыми глазами.

— Ага...— пробормотал Филипп, опомнился.— Извините. Я Ромашин, официал отдела безопасности. Мне необходимо срочно связаться с Керри Йосом или с любым из его заместителей, по косвенным данным, они сейчас не дома, а на Тритоне, где готовится эксперимент «галактическое просвечивание».

— Ждите,— лаконично отозвалась женщина. В течение нескольких минут она дозванивалась до узла связи на Тритоне. Аларика в это время положила на затылок и лоб Филиппа прохладные ладони и наскоро провела сеанс биопереноса. Филиппу стало легче.

Дежурная выслушала ответы абонентов и отрицательно покачала головой.

— На Тритоне никого нет, все руководители эксперимента находятся на борту крейсера «Святогор». Но Керри Йоса нет и среди них, час назад он покинул крейсер и улетел на Землю. Нет его и в Управлении, связи с ним нет.

— То есть к-как улетел на Землю?! — Филипп ошеломленно смотрел на дежурную.— Зачем улетел?

Женщина-диспетчер сочувственно оглядела его растерянное лицо и протянула руку, собираясь выключить связь.

— Подождите,— взмолился инспектор.— Тогда дайте связь со Станиславом Томахом или Никитой Богдановым, они-то на крейсере.

Диспетчер, сказав кому-то: «Минуту, я занята»,— снова принялась искать названных безопасников. Но ни Томаха, ни Богданова на «Святогоре» также не оказалось.

«Ну, конечно,— пронеслось в голове.— Проверяют готовность постов по всей Системе. Что же делать? Кому звонить? Морозову?»

Диспетчер, видимо, заинтересовавшись странным абонентом, медлила выключать виом.

— Может быть, вам дать канал с руководителем эксперимента на крейсере? — предложила она.

Филипп посмотрел на часы: до начала эксперимента оставалось немногим более двух часов.

— Попробуйте,— хрипло сказал он, откашлялся.— Хотя... н-нет, спасибо, лучше вызовите кого-нибудь из ответственных за безопасность от Управления.

Через минуту переговоров: диспетчер проделала это профессионально — четко, быстро, без лишних слов — виом мигнул, изображение в нем сменилось. Вместо круглого помещения диспетчерского пункта перед Филиппом раскрылся треугольный командный зал крейсера «Святогор», заполненный группами специалистов всех рангов, несмотря на то, что до начала эксперимента оставалось еще достаточно много времени.

Возле центрального пульта координатора команд стояла небольшая группка людей, среди которых Филипп узнал Дикушина и вездесущего Генри Бассарда в форме официала УАСС. Видимо, он здесь и был официальным представителем Управления, отвечающим за безопасность по Системе в целом.

Бассард в ответ на вызов удивленно посмотрел на диспетчера центра и подошел ближе к видеокамере. Филиппу совсем не улыбалось докладывать о результатах своего бешеного ночного бдения кому бы то ни было из официальных лиц других секторов, а Бассарду в особенности, но делать было нечего, время уходило, выбора не было.

— У вас ко мне дело? — спросил Бассард, подчеркивая последнее слово.

— Ко всем ответственным,— мрачно сказал Филипп,— и к вам тоже. Дело в том, что я проделал новые расчеты ТФ-взрыва, с учетом некоторых сомнений... вернее, рекомендаций Кирилла Травицкого. Эксперимент проводить нельзя, он опасен, и опасен настолько, что...

— О чем вы?! — перебил его Бассард.— Расчеты взрыва сделаны давно, причем проверялись специалистами высокого класса, и ваш новый расчет на основе «сомнений»...— Руководитель сектора с улыбкой пошевелил пальцами, подбирая выражение.— Согласитесь, несколько легкомысленно на такой основе поднимать вопрос — опасен или не опасен взрыв в «подвале» Тритона. Да и что может случиться? Тритон разнесет в пыль, что ли?

— Дело не в Тритоне...

— Что еще? Нептун? Солнечную систему? Не смешите меня.

— А вы не иронизируйте,— разозлился Филипп, чувствуя на затылке вздрагивающие пальчики Аларики.— Последствия взрыва более грандиозны, чем вы представляете, Наблюдатель не зря начал кампанию предупреждения задолго до взрыва.

— С этим вашим мифическим Наблюдателем еще далеко не все понятно. Кстати, а какое нам до него дело? С чего вы взяли, что он предупреждает нас именно об опасности эксперимента на Тритоне? Взрыв не опасен даже этой планетке, а вы беспокоитесь за всю Галактику!

— В прежних расчетах взрыва не учтены фазовые переходы ТФ-поля в ветвящиеся поля времени...

— Простите, но это голая теория, а меня ждут. И поверьте, нами сделано все необходимое для безопасности Системы.— Бассард повернулся к Филиппу спиной и добавил через плечо с кривоватой улыбкой.— Вас, кажется, тоже ждут? Ночь, как-никак.

Кровь бросилась Филиппу в лицо, но усилием воли он сдержал готовое вырваться проклятие. Очнулся от голоса диспетчера. Женщина смотрела на него из виома и что-то спрашивала.

— Что? — переспросил он, сожалея, что не рассказал все Дикушину.— Простите.

— Связь в ТФ-диапазоне прекращаю,— повторила диспетчер.— По Системе объявлено «штормовое предупреждение», приказано перейти на световую и радио. Прошу извинить.

Виом погас.

«Так! Интересно, что сказал бы я на месте Бассарда, обратись ко мне кто-нибудь с подобным заявлением? Наверное, высмеял бы наглеца... Но что же все-таки делать? Звонить в Управление нет смысла, в отделе никого. Может, действительно найти Морозова? Как-никак председатель СЭКОНа... или сразу выйти на Спенсера? Успею ли?»

Аларика стояла рядом, гладила затылок и виски, и это было до того приятно, что не хотелось ни думать, ни шевелиться.

С пульта вдруг прозвучал трехтональный сигнал общего внимания. Филипп машинально протянул руку и включил виом.

— Передаем объявление,— сказал диктор центрального информвидения.— В связи с проведением эксперимента на спутнике Нептуна Тритоне пассажирские линии метро не будут работать с четырех до шести по среднесолнечному времени. Повторяю...

«Керри подстраховывается,— подумал философски Филипп.— Если бы он знал, что нас ждет!.. Однако я теперь даже со Спенсером не успею связаться, особенно, если он не на Земле!»

Инспектор включил часы видеобраслета: шел четвертый час ночи по времени Москвы, иначе — четвертый час по среднесолнечному времени.

Что же делать?

— Надо лететь на Брянский полигон,— тихо подсказала Аларика, поняв все из переговоров Филиппа.— Только оттуда ты сможешь попасть на Тритон... если докажешь целесообразность вылета дежурного крейсера.

— Туда легче позвонить...

— Ты же слышал, ТФ-связь уже отключена, а радиосвязь неоперативна. Пойдем, до четырех мы еще успеем добраться до полигона на такси, а по пути что-нибудь придумаем насчет того, как попасть на «Святогор».

Она протянула руку. Филипп с усилием поднялся, заставляя работать вялые мышцы.

Идущий по коридору дежурный механик вычислительного центра с удивлением посмотрел вслед бегущим: тоненькая, хрупкая на вид женщина буквально волокла здоровенного, спотыкающегося на каждом шагу мужчину...

На стоянке такси стояла всего одна машина, да и в ту садились двое парней и девушка.

— Подождите,— задыхаясь, сказал Филипп, ухватился за крыло флейта.— Пожалуйста, нам очень нужна машина... Разрешите взять... эту.

— Что за спешка, дорогой? — засмеялся один из парней, подсаживая девушку.— Позвони через ноль-ноль-два и будет тебе машина.

— Мы не можем ждать... это очень важно! Прошу вас.

— Может быть, отдадим? — заколебалась девушка, тонко угадав в волнении инспектора безыскусственность и тревогу.

— Пусть берут,— коротко сказал второй, уступая сидение.

— Спасибо, мужики! — хрипло поблагодарил Филипп, с трудом забираясь в кабину.— Может быть, вы спасаете сейчас все человечество.

Флейт вонзился в ночное небо. Филипп «с мясом» вырвал ограничитель скорости, и аппарат сразу перешел звуковой барьер.

В отделении Брянской общетранспортной инспекции диспетчер услышал сигнал контрольного спутника, схватился за голову и дал сигнал тревоги по воздушному коридору, в котором появился лихач.

Все закончилось бы хорошо, не смени Филипп горизонт, по привычке выбирая кратчайший путь к северной оконечности города, за которой располагался полигон УАСС. Именно в этот момент на пути заработал один из орбитальных лифтов Брянска, выключенный до этого времени на профилактические ремонтные работы. Филипп не заметил светящихся в воздухе предупреждающих знаков, а когда впереди вдруг вырос световой столб, было уже поздно — шел он на ручном управлении...

Шедший в полукилометре на перехват нарушителя патрульный автомат инспекции успел применить «красную завесу», но на таком расстоянии компенсирующее силовое поле только ослабило инерцию удара. Флейт вонзился в защитное поле канала лифта («Надо было идти на «джордже»!» — мелькнула мысль), хрустнул колпак кабины, разлетаясь прозрачными брызгами, вскрикнула Аларика, в кабину хлынула тьма...

В сознание Филипп пришел от боли и, еще не открыв глаз, вспомнил удар, фейерверк осколков фонаря кабины, крик Аларики и резко поднял голову. Он лежал на склоне холма, лицом вниз. Рядом, у неровной стены кустов лежала Аларика, накрытая смятым сидением флейта. Поодаль что-то горело, и на мокрую траву и обломки машины, рассыпанные полосой, на тело Аларики ложились оранжевые блики от языков пламени. Вглядевшись, Филипп понял, что горит патрульный автомат, успевший перехватить разбитое такси и ценой своей гибели предотвратить смерть пассажиров.

Инспектор с усилием встал, скрючившись от боли в спине, подошел к женщине, сбросил с нее останки сидения, опустился рядом на колени.

— Рика,— позвал он глухо.— Ты слышишь меня, Рика?

Кто-то вдруг тронул его за плечов. Филипп поднял голову, сзади стоял Керри Йос.

— Отойди-ка, парень.

Филипп послушно встал, как во сне, отодвинулся.

— Вы?! Здесь? Как вы тут... а я только что искал вас. Помогите ей... видите?

— Вижу.— Начальник отдела безопасности опустился на корточки возле женщины.— Зачем ты искал меня?

— Эксперимент на Тритоне... но Аларика!

— Сейчас здесь будет скорая. Помоги-ка...

Вдвоем они положили женщину удобнее. Аларика чуть слышно застонала, и Филипп едва не закричал от радости: жива!

— Итак? Я слушаю тебя.

— Да, я искал вас,— шепотом сказал Филипп, сглатывая комок в горле.— Надо остановить эксперимент на Тритоне, он опасен.

— Ясней, пожалуйста, и покороче.— Керри выпрямился и вытер пальцы платком.

Филипп несколько мгновений боролся с собой: наступила реакция, и тело снова стало слабым и непослушным.

— ТФ-взрыв такой мощности, какая готовится, даст гармоники частот высших порядков вплоть до вакуум-барьера,— наконец выговорил он, не поднимаясь с колен. Потом поднял голову и с мольбой посмотрел на начальника отдела.— Где же скорая, черт возьми?! Аларика будет жить?

— Травма серьезная, повреждена грудная клетка, сломаны руки, но жить будет. Скорая в двух минутах лета. Продолжай.

Филипп подумал и сел, виновато улыбнувшись.

— Простите, я работал с «Умником»... в режиме «один на один» и перегрузил мозг, а тут еще это! Не заметил охранной зоны лифта! Простите... Что я говорил? Да... значит, взрыв на Тритоне возбудит ТФ-поле на запредельных частотах, а это может послужить причиной цепной реакции фазового перехода пространства. Это полное разрушение континуума, понимаете?! Родится новый вакуум с новыми свойствами, существующая материя будет уничтожена, а вместе с ней и человечество, и... другие разумные существа! Все!

— Не преувеличиваешь? — Керри Йос остро, без тени усмешки глянул в глаза инспектора.

— К сожалению, нет.

— И ты до этого открытия дошел один?

— Нет, помог Травицкий, я нашел его записи... а до меня подобный финал взрыва просчитал Василий Богданов... вернее, он считал, конечно, не взрыв, а характеристики «зеркальных перевертышей» и сумел на минимуме фактов сделать правильный вывод.

— Я догадывался.— Керри помрачнел.— Я догадывался, но не хотел верить. Значит, в самом деле все упирается в обратимость времени?

— Не обратимость, а переход времени в иное качество. Кирилл близко подошел к решению, а в Австралии хотел проверить, так ли он понял предупреждение Наблюдателя.

— Он понял правильно, а я вот нет. Наблюдатель предупреждал об опасности некоторых видов знания...

— Нет,— тихо возразил Филипп,— об опасности незнания.

Керри Йос, помедлив, кивнул.

— Ты прав. Кажется, мы подошли к пределу, за которым наши действия могут привести к гибели Мироздания, несмотря на то, что творятся они из лучших побуждений.— Начальник отдела

поднес к глазам браслет видео.— Та-ак, до начала взрыва около часа, но эксперимент уже запущен. Ты сообщил о своих выводах на крейсер?

— Пытался, но... там Бассард, он не захотел меня понять.

Керри мгновение размышлял, потом повернул кольцо включения видео. Вспыхнул миниатюрный объем передачи — лицо главного диспетчера центра.

— «Шторм» по всем секторам УАСС! — сказал Керри Йос.— Выключить и заблокировать не только пассажирские и транспортные линии метро, но и линии ТФ-связи и контроля, кроме спецканала трека! Системам СПАС и ПОД на время эксперимента отключить от прослушивания ТФ-диапазон, сразу после эксперимента перейти на низшие регистры частот! Дежурным патрулям проверить станции метро, убрать обслуживающий персонал из аппаратных на линиях, соединяющих дальние звездные системы!

Диспетчер смотрел на Керри, открыв рот.

— Да вы что, Керри?! Отключив метро, мы минимум на месяц прервем сообщение по Системе! Чтобы запустить каналы, надо...

— Знаю. Поэтому и не блокирую станции звездных систем, а только внутрисолнечные метро. Кроме того, дайте аварийную проводку крейсера «Искатель» к Тритону. Время расчета траектории — четверть часа, время отработки вспомогательных служб — пять минут. Записал? — мягко произнес начальник отдела.— Действуй, Мартин!

— Я обязан доложить Морозову в СЭКОН и Спенсеру...

— Докладывай, но параллельно с включением тревоги. Минут через десять я свяжусь с ними сам.

Диспетчер мотнул головой, словно пробуждаясь ото сна, и отключился.

Керри Йос повернулся к Филиппу, все еще сидевшему на земле. Аларика слабо вздохнула, и оба одновременно посмотрели на нее.

— Тебе надо спешить,— тихо проговорил Керри.— Бери мой пинасс. С полигона тревожной линией ты еще успеешь добраться до Австралийской базы, там возьмешь «Искатель»...

— Зачем? — поднял на него запавшие глаза Филипп.— Легче связаться с крейсером, вам поверят больше, чем мне.

— Поздно. Таймер уже сработал, и через час реакция ТФ-инициации достигнет, говоря словами специалистов, критического сечения. Остановить эксперимент можно, лишь уничтожив бланкет с активным веществом или генератор ТФ-возбуждения... не знаю как, об этом подумаешь сам. И только ты сразу сможешь определить на месте, что надо сделать. Остальным надо объяснять.

Керри достал из кармана куртки необычный значок золотистого цвета в форме закрывшего голову руками человечка, протянул Филиппу.

— Это сертификат официала УАСС по сигналу «Шторм», возьми. Предъявишь командиру «Искателя». Таких значков изготовлено всего три, и рассчитаны они на такой жестокий случай. Карт-бланш на спецрейс возьмешь в сейфе, в рубке крейсера, шифр замка на оборотной стороне значка. Надо успеть на Тритон и остановить взрыв. Делай, что хочешь, но успей! И вернись живым!

Филипп взял значок, преодолевая себя, поднялся с земли, сморщился: блокада воли прошла и ушиб спины давал о себе знать дергающейся занозой боли.

— Что? — встревожился начальник отдела.

— Спина... ушибся, кажется. Справлюсь.

Филипп шагнул к пинассу Керри, оглянулся на догоравший костер и остановился. Лицо его отразило душевную муку. Керри Йос понял.

— Не беспокойся за нее, сынок, скорая на подлете. Все будет хорошо. Удачи тебе! И всем нам тоже.

Филипп поцеловал Аларику и побежал к машине, припадая на ногу, неловко придерживая локтем бок, кусая губы. Но по мере приближения к машине бег его становился все более свободным, движения целеустремленными, и в кабину он уже запрыгнул, как будто полный сил и ловкости.

Начальник отдела подождал, пока он улетит, подошел к Аларике. Женщина дышала с трудом, на губах ее при каждом вздохе пузырилась кровавая пена. Керри нахмурился, посмотрел на видео: с момента катастрофы прошло шесть минут, скорая запаздывала. Он нагнулся, поднес ладони рук к груди Аларики, застыл так, полузакрыв глаза. Потом перенес руки к ее голове и снова замер. Лицо Аларики заметно порозовело, разгладилось, кровь на губах исчезла. Она вздохнула с тихим стоном, повернула голову на бок...

Керри Йос вытер со лба выступивший пот, разгладил посеревшее лицо ладонями, руки его дрожали. Постарел, подумал он, как о чем-то само собой разумеющемся. Раньше биоперенос я выдерживал легко...

Над головой послышался короткий вой скорой, вспыхнул свет, и рядом опустился бело-красный галеон медслужбы. Из кабины выпрыгнули врачи скорой помощи, двое мужчин и женщина. Керри помог им перенести Аларику в саркофаг реаниматора, но лететь отказался. Галеон умчался, но следом прилетели две машины инспекции, и начальнику отдела пришлось рассказывать, что случилось.

Через четверть часа он освободился наконец, пешком направился к белому столбу лифта в сотне метров: через кусты орешника и мокрую, по пояс, траву. Мысленным взором он видел, как стартует с полигона крейсер УАСС «Искатель», беря курс на Нептун, как тысячи, десятки тысяч людей готовятся по первому зову броситься на помощь, и грустная улыбка появилась на губах Керри Йоса.

«Тяжело тебе придется, парень,— подумал он.— Наблюдатель не оставит тебя в покое и когда-нибудь выйдет навстречу... когда я уже не смогу подстраховать тебя, как сегодня. Слишком много ты знаешь. Единственное, чего ты еще не понял, что Наблюдатель живет в п е р е д и, в будущем, только так можно объяснить все происшедшее с момента появления «зеркальных перевертышей». Дай бог, чтобы ты не ошибся, остался спортсменом, и человеком...»

Керри Йос вдруг остановился.

Навстречу из-за кустов вышел молодой человек в костюме техника ремонтного сектора УАСС. Керри узнал в нем парня, который «ремонтировал» когда-то пульт в его кабинете.

— Доброе утро,— слегка поклонился он.— Кажется, пришла моя очередь? Богданов, Травицкий, теперь я...

«Техник» покачал головой.

— Все обстоит несколько иначе, чем вы думаете. Богданова мы не убивали, а Кирилл Травицкий... если бы он догадался вызвать нас — был бы жив.

— Почему же вы убили его?

— Мы не хотели убивать, хотели только остановить, но он рассчитал все слишком вплотную к порогу контроля. Он был прав, как прав и Филипп Ромашин: при возбуждении высших частот ТФ-поля возможен спонтанный фазовый переход вакуума и, как следствие, рождение новой Вселенной с уничтожением старой. Травицкий решил формулу Ромашина до границ ее полного применения и высчитал тот диапазон частот, на котором ТФ-метрика наиболее неустойчива. Один толчок и...

— Понятно. Кто вы?

— Если речь обо мне лично, то я интеллект-автомат — через несколько лет будут говорить: интелмат. Так вот я — интелмат с конечной целью, в мои функции входит и связь с вами. А если вы о тех, кто меня создал и послал...

— Наблюдатель.

— Наблюдателя как такового не существует, есть прошлое, настоящее и будущее, так вот мои хозяева и друзья — будущее. Вернее, существа, которых можно назвать вашими потомками.

Вселенная родилась около двенадцати миллиардов лет назад и пока еще расширяется, через сто миллиардов лет она начнет сжиматься, придет фаза фиолетового смещения, а так как потомки за этот кажущийся гигантским промежуток времени не сумели найти способ уберечь Вселенную от гибели в черной дыре, они решили повернуть время вспять. То есть у них от конца эры расширения до начала снова остается сто с лишним миллиардов лет, и они надеются, что этого хватит для решения задачи сохранения мироздания и себя самих.

Керри почесал лоб. Собеседник сочувственно кивнул.

— Сложно?

— Не вижу связи...

— Закончу. Итак, мы повернули во времени и пошли назад, но поскольку мы реализовали не прямо идущие обратные процессы типа «старые начинают молодеть», «звезды начинают не излучать, а поглощать энергию», то можем вмешиваться в дела пращуров, способных в неведении запросто перевернуть мир и уничтожить все — и прошлое, и настоящее, и будущее. И все же мы хотим, чтобы Вселенная, в которой мы живем, уцелела. Как и другие вселенные с уникальными наборами свойств, позволивших родиться разумной жизни, наша Вселенная не менее уникальна, но ее так просто уничтожить!

Помолчали. Потом посланец будущего вполне натурально вздохнул.

— Я мог бы и не открываться вам, потому что верю — вы поняли все и без прямого контакта, но еще долго люди будут ошибаться, тяжело и больно, пока не научатся вовремя останавливать свое любопытство, порой жестокое и злое. Прощайте.

Молодой человек превратился в облачко света, потом в плоское «зеркало»: на Керри Йоса глянул из зеркала он сам. А затем его отражение вдруг подмигнуло ему и исчезло. «Зеркало» свернулось в световую нить, ушло в зенит.

Керри Йос, прищурясь, посмотрел в ночное небо Земли.

«Прощайте,— сказал он мысленно.— Надеюсь, пути наши больше не пересекутся. Прошлое и будущее не должны пересекаться в местах, не предусмотренных природой, кроме точки настоящего, где одно вытекает из другого, остальное — схоластика. Может быть, мир устроен гораздо сложнее и мои внуки,и правнуки жили и умерли задолго до того, как родился я? Иначе откуда иногда всплывает ощущение, что все это уже было со мной в иные времена?»

— Да, это так,— раздался ниоткуда, из воздуха или прямо в голове, чей-то негромкий голос.— Время — не кольцо и не спираль, а тем более не прямая линия, время — гораздо более сложная фигура, и все живущие в нем соединены незримой цепью бытия. Цель жизни — не есть человек, нет, цель жизни есть Вселенная. Вы поймете это и без особого контроля.

Голос уплыл из сознания, потерялся в шумах звездного ветра, да и не голос это был — тень будущего. Керри постоял еще немного и двинулся к шатру света, зорко глядя под ноги, думая о людях, своих предках и современниках, о тех, кто борется и живет в пространстве непокоя и нуждается только в одном виде контроля — контроля совести и доброты.

1982—1989 гг.

ЗАПОВЕДНИК
СМЕРТИ

ПРОЛОГ.
ФАКТЫ МИНУВШЕГО ДНЯ
ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

В понедельник тринадцатого августа в десять часов утра по улице Уанкавелика в Шочипилье, огибающей Президентский дворец с тыла, двигался длинный белый автомобиль — «линкольн» выпуска восемьдесят седьмого года.

За рулем машины сидел плотный крупнолицый человек в строгом сером костюме сотрудника комиссариата внутренних дел. Он то и дело поглядывал на зеркальце заднего вида и, казалось, решал какую-то задачу.

Наконец он принял решение, остановил машину и хотел выйти, но сомнения вдруг охватили его с новой силой, заставив около двух минут взвешивать цель приезда.

Полицейские в белых касках, охранявшие второй вход на территорию дворца, переглянулись. Один из них положил руку на приклад карабина и медленно направился к машине. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Из-за поворота Уанкавелики к площади Оружия вынеслись две автомашины: черный «мерседес» и серый «шевроле», в несколько секунд преодолели расстояние до «линкольна», раздались пистолетные выстрелы и автоматные очереди. Водитель «линкольна» открыл стрельбу раньше, ухитрился убить водителя «мерседеса» и пробить переднее колесо «шевроле». Обе машины столкнулись, и, хотя сидевшие в них люди были профессионалами и продолжали стрелять, все же заминка позволила владельцу «линкольна» объехать столкнувшиеся автомобили и устремиться прочь. Его машина была буквально изрешечена пулями, но сам он казался заговоренным. В то же мгновение навстречу из-за поворота ограды дворца вывернулись еще две автомашины, такие же, что и первые, сцепившиеся бортами. Автоматные очереди залаяли с новой силой.

«Линкольн» резко вильнул вправо и врезался в чугунную узорчатую ограду резиденции Отца страны. Удар. Фейерверк осколков

лобового стекла. Тело водителя невероятным кульбитом перелетело ограду, миновало острые наконечники вертикальных прутьев, но сам он уцелел! Приземлившись на ноги, как заправский гимнаст, господин в сером бросился бежать по газонам дворца с такой быстротой, которую не показывают даже спринтеры на соревнованиях, но автоматный огонь был слишком плотен — сидящие во всех четырех машинах приникли к ограде с автоматами «узи», грохот стоял, как во время настоящего сражения,— и водитель «линкольна» успел пробежать всего шагов двадцать (каждый — в три-четыре метра!). Пули нашли его, вонзились в спину, а он продолжал бежать, только медленнее, метров через десять остановился, покачиваясь, повернулся, поднял руку вверх, пули продолжали рвать его тело — и упал...

Только после этого охранники дворца опомнились. Сержант в будке включил сирену, а его напарник выстрелил вверх, заорав:

— Бросайте оружие!

Компания преследователей расселась по машинам с ошеломляющей быстротой, не обращая внимания на полицейских, взревели моторы, два «шевроле» и «мерседес» исчезли, осталась поврежденная машина с лопнувшим скатом, без номерных знаков. Стрелявший полицейский, открыв рот, смотрел на нее во все глаза, не веря, что остался жив. Сержант выключил сирену, выскочил из будки.

— Снова террористы прикончили жертву. Нашли место. Ты видел, как он бежал?

Полицейский прокашлялся, вспомнил о карабине и закинул его за спину.

— Дураки проклятые! Зря тревогу дал, капитан по головке не погладит. Пошли посмотрим, кого они там пришили.

Сержант открыл проход в ограде, и они рысцой направились к убитому.

Человек в сером костюме, ставшем на груди бурым от крови, лежал на спине и... был еще жив! Его глаза остановились на попятившихся полицейских, губы искривились в усилии выговорить слово.

— Передайте... они...— сказал он тихо, но четко.— Передайте... они эксперименти...

Пуля ударила его прямо в висок и откинула голову влево. Он замолк.

Полицейские, не услышав выстрела — стреляли из винтовки с оптическим прицелом и стрелок был далеко,— схватились за карабины, попятились еще дальше, озираясь по сторонам. К ним подбежал командир поднятого по тревоге взвода охраны.

— Что случилось, Хуан?

— Не видишь? — грубо ответил сержант, первым опустив ка-

рабин, мрачно повернулся к товарищу.— Это конец, мой дорогой Тики, ну и подстраховочка у них, чувствуешь, а? Уж не профи ли это работа?

— Кто это? — Командир взвода кивнул на убитого, в то время как его люди цепью шли к ограде.— Ну и наделали дырок! Дуршлаг, а не...— Полицейский нагнулся и присвистнул.— Ну и ну! Да это же... это же Пино!

Перед ними лежал комиссар полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино.

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Посадка на вечерний самолет «Боинг-747» компании «Эйр Паракас», обслуживающей международную авиалинию Шочипилья — Лима, проходила четырнадцатого августа в атмосфере деловой суматохи: пассажиры искали места, рассаживались, начинали знакомиться, кто-то уже требовал стюардессу, пилоты осматривали салоны громадного трехсотпятидесятиместного лайнера, двенадцать стюардесс в коротких юбочках «писко» с блистательными профессиональными улыбками помогали пассажирам устраиваться на местах.

В салоне первого класса в носу самолета было тише, чем в других салонах, публика здесь подобралась солидная: торговые агенты, адвокаты, юристы, представители фирм и компаний, банковские служащие; все они давно прошли школу авиапассажира и чувствовали себя свободно и раскованно. И лишь один пассажир, худой, чернобородый, одетый в белый европейский костюм, был напряжен и возбужден, хотя и скрывал это от всех. Он сидел во втором ряду у прохода и, делая вид, что смотрит в иллюминатор, наблюдал за входом в салон.

Стюардесса ввела новых пассажиров, по виду — янки или, как их называли в Паракасе, гринго. Оба загорелые, дюжие, в полотняных костюмах «туна» местного производства, увешанные фотоаппаратурой. Черноволосый американец жевал резинку, его напарник, похожий на него неподвижным, сонным лицом, но посветлей, сдвинул на лоб широкополый соломенный «стетсон» со шнурками. Оба шутили с бортпроводницей, однако глаза их оставались холодными и внимательными.

Американец в шляпе скользнул по салону равнодушным взглядом, мгновение смотрел на уткнувшегося в журнал чернобородого и молча прошел на свое место в пятом ряду, возле прохода. Его спутник поблагодарил стюардессу и, что-то сказав со смехом товарищу, заснял на пленку ноги уходящей девушки. Сел он, однако, на другой стороне прохода, напротив запасного люка.

Посадка заканчивалась, стюардессы начали обход палубы, пилоты принялись задраивать люки, и в этот момент чернобородый вдруг отбросил журнал и рванулся по проходу вон из салона. Тем не менее его внезапный бросок не оказался неожиданным для «фотолюбителей».

Оба вскочили почти одновременно, мгновенно вытащив из сумок и баулов пистолеты бесшумного боя. Чернобородый сделал акробатический прыжок, распластался в воздухе над головами молодых людей; никто не заметил удара, но пистолеты вылетели из рук. Взвизгнули дамы.

Чернобородый упал, как кошка, на ноги, тут же развернулся и наградил преследователей ударами, от которых оба грохнулись на пассажиров по обе стороны прохода. Но из-за двери в салон вышли еще двое крепких парней с пистолетами, и чернобородый сделал то, чего от него никто не ожидал, кроме тех, кто за ним охотился. Он прыгнул к борту самолета там, где стояли столики для настольных игр, и двумя ударами рук... проломил стенку борта! В салоне наступила изумленная тишина; вытянув шеи, пассажиры смотрели на невероятную картину. Лишь вооруженные пистолетами молодчики не были ошеломлены и, вероятно, учитывали возможности своего подопечного. Они открыли огонь в тот момент, когда чернобородый ударом ноги пробил в борту брешь, достаточную для того, чтобы в нее пролезть. Но и после того, как в беглеца впились пули из двух пистолетов, он упал не сразу, успев пролезть в дыру. Упал он уже наружу.

Четверо молодых людей: американцы-«фотолюбители» и прибывшие позже — исчезли из салона прежде, чем в дело вмешались вооруженные летчики и агенты безопасности. Беспрепятственно выпрыгнув из самолета, они расселись по машинам, ожидающим их неподалеку, и растворились в ночи.

Убитый в белом костюме остался лежать в полусотне метров от шасси самолета. Как он туда дополз с дюжиной пуль в спине, никто сказать не мог. Из отъезжающей последней автомашины хлопнул негромкий выстрел, контрольный, как говорят военные. Пуля попала чернобородому в голову: убийцы были аккуратны и дело свое знали.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

— Душно здесь,— сказал Хонтехос, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

Его собеседник внимательно посмотрел на профессора: в кабинете было прохладно, на улице стояла прекрасная погода — плюс двенадцать градусов — еще не весна, но уже и не зима, и в откры-

тое окно в кабинет проникал живительный аромат свежего воздуха. Говорили, что известный ученый-параканист Карлос Хонтехос, один из исследователей долины Аймара в Паракасе, заблудился в сельве и проплутал три недели, но капитан полиции Пикаля Доминго Эрнандес слухам не верил по должности. «Интересно,— подумал он,— с чем заявился в полицию профессор? Не для того же, чтобы сказать банальность?»

— Вы правы,— кивнул Хонтехос,— не для того.

Эрнандес изобразил удивление; впрочем, он и в самом деле был удивлен, хотя в телепатию не верил, опять же — по должности.

— И правильно делаете,— снова кивнул Хонтехос. В глазах его сквозь туман тоски мигнули веселые огоньки.— Телепатии не существует. Пока. Хотя эта возможность заложена в человеке. Но я не об этом. До вас дошли слухи, что я много дней бродил в сельве. Вы не поверили и правильно сделали, я не заблудился: меня похитили. С какой целью — долго объяснять, у меня нет времени, за мной охотятся, потому что я ушел от них и теперь являюсь свидетелем. Я понятно выражаюсь?

Эрнандес не сказал ни да, ни нет. Он был флегматиком по натуре, унаследовав не только характер матери, принадлежавшей племени кечуа, но и способность отца-испанца к логическим построениям. Капитаном полиции Пикаля он стал благодаря именно своим математическим способностям, ровному отношению к товарищам и философскому складу ума. Индейцев — коренное население Паракаса — он не только терпел и не притеснял, пользуясь властью, но и уважал, чем завоевал популярность даже среди воинственных горных племен кечуа и аймара, потомков инков, лично соблюдая три заповеди инков: амасуа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь лжецом, не будь трусом.

— Я хотел бы сделать заявление.— Хонтехос замолчал, явно пребывая в затруднении, пожевал губами.— Только прошу не считать меня сумасшедшим и больным, я вполне трезв и здоров.— Профессор усмехнулся.— Даже более, чем здоров. Хотите проверить? Мне семьдесят три года, и выгляжу я на все восемьдесят, не так ли?

Эрнандес критически оглядел ученого: старик был сух, тонок, лицо пергаментное, в морщинах, единственное богатство — пышная седая шевелюра. Да, возраст читается легко.

Хонтехос улыбнулся, взял со стола капитана массивную бронзовую пепельницу и почти без усилий разломил ее руками на две части. Подал обломки полицейскому.

— Это, чтобы придать вес тому, что я хочу сообщить.

Эрнандес, хмыкнув, повертел в руках обломки пепельницы, попробовал пальцем свежий излом и поставил обломки на стол.

— Однако вы фокусник, профессор. Как вы это делаете?

Хонтехос не успел ответить.

Со звоном разлетелось стекло единственного окна кабинета, брызнула кровь, профессора силой удара бросило на второй стол с пишущей машинкой. В затылке его сияла дыра величиной с кулак. Эрнандес упал за свой стол, рванул с пояса пистолет и вдруг увидел, что Хонтехос... встает! Ученый со смертельной раной в затылке медленно оторвался от стола, повернул голову к капитану и отчетливо произнес два слова:

— Сильяр... чаранга...

Вторая разрывная пуля — выстрела капитан снова не услышал — стреляли с улицы из винтовки с оптическим прицелом — попала Хонтехосу в щеку и отбросила к стене.

Эрнандес выстрелил в потолок, и в кабинет вбежали помощник и двое дежурных, остановились на пороге, глядя на представившуюся глазам картину: их шеф выглядывал в окно с пистолетом в руке, а возле забрызганной кровью стены лежал убитый двумя выстрелами в голову профессор истории и археологии Карлос Хонтехос да Сильва.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН

Где-то далеко-далеко, на краю света, зазвенели вдруг хрустальные колокольчики. Их звон коснулся слуха, но не умер сразу, а продолжал звучать все тише и тише, пока не стал бесплотной тенью звука...

Кристофер приоткрыл глаза, боясь утонуть в голубизне. Он лежал в траве на вершине холма. Пахло медом и цветами, над лицом, скрывая горизонт, покачивались под ветром стебли пушицы и кипрея, было тепло и солнечно, и не хотелось выползать из пещеры сладкой дремы, в которой витали древние воспоминания о чьих-то добрых и ласковых руках...

Снова зазвучали колокольчики. Шевельнулась Диана, ее голова устроилась на сгибе его локтя.

— По-моему, это вызов, Крис.

— Меня нет,— сказал Кристофер сонным голосом.— Я в отпуске.

Звон повторился, еще раз и еще.

— Какой настырный,— с досадой сказала Диана.— Ответь ему, Крис, он не отстанет. Это наверняка Мак Хелбрайт.

— Надо было послушать совета Корна и уехать,— вздохнул Торвилл. Осторожно высвободил руку и, не вставая, пополз вниз с холма. Диана засмеялась вслед...

— Жаль, что твой «дацун» не ручной, как мустанг.

Кристофер дополз до своей голубой машины и дотянулся до радиотелефона:

— Здесь Торвилл.

— Дежурный МС-2 Хелбрайт. Вы заняты, Кристофер?

Вопрос был риторический. Кристофер покосился на Диану, выглядывающую из травы с травинкой во рту. Очарование летнего, пьянящего свежестью дня уступило место ожиданию неизвестной тревоги.

— Придется отложить отдых,— извиняющимся тоном продолжал дежурный.— Вас разыскивает Неран.

— Не говорил, что ему от меня надо? Дежурство группы закончилось, все разъехались, кто куда... И я тоже.

Дежурный засмеялся.

— По-моему, вас просто хотят наградить. Неран будет ждать в четыре ноль-ноль по Цюриху в Лозанне, в Центре.

— Буду,— после короткого раздумья сказал Кристофер, предпочитая обходиться минимумом жестов и слов, где это было возможно.

— Я все слышала,— заявила Диана.— Вот почему я не хочу выходить за тебя замуж. Спасатели не принадлежат самим себе, а я хочу, чтобы ты был мой на все сто процентов.

— Хочу, не хочу...— пробормотал Кристофер, покосившись на эмблему горноспасательной службы на рукаве своей форменной рубашки.— Логика женщины редко выходит за рамки двух слов: «Я хочу».

Он плашмя упал в траву, полежал немного, глядя на Диану, задумчиво покусывающую травинку, и привлек ее к себе.

— К черту шефа, Нерана, Альпы и вообще все горы на Земле! Сегодня же вечером махнем на юг, в Италию, к морю. Выбирай место. А вообще странно, что меня вызывают в Центр. Может быть, просто нужна консультация?

— Может быть,— протянула Диана насмешливо.— Сколько таких «может быть» на моей памяти. Снова, наверное, кто-то потерялся в горах, вот и вызывают.

Кристофер покачал головой.

— В этом случае меня вызывали бы на КСП [1], а не в Центр. А вдруг дежурный прав, и меня ждет награда? Разве не достоин?

— Достоин, достоин. Давай не будем говорить о работе, до четырех еще целая пропасть времени. Используем его с пользой.

Кристофер осторожно перевернулся и поцеловал Диану в шею.

Ветер затих...

---

[1] КСП — контрольно-спасательные пункты: располагаются у базовых альпинистских и горно-спасательных лагерей.

* * *

В три часа Торвилла встретил в холле ЕВРОСПАС — Европейского Центра горно-спасательной службы — руководитель Альпотряда Фредерик Неран и, пожав руку, сделал жест следовать за ним.

Нерану пошел сорок шестой год. Родился он в Гааге, с двенадцати лет жил в Австрии и в девятнадцать переехал в Швейцарию. Исходил Альпы вдоль и поперек, вместе с шерпом Ноухи покорил все Альпийские четырехтысячники по сложнейшим маршрутам и в тридцать лет стал обладателем «Золотого триконя» за покорение Северной Стены Пти-Дрю в одиночку.

Потом в тридцать два он сорвался с карниза Гранд-Жорас и полгода пролежал в Берне в клинике Спалинского с переломом локтевого сустава. Три года тренировал руку и снова ушел в горы, проводником альпинистских групп. В сорок лет ему предложили работу в МС-2 — швейцарском отряде спасательной службы альпинистов ЕВРОСПАС. Он согласился. Торвилл, которому пошел двадцать шестой год и который прослыл альпинистом без нервов, попал в МС-2 случайно и сначала не собирался работать там долго, но под влиянием Фредерика Нерана остался в отряде навсегда.

В кабинете президента ЕВРОСПАС Ольбора Троэльс-Лунна находились двое мужчин в костюмах «информэл дрэсс» по американской моде, не скрывающих природного телосложения. Держались они свободно, раскованно, и Кристофер определил в них руководителей высокого ранга.

— Знакомьтесь, господа,— сказал президент ЕВРОСПАС по-английски.— Фредерик Неран, руководитель МС-2 «Лемур», и начальник первой группы Кристофер Торвилл.

Старший из гостей, высокий, с гладко выбритым лицом и седыми баками, наклонил голову.

— Гарольд Годфри Мейнард Косински.

Его напарник в свою очередь слегка поклонился.

— Стэнли Джордж Миллер.— Голос у него был приятный, с хрипотцой.

Руководители горно-спасательной службы раскланялись в ответ.

Троэльс-Лунн вышел из-за рабочего стола, жестом пригласил всех к овальному столику и креслам в углу кабинета возле минибассейна, обложенного голубым кафелем.

Расселись, поглядывая друг на друга. Секретарь прикатил низкий столик с напитками с содовой, ловко разлил в бокалы оранжевый шипучий киа-ора и исчез.

— Мистер Косински — начальник международной комплексной археологической и этнографической экспедиции в Паракас,— сказал Троэльс-Лунн.— А Миллер — квартирьер экспедиции. Название Паракас вам ни о чем не говорит?

Спасатели переглянулись.

— Кажется, это государство в Южной Америке, на границе с Перу.

Президент ЕВРОСПАС кивнул.

— Совершенно верно, небольшая страна на границе Перу и Боливии, шесть миллионов населения, столица — Шочипилья, семьсот тысяч жителей, государственные языки — испанский и кечуа. Вы знаете испанский?

— Да,— сказал Неран. Торвилл молча кивнул.

— Вот и прекрасно. Дело, по которому наш Центр посетили высокие гости, ординарно: вас хотят пригласить в качестве альпинистов передового отряда, экспедиция будет работать в основном в горах. Но прошу хорошо взвесить все «про эт контра», прежде чем решать. Итак, господа, прошу вас.

Руководители экспедиции одинаково оценивающе посмотрели на президента ЕВРОСПАС.

— Мы хотели бы, чтобы наша беседа осталась экс-директори[1]...

— В кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств,— сказал Троэльс-Лунн,— прослушивание практически исключено, хотя я не вижу необходимости.

Разговор продолжался на английском, хозяева владели им свободно, хотя больше привыкли к немецкому и французскому.

— Хорошо,— сказал Косински.— Джентльмены, цель нашего визита ясна: нам нужны опытные скалолазы. Поскольку выбор пал на вас, никто не сомневается в вашей компетентности, и все же предупредить необходимо: Паракас — не обычная страна, это страна — памятник культуры и искусства древних индейских цивилизаций и, к сожалению, представляет интерес не только для ученых, но и для...— Косински поискал слово,— для контрабандистов и любителей наживы всех мастей. Что накладывает определенные ограничения и трудности для работающих иностранцев. Могут произойти...— Косински снова замялся,— разного рода инциденты, и в каждом случае надо совершенно точно знать, как реагировать, что делать. Вы меня понимаете?

Неран и Торвилл понимали.

— Если вы согласны,— продолжал начальник экспедиции,— то подробный инструктаж получите от моего коллеги, который уже давно занимается подготовкой.— Кивок в сторону Миллера.— Я же вкратце сообщу о причинах, побудивших готовить международную экспедицию.

Три года назад в высокогорном районе Паракаса недалеко от города Пикаль была открыта долина Пируа, практически отрезанная от остального мира скальными стенами, своеобразный «зате-

---

[1] Ax directory *(англ.)* — закрытый.

рянный мир» по Конан-Дойлю. В научных кругах это открытие породило сенсацию — не тем, что открылось новое «белое пятно» в географии, а тем, что долина оказалась «кладом» реликтовой флоры и остатков древней доиндейской цивилизации, не уступающей, судя по всему, доольмекской и другой любой культурам. Кроме того, в долине живет странное племя, совершенно изолированное от нашего мира на протяжении последних веков.

Правительство Паракаса, дабы предотвратить грабеж долины браконьерами и частными «исследователями», издало указ об образовании в долине заповедника со всеми вытекающими отсюда последствиями, а год спустя при содействии ООН и ЮНЕСКО в Пикале решено было открыть международный исследовательский центр — Пирин, как мы называем для краткости, то есть Пируа-институт. Единственной трудностью, причем практически непреодолимой, оказалась высота долины — более четырех тысяч метров над уровнем моря, а также ее изолированность. Вертолеты на таких высотах хоть и летают, но грузы доставить в долину,— Косински отпил глоток напитка,— не могут, да и сесть им в долине негде — она сплошь поросла сельвой, сквозь крышу которой пробиться невозможно. Отсюда и решение доставить экспедицию в долину через южную скальную стену, она немного ниже остальных и расположена невдалеке от Пикаля.

Неран скептически поджал губы.

— Стоит ли приглашать для такого простого дела альпинистов из Европы? Неужели в Паракасе нет своих скалолазов?

— Разумеется, есть,— спокойно сказал Косински.— Но, во-первых, дело это не такое простое, как всем представляется; во-вторых, у местных альпинистов нет опыта «безнадежного» спуска. Есть и в-третьих.

Косински отпил еще один глоток киа-ора, промокнул губы.

— В группу скалолазов экспедиции будет входить ваш давний знакомый Джонатан Улисс. Это он назвал ваши имена.

Неран и Торвилл переглянулись. Президент ЕВРОСПАС нахмурился.

— Улисс? Но ведь он, насколько мне помнится, не горноспасатель, а... профессиональный искатель приключений.

— Это меняет дело,— сказал Неран.— Улисс — альпинист экстра-класса, один из немногих, кто овладел свободным соло [1]. Я согласен, господа. Думаю, Кристофер тоже согласен. Где сейчас Улисс? Я не видел его четыре года.

— Он закончил Рочестерский университет,— сказал Миллер,— но работает в Италии тренером одной из частных привилегированных школ.

[1] Метод так называемого «чистого подъема» на скалы без всяких приспособлений, основанный на силе рук, координации и ловкости.

— По альпинизму?

— Нет, это называется спецподготовкой: стрельба из всех видов оружия, борьба, приемы хатха-йоги, аутотренинг и так далее.

Троэльс-Лунн покачал лохматой, без единого седого волоса, головой.

— Я же говорил, он авантюрист. Впрочем, вам видней.

— Авантюрист — совсем не такая уж плохая характеристика,— улыбнулся Косински.— Этот парень мне понравился. Он был гонщиком, пожарным, полицейским, цирковым артистом, акробатом, каскадером. В Китае изучал санчин-до, в Японии — карате, бокс — в Таиланде. Участвовал в кругосветном путешествии на воздушном шаре, переплывал Ла-Манш в одиночку, охотился на акул, прыгал с парашютом с Килиманджаро и так далее.

— Но главное,— вставил кивающий на каждое слово начальника экспедиции Неран,— что он альпинист от бога. Что касается его душевных качеств... я до сих пор жалею, что он ушел из отряда.

— Что ж,— вздохнул Троэльс-Лунн,— вам с ним работать, не мне. Благословляю вас, Фредерик. Когда намечается экспедиция?

— Подготовка уже идет.— Косински поставил бокал и встал, за ним остальные.— Непосредственный поход в долину Пируа планируется через две-три недели, но вам надо быть в Пикале уже завтра. За работу в Паракасе вы получите гонорар — десять тысяч долларов, плюс премия за риск. Подходят вам такие условия?

— Вполне,— сказал Неран.— Завтра мы будем в Пикале. Если не будет трудностей с визами.

— Билеты на самолет заказаны,— сказал Миллер.— Вы летите с нами сегодня в девять вечера. Снаряжение брать не надо, там все есть. Визы получите в Шочипилье. Вопросы еще есть?

Торвилл засмеялся, за ним Неран и Троэльс-Лунн.

— Ну и хватка,— сказал президент ЕВРОСПАС.— Жаль, что я вышел из формы... тридцать лет назад, а то пошел бы с вами.

Гости откланялись.

«Интересно,— подумал Кристофер,— что я скажу Диане?»

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Джонатан Улисс прибыл в Шочипилью двадцать второго сентября.

В столице Паракаса он не был ни разу, но ориентировался в ней неплохо, благодаря изученной карте города, полученным сведениям и кинофильму, который просмотрел дважды. Поэтому найти улицу Унион с отелем «Маури» не составило большого труда.

Осмотрев номер и бросив вещи, не распаковывая, Улисс начал обход достопримечательностей Шочипильи. Для начала он обошел

центральную часть города от площади Оружия до площади Сан-Мартина с конной статуей Сан-Мартина, полюбовался на «Старую Шочипилью» с ее старинными домами в мавританском стиле: квадратные башни с замысловатым орнаментом украшали полукруглые фасады зданий, дворики были выложены булыжником или вымощены крупной галькой, сохранились и деревянные колоннады, и крытые переходы, построенные еще в шестнадцатом веке.

Издали Улисс осмотрел фасады Президентского и Муниципалитетского дворцов, кафедрального собора, импозантного здания «Торгового дома Оэчсле», посидел в сквере возле фонтана, струи которого били из пастей невиданных зверей. Никто не шел сзади, не делал вид гуляки, случайно остановившегося неподалеку.

Тогда Улисс обошел Президентский дворец по улице Такна и медленно прошелся по улице Уанкавелика мимо северного входа, где неподвижно высились двое полицейских в белых касках с карабинами за плечами. Ничто уже не напоминало, что здесь почти месяц назад произошло загадочное убийство комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино. Однако Улисса интересовало другое: расстояние, которое успел покрыть комиссар до того, как упал. Счет тогда шел на секунды, и растерявшиеся свидетели-охранники дворца могли дать не совсем точную оценку событий, но и они отметили, что комиссар жил слишком долго: когда преследователи открыли огонь, он был в полусотне метров от ограды, а упал, пробежав метров тридцать.

От Президентского дворца он направился в иммиграционную службу. Чиновник понравился Улиссу. Внешне — симпатичный парень, который должен нравиться женщинам. Глаза — цепкие, зоркие, внимательные — выдавали в нем человека с богатым жизненным опытом, сильного и знающего себе цену. Он понравился Улиссу сразу, хотя работать мог на любую контору, кроме своей официальной, от контрразведки Паракаса до ЦРУ США.

Он задал несколько ничего не значащих вопросов. Улисс честно ответил на все, и они расстались, довольные друг другом.

Поужинав в кафе: дымящаяся похлебка, картошка по-уанкайски, с рисом и черной фасолью, шашлычки «антикучо»,— Улисс направился в отель, где он должен был дожидаться квартирьера экспедиции Миллера в течение двух суток.

Отель «Маури» ночью походил на глыбу, взрывом вырванную из каменоломни. Освещенный паркинг отеля был невелик и полностью забит автомашинами всех марок и моделей.

Улисс взял ключ у сверхвежливого портье, одетого по европейской моде, сунул ему монету в четверть инти и по лестнице поднялся на самый верх отеля — на пятый этаж. Дежурный на этаже встретил его профессиональной улыбкой, предложил кофе и проводил внимательным взглядом.

Комнаты номера давили тишиной.

Улисс распахнул окно и включил музыку — здесь стоял роскошный японский кассетник «Сейко». Раздавшаяся мелодия удивила: Григ, увертюра «Осенью». Улисс ожидал чего-нибудь в стиле уанкамайо. Что ж, вкус у гостиничного персонала вполне...

Джонатан привычно обошел гостиную, спальню, проверяя память — все ли стояло и лежало так, как он оставил? Кажется, ничего не тронуто: саквояж, костюмы, белье.

Мебель в стиле чиппендейла — рококо с обилием тонкой резьбы. Неплохо, хотя отдает снобизмом. Улиссу уже приходилось жить в таких роскошных апартаментах — когда позволял бюджет. Он разделся, полчаса тренировал блокировку при ударе сзади, принял душ и постоял у зеркала, рассматривая себя с тщательностью кокетки. Бифкейк [1], как говорят англичане. Лет двадцать пять — если судить по телу, тридцать — если по лицу, и лет пятьдесят — по глазам. Н-да, господин Улисс, сложный вы человек, как заметил сэр Косински, человек с прочными идеалами, проживший несколько жизней — если судить об опыте не по количеству прожитых лет, а по числу событий, растянутых на годы. «Бессмертный» Улисс, не знающий слова «страх», чудом избежавший смертельных объятий лавин и каменных склепов глубоких пропастей и ущелий... Пятнадцать лет риска, не поддающегося никакому учету, из них три — борьба с судьбой в горах, где человек подобен слезе на ресницах Аллаха — по тибетской пословице... Думал, ну наконец-то остановился, сделал окончательный выбор. В горах, пожалуй, как нигде, чувствуешь вкус борьбы со стихией. Но нет того ощущения победы, которое испытываешь, победив сильного противника-человека. И он снова ушел. Потом были два года жизни по инерции — после гибели женщины, на которой он хотел жениться... Небольшая остановка перед новым перегоном риска. Нет, состояние консонанса — не для него...

Переодевшись в вечерний халат «а ля инка», Улисс проверил, хорошо ли заперта дверь, и повторил прослушивание через наушники кассеты с материалами о корпорации «Птичий глаз», взявшей на себя финансирование международной экспедиции в неисследованный уголок Паракаса.

Родословная корпорации уходила довольно глубоко в прошлое, в девятнадцатый век, одно это говорило о ее конкурентоспособности. Возникла она в шестидесятых годах прошлого столетия в Англии как компания по перевозке замороженных продуктов. В начале двадцатого ее руководители были втянуты в аферу с расширением рынка сбыта, и после разоблачения махинаций, суда, смены руководства и реорганизаций она стала именоваться компанией по кон-

[1] Beafcake *(англ.)* — сплошные мышцы; о мужчине атлетического телосложения.

сервации и перевозке фруктов. А уже в семидесятых годах, перешагнув границы Великобритании, превратилась в гигантскую транснациональную корпорацию «Птичий глаз», в компанию авиа- и автосервиса. Фургоны, холодильники на колесах, суда, самолеты и вертолеты с эмблемой КАС и стилизованным птичьим глазом можно было встретить и в Европе, и в Азии, и в Австралии — на всех материках Земли.

Уничтожив кассету с информацией, Улисс улегся на диван и стал листать отчет Пирина за прошлый год, состоящий, по сути, из двух десятков отчетов — по числу его научно-исследовательских отделений. Судя по ним, можно было понять, что некоторые попытки проникнуть в долину Пируа все же увенчались успехом. Ученые сумели немного изучить флору долины: бук, тис, мирт, платан серебристый, акация, кипарис, эвкалипт, панданус, жаботикаба и лепидодендрон, реликт, исчезнувший на Земле миллионы лет назад; и ее фауну: ленивцы, муравьеды, броненосцы, из хищников — ягуар, священный зверь индейцев, около двух десятков змей, удавы-анаконды и множество более мелких зверьков, а также насекомые, от гигантских бабочек до термитов. В принципе, нормальное население сельвы, без особых отклонений от нормы, разве что отсутствуют москиты — бич сельвы, и это прекрасно! Зато в растительном мире долины отклонений от нормы больше. И наконец племя индейцев, населяющих долину.

Улисс нашел фотографию аборигена. Пигмей, рост четыре с половиной фута, гладкое лицо, довольно правильное, скулы почти не видны, губы пуговкой, зато нос занимает пол-лица — настоящий «орлиный», отличительная черта всех индейских племен Америки. И умные, настороженные глаза. М-да, дружить с такими опасно.

Улисс отбросил отчет, закинул руки за голову, подумал: если правительство Паракаса не остановит доступ в долину дельцов и бизнесменов, эти симпатичные индейцы, застывшие в развитии где-то на уровне бронзового века, окажутся под угрозой исчезновения. Опыт геноцида у американцев накоплен колоссальный, примеров хищнического отношения со стороны сильных мира сего к слабым — сотни! Правда, в последнее время слабые стали понимать, что они не одиноки, что у них есть друзья, готовые прийти на помощь в борьбе за свободу и независимость.

Часы пробили одиннадцать вечера.

Улисс достал из нагрудного кармана фотографию: Анна поправляет волосы на затылке с рассеянной улыбкой. Это было шесть лет назад. Осталась только единственная фотография... и память...

Некоторое время Джонатан боролся с собой, потом смял фотографию, щелкнул зажигалкой и поднес комочек бумаги к огню.

Он уже собирался выключить свет и ложиться спать, как вдруг в соседней комнате раздался шум.

Улисс прислушался. Говорили двое, громко и зло, что-то упало, закричала женщина. Интересный компот. Что они там не поделили?

Снова удар, звон стекла, теперь женщина кричала, не переставая. Улисс различил на испанском «помогите» и «больно». Черт бы их подрал! Разве можно так обращаться с женщинами? Он надел шлепанцы, вышел в халате в коридор. Дежурного на месте нет, никого в коридоре. И шума не слышно. Джонатан поколебался, но для очистки совести решил постучать в дверь соседнего номера, не приснились же ему крики.

Дверь открылась, словно его ждали. Перед альпинистом стояла женщина ослепительной красоты с профессиональной улыбкой на умело подкрашенных губах.

— Вам кого?

— Извините,— пробормотал Джонатан.— Мне показалось, что у вас кто-то кричал.

— Телевизор,— ответила женщина, разглядывая его с видимым интересом.— Входите.

— Извините, уже поздно...

Женщина улыбнулась.

— А на вид вы не трус. Входите же, я не кусаюсь.

Улисс пожал плечами и вошел. И, лишь пройдя в гостиную, понял, что сделал это напрасно.

В гостиной горели бра, на стене висел работающий телевизор, а у журнального столика с бутылкой «Писко-сауэр» и тремя бокалами стоял, поигрывая брелком, мужчина крепкого сложения с равнодушным, словно сонным лицом, в рубашке с короткими рукавами и джинсах.

Улисс оглянулся, и ситуация вообще перестала ему нравиться: сзади приближался еще один здоровяк и вертел в пальцах кастет. Глаза у него были холодными и цепкими, прицеливающимися. Он явно не годился для роли брата красотки в номере, как и первый головорез для роли ее друга.

— Добрый вечер,— сказл Улисс, делая вид, что не понимает цели маневров троицы. Впрочем, он и в самом деле не понимал.

Женщина коротко рассмеялась, взяла со столика бокал, отпила глоток и села в кресло, закинув ногу за ногу; они у нее были красивые, полные, туго обтянутые чулками-сетками.

— Самовлюбленный павлин в халате. Сидел бы в номере, и все было бы тип-топ, а теперь придется раскошелиться.

— Это шутка? — сухо спросил Улисс, досадуя, что влип в историю. Надо же, забыл про телевизор!

— Пошевеливайся, приятель,— негромко сказал громила сзади.— Не заставляй девушку ждать. Триста долларов — и мы разойдемся, довольные друг другом.

Улисс снова оглянулся, оценивая противников. На обыкновен-

ных вымогателей эти парни походили так же, как воротилы бизнеса на безработных. Интересно, этот номер с криками и бранью подстроен заранее или все получилось случайно? Парням захотелось развлечься?

— Сожалею, мисс.— Джонатан вздохнул.— Ну у меня нет никакого желания дарить вам три сотни долларов. Надеюсь, шутка закончилась, и я могу идти к себе. Извините за вторжение. Попросите этих джентльменов пропустить меня.

В руках у соннолицего вдруг вместо брелка оказался пистолет — «люггер» с глушителем. Улисс понял, что у него почти нет выбора, к тому же показалось, что в его комнате кто-то есть. Он без приседа, не меняя позы, прыгнул в центр комнаты к спортсмену, который, переоценив преимущество положения, опустил пистолет и смотрел на женщину, потягивающую вино. Реакция у гангстера была приличная, но он успел лишь вскинуть оружие. В следующее мгновение ребро ладони Улисса опустилась на его бицепс, а удар ногой в голову отбросил к шкафу.

Второй вымогатель мгновенно стал в стойку, нацепив на левую руку кастет. Улисс сделал обманное движение и успокоил его уколом пальца в нервный узел на шее. Оглянулся на женщину, сидевшую в прежней позе и с любопытством наблюдавшую за ним поверх бокала, и выбежал в коридор.

В его номере царил бедлам: белье из шкафа выброшено, кровать распотрошена, стулья опрокинуты, саквояж стыдливо показывает внутренности, вещи разбросаны по полу, лежат на столе. Рылись, судя по масштабу разгрома, несколько человек, искали. Что?

Улисс закрыл дверь, коридорный на этаже все еще отсутствовал, вызвал лифт и опустился на второй этаж, где дежурил полицейский.

Вялый коричневолицый сержант с усами щеточкой выслушал его лаконичное повествование о нападении и попытке ограбления, сделал непроницаемое лицо и похлопал Джонатана по плечу:

— Кто-то решил пошутить, сеньор, а у вас уже и штаны мокрые. Пойдем, посмотрим на твоих «террористов».

Они поднялись в номер Улисса.

Шкаф стоял на месте, белье аккуратно лежало на кровати, сложенное стопкой, саквояж стоял в углу. Ни одной вещи на полу или столе. Быстро работают, профессионально. Теперь ясно, что происшествие с «вымогателями» в соседней комнате — отвлекающий маневр. Кто же это все это устроил и для чего?

Сержант сдвинул фуражку на затылок.

— М-да! Ты часом не лунатик, парень? Наркотиками не балуешься?

Улисс сделал вид, что совершенно сбит с толку. Путаясь, он стал длинно рассказывать, как в соседней комнате на него напали двое, пытаясь ограбить.

92

— Чушь! — перебил полицейский, чей добродушный вид был весьма обманчив; дело свое он знал туго.— Ты что, и в халате ходишь с бумажником? Пошли посмотрим теперь на твоих обидчиков.

Они остановились у двери соседнего номера, сержант постучал и сказал негромко:

— Откройте, полиция.

Дверь щелкнула, приоткрылась, в щель выглянул полный господин в пижаме, с животом и лысиной на полчерепа.

Сержант козырнул.

— Этот человек утверждает, что в вашем номере на него напали двое неизвестных. Вы подтверждаете?

Толстяк очень натурально вытаращил глаза.

— Что?! У меня? Я уже давно сплю. Он что — сумасшедший? — говорил он по-испански с акцентом.

Сержант повернулся к Улиссу.

— Он?

Джонатан отрицательно покачал головой.

— Те были моложе... и с ними была женщина.

— Женщина?! — возмутился толстяк.— Я никогда не приглашаю к себе колгел [1], я порядочный человек и семьянин и не позволю...

Полицейский прервал речь «семьянина» взмахом руки.

— Тихо! — Снова повернулся к Улиссу.— Вы настаиваете на своей версии с нападением?

— Нет,— сказал Улисс.— Видимо, мне и в самом деле просто приснился отвратительный сон.

— Ну и отлично. Не пей на ночь неразбавленное виски.— Сержант хохотнул, похлопал Улисса по спине и ушел, насвистывая сквозь зубы мотивчик из «Минни глас». Толстяк, бурча, смерил Улисса взглядом и закрыл дверь.

Джонатан вернулся к себе, осмотрел комнаты, ванную, туалет, тщательно запер и только после этого позволил себе расслабиться окончательно. Все же трудно выдавить из себя идиота, напуганного ночным кошмаром. Едва ли полицейский находится в сговоре с вымогателями, просто он достаточно опытен и знает, как успокаивать постояльцев, не впутывая полицию в грязные дела. Каждый хочет жить, а до пенсии этому здоровяку еще далеко.

Значит, проверка, примитивный магинг. Интересно, сколько их было на самом деле? Четверо? Нет, вероятно, пятеро, а то и больше, иначе они не успели бы за те десять минут, пока Улисс бегал за помощью, убрать следы чужого присутствия в номере. Но унести тех двоих далеко они не могли, спрятали где-то в одном из соседних

---

[1] Красотка в номер.

номеров. Если поискать, найти их можно, не скоро они еще опомнятся от ударов.

Джонатан усмехнулся и тут же помрачнел, понимая, что проявил себя далеко не с лучшей стороны. Трюк с «женским криком о помощи» известен давно, и клевать на него простительно только желторотому юнцу.

Улисс встал на руки, сделал ширш-асану. Три минуты — внутреннее созерцание, еще пять — полный отдых телу, расслабить мышцы, связки, минута — остановка сердца, потом «массаж» печени, селезенки, почек, желудка... все! Он вскочил и побежал в ванную. Вода — основа жизни, ежедневный душ — половина здоровья.

Насухо вытерев тело, Джонатан переоделся в спортивный костюм и вышел на балкон. Мысли все еще вертелись вокруг визита непрошеных гостей, удовлетворения собой он не чувствовал, наоборот, все больше крепла уверенность в том, что надо было позволить «вымогателям» сделать свое дело, а не сопротивляться. Правда, с другой стороны, играть «под дурака» опасно, гангстерам не всегда нравятся глупцы, дрожащие за свою шкуру, особенно мужчины в расцвете лет. Трусость сильного всегда противоестественна... и противна.

Полчаса Улисс любовался безлунным ночным небом и слабой иллюминацией Шочипильи. Время перевалило за полночь, и никому из жителей города не было никакого дела до Джонатана Улисса, альпиниста, бродяги по характеру, тридцати с лишним лет от роду, которого только что вполне могли убить...

Улисс разгладил лицо руками и приказал себе прекратить самоанализ. Толку от этого было мало, никто не мог сказать ему, правильно ли он поступил, и даже собственная интуиция молчала. Мысль о вознаграждении и ожидание боя несколько согревали душу. Джонатан был игроком, любившим игру не из-за конечного результата, а ради самого процесса игры. Главным для него было действие, борьба, жесткое состязание ума, ловкости, хитрости и силы, балансирование на тонкой струне над пропастью небытия. Конечно, нельзя сказать, что результат был ему неважен, но все же он любил игру в чистом виде, а игрой могло быть все, что угодно, в том числе и война с террористами, шантажистами и гангстерами.

Как и любой деловой человек своей среды, Улисс был способен идти на компромиссы, в том числе и со своей совестью, но все же от многих искателей приключений его отличала одна черта: он никогда никого не предал, не отказывался от обязательств и слыл человеком слова...

Перед сном Джонатан еще раз проверил, не пропало ли что-нибудь из снаряжения и не оставил ли вечерний визитер «микрошпионов», подслушивающих устройств, и только после этого лег спать.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН — ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

Торвилл загляделся на ловкие пальчики диспетчера архива, порхающие по клавиатуре терминала, и пропустил вопрос мимо ушей.

— Что вы сказали? — с виноватой улыбкой переспросил он.— Простите, я отвлекся.

— Медицинскую карту тоже? — повторила вопрос девушка.

— Да, медкарту тоже.

Диспетчер кивнула, и снова ее пальцы, живущие, казалось, отдельно от рук, побежали по панели терминала.

Архив ЕВРОСПАС был полностью автоматизирован и снабжен пневмопочтой, поэтому на поиск и получение нужного документа уходило от силы пять—шесть минут.

Во внутренностях приемной станции пневмопочты что-то зашипело, заурчало, откинулся квадратный лючок, девушка протянула руку и вытащила из отверстия коробку с эмблемой ЕВРОСПАС и выбитым на крышке номером. Открыла крышку и высыпала на столик стопку документов: личное дело Джонатана Улисса, медкарту, копии наградных листов, карточку учета кадров, фотографии.

— Он что, умер? — полюбопытствовала диспетчер.

— Боже упаси! — Торвилл заложил документы в пластиковый конверт.— Пропал без вести, как говорят. Не знаю, зачем его документы понадобились шефу.

Торвилл потоптался возле стола, ощущая исходящую от девушки волну любопытства и почему-то сострадания.

— Простите, но меня просили напомнить... очень важно... Все, что мы с вами сделали, идет под пометкой «служебная тайна».

Лицо девушки осталось деловым, сосредоточенным, но сочувствие излучать она перестала.

— Если бы я этого не понимала, я бы здесь не работала.

Кристофер пробормотал извинение и ушел из архива, досадуя неизвестно на кого и неизвестно за что. Конечно, настроение от того, что отпуск сорвался, а Диана улетела отдыхать, не могло быть хорошим, но задание было интересным, и надо переключиться на него полностью, чтобы исключить даже возможность неудачи.

Неран был один. Он ходил из угла в угол кабинета, заложив руки за спину.

— Я готов,— сказал Торвилл, выкладывая на стол конверт из архива.— Здесь вся документация по Улиссу.

Неран кивнул, вытащил из конверта фотографию альпиниста четырехлетней давности и рассматривал некоторое время.

Улисс был высок, поджар, с рельефными мышцами атлета. Овальное лицо с твердым ртом спокойно и малоподвижно, в серых внимательных глазах прячется вызов.

Низкорослый, худощавый, похожий на мальчишку Торвилл всегда благоговел перед крупными, сильными мужчинами. Это тайное молчаливое восхищение родилось в детстве: Кристофер рос без отца, заступиться за него было некому — ни в школе, ни во дворе,— и он мечтал вырасти высоким и сильным, чтобы воздать обидчикам должное. Будучи хилым и болезненным, нрав он имел яростный и неукротимый, не пасовал перед авторитетами и вечно организовывал для самоутверждения всякие отчаянные мероприятия. Он и в горы пошел из-за самоутверждения, чтобы доказать другим, а больше себе, что он кое-чего стоит, и «заболел» горами на всю жизнь.

— Вижу, у тебя нет настроения.— Неран прищурился.— Диана, наверное, обиделась, что не удалось провести отпуск? Вдвоем?

— Не успел спросить.— Кристофер пожал плечами.

— Тогда в машину, до посадки в самолет всего полтора часа. Кстати,— остановил Торвилла начальник отряда.— У тебя не возникало вопроса — почему мы согласились на несвойственную нам работу?

— Это было первое, о чем я подумал,— признался Торвилл с виноватой улыбкой.— Но потом понял, что эта работа — тоже спасательская, разве что в ином плане. Меня иногда подмывало сменить амплуа...

— Но престиж горноспасателя оказывался выше других профессий, так?

Кристофер подумал.

— Доля правды в этом есть, я не чужд профессионального тщеславия и честолюбия. Но главное — я знаю, что нужен.

Сквозь маску сурового, чуждого сентиментальности человека на лице Нерана проступило выражение нежности, но длилось это столь краткий миг, что Кристофер не поверил глазам своим.

* * *

Их начали «пасти» в здании аэропорта, но ни Торвилл, ни Фредерик Неран, ни Косински с Миллером, встретившие спасателей у стойки с номером их рейса, ничего не заметили. «Пастухов» было несколько, и связь между собой они поддерживали через микрорации, незаметные глазу, замаскированные под перстни, кольца, серьги и другие мелочи мужского и женского обихода.

В Лиме группа наблюдателей сменилась и передала прибывших «из рук в руки» сменному отряду «пастухов» в Шочипилье, который вел руководителей экспедиции до Пикаля. Все разговоры между членами экспедиции были таким образом зафиксированы и переданы резиденту ЦРУ в Пикале, заинтересованному во всех деталях, касающихся открытия долины Пируа.

* * *

Единственный отель в Пикале назывался «Ривьера» и отличался от парижского прародителя так же, как сарай с углем отличается от пирамиды Хеопса. Впрочем, номера в нем были неплохие, не слишком дорогие, но со всеми полагающимися удобствами, с телефоном, телевизором и даже с кондиционером.

Бросив вещи, не распаковывая, на широкий диван, Торвилл переоделся в легкую одежду, подождал, пока переоденется Неран, и они отправились знакомиться с Пикалем, Пирином, климатом и бытом одного из стандартных уголков Паракаса, страны беспрецедентного горного хаоса и древних руин.

Пикаль ничем не отличался от сотен других таких же городков с населением в несколько тысяч человек, расположенных на склонах гор на Парамо — так на местном наречии называлось плоскогорье высотой от трех с половиной до четытерх тысяч ста метров. Так же, как и всю страну, его населеляла мозаика рас: белые, индейцы, метисы, негры, мулаты, китайцы, гринго — американцы, хотя преобладали, конечно, индейцы — кечуа и аймара, а из белых — испанцы и португальцы.

Хотя на улицах Пикаля было немало трех- и пятиэтажных домов, а на главной улице — Кольмене — стоял даже десятиэтажный «небоскреб», все же глаз то и дело натыкался на синеющие горные вершины, окружавшие город со всех сторон, довлеющие над ним, молчаливые и суровые, как и весь этот край. Однако несмотря на солидную высоту над уровнем моря, дышалось здесь довольно легко, что оказалось для Торвилла приятной неожиданностью: он привык к постоянной нехватке кислорода на высотах свыше двух километров.

Лето в Паракасе, как и в других странах южного полушария, наступало в декабре, и сентябрь был началом весны, поэтому днем температура держалась на уровне восемнадцати — двадцати градусов, а ночью снижалась до шестнадцати — четырнадцати. В общем, климат здесь был мягкий, отчего настроение Торвилла наконец начало подниматься.

Он с удовольствием рассматривал архитектуру Пикаля, практически идентичную с архитектурой столицы Паракаса — Шочипидьи. При постройке старых зданий использовались в основном эквадорский дуб и седрелло — испанский кедр, а также каоба. Фасады более современных зданий отделывались белым известняком — сильяром, который легко поддавался обработке и резанию. Резные деревянные двери, ажурные металлические решетки на окнах, традиционно закрытые снизу балконом, могли удовлетворить эстетические вкусы любителей старины любой нации, не удивительно поэтому, что на улицах Пикаля было много туристов.

Кристофер обратил внимание на дюжих молодцов с мускулистой выпуклой грудью, и Неран пояснил, что у всех индейцев высокогорья хорошо развита грудная клетка: кислорода на высотах около трех с половиной километров все же в два раза меньше, чем на равнине.

Потолкались на городской ферии — базаре, где женщины в пончо и чульо, шерстяных шапочках-ушанках, продавали с лотков и тележек фрукты и овощи, изделия кустарей, обувь, одежду и сладости. Торвилл попробовал «халву доньи Пепы», сваренную из муки, меда, корицы и тростникового сахара, показалось вкусно, купил с собой. У шестов с одеялами из шерсти ламы и альпаки мелькнуло знакомое лицо, Кристофер даже остановился — это был Улисс, но человек тут же затерялся в толпе, и ответить на вопрос, был ли это на самом деле Джонатан Улисс, никто не мог.

Торговля шла и на улицах Пикаля с тележек и колясок велорикш. Продавали всякую всячину: свечи размерами от мизинца до полутора метров в длину, статуэтки Христа, поделки из серебра, тростника тоторы, медвежьих когтей, тапочки из меха ламы, индейские мокасины и «археологические древности», найденные в горах.

Назвать город зеленым было нельзя, тем не менее деревья и кустарники на его улицах и площадях, где почти не ходил транспорт, встречались часто: низкие оливковые деревья, реликтовые кенуали, альгарробо, виноград и низкорослый кустарник тола, напоминающий можжевельник. Попадались и манговые, и даже бананы, оплетенные ползучим вьюном.

Альпинисты обошли Пикаль за два часа, побывали у Кабильдо, здания городского совета, посетили развалины какого-то древнего замка, возле которого высились серебристые резервуары нефтеперегонного завода «Кочан», и, усталые, побрели в отель, делясь впечатлениями похода. В Пирин, который был построен на северной окраине города, в стороне от людской суеты деловых и торговых кварталов, решили явиться на следующий день. Времени у них было много, первая экспедиция в горы была назначена на октябрь, ближе к лету, к хорошей погоде.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

С тех пор, как в Пикале был построен исследовательский археологический центр Пирин или, как его называли приученные к лаконичности жители города, П-сентре, у начальника полиции Доминго Рауля Эрнандеса не было спокойного дня. Он сразу был вовлечен в странные события, порой жуткие, порой курьезные, но всегда исполненные тайного и темного смысла.

Началось все с убийства Карлоса Хонтехоса, известного во всем

Паракасе ученого-паракиниста, ставшего заместителем директора Пирина. А затем пружина событий начала закручиваться все туже и туже, не оставляя времени на тщательный анализ обстановки и размышления о долге полиции «сохранять мир и спокойствие».

В день приезда группы горноспасателей из Швейцарии, которым доверен был штурм стены Тумху, скрывающей за собой долину Пируа, из склада Пирина были похищены пять комплектов снаряжения для альпинистов. В тот же день произошла авария в аэропорту Пикаля, если можно назвать аэропортом взлетную полосу длиной в две мили и одноэтажное бунгало с двускатной крышей, построенное из адобе — глиняных кирпичей: трехместный вертолет «Бертелли», как оказалось, не принадлежавший ни одному из гражданских ведомств, ни экспедиции, врезался в ангар с авиатехникой Пирина и взорвался. Взрыв разворотил алюминиевую крышу ангара, останки вертолета упали на тягач, начался пожар, но, к счастью, взорваться и гореть в ангаре было нечему. Пожар затушили, а из кабины извлекли троих: двое — летчики, третий — индеец-пигмей из долины Пируа. Как он попал в кабину «Бертелли», никто сказать не мог, потому что оба пилота скончались в госпитале Пикаля спустя три часа после аварии. Индеец остался жив, но молчал, не понимая вопросов, заданных ему специалистами по южноамериканским языкам, вызванными из Пирина.

Эрнандес лично участвовал в расследовании причин аварии наряду с экспертом Интерпола, прописавшимся в Пикале после открытия долины Пируа, но результатов не добился: вертолет не регистрировался в хозяйстве Пирина и не был приписан ни к одному из аэродромов страны, в том числе и к военным, а пилоты не числились в списках обслуживающего аэродром Пикаля и экспедиции персонала. Точка.

Капитан, как и после убийства Хонтехоса, связался со службой безопасности в Шочипилье, проанализировал возможные места нарушения границы разбившимся вертолетом, предполагая, что тот летел откуда-то из-за границы с Боливией, но сотрудник безопасности посоветовал Эрнандесу заниматься своими делами и не мешать. И капитан сделал вывод, что его служебное рвение имеет пределы. Тогда он взялся за изучение долины Пируа, справедливо полагая, что это может пригодиться ему в ближайшее время: как только передовая группа экспедиции найдет проход в долину, начнется новый этап ее прямого изучения, связанный с определением границ использования ее археологических памятников и установлением государственного контроля за соблюдением правил экоэтики. Однако оказалось, что информация о долине Пируа умещается на трех страницах машинописи. Летчики, открывшие долину, и единственная группа исследователей, сумевшая на вертолете пробиться в Пируа и прожить там четыре дня, слово в слово повторяли одно

и то же: долина вытянута в меридиональном направлении, разделена, как соты, перегородками из скал на десятки почти недоступных участков, заросших мощным покровом сельвы, и представляет собой идеальный «затерянный мир» по Конан-Дойлю, разве что без реликтовых представителей фауны вроде летающих ящеров и динозавров. Но останки древнеиндейских сооружений археологи обнаружили, и очень богатые, судя по описаниям, хотя для их изучения нужны были десятилетия и усилия многих сотен специалистов из разных стран.

Тогда капитан стал без особой цели составлять досье на прибывающих в Пикаль иностранцев и паракасцев, не предполагая, к чему это его приведет в ближайшем будущем. Для этого дела он выделил молодого и смышленного инспектора Алехандро Фьерро и дал ему в помощь сержанта Вюмера, немца по национальности, пожилого, но неглупого и умеющего держать язык за зубами. В тот же день Эрнандесу позвонили из Сегуридад, и уже знакомый работник безопасности сказал в трубку не очень вежливо:

— Капитан, оставьте самодеятельность. Ваше дело — поддержка порядка во вверенном вам регионе, международный исследовательский центр — не ваша епархия, как и прибывающие иностранцы. Как и уголовные дела, с ними связанные. Если появится необходимость, мы вас привлечем. Уяснили?

Капитан уяснил и дал зарок ни во что не вмешиваться, даже если Пирин взлетит на воздух, хотя совсем не работать он не мог.

За прошлую неделю в Пикаль, кроме альпинистов Нерана и Торвилла, а также начальника экспедиции Косински с помощником Миллером, прибыли врач Дэвид Аллен, американец; представитель комиссии эконадзора ООН Рыбин, русский; эксперты-археологи Сигурд Ингстад, норвежец, и две женщины — Джой Эксмур и Мириам Фтлинн. Джой работала врачом, Мириам — ботаником. Обе женщины, судя по описаниям Алехандро, были из разряда «старых дев», и почему их в предпенсионном возрасте понесло в Паракас, в горы, Эрнандес понять не мог.

Проанализировав поступившие материалы, капитан запер их в сейфе, пообедал в кафе «Баньян» и снова приехал в аэропорт. Его необъяснимо тянуло туда, словно тайна разбившегося вертолета была крепко связана с его собственной судьбой.

Инспектор Кеведо-и-Вильегас, официально занимавшийся разбившимся вертолетом, встретил его на поле возле автофургона с эмблемой компании «Птичий глаз»: два голубых переплетающихся кольца и в центре глаз орла.

— Как дела, Уго? Что удалось выяснить?

Инспектор, тучный, лоснящийся от пота, потрогал свои длинные усы.

— Шеф, по аварии ничего нового выяснить не удалось. Не за-

день они старую антенну возле ремонтного ангара, ничего бы не случилось и никто ничего бы не узнал. Но тут есть занятная деталь.— Капрал снова подергал ус, понизил голос.— Возле ангара крутится подозрительный тип и, кажется, тоже интересуется разбившимся вертолетом.

— И кто же он, узнал?

— Нет, сеньор капитан. Молодой и ловкий, выше вас, в серых брюках и рубашке, сумка через плечо.

— Хорошо, разберемся. Пошли еще раз посмотрим на это место.

Ангар с ремонтирующейся техникой обслуживания аэропорта, где произошла авария, уже функционировал: алюминиевую крышу в месте взрыва залатали, поврежденную технику починили, пятна гари смыли и закрасили.

Эрнандес с любопытством прошелся по ангару, в котором было не так жарко, как снаружи, разглядывая моечные машины, автотрапы, тягач, трактор и заправщик. Ангар изнутри казался больше, в нем было сумрачно, гулял сквозняк, принося запахи бензина, солярки, масел, нагретого металла. Возле одного из скипов стоял без стекол вертолет «Бертелли» со снятым винтом и помятым носом. В кабине возился техник в комбинезоне с «глазом» на плече, еще трое выправляли обшивку, грохоча пневмокувалдами. За вертолетом шумел вентилятор, автопогрузчик укладывал в стену контейнеры.

Капитан понежился в струе воздуха от вентилятора, побродил вокруг вертолета, стараясь не мешать работающим, попытался представить, как произошла авария.

Поскольку вертолет взорвался, значит, бак с горючим был полон, поэтому причиной аварии отсутствие топлива быть не могло. Остается грешить на пилотов: либо они были неопытны, либо не учли какие-то факторы, пролетая мимо антенны.

Эрнандес обошел тягач и не заметил, что за ним пристально наблюдает один из техников ангара.

Итак, пилоты... Неопытность отпадает, в условиях аэропорта, расположенного в горах, гробануться можно в два счета, значит, работать здесь должны асы. А какие факторы могли не учесть пилоты? Внешние отпадают, погода была тихая, безветренная, видимость отличная. Внутренние, скажем, пилот был пьян... чепуха, его не выпустили бы на трассу. Хотя не исключено. Неполадки в управлении? Комиссия таковых не нашла. Был странный маневр, словно пилота кто-то подтолкнул под локоть, в результате чего вертолет рыскнул в сторону и вниз и врезался в старую антенну.

Эрнандес задумчиво погладил горячую стенку одного из боков ремонтной мастерской.

Маневр... словно пилота толкнули... кто мог его толкнуть? Напарник? Он не самоубийца... тогда остается индеец-абориген, обнаруженный в кабине. Куда его дели потом?..

Кто-то дотронулся до плеча капитана.

— Салют, камарадо.

Эрнандес оглянулся и узнал того самого сотрудника «Департаменте Сегуридад» — паракасского департамента государственной безопасности, с которым беседовал по делу Хонтехоса месяц назад с глазу на глаз.

— Отойдем, капитан,— сказал сегуридо, молодой, загорелый, спокойный.

Они вышли из ангара под защиту фургона «Континенталь».

— Что вы здесь делаете, сеньор Эрнандес? Мы же с вами обо всем договорились и по телефону беседовали о том же: не суйтесь в это дело, оно вне вашей компетенции. Лавров оно не принесет, а для продвижения по службе достаточно четкой организации работы полиции при ловле торговцев наркотиками. Ваша самодеятельность доставляет нам только лишние хлопоты. Уберите этого болвана с аэродрома и давайте больше не возвращаться к этой теме. Идет?

Эрнандес сдвинул фуражку на затылок, сплюнул на бетон и сосчитал время, за которое плевок испарился наполовину.

— Двадцать семь градусов,— сказал капитан полиции и поднял безмятежный взгляд на собеседника, который не уступал ему в умении держать себя в руках.— Я понял вас. Эдак я и вовсе останусь без работы, а? Если понадоблюсь, звоните, всегда к вашим услугам.

Эрнандес кинул два пальца к фуражке и, окликнув капрала, зашагал к зданию аэропорта. Однако не дойдя тридцати шагов, повернулся к видневшейся из-за бунгало наблюдательной вышке. Полицейский рысил сзади, обливаясь потом и мечтая о глотке воды.

Капитан поднялся на вышку, где за стеклом торчали трубы дальномера, и панорама Пикаля в окружении сельвы и гор развернулась перед ним во всем великолепии. Минут двадцать он разглядывал поле аэродрома, горную цепь на юге, стену Тумху на севере, за которой пряталась долина Пируа, а еще дальше — граница, и сказал вслух:

— Ясно, что вертолет летел с севера. Солнце светило им в глаза, вот летчики и налетели на антенну.

Эрнандес бросил последний взгляд на горы и увидел высоко над ними черную точку — это парил король Анд — кондор.

ШОЧИПИЛЬЯ — ПИКАЛЬ

Наутро голоногая горничная в голубой юбке с крохотным белым фартучком принесла ему конверт.

— Это вам, сеньор.

Улисс удивленно пожал плечами.

— Мне? Вы не путаете, сеньорита?

— Нет, велено передать альпинисту Улиссу из двадцать первого номера. Вы Улисс?

— Вчера еще был Улиссом, благодарю вас.

Оставшись один, Джонатан тщательно осмотрел и прощупал конверт, но никакого подвоха не обнаружил. Внутри, судя по всему, клочок бумаги, и все. Интересно, кто мог знать, что в Шочипилье он остановится в отеле «Маури», да еще в двадцать первом номере? Улисс вскрыл ножом конверт, поймал выпавший листок голубой банковской бумаги с водяными знаками, на котором было начертано всего одно слово по-английски: «Берегись!»

Хмыкнув, Улисс посмотрел бумагу на просвет, на всякий случай подержал над пламенем зажигалки — ничего, пусто, и спрятал послание в карман саквояжа. Оделся в свой обычный костюм: джинсы, белая с голубым майка с эмблемой фирмы «Кено», перекинул через плечо ремень фотоаппарата «Миналта» и отправился по обычному маршруту: «старый город» — площадь Оружия — Муниципалитетский дворец — улица Уанкавелика.

Улицы «старого города», мощенные булыжником и адобе, были забиты толпой туристов, на площади Оружия с фонтаном и светильниками прошлого столетия народу было поменьше, а на улицах, огибающих Президентский и Муниципалитетский дворцы с тыла, бродили только кошки и редкие случайные прохожие: жилых домов здесь не было. Улисс сделал несколько снимков Президентского дворца, не обращая внимания на охранников, наблюдавших за его манипуляциями, и направился прямо к ним.

— Простите, капитан,— обратился он к сержанту-полицейскому по-испански.— Я репортер, представляю «Диарио де ла тардэ». Разрешите сделать пару снимков этого великолепного реликта старины с газона внутри?

Сержант сделал непередаваемый жест, могущий означать все что угодно, от разрешения до отказа. Он был молод, но опыт имел немалый и на обращение «капитан» не реагировал совсем.

Улисс подошел к ограде и снял то место, где был убит комиссар полиции Альберто Тауро дель Пино.

— Говорят, у вас тут месяц назад произошла какая-то история с комиссаром,— сказал он и посмотрел на второго охранника, смуглого верзилу с лицом красавчика-херувима.

— Так бы сразу и сказал.— Сержант снисходительно сплюнул под ноги.— Проваливай, писака. Все, что можно выжать из этого дела, газетчики уже выжали, ты опоздал.

— Да? — Улисс разыграл жадное любопытство, что в общем-то и не надо было особенно разыгрывать, и сожаление.— Наши читатели любят сенсации, особенно в разделе уголовной хроники. Я аккредитован в столице, но, к сожалению, был в отъезде. Капитан,

всего два слова для нашей газеты: что здесь произошло? Кто убил комиссара и за что? И правда ли, что он умер только через час, хотя в него попало сто пуль? Назвал ли он имя убийцы?

Полицейские, настроенные добродушно, переглянулись, сержант покачал головой.

— Все газетчики одинаковы, способны из мухи сделать слона, и откуда это в вас берется? Слышал, Гарсиа? — Сержант посмотрел на своего напарника.— Сто пуль! В то время, как в комиссара попало всего тридцать две. И умер он почти сразу, через пару минут, а не через час. Откуда ты набрался такой чепухи, приятель? Спрячь игрушку, не то засвечу пленку, здесь нельзя фотографировать.

— Так ведь писали...— Улисс нехотя засунул фотоаппарат в футляр.— Всего-то две минуты? Из этого сенсации не выжмешь. Извините, полковник, видимо, придется искать другой материал. Спокойного дежурства.

Улисс перешел улицу, оглядываясь с видом великого разочарования, сфотографировал еще раз ограду и будку охранника и незаметно выключил миниатюрный кассетник в кармане рубашки. М-да, сеньор сержант, только таким лопухам, как вы, и охранять Президента. Комиссар Пино жил д в е м и н у т ы после того, как в него попало тридцать пуль, из них двенадцать разрывных и две — в голову! Как такое возможно?..

Джонатан свернул на улицу Кьедрас-Неграс, и в это время в десяти шагах от него затормозил оранжево-голубой пикап с эмблемой «Птичьего глаза». Из него выскочили, щурясь на солнце, трое крепких парней в одинаковой униформе: серые джинсы и серо-белые куртки с короткими рукавами, с кармашками на груди и на боках, белые кепи. Делают вид, что вышли размяться. Интересный поворот.

Улисс нагнулся, завязывая шнурок на кроссовках. Сзади в тридцати шагах еще трое, одетые в местные вестидо: коричневые пончо, большие соломенные шляпы, сандалии из грубой кожи, но все трое выделяются из толпы прохожих особой поступью, упругой и в то же время словно крадущейся. Какого рожна им надо? Еще одна проверка на прочность? Не слишком ли много проверок для скромной особы бывшего альпиниста, а сейчас тренера в школе физической подготовки? Соблазненного большим денежным призом за восхождение на стену Тумху в Пикале, завербованного для этой цели руководством экспедиции в долину Пируа?

Джонатан остановился возле стеклянной витрины посудной лавки и сделал вид, что разглядывает ажурное керамическое блюдо. Но молодцы из «Птичьего глаза» искали именно его. Один из них остановился за спиной и похлопал Улисса по плечу:

— Очнись, сеньор фотокорреспондент, хочу тебе кое-что напомнить.

Джонатан оглянулся через плечо. Ба, знакомые все лица — один из вымогателей в гостиничном номере! Тот, что подходил сзади. Привычка такая? Или он всегда выступает вторым номером?

— Гони монету,— продолжал молодой верзила, держа правую руку так, как держат профессионалы каратэ.— Только такса несколько увеличилась со вчерашнего вечера.

Он не знал, что Улисс был специально тренирован для нападения из самых невыгодных с виду положений.

Удара не заметил ни сам вымогатель, ни его друзья, ни прохожие, собственно, это был и не удар — Улисс безошибочным выпадом пальца нашел тянь-ту — нервный узел яремной выемки на груди парня. Тот мягко осел на тротуар.

— Помогите, ему плохо,— позвал Джонатан оторопевших дружков потерявшего сознание «грабителя». Пока те соображали, в чем дело, Улисс быстро пересек улицу и нырнул в переулок, заметив, что троица компаньерос в шляпах, подстраховывающая основных задир, в нерешительности мнется поодаль.

Вернувшись в гостиницу, он упаковал вещи, вызвал такси и через час был в аэропорту, откуда начинался его путь к месту основных событий — в Пикаль. В Шочипилье ему больше нечего было делать.

Время полета он проспал, убедившись, что никто им не интересуется ни в открытую, ни исподтишка. При посадке полюбовался горным пейзажем и разливом сельвы к северу от Пикаля. Как и везде на высокогорьях, сельва Паракаса делилась на три яруса: верхний, высотой в сто—сто двадцать футов, состоял из гигантских сейб, эвкалиптов, кипарисов, гинкго и акаций; средний ярус был представлен бобовыми, омбу, пандануса́ми, пальмами и аралиями, называемыми паракасцами муку-муку, а нижний состоял из различных пексовых кустарников, папоротников, бромелий, орхидей и аронника. Конечно, с высоты Улисс не мог оценить ее снаружи и изнутри.

Аэродром Пикаля — каменная площадка длиной в милю и шириной в пятьсот футов, с тремя бетонными языками разворота и выхода на взлетную полосу,— охранялся нарядами полиции и имел пропускную зону. Особенно тщательно проверяли груз отлетающих пассажиров, а вещи вновь прибывающих осматривались формально, в чем Улисс убедился лично.

Охранялся аэродром серьезно и не зря: уже дважды за историю его открытия случались инциденты со стрельбой — во время попыток контрабандного вывоза золотых и археокерамических украшений, бесценных реликвий исчезнувших праиндейских цивилизаций Паракаса, оставивших в окрестностях Пикаля заметный след.

Всех прибывающих специалистов экспедиции обслуживали транспортники компании «Птичий глаз», заключившей с правитель-

ством страны контракт на комплексное обслуживание всех археологических групп и этнографических экспедиций, и Улисс был доставлен в отель «Ривьера» вполне комфортабельно вместе с веселым французом-археологом Гийомом Карсаком, познакомившись с ним по дороге. Инициатором знакомства был Карсак, неплохо говоривший по-испански.

Они поселились в соседних номерах и после необходимых формальностей поехали знакомиться с Пирином, располагавшимся за городом в окружении живописных скал и роскошной зелени.

Пирин представлял собой круглое двухэтажное здание диаметром в сто двадцать футов из алюминия и сипорекса — легкого пористого бетона. Сверху он был похож на спортивный диск с ручкой: в «ручке» прятался хозяйственный комплекс — электроподстанция, водоочистка, душевая (вода бралась рядом, в реке под языколомным для европейца названием Пикальотльопока, и все приезжие называли ее короче — Пикалька), столовая, бар, склад и материально-техническая база. Диск был собственно гостиницей с небольшим конференц-залом — он же кинозал, фотолабораторией и кабинетами директора. Гостиница еще не работала, хотя многие из приехавших ученых уже в ней жили, как, например, директор Пирина доктор археологии Хулио Энрике Эчеверриа. Но ее открытие было не за горами — ждали приезда начальника экспедиции в Пируа.

На крыше здания был оборудован солярий и вертолетная площадка. В общем, сделал вывод Улисс, строился Пирин с размахом, и надо признаться, строительные фирмы «Птичьего глаза», настоявшие на своем проекте и сорвавшие на этом у ЮНЕСКО немалый куш, свое дело знали.

Вновь прибывших встретил хмурый молодой парень в белосером форменном костюме с нашивками старшего администратора и эмблемой «глаза». Звали его Леннард. Американец. Представившись и не давая времени осмотреться, он повел гостей из «карантин-приемника» — холла — по коридору на второй этаж, где располагался кабинет директора. Процедура знакомства не заняла много времени, директор был занят разговором с какой-то молодой женщиной поразительной красоты, судя по смуглому тонкому лицу — испанкой или креолкой. После этого Леннард повел их в жилую зону, не обращая внимания на заявление француза, что он «готов на любые условия, если здесь есть такие женщины!»

— Поселю вас в английском секторе,— сказал администратор.— Каюты уже приготовлены, можете переезжать из отеля хоть сегодня. Надеюсь, нет смысла доказывать, что это удобней, чем каждый день добираться сюда из города.

— Если комнаты уже готовы, то я вселяюсь немедленно,— обрадовался темпераментный Карсак.— Не имеет значения, в ка-

ком секторе мы будем жить. Кстати, эта мадам... у директора... тоже сотрудник института?

— Тоже,— сухо отрезал Леннард.

— А как ее зовут? И где она живет?

— Вы задаете слишком много вопросов, а у меня мало времени. Ваши номера на первом этаже, сеньоры, вот ключи. Остальные вопросы — к вашим непосредственным руководителям или к господину Миллеру, это наш квартирьер. Всего доброго.

Леннард кивнул и удалился, прямой и чопорный, как настоящий администратор.

Карсак фыркнул, разразился тирадой о несносном характере янки, но Улисс его не поддержал. Они нашли свои комнаты-каюты: каждому досталась отдельная, что, безусловно, являлось роскошью в условиях походно-экспедиционного исследовательского центра, и с любопытством ознакомились с их внутренним убранством.

Видимо, подбором мебели и обстановки в каютах занимались люди, знающие толк в уюте. Каюта Улисса состояла из двух крохотных комнат: туалетной и спальни-гостиной. Кровать убирается в стенку, в углу телефон, минителевизор «Сони», бар, два кресла и столик в стиле мебели эпохи королевы Анны — под ореховое дерево, гнутые ножки, изящные обводы.

На одной стенке комнаты картина в дешевой раме — библейский сюжет, подражание наивной манере художников пятнадцатого века. Улисс подошел ближе, хмыкнул. Д. Г. Росетти [1]. Копия, конечно, но копия на взгляд дилетанта очень удачная.

На второй стене цветная фотография — не то каньон Колорадо, не то долина Замков: потрясающей красоты горный провал, величественные горные вершины и причудливые скалы, хаос оранжевых, коричневых, алых, черных теней, а на одной из скал — фигурка альпиниста. Значит, комнату готовили именно для него. И готовили, судя по всему, англичане. Или для англичанина, каковым и является Джонатан Улисс, родившийся в Корнуэлле более тридцати лет назад.

Улисс походил по комнате — три шага от двери до двери. Интересно, предусмотрено ли в здании кондиционирование в летнее время? Кондиционера не видно. Или у них кондиционирование централизованное? Похоже на то, вон и решетка в потолке — для поддува. Джонатан подставил руку: из отверстия, забранного мелкоячеистой сеткой, шел слабый ток холодного воздуха.

В углу вдруг свистнул телефон. Вероятнее всего, кто-то из администрации Пирина, проверяет связь. Но это был Гийом:

---

[1] Д. Г. Росетти — представитель школы прерафаэлитов, течения в английской живописи середины девятнадцатого века, ставившего целью восстановление принципов искусства раннего Возрождения.

— Осмотрелся? Зайди, полюбуйся на мои апартаменты.

Улисс толкнул дверь каюты француза.

Ультрасовременная обстановка: мебель в стиле «мобайл», на потолке вентилятор, на стенах фотографии почти обнаженных красавиц, «пин ап»[1], как говорят англичане. Эта комната явно готовилась для любителя обнаженной натуры.

— Как тебе это нравится? — сказал Карсак, улыбаясь во весь рот; он успел принять душ и вытирал влажные волосы бумажным полотенцем.— Я не ожидал, что у них здесь прямо-таки комфорт!— Жест на фото красоток.— Узнали, подлецы, мое хобби. Что собираешься делать? Я, наверное, махну за вещами в отель. Надо было сразу сюда ехать, только время потеряли. А ты?

Улисс отрицательно качнул головой.

— Я, пожалуй, ночь пересплю в отеле, поищу своих старых знакомых, они должны были прибыть раньше, а утром перееду.

— Как знаешь. А я пойду поищу ту красотку, что сидела у директора. Интересно, она тоже археолог или из команды обслуживания?

Улисс покачал головой, поцокал языком и вышел, провожаемый смехом Гийома.

Посидев в своей каюте несколько минут, он вдруг с удивлением обнаружил, что тоже думает о женщине, прикидывая, кто она и откуда. Усмехнувшись, Джонатан встал и внимательно осмотрел свою каюту.

Туалетная, сверкающая пластиком под розовый мрамор, была чиста, зато в телефоне обнаружился «микро»— подслушивающий аппарат размером со спичечную головку. Радиус действия «микро» не превышал двадцати ярдов, поэтому приемник должен быть установлен где-то поблизости, в какой-то из кают или недалеко от здания. Кто же это такой любопытный? Неужели во всех комнатах установлены такие «жучки»? Или только в каюте альпиниста Улисса?

Джонатан осмотрел себя в зеркале и остался доволен: полуспортивный костюм — голубая рубашка с погончиками, синие шерстяные брюки, кроссовки — выгодно подчеркивали его фигуру. Неплохо. Пусть всем будет ясно, что идет спортсмен, в меру модный и недалекий, на лице которого написано презрение ко всем дохлякам и интеллигентным хлюпикам.

Вернувшись в отель — подвез фургон «Континенталь», перевозящий продукты для Пирина,— Улисс поужинал в ресторане и отправился по злачным местам Пикаля, питаемым в основном приезжими туристами, с интересом разглядывая вывески магазинчиков и лавок, называемых в Паракасе «кикуче». Их было много —

---

[1] «Пин ап» *(англ.)* — фото красотки из журнала, приколотое к стене.

в основном продуктовые и овощные лавки, заваленные фруктами, орехами, копченой рыбой, сушеным мясом, и антикварные, торгующие всякой всячиной от статуэток, «сделанных руками инков», до изделий из багасо — бумаги из трухи сахарного тростника или из тростника тоторы. Встречались пикантерии — закусочные, салуны, кинотеатров было два — «Ягуар» и «Кондор», в обоих шли американские фильмы.

Ради любопытства Улисс пару раз заглянул в бары, но обстановка в них была стандартная: толпа у стойки, пивные автоматы, дым коромыслом, в воздухе витают устойчивые запахи пива и рыбы.

Управление полиции располагалось на улице Кикуйо, где основными торговыми заведениями были газетные киоски и табачные лавки. Запахи в этом районе города плавали необычные: нагретого асфальта, йода и не то корицы, не то кожуры банана. Изредка на улицу, по которой ездили на велосипедах и очень редко на автомобилях, просачивались звуки музыки, смех, возгласы, приглушенный говор и странные щелчки, то одиночные, то сериями, похожие на далекие выстрелы. Заинтригованный Улисс «запеленговал» источник звуков и вышел к тиру.

Дверь тира, разрисованная системами оружия, открылась, выпуская группу хохочущих молодых людей в форме летчиков, с нашивками эмблемы «Птичий глаз». По-видимому, корпорация прибрала к рукам все хозяйство Пикаля, некуда было глянуть, чтобы не наткнуться на ее всевидящий «глаз». Улисс поколебался немного и вошел.

У стойки с винтовками, пистолетами и автоматами «арвен-37» разговаривали двое: хозяин тира, лысый брюнет с бочкообразным туловищем, и пожилой негр в белом костюме. Третий посетитель, худой длинный хмурый парень, упорно всаживал пулю за пулей в противоположную стену помещения, изредка попадая в мишень.

Оба собеседника мельком посмотрели на Улисса, потом перестали разговаривать и молча уставились на него.

— Добрый вечер,— вежливо пробормотал Джонатан и, чтобы не показаться смешным, подошел к стойке с оружием.

Молодой человек продолжал стрелять из американской винтовки М-14, ничего не видя и не слыша.

Улисс осмотрел богатый арсенал, из кучи пистолетов выбрал длиннорылый «магнум» с глушителем. Хозяин выдал ему две обоймы и показал мишени: фигурки экзотических зверей, горбоносые профили индейцев, автомашины, вертолеты.

Джонатан сделал пристрелочный выстрел, прикидывая отдачу, ход курка, твердость руки. Потом в три секунды расстрелял обойму, поразив семь мишеней. Лишь в одну мишень он не попал — не то рысь, не то леопард.

Нескладный стрелок рядом смотрел на Улисса, открыв рот.

Джонатан, покачав рукой, определяя усилия для переноса пистолета, сделал еще одну мгновенную серию выстрелов, не промахнувшись на этот раз ни в одну мишень.

— Фаст дроу [1],— с уважением проговорил хозяин тира басом.— А вы, сеньор, стрелок экстра-класса, такие к нам еще не забредали. Меня зовут Гарсиа, Гарсиа Перрейра. Вы приезжий? Куда — ясно, в П-сентре, а откуда?

— Италия,— сказал Улисс.— Но я англичанин, альпинист.

— О, монтанеро! Уважаю! Буду рад видеть вас у себя чаще, сеньор, вы хорошая реклама моему заведению.

Выйдя из тира, Улисс поздравил себя с удачей: завтра в Пирине все будут знать, что прибывший из Италии альпинист — хороший стрелок, а это не только реклама, но и предупреждение.

В ресторан отеля «Ривьера» Улисс добрался поздно вечером, так и не обнаружив слежки. Видимо, его решили на время оставить в покое, удовлетворившись прямолинейной проверкой «на прочность». Он был тем, за кого себя выдавал.

Ресторан был, как ресторан, разве что размерами поскромнее обычных ресторанов Европы. Зал шестиугольной формы, на стенах панно: морские пейзажи с парусниками. В одном из углов на возвышении — музыкальный автомат и пианино, на котором розовощекий юнец в экстравагантном серебристом костюме исполнял что-то в стиле кантри.

Улисс насчитал тринадцать столиков, все были заняты. В центре зала танцевала под музыку всего одна пара. В воздухе витали приятные цветочные ароматы, с потолка тянуло прохладой.

Джонатан прошел к стойке, поздоровался с барменом, ознакомился с перечнем напитков и заказал «Кит-марк тоник», коктейль из ананасового сока, нескольких капель ликера и долек лайма. Бармен мгновенно выполнил заказ и добавил вазу с какими-то плодами, напоминавшими виноград, но крупнее.

— Попробуйте местных деликатесов, сеньор, это ягоды жаботикабы. Вы, очевидно, впервые у нас?

Улисс кивнул, не удивляясь прозорливости бармена, отведал синеватый, с глянцем плод, имеющий приятный винный привкус, как у мускатных сортов винограда.

— Ну как?

— Благодарю, превосходно.

Улисс еще раз оглядел зал и вдруг увидел француза Карсака в незнакомой компании, центром внимания которой была давешняя красавица-креолка из кабинета директора Пирина. Гийом, судя по всему, был в своем репертуаре, занимая место «души общества»

---

[1] Фаст дроу *(англ.)* — буквально «быстрое вытаскивание», переводится как «чемпион по стрельбе».

и веселого рассказчика. Женщин в зале было немного, и на собеседницу француза посматривали из-за соседних столиков. Джонатан задержал на ней взгляд и чем больше рассматривал, тем больше убеждался, что девица, во-первых, бесспорно мила, во-вторых, чем-то похожа на известную американскую актрису Джоан Боулд, а в-третьих, не так проста, как хочет казаться. Что ж, ради любопытства можно и познакомиться.

Обогнув танцующих, Улисс подошел к сидящим за столиком, поздоровался и вместе с восклицанием Гийома «Вот и наш альпинист» получил острый и оценивающий, совсем не женский, взгляд креолки. Ого! Это взгляд мужчины, а не красивой девушки! Недаром она даже издали кажется независимой и производит впечатление сильной натуры.

— Знакомьтесь,— сказал Гийом.— Это Джонатан Улисс, альпинист и вообще хороший парень. Анхелика Форталеза [1].

— Понял.

Улисс осторожно пожал протянутую маленькую руку. На безымянном пальце девушки сверкнул дивной красоты золотой перстень с выпуклым изображением горбоносого индейского лица из матово-черного камня. Порфир, определил Улисс.

— Зовите меня просто Хели,— предложила девушка низким грудным контральто на отличном английском. Глаза у нее были большие, серые, лучистые, и не верилось, что она способна смотреть, как прицеливающийся стрелок.

— А меня можно просто Джо,— ответил Улисс ей в тон, стоически отражая прямой выпад ее взгляда.

Он сел, без удивления отметив, что его бородатый сосед, судя по внешности, скандинав, тоже не сводит с Анхелики взволнованного сверкающего взгляда. Красавец, с иронией подумал Улисс, хоть бы крошки выбрал из бороды. Неужели он тоже на что-то может претендовать? Да в его взгляде можно спокойно прочитать все, о чем он мечтает. Господи, я понимаю, что ты не можешь создавать всех умными и добрыми, но и дураков следовало бы делать поменьше, ибо это по крайней мере жестоко!..

Гийом назвал всех компаньонов, среди которых оказался даже один русский; скандинав был норвежцем, звали его Сигурд Ингстад, русского — Алекс Рыбин, налил Улиссу бокал «Черного рыцаря». Тот пригубил вино и, продолжая незаметную для других дуэль взглядов с Анхеликой (черт возьми, она совсем не робка, эта куколка, и умеет держать себя в незнакомой компании!), пропустил вопрос француза мимо ушей.

— Готов! — сказал Гийом в наступившей тишине и засмеялся.— Хели, вы разите наповал! Джо, старина, очнись.

---

[1] Fortalèsa *(исп.)* — крепость.

Джонатан улыбнулся, отпил глоток «Рыцаря» и поставил бокал.

— Не отрицаю, сражен. Но мне кажется, из вас тоже никто не ожидал встретить в Пикале...

В глазах девушки сверкнул иронический блеск.

— Ну-ну?

— Венеру,— вывернулся Улисс.

Компания развеселилась.

— Мы тут беседуем о загадках долины,— сказал русский, полный дружеского сочувствия.— Анхелика — старожил Пируа-института и вообще Пикаля и знает много интересного.

Улисс поймал на себе неприязненный взгляд норвежца. Вероятно, Ингстад уже заподозрил в нем соперника, потому что в его взгляде ясно читались угроза и вызов. Спасибо за откровенность, сеньор Ингстад.

— Очень жаль, что не пришел раньше,— сказал Джонатан искренне.— Меня тоже волнуют загадки долины, в том числе главная — когда я получу гонорар. А если без шуток, то интересно, когда и откуда пришли в долину предки современных аборигенов. Насколько я информирован, культура Пируа отличается, хотя и незначительно, от всех древнепаракасских культур Викус, Уари, Окендо, Чавин, а также тольтекской и инкской.

Рыбин засмеялся, а Гийом воскликнул с восхищением:

— Аппетит явно исследовательский, а не альпинистский! Просто диву даешься, откуда ты все это знаешь? Боюсь, друзья, Джо не ограничится покорением стен Тумху, его интерес уплыл в археологию и параканистику.

— Да, это загадка,— задумчиво проговорила Анхелика.— Культура индейцев Пируа напоминает культуру клиф-двеллерс — жителей скальных городов, имеет много общего с культурой Чавин, во всяком случае, найдены археологические памятники культуры с петроглифами в чавиноидном стиле, но в ней есть сходство и с азиатской традицией, особенно с древней японской культурой Дземон. Но главное, что ее отличает от других — тяга к золотым украшениям. В искусстве золотой ковки, скани индейцы Пируа, кажется, не имеют себе равных в Южной и Центральной Америках. Вернее, не имели. И не мудрено: древние перуанцы открыли здесь богатейшие месторождения самородного золота и разрабатывали его в течение нескольких веков.

— Интересно! — искренне сказал Улисс.

— Еще бы.— Анхелика едва заметно усмехнулась.— Так вы альпинист? Любопытно.

— В настоящее время он мальчик, потерявший голову,— вставил Гийом и похлопал Улисса по спине.— Пройдет, Джо, голова тебе еще пригодится. Может быть, потанцуем? — Француз чувствовал, что инициатива ускользает от него, и сдаваться не хотел.

Анхелика покачала головой.

— Благодарю, сеньоры, мне пора. Очень рада была познакомиться. Надеюсь, Джонатану Улиссу удастся проложить дорогу в Пируа, к золоту.

Она встала, помахала рукой на прощание, отвела попытку Гийома проводить ее и пошла по залу к выходу. Вся компания молча смотрела, как она идет.

Форталеза была не просто красивой женщиной, она была вызывающе красивой, хотя и не переступала границ нон-ю [1] ни в одежде, ни в поведении, и редко кто из мужчин в зале не оглядывался вслед.

Не очень высокая, тонкая в талии. Волосы некрашеные, свои светлым водопадом скрывают плечи. Одета в пушистое, обтягивающее и подчеркивающее достоинства фигуры платье. Улисс давно не видел у женщин такой походки: широкий, уверенный, твердый шаг, что при малом росте говорит о независимости и высоком уровне притязаний. И снова пришло ощущение, что он где-то видел эту женщину: смутное ощущение кино или театра... или чего-то связанного с кинофестивалем в Каннах... кого она ему напоминает? В ней действительно есть что-то от американской актрисы Джоан Боулд или это причуды памяти?

Уже на пороге Анхелика оглянулась, нашла Улисса глазами и ушла.

— Ну ты даешь! — с обидой сказал Гийом.— Пришел, увидел, победил! Не по-товарищески, Джо. Я первый сделал это археологическое открытие!

— Он же не виноват, что ты ростом не вышел,— заметил с мягкой улыбкой Рыбин.— Верно, Сигурд?

Норвежец что-то пробурчал в свой бокал.

— Как тебе удалось уговорить ее пойти в ресторан? — спросил Улисс.— Не ожидал встретить вас в городе.

— Гийом отбил ее у директора,— засмеялся русский.— Со свойственным ему нахальством он предложил ей все, что имеет, лишь бы она пошла в ресторан, она согласилась, хотя вряд ли у Гийома есть, что отдавать, кроме руки и сердца. Почему она согласилась, для меня тайна. Как и для Гийома, наверное. Она врач медсектора Пирина. Кстати, заметили у нее перстень? Найден в Некрополисе — городе мертвых в долине Пируа, так, кажется, его называют, Сигурд? Таких перстней археологи, первыми проникшие в долину и разбившиеся потом, отыскали около десятка, и все абсолютно одинаковые.

— Перстень красивый и выглядит как новый. Интересно, сколько лет он пролежал в развалинах?

---

[1] Non your *(англ.)* — мещански претенциозный, не принятый в высшем обществе.

— А бог его ведает,— вздохнул приунывший Гийом.— Покопался бы в развалинах пару дней — сказал бы. Жаль, что долина закрыта для вертолетов, давно бы там были.

— А как же те парни-археологи туда прошли?

— На вертолете, с трудом нашли голую скалу, сели, но далеко от скалы пройти не удалось, покопались рядом в развалинах, похватали, что обнаружили, и назад. А когда возвращались — что-то случилось прямо на гребне Тумху: вертолет грохнулся. Трое вдребезги, четвертый до сих пор в больнице. Говорили, что с этим делом не все чисто, но конкретно никто ничего толком не знает. Ну что, останемся на ночь здесь, в отеле?

— А тебе охота тащиться пешком в Пирин?

Они допили, что оставалось в бокалах, и покинули полупустой ресторан.

ПИКАЛЬ, УЛИЦА КОЙЛОРИТХИ

Диггори Дайамонд, помощник президента американского филиала фирмы «Птичий глаз», был одновременно резидентом ЦРУ в Пикале, переехав туда из Шочипильи после открытия долины Пируа. Это открытие послужило причиной многих бед, свалившихся на голову резидента, и главной из них было то, что в долине Пируа уже три года работала тайная биологическая лаборатория международной наркомафии «Демиург», материал для которой не надо было искать на стороне — в долине обитало племя индейцев пируа, боковой ветви некогда могучей индейской цивилизации чиму. Теперь, после открытия и связанного с ним археологического ажиотажа, резко возросла опасность рассекречивания лаборатории, что усугубилось еще и преступным самоуправством ее заведующего Эриха Копмана, немца по национальности, опьяненного кажущейся неуязвимостью и вседозволенностью: в августе команда «ангелов» лаборатории без санкции сверху захватила комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино, археолога Хонтехоса и священника Фелипе Овехуно, и Копман проделал над ними опыты. В конце концов все трое через неделю, оправившись от лекарств, совершили побег из лаборатории, преодолели горную стену Тумху — без снаряжения и альпинистских навыков! — и, если бы не меры, предпринятые Дайамондом, дело закончилось бы весьма печально, хотя утечка информации все же имела место.

Конечно, и без этих эксцессов резиденту было ясно, что дни работы лаборатории в Пируа сочтены, однако все его усилия были направлены на то, чтобы затормозить процесс изучения долины, и в течение последних полутора лет это вполне удавалось: пока строили исследовательский центр, пока создавали фонд помощи экспеди-

ции, уточняли ее состав, изучали подходы к долине сверху и снизу. Дайамонд мог быть доволен, он многое сделал для пользы дела, задержав начало работы Пирина на целых полтора года, но шефы в Лэнгли, а также «отцы» Дела, продолжали настаивать: сделайте все возможное, чтобы задержать экспедицию еще на год,— совершенно не учитывая создавшейся ситуации.

Долина оказалась истинным раем для археологов-параканистов и этнографов, она была буквально напичкана остатками сооружений древней цивилизации пируа. Здесь были и маунды — конические курганы с погребениями, и скальные города в пещерах, вырубленных искусственно, и культовые сооружения вроде храмов и кива — святилищ круглой формы, и остатки пуэбло — «сотовых» городов на расчищенных некогда от сельвы плоских холмах, и некрополис — «город мертвых», общий на всю долину, и пирамиды, и водопровод, и даже своеобразная «китайская стена» длиной в пятнадцать миль, почти перегородившая долину на две неравных части.

Кроме того, в долине жило племя индейцев-пигмеев, разводившее лам и альпак — родственных ламам животных, славившихся красивой шерстью. Индейцы пируа селились в основном в тех местах, где были расположены некогда культурные и религиозные центры пракультуры пируа, словно современные пируа остались хранителями секретов и тайн исчезнувшей в веках цивилизации. Их примитивные поселения прятались в сельве рядом с реликтовыми лепидодендровыми рощами, ставшими одним из предметов поклонения и табу. Но для «джентльменов» из «конторы» долина стала еще и источником колоссального дохода: прекрасно сохранившиеся реликвии доиндейской культуры, контрабандно вывезенные из Пируа, продавались «любителям древнего искусства» за бешеные суммы, и допустить, чтобы этот источник иссяк, они не могли, пойдя на сотрудничество с мафией.

Даймонд знал эти обстоятельства, ему кое-что тоже перепадало с общего стола, вернее, с двух «столов», но работать ему становилось все трудней и трудней, а возможности оставались прежними, возможности большие, подкрепленные спецтехникой и прекрасной агентурой, но не безграничные, как признался сам себе резидент, отбросив обычную американскую амбициозность. Судя по донесениям агентов, роль хозяина обстоятельств уплывала из рук Дайамонда неизвестно в чьи руки, и никто пока не мог ему сказать, как долго будет длиться этот процесс и когда закончится. Правда, опыт работы в Перу, Колумбии и Боливии у Диггори Дайамонда был большой и позволял надеяться, что он вовремя учует запах жареного...

Позавтракав в одиночестве и просмотрев утренние газеты, доставленные из столицы, Дайамонд, рослый, тяжелолицый, с шап-

кой выгоревших волос, падавших на широкий лоб, поднялся в рабочий кабинет. А через четверть часа к нему заявился тот, кого он с нетерпением ждал уже вторую неделю: голландец Леон ван Хов, член европейского филиала «конторы». Ван Хов был невысок, с виду грузен и неуклюж, с припухшими веками и почти безгубым ртом. Ему шел сорок восьмой год, однако по физическим кондициям он не уступал хорошо тренированному «зеленому берету». Правда, об этом знал только его непосредственный руководитель.

— Хелло, Дигги,— приветствовал он Дайамонда.

— Наконец-то,— буркнул тот, вставая и протягивая руку.— Я жду тебя десять дней, мог бы хотя бы позвонить.

— Из Европы дозвониться в эту глушь сложней, чем наоборот, да и не было особой нужды. А у вас тут не так жарко, как я себе представлял.

— Весна — не лето. Садись. Виски?

— Ни в коем случае, что-нибудь безалкогольное и похолодней. Какого дьявола надо было прятать лабораторию так далеко? Что, в Центральной Америке уже нет места?

Дайамонд налил в бокал испли — напиток местного производства — и бросил в него два кубика льда.

— Это долгая история. К тому же не мы первые вышли на Копмана.

Ван Хов отпил глоток, зажмурился, потряс головой.

— Ничего подобного прежде не пил! Сок?

— Нет, напиток, индейцы называют его испли и делают из хлеба.

— Из хлеба? У русских есть напиток квас, тоже делается из хлеба, но вкус у него другой, я пил. Расскажи все же, как вас сюда угораздило.

— Если коротко, то дело было так. Друг нынешнего босса Дела биохимик Дортман в поисках «эликсира бессмертия» — был у него такой бзик — путешествовал по Южной Америке и забрел в Пикаль. Как он нашел путь в долину — одному богу известно, но факт остается фактом: он пробрался в долину Пируа и обнаружил там реликтовую древовидную траву в три метра высотой, сок которой оказывал на местных индейцев-пигмеев усыпляюще-одурманивающее действие. Биохимик привез сок в Европу и показал боссу, то есть Копману, который тогда боссом, естественно, еще не был. А тот в это время искал препарат, снимающий шоковое состояние у пациентов после операции с «молчащими генами». Копман ради любопытства сделал биохимический анализ сока и, хотя тот претерпел изменения после транспортировки, нашел формулу алкалоида, практически удовлетворяющего всем заданным параметрам. Так Копман оказался здесь... где его нашли «отцы» местной мафии, переросшей впоследствии в международную организацию...

— Филиалом которой подвизается теперь «Птичий глаз»,— подхватил Ван Хов.— Но ведь сок можно добывать в долине и везти, куда угодно.

— К сожалению, его свойства исчезают спустя сутки после вытяжки. Ну, а когда на лабораторию вышли мы, психофармаколог и биохимик Копман стал сверхсекретной персоной, а я — его ангелом-хранителем. Удовлетворен?

— Вполне. Но к делу. Против нас начала работать СИУ.

Дайамонд изменился в лице.

— «Чистилище»? Не Интерпол, точно?

— Интерпол не занимается политикой, он только навел СИУ на нас по контрабанде.

— Кто-то засветил Паракас? И почему именно Паракас? Утечка индейских раритетов может происходить и в Перу, и в Колумбии...

— Только в Паракасе остались следы цивилизации Уари и Чиму, и только в Паракасе открыта долина Пируа.

— Значит, погорел кто-то в Штатах.— Дайамонд помрачнел.— Да, СИУ — серьезная фирма.— Он вдруг не удержался и, не меняя мрачного выражения лица, хохотнул.— Надо же, какая ирония судьбы: против ЦРУ начинает работать СИУ! Хотя я привык называть ее «Чистилищем». Придется привлечь весь компьютерный арсенал «конторы», а может быть, и Агентства [1], чтобы сбить их со следа.

Резидент ЦРУ хмурился не зря. За аббревиатурой СИУ крылось название международной организации по борьбе с организованной преступностью, пресечению деятельности наркомафии и тайных лабораторий, экспериментирующих на людях,— «Клинап» [2], хотя профессионалы контрразведки США и стран интерблока привыкли больше к названию «Чистилище». Это была частная организация, имеющая глубоко законспирированную структуру и орган управления. За ней уже числился ряд достаточно крупных разоблачений, и не учитывать ее потенциал и возможности было бы по крайней мере недальновидно.

— Кто конкретно занимается в «Чистилище» Паракасом?

— Достоверно известен только один человек — Стэнли Миллер, начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку. В Паракас прибыл как квартирьер экспедиции в долину.

— Я знаю.

— Мы подозреваем еще несколько человек, главные претенденты из них Косински, начальник экспедиции, и приглашенные альпинисты: Неран, Торвилл и Улисс. Последнего мы проверили на профпригодность, и хотя дерется и стреляет он хорошо, как и поло-

---

[1] Имеется в виду Агентство национальной безопасности США.

[2] Клин ап *(англ.)* — очищение территории от нежелательных элементов.

жено инструктору спецшколы, все же сомнения относительно его реноме не рассеялись. Он является членом «Британского Клуба Кирка», или «Клуба опасного спорта», основанного Дэвом Кирком еще в семьдесят девятом году. Эти горе-спортсмены специализируются на разного рода опасных трюках типа коррид на роликовых досках, спуска с гор на инвалидных колясках, прыжков с мостов и небоскребов, а однажды прыгнули в Ниагарский водопад на автобусе, переоборудованном в амфибию.

— Психи! Чем же отличился наш друг?

— Улисс опустился в кратер Кракатау во время извержения и участвовал в спуске с Альп на глыбе льда. Было это более двенадцати лет назад. Потом он совершил немало подобных «подвигов», пока не остепенился.

— Рисковый малый. Или совсем дурак, или...

— Вернее всего второе «или»: это его стихия. Ну, все, я пошел. Будем работать вместе, один ты не справишься.

— Всегда предпочитал работать в одиночку, но, видимо, придется менять стиль. Приходить ко мне домой и в контору больше не надо, будем держать связь по радио, встречаться же только в исключительных случаях. Против нас работают не дилетанты.

— О'кей. Передай по линии, что я прибыл. До связи, адмирал. Удачи нам всем!

Ван Хов пожал протянутую руку и вышел, демонстрируя походку старого моряка, готовый на все: на улыбку в лицо и выстрел в спину.

ПИКАЛЬ, ПИРУА-ИНСТИТУТ (ПИРИН)

Три дня подряд Джонатан Улисс вместе с Нераном, Торвиллом и двумя проводниками-индейцами из местных жителей изучал подходы к стене Тумху, вовлекая в поиск удобной и безопасной тропы многих специалистов Пирина, в том числе и сотрудников «Птичьего глаза». Им удалось пройти вдоль всей двадцатитрехмильной стены и определить места наиболее удобных и безопасных с виду подъемов, расположенных вблизи дорог или индейских троп. Оставалось только подготовить снаряжение и наметить сроки штурма, хотя сам Улисс мог бы пройти все маршруты в одиночку за два-три дня. Однако торопиться ему было некуда, у него были другие задачи.

Все это время он продолжал думать о сеньорите Форталезе, удивляясь, почему его потянуло к этой редкой, если честно признаться, красивой девушке.

Вернувшись в Пирин после обеда и дружески распрощавшись с Торвиллом, с которым он быстро нашел общий язык, Улисс при-

нял душ и решил поближе познакомиться с экспертами-археологами Сигурдом Ингстадом и Алексом Рыбиным. Однако для знакомства необходим был повод, и Джонатан с полчаса просидел в своей каюте, придумывая этот повод. Ничего не придумав, он вспомнил о микрошпионе, вмонтированном в телефон, и решил отыскать хозяина, заинтересованного в темах его телефонных переговоров. Но в какой же каюте он обитает? Слева каюта русского, в следующей живут женщины, справа каюта норвежца, еще дальше какого-то голландца. Напротив — Гийома... стоп! Микрофоны наверняка внедрены у всех членов экспедиционного отряда, и по логике аппаратура приема и записи разговоров должна находиться в одном месте, а именно — этажом ниже или выше. Причем каюта с аппаратурой должна располагаться точно по центру круга прослушиваемых кают. Итак, что у нас внизу? Кажется, подвал.

Улисс достал отпечатанный типографским способом рекламный буклет Пирина, нашел описание здания. Этажом ниже и в самом деле располагался полуподвал, в котором разместился бытовой сектор, а выше оказался административный горизонт с двадцатью четырьмя кабинетами и археологическими лабораториями.

Определив предполагаемый центр, где должна была находиться радиоаппаратура приема, Улисс поднялся на этаж выше и прошелся по коридору, овеваемому прохладным воздухом с запахом миндаля. Над своей каютой он обнаружил каюту с табличкой: «Старший администратор». Вспомнился молодой человек по имени Леннард. Вот даже как? Игра в открытую? Старшему администратору, как никому из обслуживающего персонала, легко определить прибывающих специалистов в любое удобное место... чтобы всегда быть в курсе их открытий. М-да...

Джонатан задумчиво прошелся по коридору, почти пустынному в этот час, миновал каюту Леннарда, подумав, что не стоит торчать здесь долго: кому-нибудь покажется подозрительным, что альпинист Улисс бродит в рабочее время по горизонту хозяйственных служб. На перекрестке коридоров он оглянулся и не поверил глазам: дверь каюты старшего администратора открылась и выпустила... Анхелику! Сеньориту Форталезу! Не оглядываясь, она быстро пошла прочь, одетая в серый комбинезон санитарной службы, скрылась на площадке эскалатора.

Улисс постоял с минуту, глядя ей вслед, и побрел по коридорам, насвистывая марш гарибальдийцев, пока не уперся в тупик с дверью на балкон. Подергал ручку — заперта. Спокойно, сказал он сам себе. Может быть, старший администратор Леннард вызвал врача Анхелику Форталезу, чтобы посоветоваться с ней о мерах по улучшению санитарного состояния столовых Пирина. Может, она каждый день докладывает ему о здоровье персонала... или делает ему массаж...

Улисс улыбнулся. Поднявшись на самый верхний этаж здания, обнаружил там выход на крышу и, не задумываясь, шагнул на лестницу. И на первой же лежанке солярия увидел Анхелику. Лишь тренировка на сдержанность помогла ему удержаться от возгласа удивления: всего три минуты назад Джонатан видел врача в комбинезоне выходящей из каюты Леннарда. Когда же она успела одеть шорты, верхнюю часть купальника-бикини и лечь на крыше загорать?

Альпинист бесшумно подкрался к девушке и сел на краешек лежанки. Она открыла глаза, посмотрела внимательно и снова закрыла.

— Это вы, монтанеро? Или сон?

Улисс засмеялся.

— Это моя тень.

Он нагнулся и легонько коснулся ее губ своими.

— Для тени вы слишком материальны,— сказала она без возмущения.

И тогда Улисс поцеловал ее по-настоящему; ударило в голову хмельной волной влечения и понесло в жаркую багровость закрытых глаз и медленный полет сквозь тяжелое биение сердца... Потом Анхелика уперлась в грудь Джонатана рукой и сбросила ноги с теплой лежанки, глядя на него потемневшими, глубокими глазами, перевела дыхание.

— Не кажется ли вам, сеньор, что вы слишком спешите?

— Я так живу,— беззаботно ответил Улисс.— Сегодня вечером вы снова поедете в город?

— Не знаю, я не всегда бываю свободна.

— Вот кто свободен.— Улисс показал на черную точку в небе, где под солнцем парил кондор.— Летит, куда хочет, занят только личными делами, и плевать ему на тех, кто внизу.

— Вы тоже так хотите?

— Летать? О, да!

— Нет, плюнуть на тех, кто внизу.

Улисс с интересом посмотрел на девушку, она рассмеялась и встала.

— Ну как, вы нашли удобные для штурма Тумху места?

— Я могу взойти на стену в любой точке... и без снаряжения. Но экспедиции этот метод не подходит.

— Сеньор, вы обыкновенный бахвал!

Улисс пожал плечами.

— Ничуть, я просто последователь Тернера, основателя «Клуба свободного соло». Слышали?

— Нет, а кто это?

— Альпинист, хороший парень. Покорил в одиночку чуть ли не все безнадежники, и не только в Европе, но и в Гималаях, Андах, на Памире, и опять же — без снаряжения.

— Что такое безнадежники?

— Участки отвесных и наклонных стен, подъем по которым считается практически невозможным. А место я нашел отличное, завтра пройдем пробный маршрут, через пару дней основной, а потом сделаем подъемник, нечто вроде подвесной дороги. Я думал, работа будет посложней. Кстати, интересная деталь: ночи здесь гораздо прохладнее, чем в обычных тропиках. Я был в сельве Амазонки, в джунглях Миссисипи, в римбе Мадагаскара, в Африке — никакого сравнения! Хотите прогуляться пешком? Погода превосходная.

Анхелика задумчиво посмотрела вниз.

— Здесь водятся ягуары. Да и змей достаточно.

— Вы боитесь?

— Нет, просто хорошо знаю эти места. Из-за строительства местная живность, конечно, потерпела изрядный урон, однако сейчас все постепенно приходит в норму. Экспедиция пока работает в комфортных условиях; в долине, если мы туда в конце концов попадем, будет несравненно сложнее.

— Сомневаетесь, что мы пробьем туда дорогу?

— Дело не в дороге.

Улисс подождал продолжения, но его не последовало.

— Тогда объясните, почему женщина с такими внешними данными сидит где-то у черта на куличках, вместо того, чтобы участвовать в конкурсе «Мисс Америка».

Девушка рассмеялась, хотя Джонатану почудились в этом смехе искусственные нотки.

— Это долгая история, когда-нибудь я вам ее расскажу... если докажете, что достойны рассказа. Но вы не сказали, где же все-таки место, откуда вы собираетесь штурмовать Тумху.

— Всего в двенадцати милях отсюда, возле развалин странных башен: вверху они шире, чем внизу, и сделаны из хорошо пригнанных отесанных глыб. В каждой по одному окну, похожему на поддувало.

— Это «Чульпы» Сильюстани.— Анхелика казалась удивленной.— Многие считают их своеобразными могильниками, но истинный смысл постройки башен пока скрыт от взора.

— Там еще недалеко вход в пещеру...

— Уткупишго, практически неисследована, но в долину по ней не пройти, пробовали. Индейцы, местные жители, говорят, что пещера уходит глубоко в «чрево земли». Кстати, именно там нашли...

— Что?

— Так, пустяки.

Останки вертолета, мысленно добавил Улисс, с теми беднягами, которые совершили настоящий подвиг, проникнув в долину по воз-

духу. Интересно, они еще на месте или убраны? Имеется в виду, останки. Посмотреть бы вблизи... Он медленно обнял Анхелику за плечи и притянул к себе. Цвет глаз девушки странным образом менялся, то светлел, то темнел, словно внутри загорался и гас огонь.

— Монтанеро, «штурм унд дранг» вам не к лицу,— прошептала она.

Они поцеловались. И еще раз... и еще...

В седьмом часу вечера Анхелика выскользнула из его объятий — на крыше так никто и не появился — и поправила волосы.

— Хватит,— строго сказала она вспухшими губами.— Вы изрядный наглец, сеньор альпинист, совсем вскружили голову бедной девушке. Это может сильно сказаться на здоровье...

— На чьем?

— На вашем, сеньор Улисс, на вашем. У меня есть весьма ревнивые поклонники...

— Мистер Леннард, например.

Быстрый взгляд в упор и тут же смущенная улыбка, скрывшая мелькнувшую в глазах растерянность... или настороженность.

— Вы наблюдательны, монтанеро, хотя не помню, чтобы я... впрочем, это неважно. У вас могут быть неприятности, учтите.

— Я не боюсь.— Улисс напряг руку и ударом пальца пробил жестяной жолоб для стока воды.

Анхелика улыбнулась, покачала головой, нахмурилась и подала руку.

— Сегодня мы уже не встретимся, я еду в Пикаль... по делу. Но хочу дать совет: будьте осторожнее в выборе друзей.

— Спасибо за совет, обычно я осторожен. Может быть, я смогу быть полезен в Пикале?

— В качестве любовника? — В голосе Анхелики прозвучал сарказм, который она не пыталась скрыть.— Я очень не люблю надоедливых...— Она подыскивала слово.

— Самцов,— подсказал Улисс.— Постараюсь быть разумнее.

Девушка хмыкнула, взъерошила волосы на голове альпиниста и пошла к лестнице. Оглянулась.

— До завтра, монтанеро.

— Меня зовут Джонатан.

— По имени я называю только друзей. Не обижайтесь. Буэнас ночес.

Улисс не сдвинулся с места, пока девушка не скрылась в будке люка. Тогда он сел на ближайшую лежанку и сказал вслух:

— Черт меня побери!

В душе он добавил кое-что похлеще и был прав, потому что понял: его ловко заставили играть по чужим правилам, а он сообразил это лишь теперь. Анхелика не сказала ничего, а монтанеро Улисс уже выдал имя: Леннард. Впрочем, вышло это по наитию, неосоз-

нанно, и кто знает, так ли уж не вовремя. Девочка, несомненно, умна и умеет вести себя в любой ситуации. А поцелуи... ничто человеческое нам не чуждо, сеньор Улисс, к тому же это весьма приятно, чего скрывать. Если бы еще не это дурацкое ощущение былой близости... знакомые интонации, лукавые нотки... Откуда это? Он же ее никогда не встречал...

Спустившись к себе, Улисс достал карту окрестностей Пикаля и принялся внимательно ее изучать.

ШОЧИПИЛЬЯ

Миллер заметил слежку в двенадцатом часу дня, когда выходил из Института археологических исследований Паракаса. Вернее, он заметил ее раньше, еще утром, но не придал значения серому «плимуту», сопровождавшему его машину до Музея инквизиции. Интуиция сработала, когда он увидел «плимут» в третий раз, у выезда на автостраду.

Миллер сделал вид, что забыл нечто важное, вернулся на стоянку и припарковал машину, искоса посмотрел в конец паркинга — «плимут» не двигался с места, в его кабине сидели четверо, но разглядеть лица было невозможно.

Стэнли закрыл машину и озабоченно поспешил к главному входу в Институт. Поднявшись на третий этаж, зашел в кабинет заместителя директора по организационным вопросам, с которым расстался полчаса назад.

— Хорошо, что ты не ушел, Евджен, у тебя есть парень, умеющий фотографировать и держать язык за зубами?

Эугенио Моравес пригладил пышные смолистые усы.

— Столь редкостные качества в наше время дефицит. Что случилось? Почему ты вернулся?

— Кажется, мне прицепили «хвост», серый «плимут» на стоянке у левого крыла здания. Надо найти способ подойти ближе и сфотографировать пассажиров, но незаметно.

Моравес не удивился ни жаргону, ни предположению, потому что был одним из немногих местных жителей, ставших агентами «Чистилища», внедренными в Паракасе в одну из самых «горячих точек»— Институт археологии.

— Ты уверен? Ведь если это так — ты «засвечен» и операция провалилась.

— Не волнуйся, я в своем уме, а о провале операции говорить рано. Действуй, у меня мало времени.

— Тогда жди в библиотеке, ее окна выходят на стоянку.

Миллер поднялся на этаж выше, нашел столик у окна, разложил газеты и сделал вид, что читает, наблюдая за машинами внизу.

Через несколько минут на стоянке появилась высокая блондинка в брюках с громадной белой матерчатой сумкой. Она нерешительно оглядела машины и подошла к «плимуту», наклонилась к боковой дверце. Та открылась. Блондинка что-то спросила, водитель в темных очках отрицательно покачал головой, дверца захлопнулась. Девица отошла и тут же села в кремовый «фиат», уехала.

«Молодец!» — подумал Миллер, сообразив, что девица отвлекала пассажиров «плимута», пока фотограф откуда-то снимал машину.

Больше ничего не происходило. Подождав четверть часа, Миллер вернулся в кабинет Моравеса. В кабинете кроме хозяина никого не было, но на столе лежал роскошный «Фурш ля комб-люкс» с пленкой мгновенной обработки.

— Готово,— сказал замдиректора, вскрывая фотоаппарат с чуть ли не полуметровой трубой длиннофокусного объектива.— Десять снимков. Хватит?

Миллер, восхищенный виртуозной работой, взял готовые фотографии, быстро просмотрел.

В кабине «плимута» сидели трое в одинаковых костюмах с галстуками. Один курил, другой держал в руках прибор, напоминающий бинокль. Лицо водителя в очках показалось Миллеру знакомым, но в этом надо было разбираться в спокойной обстановке.

— Спасибо! — пожал он руку Моравесу.— Профессиональная работа. Девица с сумкой — твоя выдумка?

Паракасец молча пожал плечами.

— Ну, спасибо, старина. До встречи.

— Смотри, не лезь на рожон, как говорят русские. Звони, если понадобится моя помощь.

Миллер вышел из здания института, сел в «лянчию», взятую напрокат, и направился в центр города. Оставив машину у Муниципалитетского дворца и пройдя его насквозь, он вышел с другой стороны на улицу Уанкавелика, убедился, что его никто не преследует, и ровно в три часа вошел в здание штаб-квартиры службы безопасности, где его ждал сотрудник по связи Сегуридад с Интерполом. Сотрудник был молод, смугл от природы и хладнокровен, и носил звучное индейское имя Кольор[1]. Его кабинет поражал посетителей внутренним интерьером в стиле «модерн». Неискушенный посетитель, каковым и был Миллер, не сразу нашел бы стол хозяина среди «космических колонн», скульптур «мобайл», всякого рода витрин, полированных плоскостей и ниш.

— Проходите,— вышел из-за одной из блестящих, металлических на вид плоскостей хозяин кабинета, с улыбкой кивнул на скульптуры.— Дань футуризму моего начальника. Но я привык.

---

[1] В переводе с кечуа — звезда.

Садитесь. В этом кабинете я почти не работаю, и служит он для приема важных гостей. О вашем приезде я извещен.

— К сожалению, я заметил слежку,— сказал Миллер.— Меня начали «пасти» по крайней мере вчера, но сегодня удалось определиться точно. Мне повезло сфотографировать наблюдателей. Никого из этих ребят я раньше не встречал.

Начальник отделения «Эол» подал фотографии Кольору. Тот несколько минут рассматривал снимки, потом отложил и посмотрел на Миллера.

— Одного из них я знаю, связан с местными карникеро [1]. Остальных попробуем идентифицировать по картотеке в центральной Геренции [2]. Слежка — это и плохо, и хорошо.— Сотрудник безопасности говорил, кивая в такт словам, как бы вбивая их в стол.— Хорошо тем, что неизвестный руководитель известной нам «конторы» наконец проявил себя, недооценивая, видимо, ваш опыт и профессионализм. Плохо тем, что «контора» и Дело вышли-таки на вас, а ведь вы начальник отделения, и знают об этом единицы. Значит, у вас в центре есть...

Миллер расстроенно покачал головой.

— Я пришел к такому же выводу. Но зато этот факт дает возможность вычислить их связника.

— Каким образом?

— О том, что я связан с «Чистилищем», знали трое, ими займутся мои коллеги в Стокгольме, а вот весть об этом мог принести сюда, в Паракас, только европеец. Давайте проанализируем всех приехавших три-четыре дня назад в Шочипилью иностранцев и выясним, кто из них конкретно интересуется Пикалем и экспедицией в долину Пируа.

— Это можно сделать за один день, данные о прибывших иностранцах хранятся в памяти компьютера в Греции, а доступ к нему можно получить у комиссара, не объясняя цели. Я сделаю. Давайте договоримся о связи. И, пожалуйста, будьте осторожнее, правил у нашей игры не существует, особенно у профи «конторы».

— Постараюсь,— скупо улыбнулся Миллер и достал из подмышки пистолет.

Хозяин оценивающе прищурил глаз.

— Универсал, модель «лама-рапид», калибр 6-35, двенадцать выстрелов, в том числе стреляет ампулами с ядом и слезоточивыми капсулами. Неплохо. И все же это не гарантия безопасности. Прикрытие у вас есть?

— Не гарантия, знаю, но я редко расслабляюсь.— Миллер пропустил вопрос о прикрытии мимо ушей.— Что у вас?

---

[1] Carniguero *(исп.)* — мясник, в смысле — убийца.

[2] Полицейское управление.

— Не так много, как хотелось бы: данные по контингенту «Птичьего глаза» в Пикале, информация по расследованию аварии на аэродроме. Отдача пока мизерная, но мы не можем работать в открытую, вспугнем всю стаю. Во всем этом деле с аварией есть один довольно интересный факт — наличие индейца в кабине потерпевшего катастрофу вертолета, явно принадлежащего одной из тайных баз. Вероятно, он был захвачен, имеется в виду индеец, с какой-то определенной целью, но сумел освободиться и вступить в схватку с пилотами.

— Меня больше интересует, кто был пилотом вертолета и куда ведет этот след. На территорию Паракаса? В Боливию?

Кольор достал из бара, замаскированного под книжную полку, шейкер с колотым льдом, бутылку виски и сифон с содовой.

— Вам в какой пропорции?

— Один к трем.— Миллер понаблюдал за действиями хозяина и не выдержал.— А выучка у вас не местная, штатовская.

Кольор соорудил коктейли, спокойно посмотрел на гостя.

— Я учился в Штатах пять лет, привычки остались. Но это не значит, что я подражаю гринго, просто цивилизация стучится и в наши двери. Коллега, вы не сказали о прикрытии. Если оно есть, мы будем действовать иначе, если нет...

— Считайте, что нет,— сказал Миллер уклончиво.— В Пирине я буду один, еще двое — на связи в Пикале и двое здесь, в столице.

Молодой человек пожал плечами, допил коктейль и поставил бокал на книжную полку.

— Что ж, у каждого свои методы. Мне приказано оказать вам всестороннюю помощь, и я ее окажу. У нас есть дополнительная информация по делу. После вашего сигнала мы подтянули к границе наблюдателей, но толку получили мало: днем горы молчат, а ночью перекрыть стену Тумху нечем, нужны не просто человеческие глаза, нужна техника. А ее у нас пока нет. Министерство обороны пообещало, но едва ли нужная техника появится скоро.

— Нужны радары, приборы ночного видения, инфраоптика, лазерные дальномеры, многодиапазонные рации с устройствами предохранительно-охранной сигнализации.

— Да, мы разобрались и сами. Тем не менее и без техники удалось получить косвенные доказательства того, что лаборатория «Демиург», как вы ее назвали, находится именно в долине Пируа. Ей просто негде быть кроме долины, потому что в окрестностях Пикаля, которые проверены нами досконально, нет ни одного намека на присутствие тайной биологической лаборатории. Те трагические случаи, имевшие место в Пикале и Шочипилье, произошли после того, как была открыта долина и началось строительство археологического исследовательского института — Пирина. Но это известно и вам. А вот то, что неизвестно.

Кольор достал пачку цветных и черно-белых фотографий. Все они изображали склон горы, сельву, подковой опоясывающую большой незаросший участок и на нем металлические обломки какой-то машины.

— Это остатки вертолета, на котором трое смельчаков-археологов и пилот побывали в Пируа, нам его показали крестьяне.

По характеру обломков ясно, что вертолет сбит ракетой из переносного ракетного комплекса типа американский «Стингер» или французский «Мистраль». К сожалению, до нас возле вертолета побывали те, кому надо было убрать следы, и обломки ракеты мы не нашли. Остается сам факт: кто-то очень сильно не хочет, чтобы мы проникли в долину, и всеми силами стремится оттянуть начало работы экспедиции.

Миллер посмотрел фото и вернул хозяину.

— И на том спасибо. У вас есть сведения о помощнике президента фирмы «Птичий глаз» Диггори Дайамонде?

Кольор улыбнулся.

— Нам не зря платят деньги. Он резидент ЦРУ в Паракасе. Но подступов к нему нет, работает исключительно чисто.

— А что вы знаете о работе лаборатории «Пачакамак» в Тиллибо?

— Но ведь это, насколько я знаю, сельскохозяйственная лаборатория,— с удивлением сказал сотрудник Сегуридад.— Работает по контракту совместно с немецкой фирмой «Бонге».

— Значит, ничего.— Миллер достал конверт.— Здесь кое-какие материалы о работе этой «сельскохозяйственной» лаборатории на территории вашей страны. Судя по всему, «Пачакамак» работает под контролем Центра биологических исследований армии США в Форт-Детрике. Возможен вариант ее связи с лабораторией «Демиург» в Пикале.

— В Пируа,— машинально поправил Кольор; он был поражен услышанным, но владел собой хорошо.

Они договорились о способах связи, и Миллер покинул резиденцию службы безопасности. Тем же способом он вернулся к машине, бегло отметив присутствие за колонной Сан-Мартина серого автомобиля наблюдателей. В голове вдруг снова вспыхнул вопрос: кто? Кто из пяти членов Исполкома СИУ — «глаз» ЦРУ?

Информ-координатор Драган Милич? Тридцать девять лет, холост, всегда ровен и дружелюбен, но без подобострастия. Безусловно умен, умеет ждать и доводить дело до конца. За спиной опыт работы в Интерполе.

Вильям Купер, негр, пятьдесят восемь лет, обстоятелен, молчалив, строго придерживается распорядка дня, отец пятерых детей, двое из которых погибли в Неваде во время одного из подземных ядерных испытаний.

Мегнад Джагадис Санпур, индиец, восемьдесят три года, маловосприимчив к одобрению и порицанию, терпелив, сдержан, опытен, глава большого семейства; жена погибла во время взрыва на химическом заводе.

Ксавьер Октавио да Вильегас, испанец, сорок пять лет, красив, жизнерадостен, иногда поспешен в решениях, энергичен, деловит, смел, удачлив.

Хенрик Соренсен, швед, самый молодой из членов Исполкома — двадцать восемь лет. По фигуре — богатырь из скандинавских саг, по характеру тоже — снисходителен, незлопамятен, медленно переключается с одного дела на другое, зато способен в поисках истины пробить кулаком горный хребет...

Миллер вздохнул. Ни одной зацепки ни к одному из членов Исполкома «Чистилища» он не имел. Все они работали в организации не первый год и знали свое дело отлично. Тем не менее осведомитель ЦРУ должен быть их уровня: в СИУ только они, председатель Исполкома Кемпер и директор — организатор работы отделов Лигейра, знали, что Стэнли Миллер — начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку.

ПИКАЛЬ

Утром Улисса вместе с Торвиллом и Нераном пригласили в медпункт Пирина для профилактической проверки самочувствия. Для альпинистов этот неучтенный медицинский контроль оказался неожиданным, но, как им объяснили, вызван он был «необходимостью уточнения пределов работоспособности в условиях высокогорья».

— Ну, коли надо, значит, надо,— сказал Неран.— Хотя тот, кто отдавал распоряжения, либо чиновник-формалист, либо дурак. Мы всю жизнь проводим в условиях высокогорья и чувствуем себя прекрасно.

Перебрасываясь шутками, все трое перешагнули порог медпункта с табличкой «Пункт врачебного обследования» и очутились в небольшом помещении вроде тамбура с двумя, кроме входной, дверями и застекленным окошечком со щелью под ним. Над левой дверью висело табло, у правой стояли весы.

— Джонатан Улисс,— раздался женский голос из скрытого динамика, одновременно на табло зажглась надпись «Войдите».

Улисс помахал товарищам и шагнул в дверь из толстого голубого пластика.

За дверью его ждал уютный кабинет с ультрасовременной — пенополиуритановой — мебелью. В углу стол, стойка картотеки, рядом какая-то установка с пультом, сверкающая хромоникелевыми поверхностями.

За столом сидел молодой человек в очках с редкой щеточкой усов и с лысиной на макушке. Кроме халата и брюк на нем ничего не было надето. В руках он держал прямоугольник медицинской карты из плотной зеленой бумаги.

— Раздевайтесь.

— Совсем?— осведомился Улисс.

— По пояс,— лаконично ответил врач.

Джонатан снял куртку и рубашку.

Молодой человек скользнул взглядом по его мускулистому торсу, молча заполнил журнал на столе, кивнул на металлическую площадку с резиновым ковриком позади хромированной установки.

— Становитесь.

Улисс взобрался на площадку.

— Что это?

— Флюорограф.

Врач придвинул к груди и спине альпиниста черные экраны, надел на руки браслеты, включил аппаратуру.

— Дышите глубже... на что жалуетесь?

— На отсутствие развлечений.

Врач не отреагировал на шутку.

— Вдохните и не дышите... Что за шрам на спине?

— Шрам?— Джонатан попытался посмотреть за спину, но ему это не удалось.— Неудачный прыжок в воду. Разве он еще виден?

— Когда?

— Года три назад.

— А шрам выглядит свежим.— Врач переключил что-то на пульте установки, пощелкал рычажками и кнопками.— В вашей медкарте нет данных о травме. Беспокоит?

— Ни боже мой.

Шрам Улисс заработал в Милане, попав в уличную потасовку, устроенную чернорубашечниками.

— Долго лечились?

— На мне все заживает, как на кошке. Отлежал три дня, на четвертый пошел на свидание с девушкой.

Молчание, щелчки переключателей. В левой стороне груди родилась боль, словно в легкое воткнули иглу. Улисс вскрикнул.

— Черт побери, что вы там делаете?

— Терпите,— буркнул врач.— Это профилактическая прививка. Болели в детстве отеком легких?

— Вроде нет.

— Странно, правое легкое увеличено. Вы точно помните?

Джонатан начал сердиться.

— Точно. Долго еще будете исследовать? Я здоров.

Врач молча освободил Джонатана, что-то черкнул в журнале.

— Одевайтесь. Следующего.

Улисс вышел, недоумевая: этот медосмотр отличался от всех осмотров применением аппаратуры, соединяющей в себе флюорограф и что-то еще, и походил на допрос на полиграфе [1].

— Ну что? — встретил его вопросом Неран.

— Здоров, как буйвол,— сказал Улисс.— Заходите, я подожду вас у снабженцев, проверю снаряжение.

— Я уже проверил,— улыбнулся Торвилл.— Все снаряжение погружено в вертолет, остается только сесть и лететь. Местные власти дали добро на прокладку пробного маршрута и выделили проводника.

— Оперативно!— пробормотал Улисс таким тоном, что Неран засмеялся:— Крис знает свое дело, иначе не работал бы в отряде. Сбоев у него не бывает.

Торвилл порозовел под взглядом Джонатана, однако остался серьезным. Улисс похлопал его по плечу и вышел из кабинета медицинского пункта.

Вертолет с опознавательными знаками гражданской авиации Паракаса стоял на посадочной площадке в двухстах ярдах от здания Пирина. Летчиков было двое, молодые, смуглые парни, похожие друг на друга, как братья. Первого звали Уго, второй назвался Доминго.

— А где бакуэно?— полюбопытствовал Улисс.

— Это, я, сеньор.— Из кабины высунулся редковолосый толстяк и помахал рукой; на местного жителя он походил мало. На коротком рукаве его защитного цвета рубашки красовалась эмблема «Птичьего глаза».

— И давно вы из Европы?— спросил Улис.— Вы ведь немец?

Проводник моргнул, глазки его блеснули холодом и настороженностью.

— Но и вы, сеньор, кажется, не паракасец? Англичанин?

Джонатан засмеялся.

— Один-один.— Он назвал себя.— Просто мне стало интересно, проводник — и не местный.

— Карл Типлер,— представился толстяк, раздвигая в улыбке тонкие губы.— Я здесь уже больше двух лет, изучил местность не хуже индейцев, в том числе и горы знаю. Боюсь вас разочаровать, сеньор, но мне кажется, выбранные вами места подъема не самые удачные. И вообще Тумху — горы с сюрпризами.

— Что вы имеете в виду?

Толстяк пожал плечами.

— Случаются и неожиданные обвалы, и лавинные сбросы, и сели. Тумху — старые горы, эрродированные, как полурастаяв-

---

[1] Детектор лжи.

ший кусок сахара, нужно тщательно изучить каждый участок, прежде чем идти на приступ.

— Мы будем осторожны,— беспечно махнул рукой Улисс.— Мне случалось подниматься на стены посложнее этой. К тому же здесь платят не по времени, а за конечный результат.

Летчики, молчавшие во время разговора, переглянулись, не решаясь вмешаться.

— А ваше мнение, соколы? — подмигнул им Улисс.

— Мышиная возня,— презрительно пробормотал тот, кого звали Уго.— Дали бы нам волю, экспедиция давно работала бы в долине.

— Одним уже дали волю,— буркнул проводник, скрываясь в кабине.

— К сожалению, бакуэно прав,— вздохнул Улисс.— Вертолет — штука хорошая, но только в том случае, если есть, где ему приземлиться. А в долине скалы и сельва. Вот когда мы расчистим в долине площадку, тогда придет и ваше время.

Торвилл и Неран появились через несколько минут, их провожал незнакомый мужчина, грузный и неуклюжий, то и дело спотыкающийся. Лицо в него было словно опухшее, тяжелое и неприятное.

— Леон ван Хов,— представил его Неран,— инспектор эконадзора ЮНЭП [1]. Хочет лететь с нами.

— Я не помешаю,— пророкотал басом ван Хов, пожимая руку Улиссу с неожиданной силой.— Мне вменено в обязанности контролировать работу экспедиции, чтобы не повторились случаи нарушения экоэтики, как в других районах, представляющих археологический интерес. Иногда исследователи, изучая одно, разрушают другое, бесценные реликвии древних времен, а этого допустить нельзя.

Случаев таких Улисс не знал, да и многословность инспектора ООН ему не понравилась, но он никогда не судил о людях по первому впечатлению.

Вертолет оторвался от земли и полез к солнцу. Вскоре он преодолел двенадцать миль до предгорий Тумху, где кончалась сельва и начинались причудливые клыкастые скалы и складки горной стены, изъеденные сотнями ниш и выбоин. Единственная ровная площадка, на которой можно было посадить вертолет, располагалась у трех искусственных башен — «Чульп Сильюстани», как их назвала Анхелика Форталеза, над которыми начинался вход в пещеру Утхупишго.

Летчики и проводник сразу начали выгружать альпинистское снаряжение, а Улисс, назаметно наблюдая за ван Ховом, достал бинокль и прошелся взглядом по полосе каменной стены над чер-

---

[1] Международная программа ООН по окружающей среде.

ным зевом пещеры. Высота Тумху в этом месте не превышала километра, зато здесь хватало наклонных плоскостей и карнизов над отвесными участками, затрудняющими подъем. Тем не менее ничего непреодолимого, тем более для профессионалов.

— Пойдешь первым? — раздался над плечом голос Торвилла.

Улисс опустил бинокль, прищурился, разглядывая подчеркнуто спокойное лицо альпиниста, и вдруг понял.

— Пожалуй, я сегодня побуду на страховке,— сказал он.— Погляжу, как работают спортсмены-спасатели из «Лемура-2».

От удовольствия и от того, что Улисс разгадал его желание, Кристофер порозовел.

— Спасибо. Пойдем, как и намечали, зигзагом? От пещеры?

— Пожалуй, это наиболее безопасный и простой маршрут. Белые пятна здесь — это, вероятно, известняк, обходите. Кронштейны для скользящего каната лучше всего крепить на козырьках габбро.— Улисс заметил, что Неран прислушивается к его словам со скептической усмешкой, и закончил.— Вы и сами знаете все не хуже.

Поставили палатку, проверили выгруженное снаряжение: клинья, крюки, ремни, карабины, катушки с бечевой, альпенштоки и трикони, а главное — комбинезоны, в которые были вшиты новейшие замки и узлы для сращивания бечевы. Неран и Торвилл привычно облачились в костюмы и, общаясь друг с другом взглядами и жестами, стали подниматься ко входу в пещеру.

— По-моему, они слишком самонадеянны, вы не находите? — проворчал в спину Улиссу незаметно подошедший ван Хов.

Джонатан мельком посмотрел на него и стал подтаскивать к наклонной поверхности скалы бухты бечевы и металлические костыли. Проводник суетливо помогал ему, то и дело испуганно вздрагивая или шепча какие-то молитвы, когда ему казалось, что кто-то из альпинистов сорвался и падает.

— Кстати, вы заметили? — Инспектор ООН почему-то нервничал, как и проводник, хотя это было видно только внимательному глазу.— Здесь нет ни одной кровососущей твари: ни москита, ни мошки. Знаете, почему? Где-то недалеко растет омбу.

Улисс знал эту особенность гигантской древовидной травы, как знал и то, что лагерь вблизи омбу разбивать было нельзя — ночью дерево-трава испускало такое зловоние, что долго терпеть его было невозможно. Однако ван Хов не учитывал еще одного обстоятельства: они находились на высоте почти четырех километров над уровнем моря, а москиты плохо осваивали высокогорье.

Торвилл вбил первый костыль и по расщелине взобрался сразу метров на десять вверх. Неран подтянул репшнур, щелкнул карабином пояса и, не оглядываясь, полез за ним. Работали альпинисты быстро, сноровисто и привычно, выключив из внимания все, что

не касалось собственно подъема, хотя Улисс подметил некоторую торопливость в действиях Кристофера: молодой человек, может быть, по большей части неосознанно, хотел показать свое бесстрашие, готовность к риску, ловкость и точность расчета.

— Они так до самого верха и полезут? — спросил ван Хов.

— Почти,— лаконично ответил Улисс и стал разминаться. Голландец с удивлением посмотрел на его упражнения.

— Вы тоже полезете?

— Только до пещеры. Мой день завтра, сегодня мы проложим прикидочную трассу.

— Как вы думаете, сколько им понадобится времени на весь маршрут?

— На весь — часов шесть-семь, но сегодня они пройдут чуть больше половины пути, во-он до тех козырьков. Дальше пойду я.

— Один?

Улисс вместо ответа прикрепил на спину бухту бечевы и вдруг полез по вертикальной бугристой стене, как паук, подтягиваясь на кончиках пальцев без видимых усилий. Проводник, возбужденные летчики и инспектор ООН, открыв рот, смотрели на него, как на ангела, возносящегося на небо. За две минуты достигнув небольшой площади у черного зева пещеры, Джонатан прикрепил конец бечевы к репшнуру, свисающему у стены, и перекинул через блоки, закрепленные на костыле. Затем он тем же манером вернулся обратно.

Проводник захлопнул рот и пробормотал:

— Вы так и работаете, без страховки? А если не за что будет зацепиться?

Улисс не ответил, глядя из-под козырька руки на две ползущие вверх фигуры.

— Я слышал об этом методе подъема,— пробурчал ван Хов, потоптался рядом.— Но никогда не видел в исполнении. По-моему, вы просто самоубийца. Впрочем, это ваше дело. Не будете возражать, если я попрошу летчиков доставить меня обратно? Здесь мне пока делать нечего, а ждать три-четыре часа...

Улисс пожал плечами.

— Не возражаю.

Ван Хов улетел.

Альпинисты продолжали подъем, изредка советуясь с Улиссом, какое направление избрать. За два часа они преодолели около четырехсот метров и установили два промежуточных узла крепления будущего блочно-канатного подъемника. Было заметно, что они устали, хотя и не снижали темпа, и, когда подошли к нависающему козырьку гладкой скальной плиты, откуда начиналась самая трудная часть маршрута, Улисс крикнул, чтобы они возвращались. Неран, как старший в связке, повозражал для порядка, потом за-

крепил в стене финиш-блок и показал, что будет спускаться скольжением.

Спуск занял всего двадцать минут, да и то потому, что альпинисты проверяли крепления костылей и блоков; они могли бы оказаться на земле в три приема за пять минут.

— Есть хочу,— заявил Торвилл, замазывая бактерицидной пастой палец: содрал кожу на средней фаланге.

Проводник, смотревший на него, как на личного врага, сбегал к вертолету и принес бутерброд в целлофане и жестянку кока-колы.

Пока альпинисты переодевались и утоляли голод, всегда сопутствующий большой мышечной энергопотере, Улисс и летчики собрали лишнее снаряжение и алюминиевые детали будущего подъемника в палатку.

— Неплохо бы оставить здесь кого-нибудь в качестве сторожа,— сказал Неран, выбрасывая банку.— Я очень не люблю проверять перед подъемом свое же снаряжение, а проверять во избежание сюрпризов придется.

— Резонно. От нас ждут сигнала, и как только мы пройдем стену и спустимся с другой стороны, можно будет дать команду на перебазирование экспедиции к подъемнику. До вечера я побуду здесь... с проводником.— Улисс посмотрел на толстяка Типлера.— А часам к семи вы пришлете замену, пусть Косински побеспокоится.

— Зачем тебе оставаться? — удивился Торвилл.— Вернемся вместе, а герр Типлер побудет один.

— Нет, в Пирине мне пока делать нечего, а здесь тишина, природа, развалины... романтика! Хочу погулять и подышать стариной.

Кристофер дернул плечом, но возражать больше не стал.

Вскоре вертолет улетел, в предгорье вернулась прозрачная, насыщенная тысячью ароматов тишина.

Проводник побродил возле башен и сел в тени одной из них, обложившись банками с кока-колой.

Улисс прикинул, стоит ли сначала проверить пещеру, манившую таинственным соседством с построенными тысячу лет назад башнями-«Чульпами», и решил, что не стоит. Пещеру можно было осмотреть и позже, и не только осмотреть, но и попытаться найти ход, ведущий в долину, однако поход в пещеру требовал подготовки. Тогда Джонатан снял куртку — было не очень жарко, но этот жест означал, что он не собирается уходить далеко и надолго,— крикнул Типлеру, что он побродит у скал, и направился вдоль стены на запад, в ту сторону, где потерпел аварию вертолет археологов.

— Смотрите, не нарвитесь на ягуара,— крикнул вдогонку проводник.— Говорят, их в здешних местах много.

Сначала он шел по голой щебнистой поверхности, обходя скалы, каменные россыпи и отдельные хилые деревца, нашедшие крохи

влагодающей почвы, потом открытое пространство кончилось, сельва придвинулась вплотную, над головой сомкнулись кроны деревьев верхнего яруса: баньянов, тиса, сейб, кипарисов, платанов. Пахнуло душной и влажной смесью запахов сельвы, заметно возросла температура — ветру негде было разгуляться и унести часть тепла с собой.

Почва была на удивление мягкая, несмотря на близость горной гряды, без травы, лишь кое-где на могучих корнях пандануса встречались эпифиты и семейства грибов, добавляющих к густой смеси ароматов гнилостные запахи, да изредка попадались обломки скал и валуны, свалившиеся с гор в незапамятные времена. Улисс шел быстро, зорко всматриваясь в полумрак гигантских серых, зеленых и коричневых стволов, клубков лиан и редких глыб кустарника, потом побежал.

Через пять минут он продрался сквозь заросли молодого бука и выбрался на край леса, круто поднимающийся к скалам. Остановился, прислушиваясь.

Сквозь шорохи сельвы изредка доносились другие звуки: хлопанье крыльев, треск ветвей, крики птиц, приглушенный звон и тихое рычание. Как будто никого не слышно, присутствие человека всегда обнаруживается по встревоженной возне птиц и мелких животных.

Улисс перебежал открытое пространство до ближайшей скалы и сразу же наткнулся на блестящую полосу, похожую на металлического удава. Винт от вертолета, вернее, его половина. А вот еще какой-то обломок, похож на панель управления, и еще — кусок двери. А где же сам корпус? Не мог же он рассыпаться на мелкие части? Упал, смялся от удара, но не испарился же?..

Однако вертолета нигде не было. Дважды Улисс находил прозрачные осколки блистера, лобового стекла кабины, и мелкие обломки каких-то приборов, но сам корпус с двигателем и винтами исчез. И это обстоятельство наводило на размышления: вертолет не мог провалиться в болото, топей здесь не было, не мог он и взлететь после падения с высоты в полтора километра, значит, его вывезли. Кто — неизвестно, ясно, что не полиция Пикаля, у капитана Эрнандеса нет таких возможностей, но и не индейцы, им обломки летающей железной машины ни к чему, на них не заработаешь. Но тот, кто это сделал — великий искусник, маг, ибо пронести почти полуторатонную махину через сельву без волшебства невозможно. И этот кто-то очень не хотел, чтобы обломками вертолета заинтересовались компетентные органы.

Улисс повертел в руках мятый стальной лист площадью около двух квадратных футов, вероятно, часть сиденья летчика, и вдруг увидел маленький острый осколок, впившийся в лист; Джонатан принял поначалу этот осколок за заклепку. Он внимательно осмот-

рел его, понюхал и хмыкнул. Осколок, пробивший лист на излете и застрявший в нем — на большее его не хватило — был осколком зенитной ракеты, которая выстреливалась из переносного ЗРК, с плеча. Интересно, откуда здесь, в Паракасе, переносные ЗРК американского производства? И какой охотник им балуется?..

Улисс упал за ствол саговника прежде, чем сообразил, что за шум раздался за спиной. По стволу словно хлестнули бичом, так что он вздрогнул и уронил несколько сухих листьев. Там, где только что была голова альпиниста, в коре дерева зияла маленькая дырочка — след вошедшей пули. Так, это уже игра посерьезней! Калибр одиннадцать и девять, кольт с насадкой бесшумного боя. Что мы можем ему противопоставить?

Джонатан перекатился за камень, достал из кармашка на брюках узкий и длинный стилет для метания, прислушался. Ни шагов, ни шороха, тишина. А ведь ждать событий опасно, надо действовать, причем действовать нестандартно, так, как никто не ожидает, при отсутствии серьезного оружия против профессионалов помогает только этот прием.

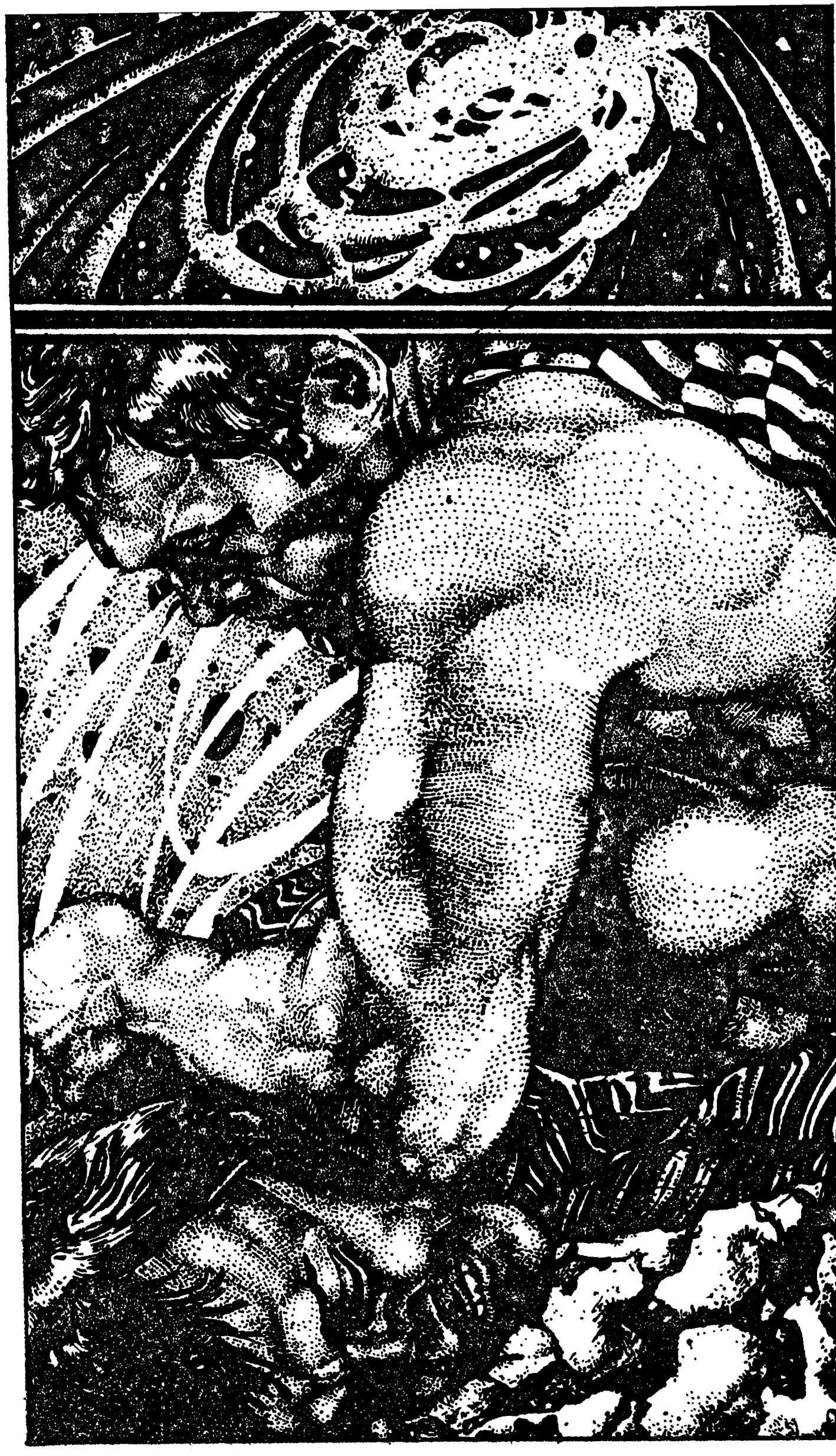
Где-то громыхнуло, в ту же секунду Джонатан прыгнул за ствол соседнего дерева, затем следующего, перебежал ложбину, прячась за стволом панданyса, ходульными корнями напоминающего гигантскую многоножку. Затем бесшумным бегом сделал полукруг и выбрался к тому месту, откуда по прикидке в него стрелял неизвестный «охотник».

Он не ошибся. С момента выстрела прошло всего две минуты, и стрелявший еще не решился проверить результат своей охоты. В зелено-серо-коричневом маскхалате он был почти невидим на фоне листвы и стволов, и Джонатан бы его не заметил, если бы не знал, кого искал. Стрелок — крепкий парень с бритым затылком, был вооружен кольтом с трубкой глушителя и, кроме этого, бельгийским автоматом без приклада.

Подождав еще немного, он тенью скользнул вперед, к стволу саговника, за которым должен был лежать его «крестник». Джонатан догнал его и в прыжке рубанул ребром ладони по мускулистой шее. Перевернул на спину. Блондин, но загорел до медного блеска, лицо смутно знакомо. Отдохни, парень. Интересно, давно он здесь и видел ли свою «жертву» в лицо? Если видел — дело швах!..

Улисс наклонился над потерявшим сознание убийцей и едва успел отвернуться от удара двумя пальцами в лицо. Неизвестный был профессионально обучен для такого рода дел и знал все жестокие приемы рукопашного боя.

Джонатан среагировал на второй выпад — колено в пах — и ответил ударом в живот, но парень все же успел вскочить, и схватка продолжалась до тех пор, пока противник вдруг не выхватил из бокового кармана комбинезона еще один пистолет — ми-



ниатюрную «беретту». Улисс понял, что ситуация переросла рамки схватки опытных борцов и подошла к пределу «или-или», тем не менее он все же сначала попытался обезвредить противника — убивать было противно, хотя все было честно — на него напали из засады и стреляли в спину.

Удар в руку с перехватом ответа — прием бад-кан, прыжок — чтобы не попало по ногам, полусальто с поворотом (какие холодные и равнодушные глаза у этого мальчишки!), прием мкхан-юонг и в ответ потрясающий удар по копчику — прямой браг-чжа-ха-бо (в переводе — «прекращает воспалительный понос»). Черт возьми, как больно, когда бьют со знанием дела и не на тренировке!

Пистолет вылетел из руки парня, а сам он отпрыгнул назад и не рассчитал — налетел спиной на груду камней. Один из них качнулся, замер на мгновение и рухнул вниз с трехметровой высоты. Отчетливый хруст костей, вскрик и тишина...

Улисс перевел дыхание, расслабился. Ноги дрожали, в нижней части позвоночника родилось ощущение, что в нем торчит топор. Если не перелом, то ушиб приличный, здорово, гад, дерется... дрался. Джонатан сплюнул. Извини, я не хотел, сам виноват...

Кругом царило спокойствие, никто не появлялся из-за деревьев, не звал пропавшего, не окликал победителя, птицы продолжали свои разговоры, и лес не перестал шептаться с верхним ветром. Улисс быстро осмотрел карманы убитого и нашел удостоверение водителя на имя Абу Али Райхана, два пакетика наркотической жвачки, плоскую японскую рацию величиной с два спичечных коробка и фотографию: он, Крис Торвилл и Фред Неран возле Пирина. Быстро работают, надо признаться, и почти безошибочно!

Улисс забрал рацию, разрядил автомат, бросил в яму, пистолет вложил в руку бывшего водителя, фото оставил в кармане. Затем затащил труп поглубже в скалы и засыпал камнями. Внимательно осмотрев место боя — не оставил ли следов? — он быстро направился к недалеким скоплениям скал. Но с полдороги вернулся — сработало подсознание — разобрал камни и отогнул воротник маскировочного комбинезона убитого на груди, раздавленной каменной глыбой. Под комбинезоном оказалась голубая форменная рубашка без воротника, с полосой у шеи, такие рубашки носили все работники фирмы «Птичий глаз»...

Типлер ждал его возле палатки, изнывая от безделья, и то и дело вытирал шею и грудь смоченным в воде платком.

— Ну, как, вкусили экзотики? Ягуара не встретили?

Улисс небрежно махнул рукой.

— Едва ли он отважится напасть, даже если захочет жрать. Вообще-то места здесь красивые, а главное, не заблудишься — Тумху и эти башни видны издалека.

Толстяк внимательно посмотрел на альпиниста.

— У вас царапина на щеке. Залезли в колючки?

— Нет, пытался пройти между скалами и вызвал небольшой обвал. Не хотите со мной подняться к пещере?

— Что я там не видел? Скоро придет вертолет. Да и не умею я лазить по горам, как обезьяна.

— А мне любопытно, все-таки индейцы не могли поставить свои «Чульпы» рядом с ней без причины.

Улисс взял моток веревки и полез на скалы, будто совсем не устал после прожитого дня и часовой прогулки по сельве.

ПИКАЛЬ

Косински дал команду на перемещение экспедиции к горам Тумху, к месту, где готовился вступить в строй подъемник на стену, и Миллер вынужден был исполнять функции главного квартирьера, заниматься организацией базы и размещением прибывающих членов экспедиции. Но в ночь на двадцать девятое сентября произошло событие, на несколько дней задержавшее передовой отряд: выстрелом из духового ружья был убит сторож подъемника, а сам подъемник сброшен с километровой высоты вместе с костылями и узлами крепления. На месте преступления было найдено перо кондора и каменный нож, что дало повод говорить о нападении индейцев. Поскольку местные индейцы кечуа и аймара давно пользовались благами цивилизации в виде ружей, винтовок и пистолетов, то подозрение пало на недавно открытое в долине Пируа племя индейцев-пигмеев, якобы не желавших, чтобы в их мир проникли чужестранцы.

Воспользовавшись тем, что полиция занялась расследованием и заблокировала подступы к лагерю, Миллер решил проверить идею, родившуюся у него после изучения обстоятельств гибели паракасского ученого Карлоса Хонтехоса. После первого выстрела Хонтехос, по словам капитана полиции Пикаля Эрнандеса, будто бы произнес два слова: «сильяр» и «чаранга». Сильяром называли белый известняк, легко поддающийся обработке, из которого мастера Паракаса делали белоснежные фасады домов с резьбой и скульптурными изображениями, а чаранга была струнным музыкальным инструментом. После долгих размышлений Миллер подумал, что надо побывать в каменоломнях, где добывают сильяр, тем более, что они располагались недалеко от Пикаля в горах Халька, соседствующих с Тумху, и поискать там чарангу. Мысль была, что называется, на грани бреда, но Миллер доверял интуиции и не сомневался, что искать надо в каменоломнях.

С разрешения директора Пирина он взял вертолет и, собравшись за несколько минут, вдруг понял, что один ничего не сделает: нужен

проводник. Поразмышляв, Стэнли решил положиться на случай и выбрал того самого проводника, с которым ходили альпинисты, Карла Типлера. Никто не мог знать цели его самостоятельного поиска, а предполагать во всех работниках «Птичьего глаза» агента Дела или лаборатории «Демиург» было бессмысленно.

Взлетели в полдень, сопровождаемые длительным взглядом дежурного по «аэропорту», как громко именовали в институте посадочную площадку возле Пирина. Минут пять Миллер рассматривал полог леса под вертолетом, скрывающим реку, и машинально отмечал отдельные группы разрушенных временем скал, пронизывающие пятнисто-зеленый покров сельвы. Скалы ослепительно сверкали вкраплениями кварца, словно усыпанные драгоценными камнями. Некоторые из них напоминали развалины замков, индейских уступчатых пирамид, другие походили издали на челюсти динозавров.

Металлическая стрекоза пролетала над рощей лепидодендронов, и Миллер задержал взгляд на этих удивительных растениях, реликтах палеозоя, произраставших только на территории Парамо — высокогорий Паракаса, выделяющихся необычной красотой даже из роскошной растительности в районе Пикаля.

Лепидодендроны принадлежат к виду древовидных. Кора их, серо-зеленая, светлая, ромбовидно иссечена и напоминает рубчатую подошву армейского ботинка. Кроны ветвятся, заканчиваясь пушистыми метелками. Цветут лепидодендроны необычно — цветы у них появляются прямо на верхних толстых ветвях, на коре, а основание дерева похоже на металлическую колонну с мощными контрфорсами и досковидными корнями.

— Интересные деревья,— прокричал сквозь гул мотора Типлер, заметивший взгляд заместителя директора экспедиции.— И пахнут, как парфюмерный цех, стоять вблизи в период цветения невозможно.

Местность под вертолетом постепенно повышалась, в сплошной шкуре сельвы появились пролысины, песчаные и каменистые плеши, сельва вскоре поредела, распалась на островки и словно ушла под землю. Горы Халька, дикие, неприступные, исчерченные синесерыми тенями, надвинулись вплотную. Проводник стал показывать пилоту дальнейший маршрут, хотя, по мнению Миллера, не очень хорошо ориентировался и сам.

Сели возле живописной группы скал, на краю громадного котлована, созданного человеческими руками. И стоило Миллеру вылезти из кабины, как он сразу увидел то, что искал, вернее, надеялся найти: одна из скал у каменоломни издали очертаниями идеально напоминала старинный музыкальный инструмент — чарангу.

Отказавшись от помощи Типлера, Стэнли неторопливо побрел по краю обрыва и скалам, делая вид, что ищет удобный спуск в кот-

лован, отсвечивающий кристалликами слюды и кварца в изломах сильяра. Сначала он попробовал подняться на скалу, похожую на безголового верблюда, потом поискал обход и наткнулся на удобную расселину, ведущую вверх, прямо к скале — «чаранге». Оглянувшись — не следит ли кто? — Миллер пролез в расселину и начал подъем, вглядываясь в трещины стен узкого естественного коридора. И уже через несколько ярдов увидел на стене справа нацарапанную чем-то острым стрелу. Человек, занятый только подъемом, ее бы не заметил.

Начальник «Эола» удвоил внимание. Через полсотни ярдов расселина обмелела и превратилась в тропу на краю обрыва, опоясывающую корпус «чаранги». Вторая стрела была выцарапана прямо на тропе в виде штрихпунктира, и заметить ее мог только острый глаз того, для кого она предназначена. А на самом верху скалы, ровном, как стол, лежал камень весом в три-четыре сотни килограммов. Он явно был принесен сюда специально, потому что отличался от скалы по цвету и осколком ее быть не мог.

Миллер прошелся по макушке «чаранги», но больше ничего не обнаружил, даже мелких камешков и песка. Тогда он попытался приподнять глыбу или хотя бы повернуть на другой бок, однако без рычага его сил на это не хватало. Надо было звать кого-то на помощь. И в этот момент сзади раздался шорох.

Как он удержался от выстрела, Миллер не знал, сработало какое-то «реле» безопасности, затормозившее палец на курке в последнее мгновение. Из-за края площадки со стороны тропы, по которой он шел, торчала голова индейца, причем, судя по размеру — ребенка. Несколько секунд Миллер и непрошенный гость смотрели друг на друга, потом Стэнли опустил пистолет и поманил индейца пальцем, не сводя с него взгляда.

Индеец улыбнулся — так можно было расшифровать его гримасу — и легко поднялся на край скалы. Миллер понял, что перед ним не ребенок, а пигмей. Руки индейца были пусты, он вытянул их ладонями вперед и что-то произнес на птичьем языке, показывая на камень.

— Хочешь помочь? — пробормотал начальник «Эола».— Что ж, попробуй. А в спину никто не выстрелит, пока ты мне помогаешь? Как в лагере Тумху?

Индеец снова что-то прощебетал, указал на пистолет Миллера и сделал отрицательный жест.

— Ну, хорошо.— Стэнли решился.— Берись за тот угол,— он показал, как встать и куда толкать,— и по команде толкай вперед.

Со второй попытки им удалось сдвинуть глыбу с места, и в углублении под камнем блеснул небольшой цилиндрик с завинчивающейся крышкой, в таких упаковках в Паракасе продавали таб-

летки от головной боли. Миллер спрятал цилиндрик в карман, спохватился, что выпустил добровольного помощника из виду, но рядом уже никого не было, индеец сгинул, как мираж.

Спустившись на землю с «чаранги», Стэнли отвинтил колпачок металлического пузырька. Внутри оказались миниатюрная кассета звукозаписи от диктофона и клочок бумаги с надписью по-испански: «Тому, кто найдет. В долину можно пройти через одну из «Чульп» Сильюстани».

К вертолету Миллер добрался через полчаса, размышляя над загадкой неожиданного появления индейца-пигмея. Напрашивалось два вывода: индейцы, обитатели долины Пируа, появились здесь неспроста, они знали, что спрятано на скале у каменоломни, кем спрятано и зачем. И второе: в таком случае археолог Хонтехос, убитый в Пикале, был с ними связан. Как? Это уже другой вопрос, но Миллер надеялся, что разгадка кроется в маленькой кассете для диктофона.

— Что вы здесь искали? — спросил проводник, не знавший, зачем он понадобился главному квартирьеру экспедиции.— Если место для нового лагеря, так спросили бы у меня заранее: тут на двадцать миль в округе нет ни глотка воды.

— Зато есть сильяр,— сказал Миллер, пожалев, что взял Типлера с собой. Летчик наверняка знал, где находятся известняковые каменоломни, и он мог обойтись без поводыря.

В Пирине, в своей каюте, Стэнли еще раз проверил содержимое цилиндрика, подумал и спрятал кассету в обойму для патронов, заменив ею один патрон. Обойму загнал в свой «ама-рапид», а пистолет упрятал в кобуру под мышкой. После этого он отправился на поиски диктофона. Судя по кассете, она подходила только для американской модели «Райтер» фирмы «Итон», работавшей на Пентагон.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Улиссу пришлось показать свое умение перед многочисленной публикой, в которую входили ученые, местные жители, работники «Птичьего глаза» и представители полиции Пикаля. Размяв пальцы, проверив гибкость и подвижность суставов, Джонатан за час преодолел километровую стену Тумху и закрепил на ее гребне механизм блока, с помощью которого Торвилл и Неран начали восстанавливать подъемник.

Отдохнув, Улисс взял бинокль и принялся разглядывать развернувшуюся перед ним в направлении на север панораму долины Пируа с редкими низменностями, многочисленными перегородками и нагромождениями скал, а также группами столообразных скал,

на удивление ровных, словно обработанных человеческими руками, протыкавших мощный покров трехъярусной сельвы. Река скрывалась под ним полностью, хотя Улисс знал, что она пересекает долину с востока на запад. С виду долина и в самом деле представляла собой уголок дикой природы, не имевший ни одной удобной посадочной площадки. Вертолету сесть здесь было негде. Разве что на вершине одной из столбовых скал.

Джонатан сделал несколько общих снимков долины широкоугольным «Компакт-автоматом» и сфотографировал одну из самых красивых групп скальных останцев, которую мысленно назвал «замком»: скалы издали действительно напоминали развалины колоссальной крепости или замка, хотя по высоте превосходили настоящие замки раз в тридцать. Затем, дождавшись Торвилла, Улисс попросил подстраховать его и спустился на веревке вниз, в долину, затратив на спуск около сорока минут: маршрут был не так прост, как показался сверху.

— Как долго тебя ждать? — спросил Торвилл, когда он только начинал спуск.

— Часа два,— ответил Улисс.— Хочу поискать место, где садились археологи, они не могли улететь отсюда далеко. Только не оставляй страховочную бечеву на незнакомых мне людей.

— Я подожду сам...

Теперь Джонатан стоял внизу под нависшим козырьком скалы и всматривался в сумрак первого яруса сельвы, не решаясь почему-то сделать шаг вперед. Ему все время казалось, еще во время спуска, что за ним наблюдают внимательные глаза, но как ни вглядывался в скалы и заросли гигантских сейб, никого так и не увидел. Хотя ощущение осталось.

Улисс бесшумно спрыгнул с обломка скалы в заросли папоротника и спрятался за стволом аботикабы, поросшим крупными лилово-синими плодами.

Тихо, сумрачно, душно, со всех сторон доносятся лишь обычные лесные шорохи. Подождав немного, альпинист сорвал несколько ягод и углубился в заросли, чутко прислушиваясь к жизни сельвы.

Вскоре он выбрался к реке, только однажды вспугнув какую-то нелетающую птицу: зверинец долины при первом знакомстве казался небогатым. Раздеваться он не стал, окунулся в реку прямо в одежде, с наслаждением напился. Натруженные пальцы заныли. Побрел по колено в воде, окунаясь иногда по грудь. Небольшой удав проводил его застывшим взглядом в позе вопросительного знака, издалека прилетело негромкое, но весьма характерное рычание — ягуар! Выходит, зверинец здешних мест солиднее, чем показался минутой раньше. Царь сельвы не будет подавать голос зря.

Улисс застыл, прислушиваясь, но зверь не повторял своей угрозы дважды. Он был далеко.

Через двести метров привела его река к лепидодендроновой роще, запах которой разносился по всей округе и пересиливал все остальные ароматы сельвы и болота.

Подлеска в роще не было совсем, вероятно, лепидодендроны подавляли рост кустарников и трав, и толстые светло-зеленые стволы стояли, как свечи, буквально светясь своей бархатистой, ромбовидно иссеченной корой, смыкаясь метельчатыми кронами на пятидесятифутовой высоте. Верхние толстые ветви, начинавшиеся в тридцати футах от земли, обросли оранжевыми цветами. У оснований деревья утолщались, выбрасывая мощные «лапы» и досковидные корни, а запах в роще стоял, как в цехе парфюмерной фабрики, вернее, завода по производству благовоний и бальзамов.

Улисс, оглушенный наркотическим действием испарений древовидных плаунов — лепидодендроны не были деревьями в полном смысле этого слова, прошелся по роще и вдруг заметил штабель срубленных гигантов. Пятидесятифутовые стволы были очищены от ветвей и сложены в аккуратные штабеля по восемь-десять штук. От штабелей шла заметная в рыхловатой почве гусеничная колея, исчезавшая в зарослях колючего тамариска на границе рощи.

Джонатан хмыкнул, оглядел штабеля, сделал несколько снимков и двинулся по колее, чувствуя, как напряглись мышцы живота — первая реакция организма на включение в режим боя.

Колея вела к реке, переползала через нее и на другом берегу выходила на дорогу! Светло-серые плоские плиты цепочкой уходили в чащобу. Шириной дорога была как для легкового автомобиля, плиты кое-где выщерблены, вспучены, разбиты или отсутствовали совсем, но сомнений в том, что это настоящая древняя дорога, не было. И строили ее очень давно, если судить по могучим корням секвой, сейб и пандануса, во многих местах взломавших плиты дороги, а возраст лесных великанов исчислялся не одной сотней лет.

Джонатан сошел с плит и побежал рядом с дорогой, утопая по щиколотку в рыхлой подстилке сельвы. Спустя четверть часа он неожиданно выскочил к поселению индейцев, аборигенов долины.

Дорога из плит утыкалась в полуразрушенную стену из осевших от времени каменных блоков с уцелевшими воротами в виде арки. За стеной под кронами деревьев высились конусовидные вигвамы жилищ индейцев из тростника тоторы, накрытые шкурами альпак. И ни одной живой души, ни малейшего движения, мертвое молчание покинутого селения встретило альпиниста.

Он долго вслушивался в молчание деревни, потом перебежал к арке прохода в стене. С настороженным любопытством осмотрел фриз ворот с красивым орнаментом из переплетенных ромбов. В каждом ромбе помещались выпуклые изображения людей-кошек, а на колоннах ворот виднелись полустертые изображения хищных птиц.

Улисс обследовал деревню, но никого и ничего не нашел. По неизвестной причине хозяева ушли отсюда и не вернулись. Судя по количеству вигвамов — десять — племя было невелико, душ тридцать—сорок. Улисс, теряясь в догадках, поразмышлял, куда они могли исчезнуть, но мысленный анализ при отсутствии данных был бесполезен, как пятна на Солнце.

В последнем вигваме альпинист спугнул викунью, чей визг подействовал на него хуже очереди в упор. С трудом удержавшись от выстрела, он в душе обругал ближайшую родственницу свиньи и покинул селение: дорога из плит пересекала деревню индейцев и ныряла в заросли тамариска. Гусеничный след четко отпечатался на центральной площади селения и снова терялся на каменной дороге. Джонатан почувствовал, что разгадка гусеничной колеи недалеко.

Через несколько десятков шагов дорога привела к новой стене, разрушенной почти до основания, с такими же арочными воротами, что и первая. А за ней высилась ступенчатая пирамида — на первый взгляд; приглядевшись, Улисс понял, что это древний индейский храм, увитый ползучими плетями ядовитого сумаха, плющем и травой.

Рядом с храмом стоял вполне современный навес из алюминия и брезента, а под навесом прятался небольшой гусеничный вездеход со сменным рабочим инструментом: он мог работать канавокопателем, подъемным краном, бурильной установкой и пожарной лестницей — комплекты оборудования лежали тут же, завернутые в промасленную бумагу. По всему было видно, что хозяева трактора обосновались в долине давно и прочно, но к готовящейся экспедиции они, конечно, никакого отношения не имели. М-да, уважаемые «исследователи», дорого вам обойдется беспечность персонала, отвечающего за скрытность работы. Или вы просто не успели замести следы своей деятельности? А пытаясь оттянуть пришествие официальной экспедиции, убили сторожа подъемника? Это же прокол, уважаемые, непростительный профессионалам. Или вы цепляетесь за все, не брезгуя методами террора?

Джонатан бегло осмотрел содержимое навеса, обнаружил штабель пятигаллоновых канистр — спирт, вероятно, топливо для вездехода, и все внимание обратил на храм, чье присутствие давило на психику, вызывая тревогу и неуверенность.

Вход в древнее святилище индейцев поражал обилием каменной резьбы, цветными петроглифами, изображавшими священных зверей и птиц — ягуаров и кондоров. Из глубины храма тянуло холодом, неприятно леденящим прилипшую к телу одежду.

Подождав, пока глаза привыкнут к мраку, Улисс двинулся дальше, жалея, что нет фонаря и спичек. Широкий проход разделился на три узких. Разведчик выбрал правый и через несколько

шагов оказался в каменной келье, освещенной сверху лучиком света, падающим сквозь круглое отверстие в потолке.

Свет был скуден, но все же Джонатан разглядел груду пластмассовых ящиков и картонных коробок. Почти все они были запакованы и приготовлены к транспортировке, но, как убедился Улисс, вскрыв две коробки, в них находились похищенные реликвии исчезнувшей древней культуры индейцев пируа. В ящиках предметы побольше: статуэтки, ритуальные маски, домашняя утварь из золота, жезлы, оружие; в коробках — богатые украшения из золота и драгоценных камней, кубки, целиком вырубленные из хрусталя и инкрустированные золотом, талисманы, небольшие скульптуры птиц и зверей.

Улисс спрятал понравившуюся тончайшей работы фигурку ягуара величиной с палец в карман, прошелся по келье, вспугивая дребезжащее эхо, и обнаружил в углу на каменном блоке бумажный пакет. В нем были серьги, похожие друг на друга, как капли воды. Джонатан представил цену всем этим находкам и присвистнул: если контрабандистам удастся вывезти сокровища из страны, они заработают миллионы, если не десятки миллионов долларов. Каждому из найденных предметов не было цены!

Альпинист обыскал по очереди все три внутренних помещения храма, но кроме пустых ящиков и бочки с водой ничего больше не нашел. Замаскированная тайная база «специалистов» по ограблению древних памятников культуры была пуста.

Тогда Улисс обошел храм кругом в надежде отыскать другой выход или тропу к храму, и у восточной стены пирамидального здания наткнулся на небольшой сарай или ангар с каркасом из алюминиевых трубок, обтянутых полиэтиленовой пленкой. Внутри ангара стоял разобранный мотодельтаплан: сидение с рукоятью управления, за спиной — двигатель с винтом, лопасти складываются, и серебристые крылья из майларовой пленки на трубчатом каркасе. Далеко на таком аппарате не улетишь, но если стартовать с горы — через границу уйти можно спокойно.

Джонатан хлопнул в ладоши и суеверно сплюнул через левое плечо: удача пришла неожиданно. Но пора было убираться отсюда, он и так задержался на час, путешествуя по джунглям. Надо упредить Торвилла, который мог не выдержать и пойти на поиски.

Через полчаса Улисс без помех добрался знакомой дорогой до гряды скал и, дав наверх сигнал, вскарабкался на крутой бок первого карниза. И вдруг что-то заставило его посмотреть вверх.

Метрах в двухстах выше по отвесной поверхности скалы ловко карабкался человек, одетый в маскировочный серо-зеленый комбинезон. Он двигался по стене без всяких приспособлений, свободно, как и Джонатан, разве что более рисковым манером. И это был не Торвилл, как поначалу решил Улисс.

Человек добрался до натянутой весом альпиниста веревки, полоснул по ней ножом и спокойно двинулся дальше, скрылся среди бугров и ниш. Улисс едва успел прилипнуть к скале, удерживая вес тела на кончиках пальцев. Веревка упала сверху свободными кольцами. Если бы Джонатан не владел «свободным соло», он лежал бы сейчас внизу, разбившись в лепешку. Но его странный недоброжелатель не учел подготовки альпиниста. Господи, как свободно он шел по вертикали! Кто это был? Во всем мире не наберется и пяти человек, способных повторить подобный трюк!..

Когда Улисс поднялся на стену к перевалу, он был мокр, как мышь.

— Я уже хотел идти вниз,— хмуро признался Торвилл, помогая ему на последних метрах подъема.— Что случилось? Оборвалась вертикаль?

— Здесь неудобный спуск,— буркнул Джонатан, не отвечая на вопрос, и лег, раскинув руки и ноги.— Надо перенести канатку по гребню метров на триста к западу. Глотнуть чего-нибудь есть? В горле пересохло.

Торвилл достал флягу.

— Испли, местное производство.

Джонатан, запрокинув голову, сделал несколько глотков, кивнул, возвращая флягу:

— Ничего, своеобразный. Кстати, ты заметил, сколько над долиной кондоров? Кружат и кружат, словно долина медом намазана. А ты что такой хмурый? Недоволен, что заставил долго ждать? Извини.

Торвилл покачал головой.

— Непонятные вещи у нас творятся. Снизу передали, что в Пирине умер наш квартирьер, Миллер.

Улисс медленно приподнялся и сел.

— Что? Как умер?

— Никто толком не знает, его нашли в своей каюте мертвым. На теле ни одной царапины и лицо спокойное, а он... не дышит. Ну что, будем спускаться?

Улисс долго не отвечал, а когда заметил пристальный взгляд Кристофера, очнулся и встал.

— Да, брат, судьба иногда преподносит сюрпризы, когда их не ждешь. Давай первым, я подстрахую.

ПИКАЛЬ

В кабинете начальника полиции собрались практически все инспекторы, способные хоть на какую-то отдачу. Эрнандес оглядел свое войско и понял, что надеяться на повышение с таким контин-

гентом нельзя. Из пяти инспекторов лишь толстяк Кеведо-и-Вильегас соображал без выпивки, остальные же думали не о службе, а о том, как бы не подставить себя под пулю, нож или удар чиарахе, и днем и ночью вливали в себя писко-сауэр.

— Докладывай ты, Альфонсо,— сказал капитан, наливая в стакан испли.

— А что докладывать? — поднялся долговязый Альфонсо Фиоретура.— Убитый — местный житель, которого соблазнил заработок, работал шашлычником, врагов не имел. Любил выпить. Женат. Следов никаких, кроме стрелы, которая попала ему в шею. Мне кажется, что стреляли откуда-то сверху, стрела вошла в шею под острым углом, впритирку с ухом.

— Это все?

— Все, сеньор капитан,— вздохнул Фиоретура.— Дохлое дело. Но это дело рук белых, а не индейцев. Ни аймара, ни кечуа никогда не применяли духовых ружей.

— Может быть, это те индейцы, которые живут в долине? — робко предложил чернокожий Нгури, самый молодой из полицейских.

— Ты их видел?

— Нет, но все говорят...

— Не надо повторять то, что говорят все. Плохо работаете, медленно, без вдохновения. В результате это дело у нас забирают. Из столицы прибыл майор Барахунда [1], будет вести расследование.

Инспекторы переглянулись. Фиоретура фыркнул.

Эрнандес холодно посмотрел на каждого.

— Вот обсмеять кого-нибудь вы умеете. Лучше бы занимались своим делом или выучили бы амачакуй [2], на вас смотреть тошно! Одного можно плевком перешибить, другой способен выпить бочку писко и проспать трое суток, третий при каждом шаге по колено в землю проваливается...— Эрнандес махнул рукой.— Впрочем, это глас вопиющего в пустыне. Робиросо, глаз не спускать с лагеря экспедиции, докладывать о любых подозрительных лицах немедленно.

— Слушаюсь, капитан! — кивнул Кеведо-и-Вильегас и под взглядом Эрнандеса с трудом встал, пытаясь убрать живот.

— Нгури будет у тебя стажером. Альфонсо, пойдешь в долину, ты самый худой и не боишься жары и духоты. Каждый день будешь докладывать по рации обо всем, что увидишь и услышишь.

— Но как же я в форме...

---

[1] Барахунда *(исп.)* — заваруха.

[2] Национальная борьба индейцев; с кечуа — «защищайся»; состоит из двадцати приемов и не уступает каратэ.

— Пойдешь туда как подсобный рабочий, начальник экспедиции объявил о привлечении местных к участию в раскопках. Рацию получишь на складе, я распоряжусь.

— Еще и заработаешь пару песо на пиво,— хихикнул Нгури и виновато поежился, застигнутый осуждающим взглядом капитана.

Как дети, подумал Эрнандес, совершенно не понимают, с кем и за что им предстоит драться. А что драться придется — видно невооруженным глазом, и не только по тому, что в Пикаль прибыл майор Барахунда.

На столе тихо проблеял селектор. Капитан дотянулся до нужной клавиши и снял трубку.

— Сеньор капитан, докладывает Агуас. В П-сентре умер заместитель начальника экспедиции сеньор Миллер.

— Убит?! — привстал со стула Эрнандес.

— Нет, врач сказал, что умер сам от внезапной остановки сердца. Это бывает, мне говорила сестра жены...

Эрнандес переключил клавишу селектора.

— Марко, машину эксперта и врача быстро к выходу. Я поеду сам.— Он встал, застегнул рубашку.— Нгури, поедешь со мной, кажется, снова у этих ученых несчастье, прямо злой рок какой-то. Знать бы, кто так умело олицетворяет собой этот рок...

* * *

Машина подкатила к парадному входу в здание Пирина. Эрнандеса уже ждали. Через несколько минут его провели на второй этаж, в каюту умершего, где томился от скуки и присутствия трупа меланхолик с двадцатилетним стажем работы в полиции — Агуас. Увидев начальника, он вскочил, вытянув руки по швам.

— Сеньор капитан, докладывает капрал...

Эрнандес поднял руку, прерывая полицейского.

— Сюда кто-нибудь входил?

— Я закрыл коридор и запретил впускать всех, кроме майора из центральной Геренции.

— Кто был кроме него?

Агуас наморщил лоб.

— Врач, мухер буэна моса [1], директор П-сентре, сеньор майор Барахунда... э-э, это я уже говорил... и... ля хомбре [2]... лысый такой, толстый, одетый в трайе депортиво [3]...

---

[1] Статная женщина *(исп.)*.
[2] Мужчина *(исп.)*.
[3] Спортивный костюм *(исп.)*.

— Журналист?

— Нет, экс... экс... эксперт по эколиге...

— По экологии?

— Си, сеньор капитан, по экологии.

Эрнандес кивнул, пробормотал под нос:

— Ему-то что здесь надо? — И подошел к лежащему с открытыми глазами Миллеру.

— М-да, не повезло парню. Умереть просто от остановки сердца — это посложнее, чем получить вывих пясти.

Эрнандес оглядел труп и дал знак эксперту и врачу приступать к работе.

— Закончите — сообщите, я буду... где майор Барахунда?

— Улетел обратно в Тумху, в лагерь, сказал, мне здесь делать нечего, пусть занимается местная полиция.

— Ничего не передавал?

Агуас виновато поерзал.

— Нет, сеньор капитан, ни слова.

— Кто обнаружил труп первым?

— Не знаю, сеньор кап...— Агуас запнулся.— Извините, не догадался спросить. Но мне сказала врач П-сентре, очень красивая молодая мухер буэна моса.

— Где она?

— Ждет вас у господина директора П-сентре.

Эрнандес махнул рукой Нгури следовать за ним и направился к директору Пирина.

Хулиа Энрике Эчеверриа был не один: в кабинете сидела Анхелика Форталеза, врач экспедиции, и Леон ван Хов, инспектор ООН. Ван Хов уже успел переодеться в летний джинсовый костюм — шорты и безрукавку.

— Буэнос диас [1], синьоры.— Капитан бросил два пальца к козырьку фуражки.— Прошу прощения за вторжение. Прискорбный случай, и, к сожалению, не единственный. Ваш исследовательский центр переживает черную полосу. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Да-да, конечно,— мелко закивал седой гривой Эчеверриа.

— Валяйте,— буркнул голландец, посмотрев на врача.

— Первый вопрос к вам, сеньорита.— Капитан вежливо поклонился женщине, о красоте которой был уже наслышан; действительно, мухер буэна моса.— Кто вам сообщил о смерти сеньора Миллера?

— Никто, я нашла его мертвым в одиннадцать часов утра и сразу позвала вашего человека.

---

[1] Добрый день *(исп.)*.

— А откуда вы знаете, что это наш человек? — вежливо удивился Эрнандес.

Девушка улыбнулась.

— Кто же этого не знает?

— М-да! Понятно. Объясните, как вы попали в каюту сеньора Миллера?

— Он главный квартирьер экспедиции, а я врач, отвечаю за медицинский сервис, и хотела узнать, когда в долину будет передислоцирован медпункт.

— Спасибо, сеньорита. А вы, господин Хов? Каким образом оказались вы там?

— Ван Хов,— поправил голландец.— У меня тоже было дело к Миллеру, но я опоздал. Когда я пришел, там уже был этот ваш... работник.

Эрнандес коснулся околыша фуражки пальцем.

— Благодарю за терпение, сеньоры, премного обязан. Теперь я вас покину.

— А меня? — заволновался директор.— У меня вы почему ничего не спросили?

Капитан с сомнением посмотрел на ученого.

— Но вы же ничего не видели?

— Как это не видел? — Эчеверриа снял и снова надел очки.— Я, например, еще утром, около девяти, совершенно случайно видел, как в каюту к сеньору Миллеру заходил незнакомый мне молодой человек.

— О!— Эрнандес достал блокнот.— Это интересно! Можете описать незнакомца?

— Я видел его мельком... По-моему, он среднего роста, широкоплечий, смуглый, но европеец, светловолосый, одет в обычный костюм...

— Почему вы решили, что он европеец?

— Ну, как же? — Эчеверриа поднял удивленный взгляд.— Я же антрополог... вижу сразу. Он или славянин, или западноевропеец, француз.

— Может быть, это был русский? Рыбин?

— Ну что вы, Алекс Рыбин прекрасный ученый... и человек, я знаю его отлично. А этого видел впервые.

— Ну хорошо, спасибо за информацию. Узнаете входившего, если встретите?

— Наверное, узнаю. И сразу сообщу.

— Благодарю, сеньоры. Труп мы заберем, я вызову машину.

Эрнандес еще раз козырнул, пожелал всем здоровья и вышел, едва не разбив дверью лоб подслушивавшему разговор Нгури.

— Что ты на это скажешь? — спросил он мулата уже в машине.

— По-моему, я тоже видел того парня,— выпалил Нгури.— В городе, у доньи Пепы, он покупал сантолино [1].

Эрнандес иронически приподнял бровь.

— Парней с такими приметами, малыш, в Пикале можно обнаружить сотни три, если не больше.

— Клянусь, сеньор капитан, я его видел! Увижу еще раз — задержу, не будь я кениец!

Капитан промолчал, ожидая, пока в машину влезут эксперт и врач.

— Ну что, Хорхе?

— А дьявол его знает! — буркнул врач, недовольный чем-то.— Никаких ушибов, порезов и ссадин, никаких следов яда, мертв, и все. Не мог же он умереть от укуса комара?

— При чем тут комар?

— Да на шее у него есть небольшая припухшая точка, как от укуса комара. Я сделал соскоб, но вряд ли что-нибудь найду и в лаборатории.

— И все же, пожалуйста, кто знает, что произошло. Может, и в самом деле сердечный криз. Но два трупа за сутки — это слишком много.

— В том-то и дело, что на инфаркт это не похоже, ни одного симптома. Он не гипертоник, совершенно здоровый человек. Лег и... уснул. И все!

Помолчали, пока «бьюик» преодолевал подъем перед въездом в Пикаль.

— А у тебя что? — спросил наконец Эрнандес у неразговорчивого эксперта.

Тот молча протянул небольшой кусок белого камня.

— Был в кармане мертвеца. Больше ничего, никаких следов борьбы и обыска.

— Сильяр?

— Совершенно верно, сильяр.

— Все сходится, Миллер зачем-то летал в каменоломни... Ты хорошо искал?

Эксперт не обиделся, погладил усы и пожал плечами.

— Так ведь искать практически нечего. Это смерть в естественных условиях, никаких следов ограбления или паники.

Капитан вздохнул и признался в душе, что докладывать в столицу пока нечего, кроме констатации факта смерти. А так как полковник Чавес уже выразил свое недоверие, прислав без согласования майора Барахунду, то пусть майор и разбирается с трупами, а мы посмотрим, чем это кончится. Похоже, кто-то спешит сорвать

---

[1] Сантолино — талисман, оберегающий от «дурного глаза». Обычно его вшивают под кожу.

экспедицию в Пируа, используя все доступные методы, не гнушаясь убийством даже таких людей, как Стэнли Миллер...

ПИКАЛЬ

Дайамонд закончил отчет о затратах «Птичьего глаза» и собирался позвонить в Пирин, чтобы еще раз напомнить Анхелике Форталезе об обещании поужинать вечером в «Ревьере», и в этот момент позвонил ван Хов.

— Справочная? В котором часу отправляется самолет в Шочипилью? В двенадцать?

— Вы ошиблись номером,— сказал резидент, мельком посмотрев на часы: до назначенного ван Ховом часа осталось тридцать три минуты.

Через полчаса Дайамонд был в агентстве аэрофлота.

Ван Хов зашел через минуту, его проводили через черный ход со стороны парка Манава.

— Не мог передать новости по рации?

— Сообщение слишком важное, чтобы доверять рации, к тому же нужен совет. И, может быть, помощь.

Дайамонд достал бутылку с «Черной кровью», налил себе и гостю на палец, проглотил, закусил ломтиком ананаса.

— Садись. У тебя десять минут, укладывайся.

— Постараюсь, мне тоже светиться здесь ни к чему. Сначала новость неприятная. Сюда едет спецкурьер «Чистилища» с материалами по контрабанде раритетов. Это в лучшем случае высылка из страны, в худшем по законам Паракаса — тюремное заключение на семь-десять лет.

— Кто курьер?

— Известно только имя — Филипп Моррисон. Но он может приехать под любым другим.

— Тогда пора уходить, как ни крути. А жаль, в долине еще немало необследованных развалин, скрывающих золото. Знать бы, кто этот курьер и в чьем обличье прибудет...

— Еще не все потеряно, в Пикаль вылетел еще один работник «Чистилища», Милич, он нам поможет.

— Каким образом?

— Он не только агент «Чистилища», но и работник команды «Гамма», подчиненной только директору конторы. Он знает многих агентов СИУ и, встретив знакомое лицо...

— Ясно. Милич. Опиши его.

— Он сам тебя найдет.

— Черт! Еще бы два-три дня, и мы бы ушли тихо и с грузом.

— Опасно. Миллер мертв, но его «Эол» должен быть здесь.

СИУ не посылает одиночек туда, где могут быть «плохие климатические условия».

— Нашли у него хоть что-нибудь?

— Ничего. К сожалению. Он профессионал и все держал в голове.

— Какого черта он летал в каменоломни? Что искал? Почему именно там? И нашел ли? Досадно, что он умер, у живого можно было бы добиться признания. Как это случилось?

— Мы и не хотели убивать, решили обыскать без шума, ввели снотворное, экспериментальный препарат, распадающийся в крови через три минуты после укола, а у него черная реакция на транквилизаторы. Сердце встало — и все.

— Это прокол, уважаемый эксперт, который может аукнуться в ближайшее время. Я не думал, что вы способны работать так грубо. Надеюсь, ваши люди не наследили?

Голландец опустил голову, нехотя процедил:

— Похоже, этот старый дурак, директор Пирина, видел исполнителя.

Дайамонд побагровел, молча глядя на агента.

Ван Хов взглянул на него, криво усмехнулся.

— Исполнитель был в парике и переодет, так что едва ли Эчеверриа узнает его, даже если встретит. Но я уберу парня оттуда, будет в резерве. Не нервничай, Дигги, все будет о'кей. Мне в ближайшее время понадобится твоя техника наблюдения за подходами к долине. Где установлены телекамеры и как мне к ним подключиться?

Дайамонд налил себе виски, разбавил лимонным соком.

— К моим телекамерам тебе не добраться.— Выпил, вытер губы.— Мы приспособили в качестве их носителей кондоров. Идея Копмана.

— Кого приспособили?

— Кондоров или, как их называют индейцы, криско. «Королей Анд». Камеры вшиваются птицам под кожу на груди, весят они всего сорок граммов вместе с питанием и передают панораму на монитор с компьютером, который синтезирует общий вид долины и всех подходов к ней. Оператору остается внимательно следить за экраном. Один выход системы имеется в лаборатории, в долине, второй — у меня.

— Ясно. Но мне нужна оперативная отработка наблюдения, не буду же я сидеть у тебя в резиденции и командовать своими парнями оттуда. Кстати, наблюдение за Торвиллом и Нераном не дало результатов, по всем данным они являются агентами СИУ.

— А Косински и этот стрелок-альпинист Улисс?

— С Косински мы еще работаем, а Улисс... он весьма умело уходит от наблюдения, хотя это получается вполне естественно.

Во-вторых, во время пробной проходки стены Тумху, когда в лагере остались Улисс и толстяк Типлер (Дайамонд едва заметно улыбнулся), исчез твой телохранитель, который собирал и прятал обломки вертолета.

— Райхан?! Что значит, пропал?

— Не вышел на связь, мы там все прочесали — никого, хотя видны следы потасовки и перестрелки. Теперь я уверен, что никто, кроме Улисса, не мог бы потягаться с Райханом в открытой рукопашной. К тому же этот альпинист лазает по скалам, как бог! Ты бы видел!

— Видел,— буркнул резидент.— Он опасен. Опаснее любого безопасника из Сегуридад, причем хотя бы тем, что с его помощью экспедиция вот-вот начнет переселяться в долину. Его надо убрать.

— Это не так-то просто сделать. Возле Пирина все время крутится полиция. Эрнандес что-то унюхал и начал копать. В общем, пахнет жареным, потому я и зашел.

Дайамонд закурил «джэкпот».

— Я мало чем могу тебе помочь. К несчастью, один из входов в долину, самый ближний, теперь блокирован экспедицией, эти кретины-альпинисты выбрали место подъема прямо возле входа.

— Так это все-таки пещера? Как ее... Уткупишго?

Резидент отрицательно мотнул головой, выпуская струю дыма.

— Нет, вход — в одной из башен или «Чульп» Сильюстани, как называют их индейцы.

— Значит, это из-за него вы убрали индейца-сторожа?

— Он заметил курьера Копмана, пришлось инсценировать нападение индейцев из долины.

— А где второй выход?

— Недалеко от каменоломни, куда летел Миллер, сквозная пещера, никому не известная. Тебе знать ее координаты не обязательно, твоя забота — ликвидировать сеть «Чистилища». Эвакуация лаборатории — моя забота. Ищи Райхана, он не мог исчезнуть бесследно. Это один из лучших моих клаваро [1]. Где я тебе возьму еще одного?

— Но мне все равно без твоей помощи не обойтись, ты же понимаешь.

Дайамонд выпустил клуб дыма и погасил сигарету.

— Попробуем ввести в игру Ушастого... если согласится Копман. Мне бы еще пару дней продержаться, а там хоть потоп...

— Кто этот Ушастый?

— Помнишь, в Каролине год назад прошел процесс над садистом-убийцей Гориллой Джеком?

— Слышал краем уха.

---

[1] Клавар *(исп.)* — пришить.

— Ему грозил электрический стул, но молодцы Копмана выкрали Гориллу из тюрьмы, доставили сюда и провели над ним опыт. Так вот до опыта это был узколобый косноязычный дегенерат с маниакальной жаждой убийства, к тому же безнадежно больной эпилепсией, а теперь он практически здоров, интеллект его вырос на порядок, а физические кондиции позволяют делать то, на что не способен ни один человек в мире. Он даже лазает по горам не хуже твоего красавца-подопечного Улисса. Но главное в другом: он, кроме всего прочего, телепат.

— Что?! — Ван Хов чуть не подавился долькой ананаса.

— Что слышал. Он способен читать мысли. Вообще все, кто прошли через эксперимент, были способны к телепатии. Поэтому и Пиню, и Хонтехос, и священник Овехуно смогли выбраться за пределы лаборатории и попытаться бежать. Если бы они соединились, никто уже помешать бы им не смог, но, к счастью, они решили бежать в одиночку.

Голландец, потрясенный, смотрел на резидента.

— Значит, все эти слухи о лаборатории... не вымысел?

— Это не слухи. Мечта о сверхчеловеке осуществима, мы теперь знаем точно. Правда, не всех надо приобщать к расе суперхомо, честные и наивные дураки, получив сверхинтеллект и сверхвозможности, почему-то предпочитают направлять свои способности не там, где это необходимо их наставникам. Ушастый — иное дело. Решено, я попробую договориться с Копманом, чтобы его прикрепили к твоей команде.

— Как я его найду?

— На людях ему показываться вредно, слишком заметен. Он найдет тебя сам. Связь будем держать только по рации и встретимся ли еще раз, не знаю. Может быть, в долине?

— Лучше в Штатах.

Дайамонд улыбнулся.

— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Желаю удачи, Райфл.— Диггори Дайамонд хлопнул ван Хова по плечу и вышел, уверенный в себе, спокойный и надменно величавый, как и полагается быть бизнесмену. Он знал все имена и клички, под которыми работал Леон ван Хов, в том числе и его настоящее имя — Райфл Комбер.

— С нами бог! — пробормотал ван Хов, глядя ему вслед.

Увидеть труп Миллера Улиссу так и не удалось, полиция забрала его раньше, чем альпинист вернулся из промежуточного лагеря под стеной Тумху. Он посидел в баре института в одиночестве, выпил бокал «Серебряного кондора», почтив память заместителя начальника экспедиции, и отправился искать Торвилла.

Спасатель оказался в спортзале, играл в лакросс [1]. Подошел разгоряченный и улыбающийся. По сути, был он еще очень молод, да и развит неплохо: худощав, мышцы не рельефные, но жилист и гибок.

— Подключайся, мы им сейчас накидаем...

— Некогда.— Джонатан отвел Кристофера в сторону.— Да и не умею я играть в эту игру. Крис, ты хорошо знал Миллера?

Торвилл пожал плечами, оглядываясь на игроков.

— Совсем не знал. Встречал только один раз, когда он приезжал с Косински в Лозанну. Да еще летели вместе. А что?

— Понимаешь, он взял у меня одну вещицу, сказал, покажет специалисту... а она дорога мне как память. Не знаешь, полиция не объявляла, что нашли у него в карманах?

— Позвони в полицию, тебе скажут. Но если он не носил ее с собой, то она у него в каюте. Попроси ключ у администратора и поищи. Ты только об этом собирался спросить? Тогда я побежал.

— Подожди. Ты не видел Анхелику?

— По-моему, она гуляла с этим французом, Гийомом. Извини, меня ждут.

Улисс понаблюдал немного за игрой, потом поднялся на крышу здания.

Ночь была великолепна: звездное небо, мрак, удивительная прохлада, запахи и звуки сельвы — все было исполнено тайного смысла и очарования. Хотелось стоять на краю бездны и любоваться небом, и думать только о хорошем, и ждать необыкновенных встреч с женщиной, представлявшей собой тайну, не меньшую остальных тайн долины. Правда, ждать Улисс не любил, его натура жаждала действия, и приходилось сдерживать себя, просчитывать каждый шаг, заранее прикидывать поведение в том или ином случае, будучи ограниченным узкими рамками положения альпиниста, любителя острых ощущений.

Анхелики на крыше не оказалось. Джонатан сел на крайний лежак и около часа провел в оцепенении; на душе было пасмурно и не хотелось верить, что на этой земле люди готовы уничтожить друг друга ради любого пустяка: золота, власти, низменных удовольствий... Он нащупал в кармане маленькую тяжелую фигурку ягуара, нагревшуюся от тепла его тела, и это прикосновение словно разбудило в нем решимость.

Улисс спутился на второй этаж жилого сектора, осмотрелся — никого, и подошел к двери каюты под номером сорок один, находившейся почти в тупике коридора. Здесь жил Миллер. Толкнул дверь, она не поддалась. Быстро вставил в замочную скважину универсальную отмычку, повернул дважды, замок тихо щелкнул. Джонатан

---

[1] Лакросс — индейская игра в мяч, синтез баскетбола и футбола.

быстро вошел и закрыл за собой дверь. Потом зашторил единственное окно и включил настольную лампу.

В каюте царил застарелый беспорядок, стол с выдвинутыми ящиками был забросан окурками, хотя Миллер не курил. Полицейские?

На полу валялось неубранное белье, мотки проводов, ботинки, журналы: американские «Эсквайр» и «Бойс мэгэзин», английский порнографический «Пикчерс», бутылки из-под виски «Чивас-Ригал». Ничего себе кавардак! Неужели это оставили служители закона?

Джонатан быстро просмотрел одежду в шкафу, чемоданы и понял, что в комнате был обыск, и учинен он уже после того, как полицейские увезли покойника. Найти в этом хаосе то, из-за чего убили квартирьера, не представлялось возможным, к тому же оставаться в его каюте было рискованно. Улисс заглянул в ящики стола — все пусты, кроме верхнего, в котором лежали рассыпанные патроны и обойма для пистолета «лама-рапид». Джонатан машинально взял обойму, выщелкнул еще два патрона, хотел бросить обойму в стол и неожиданно заметил, что последний патрон в обойме вовсе не патрон, а черная капсула-кассета для миниатюрного диктофона, завернутая в клочок тонкой папиросной бумаги. М-да, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Хотя, если задуматься, везет тому, кто любит и ценит риск, везет игроку.

Улисс интуитивно понял, что пора уходить. Он осторожно приоткрыл дверь, высунул голову из комнаты — никого, и бесшумно выскользнул в коридор. Но уйти не успел: на лестнице послышался шум, топот ног, поднимались трое или четверо мужчин.

На решение оставались секунды. Джонатан, не раздумывая, толкнул дверь соседней каюты — заперта, рядом с ней тоже, напротив — заперта. Господи, неужели никого на всем этаже?

Как я объясню свое появление здесь, где пахнет криминалкой?..

Последняя дверь перед лестничной клеткой оказалась незапертой, и лишь открыв ее, Улисс понял, что попал в каюту Анхелики.

В комнате было темно, кто-то завозился на кровати.

— Кто здесь? Это ты, Рю? — Голос был женским, но принадлежал вовсе не Анхелике Форталезе, врачу экспедиции.

— Не включайте свет,— сказал Улисс, запирая дверь.— Не бойтесь, я не грабитель.

Женщина тихонько засмеялась.

— Я не боюсь, но ведь не каждый день со мной знакомятся столь оригинальным способом, в темноте.— Говорила женщина по-английски со специфическим акцентом.— Вы урод? Или еще хуже — глубокий старик?

Улисс замер, прислушиваясь к гулкому шуму в коридоре.

— Ни то, ни другое, просто люблю розыгрыши и надеялся

застать здесь хозяйку. Не будете же вы отрицать, что комната Анхелики?

— Конечно, не буду. Но Хелли уступила ее мне, потому что сама переехала сегодня в лагерь в горах. Так что, если вы разочарованы, мистер альпинист, можете уходить.

— Что? — Джонатан не поверил ушам.— Вы меня знаете?

— Хелли предупредила, что вы можете зайти, и сказала, что ждет вас в лагере. Так вы Улисс?

— А вы, судя по акценту, японка.

Женщина снова засмеялась, словно прозвенел мелодичный колокольчик.

— Вы очень проницательны, сенсей. Так и будете стоять на пороге?

Шум шагов в коридоре стих.

Улисс нашарил выключатель на стене, вспыхнула лампа на потолке под абажуром в виде китайского дракона.

На кровати, щурясь, сидела молодая японка, миниатюрная, очень красивая, одетая в традиционное кимоно для сна. Тонкий аромат каких-то незнакомых духов защекотал ноздри непрошенного гостя.

— А вы не боитесь, что я могу перейти рамки дозволенного при первом знакомстве? — с любопытством спросил Джонатан.

— Нет, сенсей, я с детства владею наппон-ре.

— Это разновидность каратэ? — Улисс притворился наивным, прекрасно зная, что такое ниппон-ре, в свое время он прожил в Японии, в префектуре Фукума, почти год.

Женщина зашлась в тихом смехе; японки всегда славились беззвучным смехом, плачем и сдержанностью.

— Это переводится как «умение освободиться от надоедливого мужчины». К тому же сейчас должен прийти мой друг, профессор Токийского университета Рю Сугаито, и он владеет каратэ в совершенстве.

— Спасибо за предупреждение, в таком случае, мне пора откланяться. Как вас зовут?

— Харикара Хоси, профессор биохимии.

— О! И сколько же вам лет? Хотя простите за бестактный вопрос.

— Почему? Я не скрываю возраста, мне двадцать семь.

— И уже профессор?

— Что поделаешь.— Харикара пожала плечиками, в голосе ее проскользнули грустные нотки.— Я многим пожертвовала, чтобы стать ученым, в Японии женщине сделать это очень трудно.

Как и везде, подумал Улисс. Хотел спросить, чем будет заниматься в археологическом центре биохимик, но передумал. Попрощавшись, вышел из уютной каюты Анхелики, оставив слегка

разочарованную японку ждать своего друга. Поднявшись к себе, тщательно занавесил окно, запер дверь, включил музыку и достал из кармана кассету для японского диктофона «Синити». Размотал клочок папиросной бумаги и обнаружил на нем какую-то надпись таким мелким почерком по-испански, что с трудом прочитал: «Тому, кто найдет. В долину можно попасть через одну из «Чульп» Сильюстани».

«Чульп» Сильюстани»,— повторил Улисс про себя и вспомнил странные башни из отлично пригнанных друг к другу каменных глыб. Вот оно как... Вот, значит, каким образом проникли в долину американцы. Но если этот вход теперь закрыт для них, то как же они будут эвакуировать базу в долине? По воздуху? С помощью мотодельтопланов?

Джонатан порылся в вещах и достал магнитофон «Сейко», имеющий гнездо для прослушивания диктофонных записей: японцы — практичный народ и давно унифицировали свою аппаратуру звукозаписи для привлечения покупателей удобством и многофункциональностью. Закрепив наушники, альпинист включил воспроизведение, и глуховатый голос Хуана Карлоса Хонтехоса начал рассказ о лаборатории «демиург»...

* * *

Утро следующего дня казалось обыкновенным.

Улисс умылся, сделал зарядку, позавтракал и в числе двадцати других членов экспедиции погрузился в вертолет, доставивший его в девять часов к подножию Тумху.

Лагерь все еще охранялся полицией, а по его территории слонялся угрюмый майор Барахунда, переодетый в партикулярное платье. На его лице ясно читалось: «А пропади оно все пропадом»!

К удивлению альпиниста, Анхелики в лагере не оказалось. Как объяснил ее коллега, не то врач, не то санитар, она добилась разрешения войти в состав передового отряда и еще на рассвете вместе с альпинистом Нераном и шестью молодцами Косински ушла наверх.

— Теперь они уже, наверное, в долине,— закончил черноволосый врач с неприятным бегающим взглядом.

Джонатан пожал плечами и пошел искать начальника экспедиции.

Косински в белом костюме и широкополой шляпе распоряжался у больших холмов снаряжения, которое надо было в первую очередь перетранспортировать в долину. Ему помогал норвежец Ингстад и француз Гийом Карсак, весело ответивший на приветствие.

— Господин Косински,— отозвал в сторону начальника экспе-

диции Улисс.— Здесь я вам не помощник, сейчас прибудет Торвилл и проконтролирует подъем основного груза, а мне бы хотелось поработать в долине. С перевала я видел несколько скал, на которых видны развалины...

— Не возражаю,— кивнул Косински, поняв недосказанное.— Там уже находится ваш коллега Неран, обговорите и прикиньте с ним маршруты, потом обсудим, чему отдать предпочтение.

— Джо,— позвал Улисса Гийом.— Говорят, ты уже побывал в раю? Я имею в виду долину.

Джонатан подошел к французу.

— Скорее, в аду. Жарко и душно, как в настоящей сельве, разве что не хватает сырости, а так — дикая амазонская сельва. Честно говоря, больше люблю работать в климате альтиплано, но если хорошо платят, могу и в аду.

— Я тоже.— Гийом засмеялся. По натуре он относился к холерикам: был нетерпелив, иногда резок, склонен к риску, обладал быстрой речью и выразительной мимикой. Недаром говорится, что холерик симпатичен только при наличии высокого интеллекта, а Гийом Карсак был именно таким человеком.

— А ну, расскажи, с кем ты был вчера,— сказал Улисс, равнодушно окидывая взглядом заросли кустарника толпы, за которыми скрылся эксперт ООН ван Хов.— И как тебе удалось ее уговорить?

— Кого? — удивился Гийом.— Я весь вечер провел в Пикале в кафе «жемчужина Отуско». Познакомился с девочками из Шочипильского кабаре «Зефир».— Он прищелкнул языком.— Испанки — супер-класс! Жаль, что тебя с нами не было, оценил бы сразу.

— А мне сообщили, что гуляешь с Анхеликой.

Француз сделал скорбное лицо.

— Этот тет-де-пон не моего масштаба. К тому же я не в ее вкусе. Она вчера искала тебя.

— Окстись,— улыбнулся Джонатан.— Я-то ей зачем?

— Не прибедняйся, мон шер, все знают, что ты ей понравился. Она даже твоего друга Торвилла расспрашивала о тебе: кто, да откуда, да что заканчивал, где работал, женат или нет...

— Ты серьезно?

— Зачем мне врать? — обиделся Гийом.— Слышал собственными ушами... случайно... вон и месье Ингстад может подтвердить, он тоже слышал. Эгей, Сигурд, подойди.

— Некогда,— отмахнулся норвежец, взваливая на плечо тюк палатки, и удалился к подъемнику.

— Рожа — что передок у «мерседеса»,— кивнул на него Гийом,— и манеры солдафонские, но пусть катится, мне с ним не спать. Слушай, ты идешь в долину? Возьми меня с собой, замолви словечко шефу, а?

— Не спеши, еще успеешь вкусить экзотики, пусть сначала

оборудуют лагерь в долине, подготовят площадку для вертолета. Вечером встретимся.

Улисс медленно прошелся возле «Чульп» Сильюстани, сложенных из глыб весом не менее трех-пяти тонн каждая. Одна из башен венчала вход в пещеру, выходящую в долине. Которая же из них? У всех трех нижние окна — «поддувала» — одинаково забиты более мелкими камнями, попробуй определи... Альпинист заметил возле крайней башни вездесущего ван Хова и вынужден был повернуть назад.

Через двадцать минут он поднялся на стену Тумху, а еще через полчаса Неран, командующий спуском грузов с той стороны, встретил его в долине.

— Привет, Джо. Долго же ты спишь. Сеньора Форталеза ждала тебя, ждала, потом махнула рукой, и пришлось мне, старику, страховать ее на подъеме. Тебе было бы сподручней, а?

— Да, уж,— согласился Улисс, чувствуя, как рубашка начинает липнуть к телу.— А где она сама?

— Тут, недалеко, рассовывает по палаткам аптечки первой помощи. Мы нашли неплохое место для лагеря всего в трехстах ярдах отсюда. Но вода чистая и холодная, я пробовал, должно быть, где-то бьют ключи. А место весьма неплохое, расчистим немного, и можно будет принимать вертолеты.

Из зарослей альгарробо и реликтовых кенуалей, в стене которых была прорублена просека, вынырнул молодой индеец с перевязанными лентой волосами.

— Иди за Миагой, он проводит.— Неран кивнул на индейца, безмолвно взвалившего на плечи очередную порцию груза.— Я дежурю здесь, на приеме.

Улисс подхватил длинный и тяжелый сверток с лопатами и зашагал следом за проворным проводником. Через пять минут ходьбы по зеленому сумраку сельвы вышли на небольшую каменную плешь, обрывающуюся в продолговатое миниатюрное озерцо, почти накрытое сверху кронами роскошных саговников и мангров. Под сенью оливкового дерева стояли три палатки, четвертую ставили трое мужчин, еще двое разбирались в груде снаряжения. Анхелика, одетая в тропический полотняный комбинезон песочного цвета, непроницаемый для укусов насекомых и шипов растений, возилась с фотоаппаратом.

— Наконец-то,— ничуть не удивилась она, увидев Джонатана.— Сеньор любит понежиться в постели? Буэнос диас, монтанеро. Не хотите составить компанию для небольшой прогулки по долине Пируа? Ни я, ни вы не относимся к клану ученых мужей и можем пока заняться разведкой в свое удовольствие. Не возражаете?

Улисс не возражал.

— А куда мы направимся?

— Посмотрите на север. Видите скалу над деревьями? Со стены перевала я высмотрела в бинокль кое-что любопытное, думаю, не заблудимся.

— Когда вас ждать, сеньорита? — спросил один из мужчин, в котором Джонатан узнал полицейского по имени Альфонсо.

— К вечеру,— беззаботно ответила Анхелика. Фотоаппарат она повесила на шею, протянула Улиссу спортивную сумку.

— Возьмите, здесь кое-что может нам пригодиться.

— Но здесь живут какие-то индейцы... Опасно. Это их территория. Убили же они сторожа...

— Ничего, как-нибудь договоримся. Не отставайте, монтанеро, курс на север.

Улисс перекинул ремень сумки через плечо, и ему вдруг стало неуютно, словно тень упала сверху, тяжелая и холодная, спину лизнул чей-то неприятный взгляд. Он поднял голову и увидел парящего кондора. Показалось, птица с угрозой смотрит прямо на него...

* * *

— Ты вооружен? — перешла на «ты» Анхелика, когда они удалились от развертывающейся базы настолько, что перестали быть слышны голоса квартирьеров.

Улисс ответил не сразу.

— Как обычно. Я вообще не выхожу из дома без оружия, привычка. А что?

— Говорят, в долине водятся ягуары.

Шаг девушки был легок и быстр, и Джонатан невольно вспомнил Гийома: «Видел, как она ходит? Лань и тигрица одновременно!». Теперь было видно, что француз почти не преувеличивал. Мимолетно подумалось, что природа редко реализует максимальные потенции совершенства в человеке, а если и реализует, то почему-то всегда в женщине...

Они углубились в сумрак сельвы, живущей своей особенной, торжественно-естественной жизнью, полной скрытого движения и потенциальной угрозы. Мощные корни древесных гигантов затрудняли движение, жара и духота усилились, люди вскоре взмокли от пота, но Анхелика неутомимо и гибко скользила между стволами деревьев куда-то в сторону западных скал, изредка останавливаясь и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубины леса. Сейчас она совсем не походила на юную богиню, пресыщенную роскошью и мужским вниманием, какой показалась Улиссу в день знакомства.

Через несколько минут под ногами глухо цокнула ровная, как стол, плита. С ней стыковались еще две, разорванные трещинами,

но еще способные служить той цели, для которой были уложены: это была дорога, как две капли воды похожая на ту, что открыл Улисс в свою первую вылазку.

Анхелика присела на корточки, придерживая фотоаппарат и бинокль, постучала ладошкой по серому монолиту.

— Кажется, за открытиями здесь далеко ходить не надо. Как сказал бы Гийомчик: чтоб у меня глаз вытек, если это не дорога!

Джонатан кивнул. Он вдруг заметил, что вопреки браваде в голосе и спокойным жестам девушка украдкой вглядывается в обступающие их заросли, словно чего-то боится. Пришло ощущение скрытого наблюдения, хотя ни глаз, ни слух не отмечали ничего подозрительного.

— Попробуем проверить, куда она ведет? — предложила Анхелика.— Мне кажется, я догадываюсь, что мы увидим.

Плиты древней индейской дороги изредка утопали во мху или под грудами мелких камней, но были почти не тронуты временем, вырезанные с удивительным мастерством из цельных каменных глыб. Путешественники не прошли по ней и пятисот ярдов, как вышли на край поляны, утопающей в зарослях тунгового кустарника. Посреди поляны возвышался пр... ...льной формы холм, увитый плющом, заросший мхом и травой. Из вершины холма вырастала одинокая тонкая скала, белая, столбообразная, высокая, напоминающая минарет. Улисс не сразу понял, что перед ним древнеиндейский пирамидальный храм.

Анхелика оглянулась, восхищенная и обрадованная.

— Я не ошиблась, именно эту скалу я и видела в бинокль. Ты понимаешь, что это такое?

— Скорее всего, храм или святилище.

— Нет, монтанеро, это доказательство правоты покойного Хонтехоса, считавшего, что предшественницей индейской культуры паракаса была культура Чавин. Этот храм построен в чавиноидном стиле предками индейцев чавин вокруг одиночной скалы, считавшейся жилищем бога. И этот факт говорит о том, что когда-то долина была связана с большим миром.

— Но ведь в долине живут индейцы-пигмеи, этот храм могли построить их предки...

— Так оно и было, потому что их предками и являются индейцы чавин. Когда связь долины с внешним миром по какой-то причине была отрезана, оставшаяся часть племени постепенно регрессировала и вырождалась. Я вообще удивляюсь, как племя выжило в условиях генетического имридинга столько веков! Теперь понимаешь все значение долины? Этот «затерянный мир» — сокровищница не только для археологов-параканистов, но и для этнологов, историков, экологов, ботаников, биологов и других специалистов. Значение его трудно переоценить.

Дорога из каменных плит привела прямо к полуобвалившемуся зеву входа, полускрытому космами плюща и травы. Теперь ясно было видно, что это действительно храм, стены которого — уступ за уступом — собраны из каменных блоков в одну-две тонны каждый. Над входом виднелся сохранившийся портал с выпуклым изображением какой-то хищной птицы.

Анхелика оглянулась, но не на спутника, а на лес. В глазах ее читалось беспокойство.

— Мне все время кажется, что за нами следят...

Джонатан незаметно потрогал рукоять пистолета и пошутил:

— Или ягуар, или индейцы. Это их дом, а мы гости незваные, пришельцы. Возьмут да и снимут скальпы.

Девушка покачала головой, прислушиваясь.

— Мне мой скальп еще нужен. Поглядывай по сторонам, я взяла тебя в качестве арьергарда, вот и защищай тылы. Может, они нас не тронут?

Кого она имела в виду под словом «они», Анхелика не сказала.

Путешественники углубились в темноту святилища. Жара сменилась прохладой каменного склепа. Анхелика достала из сумки фонарь, в луче света стены коридора отбрасывали красные искры — храм был сделан из гранитных глыб. Под ногами лежали груды земли, каменных обломков, осколков посуды и статуй. Что-то белело в щели возле стены. Улисс нагнулся и поднял окурок сигареты.

— Кажется, мы здесь не первые,— сказал он, рассматривая окурок.— «Лаки страйк». Такие сигареты курят, в основном, гринго, американцы.

В глазах Анхелики отразился свет; казалось, они метнули молнии.

— Может быть, тут были археологи, которые потом разбились?

— Они были американцы?

— А что им мешало купить такие сигареты в столице? Да и в Пикале их можно найти.

Улисс пожал плечами.

— Да я не возражаю.

Коридор окончился, они вышли в центральное помещение храма. Стены, расписанные выпуклыми изображениями хищных зверей и птиц, полуобвалившиеся, в пятнах плесени, с глубокими нишами. В нишах, окруженных орнаментами,— статуэтки странных существ, людей-кошек и людей-птиц. Узор орнамента, как заметил Джонатан, состоял из повторяющихся веток дерева, которые заканчивались... изображением человеческого глаза!

И здесь «глаз», невольно усмехнулся про себя альпинист. Только не «птичий», а человечий. Похоже, индейские художники были первыми авангардистами в истории цивилизации.

Луч фонаря выхватил из тьмы в центре зала ворох предметов. Во все стороны прянули огненные блики — золото!

Здесь были собраны десятки изделий из золота и драгоценных камней: статуэтки, маски, громадные серьги в виде людей-кошек и ягуаров, ножи-бритвы, калабасы, черепа в золотой фольге, посуда, жезлы и другие предметы, назначения которых Улисс не знал. Он подошел ближе, наклонился и вытащил из груды палицу из позеленевшего металла: тонкая рукоять, на конце утолщение с шипами и блестящими камешками.

— Макана,— сказала Анхелика тихо, у нее перехватило голос.— Оружие индейцев, известное еще с эпохи Окендо.

Улисс бросил палицу обратно.

— Интересно, кто собрал здесь эту коллекцию? Едва ли все это так и лежало сотни лет. Ты не находишь? Кстати, для врача ты слишком хорошо разбираешься в археологии.

— Ты не прав.— Анхелика вдруг выключила фонарь.— Я не смогла вовремя выбрать профессию, а увлеклась археологией, вернее, параканистикой, когда уже закончила медицинский. Я очень люблю свою страну, ее обычаи, традиции, ее историю и народ. А увлечение археологией ничуть не мешают мне быть врачом.

— Поразительно! — проговорил Улисс.— В этой куче — миллионы! Кто же смог проникнуть в долину? Грабители могил?

Анхелика ответила через минуту:

— Пошли отсюда, холодно. Сообщим полиции... Кстати, как ты относишься к Леону ван Хову?

— Эксперту ЮНЕП? — Улисс удивился вопросу.— А никак, я его почти не знаю. Мне он показался несколько угрюмым и... назойливым, что ли. Но встречались мы всего дважды.

— Назойливым? — Анхелика первой вышла на свет, внимательно оглядела заросли в полусотне шагов.— Выходи, арьергард, все спокойно. Твои предложения: идем назад или пойдем дальше?

— Конечно, дальше, я не люблю работать вьючным животным, когда другие оборудуют лагерь, а больше ничего не умею.

Девушка рассмеялась, хотя глаза ее остались холодными и настороженными. Она хорошо играла свою роль. Знать бы какую...

— Не очень-то верится, монтанеро, мои друзья были свидетелями того, как ты показывал класс в тире.

— Умение стрелять еще не доказательство универсальных способностей. Просто я в последнее время работал в одной из частных спортивных школ тренером.

— А где тебя откопал Миллер? Или сам Косински?

— Идея была Фреда Нерана, он помнил меня по работе в Альпотряде «Лемур», а нашел Миллер.

— Хороший был человек, жаль его. А тебе? — Анхелика повернулась и в упор взглянула на Улисса.

— И мне! — искренне ответил тот, подумав: не понимать ли этот вопрос как намек? Мол, не вы ли убийца, монтанеро?.. Славная у нас пара, любовь между делом, а безобидные вопросики на засыпку оборачиваются остриями кинжаловидных угроз и полны скрытого смысла. Кто вы, сеньорита? Действительно врач, или принадлежите еще какой-нибудь солидной организации типа контрразведки «Птичьего глаза»?..

Анхелика, не оглядываясь, обошла храм и сделала несколько снимков. Джонатан пожал плечами, поплелся рядом, не без успеха демонстрируя предполагаемому наблюдателю нежелание шляться по жаркой духоте сельвы. Пусть думают, что это здоровый увалень-тюха, лентяй и лопух, которого можно испугать «натуральным» рычанием ягуара...

Следующий марш-бросок через сельву в направлении к центру долины оказался короче первого. Уже через двести шагов путешественники вышли на край обрыва, замаскированный кустарником и длинными колючками. Анхелика нашла свободный от колючек клочок земли и подозвала Улисса.

Внизу под обрывом он увидел развалины города, почти скрытые зарослями фикуса, кустарника и трав. И все же в зелено-серой массе можно было разглядеть узкие улицы, складывающиеся в замысловатый узор, напоминающий лабиринт, дворы, дома без крыш, толстые стены, сложенные из глиняных кирпичей. Это была даже не долина — ущелье, и город за ним продолжался уже в скалах, переходя в пещерный. Едва ли его можно было разглядеть сверху, из кабины вертолета.

— Напоминает фолли [1],— проговорил Улисс.— Можно пройти в десятке шагов и ничего не заметить. Сверху, наверное, тоже не видно города. Все заросло.

— Попробуем найти спуск.— Девушка достала бинокль, осмотрела обрыв, и вскоре они спустились с десятиметровой высоты на дно ущелья, медленно двинулись по улице, утопая в траве по пояс.

Джонатан почувствовал на себе знакомый липкий, какой-то «стеклянный» взгляд, поднял голову и увидел кружившего над городом крупного кондора.

— Такое впечатление,— сказал он,— что ни один пейзаж долины не обходится без этих птиц.

— Ну, естественно, вся история индейских цивилизаций связана с культом кондора, что отражено и в фресках Чавин. Хорошо, что ягуары встречаются гораздо реже.

— Не нравится мне это.

---

[1] Folly — букв. «причуда» *(англ.)* — искусственные руины для придания современным городам черт старины.

— Что именно? Что ягуары встречаются редко?

— Нет, что кондоры так любопытны.

В ту же секунду где-то недалеко раздалось приглушенное рычание. Анхелика вздрогнула, инстинктивно хватая Улисса за руку.

— Легок на помине,— хмыкнул он, доставая свой «штейер».— Это ты виновата, сглазила. Может, не будем искушать судьбу, вернемся?

— Он не посмеет напасть днем на двоих сразу.

Стараясь не шуметь, они пошли дальше. Улица города-ущелья вскоре привела их к центральной «площади» поселения, посреди которой стояло небольшое строение круглой формы со входом, напоминающим цветочный бутон. Строение было увито плющом, оплыло, но свод его не рухнул, как у других зданий города.

— Кива,— сказала Анхелика.— Святилище индейцев, все южно-американские индей...— Она не договорила.

Из глубины строения снова раздалось рычание.

— Ягуар! Вот он где прячется! Не ходи туда.

Улисс отвел руку девушки; в рычании зверя ему почудилась не угроза, а жалоба.

— Дай фонарь. Оружие есть?

— «Вальтер».

— Раньше мне казалось, что пистолеты не входят в медицинское оборудование, а? Отойди в сторону и жди.

Улисс включил фонарь и, не обращая внимания на хриплое ворчание невидимого зверя, приблизился к святилищу. Луч света выхватил из тьмы какие-то ящики явно современного вида с надписью «фрукты» и эмблемой «Птичьего глаза» и... клетку с ягуаром! Клетка была маленькая, зверь в ней умещался только лежа,— великолепный пятнистый самец с переливающейся шкурой,— но даже издали было заметно, что он ослабел от голода и неудобной позы. Глаза его блеснули ненавистью, но рык получился не грозный, а бессильный.

Джонатан вернулся к спутнице.

— Он в клетке. Видимо, приготовили, чтобы увезти «на материк». М-да, веселенькое дело! На каждом шагу следы белых, а мы не могли никак добраться сюда. Они-то как пробираются сюда? Я имею в виду контрабандистов. Надо сматываться отсюда, вернутся хозяева — нам не сдобровать.

— Пошли,— согласилась Анхелика, потом остановилась.— Может, выпустим его? Жалко...

Улисс хотел отказаться, но встретил ее умоляющий и испытывающий взгляд и махнул рукой.

— Выпустим. Лишь бы он не кинулся на нас.

Но ягуар не кинулся: то ли в благодарность за освобождение, то ли решил «не связываться»; то ли ослабел настолько, что думал

только о бегстве. Он лишь рявкнул с обидой и предостережением в голосе и трусцой направился в глубь ущелья, скрылся за развалинами.

Улисс пробормотал ему вслед:

— Не попадайся больше, кошка, второй раз тебя не освободят.

— И спасибо не сказал,— с облегчением засмеялась Анхелика.

На траву упала легкая тень. Кондор, совсем низко. Что-то блеснуло у него на груди. Не долго думая, Джонатан поднял пистолет и точным выстрелом сбил птицу на вираже. Грудой перьев она рухнула в теснину улицы-ущелья. Не обращая внимания на изумленный вскрик девушки, альпинист подбежал к месту падения кондора, перевернул его на спину и присвистнул. Из перьев на груди птицы выглядывал зрачок миниатюрной телекамеры. Улисс знал такие штучки весом в сорок граммов, фирмы «Хаттори сейко», на ЧИП-кристаллах, выполненные с использованием технологии направленной диффузии.

Подошла Анхелика.

— Ты зачем? — Она заметила объектив.— Что это?

— Лишний глаз,— ответил Джонатан.— Странно у вас в Паракасе идет эволюция пернатых. В Европе у птиц только по два глаза.

И снова глаза девушки не смогли скрыть не то досады, не то угрозы. Интересно, о чем она подумала? Дурак ты, монтанеро, и уши у тебя холодные? Или прикидывает варианты шахматной партии Улисс — «вальтер»?..

— Ты действительно не понимаешь, что означают наши открытия?

Альпинист пожал плечами.

— Этими открытиями пусть занимаются компетентные органы, мое дело — скалолазание. Я вообще не люблю связываться с полицией.

— Я не о том, монтанеро. Если мы сообщим обо всем в полицию — моментально станем мишенями, подумай об этом. Контрабандисты не любят, когда кто-то проникает в их тайны. Пошли отсюда, мне что-то не по себе...

Через час они выбрались к лагерю со скверным ощущением целящегося в спину невидимки. Оба думали об одном и том же: кто его спутник? В лагере их ждало сообщение о смерти одного из рабочих передового отряда по имени Альфонсо. Того самого, в котором Улисс узнал полицейского.

ПИКАЛЬ

Неприятности начались в полдень.

Сначала Эрнандесу сообщили о пропаже из морга трупа Милле-

ра, а спустя полчаса позвонил Барахунда и тоном, не предвещающим ничего хорошего, буркнул:

— Бери своих экспертов и дуй в лагерь у Тумху. Одна нога там — другая здесь.

— А что случилось?

— Умер Фиоретура.

— Альфонсо?! Каким образом? Что значит умер?

Барахунда, не отвечая, бросил трубку.

Эрнандес взял с собой врача, эксперта и Нгури и со всей скоростью, на которую был способен «форд» шестой модели, помчался к Пирину, где дежурил вертолет. Через двадцать минут он был в лагере, население которого находилось в легком шоке после третьего трагического случая, и нашел Барахунду, угнетенного жарой и отсутствием каких бы то ни было улик, возле одной из палаток, где покоилось тело Альфонсо. С майором беседовали двое: красивая испанка, врач экспедиции, и здоровенный парень, альпинист, с помощью которого Фиоретуру перенесли из долины на плато. Эрнандес заглянул в палатку, постоял немного и вышел, жестом пригласив медэксперта зайти.

— Как это случилось?

— Свидетелей нет,— нехотя ответил Барахунда.— Он решил искупаться, остальные в это время переносили вещи, и... думали, что он отлучился по нужде. Потом начали звать, а он... в озере. Никаких следов борьбы на теле. Упал и утонул.

— Где он купался? Там глубоко?

— Бочаг глубиной в пять футов, дно ровное... В общем, капитан, дело темное. Он у тебя не страдал сердечной недостаточностью?

— Он умер не от сердечного приступа,— возразила глубоким контральто врач,— а от удушья. И едва ли я ошибаюсь. Я вам нужна, сеньоры?

— Нет,— после минутного колебания сказал Барахунда.— А вы задержитесь, молодой человек,— добавил он, видя, что сопровождавший врача альпинист собирается идти за ней.— Повторите капитану вашу историю.

Улисс рассказал об открытии «пещерного» города и индейского храма в долине. Замолк, выжидательно глядя на майора. Что-то в выражении его лица не понравилось Эрнандесу. Налет превосходства?.. Нет, скорее, тень иронии. Интересный парень, и как видно, не дурак.

— Контрабандисты? — поднял на капитана свои выпуклые черные глаза Барахунда.

— Похоже,— согласился Эрнандес.— Но канал сбыта имеют не в Пикале, я бы засек. В Боливии? По ту сторону долины — граница.

Барахунда покачал головой, но не ответил. Кивнул Улиссу:

— Хорошо, монтанеро, идите, но прошу своими открытиями не делиться ни с кем, и передайте это же врачихе. Вы там, в долине, никому не говорили о находках?

— Не успели, началась эта история с утопленником.

Майор кивнул, и альпинист ушел.

— Ну, и что вы об этом думаете, дон Доминго? — спросил Барахунда.— Не слишком ли много смертей за последнее время? С Миллером ничего нового не выяснили?

— Вы же запретили мне заниматься этим делом,— сказал Эрнандес, подумал и добавил.— Его... украли. Прямо из патолого-анатомического отделения. Мои олухи клянутся, что никого не видели, ничего не слышали, но он... исчез.

— Лихо! — только и сказал майор Барахунда, вытаращив глаза.— Кому он мог понадобиться?

— Тому, кто его убил,— предположил Эрнандес, не моргнув глазом.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы убийства.

Майор опомнился.

— Тьфу на вас, капитан! Кто вам сказал, что Миллера убили? Доказательств нет. Никогда не обосновывайте вывод на непроверенных слухах, это помогает сохранить хорошее мнение начальства при полном отсутствии результата. Займитесь поисками трупа. Если появится информация, сообщите.

— Слушаюсь,— вытянулся Эрнандес.— А что делать с Альфонсо?

— Что и обычно. Везите к себе, на вскрытие... потом доложите.

— Жарко сегодня,— сказал капитану медэксперт, вылезая из палатки, достал сигареты, глядя на удаляющегося Барахунду.— Не по-весеннему. Она права.— Он закурил.— Права.

Эрнандес понял, что эксперт имел в виду врача экспедиции.

— Судя по всему, парень просто захлебнулся. На теле ни синяков, ни ссадин, только два-три следа укусов насекомых. На всякий случай я взял кусочки тканей на исследование, но,— эксперт затянулся,— дело дохлое. Может быть, что-то покажет вскрытие?

К полицейским подошел нервный Косински.

— Господин капитан, ваш работник запретил переход в долину, но это же смешно — задерживать экспедицию из-за...

— Труп — это всегда смешно,— поддержал его Эрнандес.

Косински сбился.

— Ну, нет, конечно, я хотел... простите. Однако никто не застрахован от несчастного случая, и если бы все экспедиции откладывались из-за смерти одного из участников, мы не знали бы сейчас Америки. Как долго нам еще бездействовать? И так потеряли черт-те сколько времени!

— До полного выяснения обстоятельств дела. Расследованием займусь я сам, думаю, завтра вы сможете продолжить переброску экспедиции в долину.

Косински попробовал протестовать, но ничего не добившись, удалился, кипя от негодования.

Подбежал Нгури.

— Сеньор капитан, я его узнал!

— Кого?

— Того сеньора, который по описанию сеньора Эчеверья заходил к сеньору Миллеру.

Эрнандес хотел выругаться, но лишь вздохнул.

— Где он?

— Разговаривает за одной из «чульп» с тем голландцем, что был вместе с Эчеверья, когда мы с вами с ними говорили.

— Не Эчеверья, а Эчеверриа. Веди.

Нгури с азартом устремился вперед, как молодая гончая, учуявшая след зверя, но не оценившая по неопытности его размеров и силы. Выйдя за границу базового лагеря, оцепленного «гвардейцами» Эрнандеса, возле третьей «Чульпы» Сильюстани, стоявшей дальше других от скал, в кустах толы, они издали увидели Леона ван Хова в компании с каким-то странным субъектом. Хотя от увлекшейся разговором пары было добрых пятьсот футов, это не помешало Эрнандесу разглядеть незнакомца. Внешность его была отталкивающей: ему было под сорок-сорок пять, сутул, с широкими покатыми плечами и длинными руками, ноги не видны, скрыты кустарником, а лицо жуткое, свирепое, с глубокими морщинами, широкоскулое; глаза упрятаны глубоко под надвинутый низкий лоб; уши сплющены и свисают, как у летучей мыши. Встретишь такого один на один — инфаркт обеспечен. Ну и чудище! Рожает же земля таких. Явно не испанец, не абориген...

Незнакомец словно услышал мысли капитана, поднял нависающую над ван Ховом голову, поглядел в сторону приближающихся полицейских и... исчез, будто растворился в воздухе.

— Он? — коротко бросил Эрнандес.

Нгури, имевший такое же острое зрение, звучно сглотнул.

— Н-нет... это же... дьявол! А тот обыкновенный форзудо [1], одет в... черный, обтягивающий... трайе депортиво. Куда же он делся?

Ван Хов оглянулся на них, помахал рукой и двинулся навстречу.

— Какими судьбами, комиссар? Любуетесь на эти изумительные постройки?

— Кто это с вами разговаривал? — равнодушно буркнул Эрнандес.— Интересный тип, я раньше его здесь не видел.

---

[1] Форзудо *(исп.)* — крепыш.

— А, этот...— Ван Хов оглянулся.— Да, прямо скажем, не красавец. Предлагает услуги в качестве верхолаза.

— Как, верхолаза? Может быть, скалолаза?

— Не вижу разницы.

Эрнандес улыбнулся.

— Что ж, экологу простительно не знать разницы, хотя она есть и весьма существенная. Но почему он обратился к вам?

— Видимо, счел за начальство. У вас еще есть вопросы? — в голосе ван Хова послышались нотки раздражения.

— Пока нет.

— Тогда прошу извинить, меня ждут дела.

Голландец повернулся и, как колобок, покатился к лагерю.

— Вот что, малыш,— сказал Эрнандес, глядя ему вслед.— Осмотри-ка здесь все потщательней. Если встретишь его ушастого собеседника, попытайся установить, где живет и кто он.

— А того, которого я узнал?

— И его тоже. Не нравится мне этот эксперт из ООН, больно уж прыток.

Капитан вернулся в Управление, и скучающий Хулио сообщил ему весть о прибытии из Женевы эмиссара Интерпола.

— Не понял! — удивился Эрнандес.— Он что же, прибыл прямо в Пикаль, минуя столицу?

Дежурный по Управлению кивнул.

— Он велел... извините, просил встретиться с ним в семь вечера, здесь, в геренции...

Капитан подумал.

— Это становится интересно. Черт с ним, подожду. Как его зовут, назвался?

— Драган Милич.

ОКРЕСТНОСТИ ПИКАЛЯ — ДОЛИНА ПИРУА

Рассвет альпинист встретил в долине Пируа в полной «боевой» форме, готовый к любому поединку, как физическому, так и интеллектуальному. Отсутствие таковых ночью он пережил с удовлетворением, хотя ждал развития сценария с засадами, западнями и схватками.

В полночь он проник в лагерь возле перевала Тумху и по очереди обшарил угрюмые башни «Чульп», благо возле них не оказалось полицейских постов и они не были освещены. Вход в подземелье оказался в самой крайней башне, стоявшей несколько особняком, причем замаскирован он был искусственной плитой, изображавшей каменную глыбу. Улисс никогда не разгадал бы по виду в этой «глыбе» подделку и лишь по звуку определил за ней пустоту.

Спустившись в дыру по ступенькам, он включил инфракрасный фонарик, надел очки ночного видения и спокойно преодолел почти прямой, довольно чистый подземный тоннель длиной в полмили, нигде не встретив никакой хитроумной индейской, а также и любой другой ловушки. Выход из тоннеля высотой в пять футов — то ли его строили пигмеи, то ли экономные белые пришельцы — оказался прямо под извилистыми досковидными корнями саговника, найти его, не зная точных координат, было бы весьма затруднительно.

Улисс дождался рассвета и уже без инфраоптики обнаружил хорошо утоптанную тропу, уходящую в глубь сельвы. Но хотя ее никто не охранял, Джонатана не покидало ощущение, что хозяева подземного перехода и тропы знают, что он ими воспользовался, и заманивают вглубь намеренно. Можно было, конечно, возвращаться, он проверил точность сообщения по записке и нашел способ быстрого проникновения в долину, но что-то подсказывало Улиссу, что назад идти тем же путем уже нельзя. Тогда он выбрал другой путь — вперед.

Тропа, отклоняясь влево, через милю с небольшим вывела его к длинной стене сланцевых обнажений, и Джонатан сразу увидел лагерь, чужой лагерь, покинутый, на пятачке между стеной скал и зеленым забором сельвы, у группы пещер, четко просматривающихся на желто-серой поверхности обнажения. Лагерь состоял из двух пятнистых, под цвет скал и почвы, палаток и навеса, под которым прятался штабель аккуратных зеленых ящиков. Вокруг ни души.

Улисс тенью спустился к громадной яме у подножия каменной губы, обошел полуразвалившуюся каменную постройку из адобе, напоминавшую сарай, и у двух расколотых каменных плит наткнулся на шахту с уходящими вниз лестницами. Пользовались ими, судя по отпечаткам на глине, давно. Джонатан заглянул в шахту, но спускаться не стал, поднялся выше, к пещерам. Но это оказался совсем не город, как он подумал вначале. Внутри горы все пещеры соединялись в одну галерею с рядом круглых отверстий в полу. Под ногами загрустели какие-то кости и черепки, пахнуло необычным запахом — запахом камфары и тлена.

Улисс надвинул очки и посветил в одно из отверстий. Луч инфрасвета выхватил из мрака каверну, похожую на пузатую бутылку из-под вина — вид изнутри. На дне каверны располагались неподвижные фигуры, мумии с поджатыми к подбородку коленями и скрещенными на груди руками, почти все они были повалены, многие разломаны на части.

Джонатан посветил в соседнюю каверну и спрятал фонарь. Он попал в Некрополис, город мертвых. Уже разграбленный, опустошенный, растоптанный жадными и алчными «вакерос» — граби-

телями могил. Судя по величине и качеству обработки пещер здесь хоронили элиту древних индейцев пируа.

Вылезая из некрополиса через крайнюю пещеру, Джонатан споткнулся о подвернувшийся обломок статуи, и это его спасло: пуля прошла над ухом, срикошетировала от стены и взбила пыль на полу у каверны. Улисс отпрянул назад, под защиту стен пещеры, и замер, вглядываясь в зелено-коричневые дебри по ту сторону скально-глинистого обнажения. Он угодил в ловушку, и мгновение назад его спас только случай.

Несколько минут истекли в неподвижности и молчании. В сельве не дрогнула ни одна ветка, не шевельнулся ни один листик, полная угрозы жаркая тишина не выдала стрелявшего ни одним звуком. Но стоило Улиссу переместиться к другому отверстию пещеры, как два фонтанчика пыли с каменным крошевом обозначили границу жизни и смерти на каменной губе выхода. Выстрелов слышно не было, стреляли из американской винтовки М-16 с глушителем, и стрелок не шутил.

Улисс осмотрел свое прибежище и с грустью констатировал, что выйти из него целым и невредимым будет очень непросто: все восемь отверстий пещеры выходили на склон обнажения и просматривались издалека с любой точки напротив. Стрелку надо было только дождаться, когда жертва выглянет из дырки, и всадить в нее пулю. Но он мог поступить иначе: дождаться помощи или с помощью той же винтовки зашвырнуть в пещеру пару десятков ампул со слезоточивым газом, после чего можно было брать гостя голыми руками.

«Все-таки за мной следили,— подумал Джонатан.— Если не впрямую, то дистанционно, с помощью телекамер, сродни тем, что вшиты кондорам. То-то я все время пытался вспомнить — что упустил из виду. А теперь хочешь-не хочешь, а придется рисковать».

Он осмотрел длинную пещеру более внимательно, только теперь заметив, что среднее отверстие пещеры полузавалено грудой камней с обрушившегося свода и выходит прямо к развалинам «сарая». Если уж где й прорываться с боем, то только здесь. Стрелок не ждет его отсюда, а одного-двух мгновений будет достаточно, чтобы допрыгнуть до постройки, крылом уходящей в сельву. Но ради вящей бдительности надо придумать отвлекающий маневр.

Улисс отступил в глубь галереи с отверстиями каверн, подобрал камень, сосчитал до трех, бросил его в крайнюю брешь и одновременно с ударом камня о пол нырнул ласточкой в узкую прорезь закупоренного выхода.

Бросок стоил ему исполосованного об острые грани обломков костюма, двух-трех ушибов и царапины на шее — там, где прошла пуля снайпера: стрелок все же успел перенести огонь с ложной цели на альпиниста и едва не достал его с третьего выстрела. Однако

Улисс был уже далеко. Ответную стрельбу поднимать он не стал.

Теперь он знал главное: как проникли в долину белые контрабандисты и как они выносили золото индейцев пируа. Правда, предстояла еще одна поисковая экспедиция, не санкционированная ни руководством Пирина, ни главой нынешнего археологического отряда Косински. Но хотя поиск значительно облегчался теми сведениями, которые смог оставить после своей смерти Хонтехос, следовало подготовиться к этой экспедиции более тщательно, взвесив все pro et contra [1].

Улисс отыскал место перевала с подъемником, наскоро объяснился с его охраной и за полчаса преодолел стену Тумху. В десятом часу утра он прибыл в Пирин и столкнулся с Торвиллом. Тот был чем-то взволнован.

— На ловца и зверь! — Кристофер пожал Улиссу руку, смущенно отводя глаза.— Не знаю, зачем, но тебя искала полиция.

— Полиция? — удивился Джонатан.— Меня?

— Я еще спал, когда они зашли ко мне. В общем, твою комнату обыскали и... знаешь, с ними вертелся этот противный тип из ЮНЕП...

— Ван Хов?

— Да, он, и все время шептался с офицером.

— Эрнандесом? Такой высокий, усатый, смуглый, поджарый.

— Нет, усатый, но низкорослый, плотный, хмурый. Фамилия у него интересная...

— Барахунда.

— Точно! — Торвилл искоса посмотрел на царапину на шее Улисса.— Ты осторожней, пожалуйста, по-моему, они сидят в твоей каюте, ждут.

— Спасибо,— поблагодарил Улисс, дружески сжимая локоть альпиниста.— Я ни в чем не виноват, так что бояться мне нечего. Но за предупреждение спасибо. Ты утром сегодня не встречал Анхелику?

— Не встречал со вчерашнего дня, с момента, когда привезли этого беднягу Альфонсо. Что передать, если увижу?

— Вот и расскажи, что меня ищет полиция.

Торвилл в замешательстве взглянул на товарища, хотел спросить: «А где ты был ночью?» — но передумал.

— Есть еще одна новость,— остановил он Улисса.— Говорят, что в Пирин прибыла бригада Интерпола.

— Ну и что?

Альпинист смешался, покраснел.

— Да ничего, говорят.

— Ну и черт с ними, нам-то что за дело? Кстати, давно надо было

---

[1] Pro et contra *(лат.)* — за и против.

заняться всеми этими смертными случаями, невозможно спокойно работать. Ну будь, вечером встретимся в баре.

Во взгляде Торвилла отразилось сомнение, но он ничего не сказал.

Улисс направился к лестнице на второй этаж, и вдруг у него сами собой напряглись мышцы спины: сработало подсознательное чувство опасности. Он оглянулся и в конце коридора успел увидеть мелькнувший силуэт человека. Подробностей разглядеть не удалось, но Джонатан был уверен, что видел эту характерную фигуру. Где? Уж очень знакома... И вспомнил: на скальной стене. Этот человек, похожий на гориллу, передвигающийся по вертикальной стене не хуже его самого, перерезал ему веревку.

В каюте Улисса ждали двое молодых людей в штатском. Один из них сразу встал, второй сунул руку под мышку.

— Буэнос диас, сеньоры,— вежливо сказал Джонатан, с любопытством разглядывая гостей.— По-моему, я запирал дверь на ключ.

— Мы из полиции,— сказал тот, что встал первым.— Вы Джонатан Улисс?

— Не отрицаю. А по какому вопросу я понадобился полиции? Формальности или что-то серьезное?

— Нам приказано доставить вас в Управление полиции Пикаля. Мы наслышаны о ваших способностях и соответственно подготовлены. Надеюсь, вы будете благоразумны.

— Надейтесь. Но что именно мне инкриминируется? Должны же вы при аресте сообщить задержанному, за что его взяли?

— За недозволенное ношение оружия,— сказал второй и показал пальцем на левую руку Улисса, где под мышкой в захвате висел пистолет.— «Вальтер» восемьдесят седьмого года выпуска. Кстати, носите вы его вполне профессионально.

— Потому что я профессионал,— пожал плечами Улисс.— Но это не причина для ареста.

— Вы правы,— раздался голос за дверью, и в комнату вошел невысокий, но крепкий тяжелолицый мужчина.— Позвольте представиться: майор уголовной полиции Барахунда. Вам знакома эта вещь? — Он протянул Улиссу необычной красоты перстень.

С первого взгляда Джонатан узнал перстень Анхелики.

— Знакома, это кольцо нашего врача сеньориты Форталезы.

— Еще бы вам не знать. Так вот, сеньор, вы обвиняетесь в убийстве этой сеньоры. В последний раз ее видели с вами и... перстень этот нашли в комнате. Еще есть вопросы?

Улисс вспомнил встреченную фигуру в коридоре. У него почему-то родилось впечатление, что и в долине в него стрелял этот человек. Нетопырь. Бесшумный, ловкий, сильный. Страж службы ликвидации... Неужели они убили Анхелику?!

— Ну и дела,— сказал Джонатан спокойно.— Вы, майор, дейст-

вуете, как в анекдоте: сейчас я сделаю ошибку, а вы — учитесь. Многому научите своих парней таким способом. А если я не подчинюсь?

В комнату вошел еще один человек, высокий, гибкий, подтянутый, с красивым открытым лицом. Он белозубо улыбнулся.

— А вот этого делать не следует, мистер Улисс, вас просто убьют. Я, как и вы, не верю обвинению, но не проверить факты не имею права. Думаю, все скоро выяснится, и мы вас отпустим.

— Кто вы такой? — нахмурился Барахунда.— Как сюда вошли? И почему командуете?

— Я Драган Милич,— снова улыбнулся вошедший,— инспектор Интерпола. Вот мой сертификат.

ПИКАЛЬ

Нгури ворвался в кабинет капитана, словно занесенный ураганом.

— Я его нашел, сеньор капитан!

— Кого? — поднял от стола голову Эрнандес.

— Того парня, который стоял с голландцем и который похож на человека, заходившего в комнату Миллера перед его смертью.

— Ты уверен? Где он?

— Я его выследил. Он сидел у доньи Пепы, ел халву, а потом вышел, я за ним,— затараторил Нгури.— Он зашел в аптеку, потом в оружейную лавку, и все время оглядывался...

— Короче.

— Потом он вошел в офис транспортной фирмы...

— «Птичий глаз»?

— Да, сеньор капитан, и оттуда уже не вышел. Я ждал больше часа, но контора закрылась, а он... остался.

— Он мог выйти и через патио,— сказал задумчиво Эрнандес, покачивая двумя пальцами авторучку так, что она казалась гибкой, резиновой.

— Я не совсем тонто [1] и поставил с другой стороны одноглазого Кучо. Он клянется, что из дома вышел только сам сеньор Дайамонд, директор фирмы. Сеньор капитан, я не мог ошибиться, это азесино [2], клянусь матерью!

Эрнандес расстегнул кобуру, проверил в пистолете обойму и встал.

— Ну что ж, веди.— Он нажал на клавишу селектора.— Марко, группу усиления на выход, мою машину.

---

[1] Дурак *(исп.)*.
[2] Убийца *(исп.)*.

Но капитан не успел выйти из Управления, потому что у входа двое молодых людей под предводительством майора Барахунды подвели к нему Улисса в наручниках.

— Привет,— сказал майор.— Куда это ты торопишься? Забери этого парня, подозревается в убийстве Миллера и Анхелики Форталезы. Мы нашли в его конуре перстень девушки и патрон от пистолета Миллера.

— Альпинист?! — удивился Эрнандес.— Какого черта?!

— Я реагировал примерно так же,— сказал Улисс не без иронии.— Но ошибкой здесь не пахнет, это обычный заговор с целью очернить человека. Правда, не знаю, кому это выгодно. Не прошу защиты, прошу разобраться.

— Разберемся,— буркнул Барахунда.— Капитан, спрячьте его пока, у меня нет времени заниматься этим молодчиком. Я слышал, у вас был гость?

— Откуда вам известно? — прищурился Эрнандес, направляясь обратно в кабинет. Крикнул дежурному.— Марко, приготовь КПЗ.

— Работа,— пожал плечами майор, первым входя в кабинет начальника полиции Пикалия.— Вы обязаны были доложить о госте сами. Снова играете в мистера Холмса? Навели бы лучше порядок в Пирине, этот старый болван Эчеверриа не в состоянии организовать даже лечение больных.

— Вот как? А кто заболел?

— Двое, Фишлибих и Гордон, и оба одной болезнью — Монге *.

— Монге? — переспросил спокойно ожидавший своей участи Улисс.— Но ведь ею страдают только альпинисты... вернее, те, кто не имеет гиповентиляторной тренировки. Разве эти двое участвовали в прокладке трассы через перевал Тумху?

— Заткнись,— бросил один из молодых людей угрожающе.

Барахунда задумался. И в это время очнулся молчавший до сих пор Нгури, не сводя взгляда с одного из охранников:

— Клянусь, это он! — Полицейский указал на парня рядом с Улиссом.— Сеньор капитан, это...— договорить Нгури не успел.

В руке парня блеснул металл, раздался хлопок, Нгури отлетел к стене кабинета и сполз на пол. Еще один хлопок — Эрнандес отшатнулся, схватившись за плечо. Стреляли из «люггера» с глушителем. Оторопевший майор Барахунда не сделал даже попытки выхватить пистолет, он ничего не понял. Зато все понял Улисс. Бросок, удар ногой по руке, второй удар — в живот, падение на пол — от выстрела второго профессионального убийцы (черт, в наручниках не разгонишься!), удар в колено (где их подцепил этот дурак Барахунда?) и обоими кулаками с браслетом в подбородок...

---

[1] Болезнь Монге — сгущение крови из-за увеличения количества эритроцитов.

Стрельба, неслышная в коридоре, длилась всего несколько секунд и оборвалась так же внезапно, как и началась.

Эрнандес, несмотря на полуобморочное состояние, успел достать пистолет, но стрелять было уже не в кого: «помощники» Барахунды, открывшие стрельбу, лежали без движения, как и сам Барахунда, получивший пулю в горло. Нгури свернулся в комок у стены, он умер, не приходя в сознание.

— Кто... вы? — прошептал Эрнандес, зажимая рану под ключицей. Из-под пальцев на белую форменную рубашку выдавились струйки крови.

— Не суть важно,— хрипло сказал Улисс, нагнулся и вытянул из кармана майора ключ от наручников.— Важно, что эти подонки занервничали. Они из службы ликвидации, я с ними уже знаком, но они пешки. Нужен их шеф. О каком госте говорил майор?

— Кто вы? — повторил Эрнандес.— Говорите, диаволо, а то пристрелю!

— Идите к черту, капитан,— отмахнулся Улисс.— Вам уже говорили и совершенно правильно,— не суйтесь не в свои дела. Вы же все время ухитряетесь попасть в какую-нибудь историю. Правда, на сей раз мне без вашей помощи не обойтись.

— Вы... интерполовец?

Улисс пропустил вопрос мимо ушей.

— Откройте замок.

Эрнандес, морщась, повернул ключ, альпинист снял наручники, потряс кистями.

— Порядок. Итак, сеньор капитан, слушайте внимательно. Сейчас вы позвоните в столицу, в Сегуридад, и все расскажете тому сотруднику, с которым имели дело, его зовут Кольор, полковник Кольор. А сами оцепите лагерь возле перевала и никого к стене, а тем паче к башням Сильюстани, не подпускайте. В одной из них — вход в подземелье, ведущее в долину Пируа. Поняли?

Эрнандес на секунду забыл о раненом плече.

— Вы... откуда ты это?..

— Сорока на хвосте принесла. Есть такая птица. Ну, а я пошел, надо успеть до того, как служба ликвидации начнет работать в долине. Да, опасайтесь одного человека очень странной наружности: урод, лицо ассиметричное, уши...

— Знаю, видел.

— Тем лучше, проинструктируйте людей. Увидите — стреляйте без предупреждения! Он чрезвычайно опасен! Кто к вам приходил? Европеец?

— Драган Милич, инспектор Интерпола.

Улисс присвистнул, покачал головой.

— Вот это да-а! Никогда бы не подумал!.. Ну, желаю удачи, капитан, она всем нам сегодня пригодится. Передайте Кольору, что-

бы перекрыли границу сверху, по-моему, контрабанда из долины уплывает большей частью туда. Вызывайте врача, лечитесь, и вперед.

Улисс задержался на пороге, глядя на Нгури.

— Жаль мальчишку, наблюдательный был парень.

Он ушел. Эрнандес дотянулся до селектора и вызвал дежурного.

ОКРЕСТНОСТИ ТУМХУ

Кристофер беседовал с Нераном, лежа в траве, и вспоминал прощание с Дианой. Казалось, было это совсем недавно, вчера, и примерно в этом же месте — если закрыть глаза. Но если открыть — сразу видно, что обстановка иная: слева — каменная стена до облаков, справа — светлый и чистый до изумления строй деревьев.

Где-то протарахтел и сел вертолет.

— Наша командировка, похоже, заканчивается,— сказал Неран, покусывая травинку.

— В долине работы непочатый край,— возразил Торвилл, не открывая глаз.

— Вряд ли экспедиция начнет работу в ближайшие дни, полиция перекрыла все подходы к лагерю. Странные дела творятся тут в Пикале... Умирают совершенно здоровые с виду люди... Мне это не нравится.— Неран помолчал.— Я, пожалуй, уеду.

Торвилл не ответил.

— А что случилось с нашим другом Улиссом? У него неприятности? Зачем его искала полиция?

Кристофер открыл глаза, полежал немного и встал. Из-за лепидодендронового состволия — пять стволов вместе,— как привидение выглянул Улисс и махнул рукой. Вставать не было никакого желания, но предчувствие беды кольнуло сердце и заставило альпиниста стряхнуть сонное оцепенение.

— Я сейчас.— Он встал и углубился в чистую и светлую, как зал с колоннадой в каком-то дворце, рощу.

Улисс ждал за кустом тамариска.

— Привет. Хорошо, что не пришлось искать тебя по всему предгорью. Нужна твоя помощь. Но предупреждаю: риск смертелен и случиться может всякое. Может быть, придется драться и стрелять.

— Что произошло?

Джонатан мгновение колебался, потом вытащил из-за кустов рюкзак, отщелкнул клапан.

— В долине прячется команда грабителей могил, контрабандистов. Они захватили Анхелику и... ее надо выручить. Драться умеешь? Стрелять? Держи.

— Подожди.— Торвилл отвел руку Улисса с пистолетом.— Значит, ты работаешь...

— Не имеет значения. Вообще-то моя цель — не контрабандисты, но тебе знать этого не надо. Идешь? Времени у нас очень мало. До нынешнего момента мы находились с гангстерами в положении сюрпляс [1], но они все же начали гонку первыми.

— Не говори загадками, я не люблю ходить вслепую.

— Узнаю неранскую закалку,— улыбнулся Улисс.— Хорошо, коротко о главном: фирма «Птичий глаз» — прикрытие международной корпорации контрабандистов, ее глава здесь, в Пикале, американский делец Дайамонд, он же агент ЦРУ. Почуяв, что пахнет жареным, он начал сворачивать контору...

— Постой,— поднял руку Торвилл.— Извини, я не все понял. ЦРУ, ты сказал? Зачем разведке заниматься контрабандой?

Улисс посмотрел на него с интересом, тихо засмеялся.

— А ты не такой лопух, каким кажешься с виду. Не обижайся.— Он потрепал порозовевшего альпиниста по плечу.— Ты прав, ЦРУ не должна заниматься контрабандой, но в Паракасе соблазн был настолько велик, что сотрудники конторы не удержались и... этот прокол и привел меня сюда. Не спрашивай больше ни о чем, Крис, я и так сказал больше, чем должен был. Но у меня нет выхода. Идешь?

— Иду,— сказал Торвилл.— Подожди минуту, пойду предупрежу Нерана, а то начнет волноваться.

Альпинист вернулся к палатке, возле которой сидел начальник Альп-отряда и, придумав причину, вынуждавшую его покинуть лагерь у Тумху, оставил Нерана одного.

Улисс ждал его на том же месте, уже переодетый в тропический комбинезон с противопотным слоем, не стесняющий движений. Протянул спасателю такой же.

— Переодевайся. Это НЗ, рация и «штейгер», стреляет ампулами с шоковым препаратом. Не знаешь, ван Хов в лагере или в Пирине?

— Этот эксперт по экологии? По-моему, я его видел возле палатки Косински. С ним был какой-то тип, белый, незагорелый. Я его раньше не видел.

Улисс задумался.

— Что ж, тем лучше. Начнем именно с него. Тебя полицейские пропустят? Ну и отлично. Найдешь этого незнакомца и предложишь прогуляться до последней «Чульпы», но так, чтобы не знал ван Хов.

— Это к той, что стоит отдельно?

— Там полицейских постов нет. А скажешь следующее...— Улисс проинструктировал Кристофера, что делать и что говорить.— Ну, с богом!

---

[1] Сюрпляс — в спринтерской велогонке — остановка на велосипедах с целью вынудить соперника начать гонку первым.

Новоприбывший, о котором говорил Торвилл и которого звали Драган Милич, отыскался у вертолета — разговаривал с молодыми археологами, обиженными своим положением. Кристофер подождал, пока он закончит беседу, и подошел.

Милич мельком посмотрел на альпиниста и с удивлением оглянулся, когда Торвилл окликнул его по имени. От него пахло дорогим «Кинг флауэ». Было заметно, что за внешностью своей Милич следит тщательно. Любит нравиться окружающим, подумал Кристофер в несвойственной ему псевдозначительной манере, бессознательно копируя Нерана. Потом честно признался себе, что «посланец Интерпола» и в самом деле симпатичный малый. Мужской характер, твердый и властный, помноженный на природный ум, проглядывал в каждом его жесте.

— Вы мне? По-моему, мы не знакомы.

— Я и не утверждаю обратного,— миролюбиво улыбнулся Торвилл.— Я Крис Торвилл, альпинист-спасатель.

— А-а, наслышан.— Милич не протянул руки для пожатия, в глазах его промелькнули иронические искры.— Это вы первым штурмовали Тумху? Справились с этим делом неплохо.

— Не я один. Вообще-то, я должен быть в отпуске, но платят здесь тоже неплохо, да и захотелось повидать другие страны. Хотя, честно признаться, скалы везде одинаковы.

— Это верно,— согласился Милич.— Так вы меня знаете? Откуда?

— Меня послали... послал один приятель, попросил, чтобы я нашел вас и передал, что он хочет с вами встретиться. Будет ждать возле самой крайней «Чульпы».

— Где-где?

— Эти каменные «перевернутые» башни называются «Чульпами», хотя никто не знает их истинного предназначения. Даже индейцы.

— Приятель? Ваш или мой?

— Ваш. Он так сказал.

— Но я только что прибыл и никто не... м-м, а как его имя?

— Он назвался Дигги... или что-то в этом роде. По-моему, он болен, потому что все время держится за живот.

Милич подумал, посмотрел на часы и кивнул.

— Если не трудно, проводите меня к нему, чтобы я не искал. Дигги, вы говорите? И он прямо назвал мое имя?

— Ну да, сказал позвать Милича.

— Странно, меня здесь никто не знает.

Вышли за пределы оцепленной территории, обогнули первую «Чульпу», поднялись ко второй, похожей издали на гигантский гриб-сморчок. Торвилл оглянулся и заметил, что за ними в отдалении бредут один за другим двое: мулат в грубой одежде паракасского

крестьянина и здоровяк-европеец, в котором Кристофер не без удивления узнал археолога из Норвегии. Ему-то что надо?

— Бальзам, чувствуете? — проговорил Милич, вдыхая воздух полной грудью.— Что это так пахнет?

— Всего понемногу. Эвкалипты, аралиевые, реликтовые деревья лепидодендроны, роща неподалеку.

— Ей-богу, симфония ароматов! Ничего подобного прежде не нюхал. А вообще-то прохладно. Всегда так? Или мне повезло? Думал, в тропиках жара неимоверная.

— Летом, действительно, жарко, хотя воздух остается сухим и чистым, а сейчас только начало весны. Но, говорят, в долине климат совершенно не такой: жара, духота, безветрие... одним словом, пекло. Я работал в условиях альтиплано, так там, несмотря на жгучее солнце, холодно в любое время года.

— Спасибо за информацию. Однако мы пришли. Вот наша «Чульпа», а где же Дигги?

Торвилл огляделся, но никого не увидел. Лагерь был скрыт пригорком, заросшим толой, сельва в этом месте подступала к скалам вплотную. Нигде никого.

— Ну? — Милич пристально смотрел на альпиниста.— А теперь давайте правду: зачем вам понадобилось тащить меня сюда и откуда вы знаете мое имя?

— Захотелось пошутить,— сказал Торвилл сердито; он сердился на Улисса, не подающего признаков жизни.— А заодно проверить реакцию агента «Чистилища».

Взгляд Милича потемнел. Он похлопал по карманам и вытащил таблетку жевательной резинки.

— Не хотите? «Фери сан», редко бывает в свободном ходу. Вы меня сильно озадачили, право слово. Кто вы?

Торвилл перевел взгляд ниже и увидел зрачок дула пистолета, глядевший на него из руки «интерполовца». Кто-то вдруг прыгнул на Милича из-за глыбы камня, ударил по руке и подхватил выпавший пистолет. Это был Улисс. Он ловко, одним движением сверху вниз, обыскал согнувшегося от боли курьера, вытащил из кармана еще один пистолет — миниатюрную «беретту», рацию и удостоверение офицера международной уголовной полиции.

— Полковник,— прочитал он вслух и сунул книжечку обратно.— Извините, чуть не опоздал. У него было двойное прикрытие, пришлось повозиться. Ну, здравствуй, Драган. Не ожидал, что ты пожалуешь в Паракас лично. Миллер — твоя работа?

Милич разогнулся, растирая руку.

— Для такой работы есть специалисты. Кто ты такой? Я тебя впервые вижу.

— Еще бы,— кивнул Улисс.— Если бы ты меня знал, едва ли я имел бы счастье разговаривать с тобой здесь. У меня мало времени

на выяснение фамильных отношений, поэтому ответь всего на два вопроса. Как ты сам понимаешь, тебе дается шанс уцелеть, по правилам «Чистилища» таких, как ты, в живых не оставляют. Но я попробую договориться с руководством, чтобы тебя официально выдали властям твоей страны... Раймонд Крессел. Полковник ЦРУ с двадцатилетним стажем. Ну, как, я доходчиво объясняю?

— Доходчиво.— Милич сплюнул.— Я тебя вычислил. Джонатан Улисс. Жаль, что поздно. Спрашивайте. Знаю — отвечу.

— Вопрос первый: точные координаты лаборатории «Демиург» в долине, где работает фашист Копман.

Милич без подготовки прыгнул на Улисса, но тут же со стоном согнулся и упал на колени. Удара Торвилл не заметил.

— Мразь! Подонки! Вонючки пог...— Еще один удар, почти незаметный. Милич, не договорив, растянулся на траве. Закашлявшись, поднялся, сплюнул и вдруг засмеялся хрипло.

— Вот сволочь! Я думал, только мои молодцы умеют так бить. Видно профессионала... Служил в армии? Джи-ай? Батальон «Солджер оф форчун»?

— Не имею чести,— тихо сказал Улисс.— Не был ни «диким гусем», ни «зеленым беретом».

— Странно, могу ручаться...

— Повторить вопрос?

— Не надо. И бить не надо, не поможет. Я не знаю координат лаборатории, ей-богу, не знаю. Я всего лишь офицер контрразведки.

— И начальник службы ликвидации.

Милич покачал головой, с интересом разглядывая Улисса. Торвилл вдруг поймал себя на том, что ему нравится, как держится агент ЦРУ.

— Ты ошибаешься, чистильщик. Я не знаю такой службы.

Молниеносный выпад, стон, Милич снова падает.

— У инков, на золото которых вы позарились, есть три заповеди: амасуа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь трусом, не будь лжецом. Так вот, не будь лжецом, Крессел.

Торвилл поморщился, перехватил взгляд Улисса.

— Что, жалеешь?

— Зачем эти... эксцессы?

— У нас нет времени. Ненавижу хищников в человеческом облике! На его руках кровь сторожа-индейца, Миллера, полицейского Альфонсо и многих других. Ну как, красавчик, добавить еще?

— Я же сказал — не знаю! — простонал Милич, массируя рукой живот. В голосе его сквозь боль слышалось восхищение.— Ну и удар! Вот скотина!

Улисс засмеялся коротким неприятным смехом, от которого у Кристофера побежали по коже мурашки. Он постучал пальцем по циферблату часов.

— Что делать?

— Придется... обезвредить. Итак, ты не знаешь координат лаборатории. Допустим. А кто знает? Ван Хов? Или только сам Диггори Дайамонд?

Милич перестал массировать грудь и выпрямился.

— Черт бы вас драл! Вы что же, знаете, кто он?

Улисс кивнул.

— Кто этого не знает?

Милич хрипло рассмеялся, закашлялся.

— Все-таки «Чистилище» — отличная организация, признаю. А ведь начиналось все с нуля. Хорошо, что мы сразу поняли, к чему это все может привести, и приняли меры. Да, СИУ знает дело, но не лучше конторы, заруби это себе на носу, чистильщик.

Улисс и Торвилл переглянулись.

— Хотите совет? — предложил Милич, перестав смеяться и ругаться.— Вам лучше отпустить меня с миром, парни. Я орешек не по вашим зубам. Желаете заниматься ван Ховом и его окружением — занимайтесь, если надоела голова на плечах, но я не из его компании.

— Ладно, красавчик, заткнись. Последний вопрос, по крайней мере, мой. Где Анхелика?

— Кто?

— Не притворяйся. Сеньорита Анхелика Форталеза.

Милич криво улыбнулся.

— Удивительная женщина!.. Хотя я с ней познакомиться не успел. Кстати, вы знаете, что она работник Паракасской службы безопасности? Для меня это было полной неожиданностью.

— Для меня тоже. Где она?

Милич кашлянул, торопливо вытянул руку вперед:

— Только не бей, дурак, мне же больно. Я знаю, что ее захватили люди Копмана, но где ее держат — убейте, не знаю. Думаю, в лаборатории, в долине.

— Похоже, мы в тупике.— Улисс толкнул Милича ногой.— Лежать, гад! Считаю до трех. На счете три — стреляю.— Он достал пистолет, стреляющий шоковыми иглами.— Раз, два...

Глаза Милича расширились, но лицом он владел хорошо.

— Ну и стреляй, болван!

— Три!

— Не надо, Джо.— Торвилл приставил ладонь к дулу.— Я не хочу участвовать в обыкновенном...

— Договаривай.

— Убийстве.

— Зато он сделал бы это не задумываясь.— Улисс спрятал пистолет и, поколебавшись, признался с улыбкой.— Честно говоря, я тоже не стреляю в безоружных. Пусть живет... пока.

— Благодарю,— усмехнулся Милич, смахивая со лба капли пота.— Особенно обнадеживает это «пока». Но я в самом деле не знаю, в каком именно месте долины расположена лаборатория. Знаю только, что ее снабженцы часто болеют какой-то болезнью...

— Монге? — быстро спросил Улисс.

— Д-да... похоже... кажется, Монге. Хочу еще предупредить: не вздумайте сунуться в долину, Копман не дурак и окружил лабораторию мощной системой защиты вплоть до крупнокалиберных пулеметов, лазеров и ручных зенитно-ракетных комплексов...— Милич вдруг прикусил язык.

— Это мы уже знаем,— сказал Улисс.— Ничего нового ваш новоявленный Франкенштейн не применил. Хотя... может быть, и ты не все знаешь, полковник. Крис, отрежь-ка футов десять репшнура.

Они связали курьера ЦРУ, забили в рот кляп и уложили в густые заросли толы так, чтобы он не мог двигаться.

— Часа два-три пролежит, а больше и не надо,— сказал Улисс, критически оглядывая свою работу.— До встречи, Крессел. Хотя лучше бы нам не встречаться. Скажи спасибо, что со мной этот парень. Тебе ведь хорошо известно, «Чистилище» не прощает шпионов, убийц и предателей, так что, если выберешься отсюда живым, убирайся домой и не высовывай оттуда носа. Макговерн [1] еще лет двадцать назад дал всем вам, «рыцарям плаща и кинжала», хороший совет, последуй ему.

Они выбрались из кустарника к наклонной стене «Чульпы».

Шел уже седьмой час вечера, солнце давно скрылось за горным хребтом. Небосклон начал синеть, приобретая глубину и твердость.

— О каком совете ты вспомнил? — не удержался Торвилл.

— Ты о Макговерне? — очнулся Улисс.— Он сказал: «Вернись домой, Америка». Если бы она, Америка, послушалась... Знаешь, а ведь этот подонок, сам того не желая, дал ориентир. Помнишь, он заговорил о больных? Болезнью Монге страдают только...

— Скалолазы.

— Плохо тренированные люди, правильно. Значит, лаборатория расположена еще выше, чем Пикаль. Но в долине всего несколько подходящих групп скал, на которых можно расположить комплекс зданий, их можно вычислить.

— Не обязательно зданий, это могут быть естественные или искусственные пещеры.

— Молодец, соображаешь! А я, кажется, даже знаю, какие скалы подходят для этой цели лучше других. Для себя я назвал их «Замком», он хорошо виден с перевала: плоский останец плато в

---

[1] Дж. Макговерн — американский сенатор, бывший шеф ЦРУ.

окружении эрозированных «башен», заросший сверху сельвой. Итак, вперед?

— Вперед! — сказал Торвилл, не задумываясь.

Тумху они преодолели не по верху, а под землей, по разведанному Улиссом тоннелю; никто его не охранял.

В долину уже спустились сумерки, а в сельве было совсем темно. Путь до «Замка» занял около двух часов, и альпинисты подобрались к его крутым бокам, когда окончательно стемнело и в небе высыпали звезды.

— Странно, что все тихо,— шепнул Улисс, останавливаясь.— У них тут наверняка должна быть охрана. Кстати, тебе не кажется, что пахнет хлебом?

Кристофер принюхался.

— Скорее, какими-то отбросами.

— Это омбу, «трупное дерево», видимо, растет неподалеку. А поскольку оно растет только вблизи водоемов, то поблизости река. Не свалиться бы в омут. Держись в кильватере.

Лавируя между стволами секвой и буков, они направились к громаде отвесных стен «Замка», нависавшего над сплошным покровом сельвы. Спустились вниз по склону небольшого ущелья, напоминавшего овраг. Глаза уже привыкли к темноте, но мрак, сгущенный зарослями, был плотен и вещественно осязаем — когда путешественники натыкались на внезапно возникающие на пути камни, стволы и корни деревьев. Улиссу было легче, он шел в инфраочках, а Торвиллу доставалось крепко. Темп передвижения после трех-четырех столкновений снизился до черепашьего.

Через несколько минут выбрались на край поляны, вернее — озерца, причем узнали об этом, когда Улисс окунулся в воду по пояс.

— Стоп! Здесь вода... Речная заводь.

— Может, родник?

— Может быть, и родник, но это хорошо, что здесь вода, легче замести следы.

Они обошли водоем по каменистому берегу и снова углубились в чащу, держа курс на громаду «Замка». Некоторое время пробирались молча и неожиданно вышли к стене, сложенной из грубо отесанных камней — Кристофер определил это на ощупь. Он замер, но Улисс успокаивающе сжал его плечо.

— Наверное, постройка древних индейцев. Археологи до нее доберутся не скоро, хотя таких построек в долине много. Осторожно, тут ямы...

Взяли вправо, обходя стену, дотрагиваясь до нее рукой. Стена внезапно повернула, образуя угол, и тут же Улисс остановил товарища, предупреждающе толкнул его в плечо.

Буквально в десяти шагах в темноте висели два малиновых огонь-

ка, выписывая замысловатые траектории. Один из огоньков разгорелся ярче, осветил пальцы и губы, и Кристофер понял, что это огонь сигареты: впереди стояли и молча курили двое.

Улисс тихонько потянул Торвилла за собой, они отступили за угол, и вовремя: один из курящих включил вдруг фонарь и осветил часть древней постройки, за которой скрылись альпинисты.

— Ты что, Ян? — послышался голос на английском.

— Показалось, будто кто-то смотрит в спину.

— Дай очередь по кустам.

— Спятил? Босс голову открутит за шум.

— Ты что же, в самом деле так его боишься? Да он первым даст деру, если запахнет жареным.

— Но до этого успеет отдать своим палачам-вивисекторам для экспериментов, как тех троих. Индейцы не в счет. Ладно, пошли по маршруту. Надо было взять собак, чувствовали бы себя спокойнее.

— Что-то ты мне сегодня не нравишься, Ян. Нервный какой-то, напуганный... Зря я с тобой в паре пошел.

— Ну и катись, смельчак. Скажешь Дюку, пусть выделит для патрулирования Ушастого, я с ним, как за каменной стеной.

— Неужели этот препарированный упырь не отбивает у тебя аппетит?

— Нисколько. Я человек не брезгливый.

— Да у него же взгляд мертвеца.

Один из двоих заржал.

— А обвиняешь в трусости меня. Двигай вперед, смельчак.

Голоса отдалились, смолкли. Послышался удаляющийся шорох осторожных шагов.

С минуту Кристофер и Джонатан не двигались, вслушиваясь в обычную шуршащую тишину сельвы, дожидаясь, пока в глазах перестанут мелькать яркие пятна после вспышки фонаря. Потом Улисс прошептал:

— Искать эскалатор или лифт нет смысла, хотя он должен быть. Придется идти на скалы без разведки и прикидки маршрута, иного выхода нет.

Торвилл почувствовал холодную тяжесть в желудке и молча стал разминать пальцы. Он никогда не штурмовал отвесные стены без снаряжения скалолазов: триконей, скальных крючков, кошек, стремян, молотка.

Улисс достал из заспинного кармана моток реп-шнура, обвязал себя и, отмерив пятнадцать футов, привязал другой конец к ремню Торвилла. Оба сделали петли через плечо и левую руку, подергали шнур, проверяя прочность зацепления.

— Я пойду первым,— шепнул Джонатан.— Иди по звуку. Рывок веревки — начинаешь движение. Надень очки, в них видно лучше.

— А ты?

— Я в них не нуждаюсь. Готов?

Торвилл встретил руку товарища.

У скал было видно небо, и ориентироваться стало легче, чем в лесу, да и в очках действительно было лучше видно, хотя Кристофер не сразу разобрался в оттенках коричневого и багрового цвета: более теплые участки скалы и почвы светились чуть ярче остальных.

Улисс двинулся первым — багровый призрак на черно-коричневом фоне,— и Кристофер забыл обо всем, кроме подъема. В нем пробудились все «звериные» инстинкты, усилившие реакцию, чутье, интуицию и силу, но он шел по следу, а Джонатан шел первым, шел так, словно не цеплялся, карабкался по вертикальной скальной стене, а бежал, как паук, не останавливаясь ни на секунду, вытягивая Торвилла с середины перехода. Кристофер никогда не видел, чтобы человек так преодолевал подъем на гору по отвесным скалам, но на восхищение у него не было ни сил, ни времени.

Сколько длился подъем, он не помнил. Только вдруг руки встретили пустоту, потом горизонталь плоского холодного камня. Торвилл бездыханным вполз на скалу и провалился в беспамятство. Очнулся от того, что Улисс влил ему в рот глоток воды.

— Жив, скалолаз? Отдохни минутку.

— Мы... уже поднялись?!

Джонатан тихо засмеялся.

— Не верится? Мы шли тридцать семь минут, я засек. Теперь нас не достать даже с собаками, мы на вершине «Замка». И угадали мы правильно, лаборатория где-то здесь, иначе не было бы внешней охраны внизу. Правда, те двое могли сообщить наверх, что мы здесь, если засекли подъем, но не захотели поднимать шум. Идти можешь?

Торвилл глотнул еще воды из фляги и встал, хотя все тело молило о пощаде и каждая мышца отказывалась повиноваться.

— Я тут приметил тропу, выложенную плитами. Ведет куда-то в глубь леса. Индейцы и здесь побывали раньше всех. Если наше «свободное соло» замечено, то скоро за нас возьмутся всерьез. Поторопимся.

За голым пространством скал начинался густой кустарник, переходящий в заросли сельвы: вершина «Замка» была покрыта лесом, сотни лет не знавшим человека.

Джонатан отыскал тропинку, и они двинулись по каменным плитам древней дороги или улицы — поди разбери в темноте. Перешли на бег, рискуя свалиться в яму или врезаться в дерево, хотя Улисс интуитивно угадывал повороты тропинки. Через десять минут выбежали на край широкой каменистой поляны с черным провалом в центре.

За поляной, под пологом из гигантских фикусов и сейб, видне-

лись какие-то строения, целый поселок из пирамидальных палаток и конусовидных домиков. Сквозь щели в некоторых из них пробивался неяркий желтый свет, мелькали темные фигуры, доносился приглушенный говор людей и шум, напоминающий шум разгрузки корабля в порту.

Улисс хотел что-то сказать, но в это время из леса на поляну выползло что-то длинное и серое, похожее на гусеницу. Оно достигло провала в центре поляны и... не упало, а повисло над ним! Вокруг забегали люди в комбинезонах, тоже не падавшие в пропасть.

Недоумевающий Кристофер повернулся к Улиссу, тот предупреждающе сжал его локоть.

— Не сообразил? Они покрыли поляну черной краской, чтобы сверху она казалась пропастью, дырой. Ловко придумано! С самолета никто ничего бы не увидел.

— Что они делают?

— Вероятно, готовятся к отходу. Вот что, обойдем эту «пропасть» справа. Видимо, Копман занимался здесь не только исследовательской работой, но и контрабандой, вот и понадобился такой большой транспортный узел.

В этот момент серая «гусеница» на поляне стала превращаться в чудовищного «кита», раздуваясь все больше и больше, пока не превратилась в дирижабль!

— Эх, вот когда накрыть бы это гнездо! — процедил сквозь зубы Улисс.— Где твоя рация? — Моя, к сожалению, накрылась, я на нее лег. Пора давать сигнал десанту.

Торвилл пошарил в заспинном кармане и похолодел.

— Я... у меня... ее нет.

— Как нет? Я же тебе давал.

— Я, кажется, ее... забыл.

Улисс застыл на мгновение, потом похлопал сгорающего от стыда альпиниста по спине:

— Ладно, обойдемся. Может быть, капитан Эрнандес успел сообщить о воздушном контроле границы кому следует. Да и лаборатория должна иметь рацию.

— Прости, я...

— Брось переживать, это моя вина, что не проверил.

Они обошли поляну справа и подошли к лагерю с другой стороны, там было сравнительно тихо.

— Стой здесь и жди.— Улисс отобрал инфраочки и проверил обоймы в пистолетах.— Вернусь через десять минут. Поднимется шум — не паникуй, ночь для нас союзник непобедимый, но едва ли они осмелятся шуметь, им это очень невыгодно.

Джонатан беззвучно канул в темноту, через минуту его силуэт мелькнул у входа в одну из палаток, сквозь щели которой пробивался слабый свет.

Торвилл прижался спиной к дереву и замер, сжимая в потной руке пистолет, все еще переживая свою ошибку. Он не знал, что будет делать, если Джонатана схватят, но надеялся, что решение придет само. Откуда-то появилось странное спокойствие и способность к мгновенному анализу ситуации, как во время подъема на скалы. Вероятно, организм сам регулировал степень концентрации душевных и физических сил и «включал форсаж» в момент наивысшей опасности.

В течение последующих минут Кристофер слышал только глухой шум загрузки дирижабля на поляне, никого не видя возле ближайших палаток. Потом из сельвы, не близко, но и не далеко долетел клокочущий животный вой, оборвался на низкой ноте. Кристофер вздрогнул, облился жарким потом. То ли собственная память, то ли память предков нарисовала картину охоты с собаками так ярко, что в душу вцепились когти тоски и безысходности. По их следу шли собаки!..

Улисс появился через десять минут. Он нашел Кристофера и, сдерживая дыхание, стиснул его плечо горячей рукой.

— Все правильно, Крис, это хозчасть лаборатории. У них тут целый парк дирижаблей. Просто и остроумно: грузят награбленное ночью на дирижабль — и поминай, как звали. Об Анхелике оба моих «приятеля», которых я разбудил, ничего не слышали, но рассказали, что сама лаборатория в полумиле под землей, вернее, в пещерах, ты был прав. Охраняется, как банк Рокфеллера. Улавливаешь?

— Как мы туда попадем? С пистолетами против пулеметов?

— Ничего, пройдем.

— За нами, по-моему, погоня, с собаками, я слышал вой.

— Вой или лай?

— Вой, но он... собачий. Не смейся, я знаю, старый дом моего отца стоял рядом с полигоном, на котором полицейские натаскивали овчарок...

— Понятно. В таком случае, мы не успеем добраться до лаборатории... если только меня не обманули. Но минут десять форы у нас есть. Бегом за мной!

Они помчались с максимально возможной скоростью в глубину сельвы; в направлении, выбранном Улиссом со слов работников лаборатории. Выбежали на дорогу — плиты и гравий, видимо, еще одна из древних индейских дорог, построенных тысячи лет назад, но сохранившихся под сводами сельвы благодаря сухому и жаркому климату. Прибавили скорость. Некоторое время бежали молча; Торвилл стал понемногу отставать, на один прыжок Улисса ему приходилось делать два.

Снова где-то сзади коротко провыла собака. Кристофер догнал товарища и уже не отставал.

Они уцелели благодаря случайности, тропинка вильнула влево. Улисс не заметил поворота, запнулся за корень и свалился куда-то вниз, вслед за ним в яму ухнул Торвилл. Они замерли, обратившись в слух. Совсем недалеко от них кто-то спросил по-немецки:

— Кто здесь?

Второй голос отозвался тихо, как будто из поднебесья:

— В чем дело, Курт?

— По-моему, что-то упало в кусты неподалеку. Я думал, это ты уснул и свалился.

— Я и в самом деле вздремнул. Поменяемся?

— Давай.

Послышался скрип, шорохи, позвякивание.

Улисс подтолкнул Торвилла, и тот первым выбрался из ямы. Всмотревшись, разглядел изгородь из колючей проволоки, калитку, за которой располагалась будочка. За будкой стоял гигантский засохший бук, в ствол которого были вбиты металлические костыли, образуя лестницу.

Разведчики осторожно подались назад. Они не добежали до колючей проволоки всего с десяток шагов. «Если бы не яма — конец!» — подумал Торвилл с прежним холодным, рассудочным спокойствием.

— Нам надо за проволоку,— прошептал он на ухо Улиссу.

— Это и я понимаю,— отозвался тот.— Бандит не соврал, мы у цели. Попытаемся обойтись без шума, хотя положение у нас ахово: ни вперед нельзя, ни назад — заметят. У тебя пистолет с глушителем?

— Может быть, лучше стрелять ампулами?

Улисс беззвучно затрясся от смеха, Кристофер нервно рассмеялся в ответ без звука, про себя.

— Ампулой стрелять лучше днем, сейчас можем не попасть в тело, игла — не пуля. Но попробуй. Я беру того, который на дереве, ты второго в будке. Целься наверняка.

Кристофер нерешительно помялся. Улисс понял его колебания.

— Не хочешь стрелять в человека? К сожалению, я могу не успеть снять обоих, они же снайперы и обучены стрелять на шорох. Если поднимется шум, все равно придется стрелять.

На Кристофера подействовал не столько последний довод, сколько мысль о том, что он оказался плохим помощником Джонатану.

— Хорошо, беру нижнего.

Они подползли к колючей проволоке, долго всматривались в темноту, примеряясь каждый к своей цели, потом Улисс тихонько свистнул, подавая сигнал. Выстрелы прозвучали почти одновременно — сухие щелчки, задавленные плотной растительностью сельвы. Сидевший на дереве охранник свалился на землю молча,

а прохаживающийся у будки тихо вскрикнул, но выстрелить в ответ уже не успел, шоковый препарат срабатывал мгновенно.

— Порядок, малыш. Подстрахуй на всякий случай, я открою калитку.

Торвилла вдруг затрясло, и он с трудом заставил себя собраться.

Джонатан открыл проход в изгороди, повозился в будке, потом забрался на дерево.

— Влезь посмотри, Крис. Тут у них инфраоптика почище моей, тепловой бинокль или что-то вроде него. Хорошо, что лентяй наверху спал, когда мы появились, иначе они бы нас ухлопали в два счета.

Улисс подвинулся, давая место Кристоферу.

В стволе бука было дупло, оборудованное под сторожевую нишу, в нем свободно умещались два человека.

— Хорошо устроились, надолго. Смотри — рация, галеты, инфра-очки, винтовка с оптическим прицелом. Стрелять умеешь?

— Когда-то умел. Как ты снял хозяина? Ниша с земли не видна.

— Он стоял на суку под дуплом и смотрел в нашу сторону. Опоздай мы на секунду... Так, это не рация, к сожалению, а телефон. Жаль, я думал, удастся дать сигнал. Знаешь что, у меня идея: у нас есть шанс использовать свое преимущество. Преследователи будут идти по следу...

— Понял. Оставаться здесь мне?

Улисс кивнул, виноватым тоном пробормотал:

— Я бы остался, но тогда у нас не хватит времени.

— Иди. Все равно я не умею делать того, что умеешь ты. Где встретимся?

— Здесь же. Я попытаюсь выяснить, где у них центр управления, резиденция самого Копмана, здесь ли Анхелика, потом найду радиостанцию и выйду в эфир прямым текстом. Потом вернусь за тобой. Буду нажимать — беги за мной и ищи вход под землю.

Улисс спустился вниз, махнул рукой наблюдавшему за ним в прибор ночного видения Торвиллу и исчез. Кристофер вздохнул, сел поудобнее, направил вниз ствол автоматической винтовки с тем же клеймом «Сделано в США» и стал ждать. Он уже не имел права сомневаться, колебаться и страдать — всему свой миг и свой час. Для него наступил час самой опасной игры, который подсознательно был рядом всегда; игры, где призами были жизнь и смерть. Наступил час проверки формулы: человек стоит того, что он может. В той, другой жизни, оставшейся в Альпах, в горах, казавшихся чуть ли не родным домом, Кристофер боролся только с камнем и не чувствовал гнева и ненависти, когда горы оказывались сильнее тех, кого он спасал. Здесь он боролся с равными себе по силе, но превзошедшими его по жестокости, подлости и человеконенавистничеству, и в сердце не должно было быть места жалости к убийцам-маньякам в тогах ученых...

Собака возникла из зарослей бесшумно, как баргест из английского фольклора — дух, предвещающий смерть. Она и сама была смертью, воплощенной в образе зверя, специально выдрессированного для охоты на человека. Крупнее обычной немецкой овчарки, похожа на дога, но и не дог: Кристофер не знал, что это был мастифф-волкодав, который мог выстоять в поединке с рысью или барсом. Главным в облике мастиффа было выражение беспощадной и целенаправленной жажды убийства в сочетании с хищной злобой и жуткой неутомимостью механизма.

Торвилл выстрелил в тот момент, когда мастифф учуял его и поднял морду вверх. Вторая собака появилась следом, за ней еще одна. Кристофер едва успел снять их двумя выстрелами, третьим добил взвывшую собаку, раненную в шею.

Видимо, поводырь был неопытный, иначе он не высунулся бы из чащи, но тут же залег, окликая кого-то в зарослях. Кристофер понял, что, если не предпринять чего-нибудь в ближайшую минуту, ему не поможет ни позиция, ни техника. Он тщательно рассчитал, где лежит преследователь, прицелился и выстрелил два раза подряд, потом выбросился из дупла и, как на крыльях, слетел по скобам на землю, тут же сиганув в кусты фикуса; прибор ночного видения все-таки был как нельзя кстати.

Из-за проволочной изгороди по дереву дважды ударил автомат. Замолк. В тишине где-то недалеко послышались голоса, команды, на мгновение вспыхнул прожектор, лес наполнился шумом, возней, топотом ног.

Не дожидаясь, пока не место действия прибудет охрана лаборатории, Торвилл продрался сквозь кусты и побежал в ту сторону, где скрылся Улисс.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Хозяин стряхнул пепел сигареты в плоское каменное блюдо с искусно выдавленным в дне изображением летучей мыши, повертел в пальцах туми — жертвенный нож древних индейцев, и положил рядом с блюдом. Он не знал, о чем говорить с представителем власти, и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы не знаете, что это такое?

Эрнандес, сидевший в мундире, надетом на забинтованное плечо, поморщился и кивнул.

— Профессор, я паракасец, а не новичок но мадуро [1]. Забавная штука, я видел подобные в музее Лидо в Шочипилье.

— Это всего лишь копия, хотя я надеюсь найти туми и в Пируа.

---

[1] Но мадуро *(исп.)* — неспелый, зеленый.

Эти ножи характерны для всех доиндейских и древнеиндейских цивилизаций Южной Америки. Как и калабасы.— Хозяин кабинета погладил крутой бок посудины для воды.— Сделаны из тыквы, но сохранились по сей день. Практически каждое современное индейское племя бережно хранит рецепт выделывания из тыкв различной посуды. Эта калабаса найдена в окрестностях Пикаля, но, если бы не задержка экспедиции, уверен, мы имели бы подобные находки и в долине.

«Как будто мы виноваты в задержке»,— подумал Эрнандес, страдая от боли и временами накатывающейся слабости. Он сделал все, как велел Улисс: соединился с Управлением Сегуридад в Шочипилье, сообщил о случившемся и даже поделился своими соображениями об участии в инциденте корпорации «Птичий глаз» и ее посредника в Пикале Диггори Дайамонда. Его выслушали, приказали взять под охрану Пирин и лагерь возле гор Тумху, ничего не предпринимать без специальной команды, и теперь капитан ждал реакции Сегуридад, а может, ждал разития каких-то событий, но ничего не происходило. Ничего. Шел уже девятый час вечера, стемнело, а ни армии, ни сил безопасности в поле зрения капитана и его подчиненных не попадало. Словно столица забыла о сообщении и решила подождать до утра.

— Я слышал,— сказал Эрнандес,— что покойный Хонтехос считал прародиной индейцев пируа Японию.

— Ну, Хонтехос был оригиналом, хотя последователей у него хватает. Есть, например, и такие, которые утверждают, что предками индейцев пируа являются племена, некогда селившиеся у Байкала, в России. Вернее, на территории современной России.

Эрнандес поднял брови. Хозяин кабинета улыбнулся.

— Да-да, не удивляйтесь. Это я не отношусь к оригиналам и свои гипотезы строю исключительно на доказанных аргументах и фактах. Я участвовал в археологических экспедициях в Мексике, Колумбии, Бразилии, Чили, Гватемале, Перу, изучал культуры Чиму, инков, ольмеков, тольтеков, в последнее время, до назначения сюда директором, исследовал культуру Чавин, господствующую в северном Перу восемнадцать веков, начиная с тысяча пятьсот пятидесятого года до нашей эры и кончая триста двадцать седьмым нашей, то есть за тысячу лет до появления инков. Так вот, в найденных несчастными первопроходцами Пируа остатках культуры долины чувствуется чавиноидная традиция: керамика с изображениями кондора и ягуара, орнаменты с петроглифами, видели? Нет? Жаль. Кстати, чави — на одном из карибских языков — ягуар, а чавинави — сыновья ягуара с копьями. Конечно, на культуру пируа должны были наложиться такие особенности, как почти полная изоляция от остального мира и обилие золота в долине, но берусь утверждать, что индейцы пируа — предки индейцев Чавин, и пришли

они из Юго-Восточной Азии около десяти тысяч лет назад. Это самая первая из высокоразвитых цивилизаций на территории Паракаса. Что касается отличий ее от других цивилизаций, то об этом можно говорить только после окончания работы экспедиции.

— Значит, вам повезло, что долину открыли лишь два года назад. Никогда не думал, что за Тумху — неоткрытые белые пятна.

— Ну, это легко объяснить. Подступов к долине со стороны внешнего мира не было, а с самолета невозможно определить, изучен этот район или нет. На территории Паракаса еще много неисследованных уголков, особенно в альтиплано Кордильер.

Эрнандес украдкой посмотрел на часы. Его собеседником был директор Пирина, известный паракасский археолог Хулио Энрике Эчеверриа, который пустился в пространные рассуждения о предполагаемых открытиях в долине Пируа. Капитан его не прерывал, думая о своем. Внезапно директор остановился:

— Извините, вам неинтересно, я вижу. Заболтался. Если хотите, давайте поговорим о контрабанде произведений искусства древнеиндейских цивилизаций. Я неплохо знаю методы «работы» контрабандистов, приходилось встречаться.

Эрнандес очнулся, с любопытством взирая на ученого.

— Вы что же, думаете, и в Пируа пробрались контрабандисты?

— Уверен. Я же не мальчик и понимаю, из-за чего заварилась вся эта неприятная похлебка с экспедицией. Кому-то невыгодно, чтобы исследователи проникли в долину, вот он и принялся действовать. А кому невыгодно больше всего? Конечно, контрабандистам.

Капитан покачал головой.

— Вы проницательны, профессор.

— Жизненный опыт,— улыбнулся Эчеверриа, пустив по лицу лучики морщин.

Дверь внезапно отворилась, и в кабинет вошли двое мужчин. В первом Эрнандес узнал голландца ван Хова, а второй притягивал взор своей необычностью, отталкивающей нестандартностью. Он был сутул, массивен, хотя передвигался с легкостью и грацией хищника, с длинными руками, а лицо поражало обилием бугров, морщин и вмятин, оно было не просто безобразным, а зловеще безобразным, жутким и твердым, как ритуальная маска. Но больше всего капитана потрясли уши незнакомца: они были не очень большими, но формой напоминали перепончатые крылья летучих мышей, и кровеносные сосуды просвечивали сквозь розовый перламутр перепонок, как нервюры летательного аппарата.

— Вы ко мне? — Эчеверриа вопросительно посмотрел на вошедших.— Или это ваши знакомые? — обратился он к Эрнандесу.

— К вам,— кивнул эксперт ЮНЕП и выстрелил в грудь старику из «асахи» с насадкой бесшумного боя. Директор Пирина посмотрел на свой пиджак и мягко завалился на бок, зацепив стул.

Эрнандес рванул из кобуры пистолет, но страшная сила вырвала из рук оружие, едва не выломав пальцы, и придавила к сидению.

— Вам же говорили, капитан, не суйтесь в это дело,— спокойно сказал ван Хов, садясь на место Эчеверриа; выдвинул ящик стола и бегло осмотрел его содержимое.— Говорили?

— Кто вы? — хрипло спросил Эрнандес.

Голландец поднял отрешенно-холодный взгляд.

— Я? Агент ЦРУ, если вам будет угодно. Хотя у меня найдется с десяток других профессий, которыми я владею вполне легально. Эксперт ООН по программе ЮНЕП — одна из последних.

— Я догадывался... еще до прихода альпин...— Эрнандес запнулся.

Ван Хов кивнул.

— Можете не договаривать, я знаю, кто у вас побывал. Джонатан Улисс. Так?

Капитан полиции сплюнул ему под ноги и сказал презрительно:

— Кончайте умные разговоры, скоты! Стоит мне крикнуть, и через минуту здесь будет вся бригада. Так что советую не шуметь.

— Мы и не будем,— кивнул спокойно голландец.— А кричать не надо, вряд ли вас кто-нибудь услышит. Мы уже уходим, капитан, но прежде ответьте на пару вопросов. Где сейчас Улисс?

— Далеко.— Эрнандес снова сплюнул, чувствуя на затылке дыхание кошмарного телохранителя ван Хова.— Вам его не догнать.

Вошедшие переглянулись.

— Он в долине,— глубоким звучным голосом, дико контрастирующим с его внешностью, проговорил ушастый страж.— Успел уйти еще днем, часов в пять, судя по тарараму в голове этого копа. И главное, капитан был так неосмотрителен, что позвонил в Сегуридад и передал разговор с Улиссом начальству.

Ван Хов задвинул ящик, задумчиво посмотрел на ужаснувшегося от услышанного Эрнандеса.

— Что, капитан, не ожидал? Этот парень способен читать, что написано в мозгах, так же свободно, как в газете. Нет смысла торговаться. Жаль, что поторопились вы со звонком в Шочипилью.

— Надо и нам поторопиться,— сказал ушастый.— Безопасность наверняка уже рыщет где-то поблизости, но они могут поднять по тревоге и армию.

— Ты прав, надо уходить. А жаль, местечко здесь райское. Я за тобой не угонюсь, иди первым, а на той стороне вызови мне проводника. И спеши к Эриху, Улисс — не сопливый щенок, я видел, как он ходит по скалам. Его надо опередить и обезвредить.

Ушастый улыбнулся, так мог бы улыбаться гранатомет.

— Не беспокойтесь, он не уйдет далеко. Что делать с этим?

— Он бесполезен, но как свидетель может быть опасен...

Это было последнее, что услышал Эрнандес в жизни.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

С высоты в пять миль окрестности Пикаля казались дымящейся трясиной серо-зеленого с пятнами коричневого цвета — так их окрасил легкий вечерний туман сельвы. Где-то в нескольких милях к северу от Пикаля, у суровой гряды гор Тумху, располагался лагерь экспедиции в долину Пируа, ставший объектом отвлекающего удара контрабандистов Дела и агентов ЦРУ США.

— Мы опаздываем,— наклонился к собеседнику полковник службы безопасности Майо Кольор.

— Не думаю,— спокойно ответил тот.— Едва ли они решатся уходить днем, когда еще светло. А до ночи мы успеем закрыть границу.

— И все же мы могли бы начать операцию раньше,— с укоризной проговорил Кольор.

— Без армии — нет,— покачал головой сосед, костистый, широкий, но очень худой, с большой головой и коричневым гладким лицом.— А чтобы доказать необходимость совместной операции, договориться о взаимодействии и разработать план, потребовалось время.

Они замолчали.

Самолет произвел посадку.

Руководителей Паракасской службы безопасности встречал сотрудник отдела Кольора «французский археолог» Гийом Карсак. Едва ли кто-нибудь из его приятелей в Пирине узнал бы в нем весельчака-юмориста, любителя женского пола.

— Анхелика исчезла,— сказал он полковнику вполголоса, ответив на рукопожатие.— Майор Барахунда, капитан Эрнандес, профессор Эчеверриа убиты. Исчезли также альпинисты Улисс и Торвилл, эксперт Леон ван Хов и сотрудник Интерпола Милич.

— Святой кондор! — вырвалось у Кольора.— Когда все это произошло?

— Барахунда убит еще...

— Об этом я знаю, остальные?

— Эрнандес и Эчеверриа найдены в лагере полчаса назад. Никто не видел убийц и не слышал шума. Эчеверриа убит из пистолета марки «асахи» японского производства, а капитан... у него перелом основания черепа. Эксперт-криминалист утверждает, что удар нанесен рукой, вернее, ребром ладони, сзади.

— Поехали в Пирин,— сказал спутник Кольора.— Обсудим все по пути. Кстати, полковник, каким образом в это дело оказался замешан начальник полиции?

— Он молод... был,— со вздохом произнес Кольор,— и не в меру активен. Я его предупреждал, он не внял совету. А жаль, парень был неглуп, можно было бы взять к себе в отдел.

Черный «бьюик» принял их в свое нутро и помчал по шоссе к Пикалю, несколько высотных домов которого виднелось над зубчатой кромкой сельвы. Через сорок минут машина миновала полицейский пост на окраине города и подъезжала к громаде Пирина. Их ждали двое в штатском и полицейский офицер. Один из встречающих, массивный, косолапый, с недобрым тяжелым лицом, молча повел прибывших за собой.

В кабинете с двойными дверями, напоминающими водонепроницаемые переборки тамбура подводной лодки, резиденции директора института, царила стандартная обстановка кабинетов любых других деловых организаций и фирм: стол с видеоприставкой и селектором, плоский телевизор на стене, карта Паракаса на другой, деревянная мебель, штора, скрывающая за собой одну из стен, шкаф и вделанный в стену сейф. Тело Эчеверриа уже убрали и кровь с пола смыли, в кабинете было чисто и свежо.

— Знакомьтесь, сеньоры,— сказал Карсак.— Филипп Моррисорн, заместитель начальника отделения «Эол» организации СИУ. Он не обидится, если кто-то из вас назовет СИУ «Чистилищем».

Второй спутник мрачнолицего, узкоплечий, но подтянутый, стриженный очень коротко, наклонил голову.

— Сотрудник отдела Хенрик Соренсен.

Здоровяк мельком посмотрел на Кольора и мигнул.

— Он неразговорчив,— мягко сказал по-испански, без акцента, Моррисон,— зато надежен. Не правда ли, коллега?

— Как рокфеллеровский сейф,— без улыбки ответил Карсак.— Но в отличие от сейфа не боится взлома. Прошу садиться, сеньоры.

Кольор подождал, пока сядет его большеголовый спутник, привыкший к оказанию ему должного внимания, и сел сам. За ним сели остальные.

— Итак, всё по порядку. В каком состоянии операция?

— Разрешите мне, генерал? — сказал заместитель начальника «Эола», чем-то похожий на самого Миллера.

Начальника паракасской службы безопасности покоробило такое обращение, но он не дал воли раздражению.

— Посты в ключевых местах расставлены, за долиной ведется аппаратное наблюдение с подключением компьютерной системы распознавания объектов.

— Простите,— вежливо сказал генерал,— я так полагаю, что расставленные посты принадлежат вам? То есть организации СИУ?

— Вы же сами дали согласие на участие «Чистилища» в операции,— вполголоса проговорил Кольор.— Они же нас и предупредили о...

— Я помню,— сухо сказал генерал.— Просто хочу уточнить детали. Кстати, кем определены эти... м-м, ключевые места?

— Нами,— пожал плечами Моррисон.— Хотя не без помощи

ваших специалистов. Но аппаратура, извините, тоже наша. Я не склонен приписывать СИУ все заслуги в организации операции, лавры нам не нужны — важен результат. Такова основа работы «Чистилища». К тому же, без привлечения сил безопасности и контрразведки, да и армии, нам не обойтись, потому что перекрыть надо всю северную границу. Понадобятся самолеты, около двух вертолетных полков и двух десантных. Единственная закавыка: мы не знаем точных координат лаборатории в долине. Хотя убеждены: эвакуировать ее еще не успели.

— Каким же образом вы хотите действовать? Как только охрана лаборатории обнаружит нашу группировку, заведующий попросту уничтожит Базу, он же не болван, чтобы оставлять улики.

— Мы захватили некоего Леннарда, одного из работников компании «Птичий глаз», работающего на ЦРУ,— сказал Карсак.— Он сообщил кое-что интересное, в том числе и об алчности своих начальников, до сих пор греющих руки на вывозе из долины золотых изделий. Именно этот фактор и помог нам ухватиться за ниточку и размотать клубок, и он же позволяет надеяться на то, что основные богатства Пируа не тронуты.

— Вы не ответили на вопрос. Не будем же мы сбрасывать десант на всю долину.

— Конечно, нет. В долине в настоящее время находится наш работник,— сказал Моррисон.— Надежный парень, он даст сигнал.

— А если не даст?

Моррисон поднял угрюмые спокойные глаза на генерала.

— Даст.

Генерал хмыкнул, посмотрел на Кольора.

— Ну что, Майо? Вы здесь главный, командуйте.

Кольор понял его намек правильно: крайним, в случае провала операции, останется он.

Наступило недолгое молчание, которое прервал генерал:

— Мне говорили о профиле работы лаборатории, но я счел это... э-э, ошибочной информацией. Не думаю, что такое возможно, я имею в виду поразительные результаты ее деятельности.

— К сожалению, возможно,— сказал Моррисон, посмотрел на часы и кивнул Соренсену; парень вышел.— Не знаю, как насчет суперменов, рождающихся при пробуждении «спящих» генов, но то, что из ущербного психически и морально типа выращен сверхубийца — факт.

— Вы о ком?

— Руководитель лаборатории провел эксперимент не только на Хонтехосе, Пино и других известных лицах, но и на преступнике, садисте и убийце, превратив его в исключительно сильного и ловкого человека. Говорят, он даже способен читать мысли, хотя объективной информации нет.

— И где этот монстр?

Моррисон помолчал и нехотя проговорил:

— По последним сведениям, ушел в долину.

Генерал покачал головой.

— Тогда я не завидую вашему работнику. И предлагаю начать операцию немедленно, пока еще есть возможность обшарить долину до наступления темноты и найти лабораторию.

— Рано,— отрезал Моррисон и поправился: — Простите, генерал, все равно уже темно, ночь вот-вот наступит, и нет смысла спешить. Подождем сигнала. Если до двенадцати его не будет — начнем развертывание полков на границе. Кстати, не мешало бы еще раз напомнить пограничникам Боливии о нашей операции. Кто-нибудь из засевших в долине молодцов может прорваться.

— Боливийская сторона предупреждена. Но почему вы так уверены в своем работнике?

— Потому что он человек слова, и еще не было случая, чтобы он подвел. Его жена погибла в Штатах при негласном испытании одной из военных лабораторий сильнодействующего галлюциногена, с тех пор он работает в «Чистилище». Но дело даже не в этом, просто я знаю его достаточно хорошо и уверен, что он способен пройти через ад.

— Кто же этот человек? — спросил заинтересовавшийся начальник службы безопасности.

Моррсон не успел ответить, в кабинет вошел Соренсен.

— Только что при попытке проникнуть в долину задержан Диггори Дайамонд, американский гражданин, директор филиала фирмы «Птичий глаз» в Пикале. С ним трое, видимо, охрана. В центральном регионе долина быть слышна стрельба.

— А сейчас?

— Тихо. Стрельба длилась всего две минуты.

— Успели засечь направление? — встрепенулся Кольор.

— Машина еще работает, но едва ли она выдаст рекомендации с большой точностью — темно.

Генерал, Кольор и Моррисон посмотрели друг на друга.

— И все же подождем,— хмуро сказал начальник «Эола».

ДОЛИНА ПИРУА

Джонатан оставил Торвилла одного с тревогой в сердце и странным ощущением игры: будто ему было всего десять лет и он с другом играл в «казаков-разбойников». Ощущение это быстро прошло, но все же что-то сдвинулось в душе, отреагировало на жизнь вокруг, на внешние раздражители, пришли в движение жернова какой-то психологической машины, а может, и не только психоло-

гической, грозя поднять Улисса, перемолоть в муку его веру в себя, в свое дело, его надежду и волю.

Всю жизнь он, искатель приключений, «певец риска», удивительных мгновений победы над собой или обстоятельствами — как говорили друзья, или «профессионал по выживанию» — как говорили с долей уважения враги, боролся с обстоятельствами в условиях стопроцентного риска и выходил победителем. Но пришел час, когда количественные показатели его способностей перешли наконец в иное качество. Это когда два года назад он вдруг почувствовал: хватит странствий! Дальнейшее увеличение километража не дает новых ощущений. И он остановился, начал осматриваться, куда его занесло, кто рядом, что делать дальше... А потом погибла Анна, и все чуть снова не завертелось в привычном темпе, но его вовремя нашел Миллер, умудренный опытом, всегда знавший точно, ради чего он рискует жизнью. Однако еще долго что-то мешало жить и работать, словно спазм грудной клетки, пока Улисс не понял, что это всего-навсего усталость.

Память — странная штука, дает о себе знать в самые неподходящие моменты жизни. Джонатан вдруг вспомнил свой первый экзамен на выживаемость — участие в гонках на мотоциклах по горным дорогам Италии, потом первое прохождение полигона «страха» — когда он по молодости лет едва не нанялся в отряд «диких гусей» — наемников, подготовленных для карательных операций в разных частях света, вспомнилась встреча с Анной, ее нелепая гибель в Арканзасе, встреча с Анхеликой... Мгновенные росчерки прожитого, как следы трассирующих пуль, пронизали пространство памяти, оживили застывшие там навеки картины... Сколько раз ему приходилось рисковать жизнью? Не счесть! Спокойное бытие — что это за штука? Преподавание борьбы в школе физической подготовки с постоянным ожиданием перемен? Это спокойная жизнь? А уколы памяти, а боль-воспоминания, затухающие, как угли костра, о которые еще можно обжечься... И все же рано или поздно приходит твой судный день, когда обстоятельства вывернут тебя наизнанку и обнажат твою суть, и ты поймешь, что твой прежний идеал «сильной личности» — миф, и оценишь, на что способен, и, преодолевая муку самооценки, начнешь ковать себя заново, бить и обжигать, смешивая в горниле души силу и злость, веру и доброту, любовь и ненависть, слезы и смех... И ты поймешь наконец, что формула «выжить во что бы то ни стало» не гарантирует душевного спокойствия...

Улисс очнулся у серой бетонной стены, сжимая в руке пистолет. Выругался беззвучно, прислушался — все тихо пока, и отступил под защиту деревьев.

Перед ним располагалась приземистая бетонная постройка с трубой на крыше, напоминающая трансформаторную будку

с единственной дверью. Рядом смутно белели шатры двух стационарных палаток, похожие на древнеегипетские пирамиды в миниатюре. Вокруг ни души, словно лагерь брошен. Но к чему тогда охрана и проволочное ограждение? Что это — вход в подземный бункер?..

Улисс принюхался — пахло хлебом и чем-то еще, приторно и сладко. Знакомый был запах, противный. Джонатан попытался вспомнить, от чего он, но не смог. Взял влево, обходя будку, и наткнулся на невысокий свеженасыпанный холм, возле которого неприятный запах был сильнее.

Улисс сплюнул, нагнулся, зачерпнул ладонью горсть земли, липкой, дурно пахнущей, с твердыми камешками, выбрал камешек побольше, остальные выбросил и брезгливо вытер руку листьями папоротника. Выбрал просвет между деревьями, где было посветлее, приблизил камешек к глазам и выругался. На ладони лежал почерневший... человеческий зуб!

Конечно, Улисс был готов к неожиданностям, но свидетельство преступлений тайной лаборатории — холм человеческих костей, пересыпанных прахом, потрясло его до глубины души! Серая «трансформаторная будка» была крематорием. И материалом для него служили аборигены — индейцы-пигмеи пируа. Догадка пришла сама собой: факты, известные Улиссу, соединились в единую логическую цепь, и он понял, на ком отрабатывали методы оживления «молчащих» генов «ученые» лаборатории. Спрятав зуб в кармашек комбинезона, нырнул в кусты, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой.

Интуиция вывела его к целому палаточному городку, окружавшему два крошечных бунгало с плоскими крышами из дерева и алюминия. На корпуса эти строения не походили. Неужели основное хозяйство и в самом деле под землей, как сообщили те двое, что остались у дирижабля? Но где же тогда вход в подземелье?

Первое бунгало имело одну дверь и два окна, в обоих горел свет. Тусклый свет пробивался и через щели палаток, лагерь был явно обитаем, хотя Улисс с облегчением отметил про себя отсутствие охранения. Видимо, обитатели тайной базы не ждали гостей, надеясь на неуязвимость убежища.

Джонатан подкрался к двери бунгало, справедливо определив, что это командный пункт лагеря или пост охранения. Едва он намерился толкнуть дверь, как она открылась сама, сноп света упал за порог, и в проеме показался человек.

— И передай Дюку, пусть срочно вызовет Ушастого,— сказал он кому-то за дверью.— Если наблюдатели не пьяны, кто-то проник на территорию и поднялся на вершину. Судя по шуму у второй линии, они не шутят. Я с шестеркой пойду проверю Билла, что-то он не отвечает.

Он собрался закрыть дверь, но Улисс прыгнул и ударил выходя-

щего в живот. С тихим «ох» мужчина согнулся пополам, и Джонатан ударил его рукоятью пистолета в основание шеи. Человек упал. Улисс придержал дверь, несколько секунд вслушивался в звуки, долетавшие из глубины строения, потом бесшумно шмыгнул внутрь домика.

Тамбур с тремя дверями, одна наружу, а две других?

Вторая оказалась дверью шкафа с противохимическими балахонами и противогазами, а третья вела в пустую комнату — стол и два стула — освещенную трубкой дневного света. Никого. С кем же разговаривал выходивший?

В центре комнаты вдруг что-то скрипнуло, стол отъехал в сторону, открыв квадрат люка, и откуда-то снизу донесся голос:

— Проверь кабель у второго и третьего блоков. Предупреди Губатого, пусть поторопится со своими «кроликами». Всех уничтожить, это приказ босса.

Поднимающийся по лестнице буркнул что-то под нос.

Улисс втиснулся в тамбур, сдерживая дыхание.

Из отверстия люка выбрался человек в коричневом комбинезоне, шагнул в тамбур, заметил гостя. Рука его метнулась к поясу, но на то, чтобы достать оружие и выстрелить, ему требовалось около секунды, а Улиссу — в три раза меньше. Удар пришелся в подбородок, верзила грохнулся о стол и сполз на пол. Связывать его не было времени, потому что из глубины нижнего подземного этажа спросили:

— Что ты там уронил, Стин?

Улисс замер на мгновение перед люком в преисподнюю, мысленно воззвал: «Ну, держись, чистильщик!» — и прыгнул вперед и вниз.

У лестницы был один пролет в двадцать ступенек, Джонатан преодолел ее в два приема.

Подземный зал превзошел самые мрачные ожидания, он был большой, квадратный, с полом, выложенным настоящим черным паркетом. В центре — аквариум с плавающим в нем... черепом! Двухсекционный пульт с дисплеем, возле пульта подставка с красивой статуэткой из блестящего желтого металла.

Рядом с пультом стоял на коленях худощавый юноша в сером костюме и копался в его внутренностях, второй сидел в кресле с наушниками на голове и вертел ручки прибора, похожего на генератор ВЧ, третий — старик с лицом Мефистофеля, укладывал кабель у стены в аккуратную бухту. Все трое оглянулись на звуки прыжков и молча уставились на пистолеты в руках Улисса. Молодой сделал движение к тумбе стола, Джонатан выстрелил. Игла попала в щеку парня, тот упал и успокоился.

— Не двигаться! — негромко сказал Улисс и повел стволом пистолета в правой руке.— Лечь на пол! Обоим! Руки на затылок!

Парень за пультом и старик повиновались без единого слова.

«Радиста» с наушниками Джонатан обыскал первого, связал. Потом та же участь постигла молодого храбреца — альпинист не хотел рисковать, хотя шоковый препарат иглы сделал свое дело. «Мефистофеля» Улисс заставил встать к стене.

— Прошу ответить на несколько вопросов, от этого будет зависеть ваша судьба. Подходит такой выбор?

— Задавайте,— глухо буркнул старик.

— Что это за прибор с наушниками, рация?

— Нет, контролер системы подрыва.

— Понятно. Чем занималась лаборатория?

Молчание.

— Даю три секунды.

Улисс подождал три секунды и выстрелил. Звонко взорвался экран дисплея.

Старик не двигался, глядя на Улисса исподлобья.

Альпинист поднял левую руку с пистолетом и выстрелил, не целясь. Пуля задела плечо «Мефистофеля», тот вскрикнул, схватился за плечо. В глазах его тлела ненависть.

— Идиот! Зачем это тебе? Ты же и так покойник...

Улисс хладнокровно направил пистолет ему в лоб:

— Даю еще пять секунд. Не ответишь — покойником будешь ты. А потом я примусь за остальных, у меня нет выбора.

На лбу старика проступила испарина.

— Я не имею отношения к непосредственному персоналу лаборатории, я всего лишь оператор ЭВМ.

— Повторить вопрос?

— Лаборатория занималась биологическими экспериментами...

— Смелее, у меня мало времени.

— Экспериментами по генному ускорению, биодевиации «молчащих» генов. А больше я ничего не знаю, клянусь!

— И экспериментировали, конечно, на людях, на «презренных индейцах», так? Я видел крематорий. Сколько же вы убили?

Старик побледнел, уставился на Улисса.

— Кто заведует лабораторией? — быстро спросил тот.— Ну?!

— Эрих Копман.

— Где он?

Ответить «Мефистофель» не успел. Один из аппаратных шкафов в углу зала сам собой отъехал в сторону, открыв освещенный проем еще одного люка, ведущего вниз. Из глубины колодца раздался странно знакомый голос:

— Не стреляйте, монтанеро, я — Копман. Вы блокированы сверху и снизу, весь ваш разговор был слышен, так что делайте выводы. Можно, я поднимусь?

— Поднимайтесь,— подумав, вежливо разрешил Улисс.

В зал, как чертики из коробки, выскочили из люка трое похожих друг на друга парней с автоматами, зашли справа и слева. Автоматы держат профессионально, только дула выглядывают из подмышек. Последним вылез энергичный толстяк, в котором Улисс к изумлению своему узнал Карла Типлера, «проводника» экспедиции! Оператор, лежавший на полу ничком, как его положил альпинист, встал.

— Не ожидали? Мне искренне жаль, что так получилось.— Типлер-Копман подошел к пульту, бегло оглядел индикаторную панель, повернул голову к «Мефистофелю».— У вас все готово? Что морщишься, ранен?

— Царапина. К взрыву все готово. Стин пошел проверить кабели у блоков Ц и Д и предупредить Губатого.

Шеф лаборатории кивнул, посмотрел на Улисса.

— Похоже, он не дошел. Пошлите к Губатому еще кого-нибудь. Ну что будем делать, Джонатан Улисс? Люг, забери у него на всякий случай оружие.

Крепкий молодой человек забрал пистолеты Улисса, ловко обыскал карманы, нашел стилет.

— Больше ничего, босс.

— О'кей. Итак, Джонатан? Или у вас есть другое имя?

— Нет,— сказал Улисс.— Чужих имен не покупаю.

— Как вы догадались, где расположена лаборатория? Или взяли кого-то из моих людей?

— Те, кого мы взяли, не сказали ни слова.

— И все же вы здесь, странно... Впрочем, у каждого свои методы работы и свои тайны, а уж у работников «Чистилища» тем более. Зачем вы влезли в уголовно-политическую мясорубку? Это же не ваш профиль.— Копман фыркнул.— Джонатан Улисс, гонщик, альпинист, спортсмен, и вдруг — частный детектив! Не думаю, чтобы «Чистилище» вам много заплатило. Не скажете, сколько? Любопытно все же.

— Десять тысяч плюс премия за риск.

— Неплохо, но я могу дать больше. Хотите работать в моей команде? Полста тысяч плюс гонорар за отдельные акции.

Улисс пренебрежительно сплюнул.

— У нас цены несколько иные. Смерть Миллера вам не оплатить.

— Принципы? Уважаю принципиальных людей. Но чего вы добьетесь? Наша с вами игра — игра с нулевым результатом. Придется перенести лабораторию в другое место, и только. Хотя позиция в долине была идеальной со всех точек зрения.

— Конечно, идеальной. Во-первых, в сельве легко упрятать даже космодром, а не только взлетную площадку дирижаблей. Во-вторых, материал для изготовления вашего противошокового пре-

парата всегда под рукой, и в-третьих, хватает и экспериментального материала, на котором можно отработать методику — пигмеи. Никто не будет искать без вести пропавших.

— Вы правы,— кивнул Копман.— Голова у вас варит, я заметил это давно. Правда, в какой-то степени идиосинкразия к риску у вас имеется. Должны же вы понимать, что, ввязавшись в драку с нашей конторой, выжить чрезвычайно трудно, почти невозможно. Через полчаса мы уходим, а лагерь взорвем. Вместе с вами, Джонатан, уж простите мой черный юмор. У вас есть ко мне вопросы?

— Три.

— Всего-то? Слушаю.— Копман кивнул «Мефистофелю».— Ликвидируйте «конюшню», Перри, потом придете сюда со своими. И дайте отбой Ушастому, его противник сам пришел в клетку. Пусть командует механикой отхода.

Улисс в задумчивости подошел ближе к немцу. Охранники сдвинулись тесней, заплевывая пол жевательной резинкой.

— Скажите, вы на самом дле добились результатов или случившееся с Хонтехосом и другими — раздутый миф?

Заведующий лабораторией оживился.

— Когда-нибудь мне за эти исследования вручат Нобелевскую. Мифа нет, ваш Хонтехос в действительности получил сверхвозможности, но, к сожалению, задумал рассказать о моей работе всему миру, а это преждевременно, как вы понимаете. Пришлось моим друзьям принять меры.

— В частности, Дайамонду?

— Не только. Видите, вы слишком много знаете, для того чтобы уцелеть.

— Скормите его Ушастому,— буркнул один из телохранителей.

Копман оценивающе посмотрел на Улисса.

— А что, это идея. Любопытно было бы посмотреть, как долго вы продержитесь. Хотя вряд ли выстоите. Ушастый — моя гордость.

— Тоже «подопытный кролик»?

— Он себя таковым не считает. Был приговорен к смертной казни, я его вытащил. Любопытный экземпляр, скажу я вам, сами увидите. Решено, появится Ушастый — устроим корриду. Хотя времени у нас очень мало.

— А зачем вы захватили таких известных людей, как Хонтехос, Пино? Чтобы показать свою силу?

Копман хлопнул себя по ляжкам, засмеялся.

— Ну, естественно! Скажете, цинизм? Нет, мой друг, вызов. Мы нарочно выбрали для испытаний таких людей, которые известны если не мировой, то хотя бы южноамериканской общественности. Хотите знать, как все это было сделано? — На щеках Копмана разгорелся румянец. Он вдруг сбросил маску хладнокровного и веж-

ливого бизнесмена и стал тем, кем был на самом деле — заурядным ученым-маньяком фашистского толка, для которого опыты над людьми — обычное дело.

— Давайте даже сделаем не так: я и вас сделаю сверхчеловеком! После боя с Ушастым. Хотите? И вы станете господином толпы, а захотите — и любой политической системы. Представляете, кем вы можете стать?

— Представляю,— кивнул Улисс.— Эти речи уже слышал где-то или читал.

— О да, их отец Ричард Хелмс.[1] Он сказал: «Контроль над людьми — вот главная цель ЦРУ». Добавлю — великая цель!

— Действительно, великая. Мы ошибались, предполагая, что лаборатория работает над каким-то препаратом вроде «сыворотки правды» или экспериментирует с генами бактерий для производства новых штаммов. Никто в руководстве не хотел верить в «конструирование генотипов» нового поколения.

— Моя работа называется несколько иначе — «Реконструкция генных структур человека с помощью активизации «молчащих» генов». Но вы хорошо разбираетесь в терминологии.

— Пришлось подучиться. О вас мы тоже знаем немало. Ведь начинали работу вы с галлюциногенами в Форт-Брегге, потом в Пэйн-Блаффе, были начальником отдела биологических исследований в Форт-Детрике...

— Не стоит перечислять мой послужной список, у меня осталось для вас две минуты. Ваши вопросы закончились? А я все жду, когда вы спросите о сеньорите Анхелике.

Улисс шагнул к толстяку.

— Она все-таки у вас?

— У нас. Кстати, вы знаете, что она сотрудник службы безопасности Паракаса? Была внедрена в «Птичий глаз», но слишком преуспела в своей деятельности, и моим коллегам пришлось срочно вывести ее из игры. Если бы не я, ее бы уже не было в живых, служба ликвидации не любит шутить.

— Что с ней?!

— Жива, хотя очень слаба.— Копман поколебался.— Я мог бы и не говорить, но не люблю лжи. Я сделал эксперимент уже после того, как ее пытали электротоком, все равно она была на грани... м-м, смерти. И не поверите: уже на второй день она встала! Эксперимент удался! Очень сильная девушка! Хотите с ней повидаться? Она в моем личном боксе, двумя этажами ниже. К сожалению, времени у меня уже нет, иначе я бы отпустил вас к ней.

— Кто пытал ее электрошоком? — Голос сел, и Улисс вынужден был повторить вопрос.— Кто и зачем?

---

[1] Директор ЦРУ с 1966 по 1973 гг.

Копман пожал плечами, открыл в стене незаметную дверцу, за которой оказался бар с батареей бутылок, разлил в бокалы коньяк. Протянул бокал Джонатану.

— Это все «голландец», его головорезы. Не знаю, чего он от нее добивался.

— А ты, значит, «посочувствовал», провел эксперимент.

— Она бы все равно не выжила, я сделал как лучше, все-таки шанс был. Давайте выпьем, дружище, все мы смертны...

И в этот миг Улисс, готовившийся уже целых пять минут, распластавшись в воздухе, выполнил удатт-наяну — одновременный удар всем противникам, находившимся в пределах досягаемости: правой ногой в подбородок — парню слева, левой рукой в горло — телохранителю справа, и кулаком правой руки — в висок стоящему сзади.

Удар ногой достиг цели, парень упал без звука, второй верзила тоже выбыл из схватки, третий успел выстрелить, но пуля лишь обожгла щеку Улисса. Выстрелить еще раз оглушенный охранник не успел. Джонатан вырубил его на выдохе, не вставая с пола, попав в солнечное сплетение, рванулся к Копману, который уронил бокалы и выхватывал пистолет из подмышки. Улисс опередил его на долю секунды — реакция у заведующего лабораторией уже была не та, возраст, да и бокалы в руках помешали. Выстрел, вскрик «Мефистофеля» — пуля попала ему в раненое плечо — удар Улисса, все произошло в одно мгновение.

Копман еще падал, когда Джонатан вспомнил об операторе у пульта. Он нырнул за спину немца, подхватил с пола его пистолет, перекатился в угол, открывая огонь, еще продолжая движение. Оператор начал стрельбу, когда рукоять пистолета легла в ладонь альпиниста. Две пули, выпущенные с расстояния в семь-восемь футов, достались Копману, третья оцарапала Улиссу шею, еще одна впилась в пол в дюйме от головы, а потом уже выстрелил он.

Тишина наступила внезапно.

С минуту Джонатан не мог отдышаться, ожидая появления новых действующих лиц, вытер кровь на щеке, но она продолжала сочиться; шея саднила, почему-то болел бок. Один из телохранителей Копмана зашевелился. Улисс подошел и снова послал парня в нокаут. Остальным их же ремнями связал руки за спиной и уложил лицами вниз у стены. Подошел к Копману, поднял веко и опустил:

«Жаль,— подумал Улисс,— он бы еще пригодился».

«Мефистофель», сидевший на полу у пульта, зажав плечо, заскулил, когда Джонатан поднял на него взгляд.

— Не убивайте! Я скажу... все скажу...

— Где ваша рация? — тихо спросил Улисс.

— В параллельной шахте,— заторопился старик.— Внизу есть переход, я покажу, но радист ее, наверное, уже уничтожил.

— Охрана внизу есть? Сколько человек?

— Пять, всего пять, они на выходе и в боксах... двое.

— Они слышали весь этот шум?

— Нет, сэр, прямая звуковая линия соединяет только императив-зал и каюту босса, а он здесь...

— Как вы собирались уходить отсюда после взрыва?

— Не после — до взрыва. На мотодельтапланах. Уйти должны были... не все, только... четверо...

— Ясно, лишние свидетели вам ни к чему. А сколько всего людей на базе?

— Сорок два.

Улисс присвистнул, не спуская глаз с «Мефистофеля». Тот, кривясь от боли, торопливо начал оправдываться:

— Я просто инженер по обслуживанию компьютерной сети, сэр, исполнитель, что мне приказывали, то я и...

— Где находится личный бокс Копмана?

Оператор непонимающе заморгал. Ну, конечно, подумал Улисс, своего босса они знали здесь под другим именем. Он указал стволом пистолета на заведующего лабораторией.

— Отдельный штрек из главной лаборатории, это двумя этажами ниже. Замок двери кодовый, но я знаю шифр. Вы... не будете стрелять?

Улисс взвесил в руке пистолет. Старик не сводил с него расширенных глаз, его куртка на плече набухала кровью. Джонатан поднял стул и с размаху ударил по пульту.

— Так-то будет надежней. Шифр и ключи от дверей.

«Мефистофель» потянулся к карману. Улисс взял ключи, проверил обойму, пистолет, стреляющий шоковыми ампулами-иглами, сунул в карман, оружие Копмана — во второй. Потом запер люк, ведущий на нижние этажи подземелья и поднялся по лестнице к верхнему люку, посмотрел на раненого:

— Я сейчас вернусь. Но не дай тебе бог позвать кого-нибудь на помощь или развязать этих горилл! Выключи свет и сиди тихо, как мышь. Понял?

— Да, сэр,— с трудом прошептал оператор.

— Перевяжи чем-нибудь плечо.

Улисс нащупал запоры люка, откинул его, сосчитал до десяти и прыгнул вверх, в темноту, как в воду.

ДОЛИНА ПИРУА

Кристофер едва успел нырнуть в заросли акации, как мимо протопали трое с автоматами в армейских маскировочных костюмах. Там, откуда Торвилл бежал, со стороны ворот в проволочном

заборе изредка доносились рычание и одиночные выстрелы из оружия бесшумного боя, похожие на удары палкой по матрацу. Но смолкли и они.

Переждав минуту, Торвилл выбрался из зарослей, исцарапав руки и лицо, и через полсотни шагов набрел на угрюмые постройки, возле которых витал тошнотворный запах тления и паленой шерсти. Сквозь просветы между деревьями — Кристофер не снимал прибор ночного видения и ориентировался отлично — были видны палатки и легкие домики из дерева.

Брезгливо зажав нос, Кристофер обошел палаточный городок и притаился в десятке шагов от первого домика, наблюдая за единственным входом и решая, войти или обследовать сначала всю территорию, как вдруг свет в единственном окне строения погас. Сквозь стены просочились странные звуки, напоминающие щелканье кастаньет. Дверь открылась, из нее вышел человек, постоял, шатаясь, и побрел по тропе в глубь леса, ощупывая голову.

Торвилл разочарованно проводил его взглядом, это был не Джонатан. Но все же что-то удерживало альпиниста у домика, интуиция подсказывала, что Улисс не мог миновать этого строения, внешне выделяющегося среди палаточного городка.

Подождав еще несколько минут, Кристофер решил все же убраться из лагеря, и в это время к домику подбежали двое, остановились, тихо переговариваясь, и закурили. Остальное произошло в три-четыре секунды.

Дверь толчком распахнулась, из проема выпрыгнул человек и угодил прямо в одного из курящих. Оба упали. Второй мгновенно вскинул автомат, висевший на ремне дулом вниз. Торвилл выстрелил машинально, еще не поняв, почему вмешивается в события. Автоматчик упал, а один из упавших ранее вскочил — это был Улисс.

— Сюда! — позвал он Кристофера, безошибочно угадав его в темноте.

Торвилл метнулся к нему, нырнул в барак с открытым люком посредине. Один за другим они спустились в зал координации лабораторных бункеров, освещенный только индикаторами на панели пульта. «Мефистофель» сидел в кресле и постанывал изредка.

— Кто это? — спросил Торвилл, переведя дыхание.

— Дежурный инженер.

— А остальные?

— Охрана.

Торвилл сглотнул слюну, помолчал немного.

— А с ним что?

— Ранен.

— Может, его надо перевязать?

Улисс посмотрел на альпиниста так, что тот поежился.

— Давай о деле. Что у тебя? Не ранен?

— Пронесло. Была бы у нас шапка-невидимка, а?

— Обойдемся. Они собрались взорвать базу, надо спешить.

— Узнал, где Анхелика?

— По словам их шефа, ее пытали бандиты ван Хова, а Копман отбил и увел ее к себе... чтобы провести эксперимент. Жаль, он умер сразу!..— Улисс провел ладонью по лицу.— Хорошо, что ты захватил инфраочки, может быть, придется опять идти в темноте. Наш путь вниз, на дно этой преисподней, в бокс Копмана. Ты готов?

Торвилл унял дрожь в руках и глубоко вздохнул.

— Тогда следуй за мной. Чем быстрее мы выберемся отсюда, тем больше шансов спасти Анхелику.

— Постой... ты сказал, что над ней... что Копман экспериментировал над ней?!

Улисс снова провел ладонью по лицу, помолчал минуту, потом сказал изменившимся голосом:

— Главное, что она жива. Эй, «Мефистофель», или как там тебя, Перри, давай вперед и без фокусов, ты знаешь, как я стреляю.

Старый инженер полез в люк первым, еле сдерживая стоны, поддерживая раненую руку.

Следующее помещение, в которое они спустились, было естественной пещерой, полостью в недрах скалы, образованной при дегазации раскаленной магмы. Строители только сделали ровный пол и залатали трещины. Теперь это была операционная с тремя столами, бестеневыми лампами, шкафами с аппаратурой и инструментами. Она пустовала, но за стеклянной дверью, ведущей в соседнее помещение, горел свет и слышались мужские голоса.

— Это дверь в коридор,— прошептал проводник.— Люк в нижний зал в конце его.

— Куда он ведет?

— В бункер нейроисследований, а оттуда — в жилую зону. Бокс заведующего — первый по счету, с металлической дверью.

— Где сидит охрана?

— Без меня они не откроют решетку.

Улисс поднял руку, бесшумно подошел к стеклянной двери.

— Пак, по-моему, у нас гости,— послышался голос за дверью; видимо, охранник говорил по телефону.— Я не могу связаться ни с боссом, ни с координатором, ни с внешней охраной, никто не отвечает. Может, они уже удрали?

Ответа его собеседника Торвилл не услышал, но через несколько секунд охранник вызвал другого напарника:

— Люг, в лагере происходят странные вещи. Пак говорит, что Губатый исчез, централь не отвечает, на входе была слышна перестрелка. Никто ничего не знает. Где босс? Не проходил?

Снова тишина, а потом:

— Хорошо, поднимусь наверх и дам по морде этому спесивому Перри, любимчику босса, чтобы вовремя предупреждал обо всех событиях, а ты свяжись с базой и ВПП. Пусть поищут Ушастого.

Улисс посмотрел на Торвилла, призывая его к вниманию.

Кристофер проглотил кислую слюну, снова преодолел противную дрожь рук и взялся за теплую рукоять пистолета.

Дверь открылась, в глаза брызнул белый свет. Улисс по-кошачьи прыгнул навстречу могучему, с бычьей шеей охраннику и с разгона ударил его в голову. В следующее мгновение проводник, стоявший чуть впереди Торвилла, повернулся и нанес тому удар в пах. Зазевавшийся Кристофер едва не потерял сознание от жгучей боли. Сдерживая крик, он ударил в ответ, попал противнику по губам, но слабо, и получил еще один удар — инженер был профессионалом не только в электронике и драться умел. Свет в глазах померк. Кристофер, слабея, гаснущим сознанием понял, что проигрывает схватку, и спустил курок. Выстрела он уже не услышал...

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Было без четверти одиннадцать, когда Кольор и Моррисон выбрались на плоскую крышу Пирина, где собрался отряд резерва — двенадцать человек, вооруженных автоматами и гранатами со слезоточивым газом. Остальные отряды ждали сигнала, сидя в кабинах вертолетов.

На душе полковника скребли кошки, озноб то и дело охватывал спину, но желание действовать успешно блокировалось волей, хотя ожидание для полковника было худшим из противников, потому что победить его можно было только терпением.

Воздух был прохладен и чист, дышалось легко и свободно, но начальнику сил безопасности казалось, что атмосфера над институтом пропитана напряжением и угрозой, а легкий ветер приносит вместе с бальзамическими запахами сельвы еще и ядовитые флюиды злобы и ненависти.

Моррисон был, как всегда, угрюмо спокоен, только изредка посматривал на светящийся циферблат часов.

Подошел сосредоточенный Соренсен, одетый в спецкомбинезон.

— Все готово, сэр. «Десятый» передает, что воздушное пространство долины блокировано. Десант ждет сигнала. Боливийские пограничники держат с нами связь.

Моррисон мельком посмотрел на Кольора.

— Пока, если они успеют уничтожить базу.

— Это было бы неудачей,— согласился Кольор.— Может, ваш

работник сумеет предотвратить взрыв? Мне он показался довольно решительным парнем.

Моррисон внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы знаете, кто он?

— Догадался. Джонатан Улисс. Больше просто некому. Мы ведь следили за всеми, кто прибыл в Пирин и вообще в Пикаль, и знаем способности и возможности каждого. Сначала я подозревал, что он работает на Дайамонда.

Заместитель начальника отделения «Эол» отвернулся.

— У нас есть еще немного времени, проверьте готовность людей.

Соренсен растворился в темноте.

Кольор понимающе усмехнулся.

— Извините, у меня к вам вопрос личного свойства, но он требует откровенного ответа.

— Спрашивайте.

— Какие цели преследует «Чистилище» — понятно, и я только приветствую их, но каким путем попали в организацию вы? Почему? Причина? Крупный заработок или что-то еще?

Моррисон молчал минуты две, провел ладонью по щеке, проговорил глухо:

— Как и все, кто там работает...

— Не понял.

— В СИУ работают в основном те, кто так или иначе стал жертвой лабораторий, прямо или косвенно, внутри своих стран или в других странах, и больше всего лабораторий ЦРУ и Пентагона. На моей семье испытали новейший психотомиметик.

— Простите,— пробормотал Кольор.— Я не знал...

В молчании прошло несколько минут. Затем полковник покачал головой.

— Не думал, что масштабы деятельности этих лабораторий так велики. Ведь если верить вашим словам, то... простите, я оговорился. Если из двадцати тысяч членов вашей организации хотя бы половина — жертвы!..

— Откуда вы взяли эту цифру? Даже я не знаю, сколько членов в организации, но процент жертв больше, уверен. Добавьте сюда всех, кто добровольно помогает нам в нашей деятельности.

— Что же вами руководит? Месть?

— Ненависть,— шепотом ответил Моррисон.— Месть слепа, а ненависть... мы не хотим, чтобы повторилось то, что произошло с нами. И, видит бог, мы не одиноки. Я знаю, многие не приемлют наших методов борьбы с этой жуткой системой смерти, но мы не хотим ждать, когда правосудие доберется до убийц и садистов-маньяков. И будем уничтожать их везде и всегда! Кто осудит нас за это?

— Во всяком случае — не я,— сказал Кольор тихо.

— Сэр, в районе центрального плато в долине снова слышна перестрелка,— бесшумно подошел Соренсен.— Наблюдатель докладывает, что будто бы видел какие-то темные предметы над скалами, похожие на воздушные шары.

Моррисон быстро повернулся к полковнику.

— Вероятно, это дирижабли или на самом деле воздушные шары. А мы ломали голову, как контрабандистам удается вывозить ценности. Оказывается, все просто. Хенрик, а почему молчат радарные посты? Узнай, в чем дело...— Моррисон не закончил.

Совсем близко, в стороне взлетно-посадочной площадки, затрещали выстрелы, ухнул взрыв, второй.

— Что там такое?

— Нападение на вертолеты,— отозвался подскочивший Карсак.— Взорван вертолет, нападающих человек пять.

— Они начали отвлекающий маневр,— пробормотал Кольор.— Не боятся, мерзавцы, словно у себя дома! Точно рассчитали, когда нужно начинать. Нападающих уничтожить!

— Есть уничтожить!

Из будки лифта выскочил один из членов команды Карсака.

— Лейтенант, вас хочет видеть один парень.

— Гони в шею!

— Он говорит — очень важно.

— Но мадуро! Энрике, приказ полковника — уничтожить отряд! Что там у остальных? Вызови Горио. Что за парень? Что ему надо? Потом, потом...

— Пусть подойдет,— сказал Кольор.

Из будки вышел еще один человек, приблизился к полковнику.

— Я Алексей Рыбин, эколог... простите, вы старший?

Молодой человек был явно растерян, по-испански говорил с акцентом. Сразу видно славянина, подумал Кольор.

— Прошу прощения, у меня важное сообщение...

— Короче и не в рифму,— бросил Моррисон.

Русский заторопился:

— Мне приказали передать, что через десять минут Пируа-институт взлетит на воздух.

— Что?!

— Мне приказали...

— Кто приказал?

— Ингстад, Сигурд Ингстад.

— Я, кажется, знаю, кто это,— сказал Кольор.— Один из археологов, норвежец. Значит, он вам приказал? А вы послушались?

— Он пригрозил, что если я скажу, кто мне передал эти слова, то... у него пистолет...

— Где он?

— Не знаю.— От волнения Рыбин начал жестикулировать.— Если дадите оружие, я помогу найти.

— Его уже наверняка нет в здании,— быстро сказал Карсак.

— Займитесь своими делами, лейтенант,— бросил Кольор,— с этим парнем я разберусь сам.— Полковник потерял интерес к русскому.— Энрике, быстро организуйте эвакуацию населения Пирина. Вы правы, Филипп, они все рассчитали. Сволочи! Мигель, поступаешь в распоряжение мистера Морриссона. Включайте сирену и действуйте. Я попробую найти мину, если она существует. А вы, Филипп, передайте своему «десятому», пусть попробует проследить за дирижаблями и захватить с грузом.

— Уже передал.

Кольор бросился к лифту в сопровождении восьмерки агентов резерва. С надрывом взвыла сирена, кромсая барабанные перепонки, перекрывая все остальные звуки. Время замедлило бег, счет пошел на секунды.

Полковник метался по коридорам, до хрипоты орал на бестолковых жильцов, направляя их вниз, за пределы здания. А сам все время думал о том, где бы он на месте террористов Дела заложил взрывчатку.

Последний обитатель Пирина покинул здание спустя одиннадцать минут после начала тревоги. Взрыва все не было. Полицейские и агенты группы резерва еще осматривали каюты в поисках самых тугоухих, а Кольор вдруг остановился в коридоре второго этажа, вспомнив об Анхелике, о ее каюте. После исчезновения девушки там никто не жил и никто туда не входил. Может быть, взрывчатка, если это не блеф, рассчитанный на панику и отвлечение главных сил, заложена там?

Кольор промчался по коридору второго этажа, соревнуясь в скорости с собственной тенью, преодолел два пролета лестницы в два приема и метнулся в жилую зону южноамериканского сектора, остановился перед белой пластиковой дверью с номером три. Чувствуя, как от бешеной гонки сердце пытается разбить грудную клетку, полковник ударил ногой в дверь. Закрыто! Тогда он отошел на несколько шагов и с разбегу врезался в дверь плечом. Пластмассовый лист лопнул и прогнулся. Двумя ударами Кольор выбил осколки из рамы и ворвался в каюту. Темно, где у них тут выключатель? Вот он!

Вспыхнул свет. Никого. Прямо в центре комнаты груда желтых ящиков, опутанных проводами, и на одном из них небольшая коробка со шкалой и двумя ручками.

Кольор опустил пистолет, на цыпочках, будто боясь разбудить спящего, подошел ближе и даже сквозь оглушительный бой пульса в голове расслышал слабое тиканье часового механизма...

Улисс оглянулся на выстрел, в бешенстве добил «Мефистофеля» и помог Торвиллу подняться. Потом, видя, что альпинист не в состоянии идти сам, усадил его у стены.

— Посиди немного, очухайся. Последи за верхним люком. Если не появлюсь минут через двадцать, спускайся, но осторожно.

За стеклянной дверью была небольшая комната с двумя дверями, освещенная скрытым под панелью светильником. Дверь слева закрыта, а справа приотворена. В щель была видна часть освещенного каменного коридора с ковром на бетонном полу. Воздух чистый, прохладный, свежий, с запахами ванили и кофе, к которым примешивался довольно странный тонкий запах, отнюдь не напоминающий больничные покои, и все же связанный с медициной.

Улисс бесшумно выключил свет и толкнул правую дверь от себя. Коридор был пуст. В его конце горбился на полу купол люка.

Люк скрывал за собой узкий колодец с закрепленными на стенке скобами, упирающийся в куб переходного отсека. Коридор за переходником охранялся: Улисс в глазок на двери рассмотрел в углу стол с пультом селектора, кнопочным телефоном и настольной лампой, и верзилу-охранника в костюме цвета хаки с автоматом наизготовку и рацией на ремне. Он лениво двигал челюстями и смотрел на дверь, поигрывая автоматом (все тот же «равен-37»), уверенный в своей неуязвимости. Сколько раз Улисс убеждался в том, что человек, надеющийся на преимущество положения, терпит поражение. Альпинист толкнул дверь и выстрелил. Верзила, икнув, отлетел к стенке и сполз на пол с удивлением на лице.

Джонатан оглянулся — сзади все тихо. Один-ноль. В следующий раз, парень, будешь помнить, что с предохранителя автомат снимается за три десятых секунды, а это бездна времени!

Подобрав автомат охранника, Улисс откинул люк в конце коридора, ведущий еще ниже, к святая святых лаборатории — центральному лабораторному бункеру. Его охватило ощущение беды, вернее, раздражающее чувство — что-то упущено из виду. Что?..

Прыжок вниз — сколько их еще предстоит?

Комната — точная копия операционной, но с охраной: один лежит на диване, второй сидит у стола с книгой. Удивленный взгляд, движение к автомату у тумбы стола...

Улисс стремительно провел боковой тэ-рэ, рванулся к лежащему на диване и обрушил на голову кулак. Спящий вырубился, не успев сообразить, что к чему. Первый сдавленно хрипел, выползая из-за стола. Из-под пальцев, прижатых к лицу, текла кровь. На мгновение Улиссу стало его жаль, но молнией пронеслась мысль — Анхелика! — и он нанес еще один удар. «Через полчаса очнешься, юноша, я не убийца, как ваш босс».

Пока все шло хорошо, даже слишком хорошо. Одно то уже хорошо, что здесь только охрана, «исследователи» или спят, или собираются в дорогу. Или уже эвакуированы. Хотя... вряд ли, времени у Копмана не было, несмотря на то, что он не спешил, потому что рассчитывал уйти один. Что ж, тем лучше.

Джонатан выбрался в боковой штрек, ведущий к боксу Копмана. Нигде никого не видно. Где же охрана? И где бокс этого подонка? Здесь целых четыре двери и все металлические.

Его спасла реакция и везение: стрелявший целился в грудь, а Улисс нагнулся и, заметив вспышку, нырнул на пол. Автоматная очередь прошла над спиной. Вторая впилась в то место, где он только что лежал, а третья прошила дверь напротив: стреляли из ниши в конце штрека, невидимой из-за хитроумно сделанного освещения. Это был последний «укрепрайон» перед личной резиденцией Копмана.

Улисс метнул в тупик одну за другой две гранаты величиной с грецкий орех и откатился в угол.

Прозвучали два негромких хлопка, два крика. Для верности десять секунд можно подождать... готово! Этот газ валит с ног слона и распадается за шесть секунд. Ваше «изобретение», господа цереушники, извольте испробовать на себе.

Дверь в бокс Копмана оказалась первой, «Мефистофель» не соврал. Улисс нашел замок и, всадив в него всю обойму из автомата, открыл дверь.

Целых четыре комнаты: гостиная, спальня и лаборатория, разделенная прозрачной стеной на два отсека, в одном — пульт, медицинская аппаратура, сейф, в другом — кресло, напоминавшее зубоврачебное, стол с клеенкой, шкаф с инструментарием и стойка с целым набором электроламп. Именно отсюда и растекался по дому «псевдобольничный» запах, к которому примешивался запах хлеба. Копман экспериментировал с противошоковым препаратом.

Джонатан лихорадочно осмотрел все комнаты — чисто, пусто, лишь в гостиной на полу груда бутылок из-под виски и пустых банок из-под пива «Анхойзер Буш». Где же Анхелика? Неужто Копман соврал? Или перехитрил? Зачем? Он же был уверен в том, что Улисс в его руках. Где Форталеза?..

Гостиная — никого, бар почти пуст.

Лаборатория — никого, сейф заперт, черт с ним!

Спальня — тоже пусто, вполне спартанская, постель не смята, платяной шкаф забит одеждой на все времена года... А это что? Зеркало чуть ли не во всю стену. Зеркало...

Улисс потрогал черную пластину сбоку от зеркала, толкнул его от себя, и зеркало повернулось на оси, открывая вход в замаскированную комнату. Пахнуло теплом, лекарствами, хлебом. Вспыхнул свет.

Анхелика лежала на кровати и смотрела на вошедшего огромными черными глазами. В них были боль и мука, и еще что-то, чему Джонатан не решился дать название, потому что это касалось его лично, как подсказывала ему обострившаяся интуиция. Он сглотнул ком в горле, шагнул к кровати.

— Хели, девочка моя, что они с тобой сделали?!

Улисс опустился возле девушки на колени, прижал на мгновение ее голову к своей груди. Анхелика подняла руку и погладила его волосы.

— Джо! — Голос ее был почти не слышен, шелест, а не голос.— Ты все же пришел...— По щеке девушки поползла слеза.

У Джонатана заныли зубы, так он их сжал.

— Копман мертв. А нам надо уходить, потому что скоро вся эта вонючая база взлетит на воздух. Надо спешить.

— Я знаю.— Анхелика заставила его поднять голову, вглядываясь в лицо бездонными глазами, потом, слепо шаря рукой по кровати, нашла его руку.— Не верю, что ты... думала, ты из их компании. Не пожалеешь? Мне сделали операцию...

Улисс поцеловал ее холодные пальцы, с содроганием заметил на оголившемся запястье глубокий след от металлических браслетов и синяки на венах, не то следы пальцев, не то уколов.

— Переживем. Встать можешь?

— Попробую... помоги.

Девушка села, ухватив его за шею, закрыла глаза.

— Голова кружится... сейчас пройдет... я уже вставала, но еще не умею регулировать силы.

— Где тебя взяли?

— Вызвали в лагерь, будто бы к больному. Встретил ван Хов и... больше ничего не помню.

Улисс покачал головой.

— Элементарно просто — усыпили и доставили сюда. Что же твои друзья из контрразведки тебя не подстраховали?

— У них были свои конкретные задачи. Я сама виновата.

— Если бы я догадался раньше, где ты работаешь... Держись за шею.

Альпинист подхватил девушку на руки и, не чувствуя веса, бросился из комнаты. В святая святых Копмана — его биохимической лаборатории с компьютерным комплексом и аппаратурой генной инженерии — вспомнил о втором пистолете и вручил его Анхелике.

— Стрелять-то умеешь, разведчица? Следи на всякий случай за тылом и держись крепче.

Торвилла он нашел сидящим на ступеньке лестницы у люка. Рядом ничком лежал человек в черном с автоматом в руках. Улисс все понял.

— Порядок! Больше никого не видел?

Торвилл встал, его шатнуло.

— В ушах шумит, будто ветер, ничего не слышу...

— Ранен?

— Пустяки. Но помяли здорово! Здравствуй, Хели. Что с ней?

— Они ее пытали! Я понесу, а ты прикроешь сзади. Где-то здесь у них есть рация, необходимо найти.

— Зачем?

— Десант ждет моего сигнала. Они не знают координат лаборатории, мы догадались с тобой случайно, повезло.

Бункер с рацией отыскался в этом же штреке, где располагались и апартаменты Копмана. Снова помог автомат — с его помощью Джонатан расстрелял замок. К счастью, рация еще не была уничтожена, хотя радист, уходя, отсоединил терминал кодовой связи от питающих фидеров.

Очевидно, антенны и волноводы были выведены наверх, на скалу, в бункере стоял только блок управления рацией, но одного взгляда на панель Улиссу было достаточно, чтобы определить фирму мощного специализированного многодиапазонного передатчика и высокоселективного приемника для связи со спутником. Такие рации разрабатывала «Инжиниринг бродкастинг систем корпорейтед» по заказам Пентагона. Пользовалось этими рациями и ЦРУ.

Включение передатчика и проверка его функционирования были делом трех минут, поскольку управлял всем процессом работы рации компьютер. Улисс набрал программу передачи в эфир открытым текстом и заставил его повторять передачу непрерывно, надеясь, что призыв будет услышан, а передатчик запеленгован. Больше делать им здесь было нечего.

— Теперь на волю, в пампасы,— сказал Улисс Торвиллу, наблюдавшему за его действиями во все глаза.— Выберемся и пойдем на север, с той стороны скалы ближе всего, милях в двух. Держись, Хели.

Никто не помешал им пройти обратный путь из глубин подземелья, через лабораторию, препараторские и хирургические бункера, к выходу из этого дьявольского гнезда, оборудованного новейшей современной техникой. Охрана непосредственного комплекса «Демиург» была уничтожена, а внешние посты не слышали перестрелки в недрах скалы.

Убедившись, что на выходе нет засады, Улисс сориентировался и нырнул в чащу за палатки, выбирая направление. «Успел бы десант,— подумал он, прижимая к себе драгоценную ношу.— Эти подонки уйдут и взорвут скалу, потом попробуй докажи, чем они тут занимались...»

Сзади хлопнул одинокий выстрел, и снова тишина, словно сельва вымерла на многие мили вокруг.

Подбежали к проволочному заграждению.

Торвилл, действуя захваченным автоматом, как дубиной, сбил верхние плети колючей проволоки, прибитые к стволам деревьев, наступил на них.

— Проходите.

Снова побежали, петляя между громадными стволами и выступавшими на поверхность корнями сейб, пандусов и тиса. Их никто не преследовал, хотя Торвиллу все время казалось, что в спину смотрит кто-то чужой и опасный.

Спустя двадцать минут выбежали из сельвы на край обрыва.

Улисс бережно опустил Анхелику на землю. Перед ними простиралась бездна, заполненная мраком. Ни одного огонька внизу, только звездный бисер небосвода позволял отделить не глазу — чувству земное от небесного. Джонатан вспомнил, как они с Кристофером поднимались на плато несколько часов назад, израненное тело, казалось, заболело сильней.

— Что дальше? — прошептал Торвилл, еле переводя дыхание.

— Будем спускаться,— так же шепотом ответил Улисс.

— По-моему, там впереди какие-то машины стоят.

Улисс поправил инфраочки и увидел черный продолговатый ящик — мотор с винтом. Это были мотодельтапланы, стоявшие в ряд под защитой тенистого полога ближайших к обрыву деревьев и приготовленные к полету.

— Кажется, удача улыбнулась нам снова.

— Что это? Самолеты?

— Дельтапланы с двигателями. Я проверю, а ты понаблюдай издали.— Улисс коснулся волос Анхелики.— Стреляй только в самом крайнем случае.

Альпинист безмолвно поднял винтовку.

— Погоди! — вдруг сказала Анхелика, поднимаясь.— Мне кажется, там кто-то... Берегитесь, Джо! Там...

В то же мгновение им в лицо ударил слепящий свет прожектора, высветив фигуру Улисса, заслонившего собой остальных.

— Стоять! — каркнул чей-то голос.

Улисс и Торвилл выстрелили одновременно, прожектор потух, но пуля Кристофера попала в бак ближнего мотодельтаплана, и тот взорвался, осветив поляну оранжевым пляшущим пламенем.

Протрещал автомат, очередь легла прямо под ногами Джонатана. Тот же голос приказал:

— Бросайте оружие, перестреляем всех!

Момент был критический, но именно в такие моменты Улисс действовал наиболее эффективно и быстро — качество, которое трудно воспитать и с которым можно только родиться.

— Брось винтовку,— обернулся он назад.

Кристофер безмолвно повиновался.

— Выходите на свет! Все трое. А ты, монтанеро, подойди ближе. Смелее!

— Джо, берегись! — прошептала Анхелика, подходя; ее колотила дрожь.— Там всего трое, но среди них... Ушастый!

— Ну и...— начал Улисс, не оборачиваясь, пристально вглядываясь в неясную фигуру, возникшую слева от косых громад дельта-планов.

— Молчи и слушай, просто думай, я читаю твои мысли... Ушастый — это единственный из пациентов Копмана... да, ты правильно понял, его «гордость»... да, «супер»...

— Я кому сказал? — прикрикнул неизвестный.— Улисс — ко мне, остальным стоять! Ну что, монтанеро, поговорим?

Фигура обрела четкие очертания и превратилась в человека с лицом-маской. Но особенно поражали уши: странно деформированные, они сужались кверху, как у зверей, а книзу расширялись грибообразными наростами, превращая и без того безобразное лицо в жуткую маску колдуна!

— Да уж, не красавец,— рассмеялся обладатель чудовищного лица, приближаясь.— Жаль, что мы не встретились раньше, отпала бы необходимость в операции мелодраматического вызволения сеньориты Анхелики. Кстати, рация, которую вы «включили», не работает, вернее, она начинает работать только при введении в программу кода разрешения передачи, а вы его не знаете. Так что помощь не придет.

— Что вы с ним церемонитесь,— шагнул в круг света еще один человек, в котором Улисс узнал Леона ван Хова.— Надо сматываться, к черту неоправданный риск! Сбросим всех вниз, и дело с концом. Зачем он вам нужен?

— Хочу удостовериться, так ли уж силен знаменитый Улисс, агент «Чистилища», знающий все приемы азиатской борьбы и ползающий по скалам, как муха. А время у нас еще есть, сэр Моррисон упрям и не даст полковнику Кольору начать операцию раньше, чем придет сигнал. Ну что, монтанеро, покажете нам свое умение?

— Я... готов,— хрипло сказал Улисс.

— Джо, осторожнее! — крикнула Анхелика.— Он владеет тэйквондо и приемами таи-сабаки! Не думай о приемах в момент проведения, он успеет перехватить...

— Заткните ей глотку! — сказал Ушастый.

Ван Хов выстрелил. Слабо вскрикнув, Анхелика упала. В тот же миг Улисс в прыжке преодолел отделявшие его от врагов пять метров и ударил голландца в горло, одновременно пытаясь заблокировать встречный удар — среагировал, гад! — Ушастого. Это ему удалось наполовину: удар был настолько силен, что прошел блок и едва не сломал альпинисту шею. Улисс упал на бок, не успев сгруппироваться, в голове словно взорвалась граната. Он тут же

вскочил и, помня наставление Анхелики, вдруг выпрыгнул вверх на добрый метр — надо было сначала увидеть Ушастого.

Ударило по ногам: противник не ожидал прыжка и наносил удар в голову. Теперь Улисс видел, где враг, с радостью убедившись, что ван Хов лежит без движения. Блок против удара руки выдержал, но Ушастый обладал столь чудовищной силой, что у Джонатана отнялось плечо; ему даже показалось, что сломана ключица.

Ушастый уже стоял напротив в характерной для борца тэйквондо позе и улыбался. Ударил: нога — рука — рука — нога. Третий достиг цели — снова в голове Улисса взорвалась световая бомба! На мгновение он отключился, но инстинкты бросили его тело под ноги нападавшему, сбив комбинацию перехода с «танца слепого» на «танец смерти». Он успел перехватить ногу и рванул Ушастого под себя изо всех сил, срывая ногти с пальцев, дотянулся до подбородка головой. Лязгнули зубы. Ушастый оторвал руку Улисса от своего горла с такой силой, что сломал ему палец. Джонатан напрягся, пытаясь освободиться от захвата, но Ушастый был сильнее — ударил в бок коленом: молния пронзила тело, молния огня и боли. Улисс беззвучно вскрикнул и вдруг словно освободил в себе дремлющую яростную силу, никогда не проявлявшуюся раньше. Он вывернулся из захвата, перехватив руку врага, и с размаху рванул через плечо, сломав ее в локте. Ушастый зарычал, силясь освободиться от противника, встал на колени, потом на ноги, держа Улиса на весу! На сломанной руке! И вдруг вздрогнул, покачнулся... Джонатан отскочил назад и увидел, что спина Ушастого напоминает дикобраза: в ней торчало около десятка тонких черных стрел!

Ушастый снова зарычал, сделал шаг к альпинисту, протянув к нему руки со скрюченными пальцами, и упал лицом вниз.

— Кто? Что это? Почему?..— забормотал Улисс, не понимая в чем дело.— Кто его?..

Из мрака, освещенная двигающимся пламенем горящего дельтаплана, вынырнула медно-блестящая маленькая фигурка, за ней вторая, третья... Индейцы-пигмеи...

Несколько секунд Улисс переводил взгляд с тела Ушастого на индейцев, и вдруг волна боли ударила в голову, оборвала сознание...

Очнулся он от прикосновения чего-то мокрого и холодного.

Он лежал на земле с перевязанным плечом, а напротив сидела Анхелика и держала в руке мокрое полотенце.

— Ты... жива?! — пробормотал он, приподнимаясь, сморщился от боли в груди и в плече.— Он в тебя все-таки не попал.

— Попал,— слабо улыбнулась девушка,— в плечо, но я... не совсем норм... я хочу сказать, не просто женщина, ну, не такая, как все.

— Я понял.

— Правильно, я теперь такая же, как... как...

— Этот Ушастый?

— Я хотела сказать, как Хонтехос и... другие. Сильнее и... могу заживлять раны... но не будем об этом. У тебя сломана ключица и два ребра, нужен покой.

Улисс сжал зубы и встал, согнувшись. Постоял так немного, сделал усилие и разогнулся. Лицо его покрылось бисером пота.

— Где Кристофер?

— Он сторожит третьего у склада, недалеко.

— Третьего? Ах да... зачем?

— Этот человек не совсем негодяй, он первоклассный нейрохирург и давно подумывал порвать с Копманом.

— Откуда ты знаешь?

Анхелика снова улыбнулась, грустно и виновато. Улисс посмотрел на нее исподлобья.

— Это правда? Ты в самом деле можешь читать мысли?

— Да.

— И знаешь?

— Да.— Она осторожно погладила его по щеке.— Ничего не изменилось. Я тебя тоже, Джо...

Улисс проглотил соленую от крови слюну, отвернулся и сделал шаг, содрогаясь от колющей боли в боку, от которой невозможно было свободно вздохнуть.

— Пошли к дельтапланам.

Он внезапно остановился, похлопал себя по карманам и извлек из внутреннего кармашка куртки маленькую плоскую коробочку.

— Как же я забыл о ней!

— Что это?

— Рация, отобрал у... одного охранника. Смотри-ка, работает! Молодцы, конструкторы! Дальность небольшая, но это все же шанс. Ее бы поднять повыше...

— Давай я подниму,— раздался рядом голос Торвилла.— Рад, что все обошлось, дружище! Здесь недалеко есть наклонившийся эвкалипт, я поднимусь по нему метров на тридцать выше.

— Не свались.

— Не беспокойся, или я не альпинист?

— Да, а где же наши друзья, индейцы? — спохватился Улисс.

— Ушли. Сразу же, как только убедились в смерти Ушастого. Среди них тоже есть...

— Что?! Пациенты Копмана?!

Улисс молчал до тех пор, пока не вернулся Торвилл.

— Все в порядке, Джо. Будем надеяться, что нас услышат. Может, не стоит искушать судьбу? Подождем десант здесь?

— Нет,— качнул головой Джонатан, очнувшись от своих мыс-

лей.— В лаборатории еще остались исполнители приказа, они могут взорвать скалу в любую минуту, особенно, если убедятся в гибели Копмана. Садитесь по машинам. Где этот ваш... врач?

— Нейрохирург?

Торвилл ушел и вернулся с худым бородатым субъектом, руки которого были связаны за спиной.

— Развяжи его.

— Что ты задумал?

— Имя? — спросил Улисс, не отвечая на вопрос.

— Уильям,— сказал бородатый.— Уильям Принц.

— Ты оперировал индейцев?

— И я тоже. Вы хотите убить меня? К чему узнавали имя?

Улисс засмеялся и тут же закашлялся от боли. Покачал головой.

— Что ты задумал? — повторила вопрос Анхелика.

— Почему бы и нет,— сказал Джонатан.— Я хочу стать таким же, как и ты. Иначе мы никогда не будем вместе. Все! — не дал он ей возразить.— Вам пора. Встретимся внизу, в Пикале или в Шочипилье, как получится. Жди. Крис, освободи машины.

Принц и Торвилл освободили от расчалок крылья мотодельтапланов, выкатили из шеренги два аппарата, проверили моторы.

В свете догорающей машины Джонатан усадил Анхелику на сидение, не обращая внимания на ее протесты, закрепил ремни. Потом содрал с ван Хова куртку, подал девушке.

— Надевай.

Она с отвращением оттолкнула руку.

— Не буду!

— Не дури, замерзнешь.

Улисс силой заставил ее надеть куртку, завел двигатель.

— Держи на юг, по звездам, сможете? Крис, лети первым, за тобой Хели. Через Тумху, я думаю, вы переберетесь, а сядете у лагеря по ту сторону. Если наши сигналы не услышаны, передашь привет Моррисону лично.

— Ты твердо решил?

— Что? — Улисс на мгновение запнулся.— Да, я решил. Если они не взорвут базу, мы встретимся. Вперед!

— Тогда я не полечу,— сказал Торвилл.— Я с тобой. Одному тебе не справиться.

Джонатан покачал головой. Ему показалось, что где-то внутри, а может быть, и вовне, шевельнулся кто-то огромный и чужой, не понять сразу — злой или равнодушный; эдакий беззвучный толчок по нервам. Словно горы вокруг долины открыли глаза и посмотрели на него оценивающе и с ожиданием.

— Крис, я вручаю ее тебе и спрошу, когда вернусь. Она — все, что у меня осталось. Не прощаюсь, пошел!

Торвилл колебался недолго. Слабый стрекот моторчиков дельтапланов казался ему ревом турбин сверхзвукового истребителя.

Джонатан подтолкнул его аппарат, и мотодельтаплан нырнул с обрыва вниз, растаял в ночи.

— Джо! — позвала Анхелика. Слезы текли по ее щекам, но она их не вытирала.— Джо...

— Меня зовут Улисс,— пробормотал Джонатан.— Джонатан Улисс, бродяга. Я часто ухожу, но всегда возвращаюсь. Держись крепче, я найду тебя.

Анхелика плакала, но он уже не смотрел на нее.

Разогнавшись, дельтаплан сорвался со скалы и растворился в темноте. Несколько секунд слышалось затихающее стаккато мотора, уплыло, рассосалось в воздухе, и на скалы, в сельву вернулась тишина. Но кто-то огромный продолжал ворочаться внутри Улисса, безмолвно и настороженно, вздрагивала под ногами гора, вздрагивала вся долина, Вселенная, в груди рос ком никогда ранее не проявлявшихся чувств, невыразимых ни на каком языке. Неизвестная сила колебала пространство, и Улисс, перестав сопротивляться ей, вдруг понял, что, кроме сил добра и зла, взращенных человечеством, есть третья сила — вера! Вера природы в лучшее в человеке и вера самого человека! Иначе откуда такое долготерпение у природы?

Остатки дельтаплана догорели, в сельву вернулся плотный мрак ночи. Вселенная вокруг перестала вздрагивать и всматриваться в человека, может быть, впервые в жизни ощутившего свою связь с ней и ответственность за все, что он делает.

Кто это сказал? Сам ли Улисс? Или тот, кто вырос внутри него? Или ветер принес эти слова из темноты?..

«К сожалению, палачи еще существуют,— подумал Улисс,— и ради того, чтобы их стало меньше, наверное, стоит время от времени вынимать шпагу из ножен».

— Пошли, Билл,— сказал Улисс нейрохирургу.— Сделаешь из меня сверхчеловека. Не ради приставки «сверх» и не ради личной выгоды, но эта женщина будет чудовищно одинока, если я не...

— Я понял,— кивнул Принц.— Не думал, что придется когда-нибудь оперировать на... добровольцах. А если мы не успеем?

— Что ж, тогда встретимся на небесах. И все же попробуем успеть. Шагай вперед смелей.

Хирург безмолвно углубился в сельву.

И Улисс остался один на кромке обрыва, ни на кого не смея опереться — бездна мрака сзади, бездна мрака впереди,— и впервые понял, как жестоко и прочно его судьба связана с судьбами тех, кого он любил или ненавидел.

Всадники

Горизонт отодвинулся, подернулся голубовато-сизой дымкой, и дикая, всхолмленная поверхность полигона, вблизи серая, с узором черных, фиолетовых и рыжих пятен, вдали бесцветная, отблескивающая полями кварцита и скоплениями пегматитовых скал — даек и штоков,— легла перед глазами во всем своем мрачном великолепии символом Хаоса, Тишины и Смерти. Октябрь, месяц бабьего лета, ничего не мог добавить к ее краскам. Впрочем, как и любой другой месяц года.

Алиссон отступил от края площадки и перевел дух.

Он стоял на спине суперзавра Тихони, вернее, на странной формы наросте, которому исследователи дали меткое название «седло»; издали он и в самом деле напоминал конское седло с высокими передним и задним краями.

Далеко, километрах в пятнадцати отсюда, что-то сверкнуло, метнулись световые зайчики — там группировалась исследовательская техника: вертолеты, вездеходы, передвижные лаборатории, компьютерные комплексы, радары, антенны радиостанции. Алиссон мельком посмотрел в ту сторону и достал из кармана дозиметр.

Из-за края площадки показалась голова Кемпера, одетого, как и палеонтолог, в защитный комбинезон, точнее, в новейший боевой костюм «силз» («тюлень»), удобный, не слишком тяжелый, одинаково хорошо защищавший тело от холода и жары, пуль и радиации. Костюмы предназначались для подразделений особого назначения военно-морских сил, доставили их в лагерь благодаря стараниям адмирала Киллера, и друзья были ему признательны за это, хотя к адмиралу не испытывали симпатии.

В комплект такого костюма входит комбинезон из особой огнеупорной и пуленепробиваемой ткани, защитные перчатки, шлем, очки с плавающим сектором прицеливания и поляризационным покрытием, пистолет-пулемет MP15 в плечевом захвате, связанный компьютером с очками, кольчужная маска, рация, системы обогрева и охлаждения, карманы для боезапаса и ранец НЗ. Алиссон свой MP15 не носил, он не любил оружия, Кемпер же всегда в походы к суперзаврам брал пистолет-пулемет и полный боезапас, хотя надобности в этом не было никакой. Норман подшучивал над лет-

чиком, но тот, жилистый, выносливый и упрямый, никогда не жаловался на усталость, хотя приборов на себе таскал чуть ли не вдвое больше Алиссона.

Кемпер вылез на край «седла», сбросил со спины рюкзак с датчиками и снял с рук и ног ежастые полусферы «абсолютных липучек», с помощью которых можно было ходить не только по вертикальным стенам, но и по потолку. «Липучки» тоже были военным изобретением, как и многое другое, но удивляться этому не стоило: летчик и палеонтолог выполняли военных заказов вдвое больше, чем гражданских.

— Сколько? — спросил Кемпер, кивая на дозиметр.

Алиссон спрятал прибор в карман.

— Ноль-ноль три. Естественный фон воздуха.

— Чудеса да и только! Никак не привыкну.

Летчик имел в виду то обстоятельство, что гиганты-суперзавры, достигшие в длину трехсот метров, а в высоту сотни, в один прекрасный миг перестали излучать в гамма- и рентгеновском диапазонах! Уцелев после бомбовых ударов и атаки холодом, они сначала преобразовали свои «крылья» — фотоэлементные батареи — в термоэлектрические, а потом и вовсе отказались от внешней энергоподпитки, вырастив себе какие-то достаточно мощные источники энергии. Без «крыльев» драконы потеряли часть своеобразия, зато создали «седла», превратившие их в жутковатых «коней». По ночам их тела испускали голубовато-фиолетовое свечение, и это было сказочно красиво. И страшно!

Чем они питались, оставалось тайной, может быть, обычными горными породами, радиоактивные породы и шахты с ядерной начинкой звери искать перестали.

С момента атаки на них криогенераторами, создавшими двухкилометровую зону охлаждения с температурой жидкого азота, прошел ровно месяц. Отпустив с миром своих «покорителей», Кемпера и Алиссона, чудовищные твари провели все это время в непонятных маневрах вблизи оставленных ими пятиметровых яиц [как оказалось, они натаскали на место кладки около ста тонн радиоактивных руд], проделывая широкие круговые ущелья в скальном основании полигона. Со стороны казалось, что они пасутся, возможно, это так и было.

Факт исчезновения радиации произвел настоящую сенсацию. Взвывшая от восторга ученая братия бросилась было к панспермитам со своими приборами и идеями, но оказалось, что сверхдраконы могут терпеть присутствие только двух человек из всего многотысячного отряда на полигоне, а именно: палеонтолога Алиссона и летчика Кемпера. И программы исследований, в том числе и военных специалистов, пришлось менять и сокращать.

То, что у военных насчет суперзавров имелись свои соображе-

ния, Алиссону и Кемперу пришлось узнать сразу же после первого похода к панспермитам. Всего им не говорили, но было и так понятно, что Пентагон заинтересован в раскрытии тайн драконов больше других ведомств и мечтает когда-нибудь завербовать их на службу. Мощь и неуязвимость зверей настолько поразили воображение «медных лбов», что они спали и видели, как полки выдрессированных суперзавров пересекают материки по их приказу и «наводят порядок», где это необходимо. Кемпер к планам военщины относился равнодушно, а на Алиссона они действовали тягостно, лишали удовольствия от собственной работы и ощущения таинственности.

— Да что ты переживаешь,— сказал ему как-то Кемпер за стаканом виски,— сделай вид, что вовсю трудишься над их заданиями, а сам делай свое дело.

Алиссон так и поступил.

Площадка под ногами качнулась — Тихоня перешагнул скалу, оглянувшись при этом на людей в «седле». Алиссона уже давно не покидало ощущение, что зверь чувствует к ним симпатию и ждет каких-то указаний, однако языка людей он явно не понимал.

Руководитель комплексной научной экспедиции, известный профессор, доктор биологии Стивен Тиммер, знаток индийской мифологии, предложил дать сверхдраконам имена Индра и Равана [1], но, хотя его предложение было утверждено официально, Алиссон продолжал звать своих любимцев по-старому: Стрелок и Тихоня.

Панспермит шагнул правой передней лапой: визг раздираемого гранита, грохот рухнувшей скалы, стук рассыпавшихся во все стороны камней.

— Полегче, приятель,— проворчал Кемпер,— приборы посбрасываешь... Ишь уставился, будто понимает.

— Знаешь,— задумчиво произнес Алиссон,— у меня сложилось впечатление, что он нас д е й с т в и т е л ь н о понимает. Может быть, не слова, а мысли, образы, но понимает. Или, в крайнем случае, воспринимает эмоциональное поле. И чего-то ждет. Нет, они не просто anima vilis [2], как утверждает Тиммери, но существа функционально ориентированные, зависящие от чего-то или кого-то.

— А конкретнее?

— Я убежден, что у них были хозяева. Вернее, хозяева были у их родителя, погибшего на Земле по неизвестной причине миллионы лет назад. По моим прикидкам, драконы не обладают интеллектом, во всяком случае, подобным человеческому. То есть они не разумны... хотя никто еще, по-моему, не определил разницу между разумом и сложным инстинктом.

---

[1] Индра — в древнеиндийской мифологии бог молний, грома и разрушительных стихий (царь богов); Равана — повелитель зла и демонов.

[2] Низшие существа.

— Короче, зануда. В лагере, кстати, бытует мнение, что драконы разумны. Твой друг Тиммери склоняется к тому, что суперзавры — представители негуманоидного разума.

— Чушь! Разум всего лишь свойство адаптации, а в этом смысле нашим зверушкам он не нужен, они и так наделены чудовищной потенцией к выживаемости. Да и у человека мозг есть не орган мышления, а органы выживания, как клыки и когти, по образному выражению одного ученого.[1]

Тихоня-Равана шагнул дважды: левая передняя лапа — правая средняя — левая задняя, затем правая передняя — левая средняя — правая задняя. Складывалось впечатление, что он что-то вынюхивает в россыпях камней, изредка оглядываясь на «седоков». Его собрат Стрелок-Индра «пасся» в километре отсюда, но далеко не отходил. Грозное свое оружие — грейзер — он теперь применял редко, хотя в первое время лупил лучом по любой движущейся цели вроде БТР или военного вертолета, справедливо относя их в разряд личных врагов.

В наушниках рации раздался голос дежурного связиста:

— «Тюлени», как дела? Что-то вы притихли.

Алиссон вспомнил, где находится, переключил диапазон связи.

— Нормально дела. Через полчаса запустим систему, пусть коллеги готовятся к приему информации.

— Они давно готовы. Осторожнее, док, не сорвитесь.

— Типун тебе на язык! — проворчал Кемпер.

«Драконолазы» принялись за работу.

В течение сорока минут они установили на спине Тихони и на шее, за кружевным «воротником» высотой в десять метров, десяток датчиков и включили их в единую сеть анализирующего комплекса. После этого Алиссон принялся колдовать над прибором, о котором не говорил никому, боясь, что засмеют. Прибор этот назывался анализатором пси-информации и представлял собой нечто вроде миниатюрного детектора лжи. Он регистрировал до десятка параметров человеческого тела, в том числе электромагнитные поля, ауру испарений и звуков, и «пакеты» биоизлучений. Палеонтолог хотел сначала убедиться сам — излучает ли суперзавр биоволны, мысленный фон, так сказать, а уж потом докладывать об этом координационному совету. Норман был уверен, что ажурный костяной нарост — «воротник», вздымающийся над головой панспермита трехзубой короной,— является на самом деле антенной, а то и комплексом антенн.

Кемпер понаблюдал за его действиями, глянул на часы.

— Ну что, пошли? Я есть хочу, а нам еще топать и топать до лагеря. В следующий раз возьмем велосипеды:

---

[1] А. Сент-Дьерди.

Алиссон на шутку не отреагировал.

— Подожди, я тут проверяю одну идею.— Он, пыхтя, взобрался на шею Тихони.— Если... этот гребень антенна, как я считаю, то прибор... должен... сработать.

— Сам же говорил, что драконы неразумны, и в то же время пытаешься поймать их пси-излучение. С таким же успехом можно просто позвать его и мысленно спросить, разговаривает ли он по-английски.

В тот же миг Тихоня изогнул шею и глянул на людей в упор. Алиссон чуть не свалился вниз, на «седло», потому что ему показалось, что по затылку кто-то врезал стеклянной бутылкой, осколки которой вонзились в череп, прошили голову насквозь и вышли через глаза двумя лучами синего света. Вспышки эти породили целую вереницу тающих видений: странные призраки на невероятных животных или птицах. Шлепок удара вызвал в ушах грохот морского прибоя и каскад необычных звуков: щелканье кастаньет, бульканье и писк. Тело заполнилось водой, вода закипела, испарилась фонтаном через дыру в затылке, в глазах потемнело...

Длилось это состояние несколько мгновений.

Норман снова обнаружил себя висящим на шее суперзавра на «липучках», а Кемпер внизу на «седле» оглянулся по сторонам, шепча проклятия.

— Или я принимаю желаемое за действительное,— хрипло сказал Алиссон,— или он нас понял! Во всяком случае, анализатор сработал, в диапазоне био даже зашкалило.

— Чуть не задавил, дурак! — ответил Кемпер тенором.— Или это мне тоже показалось?

— А что ты почувствовал?

— Будто я упал в бездонный колодец и лечу в космосе... Потом вынырнул посреди болота: все зелено, зыбко, морда в тине, почти ничего не вижу, ноги свело... причем их шесть, а не две... И сверху кто-то сидит, давит на шею, вгоняет в болото...

— М-да, разные мы с тобой люди. Мне привиделось другое.

Алиссон слез вниз, погрозил пальцем все еще разглядывающему их Тихоне.

— Не балуй, зверюга. Может быть, ты нас и понимаешь, но мы тебя не совсем.

Суперзавр дернул головой, по коже шеи пробежала быстрая рябь, вызвав тонкий стеклянно-металлический перезвон выпуклых ромбовидных пластин.

Снова тяжесть навалилась на головы людей, сбив дыхание и ритм работы сердца. Алиссон потерял ориентацию, схватился за плечо Кемпера. В глазах поднялась кровавая пелена, спала, смыв все краски окружающего мира, так что стал полупрозрачным, как мутное стекло. Затем последовало головокружительное падение

в бездну, свет в глазах померк, ударило в ноги... во все шесть... в груди гулко заработали три сердца... два боковых глаза требовали энергии, а передний слезился... и очень чесалась шея за плавником...

Очнулся Алиссон там же, на гладкой поверхности «седла». Ноги дрожали, во рту пересохло, сердце колотилось о ребра, хотелось прилечь и закрыть глаза. Те же ощущения владели и Кемпером, разве что в меньшей степени.

— Хватит экспериментировать! — буркнул летчик, глотнув из фляги.— Я тебе не подопытный кролик, а эта зверюга не умеет рассчитывать дозы своего психованного излучения.

— Ты прав. И все же мы с тобой сделали сенсационное открытие: суперзавры отзываются на мысли человека! А значит контакт с ними возможен. Если удастся...— Алиссон не договорил.

Видимо, не получив ответа, какого он ждал, Тихоня поднял голову к небу, и над пустыней прокатился леденящий душу клич, в котором смешались орлий клекот, волчий вой, бас органа, вопль трубы, тремоло сверчка и визг раздираемого железного листа!

Исследователи не помнили, как они спустились с крупа суперзавра и ударились в бега, пока не удалились на приличное расстояние. Остановились, с трудом переведя дыхание, уняли дрожь в руках и ногах, сделали по глотку виски.

— Carmen horrendum,[1],— прохрипел Алиссон, пряча флягу.

— Это уж точно,— поддакнул Кемпер, не знавший латыни.— Орет он знатно. Рассердился, наверное.

— Скорее, пожаловался сам себе на нашу тупость. Ведь явно хочет что-то сообщить, а мы не воспринимаем. Голова трещит... Наверное, не совпадают спектры излучений наших мысленных сфер.— Аллисон оживился.— Хорошо бы попробовать поговорить и со Стрелком.

Кемпер посмотрел на ворковавших сверхдраконов — Стрелок подполз к Тихоне и тыкался мордой в гребень на шее — и сделал еще один глоток.

— Благодарю покорно! Тихоня ему сейчас нажалуется, того и гляди — лучом своим поджарит. Хочешь — лезь один, если жить надоело, а мне ни к чему знать, о чем думает дракон.

— Познавать — это радость для того, в ком воля льва,[2]— проговорил рассеянно Алиссон.— Я, пожалуй, рискну влезть на Стрелка... завтра.

Кемпер засмеялся, хлопнул друга по плечу и направился к лагерю, бросив через плечо:

— Пошли домой, лев, потом поговорим.

---

[1] Песнь, наводящая ужас *(лат.)*.

[2] Ф. Ницше

— Значит, по-вашему, они читают мысли людей? — спросил скептически настроенный доктор Хойл, переглядываясь с коллегами, среди которых кроме Тиммери находились крупные ученые: зоологи, физики, биологи, ксенологи со всех концов света.

— Jpso facto,[1] — спокойно произнес Аллисон.— Скорее, не читают, а воспринимают мысленные образы. Читать — значит понимать язык, а драконы слишком далеки от всего земного, чтобы выучить язык. Нет, они чувствуют наши мысленные движения и пытаются ответить, передать свои образы, но, боюсь, вряд ли и мы поймем их, воспримем сообщение.

— Почему?

— Не берусь утверждать это априори, но диапазоны мысленных излучений человека и панспермита могут не перекрываться полностью, в таком случае передачи всегда будут сопровождаться шумом...

— Спасибо, понял.

Координационный совет заседал в одной из военных палаток лагеря, достаточно теплой и просторной. Среди присутствующих находился и адмирал Киллер, олицетворявший собой силы безопасности лагеря и службу сохранения секретности исследований, хотя на полигон и были допущены ученые из многих стран.

После того памятного раза, когда панспермит Тихоня-Равана «заговорил» с людьми, Алиссон и Кемпер уже дважды совершали восхождения на живые горы суперзавров, в том числе, и на Стрелка-Индру, и оба раза воспринимали их мысленные — ксенологи предложили термин — пси-передачи, хотя понять в них ничего не смогли. Контакты были больше эмоциональными, чувственными, чем информационными, что породило в среде ученых массу дискуссий, считать ли панспермитов разумными существами, пусть и негуманоидного типа, или же «умными» животными, предрасположенными к приручению или дрессировке. Споры шли и вокруг сути термина «разум», в результате которых оппоненты нередко обвинялись в отсутствии такового.

Алиссон в спорах не участвовал, но имел свою точку зрения, основанную на идее Кеннета, который продолжал возиться со скелетом древнего суперзавра. Идея состояла в том, что скелет выполнял несколько функций, среди которых опорная и двигательная были не главными, главной же была роль хранилища мозга! Не костного мозга, а подобного тому, который у человека помещался в позвоночнике и в голове.

— То есть ты хочешь сказать, что панспермиты обладают колоссальными запасами нервного вещества,— сказал ошарашенный

---

[1] В силу самого факта *(лат.)*

Алиссон, будучи в гостях у Кеннета.— И в то же время этот «длинный» мозг не является носителем интеллекта.

— Абсолютно справедливо. Этот мозг нужен панспермитам для иных дел, кои нам еще предстоит выяснить.

— А Тиммери считает, что старый дракон сдох, а труп его усох и фоссилизировался.[1]

— Тиммери мыслит стереотипами, как и большинство стариков, но мы-то с тобой помоложе...

— ...доктор Алиссон? — услышал Норман и очнулся.

— Что, простите?

К нему обращался коротышка Хойл. Физик выглядел усталым и помятым, но в глазах его блестел живой, острый ум и проницательность.

— Нам до сих пор неизвестен источник энергии панспермитов,— терпеливо повторил Хойл.— От термоядерного реактора они избавились, если судить по прекращению гамма- и рентгеновского излучений, но что вырастили взамен — загадка. Я считаю, кварковый реактор, однако нужны замеры волнового фона.

— Не обязательно кварковый,— возразил коллега Хойла физик из России Романецкий.— Судя по тонким полевым эффектам, которые регистрирует наша аппаратура, панспермиты используют вакуумный резонанс.

— Для того чтобы источником энергии служил вакуумрезонанс, им необходимо сбрасывать либо адронные струи, либо тепловое излучение в сопровождении нейтринных потоков, чего не наблюдается.

— Ошибаетесь, коллега, у панспермитов уже отмечено несоблюдение гомойотермии[2], температура многих участков тела резко отличается от соседних. Это не доказательство?

Ученые заспорили, но разгореться спору не дал Киллер:

— Господа, успокойтесь, здесь не место для дискуссий. Доктор Хойл, что вы хотели сказать доктору Алиссону?

— Во-первых, два моих прибора перестали выдавать информацию, а во-вторых, неплохо бы установить еще с полсотни датчиков на телах панспермитов.

— Доктор, вы и так покрыли суперзавров слоем своих датчиков, зачем вам столько?

Хойл замялся, пытаясь сформулировать ответ так, чтобы его понял неспециалист, и Киллер не преминул заметить:

— Вы, ученые, явно неспособны объяснить коллегам содержание гипотезы, ради которой затевается исследование. Убеждаюсь

---

[1] Фоссилизирование — переход в ископаемое состояние с сохранением структуры.

[2] Гомойотермия — поддержание постоянной температуры тела.

в этом еще раз. Док,— адмирал хмуро взглянул на Алиссона,— у вас появляется еще она задача: приручить драконов.

Последовала секунда полной тишины, затем раздался шум: заскрипели стулья, ученые и организаторы заговорили, кое-кто засмеялся. Алиссон боковым зрением поймал жест Кемпера, покрутившего пальцем у виска.

— Как вы себе это представляете?

— А это уж ваши заботы! Вас тут сорок человек, придумаете чего-нибудь. Выигрыш при этом настолько велик, что мы заплатим вам любую сумму.

«Мы» — это военные, понял Алиссон. Подумал: для них это действительно находка колоссального значения. Во-первых, открывается перспектива решения многих инженерных задач и применение физических открытий в военных областях, во-вторых, панспермиты, по сути, уникальные эффекторы, способные для достижения цели изменять самих себя. К тому же, вполне вероятно, что они обладают свободой выбора материала.

— Попробуем,— услышал палеонтолог свой голос, не отвечая на изумленный взгляд Кемпера.— Хотя добиться того, чтобы драконы слушались нас in euxtenso [1], вряд ли возможно.

Киллер кивнул, оставаясь недовольным и хмурым.

— Теперь поговорим об оставленных ими яйцах. Что если мы заберем их в Форт-Брагг? Лаборатории там мощные. Доктор Тимери, вы уже выяснили?..— адмирал не договорил, в палатку вбежал дежурный офицер:

— Драконы ползут сюда!

— Все повскакали с мест, бросились гурьбой из палатки. В лагере трижды взвыла сирена, поднявшая приличную панику. От городка исследователей до «пастбища» суперзавров было всего двенадцать километров, а звери могли передвигаться со скоростью до шестидесяти километров в час. Четверть часа — они в лагере.

Алиссон выскочил вслед за физиком Хойлом, и, еще не увидев за палатками ничего, услышал далекий вибрирующий вопль — это кричал Тихоня.

В стороне транспортной базы взревели двигатели вездеходов, раздались команды охране и призывы забираться в машины. Один за другим в низкое серое небо взлетели вертолеты наблюдения и боевого охранения.

— Что будем делать? — возникший сзади Кемпер хлопнул друга по спине.— Тревожно мне что-то.

— Мне тоже,— признался Алиссон, застегивая теплую меховую куртку.— Может быть, драконы зовут нас? Я имею в виду — не только криком, но и в мысленном диапазоне? Отсюда и тревога.

---

[1] Полностью *(лат.)*.

— Пошли навстречу, выясним. Только наденем «силзы», без них я чувствую себя голым.

Спустя несколько минут, предупредив гражданское начальство в лице Тиммери и военное в лице Киллера, друзья рысили к приближающимся панспермитам, которые с грохотом и гулом вспахивали каменистую почву пустыни. Их следы — четыре громадные рваные борозды — были заметны даже из космоса, со спутников.

Встретились всего в трех километрах от опустевшего лагеря. Суперзавры остановились первыми, подождали, пока люди подойдут ближе, и вдруг, как по команде, вытянули шеи и положили головы на землю перед людьми, словно предлагая обойтись без «скалолазания».

— Никак они нам кланяются! — раздался в наушниках веселый голос ошеломленного Кемпера.— Зря я материл Киллера, драконов-то и приручать не надо, они уже кем-то выдрессированы.

Алиссон был потрясен не меньше летчика и ответил не сразу, по привычке анализируя событие со всех точек зрения.

— Видимо, драконы раньше нас преодолели коммуникативный барьер... и понимают нас больше, чем мы их.

— В таком случае, они умнее, чем думают твои яйцеголовые коллеги.

— Что ж, продолжим диалог.

Они приблизились к страшной морде Тихони, снисходительно разглядывающего их передним щелевидным глазом — боковые глаза-радары зверя были закрыты,— и остановились, озадаченно разглядывая новую деталь на носу — центральном рыле панспермита,— три ветвистых, сверкающих золотом рога.

— Этого вчера не было,— хмыкнул Кемпер.— Вырастили за ночь.— Он чуть отошел, чтобы взглянуть на второго дракона.— У Стрелка то же самое. Вот бы мне так: захотел — вырастил рога...— Он подумал.— Впрочем, женюсь, они и так вырастут. А вот крылья не помешали бы. Или пистолет на пузе.

Алиссон улыбнулся, а летчик вдруг завопил во всю мочь, так, что Норман вздрогнул:

— Эй, Тихий, рога себе зачем соорудил?

— Не ори, они реагируют не на звук и радио, только на мысленный зов. А рога вполне могут играть роль вибрисс.[1]. Может быть, это проявление какого-то этапа эволюции драконов, но сдается мне, что рога выращены специально для связи с нами. Чтобы преодолеть высокий порог мысленного восприятия... Сейчас проверим.

Алиссон подошел поближе к рогам — Тихоня лежал смирно в отличие от Стрелка, который то и дело поднимал голову и погля-

---

[1] Вибриссы — крупные осязательные волосы у млекопитающих (усы у кошек, львов и т. п.).

дывал в сторону тарахтевших на горизонте вертолетов,— машинально передал мысленный привет и постарался четко представить голову суперзавра без рогов. Затем пририсовал к ней рога и поместил рядом фигуру человека.

Ответ последовал сразу же.

Алиссона растянули, как резиновую куклу, до толщины карандаша, так что голова вошла в облака, а ноги — глубоко под землю, затем ноги отпустили, и удар в заднее место бросил его в космос. Короткая темнота, боль в позвоночнике, отчетливый хруст костей, верчение огненных спиралей — и вот он уже сидит верхом на суперзавре, ощущая в теле странную раздвоенность, даже «растроенность». Суперзавр смирно стоит в стаде таких же исчадий ада со всадниками в «седлах», только всадники эти не люди, а жуткие монстры, закованные не то в каменно-керамическую, не то в металлическую броню.

Больше всего они напоминали разрубленного пополам, до пояса, гигантского пещерного медведя. Обе половины (размеры всадников соответствовали размерам «коней»-суперзавров, рост их достигал никак не меньше ста двадцати метров), опиравшиеся на одно седалище, имели по две бугристые лапы и тяжелые медвежьи головы, вытянутые вперед, с крутыми лбами, на которых светилось по одному желтому щелевидному глазу. Многосегментные «латы» всадников отсвечивали тусклым золотом, покрытые на первый взгляд слоем полупрозрачного стекла, а в центре каждого сегмента торчал раскаленный до оранжевого свечения острый шип.

Алиссон, как зачарованный, разглядывал фиолетовую, почти черную, равнину с рядами суперзавров, молчаливых всадников, горы на горизонте, похожие на искусственные сооружения, и снова поймал себя на ощущении, что видит всю эту картину как-то своеобразно, не из одной точки, вернее, не одной головой. Глянул вниз, на свои ноги, и обомлел: он увидел обтянутые «стеклянным металлом» громадные, бугристые конечности, заканчивающиеся чем-то вроде копыт. А руки — четыре толстые бликующие глазурью лапы — держались за высокую переднюю стенку «седла» суперзавра.

В следующее мгновение невероятная картина пропала, Алиссон всплыл сквозь кипяток сознания на поверхность реальности и ощутил себя стоящим у морды суперзавра. Голова слегка кружилась, поташнивало, но отрицательных ощущений, подобных первым, от контактов с драконами не было. Панспермиты и в самом деле «подстроили» свои мыслепередатчики под параметры «приемников» в головах людей.

Палеонтолог оглянулся на Кемпера, топтавшегося сзади.

— Ты тоже видел?

— Что именно?

Алиссон вспомнил зловещие фигуры, оседлавшие суперзавров,

и сглотнул горькую слюну. Каждое живое существо подчиняется закону соответствия среды и организма, поэтому рыбы могут жить только в воде, а птицы в воздухе, но представить среду, сформировавшую этих биторсных монстров, было невозможно.

— Всадников Апокалипсиса?

— Кого? Нет, не видел. Обычный набор — призрачные тени, фейерверк, космос... Что за всадники?

— Потом расскажу. Иди к своему альтер эго — Индре, мой Тихоня настроил пси-резонанс со мной, может быть, Стрелок сделал то же самое для тебя. Только вопросы задавай не словами, а образами.

Кемпер, заинтригованный, ушел ко второму дракону, не удержавшись, чтобы рявкнуть:

— Опусти голову, скотина! Да не вздумай дергаться или стрелять из своей пушки, я тебе не мишень в тире.

Норман покачал головой, глубоко вздохнул, собираясь с духом, и представил двухтуловищного медведеподобного «динозавра» на панспермите, сопроводив образ эмоциональной вопросительной интонацией.

Тихоня ответил не сразу. Прошла минута, прежде чем на Алиссона обрушилась пузырящаяся волна эмоций животного, ч у ж и х эмоций, из которых Норман уловил только одну знакомую — недоумение. Затем последовал тот же набор ощущений: растягивание в струну, «выстрел из рогатки», падение, шум полета — хотя никуда он, конечно, не летел, и финальное ощущение — палеонтолог сидит на суперзавре, но уже не в виде монстра, а как нормальный человек в седле лошади. Под ногами дракона — твердая, белая, как кость, поверхность, над головой — чужое небо с мириадами ярких звезд, и впечатление такое, будто он сейчас прыгнет в небо и полетит.

Алиссон повернул голову и увидел рядом второго панспермита, всадником которого был знакомый двутелый урод. Ксенурс — пришло на ум название существа, составленное из двух латинских слов: xenos — чужой и ursus — медведь. Существо поманило человека лапой — жест был вполне понятен, второй лапой похлопало суперзавра по шее, и в тот же миг они исчезли — всадник и конь. Свет перед глазами померк...

Зрение вернулось через две-три секунды, но слабость и тошнота от мощной волны пси-излучения Тихони прошли не сразу. Алиссону показалось, что взгляд дракона выражает добродушие и сочувствие. Было ли так на самом деле, неизвестно, однако страха перед гигантскими животными, прирученными двутельными существами — сомнений в этом не осталось,— у палеонтолога не было давно.

— Да стой ты спокойно, урод, не брыкайся! — донесся голос Кемпера.— Никто тебе не угрожает, трус.

— Что там у тебя?

— Чуть не задавил, дьявол одноглазый. Ты знаешь, что он мне показал? Аж живот схватило!

— Всадника? Два туловища на одной заднице?

— Точно! Ну и химера! А ведь ты был прав, док, суперзавры — «домашние» животные, «рысаки», для тех... монстров.

— Я придумал им название — ксенурсы.

— Не слишком заумно? Я бы назвал их проще — наездниками. Но пусть будут ксенурсы. И где такое родится, а?

Алиссон вспомнил жест всадника на суперзавре — Тихоня явно предлагал «прокатиться». Но куда? И каков способ его передвижения? Ведь тот «наездник» просто исчез... вместе с «конем».

Рация принесла запрос Киллера, и палеонтолог коротко рассказал о рогах суперзавров и телепатическом контакте. Затем предложил Кемперу проверить свою мысль. Летчик согласился без колебаний, жил он раскованно и любил риск не меньше Алиссона. Правда, если палеонтолог при этом был больше теоретиком, то Кемпер был практиком и всегда рассчитывал последствия каждого своего рискованного шага.

— А если они «лошади» космоса? Унесут куда-нибудь в дальнюю галактику, и не вернемся.

Норман задумался.

— Не должны. Если мы правильно поставим задачу, все будет о'кей. Главного — взаимопонимания,— мы, кажется, добились.

— Но как это выполнить практически?

— Наверное, надо забраться в «седло» и снова установить мысленный контакт.

— Тогда полезли на твоего Тихоню, Стрелок все время дергается, что-то его беспокоит.

Через полчаса они влезли на спину суперзавра и устроились в одной из рытвин «седла».

— Не страшно? — спросил Алиссон.

— Страшновато,— признался Кемпер, доставая флягу с виски.— Но интересно, дух захватывает. Как говорил один мой приятель: «Только делая прыжок в неизведанное, мы ощущаем свою свободу».[1] Зови своего «коня».

Алиссон поманил Тихоню, и Кемпер оценил шутку смехом.

Группа наземного визуального наблюдения базировалась на специально оборудованной передвижной платформе и имела в своем распоряжении мощные бинокли, телескопический монитор с фотоумножителем и выходом на экран, а также набор подзорных труб разного калибра.

---

[1] Т. Уайлдер.

Дежурили по трое, сменяясь каждые два часа: один человек — у пульта телескопа, двое — в кабине [шахматы, кроссворды, трёп].

Старший оператор смены, заканчивающий дежурство, лейтенант Морган, равнодушно вглядывался в фигуры суперзавров на экране телескопа. Вдруг он выругался, протер глаза, переключил аппаратуру на максимальное увеличение, схватился за бинокль. Еще через несколько секунд он докладывал по рации об исчезновении одного из драконов с людьми в «седле».

К платформе срочно прибыл адмирал Киллер в сопровождении офицеров связи. Оглядев «пастбище» суперзавров в бинокль и обнаружив только одного из них, мирно дремлющего между глыбами песчаника, адмирал вызвал локаторщиков и вертолетчиков. Но и они не смогли выяснить причин исчезновения дракона Раваны с двумя исследователями. Объяснение физиков: панспермит телепортировался в космос — ничего не объясняло, хотя Киллер и признал во всеуслышание, что в этом что-то есть. Не то чтобы он доверял интуиции ученых или верил в их «сумасшедшие» идеи, но и не верить совсем не мог. Слишком уж необычны были сами гигантские твари, таившие в себе неизведанные запасы тайн и чудес. А главное — возможностей их применения.

Как сказал Хойл:

— Они более загадочны, чем египетский Абу-ль-Хавл [1], и потенциал их наверняка превышает скромные объемы нашей фантазии. Я бы даже ввел термин: сфинктура — степень загадочности объекта. У панспермитов она максимальна.

— Придется докладывать наверх,— сквозь зубы проговорил Киллер, отрываясь от окуляров бинокля.— Это ЧП степени один.

— Не спешите,— посоветовал физик.— Если панспермиты — «кони» пространства, то исчезнувшему Раване ничего не стоит вернуться обратно, лишь бы Алиссон нашел с ним нужный язык... а он его, очевидно, нашел.

— А если этот зверь разумен и решил отправить двух представителей вида хомо сапиенс собратьям для изучения?

Хойл улыбнулся.

— Ну и воображение у вас, адмирал, позавидуешь! — Физик помолчал и задумчиво добавил: — Хотел бы я знать, каких всадников носили эти... «кони».

— А я хотел бы знать, почему драконы не улетели раньше, если обладают такими способностями.

— Видимо, доктор Алиссон прав: панспермитам нужен приказ. То есть они действительно животные, приученные какими-то существами для передвижения в космосе.

— Знать бы точно... Дьявольщина! Бэрринджер.— Адмирал

---

[1] Древнее имя Сфинкса.

взял микрофон рации.— Подберитесь к дракону поближе, пощупайте то место радарами сверху. Может быть, они просто провалились под землю?

Командир звена вертолетов ответил: «Слушаюсь, сэр»,— и вертолеты повернули на запад, к неподвижному суперзавру Индре.

— Я бы посоветовал вам задействовать службу наблюдения за пространством,— сказал Хойл, собираясь уходить к своим коллегам, ждущим окончания тревоги в одном из вездеходов.— Вполне может статься, что дракон с «наездниками» болтается сейчас где-то в ближнем космосе или на Луне. Всадники-то они неопытные, управлять таким «конем» не учились.

Киллер смотрел в спину ученого, пока тот не скрылся в люке вездехода, потом кивнул наблюдателям и поспешил к штабной машине, мощному восьмиколесному бронетранспортеру «Пирана», оборудованному всеми видами связи и управления воинскими подразделениями в районе полигона. Спесь и надменность адмирал демонстрировал только в отношениях с подчиненными и гражданскими лицами, не имеющими веса в обществе, однако при всем при этом был он не дурак и умел ценить советы.

И все же система наблюдения за космическими объектами на территории Соединенных Штатов, способная разглядеть астероид размером в кирпич за орбитой Луны, а также на самой Луне, не смогла обнаружить канувшего в неизвестность суперзавра с исследователями. Ни час, ни сутки спустя.

Удар был страшен!

Алиссона буквально размазало по «седлу» суперзавра в тонкий атомарный слой, после чего он мгновенно испарился (поверхность «седла» оказалась раскаленной, как сковорода на огне) и повис эфемерным облачком пара, слепой, глухой, ничего не соображающий, в каком-то полузабытьи, близком к смерти...

Воскрес!

Каждый нерв тела вопил, будто его ошпарили кипятком, и это ощущение так и не прошло, только ослабло: жара в этом месте стояла страшная, «силзы» с ней явно не справлялись.

В ноздри проникли незнакомые ароматы, сбивающие дыхание. Некоторые из них напоминали ацетон, мускус, лимон, гудрон и другие в сочетаниях, невозможных на Земле, но были и вовсе незнакомые. Не повезло с воздухом, подумал Алиссон, вдруг с дрожью в коленках осознав, что они могли попасть в безвоздушное пространство, где их маск-фильтры абсолютно непригодны. Вместе с чувством страха вернулась способность думать, анализировать и делать выводы.

Во-первых, как и прежде, он с Кемпером сидел на спине Тихони.

Во-вторых, дракон послушно перенес их туда, куда они хотели, вернее, в соответствии с их желанием. А желали они...

Минут десять спорили — куда отправиться и как внушить сверхдракону решение. О последствиях не думали; верили, что все обойдется, хотя не имели ни малейшего желания встретить ксенурсов — двутелых медведеподобных страшилищ. В конце концов сошлись на том, что для начала следовало бы выяснить, где находится родина драконов, а вопрос задали, представив мысленно целое действие: песчаная пустыня с тысячами черных граненых камней — яйцами панспермитов — рождение маленьких суперзавриков — их рост — полет в звездное небо — исчезновение...

Тихоня глянул на них с некоторым сомнением, вытянул морду к небу, испустил знакомый вопль, словно предупреждал кого-то, и... затем последовал тот самый удар, встряхнувший весь организм и отключивший сознание — на время телепортации или подпространственного перехода. Термин был неважен, важна была суть процесса.

Алиссон, дыша, как рыба на берегу, встал на подгибающихся ногах и бросил взгляд с высоты суперзавра на расстилавшийся вокруг ландшафт. То, что они не на Земле, стало понятно еще до этого момента — по волне запахов и немыслимой жаре.

Тихоня стоял в центре чашеобразной долины с отвесными горными стенами, светящимися изнутри угрюмым вишневым накалом. Этот накал создавал эффект ложной прозрачности: было видно, что материал стен — горные породы, скалы с их полосчатым рисунком, и в то же время казалось, будто скалы сложены из хрусталя или стекла, а сквозь них из глубин планеты пробивается свечение магмы.

Почва долины, ноздреватая, как сыр, была оранжевого цвета, а в ее порах с размерами от двух до пяти метров торчали верхушки граненых фиолетовых кристаллов. Тихоня правильно понял намерение людей и привез их на свою «родину», в инкубатор пансмермитов.

Небо над долиной слегка светилось, вернее, серебрилось, как слой жемчужно-серой пыли, а в зените над центром чаши виднелось черное кольцо с алой звездочкой в центре.

Что-то мешало Алиссону рассматривать чужой мир, какой-то дребезжащий звук... звон... словно звенели цикады. Он сосредоточился и понял, что это звенит дозиметр: радиация здесь была подстать жаре — гораздо выше защитных возможностей их костюмов.

— Как ты думаешь,— подал голос Кемпер,— этот кратер нам снится или существует на самом деле?

— Кратер? Скорее, долина. Будь уверен, это денотат, я вижу то же самое.

— Дено... что? Попроще, док, мне ушибло голову, и я не соображаю.

— Денотат — объект, существующий вне восприятия субъекта.

Тихоня послушно перенес нас к себе домой... в инкубатор. Слышишь звон? Это дозиметр. Яйца излучают, как твои «нулевые точки» после взрыва. Надо убираться отсюда, и поживей. Я, идиот, не подумал, что дракон может перенести нас туда, где воздуха нет совсем. Ему-то любые условия нипочем.

— Согласен. Но каков инкубатор, а? Их тут десятки тысяч, если не миллионы. Кто же их выращивает?

— Самое интересное, что панспермиты не принадлежат к агамным [1] видам, поскольку размножаются яйцекладкой, предполагающей оплодотворение, но представить этот процесс...— Алиссон покачал головой и закашлялся.

Кемпер хихикнул и тоже разразился кашлем.

— О, черт! Грохоту, небось, как при сражении!.. Почему ты об этом подумал?

— Если бы я знал... по какой-то ассоциации.

— А как по-твоему, Тихоня в таком случае мужчина или женщина?

Алиссон хотел сострить, но слова замерли у него на губах. От светящейся стены долины отделилась блистающая тусклым золотом фигура, двинулась к ним, постепенно вырастая в размерах и делясь на две... Впрочем, это был ксенурс, двутелый монстр, похожий на двух сросшихся медведей. Рост его достигал никак не меньше роста суперзавра, и в тяжелой молчаливой его поступи крылась угрюмая мощь и скрытая неведомая сила. Узкие светящиеся глаза во весь лоб на каждой голове чудовища смотрели на гостей внимательно и с угрозой, как показалось людям, но не меньше было и удивления.

Он вдруг позвал их: в голове Алиссона взорвалась граната странной музыки и кружевная вязь света, каждый узор которой имел свою спектральную окраску. Плюс к этому — всплеск чужих чувств, непонятных человеку, кроме одного: недоумения. Однако палеонтолог не успел разобраться в своих ощущениях. В ответ на зов существа Тихоня отозвался своим необычным воплем, словно конь — ржанием, признавая хозяина.

— Дуем отсюда! — сдавленно прохрипел Кемпер.— Если это «пастух» — вряд ли он позволит нам вернуться домой на его «лошади».

Алиссон редко поддавался панике, владея оружием — головой — почти с идеальной результативностью и успевая найти выход из положения, но вид существа был столь необычен, намерения его столь очевидны, а обстановка настолько своеобразной, что на анализ ситуации не хватило не времени, а душевного равновесия. Он зажмурился и изо всех сил представил поверхность Невады... без

---

[1] Агамные виды — виды животных и растений, размножающиеся без оплодотворения (почкованием, делением).

напарника Тихони, Стрелка. Просто забыл о нем. О чем в этот момент думал Кемпер, знал, наверное, только суперзавр. Но не о том, о чем Алиссон. Потому что Тихоня, послушный приказу из «седла», но сбитый с толку противоречивостью мысленных образов «всадников», вынес их не туда, куда они хотели.

Люди успели увидеть гладь залива — вода в нем была интенсивного желтого цвета, суперзавр утопал в ней по брюхо; близкий берег с пляжем, усыпанным крупной галькой всех оттенков желтого цвета — ни дать, ни взять, золотые самородки! Скалы за пляжем, коричневые, оранжевые, желтые; и бледно-желтое небо. Затем оба вдохнули чужой воздух и... потеряли сознание. Если атмосфера этого мира и содержала кйслород, то его было слишкóм мало для дыхания. Зато много было инертных газов и углеводородных соединений.

Стрелок был настроен очень миролюбиво, судя по его реакции на вертолетные маневры, но и его хорошее настроение имело пределы. Когда вертолет Берринджера спикировал чуть ли не на голову, панспермит ударил по нему из «носовой» гамма-пушки. К счастью, обошлось без жертв, несмотря на то, что вертолет был пробит насквозь через пилотскую кабину. Рухнул он уже в лагере, но пилоты остались живы.

Прибывший к этому моменту на полигон сенатор Дайлс не сдержался и наорал на Киллера, обозвав его безмозглым солдафоном. Зачем летчикам была дана команда сблизиться со Стрелком-Индрой не знал, наверное, и сам адмирал, признавший свое полное бессилие выяснить, куда подевался второй панспермит с двумя исследователями.

Через полчаса Джайлс, Киллер и Тиммери беседовали в штабном бронетранспортере уже вполне мирно, вырабатывая стратегию дальнейших поисков и тактику доклада о случившемся в две инстанции: в Пентагон и президенту.

— Господа, я уверен, что мои люди овладели секретом передвижения панспермитов,— сказал Тиммери, меньше всего озабоченный политическими последствиями происшествия,— и решили провести испытания, не дожидаясь соответствующих указаний. Кемпер — летчик от бога и вообще лихой парень, ну а палеонтолог...— Тиммери улыбнулся.— Алиссон тоже не робкого десятка, авантюрная жилка не на последнем месте в его характере.

— Вот именно! — взорвался Киллер.— Авантюрист и подстрекатель этот ваш Алиссон! То-то он мне сразу не понравился.— Адмирал хотел еще что-то добавить, но наткнулся на взгляд Джайлса и передумал.

— Ты, Долф, как всегда, излишне категоричен в оценках.—

Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений, уже успокоился, и ум его работал не на собственное оправдание, как у Киллера, а на объяснение случившегося и устранение последствий.— Док Алиссон умеет думать и работать, а для ученого это главное. Он не сумасшедший, чтобы уйти в космос и не подготовить пути отступления. Они вернутся. Остается только ждать.

— Кое-кому хорошо говорить — ждать, а меня каждый час требуют на провод.

— Переживешь.— Джайлс помял свой второй подбородок громадной пухлой дланью.— Неужели ты не видишь, каким сокровищем мы обладаем? Ведь если подтвердится гипотеза «яйцеголовых»... простите, доктор. Если драконы и в самом деле могут телепортироваться в космос, а тем более управляемы... этому Алиссону памятник надо будет поставить! Более интересного и важного открытия, способного перевернуть земную науку, я еще не встречал.

— Согласен,— кивнул бородкой Тиммери.— Мы и так уже имеем целый пакет открытий, каждое из которых дает толчок своей области науки. Чего стоит, например, загадка костяного скелета панспермитов, решенная Кеннетом. Если у человека мышцы занимают сорок процентов веса тела, то у панспермитов почти сто! То есть живой суперзавр не имел скелета, как...

— Доктор,— перебил руководителя экспедиции Джайлс,— как вы думаете, откуда к нам прибыли панспермиты? То есть родители этих, вылезших из яиц уже на Земле? Если судить по материалу их тел, драконы могли жить даже на Солнце.

Тиммери снисходительно взглянул на сенатора.

— Сущность жизни связана с организацией, а не с субстанцией. На Солнце панспермиты жить не могли бы только потому, что строение их тел слишком функционально, подогнано природой под существование в условиях планет, пусть и более массивных, чем Земля. А гадать — где находится такая планета, занятие не для ученого. Во всяком случае, в Солнечной системе, как мне представляется, таких планет не существует. Ни Юпитер, ни другие внешние планеты не имеют условий, необходимых для нормального функционирования таких организмов, как панспермиты.

— Именно это я и хотел услышать.— Джайлс помрачнел.— Да, честно говоря, не очень-то я уверен, что наши доблестные естествоиспытатели не совершили хинфлюг [1]... Но делать нечего, будем ждать. Только не надо больше рисковать людьми, за оставшимся драконом можно следить и отсюда. А вообще-то, Долф, в лужу мы сели глубокую. Ведь это ты высказал идею «приручения» драконов?

— Нельзя ничего сказать о глубине лужи, не попав в нее,— улыбнулся Тиммери.— Закон Миллера, коллеги.

---

[1] Hinflug — полет в одну сторону *(нем.)*.

— Откуда я знал, что этот ваш Алиссон такой... прыткий,— огрызнулся Киллер.— Пусть только появится, я ему!..

Сенатор вытер лоб платком, вздохнул. Даже ему нелегко далась эта белда.

— Что ты ему, адмирал? Если он вернется, ты первый поздравишь его с успехом и повесишь на грудь медаль.

Снаружи вдруг раздался тонкий вскрик сирены. На броневой спинке, отделявшей кабину водителя от транспортного отсека, зажегся красный транспарант: «Тревога». Киллер схватил со стола трубку телефона, выслушал сообщение, лицо его налилось кровью.

— Поднимайте звено эф-шестнадцатых и роту «блю лайз»! Берринджеру готовить свой «ирокез», я сейчас буду.— Адмирал бросил трубку и криво улыбнулся.— Он появился... в сорока двух милях отсюда. Но вместо людей дракон везет...

— Кого?! — подался вперед Джайлс.

— Поехали, посмотрим. Наблюдатель не поднял бы тревоги зря.

Спустя минуту они сели в вертолет, а еще через несколько минут увидели в бинокли вернувшегося сверхдракона. Впрочем, уже было известно, что этот панспермит — не пропавший с людьми Равана. В седле его сидел внушающий ужас монстр, не двухголовый, как показалось вначале, а составленный из двух гигантских «медведе-динозавров», растущих из одного седалища. Урод был закован в пластинчатые блистающие золотом доспехи. У него было по одному узкому, длинному глазу на каждой вытянутой вперед, закрытой решетчатым забралом морде, и по две лапы на каждом туловище. Не обращая внимания на маневры двух истребителей F-16, он спокойно ехал на своем шестиногом «муле», имевшем зеленовато-коричневую окраску, направляясь в сторону пасшегося в тридцати километрах Стрелка-Индры.

— Боже мой! — прошептал Джайлс.— Что это за чудище? И что ему здесь надо?

— Я не специалист по химерологии,— скривился Киллер.— Давно надо было уничтожить этих исчадий ада, а теперь расхлебывай тут чужую кашу.— В голосе адмирала, однако, вопреки смыслу сказанного, прозвучало удовлетворение; он был человеком войны и чувствовал схватку.— Люди, наверное, захвачены, а это прибыл разведчик. Стоит попытаться захватить, а, сенатор?

Джайлс едва не выронил бинокль.

— У тебя крыша поехала, Долф! С чего ты взял, что люди захвачены, а к нам прибыл разведчик?

— Интуиция. Все, господа пацифисты, ситуация ясна, и с этой минуты командуют здесь военные. Никто нам не простит, если мы не воспользуемся шансом и не скрутим этого... всадника.

Сенатор оторопело смотрел на адмирала, не зная, что сказать в ответ.

Каждый вздох отзывался в груди болью. Хотелось лечь поудобнее, прекратить дышать и ждать ангела, который освободил бы душу от объятий страдающего тела...

Алиссон открыл глаза и сквозь пелену слез увидел склоненную над ним фигуру. На ангела она походила мало. Разглядев, кто это, Норман попытался вскочить, но сил хватило лишь на то, чтобы привстать. Гигантская, закованная в латы фигура почти человеческим жестом покачала головой с единственным светящимся горизонтальным глазом, разогнулась, и на человека глянули уже два глаза — с двух одинаковых «медвежьих» голов. Ксенурс! Два тела на одном тазобедренном суставе, четыре руки-лапы, две ноги со сплющенными ступнями, похожими на копыта, вытянутые «медвежьи» морды с высоким лбом и щелью пронзительно горящего глаза...

Алиссон поднатужился и сел.

Они с Кемпером лежали в углублении «седла» суперзавра, окруженного какой-то бликующей прозрачной пленкой, словно козявки внутри мыльного пузыря. Пленка не искажала внешние предметы и была, вероятно, создана ксенурсом, который появился в этом мире в тот момент, когда люди потеряли сознание. Как он догадался, что гостям для дыхания необходим другой газовый состав, а тем более сформировал необходимый воздушный объем, представить было трудно.

Палеонтолог огляделся.

Тихоня смирно стоял у бугристой стены янтарно-желтого ущелья и вынюхивал в ней что-то. Суперзавр, на котором сюда прибыл ксенурс, бродил по заливу по брюхо, то и дело окуная голову в желтую жидкость, напоминающую расплавленное золото. Алые и оранжевые валуны величиной с двух-трехэтажный дом ползали у ног спешенного ксенурса, буквально вылизывая его ноги; за «валуны» их приняли люди, на самом деле это были живые существа, хозяева или просто жители этого сверкающего мира.

Рядом зашевелился Кемпер, закашлялся, перемежая кашель проклятиями. Перевернулся на спину, сел, держась за грудь, и только теперь заметил возвышавшуюся над ними гигантскую «статую» ксенурса.

— О дьявол! — Летчик мгновенно развернул плечевой пулемет, но Алиссон вяло похлопал его по спине.

— Остынь, это наш спаситель.

Словно убедившись, что и второй путешественник жив, раздвоенный «динозавро-медведь» повернулся и зашагал прочь, вскоре затерявшись в изгибах прорезающего горный массив ущелья.

— Здешний воздух не для землян,— ворчливо продолжал Алиссон,— к сожалению, человек — биосистема с ограниченной способностью к адаптации. А он, очевидно, это знает.

— Какого лешего мы здесь оказались?

— Это я тебя должен спросить. Лично я думал о Земле, точнее, о возвращении в Неваду. А вот о чем думал ты?

— О том же...— Кемпер замер.— О возвращении домой... черт! Я ведь действительно думал о доме! Моем родном доме! Понимаешь? А эта образина...

— Уловила только одно знакомое ощущение — «дом»!

Кемпер встал, доковылял до края седла, глянул вниз с высоты в семьдесят метров. Потом протянул руку и дотронулся до пленки «мыльного пузыря» прежде, чем Алиссон успел крикнуть: не трогай! Однако ничего особенного не произошло. Рука летчика продавила тонкий прозрачный слой, удерживающий земной воздух внутри «мыльного пузыря» над «седлом», но была вытолкнута обратно.

— Осторожнее, экспериментатор. Давай сначала думать, а потом делать.

— Думать — занятие для умственно развитых, для тебя, например, а я человек действия. Мой отец говорил: действие — это переход возможности в действительность; сущность жизни — в действии.

Алиссон покачал головой, но спорить не стал.

— Что будем делать... человек действия? Предлагаю возвращаться домой... если это возможно. Еще одна попытка «свободного» полета может закончиться для нас печально. К тому же меня тревожит наш последний прыжок. Что если дракон просто-напросто не знает координат Земли? В таком случае, как бы мы ни напрягались, пытаясь поточнее представить конечную точку перелета, нам это не поможет.

Кемпер вместо ответа достал флягу, отодвинул кольчужную маску, сделал глоток и принялся обходить «седло», что-то выглядывая. Алиссон понаблюдал за ним немного, наконец, не выдержал:

— Что ты потерял?

— Стратегический объект под буквами «VQ»,— буркнул Кемпер.— Может быть, слезем? Как-то неудобно делать э т о на спине Тихони.

Палеонтолог засмеялся. Кемпер некоторое время смотрел на него с недоумением, потом засмеялся в ответ.

Хохотали минуты две, пока не увидели возвращавшегося ксенурса, смотреть на которого было страшно, но интересно.

— Абзу,— пробормотал Алиссон, вспоминая шумерийские мифы.— А его дракон — Асаг [1]. Кстати, он здорово отличается от нашего Тихони.

— Образина редкостная,— согласился летчик.— Рос-то он не на Земле. Может, сбежим, отсюда, пока не поздно? Поди, узнай, что у него в голове... точнее, в двух.

---

[1] Абзу — бог бездны; Асаг — крылатый дракон, демон подземного мира.

— Едва ли он спасал нас для кулинарных изысков. Это разумное существо, а значит, с ним можно договориться.

— Как?

— Мысленно, как с панспермитом. Смогли же мы установить с ним контакт.

— А о чем думать конкретно?

Алиссон невольно рассмеялся.

— Не о клозете же.

Кемпер рассердился.

— Чего ржешь? Я человек практичный, фантазии лишен начисто, даже раздевающуюся женщину представляю с трудом, а ты хочешь, чтобы я на равных говорил с инопланетным монстром!

— Думай о приятном... например...— Алиссон закусил губу, внезапно сообразив, что они сидят на спине суперзавра, способного по-своему понять их мысли и реализовать желания, о которых сами люди даже и не подозревают.

Однако опасения палеонтолога оказались напрасными. Ксенурс не стал разговаривать с людьми. Он с тяжелым звоном похлопал Тихоню по заду и, не задерживаясь, не взглянув на людей, прошагал к своему «коню», купавшемуся в заливе. Вскочил в «седло», отличавшееся по форме от «седла» Тихони, и... исчез вместе с драконом. Ни вспышки, ни взрыва, ни звука. Так исчезают привидения, а не существа из плоти и крови.

— М-да,— хмыкнул Кемпер.— Спасибо за совет.

— Ты о чем? — опомнился Алиссон.

— Ты советовал думать о приятном? Вот и я подумал, чтобы этот приятель убрался отсюда подальше. Что будем делать, док?

Алиссон вздохнул. Боль в груди прошла, но слабость в теле осталась, напоминая об опасности неосторожных шагов.

— Отдохнем, перекусим и помыслим. Пусть вопреки желанию, но осваивать этот процесс — я имею в виду мышление — тебе придется.

Тихоня наконец оторвался от стены ущелья, оглянулся на людей и направился к морю. На его морде отчетливо было написано сомнение.

Двухкорпусный гигант, высота которого достигала не менее ста пятидесяти метров, похожий на двух сросшихся в тазу динозавров-медведей, за час достиг на своем «коне» каньона у Коннорс-Пик и принялся колдовать возле оставленных панспермитами яиц. Весил он, наверное, сотни тонн, потому что при каждом шаге выворачивал целые глыбы песчаника, оставляя глубокие следы и рвы. На маневры людей он внимания не обращал, словно не замечая их присутствия и попыток вступить в дружественный (и не совсем) контакт.

К Стрелку-Индре он подошел только раз, похлопал его по крупу, оглядел «седло» и вернулся к яйцам. Затем начал в четыре руки-лапы возводить нечто вроде насыпи вокруг граненых цилиндров яиц, над которыми знойным маревом дрожал воздух.

Джайлс, как, впрочем, и остальные наблюдатели, разглядывали, каким образом это делал чудовищный пришелец, и удивились изобретательности природы: четыре лапы монстра, с виду похожие на металлические гофрированные шланги толщиной в шесть-семь метров, в наплывах и утолщениях, заканчивались чем-то вроде культей без пальцев и когтей, но «культи» эти разворачивались в удивительные, звездчатые многосегментные захваты, способные с одинаковой ловкостью поднимать многотонный обломок скалы или сантиметровый камешек.

Когда насыпь достигла высоты коленей гиганта, стройка прекратилась. «Бимедведь» сделал что-то со своей правой грудью, металлические доспехи его раздвинулись и наружу вылезли блестящие «внутренности» — кошмарные конструкции, в которых лишь угадывались знакомые геометрические формы: грибы, шланги, ежи, решетки, параболические чаши и другое. Устройства эти повисли над огороженной территорией, и насыпь вдруг бесшумное выстроилась в дырчатый купол, накрывший яйца суперзавров. Устройства спрятались обратно в пояс пришельца, он обошел купол и удалился к своему дракону, который благосклонно посматривал на собрата Стрелка-Индру и терпеливо ждал хозяина.

Джайлс протер глаза, но видение не исчезло: камни, огромные валуны и обломки скал продолжали висеть в воздухе, образуя удивительную сеть в форме идеальной полусферы. Общая волна рации принесла шумный вздох Тиммери и возгласы его менее сдержанных коллег. Ученые были возбуждены и жаждали деятельности. Сдерживал их только приказ Киллера, гласивший, что проблемами контакта с чужаком будут заниматься в основном военспецы.

На полигон прибыла целая комиссия из Пентагона, помощник президента по специальным вопросам, а также крупные специалисты из Форт-Брагга, Пэйн-Блаффа, Центра биологических исследований в Форт-Детрике, Ливерморской и Эджвудской лабораторий, исследовательских центров ЦРУ и Агентства национальной безопасности. Сначала все думали, что руководство всеми силами возьмет на себя помощник президента, наделенный особыми полномочиями, но он, отменив лишь распоряжение Киллера не подпускать к суперзаврам телевизионщиков и журналистов, оставил его командовать всем сложным механизмом экспедиции, а заместителями определил Джайлса и Джона Рестелла, начальника полигона. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой. Ни Киллер, ни Рестелл не обладали нужным объемом и широтой знаний, чтобы с успехом заниматься столь сложным и необычным делом, как информацион-

ный контакт с негуманоидным разумом. Не было подобного опыта и у ученых, но они обладали хотя бы такими качествами, как хорошее воображение, гибкость, нестандартность мышления и взглядов на проблему, сообща они могли бы выпутаться из тупика. Военные такими качествами не обладали, а эрудиция сенатора Джайлса помочь им не могла, равно как и безумные идеи «конструкторов войны», ученых и специалистов, работавших на военные программы.

Поскольку на радиозапросы и звуковые передачи «бимедведь» не ответил, решено было запустить к нему роботов, запрограммированных обратить на себя внимание любыми средствами или «умереть». Пока фирма «Контрол отомейшн» готовила роботов, Киллер скомандовал послать в район действий пришельца автоматический вездеход с телекамерами, оборудованный установкой телесвязи и комплектом приборов, который подготовили военные эксперты. К сожалению, кроме научной аппаратуры «догадливые» вояки из команды Рестелла подложили в вездеход заряд сильнодействующего наркотического вещества, способного усыпить целое стадо слонов. Кто был инициатором этой операции, дознаться не удалось. Джайлс подозревал, что сам Киллер; сенатор помнил заявление адмирала о захвате «разведчика» инопланетян.

Как бы то ни было, вездеход спокойно достиг лагеря медведеподобного монстра, миновав Стрелка, который раньше не преминул бы испытать на ползущей машине свой поражающий луч. Кошмарный пришелец, которому физик Хойл придумал название биурс — «двойной медведь»,— а Тиммери имя Ракшас, что по индийской мифологии означало «ночное чудовище», «демон», сначала не обратил внимание на рычащую моторами у его ног букашку; все-таки рост исполина в сорок раз превосходил высоту вездехода. Но затем до него, видимо, донеслась радио- или звуковая передача, и биурс заинтересовался неведомым предметом. Один из его торсов наклонился над вездеходом, голова с пронзительно сияющим глазом оказалась всего в десятке метров от кабины, и... по чьей-то команде оператор взорвал отравляющий заряд. В морду правой половины медведя врезалось облако коричнево-зеленого газа. Биурс резко отшатнулся, чисто человеческим движением закрыв лицо лапой. Вторая «половина» медведя обняла его за глыбистые плечи, воздвигла над головой нечто вроде решетчатого зонтика и замерла.

Постояв так минут пять — лагерь исследователей разглядывал эту картину по телемониторам буквально затаив дыхание,— «динозавро-медведь» наступил на вездеход и вернулся к своим делам, не сделав ни одной попытки отомстить «шутникам». Зато Стрелок отреагировал на происшествие по-своему: вдруг выстрелил по вертолету наблюдателей, заставив его удалиться на безопасное расстояние в полтора десятка километров.

От вездехода с аппаратурой остался блин металла, впрессованный в плиту песчаника.

Еще через некоторое время биурс сел на «коня» и снова исчез, оставив суперзавра Индру сторожить купол с яйцами панспермитов. Лишь после этого люди в лагере, гражданские специалисты и военные, дали волю своим чувствам.

Что произошло, почему Тихоня вдруг решил перенести седоков в другое место, что заставило его покинуть спокойный золотой мир, Алиссон так и не понял.

Они с Кемпером отдыхали, обсуждая варианты реакции панспермита на их совместное желание доставить их домой, на Землю, как вдруг г л у б о к и й удар по голове — удар изнутри, бросил их в колодец удушья, жары и непривычных ощущений вроде «вытягивания» головы из шеи, а очнулись они уже в ином мире.

Видимо, защитная пленка, или поле, созданное ксенурсом, все еще выполняло свои функции, потому что новый мир был явно враждебен человеку. Суперзавр стоял по брюхо в озере не то расплавленного металла, не то вулканической лавы, жар которой ощущался даже на такой высоте и сквозь защитный купол и ткань «силзов». Лава пузырилась, извергала струи испарений и языки пламени, оранжево-желтую огненную поверхность ее пронзали черные дымящиеся пики скал, похожие на обелиски, на горизонте что-то взрывалось и вспыхивало мгновенным режущим светом, небо нависало багрово-бурой пеленой, и эта картина очень живо напоминала ад!

— Чистилище! — прохрипел Кемпер.— Здесь-то мы как оказались?

— Не знаю,— угрюмо огрызнулся Алиссон.— Можно подумать, что тебя ждал рай. Хорошо хоть сила тяжести здесь почти земная, даже поменьше чуток. Либо Тихоня реагирует на наши подсознательные движения души, либо что-то ищет сам. Если не удастся четко представить место, куда мы хотим попасть, на Землю нам уже не вернуться.

— Не пугай, проповедник. Эти черные полеты мне тоже надоели. Знать бы, куда нас занесло.

—Что толку от подобного знания? Даже если это не соседняя галактика, а соседняя звезда, пешком домой нам не дойти.

— Но дракон же не топает пешком, а летает.

— Вряд ли здесь применим термин «летает». Панспермит использует законы иной физики... скажем, М-физики, и мы их не знаем.

— Что еще за М-физика?

— Это я так назвал — «мистическая физика», для определенности. Хотя какая уж тут определенность.

— Я думал, ты знаешь все.

— Мудр тот, кто знает нужное, а не многое.

Кемпер достал флягу, заметил философски:

— Что ж, тогда выпьем. Не хочешь? Помогает успокаиваться и соображать.

Алиссон поднял руку предупреждающим жестом. Сквозь шумы клокочущего моря лавы послышался низкий рокочущий гул, разбившийся на отдельные гулы и всплески. Сзади, со стороны крупа суперзавра, замершего в каком-то оцепенении, из вихрящейся мглы выдвинулась громадная тень, остановилась. Затем снова послышался гул и тяжелые шлепки, так что задрожала почва и по расплаву пошли волны. Тень превратилась в гороподобное страшилище, слегка напоминавшее трицератопса — динозавра, жившего на Земле в мезозое, разве что рога этого «трицератопса» были ветвистыми, как у лося, а глаз на морде был один, горизонтальный и длинный, во весь скошенный лоб. Чешуйчатая грудь его, складками переходящая в голову, отсвечивала полированным металлом, как и шкура суперзавра, а каждая чешуйка была размером с голову Тихони! Рта чудище не имело, вместо него на вытянутой морде светился конгломерат каких-то крючков, пластин и перепонок, напоминая жвалы паука и оскаленную пасть обезьяны одновременно.

— Боже милостивый! — выдохнул Алиссон.— Спаси и сохрани!

— Хорош экземпляр! — бодро возвестил Кемпер, но и в его голосе оптимизма было не больше.— Пусть сунется поближе, я его накормлю свинцовым горохом!

Только теперь Норман заметил, что плечевой пулемет летчик уже переместил из походного положения в боевое.

— Т-ты что?! Не сходи с ума! Ему твои пули — что дробина панспермиту!

— У меня есть и разрывные...

— А если прострелишь пленку? Думай, балда!

«Паукозавр», как окрестил его Алиссон, придвинулся вплотную и навис над Тихоней, как горный утес, заставив Кемпера умолкнуть. Наступила короткая томительная тишина.

Ног чудовище не имело, при движении сокращались складки груди, переходящие в брюхо, хотя вряд ли они способны были создавать тот самый гул и шлепки, будто по лаве шел двуногий великан. Голова монстра наклонилась ниже, она, как и голова панспермита, имела трехлучевую симметрию, и у Алиссона даже мелькнула мысль — не предок ли это суперзавров? — и в это время Тихоня, уловив панические мысли людей, прыгнул в космос...

Пережив те же ощущения, уже не вызывающие былых болей в позвоночнике и отрицательных эмоций, они выкарабкались из беспамятства в полной темноте и реагировали каждый по-своему, в силу воображения и разного жизненного опыта. Алиссону пока-

залось, что он ослеп, а Кемперу, что очутились они в глубоком подземелье.

— Ты жив? — раздался в наушниках голос летчика.

— Такое впечатление, будто мне выкололи глаза.

— Просто нас занесло под землю.— Послышалось булькание и недовольное ворчание Кемпера.— Черт, виски кончилось! У тебя найдется глоток?

— Полная фляга.

— Тогда живем!

— Что-то раньше я не замечал у тебя тяги к спиртному. Не отравишься?

— Как говорил философ: «Когда это дракон умирал от яда змей?» Давай свой напиток богов.

Алиссон передал флягу на ощупь, все еще ничего не видя, и в этот момент где-то далеко-далеко засияла желтая звезда, лучи которой оконтурили бледную, идеально ровную, горизонтальную полосу, тающую в бесконечности. Стал виден абрис фигуры суперзавра с вытянутой вперед мордой, контуры седла, бликующая пленка вокруг него и человеческих фигур, но низ и верх, отделенные полосой, так и остались во мраке, вызывая мрачные ассоциации бездонной пропасти.

— Тихий, черт бы тебя подрал, ты куда нас занес? — проникновенно спросил Кемпер, глотнув виски.

Тихоня поднял голову повыше, и на носу его вспыхнул ослепительный свет, собрался в луч, ушел к горизонту — светлой полосе, по которой скользила далекая звезда. И тогда Алиссон с трепетом осознал, что дракон стоит на идеально ровном черном поле с рисунком квадратных плит и над головой его располагается точно такое же поле! Словно пол и потолок бесконечно большого помещения! Светлая полоса, по сути, играла роль горизонта там, где плоскости сходились на пределе видимости, открывая выход в пространство... или куда-то еще.

Новая вспышка на голове суперзавра едва не ослепила людей, звезда на горизонте мигнула в ответ, и через минуту ушей коснулся низкий, очень низкий, почти инфразвуковой, рокот, на который спина Тихони отозвалась крупной дрожью.

— Что это? — прошептал Кемпер.

— Голос пустоты,— пробормотал Алиссон, обратившись в слух.— Нас кто-то зовет... а если не нас, то Тихоню точно. Вот что, Вир, давай определим конкретный образ, который надо внушить Тихоне, чтобы он доставил нас на Землю, и попробуем сосредоточиться. А то допутешествуемся, что кончится запас воздуха, дарованный нам ксенурсом.

— Да я не возражаю. Хотя интересно, где это мы с тобой оказались. На планету не похоже, да? Похоже на зазор между плас-

тинами бесконечного конденсатора: плоскость внизу, плоскость вверху... Сила тяжести земная...

Снова издали прилетел низкий рокочущий гул, заставил резонировать «седло» суперзавра и даже кости черепа, как показалось Алиссону. Звезда на горизонте засияла ярче, и вскоре стало ясно, что источник света приближается. А еще через двадцать минут люди увидели, что это такое. К ним приближался странный зверь, похожий на гигантскую морскую манту с размахом плавников в триста метров, на спине которого сидел, скрестив ноги, в позе индийского факира ксенурс!

«Манта» — животное, а может быть, и транспортная машина — не касалась поверхности этого колоссального ангара, летела-стелилась над ней, а во лбу ее горел, пульсируя и ничего не освещая, исключительно яркий глаз. Остановилась она в полукилометре от суперзавра с седоками. Ксенурс легко слез с ее спины и направился к Тихоне.

— Бежим? — быстро проговорил Кемпер.— Нерешительность — симптом неудачи. Или попросим помощи? Что опасней?

— Спроси что-нибудь полегче. Но вторая твоя идея мне нравится больше. Похоже, Тихоня идет знакомой дорогой, от мира к миру, как он когда-то возил ксенурсов, и гнать его дальше — значит удаляться от Земли... Хотя это лишь предположение.

— Тогда остаемся.— Кемпер взвесил в руке флягу с виски, поглядел на друга и с некоторым колебанием вернул ему.— Дело за тобой, док. Одна надежда на твою светлую голову.

С момента первого появления двухтуловищного существа, получившего название биурс, совет ученых экспедиции на полигоне заседал три раза, каждый раз апеллируя к военному руководству о привлечении своих лучших умов к исследованию ситуации и контакту с биурсом, но Киллер игнорировал их заявления с завидным хладнокровием, пока наконец Джайлс нашел время поговорить с помощником президента. После этого к работе «группы риска», составленной из военспецов, были допущены биолог Тиммери, физик Хойл и лингвист Либих. Правда, их голоса решающим в группе не стали.

Биурс за двое суток, прошедших со времени своего первого появления в Неваде, появлялся трижды, продолжая свою таинственную деятельность вокруг яиц, изредка «беседуя» с родившимся на Земле панспермитом Индрой. А тот исправно нес сторожевую службу, реагируя на приближение самолетов или вертолетов в соответствии со своим характером. Подступиться к нему ближе, чем на пятнадцать километров, не удавалось никому, ни воздушным, ни наземным транспортом.

Однако ученых не оставляла надежда «получить доступ к телу» биурса и вступить с ним в контакт. И надежда эта была близка к осуществлению, когда на полигоне появилась бригада Принстонской фирмы (штат Нью-Джерси) «Контрол отомейшн» с дюжиной специально запрограммированных роботов.

Трое из них больше всего походили на механических кентавров: гибкий гофрированный цилиндр — торс,— полусфера с фотодатчиками, окулярами и «ушами» антенн — голова,— четыре манипулятора — руки,— плюс четырехногий корпус, в котором прятались электродвигатели, аккумуляторы, приборо-инструментальный комплект и компьютер. Остальные роботы напоминали гусеничные танкетки с тремя манипуляторами и набором инструментов вместо пулеметов.

Первыми к лагерю биурса направили две гусеничные машины. Они успешно преодолели каменистое ложе высохшей тысячи лет назад Коннорс-Рив, обогнули гряду скал, холмы и глубокие рытвины, но застряли в рваных бороздах — следах суперзавров и самого биурса, так и не сумев донести «приветы» людей и кое-какие сюрпризы, о которых знали только Киллер и его команда. Двум другим роботам повезло больше, но их почему-то расстреляли Индра, словно учуяв какую-то опасность. Разъяренный Киллер запустил еще двух гусеничных роботов и поднял в воздух звено «Апачей» для прикрытия, а когда Индра уничтожил первого робота, последовал ответный ракетный залп с вертолетов. Сорок восемь ПТУР «Хеллфайр», конечно, не могли повредить суперзавру, но люди этим как бы давали понять, что недовольны действиями бронированного «сторожа». Понял ли это сам Индра, было неясно, однако следующего выстрела из гамма-пушки не последовало, а биурс, внимательно наблюдавший за пируэтами винтокрылых машин, вдруг подошел к роботу и, взяв его своей страшной лапой, приблизил к морде правого тела. Дальнейшие события развивались стремительно.

То ли биурс передозировал усилия и раздавил корпус робота, то ли сработала вторая, «черная» программа, разработанная военными, то ли кто-то включил ее дистанционно, только робот взорвался. Это был не ядерный или тротиловый взрыв, а, скорее, подрыв другой начинки робота — химической, и правую голову биурса окутало ядовито-желтое облако. Он резко откинулся назад, лапа сжала робота, сплющив его в ком металла, и обвисла, глаз правого туловища закрылся, а лапы левого обхватили голову и с минуту что-то с ней делали, будто вскрывали, копались внутри и зашивали. Затем биурс повернулся, тяжелой поступью удалился к своему зеленому дракону, взгромоздился на него и исчез. Мстить он снова никому не стал. Видимо, не знал, что это такое — месть.

Среди ученых, наблюдавших за действиями механических посланцев, разлилось угрюмое молчание, а в группе военспецов, имев-

ших задание найти «окно уязвимости» двутелого монстра, возникло ликование... длившееся ровно три минуты. Потому что биурс вернулся. И не один. Неизвестно, было ли то существо живым, или это был какой-то автомат, механизм, однако выглядел он, во-первых, ничуть не менее экзотично, чем сам биурс, а, во-вторых, жуть внушал большую, потому что человек всегда видел в змеях и насекомых своих недоброжелателей. Здесь же взору предстало трехсотметровой высоты чудовище, соединявшее в себе черты богомола и кобры!

В лагере экспедиции повисла тишина.

Джайлс, который находился в компании Хойла и его молодых коллег, собравшийся было идти к Киллеру и затеять скандал, вернулся в палатку, глянул на экран телемонитора с чувством непоправимости случившегося и понял, что если не предпринять что-нибудь умное, дальнейшие события окончательно выйдут из-под контроля и станут непрогнозируемыми. Хойл оторвался от экрана, чтобы оглянуться на возглас сенатора и пробормотать:

— Когда-то говорили, что дурак — сложное понятие, включающее бедность, честность, благочестие и простоту,[1] но к этому классу дураков адмирал Киллер не принадлежит. Сенатор, его надо остановить. Он может подумать, что биурс вернулся отомстить, а это, скорее всего, не так.

Джайлс добрался до штаба Киллера в тот момент, когда тот отдавал приказ отряду ВВС атаковать «зловещих» пришельцев.

— Верни штурмовики! — Запыхавшийся сенатор вытер лицо платком и отпихнул адъютанта Киллера, который пытался его остановить.— Физики говорят, что это не есть демонстрация силы или угроза. Биурсу хватило бы и своей мощи, чтобы наказать нас. Пусти впереди ученых.

— Под моим началом ученых тоже хватает,— скривил губы Киллер; он потягивал гимлит [2], закусывая уткой на листьях спаржи и не отрываясь от экрана монитора,— и они не хуже разбираются в таких вещах. Во-вторых, ты забываешь, что ни на один призыв вернуть двух наших парней, он не ответил.

— Значит, не понял.

— Ну да, конечно. Дракон понял, «конь», так сказать, а всадник — нет. Чушь! Все он прекрасно понимает. А за это наказывают! Зачем он уничтожил роботов?

— Но ведь вы его сами спровоцировали! — Изумленный сенатор рухнул на сидение рядом.

— Вот! — Киллер поднял вверх палец, ни капли не чувствуя себя виноватым.— И ты его пожалел! Урода! А кто-то из классиков,

---

[1] Г. Фильдинг.

[2] Смесь джина с лимонным соком.

кого так любит твой умный Хойл, говорил: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина; все остальное — лукавство».

— Безумство, — поправил Джайлс, который тоже читал Ницше.

И в это время «эф-шестнадцать» вышли на цель.

Существо, на котором прилетел ксенурс, только издали и только когда на нем сидел двуногий гигант, было похоже на земную мантву. Стоило «динозавро-медведю» слезть, как «мантва» встала на дыбы и превратилась в помесь гигантской кобры с богомолом. Смотреть на это чудище было тошно и страшно.

Ксенурс обошел Тихоню кругом, нагибаясь к нему то левым, то правым телом, постукивая снизу по корпусу сверхдракона — металлические поющие удары,— так механики постукивали когда-то молотками по колесам старинных паровозов и вагонов. Затем нагнул голову суперзавра, так что она ушла из поля зрения замерших людей. Послышались новые звуки: треск, звон скрипы. Тройной гребень на шее Тихони — его антенна-воротник — заискрился мелкими голубыми разрядами. Тела людей свело судорогой, но не болезненная, почти приятная.

— По-моему, он нас не замечает,— заметил Кемпер.— Сейчас возьмет сядет и раздавит. Давай покричим?

Алиссон улыбнулся, заинтересованный происходящим.

— А по-моему, нам ничто не угрожает. Эта зверюга — получасекомое-полукобра, всего-навсего наземный транспорт ксенурса.

Словно вспомнив о седоках, двуногий гигант вдруг протянул лапу, раскрыв девятиметровую «ладонь» веером, накрыл прозрачный пузырь над «седлом» и перенес пузырь вместе с людьми, как воздушный шарик, на черную почву этого мира. Затем снова занялся обстукиванием и обслушиванием суперзавра.

Ошеломленные и слегка оглушенные седоки — удар о прозрачные стенки шара был приличным — не сразу пришли в себя. Флегма Алиссона и природный оптимизм Кемпера были поколеблены не столько необычностью свершаемого, сколько непризнанием в них ксенурсом равных себе по разуму партнеров. Да и несопоставимость масштабов людей и гигантских существ действовала на психику, подавляла и отвращала. Смотреть на «кобро-богомола», закрывшего собой половину горизонта, было не слишком весело. Что же касается двуногого негуманоида, по мнению Алиссона, он был достаточно вежлив, проявляя минимальную в данном случае заботу, но и только. О контакте речь не шла, ксенурсу он был не нужен.

По-видимому, ксенурс удовлетворился осмотром суперзавра, потому что подал неслышимую команду, и «кобро-богомол» послушно принял горизонтальное положение, превращаясь в «мантву».

Новая команда — тихий световой всплеск в мозгу Алиссона,— и Тихоня взгромоздился на «манту», раскорчился, вставляя лапы и голову в выемки на горбу летающего чудовища. Последним на живую гору влез ксенурс, уселся в «седле» Тихони, едва не доставая головами потолка-неба. Затем взялся всеми четырьмя лапами за воротник на шее суперзавра, и вся эта конструкция исчезла. Ни вспышки, ни звука, ни дуновения ветерка.

Кемпер очнулся от несказанного изумления первым, разразился бранью и восклицаниями. Алиссон пришел в себя позже, сделавшись рассеянным и задумчивым. Он размышлял и делал выводы.

— Симбиоз!

— Что? — остановил бурный монолог летчик.— Ты о чем? Ты понимаешь, что он нас бросил?! Ссадил, забрал «коня» и — аллюр три креста!

— Симбиоз,— повторил Норман.— Конь, всадник и наездник. И сдается мне, что каждая часть этой троицы разумна по-своему. Нет, он нас не бросил,— сказал Алиссон уже уверенней.— Он просто проверяет способность Тихони работать в одной упряжке. Я даже думаю, что Тихоня искал и нашел именно тех, с кем должен был соединиться давно... хотя это спорно. И тогда мне понятно, куда мы попали. Две плоскости — и ничего больше. Экотон.

— Попроще, док, я не шибко грамотен.

— Экотон — пограничная зона между сообществами. На Земле это опушка леса, берег реки, а здесь, в мире чужих гигантов, он выглядит так. Хотя, может быть, это лишь мы, люди, со своими несовершенными органами чувств, видим этот мир таким, а ксенурсы и иже с ними видят его другим.

Кемпер вздохнул, помолчал немного, постучал по шлему.

— Звенит. Пустая голова — источник звона. И вообще я хочу есть, пить, спать и... домой.

— Я тоже,— засмеялся палеонтолог.— Неведомое и непонятное хорошо для организма в малых дозах, как яд. Подождем, он вернется. На, глотни виски.

Летчик отбросил маску и приставил ко рту флягу.

Неизвестно, почувствовал ли двутелый пришелец тревогу или просто был готов к коварству людей, дважды пытавшихся усыпить его, но на залп шести управляемых ракет «Мейверик» с трех самолетов F-16A «Файтинг фалькон» он отреагировал мгновенно, выпустив огромное черное облако. Впрочем, говорить «выпустил облако» было неправильно: просто воздух над районом в радиусе с километр, в центре которого находились биурс, жуткий кобро-богомол и суперзавр Индра, вдруг стал абсолютно непрозрачным, напоминая черную грозовую тучу! Ракеты вонзились в эту куполовидную тучу и... не взорвались! А затем в действие вступил Индра-Стрелок, для

которого туча, наверное, была прозрачной. Две трассы гамма-луча поразили два самолета, а третья повредила вертолет «Хью кобра», неосторожно приблизившийся к зоне боевых действий.

Летчики сбитых истребителей катапультировались, а оставшиеся неповрежденными самолет и вертолеты быстренько ретировались на безопасное расстояние, не дожидаясь приказа растерявшегося командования.

Черная полусфера, накрывшая инопланентную компанию, исчезла без следа спустя минуту после бегства людей, и взорам наблюдателей предстала такая картина: двутелый динозавро-медведь подсаживает суперзавра Индру на кобро-богомола, который, опустившись на землю, стал плоским, похожим на земного ската. Уместившись на спине «кобро-ската», дракон вытянул морду и воткнул ее в углубление на шее «ската», а биурс влез на него, устраиваясь в седле, совершенно как человек-всадник. И это было противоестественно и страшно, потому что на человека этот сутулый монстр не походил никак!

Миг — и их не стало! Лишь зелено-серый «конь» биурса, на котором он прибыл на Землю, остался лежать на скалах, не заботясь о хозяине. И в этот момент шесть ракет, выпущенных с истребителей и воткнувшихся в песчаные барханы, взорвались, подняв новую тучу — рыже-багрово-черную. Когда пыль и песок осели, а бломки скал перестали падать, люди увидели шесть неглубоких воронок и невозмутимого суперзавра, для которого не страшны были и прямые попадания.

— Долф, ты скотина! — сказал сенатор Джайлс Киллеру, но из-за шума в эфире и взрыва возбужденных голосов в кабине БТР адмирал не услышал этой фразы. Он уже вызвал своих главных экспертов и лихорадочно готовил план дальнейших действий. Биур должен был вернуться, один или в сопровождении своих страшилищ, и у армии оставался шанс захватить его в качестве похитителя двух представителей хомо сапиенс... на которых лично Киллеру было глубоко наплевать.

Помощнику президента шел пятьдесят четвертый год, но выглядел он моложе: коренастый, гладколицый, с бакенбардами и прилизанными волосами. Звали его за глаза «куском мыла», видимо, имея в виду способность влиять на президента, а настоящее его имя было Мэтьюз Сьюард.

В люк штабного бронетранспортера он влез, почти не пригибаясь, одетый, как и все здесь, в пятнистый комбинезон десантника.

Адмирал Киллер проводил совещание и встретил его сдержанно.

— Господин Сьюард, вы почти вовремя. Мы как раз обсуждаем

проблему захвата нашего биурса... не нравится мне это название, хоть убей. Я бы лучше назвал его суперуродом.

Помощник президента сел в низкое удобное кресло, огляделся.

Кабина машины была переоборудована таким образом, что напоминала командный центр Пентагона и комфортный номер гостиницы одновременно. Аппаратура теле- и радиосвязи размещалась в передней части кабины, а остальной объем занимали кресла, стол с картой, бар и холодильник. Всего в кабине могло поместиться человек двадцать пять, но в настоящий момент в ней находилось, не считая операторов и офицера связи, шестеро: Киллер, сенатор Джайлс, генерал Рестелл и трое руководителей военных центров, имевших кроме высоких званий еще и докторские степени. Всех их помощник президента знал прекрасно: химик и биолог Зборовски (полковник), астрофизик Стофф (генерал), психолог Эксминстер (адмирал). Ни один из гражданский ученых на совещание приглашен не был.

— Итак, мы сошлись на том, что монстр... черт с ним, пусть будет биурс,— с обычной долей высокомерия продолжал Киллер, постукивая пальцем по золотому портсигару величиной с кирпич,— в отличие от суперзавров имеет, по крайней мере, одно «окно уязвимости», а именно — химическое. Разработанный в лаборатории доктора Зборовски газ триметилди... эти... нолэтаз... не суть важно, подействовал на биурса, и если бы не вторая голова, то он был бы наш. Очевидно, что если нам удастся окунуть в газовое облако обе головы этого супермедведя...

— Я против,— буркнул здоровяк Джайлс.— Ваши методы, господа суперспецы, отдают терроризмом. Никто мне не доказал, что биурс захватил наших ребят в плен и держит у себя. По-моему, лучше натравить на него команду Тиммери, они быстрее найдут способ контакта с ним без стрельбы и угроз, а то ваши мальчики из лабораторий зациклились на войне. Правда, можно и их подключить к Тиммери, почему бы и нет? В крайнем же случае предлагаю просто не трогать этих колоссов. То, что биурс ни разу не ответил на провокации, еще не говорит о его миролюбии. Если вы держите слона за заднюю ногу, и он вырывается, самое лучшее отпустить его.

— Если это твое мнение, Кристофер...

— Это мнение Авраама Линкольна, Долф.

Киллер скривился. Он не был так образован, как сенатор, и его злило всякое проявление начитанности. Если бы можно было поменять местами души сенатора и адмирала, это было бы только актом справедливости, так не соответствовала внешность обоих внутренних содержанию.

— Считаю, что споры излишни. У тебя, Кристофер, всегда было особое мнение, но в данном случае оно резко отличается от общей концепции. Тем более, что ничего мы с... э-э, биурсом делать не

собираемся, только выясним, где наши парни. Сам-то он разговаривать с нами не желает. Не так ли, Мэт?

Помощник президента посмотрел на Киллера, потом на мрачного Джайлса, едва заметно улыбнулся.

— Это наша земля, Долф,— вмешался Рестелл,— и мы не позволим хозяйничать на ней каким-то космическим монстрам. А если они забросают яйцами драконов всю Неваду? Или вообще Штаты?

Джайлс иронически поднял бровь.

— Господин помощник президента тоже так считает?

— Я присоединяюсь к мнению большинства,— проговорил наконец Сьюард.— Кстати, президент извещен обо всем и одобряет наши действия. Итак, джентльмены, в чем состоит ваш план конкретно?

Ксенурс отсутствовал около трех часов.

За это время Кемпер успел выспаться, а Норман создать концепцию жизни таких существ, как суперзавр, ксенурс и кобро-богомол. Увлекшись, он даже разбудил летчика, уснувшего мгновенно, как только его спина коснулась ровной плиты пола.

— Понимаешь,— сказал Алиссон, жестикулируя,— эволюция в мире этих существ действовала иначе, не так, как земная, она абсолютизировала эмерджентность.

— Что? — хрипло переспросил Кемпер, ничего не соображал со сна.— Какую джентность?

— Эмерджентность. Наличие у системы свойств, не присущих составляющим ее элементам. Действия ксенурса подтверждают это наглядно, недаром же Тихоня искал своего всадника, будучи сам всадником кобро-богомола. Каждый из них выполняет какую-то одну функцию, а вместе они — коллективное разумное существо, способное решать сверхсложные задачи.

Кемпер упал навзничь и снова уснул, но Алиссон этого не заметил, продолжая ходить вокруг спящего товарища и рассуждать сам с собой. Остановился он лишь тогда, когда неподалеку объявилась сумасшедшая троица: ксенурс, суперзавр и их «тягач» — кобро-богомол, от одного взгляда на которого хотелось перекреститься. Произошло это не так, как в прошлые прибытия.

Сначала в двухстах метрах от шара с людьми возникло огромное облако, сотканное из редких, тускло сияющих звездочек. Не сразу можно было разглядеть в этом облаке очертания «наездников» — ксенурса и суперзавра — на кобро-богомоле. Затем количество звездочек стало увеличиваться, а облако сжиматься, пока не приобрело размеры, близкие к реальным. И, наконец, когда сияние разом погасло, взору предстали знакомые диковинные существа.

Ксенурс слезал с «коня» очень медленно, с видимым усилием,

будто смертельно устал. Таким же усталым выглядел и Тихоня, сползавший со «змеенасекомого» буквально на ощупь. Алиссон, глядевший на эту картину во все глаза, растолкал Кемпера и шепотом поделился своими наблюдениями.

Ксенурс посидел у туши кобро-богомола на корточках, ощупывая свои тумбообразные ноги, потом в том же замедленном темпе обошел суперзавра, похлопал его по боку, влез на спину «кобры» и с низким гулом умчался в темноту. Посадить людей обратно на спину Тихони он забыл. Тихоня остался стоять, понурив голову и раскорячившись. Бога его сочились тусклым желтым сиянием, и лишь гребенчатый нарост на шее светился чуть ярче, ничего не освещая, да горизонтальный глаз набух «кровью» — алым светом.

— Что это с ним? — прошептал Кемпер.

— Не знаю,— так же шепотом ответил Алиссон.— Сдается мне, Тихоня просто не подошел тем двоим, не обладая нужным свойством, родился-то он на Земле, далеко от родных пенатов. А может быть, просто растренирован. То-то они так медленно «проявлялись», будто с трудом реализовались в здешнем пространстве.

— И как же нам теперь взобраться на него? Эта пленка прочнее стали, вряд ли удастся ее пробить даже из пулемета.— Кемпер вдруг загорелся.— А если попробовать? Что мы теряем, кроме тюрьмы?

— Воздух,— остудил его порыв палеонтолог.— Воздух теряем. Уверен, что здесь, на этой равнине, царит вакуум. Разорвешь пленку — задохнемся. Кстати, дышать становится труднее, не замечаешь?

— Тем более надо что-то предпринимать.— Кемпер подошел к краю отведенного им пространства, уперся рукой в невидимое нечто и внезапно заорал.— Эй, выпустите нас отсюда!

Вздрогнувший Алиссон покрутил пальцем у виска.

— Не кричи напрасно, у меня от тебя уже голова болит.

Летчик хмыкнул и сказал совершенно спокойно, будто не кричал только что:

— Да я ради профилактики.— Булькнула фляга.— Все-таки эта двухголовая образина, я имею в виду твоего ксенурса, вряд ли разумна. О нас он даже и не вспомнил.

— Устал. Видел бы ты, как он слезал с дракона — словно выжатый лимон. Что-то у него не получилось с Тихоней...— Алиссон не договорил.

Твердая плоскость под ногами, заменяющая почву, разделенная светлыми линиями на квадраты со стороной в километр, вдруг начала светлеть, протаивать в глубину. Причем происходило это лишь с соседними квадратами, тот, на котором находились люди и суперзавр, остался черным, блестящим и твердым. А поскольку люди, заточенные в прозрачный шар, стояли не в центре, а в углу на пере-

сечении четырех квадратов, то им хорошо были видны три из них.

Квадраты оказались как бы крышками исполинских сотовых ячеек с невероятно тонкими стенками. Глубина ячеек была неизвестна, каждая из них заполнилась оранжевым свечением, и лиц замерших путешественников коснулась теплая волна: ячейки излучали в красном и инфракрасном диапазоне. В следующий миг плоскость, заменяющая небо над головой, внезапно растрескалась змеящимися белыми линиями, посыпалось в ячеи кусками зеркального стекла, открывая взору великолепную картину космоса: огромное звездное скопление в форме шара и уходящую за горизонт звездную полосу. Лишь над темным квадратом с людьми и суперзавром «небо» осталось твердым и непрозрачным, словно осколок «зеркала» был привязан к тверди невидимыми канатами.

А затем из святящихся глубин квадратных ячеек медленно и плавно поднялись знакомые «всадники» на гигантских плоских «скакунах»: ксенурсы на драконах, опирающихся в свою очередь на «мант» — кобро-богомолов. Тела их угрюмо отсвечивали раскаленным металлом, и было их очень много, десятки — сотни тысяч! Поднявшись над ячеями, они перекрыли горизонт и почти загородили собой небосвод.

— Святой доллар! — прошептал Кемпер.— Никак, это их конюшня! Или транспортная база? Целая армия кавалеристов! Ну и размах!.. Земной материк!

— Если не больше,— так же шепотом отозвался Алиссон.

Им становилось все жарче, воздух внутри «мыльного пузыря» нагревался все больше, жар проникал под защитные слои костюмов, несмотря на включенное охлаждение, и наконец стал невыносим.

— Тихий! — хрипло заорал Кемпер.— Мы же сгорим, скотина! Сделай что-нибудь!

Тихоня, то задиравший голову в небо, то заглядывающий в ближайшую из ячей, посмотрел на своих бывших седоков и, словно в сомнении, склонил голову на бок. Он чувствовал мысленную сферу людей, их отчаянную мольбу о спасении, но вряд ли понимал, чего они хотят.

На одно мгновение Алиссону показалось, будто они находятся в трех местах сразу: на черном квадрате неизвестного плоского мира, в глубине кратера вулкана, погруженные в лаву, и на Земле, в пустыне... Потом наступила темнота и тишина...

Они уже не видели, как один из всадников вдруг обратил внимание на мертвый квадрат, прикрывающий пустую ячейку, и повернул свой составной «транспорт» к радостно затанцевавшему Тихоне.

Операцию по захвату биурса наблюдали только военспецы, командование и «черные береты» — охрана лагеря,— для осталь-

ных членов экспедиции телесистемы включены не были под предлогом «регулировки» общего монитора.

Поскольку суперзавры — Индра-Стрелок и «конь» биурса — могли помешать операции, решено было заманить двутелого динозавро-медведя в такое место, откуда он не был бы виден даже гигантам панспермитам и откуда его можно было вывезти под прикрытием темноты в ущелье Коннорс-Рив с отвесными стенами. Специалисты посчитали, что если завалить ущелье с двух сторон геометрически точными взрывами, биурс не сможет выбраться из «клетки» самостоятельно.

Рестеллу была дана соответствующая команда, и он развил бурную деятельность, меньше, чем за сутки доставив в район экспедиции нужную технику и спецоборудование.

Для приманки биурса был выполнен макет яйца суперзавра в натуральную величину с радиоактивной начинкой, имитирующей излучение настоящего яйца, и доставлен в небольшую, но глубокую долину Рэд Хиллз в десяти километрах от лагеря. Разработчики операции не учли одного — нюха суперзавра на радиоактивность, и это едва не стоило им больших неприятностей.

Суперзавр Индра учуял контейнер сразу же после доставки его в пустыню и даже двинулся было в том направлении, но в это время появился биурс. С момента его исчезновения на транспортной связке кобро-богомола и суперзавра прошло чуть больше двадцати трех часов.

На сей раз он прибыл на прежнем зеленом «рысаке» — панспермите и прежде всего подошел к сделанной им из каменных глыб полусфере над яйцами драконов. Что-то его в ней не устроило, он начал собирать новую кучу валунов, но доделать работу не успел: суперзавр Индра отвлек его своим целеустремленным маршем к Рэд Хиллз. Некоторое время динозавро-медведь, выпрямившись во весь рост на ближайшем холме, смотрел в сторону долины с псевдояйцом, а затем решил прогуляться туда сам.

Звероподобные пришельцы, видимо, общались между собой в мысленном диапазоне — электромагнитных излучений чуткие датчики людей не фиксировали,— потому что Индра вдруг безмолвно повернул назад, раздавив по пути двух роботов, а тронувшийся вслед за ним зеленый «конь» биурса остановился. Таким образом, первая часть плана Киллера реализовалась успешно. А когда биурс достиг долины и спустился вниз — не без некоторого колебания, минуты две он осматривал горизонт сразу обеими головами, топтался и кружил,— в действие вступила вторая часть плана Киллера.

Замаскированные в двадцати милях южнее лагеря машины MLPS — реактивные системы залпового огня — дали залп. Сто двадцать ракет, начиненных усыпляющим газом, одновременно взорвались вокруг ничего не подозревающего биурса и создали

мгновенно вспухшее желто-бурое облако, скрывшее под собой «яйцо», и двутелого пришельца, и всю долину. На панспермитов этот газ не действовал, что было уже отмечено более ранними «экспериментами», когда суперзавры ползали по Неваде в поисках пищи, но биурс не был готов к дыханию в отравленной атмосфере.

Сознание он потерял не сразу и, упав, еще пытался выбраться из долины, вызвав, очевидно, по мыслесвязи своего «коня», который вздернул голову и начал озираться, искать хозяина, однако была дана еще одна команда, и всю корытообразную площадь Рэд Хиллз накрыл второй залп — теперь уже ракетами с кумулятивными осколками, способными прожигать любую броню. После чего наблюдавшие картину сделали вывод, что всадник не столь хорошо защищен, как его «лошадь»-суперзавр. Получив около семидесяти семи тысяч попаданий — добрая тысяча осколков пришлась на обе головы биурса, а сотни поразили глаза,— биурс затих.

Тотчас же к долине выступил отряд мощных тягачей и подъемных кранов, ведомых бравыми парнями из группы спецназначения «блю лайт», не боящихся ни черта, ни Бога, и через полчаса началась великая погрузка гиганта на суперпоезд из тридцати платформ с трехметрового диаметра колесами, каждая из которых была способна увезти груз весом в тридцать тонн по любому бездорожью. Одновременно в тот же район выдвинулся батальон противотанковых ракетных установок, предназначенный для отражения атаки суперзавров, если таковая произойдет. Но панспермиты, наверное, не могли самостоятельно решить проблему вылазки по маршруту исчезнувшего всадника-хозяина и продолжали бродить вокруг «гнезда» с яйцами, оставленными Тихоней и Стрелком.

Операция по загрузке биурса на автопоезд продолжалась два часа, причем пришлось использовать вертолеты, но все закончилось благополучно, и поезд направился к ущелью Коннорс-Рив, охраняемый, как весь золотой запас Штатов.

По прямой до ущелья от этого места было около восемнадцати километров, но приходилось объезжать холмы, каменистые гряды и увалы, каньоны и глубокие балки, из-за чего дорога растянулась на целых сорок километров. Лишь к вечеру жуткий поезд приблизился к ущелью и углубился в него на две мили.

Дважды за время транспортировки (четыре часа) биурс начинал шевелиться, отчего стальные и кевларовые канаты толщиной в руку рвались, как нитки, и оба раза залп из гранатометов с двух *колонн* сопровождения успокаивал монстра: *желто-бурый газ* действовал надежно. И никто из возбужденных исполнителей и командиров этого действа не подумал о том, выживет ли пришелец в этих условиях и что он предпримет, если освободится.

В одиннадцать часов вечера пустыню потревожили два взрыва, завалив**ших** ущелье Коннорс-Рив километровой высоты почти от-

весными стенами из скальных обломков. План Киллера был реализован идеально. И когда в штабе праздновали «победу», пили виски, джин, коньяк и закусывали шоколадом и персиками, Джайлс угрюмо задал вопрос:

— Ну и что дальше, стратеги?

— Все идет о'кей,— засмеялся захмелевший Киллер.— Ты хотел вперед пустить науку? Пусть идет. Хотя приоритеты — наши, армии.

— Но ведь он без памяти, и никто не знает, как он поведет себя, когда очнется. А если он вызовет своих «скакунов»?

— Мы их остановим,— легкомысленно отмахнулся генерал Рестелл.— Из Форт-Брагга только что доставили свои новые плазменные шарики, да и «коулдж-стоидж» еще имеются. Будем сбрасывать по парочке и держать драконов замороженными, пока двухголовый не заговорит. В конце концов, должен же он сказать, куда дел наших людей. Надо вколотить в него всего лишь принципы нашей морали — и только.

— Армия всегда была проповедником добра,— хихикнул Киллер.— Брось свои сенаторские замашки, Крис, давай лучше споем «Боже, благослови Америку».

Джайлс допил тоник — спиртное он не употреблял,— хмыкнул, пытаясь поймать ускользающий взгляд «куска мыла» и выяснить отношение помощника президента к происходящему.

— Кажется, Долф, тебе не удалось избежать соблазна проповеди добра с помощью огня и меча.

— Что? О чем ты?

Сенатор отвернулся от Киллера, глянул в упор на Сьюарда.

— Мне не нравится, что здесь происходит, сэр. Тот, кто не чувствует боли, редко верит в то, что она существует, как говорил Сэм Джонсон, а мы не только усыпили биурса, мы его ранили! Зачем? Я отказываюсь участвовать в дальнейшей игре, и если вы, господин Сьюард, не доложите мое мнение президенту, я сделаю это сам.

Помощник президента глянул на экран монитора, на котором застыла картина освещенного прожекторами ущелья с лежащим на дне двутелым чудовищем, кивнул. Во взгляде его мелькнуло удовлетворение, но когда он повернулся к Джайлсу, глаза его уже были ласково-масляными.

— Я вас понимаю, сенатор. Не волнуйтесь, президент получит полную информацию о том, что делается на полигоне. Не исключено, что он сам появится здесь в ближайшее время.

Киллер захохотал.

— Вот и решение вопроса. Не лезь в бутылку, Крис, давай выпьем за удачу. Мой план был гениален и выполнен профессионально.

Джайлс раздавил в руке стакан, порезался, тупо посмотрел на руку и вышел. Оставшиеся в кабине переглянулись.

Алиссон пришел в себя от боли в голове. Особенно болели глаза и уши, и он даже попытался пощупать их руками, но наткнулся на гладкую поверхность шлема. Глаза удалось открыть с третьей попытки; казалось, они засыпаны песком. Но, и открыв их, палеонтолог не сразу понял, где находится: свет был слишком ярок и подвижен, из-за чего пейзаж перед глазами казался зыбким, как отражение в воде. Впрочем, он и потом казался зыбким, обманчивым, текучим и одновременно твердым. Живой металл — пришло на ум сравнение. Сила тяжести в этом мире была чуть меньше земной, порождая удивительное чувство легкости, и благодаря этому чувству остальные негативные ощущения переживались легче.

Они все еще находились на спине Тихони, лежали в одной из выемок «седла», накрытого прежним прозрачным пузырем. Кто их опять посадил туда, осталось за кадром. Но не сам Тихоня, конечно.

Норман принюхался — дышать было трудно, кислорода под колпаком оставалось все меньше — и, сняв шлем, все-таки потрогал уши. К его удивлению, они не выросли в размерах и не были поранены, хотя болели так, будто их смяли в блин. Снова надев шлем, он начал осматриваться.

Тихоня брел по сказочной, сверкающей полированным золотом, серебром и другими металлами почве долины, заросшей таким же сказочным металлическим лесом. Хотя форма «деревьев» вовсе не напоминала земные аналои — кристаллы всех модификаций, плавно переходящие друг в друга,— все же это был настоящий лес. Живой лес! Потому что «деревья» шевелились, перетекая из формы в форму, меняли цвет и плотность и дышали, оставаясь в то же время ощутимо твердыми, металлическими, чешуйчатыми, как шкура супер-завра. И Алиссон внезапно понял, что Тихоня на этот раз в самом деле привез их в свой родной мир, где жили его сородичи.

Но и этот мир не был гостеприимным для людей. Здесь так же царила страшная жара, а пленка защитного пузыря, не пропуская макротела и воздух, почти свободно пропускала излучения, в том числе и тепловое.

— Ну ты и здоров, док! — раздался сзади голос Кемпера.— Умудряешься все время подняться раньше меня. Черт! До чего же душно! И уши болят... Где мы?

Алиссон, дыша, как рыба на суше, только повел плечом. Летчик подошел к нему, оглядел плывущий мимо ландшафт, хмыкнул и полез за флягой. Но та была пуста: виски кончилось еще на бесконечной равнине «конюшни».

Небо над головой было цвета меди и такое же твердое, как и все вокруг, но если задержать на нем взгляд, начинало казаться, что оно покрыто тонкой серебристой паутинкой трещин и вот-вот осыпляется, как слой пепла, стоит стукнуть по нему палкой.

Тихоня повернул и полез напрямик через лес, сворачивая де-

ревья, которые спустя минуту после прохождения суперзавра полностью восстанавливали свою форму и продолжали «течь стоя», как ни в чем не бывало. Еще через несколько минут этой плавной рыси («Километров семьдесят в час»,— прикинул Кемпер) они выдрались на край ровного, будто проделанного ножом, обрыва. Лес под обрывом высотой в полкилометра не заканчивался, но этот лес был уже почти пламенем, золотистым, жидким расплывом, более текучим, чем вверху на равнине, и все же не терявшим форму. И температура в этом лесу держалась никак не меньше двух-трех тысяч градусов! А между исполинскими деревьями самых немыслимых очертаний, высота которых достигала трех-четырех сотен метров, бродили суперзавры, молодые и старые, то сходясь в группы, то расходясь в немыслимом танце. Тихоня, как завороженный, уставился на эту картину; а люди вынуждены были отступить ближе к хвосту дракона, прячась за крутой стенкой «седла» от излучения.

— Если он туда прыгнет,— мрачно заметил Кемпер, обливаясь потом,— мы сваримся в собственном соку. Это его родина, и думать не надо, однако нам тут делать нечего. Ну и влипли мы с тобой!

— Он нас не слышит...— прохрипел палеонтолог.

— Кто? Господь, что ли?

— Тихоня. Я пытаюсь мысленно заговорить с ним, но, наверное, надо подойти ближе к антенне-воротнику.

— Не сходи с ума! Изжаришься!

— Так или иначе надо что-то делать, долго в этом пекле мы не продержимся.— Алиссон отвел руку летчика и решительно двинулся к шее суперзавра, пока не уперся в податливо-упругую пленку защитного колпака. Тогда он раскинул руки, кожей всего тела чувствуя пульсацию огня, закрыл глаза и сосредоточился на одном видении: он стоит на берегу земного моря по колено в воде, смотрит в голубое небо с облаками и ощущает ласковый прохладный ветерок на лице...

Сомлел он незаметно, и Кемпер тут же оттащил его в «тень» седла, где было не так жарко. Летчик спрыснул его лицо водой из второй фляги Н[illegible] и вдруг завопил, что было силы:

— Вези нас домой, слышишь, урод? А то морду набью!

Если бы Алиссон услышал своего друга, он бы рассмеялся. Но в сознание он пришел уже на Земле...

Киллер только что выпроводил делегацию ученых во главе с Хойлом и был мрачен и зол. Ученые объявили ультиматум: или они наравне с армейскими специалистами участвуют в исследовательских работах и контакте с биурсом, или о том, что творится на полигоне узнают журналисты и эксперты ООН. Имей он козыри на руках, адмирал только посмеялся бы в ответ на подобные угрозы, однако

ситуация с биурсом зашла в тупик: разрешить проблему не смогли ни армейские чины, ни политики, ни военспецы.

Биурс не понимал, что от него хотят, а может быть, не хотел понимать, ибо разговаривали с ним на уровне требований, с позиций силы, ультимативно, подкрепляя свои намерения оглушающими ударами нервно-паралитического газа, как только двутелый пленник начинал вести себя «не так».

У гражданских специалистов даже была разработана версия по этому поводу, сводившаяся к тому, что сознание биурса плывет от непрерывных газовых инъекций, именно поэтому он никак не может сообразить, где находится и чего от него хотят. Киллер сначала презрительно обозвал гипотезу «поисками дураков среди руководства», но потом призадумался: идея могла оказаться близкой к истине. Но он помнил и другое: очнувшийся после транспортировки биурс полез на стену, перегородившую ущелье, а когда испугавшийся командир ракетной установки, охранявшей стену со стороны западной части плато, выпустил в него четыре НУРС, ответил жутким ударом неведомой энергии, превратившей часть стены, скалы на краю и каменистую осыпь, в пузырчатый прозрачно-стеклистый монолит, напоминавший гигантский кочан капусты с дырой в центре, на месте кочерыжки. К счастью, разряд миновал ракетную установку с операторами, хотя стоявший рядом тягач превратился в одну из чешуй-листьев «кочана». Наверное, бирус все еще не восстановил зрение после того, как в глаза его попали осколки ракет второго залпа, и видел плохо. После этого инцидента ракетную технику подальше и спрятали за скалами, надеясь, что инопланетная тварь не сможет самостоятельно вылезти из западни.

— Тупик,— вздохнул Киллер, не заметив, что заговорил вслух.

— Вряд ли вы их удержите, адмирал,— отозвался Мэтью Сьюард, имея в виду ученых.— Следует, наверное, признать их требования справедливыми.

— Черта с два! — Киллер хотел добавить еще что-то резкое, но внезапно сник.— Я зря понадеялся на этих олухов из лабораторий и В-центров. Они могут только испытывать свои арсеналы и разрабатывать средства уничтожения себе подобных. На контакт с инопланетянами у них мозгов не хватает.

— Именно поэтому и привлеките кое-кого из лагеря исследователей, того же Хойла, Тиммери, Барбера, Романецкого. У них наверняка найдутся нетривиальные идеи. Если вы этого не сделаете...

Киллер внимательно посмотрел на помощника президента.

— То это сделаете вы, не так ли? Недаром о вас ходит слава, что вы всегда вовремя... умываете руки. Впрочем, в моих устах это похвала, мистер Сьюард. Я подумаю.

— Сэр! — крикнул вдруг оператор с наушниками из-за прозрачной перегородки.— Наблюдатели сообщают, что в двадцати милях

отсюда появился еще один суперзавр. С двумя людьми в «седле». Похоже, это Равана...

Алиссона и Кемпера уложили в стерильном боксе передвижного армейского госпиталя.

Им повезло, что «скакуном» их был Тихоня-Равана со смирным и терпеливым характером, а не вспыльчивый Индра-Стрелок. Защитный пузырь над «седлом» исчез сразу же после «посадки» дракона на Земле, но люди были не в состоянии самостоятельно слезть с панспермита — они лежали в беспамятстве. Снять Алиссона и Кемпера удалось через час, со второй попытки: дракон словно понимал, что нужно винтокрылым машинам с красным крестом на фюзеляже, и остановился, внимательно наблюдая за действиями вертолетчиков.

Первый вертолет, зависший было над «седлом», шарахнулся в сторону от движения дракона, повернувшего к нему голову, зацепил винтом ажурный воротник на его шее и едва не разбился, с трудом дотянув до базы. Второму удалось забрать лежащих без движения путешественников и благополучно сесть возле госпиталя.

Палеонтолога и летчика раздели, обтерли влажными тампонами, привели в чувство и вкололи кучу укрепляющих и тонизирующих препаратов. После этого путешественники поели, выпили по литру специального коктейля и уснули, измученные и счастливые, послав к черту сгорающих от любопытства представителей командования. Разговаривать они были не в силах.

Проснулись через двенадцать часов, снова поели, отметив «воскрешение» звоном стаканов с коктейлем; оба с внутренней дрожью вспомнили пекло на родине суперзавров. После этого настал черед переговоров. Когда они закончились, обе стороны — Киллер и его компания и Алиссон с Кемпером — были одинаково потрясены новостями. Однако, в отличие от Киллера, бывшие «кавалеристы» испытали и отрицательные эмоции, узнав о судьбе биурса-ксенурса. Поразмыслив, Алиссон справедливо отметил, что название биурс подходит двутелому чудищу больше, нежели ксенурс, и решил впредь называть его, как все в лагере.

— Ну и положение! — присвистнул Кемпер, когда они наконец остались в боксе одни.

Алиссон, наслаждавшийся прохладой и чистотой постели, был поражен случившимся не меньше друга и в ответ лишь покачал головой. Тупость военных действовала на него угнетающе.

Через несколько минут в бокс заявились друзья и коллеги путешественников: Хойл, Тиммери, Кеннет, Романецкий, летчики и исследователи, всего душ пятнадцать. Протесты армейского врача и охранника они проигнорировали. Пришлось повторять историю

путешествия и гостям, на что ушло в два раза больше времени, чем на тот же рассказ компании Киллера: во-первых, рассказчики не чувствовали скованности, во-вторых, Кемпер начал вспоминать подробности и не без юмора комментировать рассказ Алиссона.

Гости слушали жадно, а когда рассказ закончился, сидели некоторое время молча, переваривая услышанное. Первым заговорил Хойл; глаза маленького физика горели:

— Доктор Алиссон...

— Можно просто Норман,— великодушно разрешил палеонтолог.

— Э-э... Норман. Вы, по-моему, величайший из авантюристов, каких я только знаю! Не обижайтесь, это похвала. Лично я не решился бы на такое путешествие. Вы не смогли сориентироваться, куда вас заносило? Была ли это Солнечная система или вы побывали на планетах других звезд?

— Мне трудно говорить на эту тему, я не специалист,— осторожно проговорил Алиссон,— но мне кажется, ни один из миров, куда переносил нас панспермит, не является планетой Солнечной системы. В большой степени — из-за температуры воздуха, в меньшей — из-за несоответствия дневных светил Солнцу. Так, третий и четвертый переносы вообще были осуществлены явно в иные системы — небо там украшали близкое шаровое звездное скопление и кольцо плериона [1]. У меня сложилось впечатление, что дракон шел привычным маршрутом по цепочке миров.

— Как трамвай,— серьезно вставил Кемпер.

— И каждый мир вполне мог быть его родиной. А может быть, все они представляют «технологическую» цепочку родного дома.

Тиммери неодобрительно покачал головой.

— И после всех этих передряг вы еще способны шутить? А если бы вы погибли или не вернулись, что, по сути, одно и то же?

— Ну не плакать же! Все закончилось нормально.

— Шаровые скопления — наиболее старые образования в галактике,— пробормотал Хойл.— Я хочу сказать, что цивилизация этих биурсов — или всех трех симбионтов? — возможно, старше нашей. Значит, биурс — наездник, панспермит — всадник, а кобро-богомол — скакун? Три составляющих одной разумной личности?

— По-видимому, так,— согласился Алиссон.— Биурс может играть роль «головы», управляющего центра. Одно его тело управляет драконом, а второе — кобро-богомолом.

— Браво! Мысль отменная! Жаль только, что недоказуемая.

— Почему? Косвенно это уже доказано.

Хойл вздернул брови.

— Чем же?

---

[1] Плерион — остаток сверхновой звезды.

— Биурс не идет на контакт не потому, что не хочет, а потому, что не может, не являясь полноценным организмом без своих составляющих.

Физик задумался.

— Это спорно. Ведь понимал же вас панспермит, всадник, так сказать, не обладавший высоким интеллектом.

— Знать бы точно, кто из них умнее,— философски заметил Кеннет.— А вообще, спор на эту тему бесполезен.

— А почему вы решили, что путешествие происходило по нашей галактике, Стив? — осведомился Тиммери, такой же седогривый и длиннолицый, как адмирал Киллер, но не столько спесивый и надменный.— Наши парни могли побывать и в других галактиках, и вообще в других вселенных. Во всяком случае, эти монстры настолько далеки по своим параметрам от нас...

— В данном случае это не столь важно, хотя, конечно, по внешнему виду действительно трудно поверить в наличие у драконов разума.

— Добавьте — подобного человеческому. Доктор Алиссон, ведь вы не заметили промышленной инфраструктуры ни на одной из планет?

— Кроме, пожалуй, мира двух плоскостей,— подумав, ответил Норман.— Если только гигантские ячеи- «стойла» можно назвать «промышленной инфраструктурой».

— Едва ли. И тем не менее отсутствие технологического пейзажа не говорит об отсутствии у обитателей миров разума. У вас чисто антропоцентристский подход к проблеме.

Хойл хотел возразить, но его перебил Кеннет:

— Ах, господа, не затевайте схоластических споров, есть вопросы поважней и поинтересней.

Физик не обиделся, тут же переключив тему разговора.

— Меня интересуют ваши ощущения, док... э-э, Норман, во время «подпространственных» переходов. То обстоятельство, что драконы владеют секретом преобразования топологических свойств пространства, не нуждается в комментариях, наша физика уже подошла к теоретическим разработкам многосвязных пространств, «суперструнных» узлов и топологических дыр, но я не понимаю, почему вы уцелели!

— То есть? — удивился Кемпер.

— Вы могли путешествовать по космосу со скоростью света только в виде волновых пакетов, а человеческое тело вряд ли способно вынести преобразования подобного типа.

— Факты — упрямая вещь, дружище,— пророкотал Тимме-

---

[1] Квиетизм — пассивно-созерцательное отношение к добру и злу, как проявлениям воли Бога.

ри.— Я не понимаю, вы хотите простейших объяснений их полетам, но никто не в состоянии вам их дать. В том числе и доктор Алиссон. Например, я как биолог и криптозоолог всю жизнь ищу объяснения цепочки причинных связей, приведших к зарождению жизни на Земле, но так и не нашел.

— Господа, господа,— запротестовал Кеннент.— мы снова отклоняемся от темы. Норман, мы как-то с тобой говорили об эволюции драконов, помнишь? Поскольку цель эволюции — ослабление зависимости от среды...

Алиссон остановил его жестом.

— Я имел в виду программное обеспечение разума в приложении к панспермитам. Но это же...— палеонтолог пошевелил пальцами,— только мои фантазии.

— О чем речь? — осведомился Тиммери.

Алиссон подал плечами, нерешительно глянув на поскучневшего Кемпера.

— Мы говорили об эволюции таких существ как суперзавры. На Земле генетический код утвердился в результате жесточайшей конкуренции и естественного отбора. Живые существа, наделенные другими способами кодирования наследственной информации, не выдержали конкуренции и вымерли. Но панспермиты — пример совершенно иного способа кодирования...

— На уровне лептонного поля,— добавил Кеннет.— И совершенно неадекватная в человеческом понятии реакция вируса на наши действия, его неспособность злиться и мстить только подтверждают это.

— Господи, как скучен разговор яйцеголовых! — вздохнул Кемпер.

— Ну, не говорите. — живо возразил Хойл. — В наших разговорах и спорах жизнь танцует и смеется. Хотя, может быть, в данном случае им не место и не время. Мы еще поговорим... э-э Норман на эту тему. Я заинтригован и поражен.

— Я тоже,— добавил Тиммери.

Разговор разбился на несколько струй — у Алиссона образовалась своя группа слушателей и оппонентов, у Кемпера своя — и в конце концов иссяк. Хозяева устали.

Когда все наконец ушли, Кемпер с огромным удовольствием выдул две банки кока-колы и с облегчением откинулся на кожаные подушки.

— Уфф! Горло пересохло! Еще раз убеждаюсь в одной истине, которую я вывел самостоятельно: если женщина была второй ошибкой бога, то ученый — третьей.

Алиссон засмеялся, откупоривая банку: горло пересохло и у него, и в этот момент в бокс вернулся Хойл. Плотно закрыл дверь и посмотрел на удивленно замерших друзей.

— Вот что, рисконавты. У вас не возникло желания помочь пленному?

— К-кому? — не понял палеонтолог.

— Биурсу,— спокойно произнес коротышка.— Я не сторонник квиетизма [1] и не люблю быть просто созерцателем творящейся на моих глазах гнусности.

Кемпер и Алиссон переглянулись.

— Это мне подходит,— признался наконец летчик после минутного молчания.— Как, доктор?

Норман подставил ладонь, и Кемпер хлопнул по ней рукой.

Так как официальное командование экспедицией, полностью перешедшее в подчинение адмирала Киллера, отказалось освободить биурса, Хойл решил действовать на свой страх и риск. Он понимал, что шансов у него мало, но и пассивно наблюдать за ходом «контакта» не хотел. Пример действий Алиссона заразил физика и позволил сбросить груз немалого количества лет.

Поделившись идеей освобождения с палеонтологом и летчиком, сумевшим вернуться буквально с того света, Хойл организовал из своих сторонников «группу риска», набрав двенадцать человек. В нее вошли не только молодые ученые, ученики и последователи физика, но и друзья Кемпера и Алиссона, и даже двое офицеров — связи и охраны, которых порекомендовал Кеннет.

Из анализа ситуации было известно, что ночью биурс не делал попыток выбраться из ущелья, поэтому в данное время суток его и не бомбардировали газовыми снарядами, хотя и вели наблюдение. Исходя из этого, одним из самых сложных пунктов в плане операции, разработанной Хойлом и Алиссоном, было лишить военных зрения. За биурсом вели наблюдение восемь телекамер и два радарных поста, не считая вертолетчиков с биноклями и спутников, и все эти средства, кроме спутников, надо было обезвредить.

С летчиками договориться предложил Кемпер, он знал их почти всех и брался подобрать парней в нужную смену.

Идея обмануть телекамеры принадлежала офицеру связи. Так как управление камерами осуществлялось из одного центра, с монитора в штабе Киллера, оператор предложил записать поведение биурса ночью, а в момент операции отключить телекамеры и пустить запись на экраны.

Сложнее дело обстояло с радарными постами. Один из них можно было попытаться вывести из строя, но поломка обоих сразу вызвала бы подозрения или замену установок. Поэтому решили в нужную ночь просто связать операторов поста, если они не согласятся участвовать в освобождении добровольно. Эту часть операции вызвались реализовать Кемпер и капитан охраны Фосс.

---

[1] Пассивно-созерцательное отношение к добру и злу.

Но самой трудновыполнимой деталью операции оставалось собственно освобождение биурса. В этой части плана мнения разделились. Хойл советовал просто взорвать перегородку из скальных обломков, ближайшую к плато, надеясь, что дальше биурс выберется сам. Алиссон же предлагал привести к ущелью суперзавра и лишь потом взрывать перегородку.

Физик умел думать быстро и принял предложение Нормана, хотя и с некоторыми уточнениями. Идея была отличная, и он хорошо понимал это.

— Коль скоро удастся привести панспермита,— сказал он,— перегородку взрывать, может быть, и не придется. Но успеет ли панспермит достичь ущелья раньше, чем фанатичный Киллер накроет биурса газовым облаком? Если двутелый уснет, поход дракона окажется бесполезным.

— В таком случае надо сделать так, чтобы команда на атаку ракетным комплексом не прошла,— меланхолически заметил Кемпер.— Дружище,— обратился он к лейтенанту связи,— управление у вас проходит по кабелю или нет?

— Конечно, нет, по рациям.

— Вот и сделайте что-нибудь, чтобы Киллера никто не услышал.

— Попробую,— кивнул связист.

— Прекрасно! — Хойл нервно потер ладнью о ладонь, повернулся к Алиссону.— Итак, мой друг, вам снова достается самое интересное задание — оседлать дракона. Если больше не хотите рисковать, пойду я.

Алиссон с улыбкой качнул головой.

— Тихоня слушается только меня.

— Что ж, cum deo [1]!

Палеонтолог отправился к суперзаврам, все еще ничего не подозревающим, вспахавшим местность вокруг шатра с яйцами в радиусе двух километров, в десять часов вечера. Его сопровождал Кеннет, да и то лишь на самом начальном этапе пути. Идти вместе к цели не имело смысла.

Попрощались в трех километрах от лагеря, после чего Кеннет залез на скалу, чтобы понаблюдать за Алиссоном в бинокль и в случае чего успеть вызвать подмогу, а Норман отправился дальше. Ему предстояло пройти еще около восьми километров пересеченной местности. Маршрут был выбран таким, чтобы его нельзя было увидеть из лагеря ни визуальным наблюдателям, ни операторам радаров.

Дважды приходилось прятаться от вертолетов, хотя вряд ли

---

[1] С Богом! *(лат.)*.

летчики могли увидеть его в хаосе скал в кромешной тьме. Он и сам почти ничего не видел, несмотря на инфраоптику шлема, и ориентировался лишь по звездам, зная направление. Ночь наступила на удивление звездная и холодная, и отопление костюма работало во всю мощь, пока Алиссон не разогрелся от ходьбы и не уменьшил обогрев.

К двенадцати часам он уже вплотную подошел к лагерю суперзавров, видимых в приборе ночного видения оранжево-стеклянными тушами; температура их тел чуть ли не на полсотни градусов превышала температуру скал и воздуха. Тихоня лежал, прижавшись брюхом к песчаному бархану и вытянув вперед по камням длинную шею. Второй панспермит, «скакун» биурса, бродил в километре отсюда, поглядывая на шатер с яйцами. Изредка он вздрагивал и топорщил кристалло-чешуйчатую кожу, поднимая тонкий хрустально-металлический перезвон.

Тихоня-Равана почуял, а может, заметил человека, когда тот приблизился на расстояние в сто метров. Вздернув голову, пристально вгляделся в фигуру в герметичном костюме, использовав и два боковых глаза-радара, затем спокойно опустил голову на место. По коже спины его конвульсивно пробежала волна, подняв звон. В ответ донесся тихий перезвон второго суперзавра.

— Узнал,— пробормотал Алиссон с облегчением и странной нежностью.— Узнал, бродяга!

Подойдя вплотную к морде Тихони, он легонько похлопал его по правой скуле, потрогал рог и четко и ясно представил, что лезет к нему на спину. Спустя мгновение пришел ответ. Алиссона словно окунули в расплав металла, тут же выдернули, и он увидел слегка искаженную картину всадника и коня: всадником был он — размером с биурса, а конем — суперзавр.

Алиссон снова похлопал Тихоню по морде, возвышавшейся над ним, как гранено-пупырчатый утес, и включил липучки. Через две минуты он залез на голову супердракона, а еще через минуту слезал с шеи на поверхность «седла». Предстояло самое трудное: заставить панспермита идти в нужном направлении и не улететь с ним в космос.

Пискнул наушник рации:

— Норман, как дела?

— Нормально, собираюсь с духом. Очень не хочется путешествовать по дальним мирам одному.

— Видели, как он вас принял. Надеюсь, все будет хорошо. Мы начинаем свою часть операции. В лагере пока все тихо.

— Подождите, пока я не заставлю его идти. Надо, чтобы он понял и не поднял панику. Перехватчикам, чтобы взлететь и домчаться досюда, понадобится всего семь-восемь минут.

— Удачи вам!

Алиссон посидел еще немного, успокаиваясь, собирая волю в кулак, и заставил себя не отвлекаться.

Связист сделал все, что обещал, и операторы войскового телемонитора ничего не заподозрили: два экрана исправно показывали неподвижно сидящего в ущелье биурса и смирно лежащих в другом районе суперзавров. Видеопленка была закольцована, и картина повторялась каждые три часа, но едва ли кто-нибудь из операторов смог бы это обнаружить.

Ни один из радаров вывести из строя не удалось, зато удалось напоить дежурных локаторщиков одной из установок, и к полуночи оба техника уже спали. Со вторым постом этот трюк не прошел, пришлось применить ум и силу, чтобы и последний дежурный радар не видел маневра суперзавров и людей.

Охранялся пост отделением десантников в черной форме: шесть человек по периметру, в сотне метров от машин с оборудованием, антенной и генератором, и двое возле антенны — капрал и ефрейтор. Группа небольших скал и камней удачно скрывала машину с экранами от большинства охранников, и шанс без шума обезвредить двоих у антенны увеличивался. Но на беду командовал отделением тот самый капрал Бенджамин Фримен, которого месяц назад Кемпер двинул по челюсти его же автоматом, а такое забывается не скоро.

Вместе с капитаном по фамилии Фосс, командиром охраны лагеря, Кемпер, переодетый в черный костюм десантника, добрался до радарного поста на вертолете.

Территория поста была освещена прожекторами, от машин протянулись, сливаясь с ночной темнотой, длинные тени. Татакание движка генератора разносилось в ночи далеко и скрадывало шаги.

Возле машины с антенной их остановили.

— Момент!

Из тени выдвинулись две фигуры, одна высокая, другая пониже, но широкая, как шкаф. Кемпер вгляделся и обомлел: это был капрал Фримен, жаждущий поквитаться с летчиком в иных обстоятельствах.

— Допуск?

— «АА»,— сказал Фосс, доставая бэдж из кармашка на груди.

Капрал внимательно осмотрел квадратик пластика с фотографией в пленке, вернул, козырнув, кивнул на Кемпера:

— А у него?

— Он со мной.

Охранник, помедлив, перекинул автомат из подмышки за плечо, глянул на летчика, и вдруг глаза его сузились.

— Гм... а мы не встречались, парень? По-моему, я тебя...—

Капрал вспомнил.— Ага, вот и встретились, сукин сын! Летчик, кажется? А в нашей форме. Снова хочется поиграть в свои игры? Не получится, приятель, это говорю тебя я, Бенджамин Фримен. Капитан, вы-то как оказались в его компании? Руки за голову!

Капрал сунул в рот свисток, и в то же мгновение Кемпер точно и сильно ударил его в подбородок. Фримен едва не проглотил свисток, подавился, схватившись за горло, и Кемпер ударил еще раз. Упал капрал с таким грохотом, что, казалось, эхо разбудит весь полигон. Но все было тихо, если не считать равномерного рокота генератора. Внешняя охрана пялилась в темноту, а не на освещенные будки поста.

Кемпер спохватился, вспомнив о втором охраннике, и обнаружил его лежащим в двух шагах. Глянул на Фосса.

— Хорошо дерешься,— буркнул капитан, пряча газовый пистолет.— Берись, перетащим в тень. Откуда он тебя знает?

— Он слишком много говорит,— вместо ответа сказал Кемпер, рассматривая сбитые в кровь костяшки пальцев.— И, по-моему, у него бетонная челюсть. Добавьте и ему порцию газа.

Ежесекундно ожидая окрика, они перетащили тела в тень, и вошли в кабину управления. Три оператора в немом изумлении воззрились на них.

— Проверка режима,— лязгнул Фосс, показывая издали свой допуск «АА» с золотым обрезом.— С каким интервалом вы выходите на связь со штабом?

— Два часа,— дернулся ефрейтор с наушниками на голове.

— Когда следующий доклад?

— Через... десять минут.

— Докладывайте.

— Но...

— У меня еще много дел, в том числе технический контроль. Связь, быстро! Все нормально?

Ефрейтор молча повиновался.

— Вот и хорошо, ребята,— сухо улыбнулся капитан, когда короткий, в пять слов, доклад был передан оператору штаба Киллера.— А теперь поспите пару часов.

Дежурные не успели ни испугаться, ни сообразить, в чем дело: Фосс стрелял из газового пистолета быстро и точно.

К вертолету добрались без помех и через десять минут были в лагере. Кемпер с благодарностью пожал руку Фосса, после чего капитан отбыл в свое подразделение.

С летчиками договориться было легче. С двенадцати до двух ночи в барражировании над районом Коннорс-Рив участвовал экипаж майора Бэрринджера, который только с виду был солдафоном, недалеким и косноязычным, на самом же деле майор славился отзывчивостью и юмором, и подчиненных уважал. Кемпера он понял.

— Не надо меня долго агитировать, сынок,— заявил он, залезая в кабину своего двухвинтового «Кейюса».— У меня сын — специалист по изучению УФО, и я кое-что смыслю в пришельцах, винт им в глотку! Мне давно хотелось насолить этому выскочке Киллеру, вот и представился случай. Помоги тебе Господь, сынок!

Без четверти двенадцать Кемпер в сопровождении Хойла и Кеннета, одетых в «силзы», как и он сам, двинулись на вездеходе охраны к ущелью Коннорс-Рив. Они уже знали, что Алиссон добрался до суперзавров благополучно и ухитрился-таки заставить Тихоню идти в нужном направлении.

Ему удалось это с третьей попытки.

Сначала Алиссон решил просто представить плато с горным кряжем Коннорс-Пик и прорезающее горный массив ущелье Коннорс-Рив, помня, что в прошлые разы суперзавр реагировал на такие внушения тем, что перемещался в нужное место. Однако Тихоня не понял: Алиссон вновь пережил ощущения жаркого удушья, падения в глубокую пропасть, вытягивая из шеи — ощущения, сопутствующие мгновенному перемещению в пространстве, и... очнулся там же, в пустыне, ночью! Вероятно, Тихоня не нашел в своей памяти место, соответствующее представлениям Алиссона, и вернулся обратно, не выходя из подпространства в космос.

Норман осознал, что произошло, и испугался. До спазма в желудке! Он вдруг представил, что скользит с Тихоней по цепочке миров и возвращается двое суток спустя... Уфф! Полный провал!..

Алиссон включил охлаждение комбинезона, пока не высох пот на лбу и под мышками. Подумал: не переоценил ли я свои силы? Что теперь? О чему думать? Что представлять?..

Посидев пару минут, он снова собрался с духом и попытался представить биурса, лежащего неподвижно на дне ущелья, и снова Тихоня его не понял, хотя и не стал прыгать в космос. Суперзавр только повернул голову к человеку, и вид у него был потерянный и сомневающийся. Впрочем, Алиссону просто хотелось верить, что это так. И тут его осенило.

Даже не проанализировав идею, он представил ноги суперзавра и заставил их двигаться. И Тихоня наконец сообразил, что от него требуется. Помедлив, он оторвал брюхо от скал, сделал шаг, оглянулся на всадника. Алиссон с чувством стукнул дракона по пластинам шеи и еще раз вызвал в памяти образ ползущего суперзавра. Тихоня с грохотом двинулся вперед.

Первое время он шел в сторону от Коннорс-Рив, но Алиссон дважды останавливал его — делал это он все смелей и смелей,— корректируя направление, и наконец они поползли точно к ущелью, озаряемые только светом звезд.

Прожекторы лагеря включились только раз — наблюдатели услышали тяжелую поступь суперзавра,— но пошарив по скалам, погасли. Управлял ими военный техник, входивший в «группу риска», и поднимать тревогу он, естественно, не стал.

Десять километров до ущелья дракон прошагал за десять минут, а у входа в каньон его уже ждали Кемпер, Хойл и Кеннет. Алиссон приказал Тихоне пересадить их в «седло», обнялся с летчиком.

— Все в порядке?

— Стоило сомневаться. Знаешь, кого я встретил? — Кемпер засмеялся.— Того ублюдка, который не пускал нас к Джайлсу. Помнишь? Этот пес войны снова оказался на пути, хотел...

— Потом будете делиться впечатлениями,— перебил летчика Кеннет.— Самое трудное впереди. Двигаем к биурсу, пока нас не накрыли ракетным залпом.

Тихоня снова зашагал вперед с грацией шестиногого бегемота, увеличенного в пятьдесят раз.

Тревога в лагере началась, когда суперзавр с погонщиками преодолел плотину из обломков скал, перегородившую ущелье, и заглянул в каменный мешок, на дне которого сидел на корточках биурс.

Пружина ситуации сжалась до предела.

Джайлс вернулся из штаба в свою палатку злой и возбужденный. Разговор с помощником президента не получился, «кусок мыла» не перечил сенатору, но и не соглашался с его точкой зрения, снова пообещав поговорить с президентом. Вряд ли стоило взывать к гуманизму и человечности этого чиновника, добившегося власти благодаря невероятно гибкому уму и умению вовремя поддержать нужную кандидатуру.

— Скользкая тварь! — сквозь зубы произнес Джайлс, бросая куртку на походную постель, гаркнул.— Сэм!

В палатку вошел адъютант, он же личный охранник сенатора, Сэмлюэль Старджон.

— Подъем в шесть утра, завтра убываем в Тонопу.

— К вам гость, сэр. Пригласить?

— Кому там не спится? Уже полдвенадцатого ночи!

— Говорит, у него важное сообщение. Назвался зоологом, доктором наук Зальцманом.

Джайлс плюхнулся в кресло, едва не сломав его.

— Стакан глинтвейна, тосты... зови, черт с ним!

В палатку робко протиснулся громадный мужчина, не то чтобы толстый, но пухлый, с какой-то болезненной рыхлостью. Желеобразный, пришло на ум сравнение. Квадратное, с отвисшими щеками, такое же рыхлое, как и тело, бледное лицо окаймляли бакенбарды и редкая бородка. Но глаза зоолога блестели остро и хитро.

Опасный парень, подумал Джайлс.

— Слушаю,— сказал он, удовлетворившись осмотром, отхлебнул горячего напитка. Сесть посетителю не предложил.

— У меня есть сведения конфиденциального характера,— заговорил Зальцман неожиданно тонким голосом.— Но хотелось бы иметь гарантии...

— Короче. Все, что вы скажете, останется здесь.

— Я вам верю. («Зато я тебе — нет»,— подумал сенатор.) Дело в том, что в лагере заговор. Некоторые мои коллеги решили освободить этого двутелого монстра...

— Что?! — Джайлс поперхнулся, изумленно уставившись на зоолога.— Что за чушь вы несете?!

— Это не чушь. Хойл, Романецкий, Кеннет... всех я не знаю, уже исчезли из лагеря, и я точно знаю, что они пошли к биурсу.

— Безумие! — Джайлс залпом допил глинтвейн, швырнул стакан в угол.— Ну, а вы почему не с ними?

Рыхлый Зальцман дернул щекой, набычился.

— А-а, не взяли? — понял сенатор.— Понятно. Я бы тоже не взял. Вы уже сообщили кому-нибудь об этом?

— Нет, но если вы не примете срочные меры...

— Понятно. — Джайлс встал.— Приму.

Точным ударом кулака в подбородок он послал гостя на пол. Задумчиво сказал примчавшемуся на шум адъютанту:

— Ему стало плохо. Сделай укол успокаивающего, пусть полежит здесь, поспит. Я в штаб.

Накинув куртку, Джайлс вышел в ночь. Но у Киллера, видимо, были свои информаторы, и он включил тревогу, когда задыхающийся от бега сенатор подбегал к штабному БТР, придумав, как съесть адмирала, если он не спит. Втиснувшись в машину, сенатор стал свидетелем беспрецедентной ситуации: одна группа людей, рискуя жизнью, пыталась вызволить из западни чужое разумное существо, а вторая группа пыталась им помешать, готовая уничтожить и пришельца, и его добровольных помощников.

— Вы с ума сошли! — прохрипел Джайлс, услышав последние слова адмирала: Киллер советовался с командиром эскадрильи перехватчиков, чем лучше обстрелять ущелье Копиорс-Рив.

— У меня нет другого выхода,— оглянулся на него полный холодной ярости Киллер.— Эти ваши мягкотелые «яйцеголовые» друзья сами подписали себе приговор. И решаю здесь я!

— И вы посмеете... стрелять?! Там же люди! Четверо ученых...

По губам Киллера скользнула пренебрежительная улыбка.

— Сенатор, есть цели, оправдывающие любые средства. В данном случае это могущество страны. Не мешайте.— Киллер отвернулся, беря в руки микрофон рации, но приказ отдать не успел.

«Давно не дрался с таким удовольствием,— подумал Джайлс,—

лет десять, после того, как бросил спорт». Повернул Киллера к себе лицом и отправил адмирала в нокаут, как и доносчика Зальцмана перед этим. Помощник президента, генерал Рестелл, операторы у пультов и мониторов, офицеры связи и охраны, выпучив глаза, глядели на влипшее в стену кабины тело адмирала.

Сирена была слышна так, будто взвыла в сотне метров отсюда, а не в двенадцати километрах, как на самом деле. Кеннет от неожиданности чуть не свалился вниз, Кемпер едва успел удержать его.

Биурс внизу, на глубине четырехсот метров, зашевелился, неуверенно шаря вокруг себя четырьмя лапами. Правая голова его, на которой оранжево светился уцелевший горизонтальный глаз, посмотрела вверх, левая тоже запрокинула лицо, но ее глаз не светился, скрытый какой-то стеклистой массой. Очень медленно биурс выпрямился. Шкура его — или броня скафандра? — тускло засветилась.

— О, Господи! — пробормотал Хойл.— У него же глаз вытек!

— Очень похоже, но вряд ли соответствует истине,— попытался начать спор Кеннет, однако Алиссон цыкнул на них.

— Помолчите!.. Они разговаривают между собой... я чувствую. Пора сматываться.

— Пора взрывать стену, все готово.

— Не надо, для биурса и дракона это не проблема. Поэтому и надо убираться подальше.

— Но как? Мы же убьемся!

Словно в ответ Тихоня повернул к ним голову, приблизил морду к «седлу», так что Хойл и Кеннет отшатнулись. Алиссон же проворно полез на скулу суперзавра и протянул руку Кемперу.

Физик и палеонтолог неуверенно переглянулись, но окрик Кемпера заставил их последовать за летчиком. Спустя минуту они стояли на вершине каменной стены, не успев опомниться от смены впечатлений, и лишь голос Алиссона вернул их к действительности.

— Наша миссия окончена, коллеги. Давайте-ка отползем отсюда вон на ту высотку, оттуда все будет видно.

— А если Киллер сделает залп ракетами с газом?

— Не посмеет. А если и сделает, мы все равно не успеем уйти.

— В любом случае мы ничего не теряем. Кроме жизни.— Кемпер полез на скалы первым.

Они перебрались с горы камней на край плато, нависший над ущельем, устроились на плоском скальном горбу и увидели финал высвобождения всадника своим конем.

Суперзавр вдруг сиганул вниз, с обрыва, ни капли не боясь разбиться, с гулом и грохотом ударился лапами о дно ущелья, так что скалы вздрогнули, как от землетрясения. Лапы дракона увязли в каменном ложе бывшей реки почти по колено как в песок!

Биурс привычно похлопал Тихоню по крупу, с трудом залез в «седло», но уселся не так, как обычно: правая и левая половины его тела прижались по обе стороны шеи суперзавра, лапы сжали гребенчатый нарост-антенну, и оба чудовища слились в одно, так что нельзя было различить границы их тел. А затем вся гигантская стена, образованная из обломков скал, запершая биурса в западне, плавно и бесшумно взмыла в воздух. Огромные многометровые глыбы выстроились, образовав колоссальную вертикальную решетку высотой в километр и толщиной в один скальный обломок.

Тихоня вытащил из камня увязшие лапы и с грохотом двинулся прямо на решетку. Алиссон ожидал столкновения, удара и разлета камней, но суперзавр прошел сквозь преграду без единого звука, как сквозь голографический фантом, и лишь когда он оказался по ту сторону решетки, камни стали искажать форму, вытягиваться, цепляться клейкими нитями за бока и хвост дракона и так и застыли. Те же, которых он не затронул, превратились в изогнутые поверхности, напомнившие паруса морских фрегатов, и тоже застыли, соединившись с нижними глыбами, деформированными в расплавленные бороды и хвосты, в одну гигантскую, гротескную скульптурную композицию неведомого скульптора-сюрреалиста.

На выходе из ущелья биурс оторвался от шеи суперзавра, выпрямился в седле («Подзарядился!» — шепнул Хойл) и вдруг оглянулся. Он не сделал при этом ни единого жеста, подобного прощальному взмаху рукой, но у всех четверых спасателей на скале возникло ощущение вошедшего в голову Космоса! В этом ощущении не было ничего человеческого, ни одной знакомой эмоции, страсти или мысли, и оно быстро прошло, но след его остался — след безмерного разнообразия жизни и разума во Вселенной!

— Будь здоров,— проворчал расчувствовавшийся Кемпер.— Лети домой, сокол трехглазый... и прилетай к нам попозже, когда закончится калиюга.

Двутелый монстр приник к холке своего «рысака», и оба они с раскатистым грохотом помчались в пустыню.

— Пошли и мы...— Алиссон не договорил. С неба донеслось рычание, и над головами, людей промчались стремительные треугольные тени, затмевая звезды. Сделали круг, другой и унеслись в пустыню вслед за всадником.

Люди, застыв с бьющимися сердцами, забыв о том, что были свидетелями колоссальной мощи неземных существ, страстно желая им удачи, ждали выстрелов, взрывов, огненных трасс и вспышек... и молились не Богу — Человеку! Чтобы ему достало разума не стрелять, не взрывать, не сжигать, задавить в себе зло.

1988—1992 гг.

Scan Kreider

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ. Роман. 5
ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ. Повесть. 275
ВСАДНИКИ. Повесть. 433

Литературно-художественное издание

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 4

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ
Роман
ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ
Повесть
ВСАДНИКИ
Повесть

Редактор И. А. МУДРОВА
Худож. редактор А. В. ГРИШИН
Технич. редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректор Е. А. КОКОРИНА

Сдано в набор 14.12.92. Подписано в печать 07.05.93. Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 33,02. Усл. кр.-отт. 30,22. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3907. С 012.

Издательство «Флокс», 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Н. Новгород, ул. Варварская, 32.